

X6
111
- 1 -

МОСКВА-ТОКИО

Политика
и дипломатия
Кремля

1921-1931

Книга 1

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

АРХИВ ПРЕЗИДЕНТА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ИНСТИТУТ
ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

ИНСТИТУТ
РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

RUSSIAN
ACADEMY OF SCIENCES

ARCHIVE OF THE PRESIDENT
OF THE RUSSIAN FEDERATION

INSTITUTE
OF GENERAL HISTORY

INSTITUTE
OF RUSSIAN HISTORY

MOSCOW-TOKYO

Policy and Diplomacy of the Kremlin

1921–1931

A Collection of Documents

In Two Books

Editor-in-Chief
Academician G. N. SEVOST'IANOV

Book 1

1921–1925

MOSCOW NAUKA 2007

1921

МОСКВА – ТОКИО

х

Политика и дипломатия Кремля 1921–1931

Сборник документов

В двух книгах

Ответственный редактор
академик Г. Н. СЕВОСТЬЯНОВ

Книга 1

1921–1925

МОСКВА НАУКА 2007

УДК 95(47)
ББК 63.3(2)61
М82

ГПИБ России

338675

41

-08

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 06-01-03009д*

Редакционная коллегия:

А.В. Коротков, В.С. Мясников, А.С. Степанов, В.Н. Якушев

Составители:

*Л.П. Киевская, И.А. Кондакова, Е.Н. Макаренко, С.А. Мельчин,
Г.П. Мещеряков, В.П. Сафронов (ответственный составитель),
В.М. Хевролина, А.Д. Чернев*

Рецензенты:

*доктор исторических наук Г.В. Мелихов,
доктор исторических наук О.А. Ржешевский*

ISBN 978-5-02-035557-6
ISBN 978-5-02-035558-3 (кн. 1)

© Институт всеобщей истории РАН,
Институт российской истории РАН, 2007
© Севостьянов Г.Н., предисловие, 2007
© Киевская Л.П., Кондакова И.А., Мака-
ренко Е.Н., Мельчин С.А., Мещеря-
ков Г.П., Сафронов В.П., Хевролина В.М.,
Чернев А.Д., составление, 2007
© Редакционно-издательское оформление.
Издательство “Наука”, 2007

Предисловие

Предлагаемое читателям издание представляет собой собрание документов из Архива Президента Российской Федерации (АПРФ), посвященное политике высшего советского руководства в отношении Японии периода 1920-х – самого начала 1930-х годов. Крайними хронологическими точками являются январь 1921 г. и середина сентября 1931 г. Первая дата характеризуется тем, что в это время в связи с окончанием Гражданской войны и иностранной военной интервенции на основной территории России главное внимание большевистского правительства переключилось на Дальний Восток, где советская власть отсутствовала, существовала буферная буржуазно-демократическая Дальневосточная Республика и, главное, уже несколько лет продолжалась японская военная оккупация Приморья и Северного Сахалина. Необходимо было в первую очередь покончить с этим, чтобы открыть путь для политического воссоединения страны на всем ее пространстве. Вторжение японских войск в Маньчжурию 18 сентября 1931 г. традиционно считается в историографии событием, знаменующим возникновение первого очага новой мировой войны. Таким образом, временной отрезок, представленный в сборнике, охватывает десятилетие, которое в целом можно охарактеризовать как период миротворчества во взаимоотношениях Советского государства и Японии.

В издание вошли только документы, отложившиеся в делах исторической части АПРФ и в подавляющем большинстве ранее нигде не публиковавшиеся, которые показывают роль высших органов партийно-государственной власти Советской России и СССР, прежде всего Политбюро ЦК партии, а также Народного комиссариата иностранных дел в выработке внешнеполитических решений, касающихся советско-японских отношений. Небольшая группа опубликованных в самые последние годы документов, включенная в сборник, представляет собой решения Политбюро ЦК партии и материалы, отражающие деятельность влиятельного японского политика барона С. Гото. Эти ранее изданные партийные решения носят зачастую “глухой”, изолиро-

ванный характер с недостаточно ясным содержанием и как бы повисают в воздухе без сопутствующих документов.

В данном сборнике большинство документов даются в виде своеобразных “пакетов”, в основе каждого из которых лежит базовое решение Политбюро, а к нему прилагаются подготовительные материалы по теме от соответствующих ведомств или официальных лиц. В результате партийные постановления становятся вполне понятными в различных аспектах: с точки зрения как содержания, так и механизма их принятия. Правда, в структуре сборника “пакетный” метод подбора документов не отражен и визуально для читателя не заметен, поскольку здесь применен хронологический принцип расположения материала. Однако соответствующие примечания, необходимые пояснения, “перекрестные” ссылки составителей облегчают понимание отмеченного нюанса. Без таких “наводок” правильно сориентироваться в содержании многих документов, в их соподчинительных взаимосвязях было бы весьма проблематично, а порой просто невозможно, в результате чего не только рядовой читатель, но и компетентный исследователь был бы введен в заблуждение. Выполнив эту весьма необходимую научно-вспомогательную работу, составители облегчили исследователям изучение данной темы.

Составители отобрали основной массив ключевых материалов по Японии за указанный период. Это практически все важные и мало-мальски значимые документы, отложившиеся в делах исторической части АПРФ, за исключением комплекса материалов, относящихся к переговорам с японцами о предоставлении им лесных концессий на Дальнем Востоке, небольшой группы опубликованных еще в конце 1950–1960-х годов источников не партийного, а нкидовского происхождения и газетных вырезок. В сборник не вошли также такие важные документы, как Пекинская конвенция от 20 января 1925 г. об установлении советско-японских дипломатических отношений и Рыболовная конвенция 1928 г. по причине их большого объема, широкой известности и неоднократной публикации в разные годы и в различных изданиях. Всего было отобрано более 500 документов. 457 из них помещены в основной текст, остальные использованы для примечаний и комментариев как носящие сопроводительно-пояснительный или краткий констатирующий характер. Наибольшее количество документов приходится на 1922–1925 и 1927 гг., так как именно в это время между двумя странами велись интенсивные переговоры по важнейшим вопросам двусторонних отношений, а самыми “урожайными” оказались 1922 и 1925 гг.

Среди наиболее важных проблем, которые находились в центре внимания кремлевского руководства в интересующий нас период, выделяются, безусловно, такие, как прекращение японской военной интервенции на советском Дальнем Востоке в целом (1921–1925), и в частности эвакуации японских войск из Приамурья и Приморья (1921–1922) и с Северного Сахалина (1921–1925); установление дипломатических отношений между Москвой и Токио (1923–1925); предоставление нефтяных и угольных концессий японцам на Северном Сахалине (1925); вопросы рыболовства.

К масштабным конкретным темам следует отнести сюжеты, касающиеся Дайренской конференции между Японией и Дальневосточной Республикой об эвакуации японских войск из Приамурья, Приморья и Северного Сахалина (1921–1922); Чанчуньской конференции ДВР и РСФСР с Японией (1922) об эвакуации японских войск из Приморья; заключения советско-японской Рыболовной конвенции 1928 г.; различных аспектов политико-экономических взаимоотношений РСФСР/СССР и Японии, в частности в связи с токийским землетрясением 1923 г. и событиями в Китае, Маньчжурии, на КВЖД во второй половине 1920-х годов; статуса и кадрового состава посольства и торгпредства СССР в Токио.

Особое внимание читателей хотелось бы обратить на очень интересные и важные стенограммы заседаний Чанчуньской конференции и переговоров 1925 г. по концессионным вопросам, которые проливают новый свет на многочисленные нюансы и детали происходивших дискуссий. Вообще весь переговорный процесс того периода, отраженный в предлагаемом труде, касается ли он прекращения интервенции Японии на Дальнем Востоке и вывода оттуда японских войск, установления дипломатических отношений между Москвой и Токио, концессий на Северном Сахалине или же вопросов рыболовства, очень поучителен и актуален. Он свидетельствует о том, что японская сторона является тяжелейшим переговорщиком для России, способным вести бесконечно долгие и изматывающие переговоры по любым, даже самым малозначащим вопросам, цепляющимся за любые мелочи и неохотно идущим на уступки. Поэтому, приступая к дискуссиям с нею, следует запасаться большим терпением, быть готовым к очень длительным задержкам и даже тупиковым ситуациям и ни в коем случае не поддаваться соблазну разрубить тугой узел проблем одним ударом в ущерб собственным интересам.

Несмотря на то что в сборнике отсутствуют многие внешнеполитические документы из других архивов, тем не менее представленный материал дает достаточно полную картину советско-

японских отношений в означенный период, позволяет гораздо полнее, чем прежде, и по-новому понять характер взаимоотношений двух государств, механизм принятия решений.

Документы свидетельствуют, что вся инициативная, практическая, текущая исполнительская работа сосредоточивалась в Наркоминделе и осуществлялась через его дипломатическую сеть. Однако директивной инстанцией по принятию, запуску и контролю важнейших решений являлся высший партийный, а по существу и государственный орган страны – Политбюро ЦК партии, в который направлялись подготовленные для утверждения соответствующие материалы из других ведомств. Иногда инициатива принятия решений исходила непосредственно от самих членов Политбюро. Так, в первой половине 1923 г. Л.Д. Троцкий выступил с предложением продать Японии Северный Сахалин, мотивируя это трудностями, возникшими с эвакуацией оттуда японских войск, и необходимостью стабилизировать положение на Дальнем Востоке в свете назревавших серьезных политических событий в Европе.

В сборнике так или иначе отражены практически все постановления Политбюро за указанный период, к большинству из которых прилагаются соответствующие исходные материалы, раскрывающие их содержание и показывающие, что японское направление внешней политики РСФСР/СССР было в центре внимания советского руководства. В то же время документы свидетельствуют об особой роли в формулировании и проведении внешнеполитических решений таких крупных советских дипломатов, как Г.В. Чичерин, Л.М. Карахан, А.А. Иоффе, стоявших у истоков формирования и налаживания отношений нового, Советского государства с Японией.

Материалы сборника позволяют составить вполне целостное и новое представление о многих других известных и малоизвестных лицах, не только наших соотечественниках, но и японцах. Немалый интерес, например, вызывают политические деятели Дальневосточной Республики, которая в 1921–1922 гг. находилась в центре взаимоотношений РСФСР с Японией. С неожиданной, совсем или почти неизвестной стороны в ракурсе отношений с Японией предстают фигуры крупных советских деятелей. Это Л.Д. Троцкий в связи с его предложением по продаже Северного Сахалина, Л.Б. Каменев как несостоявшийся посол в Японии, Ю.Ю. Мархлевский в качестве представителя РСФСР на Дайренских переговорах, Г.Л. Пятаков и А.А. Иоффе как работники Главконцесскома и др.

Публикуемые в сборнике документы в большинстве своем являются подлинниками: тексты – машинописные, подписи, пометы, как правило, – автографы. Указание на способ воспроизведения документа в легенде отмечается только в том случае, если документ рукописный.

Авторы провели археографическую обработку всех включенных в сборник документов в соответствии с принятыми правилами издания исторических документов. К каждому документу даются все необходимые археографические, текстовые пояснения и примечания, а также ссылки или отсылки к другим документам сборника, значительно облегчающие понимание материала. Сохраняются все важные пометы, имеющиеся на оригинале документа.

Каждый документ имеет свой порядковый номер, редакционный заголовок, собственный номер (если он имеется) и дату. В исходном виде оставлены только собственные заголовки постановлений Политбюро ЦК.

Документы располагаются в хронологической последовательности; имеющие одну и ту же дату, даются в логическом порядке.

Материалы печатаются в соответствии с правилами современной орфографии. Исправление очевидных неточностей, орфографических и пунктуационных ошибок, не имеющих смыслового значения и не искажающих содержание документа, составителями не оговаривается.

В редакционном заголовке указываются: разновидность документа, автор, адресат и краткое содержание. Если в редакционный заголовок включается собственный заголовок документа (постановления Политбюро ЦК), то он дается в кавычках. Слева под заголовком указывается номер документа, справа – его дата. Если документ не датирован и дата установлена авторами исследовательским путем, это специально оговаривается в примечаниях.

В заголовке к протокольным постановлениям Политбюро ЦК партии указывается номер протокола заседания Политбюро, затем через косую черту номер вопроса повестки дня (пункта протокола). В некоторых документах кроме пункта протокола через вторую косую черту обозначен номер вопроса.

Имеющиеся на документе грифы секретности, номера экземпляра и т.п. воспроизводятся как составная часть документа после заголовка, справа ниже даты. Все документы сборника, имеющие грифы секретности, рассекречены в установленном порядке Межведомственной комиссией по защите государственной

тайны. После каждого документа указываются его поисковые данные – архив, номера фонда, описи, дела, листы дел, а также подлинность или копияность.

В отношении научного комментария авторы использовали тот же принцип разумной достаточности, что и в археографических примечаниях. Составители особо следили за тем, чтобы, с одной стороны, документы не остались без необходимых содержательных пояснений того, что вызывает вопросы, а с другой, чтобы не превращать сборник документов в документальный очерк, когда сами источники играют как бы подчиненную роль на фоне авторского повествования. Поэтому научные комментарии носят краткий, но емкий характер и даны ко всем неясным или малопонятным местам текста.

Равным образом комментаторы и археографы стремились избежать превращения сборника в биографический или толковый словарь терминов, когда поясняется каждое непонятное или малоупотребительное слово, которое читатель мог бы сам отыскать, или же когда приводится весь жизненный путь того или иного персонажа. Составители разъясняют только редко встречающиеся иностранные термины, а в биографических справках ограничиваются лишь датами жизни и должностями, занимавшимися упоминаемыми лицами в рассматриваемое десятилетие.

Научно-справочный аппарат сборника включает:

- предисловие,
- комментарии и текстуальные примечания,
- перечень документов,
- указатель имен,
- список основных сокращений.

Научно-прикладной характер настоящего труда состоит в том, что он не только предоставляет всем читателям и специалистам массу нового, интересного, а зачастую и труднодоступного для подавляющего большинства из них материала, но дает импульс для продолжения исследований и существенной корректировки знаний в данной области исторической науки.

Работа по выявлению и отбору документов проведена В.П. Сафроновым, Л.П. Киевской, И.А. Кондаковой, С.А. Мельчиным, Г.П. Мещеряковым и А.Д. Черневым. Научные комментарии и указатель имен подготовлены В.П. Сафроновым. Археографическая обработка документов выполнена В.М. Хевролиной и Е.Н. Макаренко.

Академик Г.Н. Севостьянов

Документы

1921 год

№ 1

Постановление Пленума ЦК РКП(б)
“О Дальневосточной республике”*

№ Пл77/23/7

1 января 1921 г.
Строго секретно

Признать советизацию Дальневосточной республики безусловно недопустимой в настоящее время, равно как недопустимым какие бы то ни было шаги, способные нарушить договор с Японией¹.

Для детальной выработки основных положений экономической и внешней политики Дальневосточной республики создать комиссию в составе т.т. Преображенского² (или Крестинского³), Никифорова⁴ и Чичерина⁵. Заключение комиссии внести в Политбюро в 4-дневный срок.

Созыв за т. Чичериным.

Секретарь ЦК

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 999. Л. 1. Копия.

¹ Имеется в виду соглашение о перемирии между Дальневосточной республикой и Японией от 17 июля 1920 г., оформленное в виде обмена нотами. Стороны признавали целесообразность образования ДВР в качестве буферного государства с единым правительством без вмешательства в его дела вооруженных сил других государств. ДВР брала обязательство поддерживать “дружественное сотрудничество с Японией”, “не вводить коммунистического строя”, не позволять пребывания войск Советской России на своей территории и не пропускать их через нее.

² Преображенский Евгений Александрович (1886–1937) – секретарь ЦК и член Оргбюро ЦК РКП(б) в 1920–1921 гг.

³ Крестинский Николай Николаевич (1883–1938) – в 1920–1921 гг. член Политбюро и секретарь ЦК РКП(б), в 1921–1930 гг. советский представитель, полпред в Германии.

* Выписка из протокола № 77/23 заседания Пленума ЦК РКП(б) от 4 января 1921 г., в. 7.

⁴ Никифоров Петр Михайлович (1882–1974) – член правительства ДВР в 1920–1921 гг., председатель Совета министров ДВР в 1921–1922 гг., член Дальбюро ЦК РКП(б) в 1920–1922 гг.

⁵ Чичерин Георгий Васильевич (1872–1936) – нарком иностранных дел РСФСР (СССР) в 1918–1930 гг.

№ 2

*Постановление Дальбюро ЦК РКП(б) о необходимости переговоров с Японией относительно создания японских концессий в Дальневосточной республике**

10 июня 1921 г.

Чита

Москва, ЦК РКП

Постановление:

§ 1. О владивостокских событиях¹ и об отношениях к японцам и международных отношениях.

п. 1. Признавая необходимым применить все средства во избежание вооруженного столкновения с Японией и [для] ликвидации белогвардейщины на Дальвостоке, Д[аль]б[юро]² считает правильным постановку на реальную почву ведения переговоров с япон[ским] правительством и промышленными японскими и другими иностранцами о сдаче лесных, горнопромышленных и иных концессий, политически выгодных, а может быть, и выгодных в экономической части;

п. 2. Поставил этот вопрос на срочное разрешение ЦК партии через тов. Чичерина для получения руководящих директив, имея в виду, что эти переговоры могли начаться со дня на день, к чему мы должны быть готовы;

п. 3. Для разложения, недопущения формального закрепления правительства в Приморье необходимо облуправлению находиться в районе Приморья.

§ 2. Кампании в печати.

п. 1. Кампания в печати, направленная к разъяснению положения и необходимости установления главным путем нормальных отношений ДВР с Японией, и

п. 2. Предложить Мининделу довести до сведения Наркоминдел о настоящем решении.

11 июня**. № 672/С.

* Штамп: “Прот[окол] ПБ № 40, п. 1”. См. док. № 6. Передано шифром по телеграфу 11 июня 1921 г. Получено для расшифровки Ронисом 18 июня 1921 г.

** Дата отправления шифротелеграммы за № 672/С с текстом постановления.

Член Дальбюро ЦК РКП Губельман
Секретарь Дальбюро Быков
Расшифровал Ронис

Резолюция: “Тов. Чичерину на заключение (В.М.[олотов]³).
18.06”

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 999. Л. 8. Дешифрант на бланке.

¹ Речь идет о белогвардейском перевороте во Владивостоке и других городах Приморья, совершенном в конце мая 1921 г., в результате которого было свергнуто Приморское Временное правительство ДВР, состоявшее в своем большинстве из эсеров и большевиков, и образовано правительство крупной буржуазии во главе с братьями С.Д. и Н.Д. Меркуловыми, опиравшееся на японские и антибольшевистские силы.

² Дальневосточное бюро ЦК РКП(б) руководило партийными организациями на территории ДВР. Создано в марте 1920 г. как Дальбюро РКП(б), в августе 1920 г. преобразовано в Дальбюро ЦК РКП(б). С октября 1920 г. находилось в Чите. В 1925 г. заменено Далькрайкомом РКП(б).

³ Молотов Вячеслав Михайлович (1890–1986) – секретарь ЦК и член Оргбюро ЦК РКП (ВКП)(б) в 1921–1930 гг., член Политбюро ЦК ВКП(б) с 1926 г., председатель СНК СССР с 1930 г.

№ 3

Записка

*народного комиссара иностранных дел РСФСР Г.В. Чичерина
секретарю ЦК РКП(б) В.М. Молотову
о нецелесообразности создания в ДВР японских концессий**

18 июня 1921 г.

Тов. Молотову

Уважаемый товарищ!

Вы переслали мне шифровку Дальбюро, в которой поставлен вопрос о начатии переговоров ДВР с японским правительством и японскими промышленниками и другими иностранцами о сдаче лесных, горнопромышленных и иных концессий. Коллегия НКИД считает недопустимым и крайне вредным и опасным вступление в какие бы то ни было переговоры такого рода с японским правительством или японскими капиталистами в момент новой интервенции со стороны Японии¹. Именно теперь, когда можно ожидать новых нападений, явных или скрытых, на ДВР со стороны японцев, такого рода концессии могут сыграть роль маскировки для захвата японцами важных пунктов или для подготовки их наступления или наступления поддерживаемых ими бело-

* Штамп: “Прот[окол] ПБ № 40, п. 1”. См. док. № 6.

гвардейцев. Это была бы политика троянского коня в полном смысле слова. Если бы мы давали японцам концессии в Архангельской губернии, никакой опасности не было бы. Но давать японцам концессии как раз там, где в ближайшем будущем возможно их наступление, совершенно недопустимо. Вообще ДВР находится по отношению к Японии в настолько непрочном положении, что в лице японских концессионеров пускать козла в огород означает помогать планам японского империализма, давая ему возможность предварительной инфильтрации. Тактика же, заключающаяся в том, чтобы сначала дать все экономические преимущества, которые якобы разохотят противника с тем, чтобы после этого надеяться получить политические соглашения, давно нами оставлена на Западе, доказав свою иллюзорность. Как раз наоборот, мы на Западе сначала заключаем соглашение, а всякие экономические преимущества даем уже после того, как мы это соглашение заполучили. Со всех точек зрения следует поэтому предложение Дальбюро отвергнуть.

Что касается предложения о том, чтобы областное управление находилось в районе Приморья, против этого коллегия НКВД ничего не имеет возразить.

С коммунистическим приветом

Г. Чичерин

Помета рукою Ленина: "Секретно. Т. Молотову. Я вполне согласен. 19.06. Ленин²".

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 999. Л. 5. Заверенная копия.

¹ Имеется в виду майский переворот в Приморье 1921 г., совершенный при поддержке и прямом участии японских воинских частей, блокировавших местную милицию и народную охрану. См. док. 2, прим. 1.

² Ленин Владимир Ильич (1870–1924) – председатель СНК РСФСР в 1917–1922 гг., председатель СТО РСФСР в 1920–1922 гг., член Политбюро ЦК РКП(б) в 1919–1922 гг.

№ 4

*Записка Г.В. Чичерина В.М. Молотову
о возможных условиях предоставления Японии концессий
в ДВР**

19 июня 1921 г.

Тов. Молотову

Уважаемый товарищ!

В дополнение и дальнейшее развитие моего предыдущего предложения о том, чтобы отвергнуть проект Дальбюро о предо-

* Штамп: "Прот[окол] ПБ № 40, п. 1". См. док. № 6.

ставлении в настоящее время концессий японцам, предлагаю следующее постановление от имени коллегии НКВД: предоставление в ДВР концессий японцам недопустимо, пока Япония не очистит всей без исключения территории ДВР, не выдаст Семенова¹ и других вожаков белогвардейцев и не восстановит дипломатических сношений с ДВР и с РСФСР.

Эти конкретно перечисленные условия должны явиться доказательством того, что Япония совершенно отказалась от той враждебной линии против нас, при существовании которой предоставление японцам концессий в ДВР составляло бы серьезную опасность и подвергало бы риску безопасность и ДВР, и РСФСР.

С коммунистическим приветом

Г. Чичерин

Помета рукою Ленина: "Т. Молотову. Согласен. 20.06. Ленин".

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 999. Л. 4. Заверенная копия.

¹ Семенов Григорий Михайлович (1890–1946) – один из руководителей белого движения в Забайкалье, генерал-лейтенант. В 1917 г. поднял антибольшевистский мятеж в Забайкалье, а в 1918 г. установил там военный режим. В 1919 г. объявил себя атаманом Забайкальского казачьего войска. В 1920 г. стал преемником А.В. Колчака на восточных окраинах России. С 1921 г. один из руководителей белой эмиграции.

№ 5

*Записка заместителя народного комиссара
внешней торговли РСФСР А.М. Лежавы в Политбюро ЦК РКП(б)
о политических и экономических требованиях к Японии
как условия предоставления ей концессий**

20 июня 1921 г.

Совершенно секретно

В Политбюро ЦК РКП

К вопросам, поставленным в шифротелеграмме Дальбюро от 11 июня № 672/С**

По пункту 1 и 2. Считаю необходимым всемерно избегать вооруженного столкновения с японцами. В переговоры вступить по вопросам экономическим и политическим, придав им обязательно затяжной характер. Это время использовать для возбуждения конкуренции и состязания других капиталистических стран, в особенности японофобской части Америки. Муссиро-

* Штамп: "Прот[окол] ПБ № 40, п. 1". См. док. № 6.

** См. док. № 2.

вать для этого вопрос в русской и заграничной прессе. Одновременно в нашей русской и заграничной прессе не должен сходить со столбцов газет до окончания белой авантюры на Востоке вопрос о том, что новая попытка империализма взять советскую власть с Востока побуждает коммунизм к максимальной работе среди восточных масс.

Переговоры правительства ДВР с японцами по экономическим вопросам отнюдь не должны носить характера нашей готовности к капитуляции. Было бы непростительно в такую тяжелую минуту раздавать лучшие наши дальневосточные концессии. Даже в переговорах можно ставить на обсуждение лишь некоторые концессии. Со своей стороны мы должны предъявить японцам категорические требования политического и экономического характера: признание правительства ДВР, отозвание из Приморья всех японских войск, освобождение наших вод от японского флота и соглашение с правительством ДВР по всем ранее полученным японцами арендам, полное невмешательство японцев в нашу расправу с приморскими переворотчиками*.

У меня все время было впечатление, что наши дальневосточные товарищи имели склонность к японской ориентации. Так, им пришлось не по душе наше предварительное соглашение с Вандерлипом¹. Следует их предостеречь, что было бы пагубно предаться сейчас настроениям такой ориентации.

Пункт 3. С первым параграфом согласен. К параграфу второму относится мое замечание в предыдущем абзаце.

Замнаркомвнешторг А. Лежава²

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 999. Л. 7–7об. Подлинник.

¹ Предварительный договор о концессиях между правительством РСФСР и синдикатом американского предпринимателя В.Б. Вандерлипа (1866–1937), подписанный в ноябре 1920 г. Согласно договору синдикат получал в аренду на 50 лет обширные территории на Камчатке с целью эксплуатации нефтяных и угольных месторождений. Предусматривалась возможность создания на полуострове военно-морской базы США, о чем Москва и Вашингтон должны были провести прямые переговоры. Синдикат обязался предоставить РСФСР кредит в 1 млрд долл. для закупок товаров в США и ходатайствовать перед американским правительством об официальном признании Советской России. Договор вступал в силу только в случае фактического признания РСФСР до 1 июля 1921 г. По просьбе Вандерлипа этот срок неоднократно продлевался – вплоть до 1 января 1923 г., однако окончательно договор так и не был подписан.

* См. док. № 2, прим. 1. Записка была направлена А.М. Лежавой в Политбюро по указанию Молотова от 19 июня 1921 г.

² Лежава Андрей Матвеевич (1870–1937) – в 1921–1922 гг. заместитель наркома внешней торговли, в 1922–1924 гг. нарком внутренней торговли. В 1924–1930 гг. заместитель председателя СНК РСФСР, одновременно председатель Госплана РСФСР. В 1930–1932 гг. председатель объединения “Союзрыба”.

№ 6

*Постановление Политбюро ЦК РКП(б)
“Утверждение проекта ДВР о концессиях с японцами”**

№ П40/1

20 июня 1921 г.
Сов. секретно

Утвердить предложение тов. Чичерина**.

Секретарь ЦК В. Молотов

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 999. Л. 9. Копия.

№ 7

*Телеграмма Г.В. Чичерина
министру иностранных дел ДВР И.Л. Юрину
с изложением постановления Политбюро ЦК РКП(б)
о японских концессиях в ДВР****

21 июня 1921 г.
Чита

Ввиду очевидной невыясненности у вас**** вопроса о концессиях прошу вас сообщить Дальбюро: ЦК постановил: недопустимо давать японцам концессии, пока они не заключили мира, не очистили территорию ДВР, не выдали Семенова, не возобновили сношений с ДВР и с нами. Пока продолжается их политика интервенции, было бы крайне опасно давать им концессии. Эта инфильтрация служила бы подготовкой для наступления и завоевания. Надо безусловно отвергнуть эту политику.

Чичерин

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 999. Л. 9. Отпуск.

* Выписка из протокола № 40 заседания Политбюро ЦК РКП(б) от 20 июня 1921 г., п. 1.

** См. док. № 3.

*** Отправлена шифром.

**** “у вас” вписано над строкой.

№ 8

*Постановление Политбюро ЦК РКП(б)
“О назначении представителей
для переговоров с Китаем и Японией
и на Вашингтонскую конференцию”**

№ П66а/3

11 октября 1921 г.
Строго секретно

Назначить т.т. Мархлевского¹ и Пайкеса² (кого направить в Дайрен, кого в Читу – предоставляется решить т. Чичерину).

Поручить НКИД и Оргбюро срочно (в 24 часа) подыскать кандидатов на конференцию в Вашингтон³.

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 999. Л. 10. Копия.

¹ Мархлевский Юлиан Юзефович (1866–1925) – в 1921–1922 гг. представитель РСФСР на переговорах в Дайрене об урегулировании отношений Советской России и ДВР с Японией.

² Пайкес А.К. (1873–1958) – первый советский полпред в Китае. Осенью 1921 г. был направлен в эту страну для переговоров о судьбе КВЖД и о восстановлении автономии Внешней Монголии.

³ Вашингтонская конференция девяти держав по ограничению морских вооружений, тихоокеанскому и дальневосточному вопросам (12 ноября 1921 – 6 февраля 1922 г.). На ней обсуждался также “русский вопрос”. Хотя РСФСР и ДВР официально не были приглашены на конференцию, ДВР добилась от США согласия на приезд в это время в Вашингтон ее торговой делегации, которая использовала предоставившуюся возможность для проведения в Соединенных Штатах пропагандистской кампании против японской интервенционистской политики и силовой дипломатии на российском Дальнем Востоке.

№ 9

*Постановление Политбюро ЦК РКП(б)
“О посылке представителя от ДВР
на Вашингтонскую конференцию”***

№ П66а/6

13 октября 1921 г.
Строго секретно

Утвердить представителем на Вашингтонскую конференцию т. Языкова¹.

Секретарь ЦК

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 999. Л. 11. Копия.

* Принято опросом членов Политбюро ЦК РКП(б). Выписка из протокола № 66а заседания Политбюро ЦК РКП(б) от 11 октября 1921 г., п. 3.

** Вопрос представлен Г.В. Чичериным. Принято опросом членов Политбюро ЦК РКП(б). Выписка из протокола № 66а заседания Политбюро ЦК РКП(б) от 13 октября 1921 г., п. 6.

¹ Языков Александр Александрович (1874 – ?) – в 1920 г. в государственном аппарате Дальневосточной республики, в 1921–1922 гг. глава специальной торговой делегации ДВР в США.

№ 10

*Записка Г.В. Чичерина в Политбюро ЦК РКП(б) о требованиях Японии на переговорах в Дайрене и о позиции ДВР**

23 ноября 1921 г.

В Политбюро ЦК РКП

Переговоры в Дайрене как будто приблизились к решительному моменту. Дальбюро и правительство ДВР ставят вопрос, требующий разрешения Политбюро.

Есть газетные сведения, что японцы во всяком случае уведут свои войска, чем бы ни кончилась Дайренская конференция. Эти сведения преждевременны, но если в Вашингтоне обстановка сложится неблагоприятно для японцев, в таком случае так и будет.

Сами японцы в Дайрене требуют подписания ДВР договора в духе их 17 пунктов¹, в случае несогласия угрожают разрывом, а в случае разрыва угрожают новым походом против ДВР. Ввиду прежнего опыта японцев с такими походами это невероятно, нельзя ожидать от них попыток захвата больших территорий. Возможно некоторое расширение их оккупационной зоны, и это также зависит от того, как сложится обстановка в Вашингтоне. Теперь японцы пугают ДВР. Но если в Вашингтоне будет принято решение в их пользу, они свое возьмут, и никакой дайренский договор им не помешает.

Несомненно, все зависит от Вашингтона. Мы полагаем поэтому, что в Дайрене следует тянуть. Поскольку в Вашингтоне дела японцев будут идти неважно, необходимо иметь в лице Дайренской конференции возможность сейчас же это использовать.

Другое дело, если японцы сами идут на разрыв. В таком случае может стоять вопрос только о том, на чем рвать, и с этой точки зрения следует оценивать решения.

Месяц тому назад японцы соглашались на приезд российской делегации в Дайрен по специальным вопросам, почему и поехал туда тов. Мархлевский. В тот момент ДВР согласилась продолжать переговоры в Дайрене только под условием принятия российской делегации. Теперь японцы отказываются принять советского представителя, но допустят т. Мархлевского, может быть, как частное лицо. Встает вопрос, рвать ли на этом? Мы полагаем,

* Штамп: "Прот(окол) ПБ № 79, п. 7. 24.11. [19]21 г.". См. док. № 11.

что не следует на этом рвать. В этом вопросе в крайнем случае лучше уступить.

После этого встает вопрос о том, на каких условиях японцы уйдут с Южного Приморья. Возможно, что удастся добиться их ухода и из Северного Приморья, но пока они говорят только о Южном. Их условия: отдача им в аренду северной половины Сахалина на 60 лет с сохранением там якобы суверенной власти ДВР. Итак, следующий вопрос: рвать ли из-за фактической эвакуации Северного Сахалина? Нам кажется, что выгоднее на этом не рвать, тем более, что мы бессильны оттуда изгнать японцев, если Вашингтон об этом не позаботится.

После этого встает вопрос об японских 17 пунктах. Тут уже есть требования абсолютно неприемлемые: полная свобода торговли, передвижения, приобретения всякого рода собственности вплоть до земельных недр и лесов, судоходства, свобода передвижения по ДВР для японских “военных чинов”, полное разоружение Владивостока и срыв его укреплений, обязательство не содержать никаких укреплений на всем Приморье. Это все вместе превратит ДВР в протекторат Японии. Это означает – целиком отдать Японии ДВР. Итак, мы полагаем, что в случае, если японцы действительно будут идти на разрыв, выставляя по-прежнему свои совершенно неприемлемые условия, придется разорвать из-за их 17 пунктов.

Дальбюро постановило вручить японцам свой проект соглашения об эвакуации вторично и заявить, что ДВР согласна после обсуждения этого проекта перейти к обсуждению японского контрпроекта с тем, чтобы оба соглашения подписать одновременно; если же Япония снова не примет проекта эвакуации ДВР, то переговоры прервать. Вопрос о Сахалине Дальбюро согласно выделить при обсуждении японского контрпроекта и требовать участия Советской России в вопросах о льготах Японии.

Несмотря на наши запросы, мы не получили проекта эвакуации ДВР. При обсуждении японского контрпроекта общего договора, то есть 17 пунктов, следует, по-нашему, поставить на первый план не участие Советской России в обсуждении льгот Японии, а по существу, неприемлемость самих японских требований.

Наркоминодел Г. Чичерин

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 999. Л. 13–14. Заверенная копия.

¹ Требования Японии к ДВР на Дайренской конференции (27 августа 1921 – 16 апреля 1922 г.), посвященной обсуждению взаимоотношений обеих сторон, и прежде всего вопроса об эвакуации японских войск с Северного Сахалина, из Приморья и Николаевска (на Амуре), зафиксированы в

17 статьях. Среди основных требований: скрыть все укрепления на границе с Кореей и на Владивостокском побережье; уничтожить военный флот в Тихом океане; признать свободу проживания и передвижения японских военнослужащих в ДВР; наделить японских подданных и граждан ДВР равными правами в области торговли, ремесел и промыслов; передать Японии в аренду на 80 лет Северный Сахалин. Взамен Япония обещала эвакуировать войска из Приморья, но лишь в удобный для себя срок.

№ 11

Постановление Политбюро ЦК РКП(б)

*“Предложение т. Чичерина по вопросу о переговорах в Дайрене”**

№ П79/7

24 ноября 1921 г.

Строго секретно

Согласиться с предложением т. Чичерина**, то есть максимально тянуть, стараясь выждать результаты Вашингтонской конференции, и если рвать, то только в крайнем случае, добиваясь максимальной оттяжки, и только на основе “17 п.п.”.

Секретарь ЦК

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 999. Л. 12. Копия.

* Выписка из протокола № 79 заседания Политбюро ЦК РКП(б) от 24 ноября 1921 г., п. 7.

** См. док. № 3, 4, 6, 10.

1922 год

№ 12

Телеграмма

министра иностранных дел ДВР Я.Д. Янсона Г.В. Чичерину
о ходе переговоров в Дайрене

№ 745/Ш

14 апреля 1922 г.

Москва, НКВД – Чичерину

Петров¹ сообщает: японцы ультимативно добиваются вступления договоров в силу немедленно по подписании. Относительно срока эвакуации официальных предложений еще не делали. Частным* образом говорят, что начнут эвакуацию в начале мая, кончат в конце мая. По подписании договоров соглашаются немедленно отойти до Никольска. Но должно быть заседание о сроке эвакуации.

Петров вручил уже японцам проект общего военного соглашения и проект соглашения о порядке эвакуации. Японцы вручили проект общего военного соглашения, в котором соглашаются на передачу имущества, но оставляют за собой право распоряжаться “опасными для русских и японских граждан предметами”. Также требуют право иметь военные миссии в городах ДВР. Торговое и военное соглашения подписываются одновременно, и нарушение одного аннулирует [другое]**

Янсон²

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 999. Л. 20. Заверенная копия.

¹ Петров Федор Николаевич (1876–1973) – глава делегации ДВР на Дайренской конференции, министр внутренних дел ДВР.

² Янсон Яков Давидович (1881, или 1886–1938) – в 1921–1922 гг. министр иностранных дел ДВР, до конца 1925 г. заместитель наркома внешней торговли СССР, в 1925–1927 гг. коммерческий атташе, затем торгпред СССР в Японии.

* В тексте ошибочно “частичным”.

** Конец фразы отсутствует. Слово вставлено по смыслу.

*Телеграмма Я.Д. Янсона в НКИД РСФСР
с сообщением из Дайрена об окончательных требованиях
японской стороны*

№ 746/Ш

17 апреля 1922 г.

Москва, НКИД – Карахану¹, Духовскому²

Передаю только что полученную телеграмму из Дайрена. [На] сегодняшнем заседании Мацусима³ предъявил окончательные японские предложения. Мы признаем неприемлемыми следующие пункты:

1. По основному договору: в [ст.] 5 ими вставлено “уравнение прав [с] собственными гражданами”, статья 10-я оставляется ими в старой редакции японского проекта статьи 11-й.

2. Военное соглашение: ими оставлен пункт о праве японского командования держать военные миссии на нашей территории и оставлена редакция части статьи 2-й по прежнему японскому проекту об опасном имуществе.

3. В декларацию о крепостях ввели новое для нас обязательство иметь флот в размере ныне существующего.

4. В ноте о выводе войск не указывают точно срока эвакуации. Указывают лишь, что эвакуация произойдет в срок меньше трех месяцев со дня подписания соглашения об эвакуации, какое подписывается военными делегатами после подписания общего договора и военного соглашения.

Относительно документа о пропуске наших войск до Владивостока Мацусима указал, что это войдет одним из пунктов эвакуации. Мы остались на сообщенных вам позициях в случае неприятия наших условий. Завтра выезжаем в Читу. № 210, 15.04.

Петров, Мархлевский

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 999. Л. 21. Дешифрант.

¹ Карахан Лев Михайлович (1889–1937) – заместитель наркома иностранных дел РСФСР (1918–1921, 1922–1923) и СССР (1925–1934), полпред в Польше (1921–1922) и Китае (1923–1927).

² Духовской С.И. (1887–1963) – заведующий отделом Востока НКИД РСФСР.

³ Мацусима Х. – глава японской делегации на Дайренской конференции.

Телеграмма

*Дальневосточного телеграфного агентства в НКИД РСФСР
о прекращении переговоров между ДВР и Японией в Дайрене**

№ 650

18 апреля 1922 г.

Чита

Москва, 4 адреса: НКИД – Чичерину, копия – НКИД, отдел Востока, копия – РОСТА, копия – Представительство ДВР и передает Петроград – РОСТА, Харьков – Ратау, Киев – Ратау.

16.04 дайренские переговоры прерваны. Делегация ДВР во главе с Петровым покинула Дайрен. Переговоры прерваны по инициативе япон[ского] правительства, в рядах которого умеренные элементы, готовые к соглашению с Россией, были побеждены представителями воинствующих милитаристов.

К 30 марта между русской и японской делегациями было достигнуто полное соглашение по всем пунктам основного торгового договора. Когда же на очередь стал вопрос о военном соглашении, япон[ская] делегация отказалась определить срок эвакуации своих войск и предложила формулу, которая дала бы возможность японцам продолжать интервенцию до бесконечности.

Вместе с тем япон[ская] делегация предъявила целый ряд новых требований к тем пунктам, по которым уже было достигнуто полное соглашение, совершенно неожиданно для рус[ской] делегации выдвинула новое требование о неувеличении флота ДВР против его нынешнего состояния, настаивая на немедленном принятии этого требования. Рус[ская] делегация заявила, что ею сделан максимум возможных уступок, что она не может согласиться на оставление нерешенным вопроса об эвакуации, и отказалась принять новые требования японских милитаристов. Заявления рус[ской] делегации были сделаны в категорической форме. Японцам было предложено дать ответ в течение суток. 16.04 председатель япон[ской] делегации получил от своего правительства телеграмму, чтобы прервать переговоры и выехать в Токио.

Таким образом, лицемерная, лживая политика япон[ского] правительства, стремившегося к полной оккупации русских дальневосточных территорий, привела к разрыву переговоров, унич-

* Публикуемый экземпляр направлен в отдел Востока НКИД РСФСР. 19 апреля 1922 г. заведующий отделом С.И. Духовской направил его в Политбюро ЦК РКП(б).

тожила соглашение, принятое по всем пунктам обеими сторонами. При прощании Мацусима заявил рус[ской] делегации, что мирные отношения между Японией и ДВР продолжают и что японские экспедиционные войска останутся в том же районе, где они находились до сих пор, и дальше нейтральной зоны не пойдут. Председатель рус[ской] делегации Петров в ответ на это заявил, что войска ДВР будут избегать всяких столкновений с япон[скими] войсками, но правительство ДВР будет продолжать дальнейшее преследование мятежников в Южном Приморье.

Начдальта Колко

Пометы: “Телеграмма агентская. Принята 18 апреля в 17.50”.

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 999. Л. 16. Копия.

№ 15

*Телеграмма Я.Д. Янсона в НКВД РСФСР
о прекращении переговоров в Дайрене**

19 апреля 1922 г.

Москва, НКВД – Карахану, Духовскому

Более подробных сведений об обстоятельствах разрыва дайрен[ских] переговоров, кроме уже сообщенных, не имею. 17-го числа вечером передал Вам телеграмму Мархлевского и Петрова**, в которой говорилось о новых яп[онских] требованиях и о нежелании японцев установить определенный срок эвакуации. Эти новые предложения японцев были отвергнуты нашей делегацией 15 февраля***, и было предложено японцам в течение суток дать удовлетворительный ответ. Японцы не дали удовлетворительного ответа, а наоборот, предложили своей делегации прекратить переговоры. Наша делегация распросилась с японской и 16-го уехала из Дайрена. Сейчас Петров и Мархлевский находятся в пути и, кажется, уже проехали Харбин. Кроме сообщения Дальта и краткого извещения, что наши выехали, [которое] я получил 18-го, больше никаких сведений я не имею. Сегодня же передал вам шифровку через Иркутск по этому вопросу, сейчас повторим ее, и прошу, если возможно, завтра дать ваши соображения.

Янсон

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 999. Л. 17. Дешифрант.

* 19 апреля 1922 г. С.И. Духовской направил эту телеграмму в Политбюро ЦК РКП(б).

** См. док. № 13.

*** В тексте ошибка. Правильно “апреля”.

№ 16

*Телеграмма Я.Д. Янсона в НКВД РСФСР
о причинах срыва переговоров в Дайрене
и предложении поставить вопрос
об эвакуации японских войск из ДВР
на Генуэзской конференции**

19 апреля 1922 г.

Чита

Сов. секретно

Москва – Карахану, Духовскому

Наша делегация 16-го выехала из Дайрена в Читу. Причины разрыва были вам сообщены в последней телеграмме Петрова. Главное – нежелание японцев зафиксировать срок эвакуации. Предложение японцев подписать сначала общее соглашение, а потом приступить к обсуждению соглашения об эвакуации оттягивает эвакуацию до бесконечности. Подробности разрыва еще не известны. Сообщу подробно после приезда в Читу Петрова и Мархлевского, которых ожидаю завтра. С разрывом Дайрена приходится вопрос о япон[ской] эвакуации выдвинуть в Генуе¹. Сообщите, что можно** сделать по этому вопросу. В качестве материала для кампании полагаю послать ноту Японии с указанием, что главная причина неудачи переговоров – нежелание японцев эвакуироваться, без чего соглашение с ней невыполнимо. Посылаю копию ноты в Москву с обращением к русской делегации в Генуе с просьбой поставить там вопрос о японской эвакуации, и в прессе дадим историю дайренских переговоров и опубликуем японские требования. Телеграфируйте, считаете ли целесообразным намечаемое главное обращение ДВР к русской делегации в Генуе. Предложение Сафарова² сейчас используем полностью.

Янсон

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 999. Л. 16. Дешифрант.

¹ С 10 апреля по 19 мая 1922 г. в Генуе проходила международная конференция по экономическим и финансовым вопросам. Делегация РСФСР имела полномочия защищать на конференции права ДВР.

² Сафаров (Вольдин) Георгий Иванович (1891–1942) – с 1921 г. член Туркбюро ЦК РКП(б), в 1921–1922 гг. член ИККИ и заведующий Восточным отделом Коминтерна.

* Получена 19 апреля, расшифрована 20 апреля 1922 г.

** Слова “выдвинуть ... можно” вписаны карандашом.

*Письмо Я.Д. Янсона в НКВД РСФСР
о реакции в Японии на срыв дайренских переговоров
и предложении провести кампанию в прессе по этому поводу*

28 апреля 1922 г.

Чита

Секретно

Москва, НКВД – товарищу Карахану, товарищу Духовскому.

Уважаемые товарищи!

Дайренские переговоры прервались из-за нежелания японцев фиксировать срок эвакуации. Из переданного вам телеграфом доклада т. Петрова вам известны обстоятельства, при каких произошел разрыв. Он нами расценивается как победа японской военщины над более миролюбивой японской буржуазией. Очевидно, японские милитаристы еще не отказались от надежд на возможность новых авантур по отношению к России. Они хотят еще выждать, посмотреть, чем кончится Генуэзская конференция и какая обстановка сложится после нее. Весьма правдоподобно и предположение т. Петрова, что японские милитаристы в данном случае действуют согласованно с французскими.

Перерыв дайрен[ских] переговоров в самой Японии не находит одобрения со стороны буржуазии. Японское правительство старается затуманить вопрос и пускает в прессу сообщения о том, что разрыв произошел ввиду неуступчивости Читы, причем приводятся разные фантастические требования, которые якобы отстаивала читинская делегация. Мы по мере сил противодействуем этой агитации. В Токио от Дальты находится т. Антонов, который имеет все материалы о причинах разрыва дайрен[ских] переговоров. Японцы его обставили так, что он находится под постоянным надзором и контролем. Корреспонденты либеральных газет боятся появляться около его квартиры, зато его осаждают всякие шпионские репортеры. Тем не менее т. Антонову удастся поместить свои сообщения. По сведениям т. Антонова, настроение японской буржуазии определенно отрицательное к военщине. Из всех существующих газет лишь одна защищает правительство. Не исключена возможность падения кабинета министров. Разрыв переговоров из-за эвакуации усилит это недовольство японской буржуазии, и милитаристы останутся в этом вопросе изолированными. В этом отношении наша позиция безусловно выигрышна. Нужно делать все возможное, чтобы раздуть это дело. За границей т. Мархлевский отправился в Пекин, чтобы там провести соответствующую кампанию в прессе и кругах. В Америку посылаем подробную ин-

формацию. Американская пресса уже откликнулась на разрыв в благоприятном для нас духе. В Японии по мере возможности будет вести кампанию т. Антонов. Из Читы будем посылать необходимый материал – интервью, ноты, резолюции, намереваемся также опубликовать врученные нам в разное время японцами требования, проекты соглашений и нот. При этом все же думаем публикацию этих документов вести так, чтобы чересчур не раздражать японцев и не испортить окончательно отношения. По ДВР кампанию будем проводить как революционно-патриотическую, исходящую из всех слоев населения, в том числе и буржуазии, и направленную против японской интервенции, превращающейся в аннексию. Полагал бы, что Москва должна нам помочь провести эту кампанию и на Западе – в Англии путем передачи в западную прессу передаваемых материалов.

Возобновление переговоров с японцами возможно. Если [бы] мы согласились сделать какие-нибудь существенные уступки от занятой позиции, японцы, наверное, без долгой волокиты пошли бы на соглашение. Возможно, что в таком случае они пойдут и на фиксацию срока эвакуации, причем этот срок, наверное, пришлось бы установить более продолжительный, примерно месяца 3 или 4.

Новое предложение можно будет сделать, однако лишь после выявления результатов Генуэзской конференции. Поскольку сейчас переговоры прервались, японцы пожелают выждать результата Генуи. Если результаты там будут благоприятны, вырешится благоприятно и наше отношение с японцами; в обратном случае нам придется иметь дело с длительной японской оккупацией частей Приморья или даже всего Приморья. Поэтому для ДВР крайне важно своевременно учесть и реагировать на выявляющееся направление генуэзских переговоров.

Я уже неоднократно просил поставить вопрос о японской интервенции в самой Генуе.

Положение в Южном Приморье остается неопределенным. Японцы после разрыва переговоров как будто зашевелились: вышли из “зоны” и стали продвигаться к Иману, также заняли деревню Яковлевку к востоку от Спасска. Но за последние дни они снова вернулись к своему прежнему расположению, очистив станцию Усури и деревню Яковлевку. Это дает нам возможность сохранить связь с Анучинским районом, где нами организован областной нарревком. Последние сведения оттуда говорят, что настроение там благоприятное в нашу пользу и что можно развить широкое движение против японцев.

Если японцы не предпримут похода на север, мы удержим в своих руках Анучинский район и оттуда будем продолжать “войну” с белыми и беспокоить японцев.

С Китаем полный застой. Какая-либо работа с пекинским правительством сейчас фактически невозможна. Вблизи Пекина вот-вот начнутся военные* события: война Чжан Цзолия с У Пэйфу¹. По этому вопросу одновременно посылается вам информационный материал.

Я уже телеграфировал, что нужно реорганизовать представительство РСФСР в Пекине, переменив личный состав, включая руководителей. Надеюсь, что вы разрешите этот вопрос своевременно. Мне крайне неудобно писать по этому вопросу, так как я нахожусь в хороших личных отношениях и с т. Виленским², и с т. Пайкесом. Но обстановка сложилась такая, что наиболее целесообразным будет отзыв из Пекина и т. Виленского, и т. Пайкеса.

К нам обратился губернатор Цицикарской провинции с предложением начать переговоры с ним по вопросам, касающимся провинции и ДВР. Указывает, что пекинское правительство сейчас не может ни одного вопроса разрешить, а посему целесообразнее говорить непосредственно. Очевидно, он руководствуется стремлением укрепить чжанцзолиновский тыл. Намерен с ним разговаривать с тем, чтобы выведать его стремления, и с тем, чтобы установить связь с Чжан Цзолином, которую до сих пор не удавалось завязать. Само собой понятно, что при этом нужна будет максимальная осторожность и нужно будет воздержаться от действительной фиксации каких-либо серьезных соглашений от имени правительства ДВР. Однако были бы допустимы временные местные соглашения по пограничным вопросам. Желательно знать ваше мнение об этом. Одновременно посылаю письмо о положении ДВР вообще и взаимоотношениях ДВР с Россией.

С коммунистическим приветом

Я. Янсон

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 999. Л. 22–24. Копия.

¹ Междоусобная война между маньчжурской (лидер Чжан Цзолинь, 1873–1928) и центральнокитайской милитаристской группировками (У Пэйфу, 1874–1939) в апреле–мае 1922 г. за контроль над Пекином. Закончилась поражением Чжан Цзолия и потерей им трех провинций на северо-востоке Китая, примыкавших к Маньчжурии.

² Виленский-Сибиряков Владимир Дмитриевич (1888–1942) – полпред НКВД РСФСР на Дальнем Востоке. В 1920–1922 гг. вел переговоры с китайским правительством о взаимном признании и судьбе КВЖД. В конце 1922 г. уволен из НКВД за ошибочную позицию в вопросе о КВЖД. Перешел на работу в редакцию газеты “Известия”

* Далее зачеркнуто слово “действия”.

*Записка наркома по военным и морским делам
и председателя Реввоенсовета республики Л.Д. Троцкого
председателю Исполкома Коминтерна Г.Е. Зиновьеву
о проведении революционной пропаганды
среди японских солдат в ДВР**

20 мая 1922 г.

Тов. Зиновьеву, копия – Политбюро, т. Сталину¹

Последние телеграммы говорят о высадке японцами во Владивостоке новой дивизии и о предстоящей высадке еще одной. Японская монархия в своей политике против Советской России толкается, по-видимому, тем же роком, который направил царскую Россию против Японии в 1904 г. Перед нами открывается здесь величайшее поле революционной деятельности. Мы ничем не стеснены, так как на нас явно и очевидно нападают. Я думаю, что помимо широко поставленной конспиративной работы в пределах Дальневосточной республики нужна открытая агитация с нашей стороны. Нужно, например, письмо т. Ленина к японским солдатам – краткое письмо с выяснением задач Советской республики и причин, почему на нее нападает японский милитаризм.

Помимо прямого своего воздействия в смысле воздействия на японских солдат такое письмо будет иметь огромное косвенное значение, напомнив всем возможным нашим недругам, что могущественное оружие нашей прямой революционной пропаганды остается целиком в наших руках и грозит каждой стране, которая на нас покусится.

Особенно важной остается, однако, систематическая работа. Нужно на Дальнем Востоке создать серьезный и крепкий революционно-агитационный центр в составе нескольких японцев и нескольких русских с Катаямой² во главе.

Л. Троцкий

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 999. Л. 26. Заверенная копия.

¹ Сталин Иосиф Виссарионович (1879–1953) – с 1919 г. член Политбюро ЦК, с апреля 1922 г. генеральный секретарь ЦК РКП(б)/ВКП(б).

² Катаяма Сэн (1859–1933) – один из создателей компартии Японии, с 1922 г. член Исполкома Коминтерна и Президиума ИККИ.

* Приложение к протоколу № 8 заседания Политбюро ЦК РКП(б) от 26 мая 1922 г. См. док. № 19.

№ 19

Постановление Политбюро ЦК РКП(б) “О Дальнем Востоке”*

№ П8/8

26 мая 1922 г.
Строго секретно

Принять предложение т. Троцкого с заменой слов “революционный штаб” словами “революционно-агитационный центр” (см. приложение)**.

Секретарь ЦК

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 999. Л. 25. Копия.

№ 20

Выписка из протокола № 42 заседания Дальбюро ЦК РКП(б) о возобновлении переговоров с Японией***

30 мая 1922 г.

Москва, ЦК РКП – Сталину, Молотову
Наркоминдел – Чичерину, Карахану, Духовскому

Слушали: доклад тов. Антонова о предложениях директора департамента по европейским делам японского МИД Мацудайра о возобновлении переговоров с возможностью допущения к участию в этих переговорах Советской России.

Постановили:

1) Возобновление переговоров с Японией признать целесообразным при условии:

1) обязательного участия РСФСР и точного определения срока вывода японских войск из Приморья;

2) добиваться расширения программы переговоров;

3) местом переговоров предложить Читу, в крайности станцию Маньчжурия.

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 999. Л. 29. Копия.

* Вопрос представлен Л.Д. Троцким. Выписка из протокола № 8 заседания Политбюро ЦК РКП(б) от 26 мая 1922 г., п. 8.

** См. док. № 18.

*** Передана Я.Д. Янсоном по прямому проводу 31 мая 1922 г. из Читы.

№ 21

*Запись разговора по прямому проводу
заместителя народного комиссара
иностранных дел РСФСР Л.М. Карахана и Я.Д. Янсона
о желании Японии возобновить переговоры с ДВР
и вывести войска*

31 мая 1922 г. 17 час.

Москва, НКИД – Чичерину, Карахану, Якубовичу

У аппарата т. Янсон и Мархлевский, просят подойти Чичерина к аппарату, и Карахана, и Духовского.

[Я.Д. Янсон]: Не имея возможности подробно представить содержание многочисленных разговоров с одним из наиболее ответственных лиц японского Мининдела Мацудайра, ограничусь общим указанием, что помимо инспирированных заметок в японской прессе в японском Мининделе неоднократно мне говорили о твердом решении япон[ского] правительства вывести войска из Сибири и о желании возобновить переговоры с правительством ДВР.

[Л.М. Карахан]: т. Янсону: прошу передать записку по проводу. Принимать будет мой секретарь Шеншев. Если необходимо принять какое-либо решение в связи с японскими переговорами, дайте весь материал*. Завтра Политбюро, и можно будет завтра же дать ответ.

Л. Карахан

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 999. Л. 27. Заверенная копия.

№ 22

*Записка представителя
Дальневосточного телеграфного агентства В. Антонова
в НКИД РСФСР о предложении МИД Японии
возобновить переговоры с ДВР***

31 мая 1922 г.

Москва, Наркоминдел – Чичерину, Карахану, Духовскому

Резолюция япон[ского] президента Приморья о требовании вывода япон[ских] войск с русской территории также свидетельствует о том, что япон[ское] правительство ничего не имеет против, чтобы у него был отнят часто использовавшийся им аргумент о необходимости защищать жизнь и имущество находящихся в Сибири японских подданных. Когда 17 мая Мацудайра посоветовал мне

* См. док. № 22–24.

** Передана по прямому проводу.

информировать правительство ДВР о дружественных (пришел т. Духовский, прошу передавать) намерениях Японии по отношению к России, я сказал, что могу сделать только в случае предоставления мне права на посылку шифровок. Ответ должен был мне показать, есть ли у них желание завязать сношения с Читю. Когда мне дан был положительный ответ, то решил от себя лично предложить посредничество в возобновлении переговоров. 20 мая в японском Мининделе на это мне посоветовали ехать скорее в Читю. 21 мая Мацудайра мне заявил, что японское правительство готово возобновить переговоры, если чит[инское] пра[вительство] это предложит. Я сказал, что если чит[инское] пра[вительство] выразит также свое согласие, то переговоры должны начаться с того, на чем оборвались в Дайрене. Если, как и в Дайрене, вопрос будет поставлен в ультимативной форме, то незачем и огород городить. Мацудайра мне ответил, что если Чита так же искренно* хочет договориться, как Токио, то удовлетворяющее обе стороны решение будет найдено. Я сказал, что вопросы, подлежащие разрешению на предполагаемой конференции, будут касаться не только ДВР, но и Сов[етской] России, и потому необходима конференция трех государств: РСФСР, ДВР и Японии.

Мацудайра ответил, что если Чита это предложит, то японское прав[ительство], вероятно, согласится.

Антонов

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 999. Л. 28. Дешифрант.

№ 23

*Записка членов делегации РСФСР и ДВР на переговорах с Японией в НКИД РСФСР об условиях их возобновления***

31 мая 1922 г.

Чита

Москва, НКИД – Чичерину, Карахану, Духовскому

Из сообщения тов. Антонова явствует, что японцы желают возобновить с нами переговоры. В развитие постановления Дальбюро*** намечаем следующий план: тов. Антонов возвращается немедленно в Токио и заявляет о нашем желании возобновить переговоры. Ему дается от нас письменный меморандум, кот[орый] он вручает яп[онскому] пра[вительству]. После предварительных

* Слово “искренно” вписано вместо зачеркнутого “исправно”.

** Передана по прямому проводу.

*** См. док. № 20.

переговоров получает на этот же меморандум письменный же ответ японцев. Этот меморандум исходит от ДВР, и в нем указывается, что переговоры мы возобновляем при условии: 1) участия представителей сов[етского] пра[вительства]; 2) выдвигание в первую очередь вопроса эвакуации и фиксации срока ее. По вопросу о содержании и объеме переговоров полагаем начать их под видом продолжения дайренских. Первым выставим вопрос об эвакуации и подписании общего договора. После подписания уже разработанного в Дайрене торгового договора* и военного соглашения** немедленно же перейти к обсуждению выделенных вопросов о николаевских¹ и о Сахалине, о рыбалках² и о заключении договора между Японией и РСФСР. Соответствующим образом изменить редакцию проектов нот о выделении николаевских и сахалинского вопросов, также получить от японцев заявление о немедленном открытии переговоров, о договоре с Советской Россией и о соглашении о рыбалках. Т[аким] о[бразом] добиваться, чтобы немедленно после подписания соглашения с ДВР и соглашения об эвакуации Южного Приморья японцы перешли к обсуждению других вопросов и программа конференции была бы расширена. Выставлять немедленно расширенную программу считаем нецелесообразным. Это дало бы возможность японцам снова тянуть и задержало бы разрешение вопроса об эвакуации Южного Приморья. Допускаем, чтобы завершение переговоров об общем договоре и воен[ном] соглашении в той плоскости, как они велись в Дайрене, были закончены, и эти соглашения подписаны без РСФСР. Но в дальнейшей расширенной программе конференции, также в сахалин[ском], николаевском вопросах участие РСФСР ультимативно. По вопросу о месте переговоров предлагаем Читу. Соглашаемся на Маньчжурию. Если на этом пункте японцы не согласны, то обмениваемся мнениями. Если конференция примет более широкий характер, перейдет к вопросам РСФСР, желательно ее устроить в каком-нибудь нейтральном пункте Западной Европы. Просим сообщить Вашу точку зрения, также информацию о Западе, необходимую для ориентации. Полагали бы целесообразным снабдить Антонова также меморандумом с предложением начать переговоры также от имени РСФСР. Вы могли бы его прислать Антонову телеграфно. Ответ нужно немедленно. Антонов выезжает из Читы в Токио в пятницу 2 июня утром.

Мархлевский, Янсон, Антонов

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 999. Л. 29–30. Копия.

* Проект торгового и общего соглашения см. док. № 40.

** О существовании военного соглашения см. док. № 40.

¹ Имеются в виду николаевские события, или так называемый николаевский инцидент 1920 г., в течение нескольких лет осложнявший советско-японские отношения. Начало инцидента восходит к решению большевистского Амурского Совета Благовещенска от февраля 1920 г. взять Николаевск (на Амуре), занятый японскими войсками и белогвардейцами. Военную экспедицию осуществляли партизанские отряды под командованием Я.И. Тряпицына, выступавшего за войну с Японией. 29 февраля отряды Тряпицына вошли в город по соглашению с японским гарнизоном, который также остался там. 12–14 марта между сторонами произошли кровавые столкновения. По советской версии, первыми 12 марта напали японские части, по японской – провокацию организовали силы красных. В результате обоюдной трехдневной резни с обеих сторон погибли сотни военных и гражданских лиц. Оставшиеся в живых японцы были заключены в тюрьму. В отместку за инцидент японские войска в апреле–мае 1920 г. высадились в устье Амура и оккупировали Северный Сахалин. Бежавшие из Николаевска отряды Тряпицына расстреляли всех заключенных японцев. В результате общие потери японцев в николаевских событиях марта–мая 1920 г. составили, по их данным, до 700 человек. Японское правительство заявляло, что оккупация Северного Сахалина будет продолжаться до разрешения николаевского вопроса. Она закончилась лишь в середине 1925 г.

² Имеются в виду пересмотр российско-японской рыболовной конвенции 1907 г. и предоставление японцам рыболовных концессий на Дальнем Востоке.

№ 24

*Записка представителя РСФСР
на переговорах с Японией Ю.Ю. Мархлевского
в НКВД РСФСР о целесообразности бойкота
японских пароходов в портах Западной Европы и США**

31 мая 1922 г.

Чита

Москва, НКВД – Чичерину, Карахану

Считаю необходимым провести немедленно бойкот японским пароходам. Настроение Америки и Англии очень благоприятно. Следовательно, дело пройдет легко. Если фактически несколько пароходов не будет выгружаться и нагружаться, это сильнейшим образом подействует на японцев и сделает яп[онское] пра[вительство] более сговорчивым. Думаю, что следует поставить переговоры так: об эвакуации Приморья может сговориться ДВР без участия РСФСР, а дальнейшие переговоры необходимо вести в нейтральной стране Западной Европы.

Мархлевский**

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 999. Л. 31–32. Копия

* Передана по прямому проводу.

** См. док. № 30.

*Записка Я.Д. Янсона в НКВД РСФСР
о намерении Японии вывести войска из ДВР
и об участии РСФСР в переговорах*

Не ранее 31 мая 1922 г.*

Чита

Весьма срочно

Москва, НКВД – Карахану, Духовскому
ЦК РКП – Сталину

Одновременно передаю шифровку Антонова о переговорах с японцами**. Очевидно, японцы относятся к делу серьезно, разрешили Антонову послать шифровку. Антонов передает: все японские газеты печатают сообщение, что японский кабинет вынес постановление об эвакуации японойск. Очевидно, такое решение действительно было. Японцы не желают связать формально эвакуацию с переговорами с нами, чтобы сохранить престиж и иметь возможность заявлять, что они пришли в Сибирь и уходят по собственному почину и желанию. В то же время они постараются фактически связать эвакуацию с соглашением с нами. Для этого они уже вынесли постановление кабинета об эвакуации, обещая произвести [ее] от августа по октябрь с тем, чтобы до того времени успеть договориться с нами. Этим постановлением они стремятся также разрядить сильно развивающееся оппозиционное настроение против нового кабинета. Очевидно, если переговоры с нами не состоятся или не дадут положительного результата, то они не выполнят постановления своего кабинета об эвакуации. Вероятно, что японцы не согласятся обусловливать эвакуацией вступление в силу подписываемых с нами соглашений, а в лучшем случае согласятся дать нам одностороннее заявление, в котором будет сказано, что они по постановлению своего кабинета министров решили эвакуироваться примерно к 15 октября. Нам нужно будет сделать так, чтобы в случае, если эвакуация не произойдет, иметь возможность аннулировать подписанные соглашения. Если потребуется, это можно будет сделать путем отказа утвердить подписанные соглашения Народным собранием ДВР, которое соберется в ноябре, то есть к моменту, когда эвакуация должна быть уже осуществлена. Таким порядком вопрос эвакуации мог бы быть разрешен, и первое наше условие переговоров можно было бы считать удовлетворительным.

* Датируется по док. № 22.

** См. док. № 22.

Второе условие было об участии в переговорах России и ДВР в единой делегации. Судя по сообщению Антонова, японцы согласятся на участие России в переговорах. Возможно, допустят представителя России на все заседания. Но, очевидно, японцы не согласятся на единую делегацию ДВР и России, желают сначала подписать с одной ДВР выработанное уже в Дайрене торговое и общее соглашение и договариваться с Россией о других вопросах, примерно о николаевском и рыбном.

Во время дайрен[ских] переговоров мы согласились на это. Но последние директивы ЦК говорят определенно о переговорах единой делегации с общими от ДВР и РСФСР мандатами для наших представителей. Полагал бы, что в крайности можно было бы согласиться на сообщаемую Антоновым форму, то есть выступать вместе, но не настаивать на подписании всех соглашений с ДВР. Однако, соглашаясь на это, следует повести дело так, чтобы одновременно с соглашением о торговле, подписываемым ДВР и Японией, было бы подписано и какое-нибудь соглашение с Россией, примерно о рыбе; также добиваться того, чтобы путем постановки частных вопросов соглашения России с Японией привести конференцию к обсуждению вопроса о взаимоотношениях с Россией в целом. В пункте 5-м и 10-м последнего дайренского проекта соглашения* полагал бы никаких уступок не делать.

Прошу вас обсудить сообщение Антонова и дать срочный ответ, насколько сообщенные условия японцев и изложенные сообщения являются приемлемыми. Нужно определенно выяснить, на какие условия и уступки мы согласны идти с тем, чтобы не было волокиты и неопределенности во время переговоров. Если сообщенные условия японцев будут признаны неудовлетворительными, то можно предложить Антонову сообщить наши ультимативные условия и без их принятия не начинать конференции. Пусть японцы производят эвакуацию, не имея соглашения с вами, или отрекутся на деле от вынесенного постановления об эвакуации. Последнее выгодно тем, что усилит оппозицию в Японии. Если же условия японцев в общем считать приемлемыми, то можно поручить Антонову все же настаивать на наших условиях, договариваться о месте и времени и, встретившись с японцами, попытаться настоять на наших условиях на самой конференции. Однако кончить вторые переговоры без результатов было бы для нас невыгодно как в смысле международном, так и ввиду возможного усиления позиции японских милитаристов после вторичных неудачных переговоров.

* См. док. № 40.

Присланная вами нота японцам еще не передана. Полагаю, что сейчас можно ее передать независимо от того, какие будут наши дальнейшие шаги. Прошу Вашего разрешения на передачу ноты и ее опубликование.

Помета: "ПБ 9/2. 1.06.[19]22 г."

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 999. Л. 36-37. Заверенная копия.

№ 26

*Записка Я.Д. Янсона в НКВД РСФСР
с текстом меморандума ДВР к правительству Японии
об условиях возобновления переговоров**

1 июня 1922 г.

Чита

Москва, НКВД – Карахану, Духовскому

Передаю проект нашего меморандума японцам: "Министру иностранных дел японского императорского пр[авительст]ва.

Пр[авительст]во ДВР неоднократно заявляло, что оно руководствуется стремлением установить мирные и дружеские взаимоотношения между ДВР и Японией.

К сожалению пр[авительст]ву ДВР в силу обстоятельств, от него не зависящих, не удавалось это стремление осуществить. Тем не менее оно намерено и в будущем добиваться установления дружеских отношений с японским императорским пр[авительст]вом. Для этой цели пр[авительст]во ДВР считало бы весьма желательным возобновление переговоров между Японией и ДВР, прерванных 16 апреля в Дайрене.

Путем этих переговоров вопросы, касающиеся экономических взаимоотношений между Японией и ДВР, были уже в достаточной степени выяснены, и было достигнуто принципиальное соглашение между обеими сторонами по всем пунктам торгового соглашения. Ввиду этого пр[авительст]во ДВР полагает, что продолжение прерванных переговоров должно было бы начаться с вопросов, оставшихся несогласованными, а именно: с вопросов, связанных с эвакуацией яп[онских] войск из Приморского края, разрешение каких могло бы быть незамедлительно закончено определением срока эвакуации.

Точно так же пр[авительст]во ДВР полагает, что поскольку при предыдущих переговорах остались неразрешенными вопросы, затрагивающие интересы РСФСР, состоящей в экономическом союзе с ДВР, то дальнейшие переговоры возможны лишь

* Передана по прямому проводу.

при участии в них полномочных представителей пр[авительств]а РСФСР. Пр[авительств]о ДВР надеется, что императорское японское пр[авительств]о разделяет указанные предположения и таковые будут осуществлены при возобновлении переговоров.

Если японское имп[ераторское] пр[авительств]о изъявит желание на возобновление переговоров и будет руководствоваться указанными предположениями, правительство ДВР согласно договориться относительно места и времени возобновления переговоров и не замедлит выслать своих полномочных представителей.

Чита. 1 июня 1922 г. Мининдел ДВР Янсон”

Конец меморандума. Если пошлете меморандум также от РСФСР, прошу согласовать.

Янсон

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 999. Л. 30–32. Копия.

№ 27

*Телеграмма генерального секретаря ЦК РКП(б) И.В. Сталина в Дальбюро ЦК РКП(б) о целесообразности возобновления переговоров с Японией**

№ 49971/с

1 июня 1922 г.

Дальбюро ЦК

По вопросу о переговорах с Японией Политбюро принято решение:

“а) Признать возобновление переговоров с Японией целесообразным.

б) Рассматривая имеющиеся быть возобновленными переговоры как осуществление, между прочим, договора о ненападении, заключенного в Генуе¹, Политбюро считает, что переговоры должны вестись между Японией и объединенной делегацией РСФСР и ДВР, причем делегация наша должна иметь полномочия от обеих республик (РСФСР и ДВР).

в) Предварительным условием возобновления переговоров должен быть поставлен вопрос о выводе японских войск из Сибири и принципиальное согласие Японии на определение точного срока их вывода.

г) Наметить кандидатом на ведение переговоров со своей стороны т. Иоффе.

д) Сообщить Дальбюро, что никакие дипломатические шаги в связи с переговорами с Японией не должны быть ими предпринимаемы ни в каком случае без предварительного согласия ЦК.

* Отправлена шифром.

е) Вызвать немедленно т. Мархлевского в распоряжение ЦК”

Посылая вам это постановление Политбюро*, сообщаю, что при принятии его Политбюро руководствовалось, с одной стороны, гарантийным договором в Генуе о ненападении, в силу которого решающее слово в деле защиты независимых союзных республик было признано за РСФСР, и, с другой стороны, договором между РСФСР и союзными республиками, принятым перед отъездом нашей делегации в Геную², в силу которого объединенной делегации наших республик поручена защита интересов этих республик по всем вопросам, прямо или косвенно связанным с вопросами Генуи. Из этого вы поймете, что попытка Японии заключить договор с ДВР без официального участия РСФСР есть покушение ликвидировать те завоевания, которых нам удалось добиться в Генуе. Постараемся возможно скорее направить к вам Иоффе.

Секретарь ЦК Сталин**

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 999. Л. 34–35. Заверенная копия.

¹ Имеются в виду временные обязательства, принятые в мае 1922 г. Советской Россией вместе с союзными с ней республиками, с одной стороны, и остальными участниками Генуэзской конференции – с другой, о взаимном ненападении на период переговоров об урегулировании разногласий с РСФСР по финансово-экономическим вопросам. Это распространялось в том числе на ДВР и Японию.

² Данный договор между РСФСР и союзными республиками был подписан 22 февраля 1922 г.

№ 28

*Записка уполномоченного РСФСР
на переговорах с Японией А.А. Иоффе в НКИД РСФСР
о японском предложении придать переговорам
официальный характер*

№ 217/Р

9 июня 1922 г.
Токио

Наркоминдел, Москва***

Виконт Гото¹ мне сейчас официально от имени премьера сообщил нижеследующее:

Ввиду отсутствия решения кабинета по русскому вопросу премьер-министр Като предлагает мне следующее: 1) все быв-

* Выписку из протокола № 9 заседания Политбюро ЦК РКП(б) от 1 июня 1922 г. см.: АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 999. Л. 33.

** Штамп: “Прот[окол] ПБ № 9, п. 2. 1.06. 1922 г.”

*** Копии направлены членам Политбюро ЦК РКП(б), членам коллегии НКИД РСФСР, С.И. Духовскому.

шие до сих пор переговоры считать не существовавшими, начать новые неофициальные переговоры по вопросам предварительных условий для 3-й российско-японской конференции с той разницей против уже имевших место переговоров, что теперь они должны вестись официально на то уполномоченными правительствами обеих сторон чиновниками. В связи с этим 2-й пункт: хотя известно, что я – представитель для всего Дальнего Востока, но яп[онское] прави[тельство] официально об* этом ничего не знает, поэтому просит русс[кое] пра[вительство] официально его уведомить. 3-й пункт – личная мне любезность: яп[онское] пра[вительство], считаясь с моей болезнью, снимает для переговоров помещение в той же гостинице, где я живу, не возражая против ведения мною переговоров о деле. Я ответил, принимая все эти условия.

По пункту 4-му указал Гото: во-первых, мои три предварительных условия должны остаться, так как это те условия, без принятия которых Россия не считает возможной конференцию. Во-вторых, считаю: эти предложения не дадут выхода из положения, ибо замена неофициальных лиц официальными создаст лишь небольшую оттяжку на несколько дней или неделю. Я могу это принять, так как по запрету врачей все равно не могу уехать, но убежден, что как только на неофициальных переговорах придем к двум важнейшим пунктам яп[онских] предварительных условий – николаевскому вопросу и вопросу признания нами интернациональных обязательств (то есть признание нами прежних русско-японских договоров², признание нами наших долгов Японии, признание нами убытков частных граждан – японцев, потерпевших от мероприятий революционного времени), так сейчас же начнутся прежние трения в кабинете, создастся невозможность соглашения ввиду глубокого моего убеждения, [что в] этих вопросах русс[кое] пра[вительство на] уступки не пойдет. А ввиду того что теперь будут вести переговоры официальные представители, все дело легко окончится полным разрывом.

По 2-му пункту очень прошу вас послать прямо по телеграфу в адрес министру иностранных дел графу Утиде³ приблизительно такую ноту: “До сведения русс[кого] пра[вительства] (или СССР пра[вительства] – этого не знаю) дошло, что императорское японское правительство желает вступить с официальным представителем России в пока неофициальные переговоры о предварительных условиях для 3-й российско-японской

* В тексте ошибочно “они”.

конференции. Ввиду этого рабоче-крестьянское правительство, или Наркоминдел, или русс[кое] пра[вительство], или СССР пра[вительство] сообщает, что таким уполномоченным РСФСР или СССР на указанных выше переговорах русс[кое] пра[вительство] или СССР пра[вительство] назначает своего чрезвычайного полномочного представителя на Дальнем Востоке и т.д. А. Иоффе”

Очень прошу поскорее исполнить мне либо копию нашей телеграммы графу Утиде, либо уведомление, когда она отправлена. Подробности сообщу дополнительно.

Иоффе

Помета: “Пол[учено] 10 июня 0 час 45 м[ин].”

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 999. Л. 38–39. Заверенная копия.

¹ Гото Симпей (1857–1929) – в 1920–1923 гг. член палаты пэров, мэр Токио; в 1923–1924 гг. министр внутренних дел Японии, с 1925 г. президент японо-советского общества культурных связей.

² Имеются в виду русско-японские соглашения 1907 и 1910 гг., конвенция 1912 г. и договор 1916 г. (см.: *Гримм Э.Д.* Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке, 1842–1925. М., 1927), секретные статьи которых были аннулированы советским правительством после Октябрьской революции 1917 г.

³ Утида Ясуя (1865–1936) – в 1918–1923 гг. министр иностранных дел Японии.

№ 29

*Постановление Политбюро ЦК РКП(б) “О работе т. Иоффе”**

№ П13/4

22 июня 1922 г.
Строго секретно

Принять предложение НКИД о назначении Иоффе чрезвычайным полномочным представителем в Пекине с сохранением поручения о переговорах с японцами.

Секретарь ЦК

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 999. Л. 40. Копия.

* Вопрос представлен Л.М. Караханом. Выписка из протокола № 13 заседания ЦК РКП(б) от 22 июня 1922 г., п. 4.

*Письмо Ю.Ю. Мархлевского в Политбюро ЦК РКП(б)
о желательности организовать бойкот японских пароходов
докерами Англии и США*

1 июля 1922 г.

В Политическое бюро ЦК РКП

Дня 1 мая рабочие Лондона устроили крупную демонстрацию перед зданием японского посольства, требуя эвакуации японских войск из Сибири и угрожая, что если это требование не будет исполнено, рабочие не будут нагружать и разгружать японские корабли.

Об этом факте я узнал в Пекине. Приехав в Москву, я был крайне удивлен, что ни в Исполкоме Ком[мунистического] Интернационала, ни в Наркоминдел об нем ничего не известно. Однако, как я убедился, в английской секции ИККИ факт хорошо известен, и имеются по нему материалы.

Думаю, что необходимо эту угрозу английских рабочих привести в исполнение и постараться втянуть в эту акцию также транспортных рабочих Америки.

Если хоть несколько японских кораблей не будут нагружаться и выгружаться в портах Америки и Англии, это произведет в Японии громадный эффект. Нет сомнения, что довольно широкие круги японской торгово-промышленной буржуазии стоят на той точке зрения, что оккупация вредна для Японии, ибо она делает невозможной торговлю с Сибирью. Если эта оккупация вызовет удар по японской морской торговле, это будет очень сильный удар, можно надеяться, что сопротивление буржуазных кругов против оккупации, желательной исключительно для милитаристов, сильно возрастет. Ввиду возможности возобновления переговоров с Японией это может иметь громадное значение.

С революционной точки зрения такое непосредственное вмешательство рабочих в международную политику также чрезвычайно полезно.

Провести бойкот японских кораблей будет легко: 1) число японских кораблей, прибывающих в порты Англии и Америки, сравнительно очень незначительно, и, следовательно, жертвы, которые пришлось нести рабочим, минимальны; 2) и в Америке, и в Англии общественное мнение настроено очень враждебно по отношению к Японии (кампания Нордкифа¹), и потому акция рабочих встретит сочувствие широких кругов.

Я переговорил об этом вопросе с тов. Белл, представителем Ком[мунистической] партии Англии в ИККИ, он согласен повести в Англии пропаганду за этот бойкот.

Так как тов. Белл уезжает на днях в Лондон, необходимо спешное решение по этому вопросу.

С товарищеским приветом

Ю. Мархлевский

Резолюция: “Копию НКИД через ПБ на заключение. А. Н[азаретян]”².

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 999. Л. 46. Заверенная копия.

¹ Лорд Нордкиф (Хармсворт Альфред) (1865–1922) – крупнейший английский газетный магнат, признанный мастер пропагандистских кампаний.

² Назаретян Амаяк Маркарович (1889–1937) – в 1922–1923 гг. заведующий бюро секретариата ЦК РКП(б).

По поручению И.В. Сталина 5 июля 1922 г. копия направлена Л.М. Карахану на заключение НКИД РСФСР (см.: АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 999. Л. 45). См. также док. № 34, 36.

№ 31

*Записка Я.Д. Янсона в НКИД РСФСР по вопросам организации и места проведения переговоров между РСФСР, ДВР и Японией**

№ 245

2 июля 1922 г.

Чита

Москва, НКИД – Карахану, Духовскому, Иоффе

Одновременно передаю телеграмму, полученную сегодня из Харбина. Японцы дали письменный ответ на нашу ноту. Полагаю, что этот ответ можно считать удовлетворительным. В нем имеется:

1-е: указание об эвакуации; 2-е: согласие на участие Совроссии в конференции; 3-е: ничего не говорится о дайренском проекте. Эти три наши требования таким образом соблюдены.

Согласие на участие Совроссии японцы формулировали туманно японским жаргоном и ссылаются на заявление Мацудайры, сообщенное т. Антонову. Наиболее конкретной формулировкой в заявлении Мацудайры по этому вопросу, сделанном т. Антонову, было следующее: все три делегации подписывают все договоры с оговоркой, что каждая делегация подписывает его за себя. Таким образом вопрос сводится к тройственной вместо двойственной конференции. Полагаю, на это можно будет пока согласиться, постараться на самой конференции добиться максимума прав для совделегации, для чего наш ответ по этому вопросу сформулирован так, чтобы в нем было указание на эти права,

* Копии направлены Л.М. Карахану, Я.С. Ганецкому, Г.В. Чичерину, С.И. Духовскому, А.А. Иоффе, членам Политбюро ЦК РКП(б).

однако без особого подчеркивания нашего требования о двойственной конференции. Вопрос о дайренском проекте как базе и нашем отказе от этого, полагаю, сейчас затрагивать не стоит, а оставить до конференции.

Дальнейшие шаги мыслю себе в таком виде. Сегодня мое сообщение вам является официальным сообщением читинского правительства московскому правительству. На основании этого сообщения Совроссия может дать уже ответ японцам официально. Нужно решить, как послать этот ответ: или по отдельности от ДВР и РСФСР, или от обеих стран общих. Полагаю, этот ответ должен быть коротким с подтверждением получения сообщения нашего и вашего согласия на конференцию и указанием, что делегаты выедут в ближайшие дни и их фамилии будут сообщены дополнительно.

По вопросу о месте, по-моему, следует поручить договориться т. Антонову. Мы уверены, что на Токио они согласятся, но опасаемся, что если мы сразу предложим Токио, то японцы могут испугаться и начнут питать всякие подозрения. Поэтому лучше, чтобы т. Антонов устно договорился о месте путем окольной наводящей беседы, примерно, предлагая Москву, Берлин, Пекин и, наконец, Токио как крупные пункты, где имеется хорошая информация о происходящих международных изменениях. Мы можем упомянуть в нашем ответе, что этот вопрос поручаем выяснить Антонову или же послать об этом сообщение частным путем через Яmanoути¹. Добавляю, что японцы торопятся. Сегодня же до получения японского официального ответа из Харбина была вторая телеграмма Яmanoути с вопросом об ответе Антонова. В ней говорилось, что япон[ское] правительство желает, чтобы договор был подписан до 15 августа. Если это не удастся сделать, то японцы будут принуждены принять меры по охране своих резидентов и по своему усмотрению распорядиться с запасами амуниции после эвакуации. Полагаю, что нам не стоит затягивать открытие конференции и что т. Иоффе должен немедленно выехать.

Сейчас прошу вас: 1-е: сформулировать и передать нам ваш ответ, решив вопрос, будет ли он общий от ДВР и РСФСР или от каждой страны отдельно; 2-е: разрешить т. Антонову немедленно выехать для переговоров о месте, о чем дать ему окончательную директиву от вас; 3-е: ускорить выезд т. Иоффе и разрешить вопрос о составе делегации и экспертах, чтобы заблаговременно пригласить всех необходимых. За оставшееся время нужно выяснить вопрос, какие же предложения мы делаем японцам, причем я еще раз указываю, что удобнее всего будет начать танцевать с

дайренской печки. К следующему проводу приготовлю более подробные соображения о дайренском проекте и необходимых к нему изменениях. Прошу сообщить, к какому дню вы дадите ответы на эти вопросы.

Янсон

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66 Д. 999. Л. 58–59. Заверенная копия.

¹ Яmanoути – генеральный консул Японии в Харбине.

№ 32

*Записка В. Антонова и Я.Д. Янсона в НКВД РСФСР
о выдвинутых японской стороной условиях
возобновления переговоров**

№ 1205

6 июля 1922 г.

Москва, НКВД – Карахану, Духовскому
ЦК РКП – Сталину

Из переданной вам информации т. Антонова явствует:

1) Вопрос эвакуации япон[ских] войск действительно решен.
2) Японцы соглашаются на участие Советской России во всех переговорах и на подписание договора Японии с ДВР также с Сов[етской] Россией, однако не соглашаются на единую делегацию ДВР и РСФСР.

3) Японцы придерживаются проекта соглашения, достигнутого в Дайрене, и не согласятся начать с самого начала переговоры в совершенно новой постановке.

4) Местом переговоров японцы выдвигают Дайрен с перенесением в дальнейшем во Владивосток. Отвергают Читу или Маньчжурию. В крайности соглашаются на Харбин**. Считаем эти условия в общем приемлемыми и переговоры на этих условиях целесообразными.

После[дние] ваши директивы расходятся с этими условиями. Вы настаиваете на единой делегации, отвергаете дайренский проект. Просим срочно сообщить, являются ли эти директивы ультимативными? Если японцы не согласятся на единую делегацию ДВР и РСФСР и не согласятся на полное отклонение дайренского проекта соглашения и выработку нового, то следует ли нам прекратить дальнейшие переговоры или возможны какие-либо уступки от этих наших требований?*** Если считаете, что разно-

* Вверху над текстом надпись: “Эти записки срочны по доставке адресатам” См. док. № 33.

** П. 4. подчеркнут карандашом И.В. Сталиным.

*** Слова “возможны... требований” подчеркнуты карандашом И.В. Сталиным.

гласия, обнаружившиеся между нашими и японскими условиями, можно будет устранить, и дадите об этом директиву, то просим указать ваши соображения о месте переговоров.

Антонов предполагает выехать обратно в Токио в субботу в один час ночи. Желателен ответ к этому времени. Повторяем, ответ требуется по следующим вопросам*: 1) Удовлетворит ли вас участие Сов[етской] России наряду с ДВР во всех переговорах и подписание представителями ДВР и РСФСР достигнутого соглашения каждым от имени своей страны, а не в качестве единой делегации РСФСР и ДВР, то есть тройственная, а не двойственная конференция? 2) Согласны ли вы, чтобы конференция началась с подписания 3-я сторонами – Японией, ДВР и РСФСР проекта дайренского соглашения в нашей редакции с некоторыми изменениями и в дальнейшем была расширена ее программа и обсуждены затронутые вопросы и неразработанные в Дайрене и возможно новые вопросы? 3) Ваши директивы относительно места переговоров.

Антонов, Янсон

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 999. Л. 41. Копия.

№ 33

*Записка В. Антонова в НКВД РСФСР
о согласии Японии подписать предложенную делегацией ДВР
редакцию Дайренского соглашения*

№ 1206/III

6 июля 1922 г.

Чита

Москва

Наркоминодел – Карахану, Духовскому

Сообщаю более подробно предложения японцев. 24 июня меня пригласили в японский Мининдел, где Мацудайра дал мне на бланке Мининдела, но без подписи, постановление правительства, в котором говорилось: “Совмин постановил вывести все япон[ские] войска до 30 октября текущего года и принять соответствующие меры для охраны японских резидентов” В устной беседе он сказал, что решение будет приведено в исполнение независимо от подписания или неподписания договора. Япония согласна на участие Сов[етской] России с самого начала переговоров и на подписание ею всех договоров, которые

* Слова “ответ вопросам” подчеркнуты карандашом, текст п. 1–3 отчеркнут на полях И.В. Сталиным.

будут выработаны на конференции, но с тем, что три делегации будут подписываться каждая за себя. Мацудайра настаивал на подписании общего и торгового соглашения до 15 августа, то есть до момента начала эвакуации. Значит, от заключения или незаключения договора будет зависеть передача хранящихся во Владивостоке боевых припасов (главным образом американского пороха) ДВР или оставление их во Владивостоке. Год назад припасы эти оценивались в 50 миллионов рублей золотом. Ясно, что японцы, уведя войска и не добившись заключения с нами договора, не только организуют против нас меркуловцев*, но будут всячески пакостить в Северной Маньчжурии, организуя оттуда набеги.

Япония предлагает подписать нашу редакцию Дайренского соглашения со вставкой в 5-м параграфе и изменением 10-го. Сначала Мацудайра настаивал на принятии японской редакции 10-го. Я ответил, что ни в каком случае мы не можем согласиться на изгнание принципа открытых дверей, ибо желаем контролировать работу иностранного капитала на нашей территории. Если ДВР согласится на подписание соглашения, предложенного ею в Дайрене, то 10-й параграф может быть переработан, но смысл и содержание должны остаться те же. Мацудайра согласился на нашу редакцию, но с тем, что там не будет никаких указаний на какие-либо преимущества для японских подданных, в частности не будет упомянуто слово “концессии”, ибо Япония желает только тех прав, которые будут предоставлены всем иностранцам. На основании этого мы можем настаивать на изменении пункта Дайренского соглашения, который говорит о выработке условий японского судоходства по Амуру – существенной нашей уступки в Дайрене.

Против участия Сов[етской] России Мацудайра не делал принципиальных возражений. Он выражал опасения, что советская делегация из-за склонности большевиков разглагольствовать, выработать соглашения и под конец отказываться их подписывать и на этот раз внесет столько поправок в ДВР-скую редакцию Дайренского соглашения, что дело затянется дольше 15 августа, то есть крайнего срока начала эвакуации. Японский Мининдел добивается торгового и общего соглашения, ибо уверениями, что ДВР заключит договор, он одержал верх над частью сопротивляющихся эвакуации японских военных. Если договора заключено не будет, военщина возьмет снова верх.

* О меркуловцах см. док. № 2, прим. 1.

В грубых чертах эвакуация решена по следующим основаниям:

1) Интервенция привела к полному прекращению экономической деятельности японцев на русском Дальнем Востоке, а в силу укрепления положения Сов[етской] России и вообще неблагоприятной Японии международной обстановки интервенцию нельзя превратить в оккупацию.

2) Экономическая депрессия все сильнее дает себя чувствовать в Японии, а в этом году ожидается вследствие засухи неурожай риса, под которым занято 56% посевной площади.

3) Усилившееся вследствие безработицы недовольство существующим положением, требования со всех сторон сокращения расходов и требования, прямо направленные против интервенции, обостряющей вражду со стороны России и поглощающей массу средств.

4) Внушает большое подозрение платоническая поддержка Америкой интересов России в то время, когда она по существу подталкивает Японию на захват русской территории. Политика Америки рассматривается как стремление заключить Японию в кольцо враждебных государств (Канада, Соединенные Штаты, Австралия, Китай и Россия), расчет, что в случае просто нейтралитета России Америка ей не страшна, так как Япония уязвима не со стороны океана, а со стороны русского Даль[него] Востока.

5) Надежды на то, что не находящие сбыта японские товары и имобилизованные капиталы найдут применение в Сибири.

В случае подписания договора японцы готовы оказать нам содействие в мирной ликвидации меркуловщины и сделают это раньше вывода своих войск, но после подписания общего и торгового соглашения, что доказывается и их предложением на одно–два заседания съехаться в Дайрене или Харбине, а затем переехать во Владивосток.

Необходимо будет настаивать на предоставлении японцами гарантий, которые они обещали дать при подписании дайренского договора, а именно – удастся добиться получения обязательства не дать Меркулову угнать пароходы военноморского флота и Доброфлота, отчего они раньше отказались.

Антонов

№ 34

*Письмо Л.М. Карахана в Политбюро ЦК РКП(б)
о желательности бойкота японских пароходов**

№ 147/к

11 июля 1922 г.

Предлагаемое т. Мархлевским проведение бойкота Японии в настоящий момент, когда японское правительство постановило и всюду прорекламировало свое решение эвакуировать Приморье, становится менее актуальным, но все-таки Наркоминдел считает полезным провести за границей предлагаемую т. Мархлевским меру, чтобы оказать на японцев давление и не дать им возможность раздумать или вновь оттянуть эвакуацию Приморья.

З[ам.] Наркоминдел

Л.Карахан

Помета: "Всем чл[енам] ПБ. 12.07."

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 999. Л. 44. Подлинник.

№ 35

*Письмо Л.М. Карахана И.В. Сталину
о направлении полномочного представителя РСФСР
в Китае А.А. Иоффе в Читу
для проведения переговоров с Японией***

№ 148/к

11 июля 1922 г.

В ЦК РКП тов. Сталину

Копии всем членам Политбюро

Из Пекина через китайского представителя в Москве мной получено согласие на назначение т. Иоффе в Пекин. Таким образом отъезд его может иметь место немедленно. Тов. Иоффе будет в четверг 13.07. в Москве***, чтобы окончательно сговориться с нами о деталях поездки, личном составе и пр., и можно считать, что на будущей неделе он сможет уже выехать****.

Его приезд на Дальний Восток имеет важное значение в особенности теперь, когда ДВР начала предварительное зондирование о возобновлении переговоров с Японией. Переговоры эти находятся пока в очень неумелых руках, и с приездом тов. Иоффе

* См. док. № 30, 36.

** Вверху слева помета: "ПБ 17/3. 13.07 [19]22 г."

*** Фраза подчеркнута И.В. Сталиным.

**** Слова "на будущей... выехать" подчеркнуты И.В. Сталиным.

на Дальний Восток придется передать руководство тов. Иоффе, чтобы гарантировать необходимую деловитость и точность в проведении даваемых из Москвы указаний.

С коммунистическим приветом

Л.Карахан

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 999. Л. 52. Подлинник.

№ 36

*Постановление Политбюро ЦК РКП(б) “Предложение т. Мархлевского об Японии”**

13 июля 1922 г.
Строго секретно

3. а) Предложение т. Мархлевского отклонить**.

б) Указать Наркоминотделу*** на недопустимость того обстоятельства, что переговоры ведутся неизвестным Наркоминотделу Антоновым, и поручить т. Карахану немедленно навести о нем справку, а также затребовать от Дальвоста объяснения посылки Антонова, не дождавшись инструкции и проекта ноты Наркоминотдела.

в) Поручить Наркоминотделу немедленно направить в Читу т. Иоффе.

г) Подтвердить еще раз Дальвосту по партийной линии, что какие бы то ни было переговоры с Японией могут вестись ими только совместно и под руководством Наркоминотдела и тов. Иоффе.

Секретарь ЦК

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 999. Л. 49. Копия.

№ 37

*Телеграмма Я.Д. Янсона в НКИД РСФСР о принципиальном согласии Японии на переговоры*****

№ 241

17 июля 1922 г.
В[есьма] срочно
Секретно

Москва, Карахану, Духовскому

Передаю телеграмму нашего уполномоченного в Харбине тов. Озорнина: “Только что у меня был Яманоути. Он получил

* Вопрос представлен Л.М. Караханом. Выписка из протокола № 17 заседания Политбюро ЦК РКП(б) от 13 июля 1922 г., п. 3.

** См. док. № 30.

*** Здесь и далее так в тексте. Правильно “Наркоминделу”

**** Копии направлены членам Политбюро ЦК РКП(б), членам коллегии НКИД РСФСР, А.А. Иоффе, С.И. Духовскому.

ночью телеграмму из Токио, в которой выражается принципиальное согласие Японии на переговоры, причем японский Мининдел просит Антонова сообщить Мацудайре ответ на сделанные Мацудайрой предложения, без чего Мининдел затрудняется составить письменный ответ на нашу ноту. Яmanoути предлагает для скорости Антонову свой ответ Мацудайре передать в Харбин мне для передачи в Токио через Яmanoути. Яmanoути также просит Антонова при проезде через Харбин с ним повидаться. Между прочим он сообщил новость о состоявшемся якобы решении японцев эвакуировать свои войска не только [из] Приморья, но и из Николаевска, исключая северную часть Сахалина и бухту Де-Кастри. 15 июля, № 618. Озорнин". 17 июля.

Янсон

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 999. Л. 53. Заверенная копия.

№ 38

*Письмо Л.М. Карахана И.В. Сталину об участии РСФСР
в конференции между Японией и ДВР
и с предложениями о месте ее проведения*

№ 164/к

21 июля 1922 г.

В Политбюро ЦК РКП тов. Сталину

Копии всем членам Политбюро

О переговорах с Японией

В прилагаемом при сем ответе Японии, переданном в виде ноты японским генконсулом¹ представителю ДВР в Харбине², необходимо отметить: 1. Заявление об эвакуации япон[ских] войск Приморья (без упоминания о Сев[ерном] Сахалине) до 1 ноября текущего года и 2. Согласие на участие России в конференции между Японией и ДВР.

На участие России в конференции Япония согласна "при наличии условий, регулирующих оформировку* соглашения". К сожалению, эта оговорка, которую нельзя отнести только к недостаткам японского стиля, не дает никакого материала для точного суждения о том, при каких условиях они считают возможным участие России. Из не совсем ясных телеграмм Антонова, которому японцы в Токио сообщали об этих условиях, можно думать, что японцы хотят на конференции видеть три делегации, из которых каждая подписывает и обязывается за свое правительство, иначе говоря, японцы боятся, чтоб на конференции они не очути-

* Так в тексте. Нота была передана японцами на русском языке.

лись перед лицом одной делегации России, которая будет уполномочена и от имени ДВР. Я думаю, что нам не следовало бы начинать длительную переписку о конструкции конференции, ибо это оттянуло бы конференцию на много недель. Достаточно указать, что на ноту, врученную японцам 30 июня*, ответ получен через три недели 19 июля. С другой стороны, труднее заставить Японию признать нашу конструкцию конференции путем обмена нот или через малопригодных для дипломатии товарищей, находящихся в ДВР, чем если поставить своей задачей добиться этого на самой конференции. Из-за этого вопроса после того, как конференция соберется, японцы рвать не будут, и мы, не связанные заранее ничем, можем рассчитывать на признание единой делегации РСФСР и ДВР на самой конференции.

Поэтому я предлагаю в связи с полученной нотой ответить следующим образом:

1. В японской ноте яп[онское] пра[вительство] выражает согласие на наше участие в конференции, поэтому я считал бы необходимым, чтобы дальнейшие переговоры уже сейчас велись при участии РСФСР. По этим соображениям ответная нота Японии должна пойти за подписями РСФСР и ДВР.

2. Выразить в ответной ноте удовлетворение и констатировать, что Япония заявила об эвакуации своих войск до 1 ноября. Причем в ответной ноте сказать: “эвакуация из русских территорий на Даль[нем] Вост[оке]”. Японцы сообщают о “полной эвакуации из Приморской области”, таким образом вопрос о Сахалине оставляют открытым. Наша формулировка или заставит японцев сделать разъяснение, если же они ничего не ответят сейчас, то на конференции мы между прочим будем ссылаться на то, что они своим молчанием признали правильность нашей точки зрения, а именно, что все русские территории на Д[альнем] В[остоке] должны быть эвакуированы.

3. О конструкции конференции сказать, что на ней должны быть представлены на равных началах Россия, ДВР и Япония и что договор должен быть подписан от имени каждого из представленных на конференции правительств. Эта общая формулировка не исключает единой делегации России и ДВР и таким образом не связывает нам рук для борьбы на самой конференции за единую делегацию.

4. По вопросу о месте переговоров отклонить и Харбин, и Дайрен: Харбин из-за тревожной обстановки в связи с событиями в

* Ноту правительства ДВР см.: Документы внешней политики СССР (Далее: ДВП СССР). Т. 5. М., 1961. С. 473–474.

Китае³ и поэтому не обеспечивающий спокойной деловой работы, Дайрен – из-за плохой связи с Читой и в особенности с Москвой.

Предложить Читу, Москву в ноте, а устно сообщить, что, может быть, согласились бы на Пекин.

Приложение: Нота Японии*. Переписка по проводу с Янсоном**.

С коммунистическим приветом

Л. Карахан

Помета вверху слева: “21.07. 8¹/₂ час. веч[ера]. А. Н[азаретян]⁴.”

Пометы на отдельном листе:

“1. Караханом разослано всем членам ПБ.

2. Он просил срочного ответа, в случае согласия немедленно передаст по назначению.

3. Завтра вечером или послезавтра утром будет в Москве. Сокольников⁴, 21.07. А. Н[азаретян].

Согласен с предложениями т. Карахана. Молотов. 21.07.”

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 999. Л. 55–56. Подлинник.

¹ Яманоути.

² Озорнин Е.К.

³ Имеется в виду междоусобная война китайских милитаристских группировок. См. док. № 17, прим. 1.

⁴ Сокольников Григорий Яковлевич (Бриллиант Гирш Янкелевич) (1888–1939) – нарком финансов РСФСР (СССР) в 1922–1926 гг.

№ 39

Записка А.А. Иоффе

*“Основные директивы для переговоров с Японией”****

22 июля 1922 г. Смольный
Сов. секретно

В Политбюро ЦК РКП
Предсовнаркома
Предреввоенсовета
Предкоминтерна
Предмоскисполкома
Наркоминдел

И.В. Сталину
В.И. Ленину
Л.Д. Троцкому
Г.Е. Зиновьеву
Л.Б. Каменеву
Г.В. Чичерину

I. Категорически требовать эвакуации японских войск со всей территории РСФСР и ДВР. Без этого никаких соглашений.

II. Никаких особых привилегий или уступок ни в политической, ни в экономической областях для Японского государства

* См.: Там же. С. 530–531.

** Не публикуется.

*** Штамп: “Прот[окол] ПБ № 19, п. 2. 27.07. [19]22 г.” См. док. № 41.

или японских граждан по отношению к другим буржуазным государствам и их гражданам.

III. Стремясь к соглашению с Японией, не бояться, однако, разрыва, ибо последний не особенно опасен, во всяком случае не настолько, чтобы во имя соглашения идти на особые уступки.

IV. Принимая во внимание, что Япония переживает предреволюционный период, стараться использовать переговоры в агитационных целях.

V. Считаясь с тем, что в наших взаимоотношениях с Соединенными Штатами Северной Америки Япония является сильнейшим козырем и обратно, стараться использовать эти обстоятельства.

VI. Все остальное, как не могущее быть предусмотренным, должно быть обсуждаемо в процессе переговоров.

А. Иоффе

АПРФ. Ф.3. Оп. 66. Д. 999. Л. 61. Заверенная копия.

№ 40

*Записка Л.М. Карахана И.В. Сталину
“К переговорам с Японией”**

№ 169/к

26 июля 1922 г.

В Политбюро ЦК РКП тов. Сталину
Копия всем членам Политбюро

Переговоры в Дайрене были прерваны из-за отказа японцев фиксировать точно срок эвакуации японских войск из Приморья. По всем пунктам выработанного в Дайрене соглашения (см. Приложение № 1) между делегациями ДВР и Японией было достигнуто полное согласие. Выработанное в Дайрене соглашение имело место при постоянном контакте с Москвой; таким образом, статьи, имеющие торговое и военное значение, разрабатывались при участии и санкционировании НКВТ и РВСР. На основании всех наших сведений японцы на предстоящей конференции будут добиваться подписания выработанного в Дайрене текста и во всяком случае будут настаивать, чтобы он был положен в основу работ предстоящей конференции.

Поэтому, несмотря на то, что дайренский текст в свое время был нами принят, необходимо более внимательно и строго отнестись к нему теперь по следующим соображениям: во-первых, ситуация на Дальнем Востоке изменилась серьезно в нашу пользу: японцы под влиянием различных факторов решили эвакуировать

* Штамп: “Протокол ПБ № 20, п. 15. 31.07. [19]22 г.”. См. док. № 42, прим. 2.

Приморье до 1 ноября и нотифицировали уже ДВР об этом, между тем во время дайренских переговоров мы добивались этой эвакуации и готовы были идти на большие уступки, лишь бы получить в договоре их обязательство на этот счет; во-вторых, в Дайрене переговоры вела одна ДВР и обязательства, которые к лицу этому государственному убудку, не к лицу России. Но дело не в вопросе нашего престижа, а в том, что мы не можем брать на себя обязательств, которые нарушали бы наше внутреннее законодательство, а главное, мы не можем позволить ДВР взять по договору с Японией обязательства, которые могут служить помехой в свое время неизбежной советизации ДВР.

1. Вопрос об эвакуации япон[ских] войск

В Дайрене разрыв произошел как раз на этом вопросе. При чем мы соглашались, чтобы Япония эвакуировала только Южное Приморье, оставляя открытым вопрос об эвакуации Николаевска-на-Амуре и Северного Сахалина. В предстоящих переговорах мы должны требовать эвакуации всех российских территорий, не соглашаясь иначе на подписание какого бы то ни было соглашения. Такое наше требование имеет все основания рассчитывать на успех, так как, несмотря на решение эвакуироваться из Приморья, в Японии продолжается энергичная кампания за полную эвакуацию, то есть и из Сахалина.

В Дайрене наше требование об эвакуации мы включали в особое соглашение, подписываемое одновременно с общим соглашением. По-видимому, одним из мотивов, почему японцы разорвали переговоры, отказавшись подписать особое соглашение, было нежелание совершить эвакуацию в порядке нашего требования по договору. На предстоящих переговорах мы должны настаивать на заключении особого соглашения об эвакуации, но ввиду того, что они нам об этом уже нотифицировали и по-видимому они на этот раз приняли серьезное решение очистить Приморье, мы можем согласиться на то, что они одновременно с подписанием сообщат нам особой нотой об этом с точным указанием сроков эвакуации.

2. Вопрос о неукреплении Владивостокской крепости и корейской границы

В Дайрене было достигнуто соглашение на следующей формулировке: “Правительство ДВР, ставя своей задачей развитие внутреннего благосостояния своей страны и установления мирных дружественных экономических взаимоотношений с японским народом на основах заключенного договора о дружбе и тор-

говле и в целях экономии народных средств, решило не возводить на своем побережье против Японской империи и на границах Кореи новых крепостей, а также привести боевые средства крепостей, как-то Владивостока, в состояние небоеспособности, оставив в неприкосновенности наличные сооружения и помещения, и упразднить специальный аппарат управления крепостями, предназначенный для боевых действий. Оставаясь чуждым каким бы то ни было империалистическим стремлениям, правительство ДВР во имя своих основных суверенных прав будет лишь проводить и поддерживать оборонительные средства, в частности ее морского побережья и границ на высоте, обеспечивающей неприкосновенность ее территории, а также спокойное развитие морской и сухопутной торговли, каботажного плавания, рыбных и других промыслов”

Эта формулировка совершенно неприемлема, во-первых, с точки зрения достоинства республики, ибо она носит односторонний и капитуляционный характер. Поэтому, выбросив из нее одностороннюю мотивировочную часть, превратить в деловое, взаимное обязательство. Причем на Японию возложить обязанность не возводить укреплений в Корее, в пограничных с нами районах, на Южном Сахалине и Курильских островах.

Это наше требование нетрудно обосновать, тем более, что это было бы лишь подтверждением обязательств, уже взятых Японией по другим договорам.

Не укреплять Южный Сахалин Япония обязалась по Портсмутскому договору¹, а Курильские острова по ст. XIX Вашингтонского трактата, подписанного 6 февраля с.г.²

3. Николаевские события

Япония в Дайрене пыталась связать вопрос о возмещении за николаевские события с вопросом об эвакуации Северного Сахалина. В особом обмене нот должна быть закреплена наша готовность “разрешить с полным обязательством вопрос о николаевских событиях”, и Япония обязывалась “вывести свои войска из Сахалинской области немедленно по разрешении этого вопроса”. В предстоящих переговорах оба эти вопроса должны быть безусловно разъединены. Разрешение вопроса о николаевских событиях должно быть отнесено к моменту разрешения всех наших претензий. Но так как вопрос этот сильно интересует японцев и они будут настаивать на его упоминании в каком-либо документе, можно согласиться обещать в ноте, при подписании соглашения, разрешить этот вопрос при обсуждении всех других взаимных претензий.

4. Гарантии прав собственности японцев, приобретенных ими законно на Дальнем Востоке

Этот вопрос являлся и будет самым боевым во время переговоров. В Дайрене ДВР согласилась в особом протоколе закрепить это следующей формулировкой: “Правительство ДВР гарантирует японским подданным на своей территории владение имуществом и неприкосновенность прав собственности, приобретенных ими в порядке статей подписанного сего числа соглашения” (то есть основного соглашения – прил[ожение] № 1).

Подобная формулировка была вынуждена от ДВР в обстановке военной угрозы и слабости нашего собственного международного положения. В предстоящих переговорах мы должны ее решительно отвергнуть, ибо это если не исключало бы, то во всяком случае создало совершенно не учитываемые сейчас трудности при ситуации ДВР. Мы столкнулись бы на Дальнем Востоке с развитым институтом частной собственности иностранцев, да еще защищенным по договору и фактически охраняемым силами Японии.

Японцы получили бы на Дальнем Востоке то, что мы даже за кредиты не дадим ни одному иностранному государству: мы полностью без ограничения признаем все имущественные права их даже на те отрасли хозяйства, которые у нас в России являются монополией государства.

Мои предложения сводятся к тому, чтобы: 1. Признать за японцами только те права, которые ими были приобретены при царском и Временном правительствах. 2. Резервировать в соглашении возможность ограничивать и даже отчуждать эти права в пользу государства за справедливое вознаграждение на основании законодательных актов.

Мы вынуждены пойти в этом пункте на такую уступку, иначе никакое соглашение с Японией не будет возможно.

5. Каботажное плавание

Вопрос этот был предметом постоянных домогательств Японии в прошлом, и на Дальнем Востоке он имеет исключительно военно-политическое значение.

В основном соглашении мы даем им право каботажного плавания, необходимо в предстоящих переговорах это решительно отвергнуть.

В этих пяти пунктах затронуты лишь существенные вопросы, известные нам из хода переговоров в Дайрене, и поэтому, если будут приняты вышеизложенные мои предложения, то они

исчерпают все те вопросы, с которыми тов. Иоффе придется столкнуться в первое время на переговорах с Японией.

Что касается проекта директив, предложенных тов. Иоффе*, то некоторые пункты его директив вызывают возражение.

Пункт III. Разрыва бояться не следует, но в случае невозможности достигнуть соглашения необходимо переговоры тянуть, не демонстрируя нашей готовности разъехаться, по крайней мере до срока эвакуации японских войск. Что же касается “особых уступок”, то в случае, если мои предложения будут приняты и в их пределах нельзя будет достигнуть соглашения, тов. Иоффе надлежит до разрыва запрашивать Москву о возможности дальнейших уступок, сообщая минимум требований, могущих удовлетворить Японию. С другой стороны, боязнь разрыва ни в малейшей степени не должна служить основанием хотя бы к малейшей уступке сверх установленных Политбюро директив.

Пункт IV. Использование переговоров в агитационных целях, имея в виду предреволюционный период Японии, было бы чрезвычайно опасно. Вести переговоры с таким расчетом, чтобы чрезмерная требовательность японцев и вследствие этого невозможность восстановления мира и спокойствия на Дальнем Востоке падала целиком на ответственность Японии и давала материал для “противоправительственной агитации” в самой Японии, необходимо, но не больше. Всякие сношения с японскими коммунистами, в особенности, если переговоры будут в Токио, должны быть исключены. Японской коммунистической партии мы не знаем, ее деятелей, кроме немногих, бывших в России, также; при исключительной способности японцев к шпионажу и “перевоспложению” мы имеем много шансов нарваться на провокацию, а во время переговоров это могло бы их сорвать, поэтому на время переговоров такие сношения должны быть исключены.

С коммунистическим приветом

Л. Карахан

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 999. Л. 64–68. Заверенная копия.

¹ Портсмутский мирный договор между Россией и Японией подписан 23 августа (5 сентября) 1905 г. (См.: Сборник договоров России с другими государствами, 1856–1917. М., 1952. С. 337–344).

² Имеется в виду договор пяти держав, подписанный на Вашингтонской конференции 1921–1922 гг. (См.: Вашингтонская конференция по ограничению вооружений и тихоокеанским и дальневосточным вопросам, 1921–1922. М., 1924).

* См. док. № 39.

*Проект торгового и общего соглашения между ДВР
и Японией*

Не позднее 30 марта 1922 г.*

Последний проект Дайренского соглашения
Торговое и общее соглашение

Предисловие

Императорское японское правительство и ДВР, стремясь к установлению между обоими народами мирных и торговых взаимоотношений и к развитию экономических и других связей между обеими странами и признавая в этих целях необходимым заключить предварительное соглашение между обоими правительствами впредь до заключения в будущем формального трактата, определяющего экономические и политические взаимоотношения между обеими странами, согласились установить следующие статьи:

Статья 1

Каждая из договаривающихся сторон обязуется уважать суверенитет другой, не предпринимать враждебных действий или мероприятий против другой стороны, не вмешиваться в дела противной стороны и не вести вне пределов своей территории прямой или косвенной пропаганды, могущей угрожать установленному в пределах другой страны государственному порядку, равно обязуется принимать меры к недопущению и прекращению на своей территории пребывания и деятельности всякого рода групп, лиц и организаций, стремящихся к нарушению существующего в другой стране государственного порядка.

Статья 2

Подданным или гражданам каждой из договаривающихся сторон предоставляется согласно законам данной страны право прибытия, путешествия и проживания в пределах ее территории. Подданные или граждане каждой из договаривающихся сторон, направляющиеся на территорию другой, должны снабжаться национальными паспортами, выдаваемыми надлежащими властями, и получать визы от соответствующих представителей другой страны.

* Датируется по док. № 14.

Статья 3

Подданные или граждане каждой из договаривающихся сторон, пребывающие в пределах другой, пользуются полным покровительством согласно законам этой страны в отношении личной безопасности и неприкосновенности имущества наравне с гражданами собственными или третьего государства.

Статья 4

Подданные или граждане каждой из договаривающихся сторон пользуются на территории другой свободой вероисповедания и совести согласно законам последней.

Статья 5

Подданные или граждане каждой из договаривающихся сторон пользуются правами заниматься торговлей, обрабатывающей промышленностью, промыслами, профессиями и ремеслами на территории другой стороны, причем в отношении торговли и обрабатывающей промышленности пользуются на территории другой страны всеми правами, которые предоставлены или будут предоставлены законодательством последней, и не поставляются в менее благоприятное положение, чем подданные или граждане наиболее благоприятствуемых наций, в отношении промыслов и ремесел – чем подданные или граждане третьего государства. Настоящий пункт не распространяется на права, которые предоставлены или могут быть предоставлены гражданам какого-либо государства, объединенного с данной страной договором об экономическом союзе.

Статья 6

Правительства договаривающихся сторон взаимно временно признают права торговли, сообщения и мореплавания согласно законам каждой страны, притом каждая страна обязуется не поставять подданных или граждан и суда другой в менее благоприятное положение, чем таковые третьего государства. Правительства договаривающихся сторон обязуются заключить немедленно по подписании настоящего договора соглашение о предметах, касающихся торговли, сообщения и мореплавания, а также о таможенном тарифе и таможенных правилах, основанное на принципе наибольшего благоприятствования. Настоящая статья не распространяется на права, которые предоставлены или могут быть предоставлены гражданам какого-либо государства, объединенного с данной страной договором об экономическом союзе.

Статья 7

Правительство ДВР соглашается пересмотреть и улучшить те из существующих во Владивостоке портовых правил и другие положения, которые затрудняют торговлю и мореплавание.

Статья 8

Правительства договаривающихся сторон обязуются достигнуть соглашения об открытии почтово-телеграфных сношений немедленно по подписании настоящего договора.

Статья 9

Правительства договаривающихся сторон обязуются начать немедленно по подписании настоящего договора переговоры для пересмотра русско-японской рыболовной конвенции¹ или для заключения временного соглашения, заменяющего упомянутую конвенцию, согласившись отменить статьи, стеснительные для рыбопромышленников обеих наций, поскольку это противоречит целям охраны водных богатств, равно дополнить означенную конвенцию статьями, выгодными для рыбопромышленников обеих стран, и статьями о более успешной охране водных богатств. Правительство ДВР также соглашается обсудить вопрос о предоставлении японским судам права каботажного плавания, поскольку оно необходимо для производства рыбного промысла на основании *предыдущей части настоящей статьи*.

Статья 10

Правительство ДВР, исходя из закона республики, предоставит японским подданным концессии на горные и лесные промыслы и др[угие] аренды на началах, выгодных для обеих стран, при условии соблюдения законов страны в целях развития мореплавания. Правительство ДВР предоставит японским подданным право участия в русских обществах каботажного судоходства.

Статья 11

Правительства договаривающихся сторон приступят к переговорам по поводу пересмотра заключенных между императорским японским правительством и бывшими признанными российскими правительствами договоров, конвенций и др[угих] соглашений. Правительства договаривающихся сторон обязуются признавать права, приобретенные подданными или гражданами обеих сторон, в том же виде, как они есть, если эти права по существу или по способу приобретения их не противоречат зако-

нам той страны, на территории которой они возникли. Права, приобретенные японскими подданными с 25 августа по момент полного установления власти правительства ДВР в районах территорий, находящихся в этот период вне сферы фактического подчинения означенному правительству, стороны признали считать недействительными.

Статья 12

Правительства договаривающихся сторон могут командировать взаимно на территорию другой своих представителей и подчиненных им лиц, которые пользуются такими же общими правами, как предоставлено дипломатическим представителям, а равно могут командировать лиц, исполняющих функции и пользующихся особыми правами консульских чинов согласно норм международного права. Что же касается числа упомянутых представителей и лиц или мест их пребывания, то таковые определяются по особому соглашению между правительствами договаривающихся сторон.

Статья 13

Постановления настоящего соглашения вступают в силу с момента подписания и продолжают иметь силу впредь до заключения формального акта, предусмотренного в предисловии сего договора.

Статья 14

Все соглашения, заключенные на основании настоящего договора и прилагаемые к сему документы, считаются имеющими равную с этим договором силу как дополнительные статьи.

Статья 15

В случае необходимости дополнения или развития каких-либо положений сего соглашения правительства договаривающихся сторон могут по особому соглашению заключать дополнительные статьи к сему соглашению.

Статья 16

Настоящий договор составляется на русском и японском языках, и при толковании его оба текста считаются аутентичными.

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 999. Л. 69–73. Заверенная копия.

¹ Русско-японская рыболовная конвенция 1907 г. (См.: Полное собрание законов Российской империи. Т. 27. С. 463–469).

*Проект ноты японского правительства правительству ДВР
о готовности вывести войска с о. Сахалин
и соблюдении территориальных прав ДВР*

Не позднее 26 июля 1922 г.*

Дипломатическая нота

Г. уполномоченный!

По поводу разрешения вопроса о николаевских событиях имею честь от имени японского правительства сделать следующее заявление: Императорское японское правительство заявляет, что у него при разрешении вопроса о николаевских событиях не имеется намерения нарушить суверенитет и территориальные права ДВР. Причем оно готово вывести свои войска из Сахалин[ской] области немедленно по разрешении означенного вопроса.

Подпись:

Протокол 1. Правительство ДВР готово разрешить с полным обязательством вопрос о николаевских событиях.

2. Императорское японское правительство соглашается приступить немедленно по подписании торгового и общего соглашения и прилагаемых к нему документов к переговорам с правительством ДВР по вопросу о николаевских событиях.

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 999. Л. 74. Заверенная копия.

*Проект ноты правительства ДВР правительству Японии
с предложением не обсуждать на переговорах
вопрос об Амуре и Сунгари*

Не позднее 26 июля 1922 г.**

Дипломатическая нота

Г. уполномоченный правительства ДВР сим предлагает возникший вопрос об Амуре и Сунгари¹ на настоящей конференции снять с обсуждения с тем, что правительство ДВР в будущем обменяется мнениями по означенному вопросу с японским правительством.

Подпись

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 999. Л. 74. Заверенная копия.

¹ В ходе Дайренской конференции японская делегация требовала признать право плаванья по рекам Амур и Сунгари судов под японским флагом.

* Датируется по док. № 40.

** Датируется по док. № 40.

*Проект ноты правительства ДВР правительству Японии
о гарантии неприкосновенности
собственности японских подданных
на территории Дальневосточной Республики*

Не позднее 26 июля 1922 г.*

Дипломатическая нота
Г. уполномоченный!

Приступая к подписанию торгового и общего соглашения, заключенного сего числа между правительством ДВР и Императорским японским правительством, имею честь сделать от имени правительства ДВР следующее заявление: правительство ДВР гарантирует японским подданным на своей территории владение имуществом и неприкосновенность прав собственности, приобретенных ими в порядке... ст. ст. подписанного сего числа соглашения.

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 999. Л. 74. Заверенная копия.

№ 41

*Постановление Политбюро ЦК РКП(б)
“О директиве т. Иоффе”***

№ П19/2

27 июля 1922 г.
Строго секретно

а) Утвердить директивы, предложенные т. Иоффе***, с поправками т.т. Сталина и Троцкого.

б) Поручить т. Карахану собрать материал о возможных дипломатических шагах по отношению к Сев[еро]-Амер[иканским] Соедин[енным] Шт[атам] и разослать всем членам Политбюро.

Секретарь ЦК

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 999. Л. 60. Копия.

* Датируется по док. № 40.

** Выписка из протокола № 19 заседания Политбюро ЦК РКП(б) от 27 июля 1922 г., п. 2.

*** См. док. № 39.

№ 42

Постановление Политбюро ЦК РКП(б)

“О переговорах с Японией”*

№ П19/10

27 июля 1922 г.
Строго секретно

а) В дополнение к утвержденной Политбюро директиве т. Иоффе**, принять предложение т. Карахана***.

б) Поручить т.т. Троцкому, Радеку¹ и Сталину ознакомиться с выработанными т. Караханом директивами товарищу Иоффе и при отсутствии возражений протелеграфировать вслед т. Иоффе².

Секретарь ЦК

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 999. Л. 62. Копия.

¹ Радек (Собельсон) Карл Бернгардович (1885–1939) – в 1920–1924 гг. член Исполкома Коминтерна.

² 31 июля 1922 г. Политбюро методом опроса своих членов приняло дополнительные директивы для Иоффе, предложенные Караханом (см.: АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 999. Л. 63, а также док. № 40).

№ 43

Письмо Г.В. Чичерина И.В. Сталину

с изложением мнения германского посланника в Токио Зольфа о целях внешней политики Японии

10 августа 1922 г.

Товарищу Сталину
Уважаемый товарищ!

Ввиду начавшихся у нас переговоров с Японией считаю необходимым сообщить Вам о моем разговоре с германским посланником в Токио доктором Зольфом. Мой последний обед у Штруббе, заместителя Мальцана¹, имел специальной целью свести меня с Зольфом. Он только что приехал в отпуск из Токио. Я старался главным образом выяснить, можно ли считать действительно существующим желание японского правительства эвакуировать Приморье, или это только маскировка продолжения империалистической политики. Из долгого разговора с Зольфом я вывел, что при крайней скрытности японцев и дисциплинированности их общественного мнения нет возможности ответить на это с уверенностью. Во всяком случае японцы будут максимально запрашивать и

* Вопрос представлен Л.М. Караханом. Выписка из протокола № 19 заседания Политбюро ЦК РКП(б) от 27 июля 1922 г., п. 10.

** См. док. № 39, 41.

*** См. док. № 40.

будут торговаться до седьмого пота. Обе партии – Сейюкай и Кенсейкай² – в сущности почти не разнятся одна от другой и обе одинаково империалистичны, как и вся Япония вообще. Выставляемые напоказ требования всеобщего голосования, эвакуация Приморья и т.п. – несерьезны. Именно так назыв[аемая] оппозиционная партия Кенсейкай в свое время поставила Китаю знаменитое 21 требование³. Самый оппозиционный японец, если ему сказать, что Япония в опасности, будет поддерживать правительство. В действительности феодализм не умер, он имеет громадное влияние на народную жизнь Японии. Нет ни одного народа, столь шовинистического, столь империалистического, столь сплоченного и столь проникнутого стремлением поддерживать величие своего отечества. Империалистическая гордость проникает всю японскую массу от первого даймё⁴ до последнего кули⁵ – все одинаково озабочены поддержанием национального величия.

Ни в коем случае не следует при переговорах с Японией угрожать, пытаться утратить и вообще держаться вызывающе; в результате все японцы встанут на дыбы и будут отвергать соглашение. Ни в коем случае не надо говорить о возможности того, что Япония будет нуждаться в нас; это всех японцев оскорбит и сделает нашими врагами. Можно только апеллировать к их интересам. Японцы гордятся своими победами над всеми народами и думают, что война выиграна благодаря им. Если обидеть их гордость, с ними нельзя иметь дело. Так чувствуют широкие массы. Нас не должны обманывать рисовые беспорядки; если бы что-либо угрожало Японии, та же масса оказалась бы вполне патриотичной. Пацифистской является нуждающаяся в сбыте промышленность, особенно сосредоточенная в Осаке. Имеется небольшой слой европеизированных профессоров и студентов, совершенно иначе настроенных, чем остальная масса, но политически это ничто. Японские финансы не могут быть больше нынешнего обременяемы, но в общем они здоровы, это страна кредиторов; финансовые соображения могут заставлять отказываться от слишком широких авантюр, но никакого катастрофического положения нет. Нас боятся отчасти из-за Кореи, но хотя весь корейский народ от первого до последнего жестоко ненавидит японцев, движение в самой Корее не переходит за пределы брожения, и вся Корея так наводнена японскими войсками, что прежняя партизанская борьба сейчас невозможна; Зольф сам объездил Корею и убедился в отсутствии партизанского движения. Не следует считаться с генро⁶. Оно играло роль, когда там были Окума и Ямагата. Теперь они оба умерли. Из старых сановников остались только Сайондзи и Мацуката, но их влияние

ничтожно. Широкие империалистические планы в духе паназиатизма и панмонголизма, которые проводились Окумой, теперь оставлены, нынешний империализм скромнее и ограничивается ближайшими задачами. Закулисная власть находится в руках не генро, а военного командования. Имеются закулисное правительство военных и официальное гражданское правительство, как в Германии до революции. Однако различие между тем и другим невелико, более тактическое, чем принципиальное. Оппозиционным элементом является низшее, молодое, интеллигентное, плохо оплачиваемое офицерство. Когда в армии брожение, оно происходит не среди солдат, а в низшем офицерстве. Но до бунтов или отказов служить или куда-нибудь идти оно не доходит. Всякие рассказы об отказах войск от службы или сражений – легенды. При этом способность японцев к шпионству поразительна, выработана веками (в период сёгунов⁷), и японцы несомненно гораздо лучше знают, что происходит у нас, чем мы о них.

На Японию Америка и Англия оказывают экономическое давление, но все толки о мнимом страхе Японии перед американским нападением – ребяческая болтовня. Как будет Америка вести войну против Японии? Вообще Америка не умеет вести войну. Она могла участвовать в мировой войне вместе с другими. Но ни в каком случае американцы не решатся наброситься со своим флотом на могущественную и в действительности очень сильную и вооруженную до зубов Японию. Это абсолютно противоречит самой психологии американцев. С другой стороны, все рассказы о союзе Японии с Францией несерьезны. Япония считается с Америкой и еще больше с Англией. Документы о мнимых японо-французских переговорах, конечно, подложны, никогда японцы при своей скрытности и осторожности не стали бы писать таких распоясанных депеш. Были отдельные моменты некоторого сближения между Японией и Францией, но не надолго. Япония считает французское правительство несерьезным. В особенности в Вашингтоне⁸ Франция произвела на всех настолько неблагоприятное впечатление, что Япония с тех пор не считается с ней серьезно.

Больше всего Япония считается и идет с Англией. На всех заседаниях Верховного Совета⁹ и между прочим теперь в Лондоне Япония идет с Англией. Но в то же время японское правительство очень сожалеет о поражении Германии и распаде старой России. Оно жалеет, что исчез противовес Англии. Оно очень хотело бы восстановления могущества Германии и России – но не Советской России. Тот страх перед большевизмом, который господствовал среди европейских правительств в 1919 г., в полной мере владеет японским правительством, несмотря на полную отсталость японских масс. Нежелание иметь соседями большевиков

есть главный мотив русской политики Японии. В самостоятельность ДВР японское правительство не верит, и она поэтому его не успокаивает. Больше всего японское правительство опасается проникновения в Японию большевистских представителей. Оно больше всего боится утраты японскими массами их нынешней патриархальности. Именно поэтому японское правительство так неохотно отдает Владивосток ДВР, то есть, по его мнению, – большевикам. Перспективы Зольфа по вопросу о наших переговорах с Японией поэтому не оптимистичны. Во всяком случае мы должны с полной уверенностью ожидать выставления японцами самых невыносимых требований и претензий.

Все эти сообщения столь авторитетного лица, как немецкий посланник, считаю крайне важными.

С коммунистическим приветом

Георгий Чичерин

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 999. Л. 75–78. Подлинник.

¹ Мальцан Адольф (1877–1927) – в 1921–1922 гг. начальник русского департамента МИД Германии, в 1922–1925 гг. статс-секретарь по иностранным делам.

² Сейюкай (“Сторонники конституционного правления”) – крупнейшая политическая партия Японии первых десятилетий XX в. Основана в 1900 г. Просуществовала до 1940 г. В 1918–1922 гг. и в 1927–1929 гг. правящая партия. Состояла из представителей промышленно-финансовых кругов, чиновничества, депутатов, адвокатов, богатых граждан. Покровителем являлся концерн Мицуи.

Кенсейкай (“Ассоциация конституционной политики”) – вторая по влиятельности партия торгово-промышленных групп Японии в 1910–1920-х годах. Основана в 1916 г. как оппозиция Сейюкай. В 1924–1927 гг. находилась у власти. С 1927 г. преобразована в партию Минсейто. Пользовалась покровительством концерна Мицубиси.

³ Требования Японии к Китаю от 18 января 1915 г. в целях установления своего экономического и политического господства в этой стране (см.: *Гримм Э.Д.* Указ. соч. С. 188–191).

⁴ Даймё – владетельные князья в феодальной Японии.

⁵ Кули – низкооплачиваемые неквалифицированные рабочие в азиатских странах.

⁶ Генро (“старейшие государственные деятели”) – внеконституционный орган в Японии с конца XIX в. по 1932 г., состоявший из представителей, также называвшихся генро, самых влиятельных семейных кланов страны. На первом этапе осуществлял коллективное руководство в Японии. В дальнейшем превратился в институт ближайших высокопоставленных советников императора. В 1920-е годы генро были С. Окума (1838–1922), А. Ямагата (1838–1922), М. Мацуката (1837–1924) и К. Сайондзи (1850–1940). Со смертью в 1940 г. Сайондзи этот орган прекратил свое существование и формально.

⁷ Сёгун – титул военно-феодалов правителей Японии в 1192–1867 гг., при которых императорские династии были лишены реальной власти.

⁸ Имеется в виду Вашингтонская конференция 1921–1922 гг.

⁹ Верховный совет Антанты.

№ 44

*Телеграмма Л.М. Карахана А.А. Иоффе
с предписанием руководствоваться директивами НКВД РСФСР
при проведении переговоров с Японией*

25 августа 1922 г.*

Шифром

Иоффе

Москва всегда будет руководить Вашей работой, даже в таких второстепенных вопросах, как выбор места переговоров, что отнюдь не пустяки. Инструкция, которая была дана, разрешала Вам согласиться только на Харбине, выбор другого пункта следовало согласовать с Москвой. Поскольку Янсон сообщил, что Вы уже известили японцев о Чанчуне, мы подтвердили Ваше решение. Прошу в тех случаях, когда у Вас имеется прямое указание из Москвы, не перерешать без нашего ведома во избежание недоразумений.

Карахан

Приписка Л.М. Карахана: «т. Сталину. Предлагаю дать ответ Иоффе на его телеграмму** с “категорическим протестом”. Если согласны поручить т. Назаретяну, сообщите мне. Вопрос о Чанчуне (не Чанчуре) был улажен сразу же после разговора с Вами по телефону. Карахан. 25.08».

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 999. Л. 79. Подлинник.

№ 45

*Записка Л.М. Карахана И.В. Сталину
с предложением возбудить на переговорах с Японией вопрос
о признании РСФСР де-юре****

№ 231/к

30 августа 1922 г.

Секретарю ЦК т. Сталину

Копии членам Политбюро

О Японии

Т. Иоффе возбуждает вопрос о том, чтобы в переговорах с Японией поставить вопрос о признании де-юре и только в крайнем случае подписать общие пункты торговых взаимоотношений в форме провизориума****.

* Датируется по приписке.

** Телеграмма не публикуется.

*** Штамп: “Прот[окол] ПБ № 24, п. 2 от 31.08. [19]22 г.”

**** Временное, предварительное соглашение (*лат.*).

Директивы, утвержденные Политбюро по переговорам с Японией, не предусматривали признания де-юре, в основу их были положены вопросы, возникшие в Дайрене, где договор с Японией намечался без признания де-юре. В настоящее время, учитывая общее улучшение положения России на Д[альнем] В[остоке], вопрос о де-юре было бы совершенно своевременно поставить. И в этом отношении с т. Иоффе можно согласиться. В крайнем случае т. Иоффе предлагает подписать предварительное соглашение, в котором будет указано, что после его подписания будет немедленно приступлено к заключению договора о возобновлении нормальных дипломатических сношений, в котором также будут разрешены все специальные вопросы о рыболовстве, плавании по Амуру и др. Предложение это безусловно следует принять в той не ультимативной форме, в которой предлагает т. Иоффе.

С коммунистическим приветом

Л. Карахан

Помета: "Всем чл[енам] П[олит]бюро 30.08. № 6500/с".

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 999. Л. 81. Подлинник.

№ 46

Постановление Политбюро ЦК РКП(б)

*"Телеграмма т. Иоффе"**

№ П24/2

31 августа 1922 г.

Строго секретно

Послать т. Иоффе следующую телеграмму:

"ЦК считает недопустимым выводить непосредственные директивы при переговорах с Китаем из общей декларации 1919–20 гг.¹, на которую своевременно не последовал соответственный ответ от Китая. Все выдвигаемые вами вопросы должны быть предметом совместного обсуждения и могут получить разрешение лишь в виде общего договора с Китаем. Что касается Монголии, то вопросы об ее государственно-правовом положении и выводе войск из Монголии должны быть решены соглашением России, Китая и Монголии. При решении этого вопроса недопустимо устранение самой Монголии. Это не противоречит тому, что мы признаем суверенитет Китая над Монголией.

По вопросу о Восточно-Китайской жел[езной] дор[оге] необходимо предусмотреть ряд гарантий и преимуществ для нас, разработанных ведомствами в инструкции т. Пайкесу, в частности, равномерное участие в управлении Восточно-Китайской железной дороги России, ДВР и Китая.

* Вопрос представлен Л.М. Караханом. Выписка из протокола № 24 заседания Политбюро ЦК РКП(б) от 31 августа 1922 г., п. 2.

В вопросе о концессиях ЦК согласен на отказ от экстерриториальности и капитуляционных прав России, но требует более точной формулировки. Все эти уступки требуют взаимности в виде признания де-юре. В случае, если возможен сговор с кит[айским] пра[вительством] на этой основе, ЦК считает допустимым и желательным предварительный протокол до начала переговоров с Японией. По вопросу о переговорах с Японией ЦК согласен с вашим предложением, то есть добиваться до последней возможности де-юре, не делая из этого ультиматума”.

Секретарь ЦК

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 999. Л. 80. Копия.

¹ Имеются в виду обращения правительства РСФСР к китайскому народу и правительству от 1919 и 1920 гг., в которых заявлялось об уничтожении всех тайных договоров по закабалению народов Востока, заключенных царской Россией с Японией и Китаем; предлагалось вступить в переговоры об аннулировании международных договоров и соглашений по Китаю конца XIX – начала XX в., установлении двусторонних дипломатических отношений, порядке пользования КВЖД (см.: ДВП СССР. Т. 2. М., 1958. С. 221–223; Т. 3. М., 1959. С. 213–216).

№ 47

Протокол № 1 заседания Чанчуньской конференции

4 сентября 1922 г.

Присутствовали: От РСФСР и ДВР: первый делегат уполномоченный г. Иоффе, второй уполномоченный г. Янсон, секретари г.г. Быховский и Левин, переводчик г. Редников.

От Японии: первый уполномоченный г. Мацудайра, второй уполномоченный г. Мацусима, сотрудники делегации г.г. Симада, Миякава, консул Чанчуня г. Ямадзаки.

Заседание конференции происходило в здании японского консульства.

Заседание открылось в 3 часа дня обоюдным приветствием сторон.

Г-н Мацудайра после нескольких слов приветствия выразил сожаление, что обстоятельства послужили причиной поздней встречи.

Г-н Иоффе, ответив тоже любезностями, заявляет, что русская пословица говорит, что “лучше поздно, чем никогда”.

Обе стороны приступили к обсуждению вопроса о выборе помещения для заседаний конференции.

После продолжительных дебатов, в которых г. Иоффе указывает на необходимость такого помещения, где делегация РСФСР и ДВР имела бы в полном своем распоряжении хоть две комнаты и где была бы достаточно большая зала, могущая на пленарных заседаниях вместить и всех участников конференции, и гостей, и представителей печати.

Г-н Мацудайра решительно возражает против гласности переговоров и спрашивает, намерена ли русская делегация, как в Дайрене, вести протоколы всех заседаний? Он указывает, что желал бы высказать свои взгляды совершенно откровенно и искренне. Ведение же подробного протокола лишает его возможности откровенно высказываться по вопросам деликатного характера, так как наличие записи даст возможность указать, что такое-то заявление было сделано.

Г-н Иоффе, приветствуя намерения г. председателя японской делегации вести переговоры в откровенном и дружеском тоне, полагает, что высказанное является обязательным, записано оно или нет. Он думает, что г. председатель японской делегации возражает не против протоколов вообще, а против протоколов, сдаваемых в печать; в целях соблюдения интересов печати можно выпускать отдельные "...", излагающие ход переговоров. Такие "..." могут составляться секретарями обеих сторон. Он предлагает остановиться на следующих формах заседаний.

1) Пленарные заседания, где будут в интересах гласности присутствовать представители прессы. На этих заседаниях будет происходить обмен декларациями и обсуждение общих вопросов.

2) Заседание комиссий, на этих заседаниях составляются протоколы, которые фиксируют содержание переговоров. Протоколы сверяются секретарями и утверждаются обеими сторонами.

3) Конфиденциальные разговоры председателей обеих (сторон) делегаций, назначаемые в случае необходимости.

Г-н Мацудайра, возражая против такого порядка, предлагает протоколировать только резолютивные части переговоров. Затем он высказывает свою точку зрения на общий характер переговоров. Переговоры, по его мнению, должны вестись приблизительно так, как напр[имер], велись переговоры между Россией и Англией при заключении торгового договора¹, когда ничего не было опубликовано и переговоры велись секретно.

* Здесь и далее отточия текста.

Настоящая конференция не является дебатами, но представляет собой обмен дружественных и откровенных мнений. Поэтому он считает лишним составление пропагандных сообщений и не особенно нужным составление протоколов. Японское общественное мнение жаждет скорейшего заключения соглашения, но если произойдет ряд фактов, подтверждающих японские опасения, что русские стремятся к пропаганде, то может произойти крутой поворот в настроении японского народа.

Г-н Иоффе говорит, что дебаты для того и ведутся, чтобы выяснить точку зрения сторон. Что же касается вопроса о пропаганде, то тут противоречие: русская сторона не просит для себя преимуществ и предлагает публиковать речи обеих сторон. Россия не признает тайной дипломатии. Этот ее принцип со времени окончания войны стал по русскому почину общим достоянием. Председатель японской делегации, вероятно, не станет утверждать, что Ллойд Джордж² занимается большевистской пропагандой, тем не менее он был автором Генуэзской конференции, которая велась открыто, и вообще за последние годы не было тайных конференций.

В Лондоне вообще русско-английской конференции не было. Там великобританское правительство вело переговоры с российским уполномоченным, который уже был на месте.

Г-н Иоффе полагает гораздо более серьезными разногласия по существу самих переговоров. В одном интервью г. Мацудайра будто заявил, что напрасно русская делегация придает слишком большое значение предстоящим переговорам. На самом деле ничего-де серьезного нет. Если интервью не извращено, как это бывает с интервью г. Иоффе, и действительно такова точка зрения японской делегации, то следует выразить опасение, что разногласия между сторонами действительно очень серьезны, ибо российская делегация придает настоящей конференции совсем не ту цель, которая была осуществлена, например, русско-английским соглашением.

Г-н Мацудайра заявляет, что он не видел ни одного корреспондента со времени выезда из Токио на конференцию и что уже один факт его назначения опровергает указанное интервью, ибо раз не было бы желания вести серьезных переговоров, его не назначили бы. Что касается существа переговоров, то, проводя сравнение их с переговорами между Россией и Англией, следует указать, что хотя там были и иные формы, но сущность одна и та же – установление коммерческих и дружественных отношений. Затем он возвращается к вопросу об опубликовании протоколов,

поддерживая уже высказанную им точку зрения. После обмена мнений по этому вопросу стороны соглашаются, что должны вестись подробные протоколы заседаний, которые сверяются и согласовываются обеими сторонами.

Секретарям обеих делегаций поручается составление общих "...” для прессы.

Г-н Иоффе спрашивает, точно ли он понял слова г. председателя японской делегации, в которых он провел сравнение настоящей конференции с англо-русскими переговорами? Полагает ли г. Мацудайра, что целью настоящей конференции является только заключение торгового договора? Если это так, то такая точка зрения чрезвычайно расходится с точкой зрения объединенной российской делегации. Г-н Иоффе напоминает, что даже Дайренская конференция не ограничивалась только вопросами торгового договора.

Г-н Мацудайра отвечает, что японская делегация придает большое значение настоящей конференции, у нее имеются более широкие полномочия, не ограниченные только правом заключения торгового договора.

Происходит обмен мнений о деталях форм протоколов и сообщений в печати.

Г-н Иоффе предлагает на следующем заседании обменяться полномочиями и начать переговоры с вопросов, связанных с эвакуацией японских войск в Сибири.

Г-н Мацудайра указывает, что в следующем заседании придется поговорить об общих принципах, поэтому лучше не устанавливать порядка для этого заседания. Русская делегация соглашается с этим.

Заседание закрывается в ... часов. Следующее назначается на 5 сентября в 3 часа дня.

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 999. Л. 82–87. Копия

¹ Советско-английское торговое соглашение 1921 г. (см.: ДВП СССР. Т. 3. С. 607–614)

² Ллойд Джордж Дэвид (1863–1945) – премьер-министр Великобритании в 1916–1922 гг.

Протокол № 2 заседания Чанчуньской конференции

5 сентября 1922 г.

Присутствовали: От РСФСР и ДВР: первый делегат уполномоченный г. Иоффе, второй уполномоченный г. Янсон, секретари г.г. Быховский и Левин, переводчик г. Редников.

От Японии: первый уполномоченный г. Мацудайра, второй уполномоченный г. Мацусима, сотрудники делегации г.г. Симада, Миякава*.

Заседание начинается в 3 часа дня.

Г-н Иоффе предлагает обменяться полномочиями и объявить перерыв для ознакомления с ними. По взаимном рассмотрении полномочий стороны вновь сходятся в зал конференции.

Г-н Иоффе просит разъяснить неясные для него положения полномочий японской делегации. Ему представляется неясным место, где говорится: японская делегация уполномочена вести переговоры по вопросам торговым и иным. Слова “и иным” недостаточно ясно.

Г-н Мацудайра указывает, что это слово следует понимать в самом широком смысле.

Г-н Иоффе заявляет, что он удовлетворен этим разъяснением и просит разъяснить заключительное слово полномочий японской делегации. Он указывает, что ограничение переговоров только дальневосточными вопросами практически неосуществимо, ибо если возникнут вопросы не Дальневосточной, а Центральной России, напр[имер], права японских граждан в Москве, следует ли на основании этих слов полномочий сделать вывод, что японская делегация не может вести переговоров по такому вопросу?

Г-н Мацудайра заявляет, что согласно полученной инструкции японская делегация имеет полномочия вести переговоры по вопросам русского Дальнего Востока, а вопросы Европейской России не входят в ее полномочия.

Г-н Иоффе считает себя вынужденным констатировать поэтому, что полномочия японской делегации неудовлетворительны, что является препятствием для переговоров. По многим вопросам, которые могут возникнуть в процессе переговоров, японская делегация должна будет спрашивать новых полномочий, и

* Далее зачеркнуты слова: “консул Чанчуня г. Ямадзаки”.

таким образом скорость, о которой говорил в предыдущем заседании председатель японской делегации, не будет достигнута.

Г-н Мацудайра указывает на то, что благодаря территориальной близости Японии к Дальневосточной Республике, есть много вопросов, имеющих отношение к обеим странам. Предстоит вести переговоры именно по этим вопросам. Ими занимались в Дайрене; с целью восстановления этих переговоров созвана настоящая конференция. Однако некоторые из этих вопросов требуют участия России, поэтому-то Япония и согласилась на участие России. Так, например, вопросы рыбного дела не могут быть разрешены между Дальневосточной Республикой и Японией, ибо некоторые участки находятся на территории России. Таким образом, японская делегация имеет полномочия вести переговоры с российской делегацией только по вопросам, касающимся Дальнего Востока. Для ведения переговоров по вопросам, касающимся Советской России, японской делегации придется испросить инструкций у своего правительства.

Сейчас японская делегация думает вести переговоры по этим вопросам.

Г-н Иоффе считает странным, с одной стороны, то обстоятельство, что японское правительство уполномочило свою делегацию вести переговоры только по вопросам, интересующим Японию, а с другой стороны, то, что Японию, которая ведет мировую политику, не интересуют вопросы, которые не касаются Дальнего Востока. Тем более, что трудно установить, где кончается Дальний Восток и где начинается Сибирь. Так, например, в дайренском проекте есть статья о наибольшем благоприятствовании. Если бы эта статья сохранилась бы в будущем договоре, то, следуя выражению полномочий “на Дальнем Востоке России”, как решить, где кончаются эти права?

Непонятно и обратное: гражданин родился в Москве, живет во Владивостоке, поехал в Токио, какими он пользуется там правами? Далее, отмечая, что в предварительной переписке между сторонами не было указано, что Япония намерена ограничиться интересующими ее вопросами, г. Иоффе подчеркивает, что российская объединенная делегация не представляет себе таких односторонних переговоров.

Г-н Мацудайра объясняет рассматриваемое ограничение наличием вопросов, не терпящих отлагательств хотя бы на один час, ибо такое промедление может привести к неприятным последствиям не только для России, но и для Японии. Таковы, например, вопросы, связанные с эвакуацией войск, или рыбное дело. Япония, конечно, придает серьезное значение вопросам Европейской

России, но если конференция ими займется, то пройдет много времени. Надо поскорее разрешить вопросы Дальнего Востока.

В дальнейшем г. Мацудайра выражает опасение в том, что японское общественное мнение может изменить свое настроение в случае промедления переговоров. Наоборот, если соглашение между Японией и ДВР будет достигнуто, то создается настроение в пользу сближения с Советской Россией.

Г-н Иоффе отвечает, что он не усматривает ни одного вопроса, где промедление “хотя бы на один час” было бы невозможно. России в продолжение четырех лет приходится иметь дело с очень нежелательными последствиями, и она научилась терпению. Однако русское общественное мнение никогда не простило бы российской делегации договора по одним только интересующим Японию вопросам теперь, когда эти последствия становятся уже нежелательными и для Японии, хотя он и не может судить о японском общественном мнении так, как японская делегация. Однако, поскольку это мнение находит свое выражение в доступной русской делегации прессе, оно не совпадает с желаниями японской делегации, ибо большинство крупнейших японских газет отмечает необходимость соглашения с Россией по всем вопросам. Г-н Мацудайра же все время говорит только о вопросах, в которых заинтересована Япония, упомянул в числе неотложных вопросов рыбное дело. Вопрос этот тоже гораздо более интересуется Японию, чем Россию.

Г-н Иоффе не представляет себе таких переговоров, где разрешены были бы вопросы, только интересующие одну сторону. Нет сомнения, что Япония, например, отказалась бы вести переговоры только по вопросу о Южном Сахалине с тем, чтобы все остальные вопросы были бы отложены на время после разрешения этого вопроса. Точно так же русское общественное мнение не согласится на то, чтобы переговоры велись сначала по вопросам, интересующим Японию, а потом по другим.

Г-н Мацудайра заявляет, что вопросы, которые намечены к обсуждению, служили предметом переговоров в Дайрене, они интересуют не только Японию, но и ДВР, а следовательно, и Россию. При этом г. Мацудайра отмечает, что желание скорейшего окончания переговоров было высказано и в нотах российского правительства. Если российская делегация полагает, что, протерпев 4 года, не следует торопиться, то и Япония не станет торопиться и разрешит свои интересы самостоятельно, но это не послужит на пользу обоим народам*. В случае невозможности придти к соглашению Япония вынуждена будет говорить с той властью, с которой можно до-

* Далее зачеркнута фраза: Кроме того, если переговоры будут вестись в таком тоне, то переговоры вряд ли придут к желательному результату.

говориться. Наконец, японская делегация убеждена, что при заключении соглашения, подобного дайренскому, граждане ДВР и Японии смогут совместно работать, а капиталисты Японии смогут работать в ДВР, разве это не полезно обеим странам?

Г-н Мацусима заявляет, что цель переговоров – соглашение, регулирующее отношения между Японией и ДВР, но, имея в виду тесную связь между РСФСР и ДВР, Япония согласилась на участие России. Общие вопросы касаются Японии и ДВР, и только специальные вопросы требуют участия России.

Г-н Иоффе считает долгом указать, что когда должны были начаться переговоры, то с русской стороны было ясно указано, что Россия не согласна быть только свидетельницей. Если указывают, что Япония в случае неудачи переговоров может сама разрешать вопросы, то необходимо отметить, что такая попытка самостоятельного разрешения вопросов зависит от обеих сторон. Может быть положение, когда другая сторона помешает самостоятельному разрешению вопросов. Что же касается указания на то, что Япония может говорить с другой властью, то известно, что не только Япония, но и другие государства пробовали говорить с другой властью, но этот путь оказался неудачным. Кроме того, если переговоры будут вестись в таком тоне, то они вряд ли придут к желательному результату. Российская объединенная делегация явилась от имени русского народа и правительств Российской и Дальневосточной Республики, чтобы искренне и честно вести переговоры с японской делегацией о создании хороших добрососедских отношений. Этой цели не удастся достигнуть, если японская делегация в случае противоречия со стороны российской делегации будет указывать на другие правительства. Русский народ таких правительств не знает и знать не желает.

Г-н Мацудайра заявляет, что по его впечатлению русская делегация в противоположность японской не торопится. Он, г. Мацудайра, и г. Мацусима люди занятые и не могут не быть в Токио. Соглашение полезно обеим сторонам: японское правительство желает заключить его до эвакуации. При таких обстоятельствах японская делегация просит прямого указания со стороны объединенной российской делегации, что она не хочет вести скорых переговоров, но просит, однако, иметь в виду, что Советская Россия не только свидетельница на этих переговорах.

Г-н Иоффе, выражая свою благодарность переводчикам, отмечает, что все же, вероятно, благодаря необходимости перевода делегации не совсем понимают друг друга, ибо г. Иоффе неоднократно подчеркивал желание делегации РСФСР и ДВР поскорее заключить соглашение, тем более, что и оба уполномоченные

объединенной делегации тоже занятые люди: г. Янсон – министр в ДВР, г. Иоффе кроме различных на него возложенных обязанностей в России – чрезвычайный посол в Китае. Однако, несмотря на желание скорейшего соглашения, вопрос в том, о каком соглашении идет речь. Может быть такое соглашение, на которое не только скоро, но и вообще нельзя согласиться. Вопрос об эвакуации – уже вопрос решенный, вопросы, связанные с эвакуацией, вчера еще российская сторона предлагала решать в первую очередь. Однако та цель переговоров, которая отмечена в полномочиях японской делегации, не может удовлетворить делегацию РСФСР и ДВР, поэтому он просит занести в протокол следующее заявление:

Делегация России и Дальневосточной Республики признает полномочия японской делегации недостаточно соответствующими и неудовлетворительными тем целям переговоров, которые ставят себе Россия и ДВР, но, принимая во внимание заявление председателя японской делегации, что если в процессе переговоров выяснится необходимость в получении добавочных полномочий, японская делегация их испросит. Делегация РСФСР и ДВР считает возможным продолжать переговоры на основании имеющихся у японской делегации полномочий.

Г-н Мацудайра заявляет, что по общепринятым правилам международной вежливости, когда полномочия признаются недостаточными и неудовлетворительными, продолжение переговоров невозможно.

Г-н Иоффе выражает предположение, что перевод занесенного в протокол заявления был сделан неправильно, так как он говорил лишь о несоответствии полномочий тем целям, ради которых приехала российская объединенная делегация.

Происходит длительный обмен мнениями между сторонами, при которых г. Мацудайра доказывает ненужность такого заявления в протоколе, а г. Иоффе разъясняет, что уже высказанное им положение о том, что такая формулировка не нарушает правил дипломатической вежливости, и выражает готовность изменить редакцию, если в японском переводе она звучит обидно, подчеркивая, однако, что он ни в коем случае не может оставить без замечания полномочия яп[онской] делегации, ибо это создавало бы впечатление, что он согласен вести переговоры только по дальневосточным делам, чего на самом деле нет.

Г-н Мацудайра предлагает оставить вопрос открытым и просит разъяснить некоторые непонятные ему места российских полномочий. Г-на Мацудайру интересуется следующее – самостоятельная или вассальная Республика ДВР, каково отношение между РСФСР и ДВР, почему делегаты РСФСР в то же время явля-

ются и делегатами ДВР, может ли ДВР самостоятельно заключать международные договора и проч.

Г-н Янсон дает просимые разъяснения, что ДВР является вполне самостоятельной республикой, что с РСФСР она тесно связана рядом политических и экономических договоров. Выдача полномочий от обеих республик каждому уполномоченному объясняется общностью интересов; но ДВР может, конечно, заключать самостоятельно международные договора, если это ей выгодно, но это ей невыгодно, и потому она выступает вместе с Российской Республикой.

Заседание закрывается в 8 часов 10 минут. Следующее заседание назначается на 6 сентября в 3 часа дня.

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 999. Л. 88–96. Копия.

№ 49

Протокол № 3 заседания Чанчуньской конференции

6 сентября 1922 г.

Присутствовали: От РСФСР и ДВР: первый делегат уполномоченный г. Иоффе, второй уполномоченный г. Янсон, секретари г.г. Кузнецов*, Быховский и Левин, переводчик г. Редников.

От Японии: первый уполномоченный г. Мацудайра, второй уполномоченный г. Мацусима, сотрудники делегации г.г. Симада, Миякава...**

Заседание начинается в 3 часа дня.

Г-н Мацудайра, продолжая незаконченный на предыдущем заседании обмен мнений по вопросам, возникшим в связи с предъявленными полномочиями, выражает опасение, что для ратификации соглашения российскими верховными органами понадобится срок не менее чем в две недели, причем нет уверенности в том, что ратификация состоится. Он спрашивает, нет ли у российской стороны способа обойтись без ратификации, так как не все же договора обязательно ратификуются.

Г-н Иоффе разъясняет, что все зависит от договора, о котором идет речь. Специальные соглашения по отдельным вопросам обычно составляются с оговоркой, что они вступают в законную силу с момента подписания соглашения. Общие же

* Фамилия “Кузнецов” вписана над строкой.

** Далее зачеркнуты слова: “консул Чанчуня г. Ямадзаки”.

договоры, имеющие характер серьезных международных трактатов, подлежат ратификации. Договор о восстановлении нормальных взаимоотношений принадлежит, конечно, к числу таких общих договоров. Право ратификации в Российской Республике принадлежит верховному органу государства и никому не может быть передано. Г-н Иоффе просит разъяснить, можно ли по японской конституции заключать международные трактаты без ратификации?

Г-н Мацудайра разъясняет, что ратификации подлежат договоры между признанными странами, здесь же речь идет о соглашении с непризнанными государствами, в таких случаях ратификации не требуется.

Г-н Иоффе указывает, что соглашения заключаются между странами, которые находятся в нормальных отношениях. Наоборот, договоры заключаются как раз тогда, когда нормальные взаимоотношения между странами прерваны, напр[имер], в случае войны, с целью возобновления нормальных отношений. Если же государства друг друга не признают, то между ними вообще не может быть ни договора, ни соглашения.

Г-н Мацудайра указывает на пример дайренских переговоров, в процессе коих представитель ДВР согласился заключить соглашение без ратификации. На этой конференции идет речь почти о том же соглашении: предметы соглашения почти одинаковы. Этот прецедент допускает возможность повторения.

Г-н Иоффе отвечает, что сущность вопроса заключается именно в том, идет ли речь на настоящей конференции о таком же соглашении, как дайренское. Полномочия, которые получила российская объединенная делегация на основании переписки ее правительств с правительством Японии, не заставляли предполагать, что речь идет о повторении дайренских переговоров, которые, кстати сказать, кончились неудачей и ни к чему не привели. Если японская делегация будет настаивать на повторении дайренских переговоров в Чанчуне, придется запросить правительства о разрешении вести такие переговоры.

Г-н Мацудайра предлагает перейти к продолжению переговоров, закончив вопросы, связанные с полномочиями. После обмена мнений по вопросу о занесении российской делегацией в протокол заявлений о недостаточности полномочий японской делегации, при котором г. Иоффе подчеркивает, что для объединенной российской делегации невозможно оставить без оговорки то обстоятельство, что японская делегация уполномочена вести переговоры только по вопросам Дальнего Востока, но указывает, что редак-

цию своего* заявления он готов изменить, г-н Мацудайра заявляет, что в таком случае очевидно необходимо подробно изложить, как японское правительство понимает переговоры, [и] приступает к чтению декларации японского правительства о переговорах:

“Японское правительство думает обменяться мнениями на основе дайренских переговоров. Правда, они не были успешны, и соглашение не было достигнуто, но это соглашение должно быть применено на территории ДВР и Японии. Переговоры ведутся между правительствами ДВР и Японии, а Советская Россия будет участвовать в этих переговорах по вопросам, имеющим специальное отношение к обеим сторонам. В какой форме будет участвовать Советская Россия в этих переговорах, этот вопрос остается открытым и будет обсуждаться в будущем. Причиной этого является следующее обстоятельство: за последнее время политическая обстановка на Дальнем Востоке значительно изменилась, но здесь образовалось два–три года тому назад государство, а именно ДВР. Это самостоятельное государство было признано и Советской Россией. Отношение японского народа к ДВР улучшилось, несмотря на то что часто имели место разные столкновения между японскими войсками и партизанами.

Японский народ не питает никаких враждебных намерений к русскому народу и, относясь чисто по-дружески, желает скорейшего восстановления жизни русского народа.

Общественное мнение Японии и само японское правительство, хотя сперва относилось подозрительно, недоверчиво и даже с некоторым опасением к Дальневосточной Республике, в конце концов стало относиться благожелательно, чувствуя необходимость войти в сношения с этой республикой, так как есть много различных вопросов, которые должны быть разрешены возможно скорее между этими двумя странами путем торгового договора и других соглашений. Японское правительство одно время декларировало, что оставляет войска в Сибири впредь до восстановления политической обстановки и устранения угрозы против японских подданных. Но так как обстоятельства с тех пор значительно изменились, японское правительство недавно объявило эвакуацию своих войск.

Японское правительство желает переговоров с целью:

1) получить гарантии безопасности личности и имущества японских подданных на Дальнем Востоке после эвакуации японских войск;

* В тексте “моего”.

2) установить такие отношения, при которых была бы устранена прямая и косвенная угроза на границах ДВР с Японией;

3) устранить все различные ограничения, которые были установлены старыми российскими законами в области промышленности и торговли по отношению к иностранцам. Существуют, конечно, и другие причины, но указанные выше являются главными побудительными мотивами. Эти пожелания японского правительства не противоречат принципам конституции Дальневосточной Республики и, таким образом, не являются для нее новыми вопросами, тем более, что они представляют интерес для обеих сторон.

У Японии нет ни малейшего намерения заставить согласиться на ее предложения насильственным путем, путем применения оружия. У нее нет агрессивных намерений, как того опасается русский народ. Это доказывается уже тем, что японские войска выводятся с территории Дальневосточной Республики без всяких условий, и при эвакуации никаких особых прав и преимуществ не было выговорено.

На Дайренской конференции было достигнуто соглашение между обеими сторонами почти по всем вопросам, и разрыв произошел только по той причине, что срок эвакуации не был указан точно.

Если бы обе стороны стали на настоящей конференции заниматься обсуждением вопросов, уже разрешенных в Дайрене, понадобилось бы очень много времени и едва ли можно было бы достигнуть соглашения. Японская делегация предлагает оставить в силе дайренский проект и обменяться мнениями только по неразрешенным вопросам. Эта цель и послужила основанием беседы с г. Антоновым и переписки с правительствами России и ДВР, из которой можно усматривать, что последние согласились сперва подписать общий договор, а потом перейти к обсуждению конкретных вопросов. Общественное мнение Японии, ясно выраженное в японской прессе, относится к русской стране вполне благожелательно и надеется, что на этот раз русская страна пойдет навстречу и соглашение будет достигнуто. Это соглашение должно быть применено на территории ДВР и Японии. Что же касается Европейской России, то Япония не хочет сказать, что она игнорирует ее, но она признает, что отношения с ДВР важнее для Японии. По отношению к Советской России у японского народа имеется некоторое непонимание и опасение. Постепенно, однако, отношения изменяются к лучшему, и поэтому желательно сначала заключить соглашение с ДВР, а потом уже с Советской Россией. Если ДВР в своем желании достигнуть соглашения проявит такую же искренность, как японское правительство и

японский народ, то общественное мнение Японии будет настроено за соглашение с Советской Россией. Из заявления российской делегации видно, что она хочет заключить такое соглашение скорее. Япония решила эвакуировать свои войска, но было бы полезно для обеих сторон договориться до эвакуации относительно мер, которые должны быть предприняты после таковой”.

Г-н Иоффе просит объявить перерыв ввиду особой важности сделанного заявления.

Заседание прерывается в 5 часов 15 минут и возобновляется в 5 часов 20 минут.

По окончании перерыва г. Иоффе делает следующее заявление:

“Делегация Российской Социалистической Федеративной Советской Республики и Дальневосточной Республики, обсудив те чрезвычайно важные заявления, которые были сделаны японской делегацией, констатирует, что японское правительство намерено вести переговоры по заключению договора только между Дальневосточной* Республикой и Японией”

Делегация далее констатирует, что японская делегация формулировала цели переговоров следующим образом:

1) Получение гарантии безопасности личности и имущества японских граждан.

2) Устранение прямой и косвенной угрозы на границе Дальневосточной Республики и Японии.

3) Отмена тех ограничений, которые в области торговли и промышленности раньше существовали на территории Дальневосточной Республики и Дальнего Востока России, и для японских граждан.

Делегация Российской Социалистической Федеративной Советской Республики и Дальневосточной Республики заявляет, что эти цели переговоров настолько не соответствуют тому желанию широких переговоров в целях установления взаимных прав и взаимных дружеских и добрососедских взаимоотношений, которых желают Россия и Дальневосточная Республика, что делегация должна испросить инструкций у своих правительств для ведения дальнейших переговоров.

Поэтому делегация просит сделать перерыв в работах конференции до получения ею ответа из Москвы и из Читы.

После обсуждения текста сообщения о состоявшемся заседании для печати и частного обмена мнениями по существу дебатруемых вопросов заседание закрывается в 8 час. 10 мин.

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 999. Л. 97-103. Копия.

* Далее зачеркнуто слово “правительством”.

*Телеграмма А.А. Иоффе и Я.Д. Янсона Л.М. Карахану
о неприемлемости требований японской делегации
на переговорах в Чанчуне**

№ 11

7 сентября 1922 г.

Чита

Сов. секретно

Москва, Карахану

Для Сталина. Передаю только что полученную из Чаньчуня телеграмму: “Японцы прямо заявили: переговоры на основе дайренского проекта, соглашение только с ДВР при участии РСФСР по вопросам Дальнего Востока. Главные пункты соглашения: 1) гарантия безопасности личности, имущества япон[ских] граждан в ДВР; 2) устранение прямых, косвенных угроз на границе ДВР с Японией; 3) отмена** ограничения на границе ДВ в области торговли, промышленности, которые существовали ранее для япон[ских] граждан на Дальнем Востоке. Мы заявили, что ввиду несоответствия этой программы с нашими инструкциями мы вынуждены запросить новых инструкций, заявить перерыв до получения таких. Просим немедленно ответить, ибо затяжка произведет всюду плохое впечатление. Полагаем, ни в коем случае нельзя соглашаться на переговоры на основе этой программы. Такая уступчивость невероятно испортила бы наше положение на Дальнем Востоке, вообще сделала бы совершенно невозможным дальнейшие переговоры с японцами, ибо они представляют себе переговоры, как простое подписание дайренского проекта в несколько дней. Лучше сорвать на основном принципе, нежели потом на мелочах, а сговориться после такой пляски (?)*** в все равно не удастся.

Подробности сегодняшнего заседания¹ сообщу дополнительно. Теперь просим разрешения ответить новой декларацией, где использовать все их слабые стороны и заявить определенно, что по такой программе переговоров не считаем возможным вести. Возможно, что они все-таки не порвут, ибо, по-видимому, очень заинтересованы соглашением. Вся пресса на нашей стороне. Если же порвут, то мы ничего не потеряем.

Иоффе и Янсон

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 999. Л. 105. Копия.

¹ Имеется в виду заседание 6 сентября 1922 г. См. док. № 49.

* Штамп: “Прот[окол] ПБ № 26, п. 22. 7.09. [19]22 г.” См. док. № 51.

** В тексте ошибочно “оборона”.

*** Так в тексте. Вопросительный знак, вероятно, поставлен расшифровщиком.

№ 51

Постановление Политбюро ЦК РКП(б)

“О переговорах с Японией”*

П26/22

7 сентября 1922 г.

Строго секретно

Согласиться с т.т. Иоффе и Янсоном** об отклонении японского предложения и даче соответствующей декларации от РСФСР и ДВР совместно***.

Секретарь ЦК

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 999. Л. 104. Копия.

№ 52

Протокол № 4 заседания Чанчуньской конференции

10 сентября 1922 г.

Присутствовали: От РСФСР и ДВР: первый уполномоченный г. Иоффе, второй уполномоченный г. Янсон, секретари: г.г. Кузнецов, Лебедев, Левин, драгоман**** Редников.

От Японии: первый уполномоченный г. Мацудайра, второй уполномоченный г. Мацусима, сотрудники делегации г.г. Симада, Миякава.

Заседание открылось в 3 часа 15 минут

Г-н Иоффе приступает к чтению декларации от объединенной российской делегации, представив японской делегации русский текст с переводом на японском и английском языках. При этом г. Иоффе указывает, что аутентичным является только русский текст.

Декларация гласит: “Выслушав на прошлом заседании оглашенную г. председателем японской делегации декларацию императорского японского правительства об объеме и программе русско-японских переговоров, делегация Российской Социалистической Федеративной Советской Республики и Дальневосточной Республики сочла необходимым запросить свои правительства об их мнении по существу этой программы, так как последнее глубоко отличается от тех инструкций, которые были получены делегацией от ее правительств.

* Принято опросом по телефону 7 сентября 1922 г. Выписка из протокола № 26 заседания Политбюро ЦК РКП(б) от 7 сентября 1922 г., п. 22.

** См. док. № 50.

*** См. док. № 52.

**** Переводчик.

Ныне получив ответ от своих правительств, делегация РСФСР и ДВР заявляет от их имени нижеследующее:

“Желание императорского японского правительства ограничить круг подлежащих рассмотрению русско-японской конференции вопросов только вопросами Дальнего Востока является совершенной неожиданностью для правительств РСФСР и ДВР, точно так же как и желание японского правительства заключить договор только с Дальневосточной Республикой.

Правительства РСФСР и ДВР понимали и понимают русско-японские переговоры как переговоры, ведущиеся в целях установления нормальных и добрососедских взаимоотношений между русским и японским народами и их правительствами в результате добровольного, основанного на взаимном признании интересов договаривающихся сторон рассмотрения и разрешения всех вопросов, лежащих на пути к установлению вышеуказанных взаимоотношений.

Не говоря уже о том, что ограничение круга работ конференции только дальневосточными вопросами привело бы к тому, что разрешенными оказались бы лишь вопросы, в которых главным образом заинтересована Япония, делегация РСФСР и ДВР не представляет себе практической возможности выполнения такой программы.

Даже только с точки зрения экономической, оставляя в стороне вопросы политические, каждое государство в настоящее время представляет собой настолько тесно связанное хозяйственное целое, что территориальное разделение вопросов представляется совершенно невыполнимым. С другой стороны, хозяйственная и вообще экономическая близость между РСФСР и ДВР настолько тесна, что и тут невозможно самостоятельное и независимое рассмотрение и разрешение вопросов.

Невозможно, например, устанавливая права японских граждан хотя бы в горном и лесном деле, только ограничиться исключительно территорией Дальнего Востока, ибо отдельные отрасли горной и лесной промышленности даже на территории ДВР настолько связаны с соответственными отраслями российской и вовсе не только дальневосточной промышленности, что неизбежно расширение этих вопросов за пределы ДВР и Дальнего Востока России. Тем более такое ограничение невозможно при установлении объема прав и преимуществ граждан договаривающихся сторон вообще.

Таким образом, такое ограничение даже при разрешении вопросов исключительно экономического характера привело бы фактически к установлению прав японских граждан на террито-

рии всей России, что, конечно немислимо без согласования с последней.

Русский народ, несмотря на враждебную за последние годы по отношению к нему политику императорского японского правительства, не питает никаких неприязненных чувств к японскому народу.

В полном соответствии с волей своего народа правительства РСФСР и ДВР готовы забыть прошлое и прийти к дружественному соглашению с Японией, тем более, что оба правительства не только не разделяют политики царского правительства, стремившегося к ограничению прав японского народа на Дальнем Востоке, но, наоборот, превосходно понимают и признают жизненные интересы японского народа и готовы, поскольку это возможно, пойти навстречу насущным и справедливым потребностям его. Но правительства РСФСР и ДВР все же не могут понять переговоров, которые должны разрешить интересы лишь одной стороны, и не могут согласиться на такие переговоры.

Они не могут также и согласиться с тем, что достаточной компенсацией для России и ДВР явилась бы эвакуация японских войск и возвращение ДВР захваченного японскими войсками имущества.

Означенное имущество является собственностью русского народа и как таковое подлежит возвращению законному владельцу независимо от хода переговоров. Что же касается эвакуации японских войск, то она была предварительным условием переговоров и поэтому точно так же не находится в связи с последним.

В этом вопросе русский народ, надеясь и рассчитывая на собственные свои силы, не может, однако, обойти молчанием того обстоятельства, что японская оккупация русских территорий не находит сочувственного отклика нигде в мире, ни в Америке, ни Европе, ни даже в среде самого японского народа.

Вполне соглашаясь с необходимостью разрешения на нынешней русско-японской конференции всех вопросов, связанных с эвакуацией японских войск, и считая необходимым обсуждение этих вопросов в первую очередь, делегация РСФСР и ДВР все же полагает, что в общем и целом эти вопросы как вопросы предварительного соглашения существа переговоров не составляют.

Продолжая в полном согласии с предварительными своими заявлениями стоять на точке зрения желательности выработки и подписания сначала соглашения по общим и принципиальным вопросам и перехода потом к обсуждению вопросов более конкретного и частного характера, правительства РСФСР и ДВР не пола-

гают, однако, что такое общее соглашение должно быть простым воспроизведением так называемого дайренского проекта.

База этого проекта должна быть расширена хотя бы потому, что переговоры в Дайрене велись исключительно между ДВР и Японией, между тем как переговоры в Чанчуне ведутся между РСФСР и ДВР, с одной стороны, и Японией, с другой, и договор, который будет выработан в результате этих переговоров, должен быть договором между Россией и Дальневосточной Республикой, с одной стороны, и Японией, с другой.

Вместе с тем, однако, правительства РСФСР и ДВР ныне, как и прежде, полагают, что имевшие место в продолжение восьми месяцев в Дайрене переговоры должны в значительной степени ускорить темп нынешних переговоров, так как уже имевшие место в Дайрене принципиальные дебаты, конечно, не имеет смысла повторять вновь. В заключение делегация РСФСР и ДВР еще раз подтверждает свою готовность прийти к скорому соглашению с японской делегацией на основе вышеизложенных положений”

Г-н Мацудайра просит объявить перерыв для обсуждения предъявленного ответа. Заседание прерывается в 3 часа 40 минут.

В 4.05 минут заседание возобновляется.

Г-н Мацудайра заявляет, что он просит разъяснить ему некоторые неясные для него положения декларации.

После выраженной г. Иоффе готовности дать просимые разъяснения г. Мацудайра, оставляя за собой право впоследствии высказать свое мнение по поводу общей точки зрения российской делегации, просит разъяснить, является ли РСФСР и ДВР одной объединенной стороной на настоящих переговорах?

Г-н Иоффе подтверждает эти положения.

Г-н Мацудайра далее спрашивает, можно ли понять русскую точку зрения в том смысле, что российская делегация не возражает против того, чтобы дайренский проект был положен в основу предстоящих переговоров?

Г-н Иоффе отвечает, что на этот вопрос трудно ответить в одной короткой фразе, так как выражение “положить в основу” допускает различные толкования.

Г-н Мацудайра спрашивает, согласна ли русская делегация оставить в силе то, что было обсуждено и согласовано в Дайрене, и внести лишь поправки и изменения в дайренский проект?

Г-н Иоффе говорит, что в Дайрене полного соглашения ни по одному вопросу не было достигнуто. Конечно, повторять то, что было обсуждено в Дайрене, не нужно. Но взять целиком дайренский проект невозможно, потому что переговоры должны вестись теперь на более широком базисе. Он не возражает против

того, чтобы дайренский проект был канвой переговоров, и полагает, что такое выражение более ясно. С точки зрения редакционной все статьи дайренского проекта подлежат пересмотру, по существу же некоторые из них приемлемы, другие подлежат изменению или должны быть отклонены, кроме того, могут быть внесены новые.

Г-н Мацудайра предлагает следующую формулировку: “принять дайренский проект, как проект переговоров”.

Г-н Иоффе не возражает при определении: “проект, подлежащий обсуждению и изменению”.

Г-н Мацудайра задает вопрос, считает ли российская делегация возможным, чтобы РСФСР и ДВР являлись вместе одной стороной в переговорах, но чтобы соглашение ограничивалось территориально пределами ДВР и Японии?

Г-н Иоффе отвечает, что он практически не представляет себе такого соглашения. Могут быть, конечно, вопросы, которые касаются лишь ДВР и Японии, но в общем соглашении должны будут заключаться принципы, действие которых нельзя будет ограничить указанными пределами.

Г-н Мацудайра по-английски заявляет, что ввиду радикального разногласия русской и японской точки зрения японская делегация просит перерыва для получения инструкций у своего правительства.

Заседание закрывается в 4 часа 40 мин.

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 999. Л. 106–112. Копия.

№ 53

Записка А.А. Иоффе Л.М. Карахану о ходе переговоров с Японией в Чанчуне

12 сентября 1922 г.

По получении Вашего ответа* я огласил декларацию**, посланную Вам. Японцы не порвали. В прессе большой шум. Прежде всего выяснилось, что мы правы в нашем заявлении, что предшествующая переписка не давала оснований предполагать о такой программе японцев. Японский текст нот не совпадает с русским***, а так как мы получали русский, то право оказалось на нашей стороне. Японцы сбавили тон. Общее настроение в нашу

* См. док. № 51.

** См. док. № 52.

*** Об обменных нотах правительств Японии, РСФСР и ДВР от 1, 6, 14 и 24 августа 1922 г. по поводу условий проведения Чанчуньской конференции см.: ДВП СССР. Т. 5. С. 534–535, 569–570.

пользу. Японская делегация попросила перерыва. Мацудайра в пятичасовой строго конфиденциальной беседе доказывал, что Япония еще не может идти на соглашение с Советской Россией и что его личная карьера зависит от нынешнего соглашения, ибо он – автор политики предварительного договора с ДВР с тем, чтобы таковой послужил первым шагом на пути к соглашению с РСФСР. Но когда я решительно указал на неприемлемость для нас такого плана, он все же не порвал, а просил перерыва и снесся со своим правительством.

Обострение внутренних противоречий на этой почве уже началось. Военные, очевидно, подкапываются под Мининдел на основании скандала с нотами, когда Мининдел думал по-японски одно, а по-русски писал другое. Либеральные круги требуют соглашения с РСФСР (но *de jure* все боятся). На днях, вероятно, вопрос разрешится.

С коммунистическим приветом

А. Иоффе

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 99. Л. 113. Подлинник.

№ 54

Протокол № 5 заседания Чанчуньской конференции

13 сентября 1922 г.

Присутствовали: С русской стороны: первый уполномоченный г. Иоффе, второй уполномоченный г. Янсон, секретарь г. Левин, завинформбюро г. Лебедев, драгоман г. Редников.

С японской стороны: первый уполномоченный г. Мацудайра, второй уполномоченный г. Мацусима, сотрудники г.г. Симада, Миякава, помощник завинформбюро г. Касама.

Заседание открывается в 3 часа 15 минут.

Г-н Мацудайра заявляет, что японская делегация получила ожидаемый ответ от Министерства иностранных дел из Токио. Он считает целесообразным ограничиться рассмотрением главных вопросов российской декларации* для того, чтобы ускорить ход заседания. Из предварительной переписки правительств**

* См. док. № 52.

** См. док. № 53, прим. ***

вполне ясно (такова неизменная точка зрения японского правительства), что между сторонами состоялось соглашение взять дайренские переговоры и прилагаемые к ним документы как проект настоящих переговоров, а затем перейти к обсуждению следующих вопросов. Иначе говоря, заключить между Японией и ДВР торговое и общее соглашение, принимая дайренские переговоры как проект. Японское правительство, безусловно, согласно на участие в этих переговорах представителя РСФСР, о чем уже было заявлено своевременно.

Японский народ питает симпатии к русскому народу и желает установить с ним дружеские отношения; но ввиду пережитой Россией революции японский народ все-таки относится к Советской России с известным чувством опасения. После революции эти чувства стали заметно улучшаться, но заключить сейчас договор с Советской Россией для японского народа преждевременно. Японское правительство в полном соответствии с волей японского народа считает возможным заключение торгового и общего соглашения с ДВР, имея в виду географическое и экономическое отношение между этими двумя странами, а также независимость ДВР. Если между правительствами ДВР и Японии будут установлены дружеские и мирные взаимоотношения, то чувства японского народа к русскому народу улучшатся, и это облегчит и будет содействовать установлению в будущем дружеских и добрососедских отношений между Японией и Россией. Таким образом, японское правительство считает необходимым возможно скорее заключить с ДВР торговое и общее соглашение на основании дайренских переговоров и тем самым установить добрососедские отношения между этими двумя сторонами. Что же касается переговоров с Советской Россией, то следует подчеркнуть, что ведение подобных переговоров, естественно, затянуло бы ход переговоров на настоящей конференции. Мнение японского правительства до сих пор остается неизменным, то есть оно желает ограничить договор заключением торгового [и] общего соглашения с ДВР.

Но если переговоры на основании достигнутых в Дайрене результатов будут вестись в спешном порядке и соответствующее соглашение будет подписано, причем российская делегация согласится на то, что подписанное соглашение вступит в силу немедленно независимо от остальных переговоров, японское правительство согласится на переговоры в будущем с российским правительством о заключении временного общего соглашения о торговле с Советской Россией.

Быть может, объединенная российская делегация питает опасения, что в случае заключения Японией договора с ДВР со сто-

роны Японии последует вмешательство при упразднении Россией так называемого буферного государства ДВР. По этому поводу японская делегация утверждает, что японское правительство не намерено вмешиваться во внутренние дела РСФСР и ДВР (г. Мацудайра просит принять это заявление как конфиденциальное).

Безусловно, другое дело, если интересы и права японских подданных, обретенные ими до данного момента, будут затронуты и нарушены из-за перемены положения ДВР.

Г-н Иоффе указывает, что, по мнению японской делегации, в предварительном обмене нотами вполне ясно сказано, что стороны согласились взять в основу дайренский проект, понимая под этим ведение переговоров с ДВР и заключение с ней договора. Г-н Иоффе констатирует, что, по мнению объединенной российской делегации, мнению, подкрепленному документами, такое соглашение между правительствами не состоялось. Японское правительство получало ноты на русском языке. Ответные ноты японского правительства написаны тоже по-русски. В ноте от 6 августа российское правительство и правительство ДВР заявляют: “Общий основной договор *ввиду имевших* место в Дайрене переговоров может быть подписан при взаимной доброжелательности договаривающихся сторон в самый краткий срок” Эта формулировка повторена дословно в ответной ноте японского правительства от 14 августа 1922 года: “Японское правительство целиком разделяет Ваш взгляд на то, что такой общий – основной – договор может быть выработан *ввиду имевших* место в Дайрене переговоров в самый короткий срок при взаимной доброжелательности договаривающихся сторон”

“Иметь в виду” по-русски отнюдь не значит “положить в основу”. При этом следует указать, что даже выражение “положить в основу дайренский проект” логически не дает основания полагать, что оно подразумевает только переговоры между ДВР и Японией, а не между РСФСР и ДВР, с одной стороны, и Японией, с другой. Таковы своеобразные особенности русского языка. И на основании этих особенностей правительства РСФСР и ДВР вынесли вполне определенное, точное и ясное убеждение в том, что императорское японское правительство согласно на переговоры между РСФСР и ДВР, с одной стороны, и Японией, с другой.

Только по этой причине правительства ДВР и РСФСР отправили в Чанчунь свою делегацию. И после имевшего здесь место обмена мнений, из которого с достаточной ясностью установлено, что соглашение Японии с одной Дальневосточной Республикой *ввиду* тесной экономической и политической связи между РСФСР и ДВР невозможно, упорное нежелание императорского

японского правительства вести переговоры со всем хозяйственным целым, с обеими республиками совместно, будет совершенно непонятно русскому народу. И только одним объяснит русский народ это упорство, тем, что императорское японское правительство еще не рассталось с идеей интервенции, с идеей сохранения во чтобы то ни стало несоветского буфера между Россией и Японией. А конфиденциальное заявление японской делегации, что японское правительство не имеет этого в виду при условии немедленного вступления в силу соглашения на основе дайренского проекта, и угроза, что японское правительство будет считать себя свободным, если имущество и права японских граждан будут нарушены при перемене положения ДВР, вряд ли рассеют эти предположения русского народа. По вопросу об интервенции русский народ впредь, как и всегда, будет надеяться на свои силы, но он имеет в виду, что интервенция ни в общественном мнении японского народа, ни в общественном мнении Европы и Америки уже не находит больше сочувствия.

Русский народ не будет питать враждебных чувств к японскому народу даже в том случае, если настоящие переговоры не будут приведены к благоприятному концу.

А правительства РСФСР и ДВР, оставаясь верными своим первоначальным заявлениям, готовы возобновить переговоры на указанной российской делегацией основе. Поэтому российская объединенная делегация не считает возможным вести переговоры для достижения целей, изложенных тут председателем японской делегации в прочитанном им ответе императорского японского правительства.

В дальнейшем г. Мацудайра объясняет, что японское правительство поняло и не могло не понять в предварительном обмене нотами, что русское правительство согласно взять в основу дайренский проект. Для объяснения он приводит следующий пример: если будет сделано предложение кому-либо: “Вы придете на обед в Ямато Отель?” (гостиница, находящаяся в Чанчуне) и он ответит: “Да, приду”, то это предложение, по мнению японской делегации, будет принято.

Оставляя на этом примере дебаты по вопросу о дайренском проекте в стороне, г. Мацудайра отрицает намерение японского правительства вмешаться во внутренние дела РСФСР и ДВР [и] повторяет уже изложенное обещание заключить в будущем договор с Россией, если будет принято предложение японского правительства.

После длительного обмена мнений по изложенным вопросам г. Мацудайра заявляет, что он считает нужным прервать настоящую конференцию, так как точные инструкции японского пра-

вительства на дают возможности японской делегации пойти на встречу желаниям русского правительства.

Г-н Иоффе заявляет, что он ничего не имеет (против)* прибавить к сделанным им заявлениям.

После выраженной русской делегации готовности покинуть зал заседания г. Мацудайра предлагает председателю объединенной российской делегации встретиться на следующий день для обсуждения частного проекта г. Мацудайры.

Г-н Иоффе просит разъяснить, идет ли речь о частном проекте или об официальном предложении. В ответ г. Мацудайра излагает основы проекта. После обмена мнений г. Мацудайра останавливается на следующем: правительства РСФСР и ДВР, с одной стороны, и правительство Японии, с другой, заключают соглашение, действие которого распространяется на территории ДВР и Японии. Вопросы, не разрешенные указанным соглашением, должны быть разрешены в другом договоре, заключаемом между РСФСР и Японией. Дайренский проект морально обязывает обе стороны. Его статьи подлежат редакционному пересмотру, изменению и дополнению.

Г-н Иоффе заявляет, что он считает это предложение принципиально приемлемым, но практически неосуществимым ввиду невозможности договариваться только о части территории, но согласен попробовать начать переговоры таким образом. Что касается дайренского проекта, то он не может считать его обязательным. Так как какие-нибудь проекты статей надо обсуждать, то можно обсуждать дайренские статьи, но он не может считать себя связанным сделанными в Дайрене условиями, ибо всегда так бывает: то, на что соглашались однажды, является неприемлемым в изменившейся обстановке. Он оставляет за собой право отвергать дайренские статьи целиком, вносить новые, вносить серьезные или незначительные поправки к приемлемым по существу статьям. Г-н Мацудайра с этим соглашается.

Г-н Иоффе повторяет вопрос, частный ли это будет обмен мнений или официальный? Это важно знать, так как в случае, если конференция прервана, он считает себя свободным сделать любое заявление прессе.

Г-н Мацудайра указывает на то, что следующее заседание назначено на другой день и, стало быть, конференция продолжается.

Заседание закрывается в 7 часов 10 минут.

Следующее заседание назначается на 14 сентября в 3 часа дня.

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 999. Л. 115-120. Копия.

* Так в тексте.

*Телеграмма А.А. Иоффе в НКВД РСФСР
о возобновлении заседаний Чанчуньской конференции
и позиции Японии в вопросе об эвакуации войск
из Северного Сахалина*

№ 24

13 сентября 1922 г.
ЧанчуньМосква, НКВД – Карахану, Долецкому¹

Официальное коммюнике: заседание конференции возобновлено 13 сентября. Достигнуто соглашение обеих сторон по вопросу распространения на РСФСР условия о взаимном воздержании от пропаганды и о неподдержке враждебных действий. Это обязательство будет включено в документы, которыми обменяются обе стороны и которые должны составить неразрывную часть основного соглашения.

Русская делегация, указывая на то, что Япония должна объявить срок вывода своих войск из северной части Сахалина, настаивала на своем взгляде, что эвакуация Северного Сахалина стоит вне всякой связи с николаевским вопросом.

Со своей стороны, японская делегация настаивала на своей прежней позиции, указав, что, как о том неоднократно заявляло императорское японское правительство, северная часть Сахалина будет эвакуирована Японией по окончательном разрешении николаевского вопроса, который будет рассмотрен немедленно по подписании договора, вследствие чего японская делегация в настоящий момент не может указать даты эвакуации.

Соглашение по этому вопросу не могло быть достигнуто между обеими делегациями, а так как японские делегаты должны запросить свое правительство об окончательных инструкциях, конференция отложена до получения таковых.

Гамма, Иоффе

Помета: “т. Сталину”.

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 999. Л. 114. Заверенная копия.

¹ Долецкий (Фенигштейн) Яков Генрихович (1888–1937) – в 1921–1925 гг. ответственный руководитель РОСТА.

*Телеграмма А.А. Иоффе Л.М. Карахану и И.В. Сталину
о согласии Японии на проведение переговоров с РСФСР
по заключению торгового договора*

№ 31

13 сентября 1922 г.

Москва, НКВД – Карахану

Политбюро – Сталину

На сегодняшнем заседании* Мацудайра ответил: яп[онское] пра[вительство] в полном согласии с предшествующей перепиской правительств. Яп[онское] пра[вительство] желает вести переговоры о заключении договора с ДВР по вопросам о торговле и общим, участие России – по ее касающимся в этом соглашении. Если скоро будет заключен этот договор и добавочные по конкретным вопросам, например, рыболовному при условии, если эти договоры вступят в силу немедленно после подписания без ратификации, яп[онское] пра[вительство] согласно после этого вести переговоры с РСФСР о заключении временного договора. Это заявление было уснащено обычными утверждениями о готовности яп[онского] народа к соглашению с ДВР, но не готовности к соглашению с РСФСР, заявлением, что договор с ДВР – первый шаг к договору с РСФСР. Намекали, что наше несогласие может изменить это настроение яп[онского] народа. При этом Мацудайра подчеркнул отсутствие** яп[онского] пра[вительства] к России и ДВР и заявил конфиденциально, что Япония не намерена вмешиваться во взаимоотношения РСФСР и ДВР, даже если первая уничтожит самостоятельность последний, но, конечно, должна будет принять меры, [если] от перемены строя в ДВР пострадают приобретенные раньше права яп[онских] граждан. В своем ответе я опроверг ссылками на текст нот утверждение, что яп[онское] пра[вительство] могло свое заключение вывести из предшествующей переписки. Заявил, что упорное нежелание соглашения с РСФСР при нашем доказательстве невозможности при хозяйственном единстве разрешать только дальневосточные вопросы может быть понято русским народом только как продолжение интервенционистской буферистской политики, что конфиденциальные заявления об отсутствии этих намерений при условии требования отказа от ратификации, на что мы права

* См. док. № 54.

** Так в тексте. Вероятно, пропущено слово “враждебности”.

не имеем, и угрозы все же в известном случае принять свои меры не [могут] убедить русский народ в противном. Добавил, что русский народ в последнем [случае] надеется и рассчитывает на свои силы, но помнит, что интервенционистская политика не находит сочувствия в яп[онском] народе, ни в американском, ни в европейском общественном мнении, и категорически отверг предложение.

Мацудайра сказал: в таком случае конференция должна быть прервана. Я ответил, что ничего не имею прибавить к своему заявлению и начал собирать бумаги. Мацудайра сказал, что имеет сделать еще предложение от своего личного имени, и предложил, чтобы договаривающимися сторонами были РСФСР и ДВР, с одной стороны, и Япония, с другой, но договор только с ДВР. Я ответил, что договор может заключаться только между договаривающимися сторонами. Раз стороны РСФСР и ДВР, с одной стороны, и Япония, с другой, то и договор должен быть такой. Мацудайра изменил свое предложение, что переговоры и договор – с одной стороны, РСФСР и ДВР, с другой, Япония – не только по вопросам Дальнего Востока. Я признал такую базу принципиально приемлемой, но практически неосуществимой ввиду невозможности отделять ДВР и Дальвосток от всей РСФСР в хозяйственном отношении. Мацудайра заметил, что так как он имеет инструкцию после соглашения с ДВР вести переговоры о торговом договоре с РСФСР, пробелы могут быть заполнены в последнем. Я согласился начать переговоры на такой базе, выразив сомнение в их практичности.

Дебаты перешли к вопросу, класть ли дайренский проект в основу. Я ответил: при условии права поправок и изменении и отклонении целых статей и добавлении новых дайренский проект может обсуждаться. После долгих споров японцы согласились. Мой прямой вопрос, прервана ли конференция и будет ли изложенное частным совещанием, Мацудайра ответил, что конференция продолжается. Таким образом – переговоры и договор с РСФСР, ДВР по дальневосточным вопросам с тем, что могут быть расширения района действий в последующих переговорах о торговом договоре РСФСР с Японией. Дайренский проект фактически отпадает. Не имея никаких новых директив, будем в переговорах придерживаться соображений Москвы во время дайренских переговоров. Следующее заседание завтра.

Иоффе

№ 57

Постановление Политбюро ЦК РКП(б)

о выяснении готовности Японии провести переговоры с РСФСР
по заключению торгового договора*

№ П26/2

14 сентября 1922 г.

Сов. секретно

а) Информацию т. Карахана** принять к сведению.

б) Поручить тов. Карахану выяснить путем телеграфных запросов, означает ли предложение Японии, что наши представители в Японии не должны быть при заключении ими договора с ДВР и что после настоящих переговоров последуют переговоры с Россией о торговом договоре, а также что следует понимать под вопросами, касающимися Дальн[его] Востока.

Секретарь ЦК

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 999. Л. 123. Копия.

№ 58

Протокол № 6 заседания Чанчуньской конференции

14 сентября 1922 г.

Присутствовали:

С русской стороны: первый уполномоченный г. Иоффе, второй уполномоченный г. Янсон, секретари г.г. Быховский и Левин, завинформбюро г. Лебедев, драгоман г. Редников.

С японской стороны: первый уполномоченный г. Мацудайра, второй уполномоченный г. Мацусима, сотрудники г. Си-мада, Миякава, помощник завинформбюро г. Касама.

Заседание открывается в 3 часа 15 минут.

Г-н Мацудайра представляет проект введения в договор.

Проект гласит: "Императорское японское правительство, с одной стороны, и правительства РСФСР и ДВР, находящиеся между собою в тесных экономических и политических отношениях, с другой, стремясь к установлению мирных и торговых взаимоотноше-

* Вопрос представлен Л.М. Караханом. Выписка из протокола № 26 заседания Политбюро РКП(б) от 14 сентября 1922 г., п. 2.

** См. док. 56.

ний между японским и русским народами и к развитию экономических и других связей между Японией и Россией и вместе с тем признавая в этих целях необходимым сперва, впредь до заключения в будущем формального трактата, определяющего экономические и политические взаимоотношения, заключить между означенными правительствами предварительное соглашение, устанавливающее взаимоотношения между Японией и ДВР, пришли к соглашению относительно следующих постановлений”.

Г-н Иоффе предлагает начать переговоры с вопросов, связанных с эвакуацией, и указывает, что в продолжение переговоров председатель японской делегации несколько раз указывал на необходимость решить эти вопросы, ибо, по его мнению, они не терпят отлагательства хоть на один час; с начала переговоров прошло уже 10 дней. В целях достижения наибольшей скорости в этом вопросе следует начать с него.

Г-н Мацудайра указывает на необходимость более ясно ознакомиться с этим вопросом. Японская делегация не может подписать соглашение об эвакуации независимо от общего соглашения.

Г-н Иоффе возражает, что он не предлагал подписывать особого соглашения, а предложил лишь порядок обсуждения вопросов. Логически ясно, что вопросы, “не терпящие отлагательства” ни на один час, должны быть обсуждены первыми.

Г-н Мацудайра заявляет о желательности вести переговоры в искреннем и дружеском тоне, он просит российскую делегацию высказать откровенно свое мнение по вопросам передачи оружия, военных припасов и т.п.

Г-н Иоффе указывает, что главный вопрос с точки зрения российской объединенной делегации – порядок передачи территории, которая после эвакуации японских войск может остаться без фактической власти, что может повести к беспорядкам, грабежам и насилию над мирными жителями со стороны преступных элементов.

В целях ускорения г. Иоффе предлагает вести параллельную работу: продолжать обсуждение общих вопросов, поручив военным экспертам сторон разработку вопросов эвакуации.

Г-н Мацудайра настаивает на заключении в первую очередь общего соглашения и последующем решении вопросов эвакуации. Японское правительство желало заключить соглашения до 15 августа, до начала эвакуации. Теперь обстоятельства изменились, эвакуация началась, и японские войска не могут ждать прибытия российских властей.

Г-н Иоффе разъясняет, что план эвакуации устранит возможность столкновения между войсками государств, заключающих мирное соглашение. Таков обычный порядок при оставлении

войсками одной стороны территории другой. Он применяется иногда даже во время военных действий. Эвакуация происходит в настоящее время, и необходимо провести ее по определенному точно выработанному плану, согласованному с другой стороной. Этим будет избегнуто ненужное кровопролитие.

Г-н Мацудайра, соглашаясь с высказанными г. Иоффе положениями, еще раз указывает, что опоздание произошло, несмотря на живейшее желание японского правительства заключить общее соглашение до начала эвакуации. Тем не менее японское командование решило отрядить некоторые силы для охраны оружия и боевых припасов во Владивостоке. Японское правительство решило эвакуировать свои войска и выполнить свое решение при всяких обстоятельствах, но японская делегация считает необходимым заключить сначала общее соглашение и решить все вопросы.

Г-н Иоффе указывает, что до начала переговоров был долгий спор о месте. Все пункты, предложенные правительством России, были отвергнуты японским правительством. С японской стороны был предложен Дайрен, где переговоры велись 8 месяцев, благодаря отсутствию хорошо налаженной телеграфной связи.

Г-н Мацудайра заявляет, что лучше обсуждать насущные вопросы, чем обмениваться мнениями о прошлом.

Г-н Иоффе возражает, что в таком случае не надо обвинять.

Г-н Мацудайра продолжает, что передать вопрос об эвакуации комиссии экспертов нецелесообразно, так как психология военных людей иная, они не могут создать столь мирного тона обсуждения вопросов.

Г-н Иоффе спрашивает, угодно ли принять японской делегации его предложение. Если нет – он не возражает, но снимает моральную ответственность за пролитую кровь, так как предложение российской объединенной делегации клонится к установлению порядка, при котором можно было бы избежать кровопролития.

Г-н Мацудайра заявляет, что японское командование не может быть обвинено одно в кровопролитии, если оно произойдет, так как японская делегация желает возможно скорейшего заключения соглашения, после коего будут решены военные вопросы.

Г-н Иоффе констатирует, что предложение российской объединенной делегацией в целях избежания кровопролития было сделано. Японская делегация отклонила это предложение, следовательно, несет ответственность за последствия. Рос-

сийская объединенная делегация предлагает перейти к обсуждению проекта введения соглашения для того, чтобы не затягивать переговоры.

Г-н Мацудайра заявляет, что японская делегация полагает, что не следует одной стороне навязывать другой стороне ответственность. Японская делегация констатирует, что резкий тон российской делегации является тормозом в ходе переговоров, носящих дружественный характер. Японское правительство предлагало заключить соглашение до 15 августа, а стало быть, вина за кровопролитие падает на русскую сторону. Так будет записано в протоколе. Но японская делегация хотела бы избежать занесения в протокол подобных заявлений, так как переговоры носят дружественный характер. Если тут будут всякий раз указывать на принципы гуманности, то переговоры не будут закончены.

Г-н Иоффе заявляет, что дружественное отношение познается не на словах, а на деле. Россия японской территории не занимала, в японский народ не стреляла, японского имущества не захватывала. Г-н Иоффе повторяет, что он переходит к обсуждению проекта введения.

Г-н Мацудайра разъясняет, что эвакуация японских войск не имеет цели захвата русской территории. Если начать разъяснения, то понадобится много времени. Он оставляет за собой право в дальнейшем дать более подробное объяснение.

Г-н Иоффе заявляет, что японская оккупация стоила русскому народу много крови, много слез и много денег, теперь же, когда российская делегация в соответствии с дружественным характером переговоров предлагает уменьшить то зло, которое вольно и невольно сделано японской оккупацией, то и это предложение отвергается.

Г-н Мацудайра заявляет: “Не будем полемизировать”

Стороны переходят к обсуждению введения в соглашение. Сначала обсуждается редакционная форма документа. Г-н Иоффе возражает против несоблюдения обычных форм с указанием лиц, уполномоченных вести переговоры, на наличность полномочий и т.п. Японская делегация ссылается на прецедент русско-британского торгового договора. Г-н Иоффе указывает на неудобность выражения “впредь до заключения в будущем формального трактата”, определяющего экономические и политические взаимоотношения. Слова “формальный трактат” вызывают неясность, создавая впечатление, что настоящее соглашение не носит формального характера. В дальнейшем г. Иоффе в соответствии с частным предложением г. Мацудайра о базе для

переговоров предлагает заменить слова “устанавливающие взаимоотношения между Японией и ДВР” словами “соглашение распространяется на территории ДВР и Японии”

Г-н Иоффе составляет со своей стороны проект введения. Проект гласит: “С одной стороны, правительства РСФСР и ДВР, связанные между собою тесными политическими и экономическими узлами и рядом союзных договоров, а с другой стороны, императорское японское правительство, стремясь к установлению между русским и японским народами мирных торговых взаимоотношений и к развитию экономических и других связей между Россией и Японией, признали необходимым в этих целях заключить предварительное соглашение между означенными правительствами впредь до заключения в будущем формального трактата, определяющего политические и экономические взаимоотношения между ними. Вышеизложенное соглашение распространяется на территории ДВР и Японии. Те вопросы, которые, благодаря тесной экономической связи между РСФСР и ДВР, в этом соглашении окажутся недостаточно разрешенными, будут окончательно разрешены в соглашении между РСФСР и Японией, переговоры по которому должны начаться немедленно по подписании настоящего соглашения. Исходя из всего вышеизложенного, правительства РСФСР и ДВР, с одной стороны, и императорское японское правительство, с другой, пришли к соглашению относительно нижеследующих постановлений”.

После оглашения проекта японская делегация приступает к сличению его со своим проектом и заявляет, что перевести его на японский язык невозможно. После краткого обмена мнений по существу составленного японская делегация предлагает заседание закрыть ввиду позднего времени.

Г-н Иоффе предлагает установить постоянный регламент времени заседаний. Стороны соглашаются установить ежедневно два заседания: утреннее от 11 до 1 часа, вечернее от 3-х до 5-ти.

Заседание закрывается в 7 часов 35 минут. Следующее заседание назначается на 15-е в 11 часов утра.

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 999. Л. 126–130. Копия.

Протокол № 7 заседания Чанчуньской конференции

15 сентября 1922 г.
Утреннее [заседание]

Присутствовали: С русской стороны: первый уполномоченный А.А. Иоффе, второй уполномоченный Я.Д. Янсон, секретарь г. Левин, завинфбюро г. Лебедев, драгоман г. Редников.

С японской стороны: первый уполномоченный г. Мацудайра, второй уполномоченный г. Мацусима, сотрудники Симада, Миякава и Касама.

Заседание открывается в 11 час. 15 мин.

Стороны продолжают обсуждать текст введения в соглашение.

Г-н Мацусима заявляет, что русский проект может повести к практическим неудобствам. Выражение “соглашение распространяется на территории ДВР и Японии” ограничивает объем вопросов вопросами, вытекающими из понятия территории. При этом на основании Вашей редакции любой русский имеет право свободного въезда в Японию, в то время как японский подданный дальше ДВР поехать не сможет. Поэтому японская делегация предлагает остановиться на ее проекте: “соглашение, устанавливающее взаимоотношения между Японией и ДВР”.

Г-н Иоффе указывает, что его предположение о невозможности составить соглашение на предложенной японской делегацией базе осуществляется. Тут возникают непреодолимые трудности, так как нельзя соглашение ограничить пределами ДВР ввиду тесной экономической и политической связи между обеими республиками. Русское выражение “распространяется на территории ДВР и Японии” совершенно не означает того, что дело идет только о территориальных вопросах. Что же касается указания г. Мацусима на то, что русские и японские граждане не будут пользоваться одинаковым правом въезда в пределы территории другой договаривающейся стороны, то это вытекает не из формулировки, а из существа отношений между РСФСР и ДВР. В силу закона о гражданстве русский гражданин может приехать в Читу, взять там паспорт гражданина ДВР на свое имя и поехать в Токио. Этого избежать нельзя. Впрочем, он не отстаивает своей редакции, но редакция японской делегации тоже неприемлема, так как она создает впечатление, что между Японией и ДВР

закключается сепаратный договор. Создается противоречие: в начале текста указано, что Россия – договаривающаяся сторона, а из последующих слов видно, что договор в действительности заключается между ДВР и Японией.

Г-н Мацудаира, возражая против последнего замечания, цитирует заключительные слова русского проекта, указывая на то, что после подписания договора с ДВР Япония начнет переговоры с Россией.

Г-н Иоффе заявляет, что начать переговоры не значит кончить их, то есть прийти к соглашению. Такого рода заявление ни к чему не обязывает. Международное положение России не таково, чтобы она была принуждена ограничиться ролью свидетельницы при заключении этого соглашения.

Г-н Мацудаира заявляет, что в таком случае к каждой статье договора придется делать особое вступление.

Г-н Иоффе повторяет свое предупреждение о том, что при заключении договора на предложенной японской делегацией формуле возникнут неразрешимые трудности, которые сейчас уже имеют место. Кроме того, например, в статье первой дайренского проекта* говорится о том, что каждая из договаривающихся сторон обязуется не предпринимать враждебных действий против другой стороны. Если действие этой статьи ограничить пределами ДВР, то Япония будет иметь возможность поддерживать любого белогвардейца, раз только он имеет в виду Россию, а не ДВР. На это Россия ни в коем случае не может согласиться.

Г-н Мацудаира возражает, что Япония не может предпринять враждебных действий в каком бы то ни было виде, минуя территорию ДВР.

Г-н Иоффе указывает, что Япония, не нарушая точного смысла статьи в японской редакции, может не только поддерживать белогвардейские организации, действующие против РСФСР, но даже вооружать суда для враждебных России организаций с тем только, чтобы направлять их не на побережье ДВР, а куда-либо в Охотск или на Камчатку.

Г-н Мацудаира поясняет, что японская делегация согласно полученной инструкции была уполномочена заключить договор сначала с ДВР, а вслед затем – общее торговое соглашение с РСФСР. Российская делегация не согласилась на это предложение.

Ввиду этого он предложил частный компромиссный проект, который сводится к следующему: договаривающиеся стороны

* См. док. № 40, приложение 1.

РСФСР и ДВР, с одной стороны, и Япония, с другой. Содержание договора охватывает ДВР и Японию. При обсуждении этого проекта стороны натолкнулись на большие трудности, и так как инструкций от японского правительства нет и нет настоящего доверия к японской делегации в том, что она немедленно по заключении первого договора приступит к переговорам с Советской Россией, то ясно, что переговоры успешно не пойдут. Приходится констатировать, что это частное предложение оказалось неосуществимым.

Г-н Мацудайра предлагает перейти к обсуждению статей дайренского проекта, отложив обсуждение введения до получения точных инструкций от японского правительства.

Г-н Иоффе не возражает против этого предложения. Во избежание неясностей он формулирует еще раз частное предложение г. Мацудайры: первый договор заключается между РСФСР и ДВР, с одной стороны, и Японией, с другой, по вопросам, касающимся ДВР и Японии. Второй договор будет заключен между РСФСР и Японией в отношении всей территории РСФСР.

Заседание закрывается в 1 час 40 минут.

Вечернее заседание

Присутствуют те же.

Заседание открывается в 3 часа 15 минут.

Стороны приступают к обсуждению статей дайренского проекта.

Г-н Иоффе предлагает: 1) слова “не вести вне пределов своей территории прямой или косвенной пропаганды” изменить, вычеркнув “вне пределов своей территории”; 2) в словах “обязуется принимать меры к недопущению и прекращению на своей территории пребывания и деятельности всякого рода групп и организаций, стремящихся к нарушению существующего в другой стране государственного правопорядка”, заменить слова “принимать меры к недопущению и прекращению” словами “не допускать”; 3) в тех же словах после слов “на своей территории” прибавить слова “также на территории, находящейся в сфере ее юрисдикции”; 4) после заключительного слова “правопорядка” добавить слова “или претендующих на роль правительства всей территории договаривающейся стороны, либо части ее”

По поводу первой поправки г. Мацудайра заявляет, что она затрагивает суверенные права государства, так как при запрете вести пропаганду внутри государства Япония была бы лишена возможности вести агитацию среди своих подданных против коммунизма, Россия – среди своих граждан против империализма.

Г-н Иоффе указывает, что не настаивает на этом своем предложении. Россия стоит за свободу пропаганды. Им было сделано предложение только потому, что российское правительство постоянно обвиняют в пропаганде. Раз запрещать, так уж запрещать и на своей территории.

Г-н Мацудайра заявляет, что он по существу согласен принять первую поправку, но если эти слова вычеркнуть, то это может произвести нежелательное впечатление, поэтому лучше эти слова оставить.

Г-н Иоффе не возражает.

Вторая поправка принимается без прений.

Третья поправка тоже принимается.

Относительно 4-й поправки г. Иоффе разъясняет, что всякая группа, которая не имеет политической программы или не принимает на словах государственный правопорядок РСФСР или ДВР, но претендует при этом на власть, не подойдет под точный смысл этой статьи, если не будут добавлены указанные слова.

Г-н Мацудайра указывает, что эта поправка покажется значительной, так как тут прибавлена целая фраза.

Г-н Иоффе заявляет, что это неважно, что фразу можно сократить, эти слова можно заменить другими: “стремящейся к низвержению правительства другой стороны или претендующих на его роль”

После обмена мнениями стороны соглашаются назначить комиссию для редактирования этой статьи. С русской стороны назначается г. Янсон, с японской – г. Мацусима.

В статье 2-й Иоффе предлагает начальную фразу “подданным или гражданам каждой из договаривающихся сторон предоставляется, согласно законам данной страны, право прибытия, путешествия и проживания в пределах другой стороны” заменить следующей редакцией: “подданным или гражданам каждой из договаривающихся сторон предоставляется право прибытия, путешествия и проживания в пределах другой стороны, согласно законам этой страны”, так как при прежней редакции выходило, что японский гражданин будет проживать в России по законам своей страны и наоборот.

Поправка принимается.

В той же статье г. Иоффе предлагает слова “национальными паспортами” заменить словами “паспортами”.

Поправка принимается.

Статья 1-я и 4-я [принимаются]* в существующей редакции.

В статье 5-й г. Иоффе предлагает:

* Слово вставлено по смыслу.

1) после слов “пользуются правами беспрепятственно заниматься торговлей” вставить слова “согласно существующим законам”;

2) изъять слова “в отношении торговли и промышленности”;

3) в словах “чем подданные или граждане собственного или третьего государства” опустить слово “собственного”.

Г-н Мацудайра, возражая против третьей поправки, убеждает российскую делегацию, указывая, что предоставление японским подданным разных прав в торговле с гражданами ДВР вызовет большее оживление в торговле, которое будет полезно также и ДВР.

Г-н Иоффе заявляет, что эту поправку он внес по настоянию ДВР, и предлагает высказаться г.Янсону.

Г-н Янсон указывает, что этот пункт для ДВР опасен. Республика должна иметь право давать некоторые привилегии своим гражданам, тем более, что это уже отмечено законодательством ДВР. При равенстве прав создается неравенство, то есть худшее положение для русских граждан, так как при слабой населенности страны и при слабости русского капитала японские предприниматели совершенно уничтожат русскую торговлю. Тут дело идет не об ограничении прав иностранцев, а об ограждении прав русских.

После дальнейшего обмена мнений по этому вопросу между г. Янсоном и г. Мацудайрой заседание закрывается в 6 часов 40 минут.

Обсуждение 5-й статьи переносится на следующее заседание.

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 999. Л. 131–137. Копия.

№ 60

*Докладная записка Л.М. Карахана И.В. Сталину
о согласии Японии заключить договор с РСФСР и ДВР
и о необходимости широкого освещения в прессе
хода переговоров в Чанчуне*

№ 258/и

18 сентября 1922 г.

Секретарю ЦК тов. Сталину
Копия членам Политбюро

1. Посылаю Вам переписку с т. Иоффе; из нее видно, что 13 сентября японцы уступили, согласившись заключить договор с РСФСР и ДВР. В шифровке от 16 сентября Иоффе сообщает, что японцы готовы заключить договор только с ДВР и только после этого с РСФСР. Я ему послал запрос, указав на это проти-

воречие, и вчера ночью получил прилагаемый ответ*, что япон[ское] пр[авительст]во подтвердило согласие, данное главой яп[онской] делегации Мацудайрой 13 сентября.

2. Мною было предложено т. Иоффе отказаться от системы официальных коммюнике с тем, чтобы иметь развязанными руки и давать самую широкую информацию о переговорах. На это я получил ответ, что если отказаться от секретности переговоров, то японская пресса будет меньше печатать, чем теперь, когда отдельные органы, конкурируя между собой, посылают материал о ходе переговоров, получая в частном порядке. Я послал ему новое предложение отказа от секретности, ибо, не будучи связаны ничем, еще легче будем играть на конкуренции отдельных газет, а главное, сможем полностью печатать все, что найдем нужным. А в переговорах с Японией широкая публикация хода переговоров является важнейшим орудием давления на Японию, которая очень ловко искажает то, что делается на переговорах. Это блестяще показал опыт дайренских переговоров.

Все шифровки и инструкции, отправленные т. Иоффе, как это видно из прилагаемой справки**, им получены.

Карахан

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 999. Л. 138–139. Подлинник.

№ 61

Протокол № 8 заседания Чанчуньской конференции

18 сентября 1922 г.

Утреннее [заседание]

Заседание открывается в 11 часов 10 мин.

Присутствовали:

С русской стороны: первый уполномоченный г. Иоффе, второй уполномоченный г. Янсон, секретарь г. Левин, завинформбюро г. Лебедев, переводчик г. Редников.

С японской стороны: первый уполномоченный г. Мацудайра, второй уполномоченный г. Мацусима, сотрудники Си-мада, Миякава и Касама.

Г-н Мацудайра заявляет, что 14 сентября им был сделан запрос правительству, санкционирует ли оно его частное предло-

* Не публикуется.

** Не публикуется.

жение, касающееся основы переговоров. Ответ получился утвердительный.

Г-н Иоффе поясняет, что российская объединенная делегация понимает это предложение таким образом: переговоры делятся на два периода; первый период – заключение соглашения между РСФСР и ДВР, с одной стороны, и Японией, с другой, по вопросам, касающимся ДВР; второй период – переговоры между РСФСР и Японией в целях заключения соглашения о распространении всех положений первого договора на РСФСР. Российская делегация тоже запросила свое правительство, но ответа еще не получила.

Г-н Мацудайра просит российскую делегацию заметить, что его частное предложение касается только первой части переговоров. Вторая часть была официальным предписанием японского правительства.

Г-н Иоффе заявляет, что российская делегация, уверенная в влиятельности г. Мацудайры среди правящих кругов Японии, не сомневалась в том, что его частное предложение будет санкционировано японским правительством, и запросила свое правительство о всем предложении целиком.

Стороны переходят к обсуждению 5-й статьи проекта.

Японская делегация вручает российской объединенной делегации новый проект статьи:

“Ст. 5. Подданные или граждане каждой из договаривающихся сторон пользуются правами заниматься беспрепятственно торговлей, обрабатывающей промышленностью, промыслами, профессиями и ремеслами на территории другой стороны, причем в отношении торговли и обрабатывающей промышленности они в каком бы то ни было случае не могут быть поставлены в менее благоприятное положение, чем подданные или граждане собственные или третьего государства, а в отношении промыслов, профессий и ремесел – чем подданные или граждане третьего государства.

Настоящая статья не распространяется на права, которые предоставлены или могут быть предоставлены гражданам какого-либо государства, объединенного с данной страной договором об экономическом союзе”

Г-н Иоффе приводит доводы, поясняющие уже высказанную на предыдущем заседании точку зрения российской объединенной делегации, в силу которой из этой статьи следует изъять слова, говорящие об уравнивании граждан одной стороны с гражданами другой в правах торговли и занятия обрабатывающей промышленностью. Ввиду слабости русского капитала следует пре-

доставить право ДВР давать привилегии и льготы своим гражданам без того, чтобы они механически распространялись на японских граждан. Давать эти привилегии в виде субсидии ДВР не в состоянии, а без них более сильный японский капитал убьет русскую торговлю и промышленность. Проектируемое равенство не дает возможности развиваться русской торговле, в то время как указанные льготы и привилегии для русских граждан не могут быть опасны для японцев.

После краткого обмена мнений г. Иоффе предлагает после слов первого абзаца “на территории другой” вставить слова “с соблюдением ее внутреннего законодательства” В конце первого абзаца вставить слова “Япония не будет претендовать на те льготы, которые в области торговли и промышленности могут быть предоставлены собственным гражданам”.

Во время обмена мнений японская делегация заявляет, что она усвоила себе точку зрения российской делегации, по существу против нее не возражает, но опасается неблагоприятного впечатления при наличии таких поправок.

Вопрос оставлен открытым. Стороны переходят к обсуждению статьи 6-й.

“Ст. 6. Правительства договаривающихся сторон взаимно признают свободу торговли, сообщения и мореплавания, при том каждая сторона обязуется не поставлять подданных или граждан в суде другой в менее благоприятное положение, чем таковые третьего государства.

Первая часть настоящей статьи не распространяется на права, которые предоставлены или могут быть предоставлены гражданам какого-либо государства, объединенного с данной страной договором об экономическом союзе.

Правительства договаривающихся сторон обязуются заключить немедленно по подписании настоящего договора соглашение о предметах, касающихся торговли, сообщения и мореплавания, а также таможенного тарифа и таможенного порядка соответственно с первой и второй частями настоящей статьи”.

Г-н Иоффе заявляет, что эта статья по существу приемлема, но она требует редакционных изменений. Начало статьи гласит: “Правительства договаривающихся сторон взаимно признают свободу торговли, сообщений, мореплавания...” Выражение “свобода торговли” может иметь двоякое значение. Тут имеется в виду, конечно, свобода торговых сообщений, но ее можно понять также и иначе, то есть как обязательства России денационализировать внешнюю торговлю. Во избежание недоразумений следует изменить редакцию.

Г-н Мацудайра спрашивает, национализована ли в ДВР внешняя торговля?

Г-н Иоффе отвечает, что еще не национализована, но это будет проведено в ближайшем будущем.

Г-н Мацудайра заявляет, что эти слова нужно сохранить, так как для торгового договора они носят характер декларативный (“являются плакатом”). Когда каждый гражданин вправе заниматься торговлей, тогда существует свобода торговли. Такое положение не исключает права заниматься торговлей также и правительству.

Г-н Иоффе заявляет, что положение диаметрально противоположно, частные лица вправе вести внешнюю торговлю по разрешению правительства, которое не признает свободы внешней торговли.

Г-н Мацудайра объясняет, что у иностранцев сложилось представление о том, что в России народ свободен; внесение такой поправки создаст неблагоприятное для России впечатление за ее пределами.

Г-н Иоффе в кратких чертах излагает принципы национализации торговли, проводит параллель с ограничениями свободы торгового оборота, существующими ныне повсеместно и введенными с начала мировой войны, говорит о дебатах по этому вопросу, имевших место в Генуе, и предлагает остановиться на выражении “право торговли”, которое помещено в том тексте дайренского проекта, который считается, по мнению русской стороны, последним.

Г-н Мацудайра настаивает на выражении “свобода торговли”, указывая, что оно принято во всех договорах.

Г-н Иоффе предлагает новый вариант: “свобода торговых сношений”. В прежнем абзаце в соответствии с принятой поправкой слова “торговли, сообщения” заменяются “торговых сношений”.

Поправка принимается.

Г-н Иоффе предлагает в первом абзаце после слов “Правительства договаривающихся сторон взаимно признают свободу торговли, сношений и мореплавания” прибавить слова “согласно внутреннему законодательству каждой страны”. Ст. 6-я устанавливает два принципа: свободу торговли, сношений и мореплавания и принцип наибольшего благоприятствования. Во избежание различных толкований в целях большей ясности необходимо внести третий принцип: подчинение законам другой договаривающейся стороны. Тем самым будет зафиксировано ограничение свободы торговли, сношений и мореплавания в пределах, приемлемых каждой стороне.

Г-н Мацудайра, принципиально соглашаясь с этой поправкой, указывает, что эти слова придется в таком случае помещать в каждой статье; но такое общее положение международного права не нуждается в подтверждении в статье, имеющей только принципиальное значение.

Г-н Иоффе указывает, что статья носит не только принципиальный, но и практический характер, ибо эта статья не только устанавливает принципы, которые будут положены впоследствии в основы торгового договора, но и дает практические указания, которыми будут регулироваться отношения до заключения торгового договора. В таких случаях необходима совершенная ясность во избежание могущих быть недоразумений.

Г-н Янсон приводит пример того, что по этому вопросу недоразумения уже имели место. Японские судовладельцы и промышленники в местностях, освобожденных японскими войсками, требовали применения к ним прежних японских правил, действовавших до эвакуации японских войск.

После обмена мнений по этому вопросу, во время которого возникает вопрос о том, русский ли или японский текст дайренского проекта является последним, заседание закрывается в 1 час. 40 мин. Вопрос остается открытым.

Вечернее заседание

Присутствуют те же.

Заседание открывается в 3 часа 10 мин.

Обсуждается ст. 7-я. Статья гласит: “Правительство Дальневосточной Республики соглашается пересмотреть и улучшить те из существующих в Владивостоке портовых правил и других положений, которые затрудняют торговлю и мореплавание”.

Г-н Иоффе предлагает эту статью совсем выбросить, ибо она производит впечатление вмешательства во внутренние русские дела.

Г-н Мацудайра говорит, что эта статья имеет свою историю, в Дайрене было предположение уничтожить военный Владивостокский порт и оставить только коммерческий. Говорить это прямо считали неудобным. После обмена мнений решили остановиться на этой редакции.

Г-н Иоффе поясняет, что недостатки Владивостокского коммерческого порта и необходимость его технического улучшения, а также устранения правил, затрудняющих торговлю и мореплавание, известны правительствам обеих республик и соответствующие меры будут, конечно, в свое время приняты, но он возражает против помещения такой статьи в договоре, как несовместимой с достоинством РСФСР и ДВР, так как статья носит хара-

ктер принуждения со стороны Японии исправить недостатки порта. На уничтожение военного порта во Владивостоке российская объединенная делегация никогда не согласится.

Г-н Мацудайра указывает на то, что Владивосток близок территориально к Японии и потому в военном отношении является для нее значительной угрозой. Япония хотела сделать его коммерческим портом, но если это невозможно, то желательно было бы какое-нибудь официальное заверение со стороны России и ДВР о готовности устранить недостатки этого порта в целях успокоения заинтересованных коммерческих кругов.

Г-н Иоффе соглашается дать такое заверение путем обмена соответствующими нотами. Ст. 7-я выбрасывается.

Стороны переходят к обсуждению статьи 8-й. Статья 8-я гласит: “Правительства договаривающихся сторон обязуются достигнуть соглашения об открытии почтово-телеграфных сношений немедленно по подписании настоящего договора”.

Г-н Иоффе указывает необходимость редакционного исправления выражения “Правительства договаривающихся сторон обязуются достигнуть соглашения об открытии почтово-телеграфных сношений”, так как можно обязаться лишь вступить в переговоры, обязательства же достигнуть соглашения никто дать не может.

Принимается следующая редакция: “Правительства договаривающихся сторон обязуются немедленно по подписании настоящего договора вступить в переговоры по вопросам почтово-телеграфных сношений”.

Стороны переходят к обсуждению статьи 9-й.

Статья 9-я гласит: “Правительства договаривающихся сторон обязуются немедленно по подписании настоящего договора начать переговоры для пересмотра русско-японской рыболовной конвенции или для заключения временного соглашения, заменяющего конвенцию, согласившись отменить статьи, стеснительные для рыбопромышленников обеих наций, поскольку это не противоречит целям водных богатств, а равно дополнить означенную конвенцию статьями, выгодными для рыбопромышленников обеих стран, и статьями о более успешной охране водных богатств.”

Правительство Дальневосточной Республики также соглашается предоставить японским судам право каботажного плавания, поскольку оно необходимо для производства рыбного промысла на основании предыдущей части настоящей статьи”.

Г-н Мацудайра заявляет, что для обсуждения ст. ст. 9 и 10 необходимо участие экспертов. Они не приглашены, так как нет

уверенности в том, что соглашение будет подписано. В нужный момент они явятся.

Г-н Иоффе заявляет, что российская делегация в том же положении. Иоффе указывает на необходимость более точно выразить то положение, что запрос о предоставлении японским судам права каботажного плавания, поскольку это необходимо для рыбного промысла, будет рассмотрен в целях заключения особой конвенции.

Статья сдается в редакционную комиссию для согласования.

Стороны переходят к обсуждению статьи 10-й.

Статья 10-я гласит: “Правительство Дальневосточной Республики, признавая принцип открытых дверей, основываясь на положениях установленной в 1921 году конституции Дальневосточной Республики, соглашается предоставить японским подданным право заниматься горнопромышленностью, лесопромышленностью, земледелием, а равно предприятиями, имеющими отношение к означенным промышленностям, на условиях не менее благоприятных сравнительно с собственными гражданами или подданными или гражданами третьего государства. При этом японским подданным предоставляется право на аренды* земли сроком не свыше 36 лет. Кроме того, правительство Дальневосточной Республики соглашается предоставить японским подданным право участия в обществах, занимающихся каботажным судоходством в пределах Дальневосточной Республики.

Если правительством Дальневосточной Республики будет предоставлено собственным гражданам или подданным или гражданам третьего государства право собственности на землю или право на аренды земли сроком свыше указанного в первой части сей статьи срока или будет признано за подданными или гражданами третьего государства право каботажа на условиях более выгодных, чем указанные в первой части сей статьи, то японские подданные будут приравнены в таковых правах”.

Г-н Иоффе заявляет, что эта статья вызывает много возражений.

1) Она по конституции не подходит к общему договору, в котором обычно указываются только принципы, в этой статье много деталей, которые могут иметь место лишь в специальном соглашении или конвенции.

2) Приведенный в статье “принцип открытых дверей” по существу широк и неясен, а по форме неприемлем, ибо этот термин обычно применяется к полуколониальным государствам.

* Так в тексте.

3) Имеющаяся в статье ссылка на конституцию ДВР должна быть устранена, так как она нарушает суверенитет государства. Каждое государство вправе, поскольку оно является государством суверенным, менять свою конституцию. Когда же внутренний закон вносится в международный трактат, то государство не может его изменить без согласия другой договаривающейся стороны.

4) Приравнение граждан Японии в правах собственности на землю к гражданам ДВР неприемлемо, ибо это нарушает существенные интересы ДВР.

Г-н Мацудайра указывает, что в Дайрене эта статья обсуждалась и вызвала продолжительный обмен мнениями. Японский народ не желает силой открыть двери России, которые были закрыты со времени царского правительства. Он желает вести мирную торговлю. Японский народ желал бы видеть, что русский народ сам проявит инициативу и откроет свою страну для иностранцев. Это безусловно выгодно для обеих сторон. Относительно термина “принцип открытых дверей” японская делегация заявляет, что она ему серьезного значения не придает, но она полагает, что нет неудобства в указании, что Сибирь открыта для иностранцев.

Что же касается вопроса о предоставлении, как указывает статья, права аренды земли японским подданным сроком на 36 лет согласно установленному в ДВР закону, то японская делегация полагает, что упоминание этого права в статье договора является необходимой гарантией для японских промышленников, ибо одно наибольшее благоприятствование ничего не говорит, раз нет базы для него. Поэтому японское правительство обращает на эту статью серьезное внимание.

Г-н Иоффе заявляет, что российское правительство не отказывается от гарантии для иностранцев. В Генуе был российской делегацией выпущен специальный меморандум о гарантиях, а в России издан целый ряд законов, устанавливающих права иностранцев. Если внимательно прочесть эту статью, то нельзя не прийти к убеждению, что она никаких гарантий не дает, так как право аренды земли на срок не свыше 36 лет практически может быть легко обойдено, для русской же стороны такое положение неприемлемо, так как, обращая внутренний закон в международный (поскольку каждое положение заключенного договора является законом), оно нарушает суверенитет государства, давая возможность вмешаться в случае нужды во внутреннее законодательство ДВР. Содержание этой статьи – предоставление японским гражданам права наибольшего

благоприятствования в области промышленности, лесопромышленности* и земледелия.

Это право ясно, оно базируется на тех конкретных правах, которые уже предоставлены иностранцам, то есть имеющиеся уже концессии.

Можно было бы говорить о неясности наибольшего благоприятствования, если бы в России и ДВР совсем не работали иностранцы, но так как практически имеется уже немало соглашений с иностранцами, то японский гражданин отлично будет понимать, какие именно права ему предоставляются на основе наибольшего благоприятствования. И, конечно, это основание гораздо более широко и прочно, чем то право земельной аренды, на котором почему-то основывалась** японская делегация.

Г-н Мацудайра предлагает ввиду позднего времени отложить рассмотрение этой статьи на следующее заседание.

Заседание закрывается в 6 часов 40 минут.

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 999. Л. 140–150. Копия.

№ 62

Протокол № 9 заседания Чанчуньской конференции

19 сентября 1922 г.

Утреннее [заседание]

Заседание открывается в 11 часов 10 мин.

Присутствовали:

С русской стороны: первый уполномоченный г. Иоффе, второй уполномоченный г. Янсон, секретарь г. Левин, завинформбюро г. Лебедев, переводчик г. Редников.

С японской стороны: первый уполномоченный г. Мацудайра, второй уполномоченный г. Мацусима, сотрудники г.г. Симада, Миякава и Касама.

Г-н Мацудайра заявляет, что японская делегация получила ответ от своего правительства на запрос, касающийся базы переговоров, изложенной в введении к соглашению. Японское правительство не возражает против того, чтобы в отдельных статьях были упомянуты “договаривающиеся стороны”, то есть РСФСР и ДВР, с одной стороны, и Япония, с другой, а не только ДВР и

* В тексте ошибочно “лесопромышленной”

** В тексте ошибочно “основилась”.

Япония. Но редакцию российской делегации японское правительство не считает приемлемой.

Г-н Мацудайра вручает новый проект введения: “С одной стороны, императорское японское правительство, а с другой, правительства ДВР и РСФСР, связанные между собой тесными экономическими и политическими узами, стремясь к установлению мирных торговых взаимоотношений между народами японским и двух республик и к развитию экономических и других связей между Японией и двумя республиками и вместе с тем признавая необходимым в этих целях заключить между собой предварительное соглашение впредь до заключения в будущем формального трактата, определяющего экономические и политические взаимоотношения между ними, пришли к соглашению относительно следующих постановлений, применяемых лишь к взаимоотношениям между Японией и ДВР”

Г-н Иоффе констатирует, что в новом проекте нет второго обязательства Японии: после заключения соглашения между РСФСР и ДВР, с одной стороны, и Японией, с другой, приступить немедленно к переговорам с Россией.

Г-н Мацудайра заявляет от имени японского правительства, что постановлено сделать об этом официальное сообщение путем обмена нотами.

Г-н Иоффе указывает, что такого рода обязательство должно быть дано в официальном протоколе, составляющем неразрывную часть договора. Тогда в случае неисполнения этого обязательства договор аннулируется.

Г-н Мацудайра спрашивает, понимает ли российская делегация положение в том смысле, что в случае неудачи вторых переговоров – с одной только Советской Россией – будет аннулирован первый договор?

Г-н Иоффе заявляет, что российская делегация, конечно, не так представляет положение. Обязательство заключить соглашение дать нельзя, обязательство же вести переговоры никакого практического значения не имеет, ибо при желании можно переговоры не довести до конца. Такое заявление может иметь только политическое значение, но для этого оно должно быть дано в форме, из которой было ясно, что оно связано с первым договором. Эта связь должна быть установлена в договоре или протоколе, составляющем его неразрывную часть, путем указания, что переговоры начнутся немедленно по подписании первого договора.

Г-н Мацудайра заявляет, что его слова “по подписании” следует понимать в смысле вступления в законную силу.

Г-н Иоффе заявляет, что это совершенно новая поправка, о которой правительства объединенной российской делегации не знают. Правительствам РСФСР и ДВР была сообщена та формулировка, которую японская делегация излагала на прежних заседаниях.

Г-н Мацудайра заявляет, что г. Иоффе, очевидно, намерен играть фактом ратификации.

Г-н Иоффе заявляет, что он намерен только слушать, что говорят, и делать из этого соответственные выводы. Менее всего он намерен чем бы то ни было играть, так как считает, что тут ведутся серьезные* переговоры. Однако если японская делегация говорит “немедленно по подписании”, то в этих словах трудно найти не тот смысл, который в них содержится.

Г-н Мацудайра указывает на то, что не стоит вести переговоры, если нет уверенности, что заключенное соглашение будет ратифицировано.

Г-н Иоффе напоминает, что, прежде чем запросить свое правительство, он дважды в течение заседания формулировал предложение японской делегации и на прямо поставленный вопрос, может ли он в таком виде сообщить предложение японской делегации, получил удовлетворительный ответ. Российская объединенная делегация в данный момент не настаивает на изменении этого нового предложения, она только констатирует, что это предложение затягивает переговоры, ибо придется вновь информировать правительства России и ДВР и сообщить им, что японская делегация думала одно, а формулировала другое.

Г-н Мацудайра просит прочесть соответственное место в протоколе японской делегации. В протоколе стоят слова “по вступлении в силу”.

Г-н Иоффе предлагает прочесть это место целиком, и тогда будет ясно, что цитируется первое отвергнутое русской стороной предложение японского правительства.

Г-н Мацудайра заявляет, что во втором принятом предложении спорные слова не значатся, так как нет всей второй части о начатии переговоров с Советской Россией и г. Иоффе формулировал это предложение для себя.

Г-н Иоффе заявляет, что он его формулировал на официальном заседании, и повторяет, что оно было подтверждено японской делегацией.

Г-н Мацудайра заявляет, что такова окончательная инструкция японского правительства и изменить ее нельзя.

* Слово “серьезные” вписано в место зачеркнутого “секретные”.

Г-н Иоффе заявляет, что он так именно и сообщит своему правительству.

Г-н Мацудайра опять поднимает вопрос о ратификации и заявляет, что в случае задержки японское правительство будет лишено возможности передать хранящееся во Владивостоке оружие, так как эвакуация японских войск уже произойдет. Он спрашивает, не знает ли г. Иоффе, как скоро может произойти ратификация.

Г-н Иоффе заявляет, что на последний вопрос ему ответить трудно, но его частное мнение, что, пока хоть один японский солдат останется на русской территории, договор не будет ратифицирован и что вообще он не понимает связи между вопросом о передаче оружия и эвакуацией японских войск. А так как до сих пор российская объединенная делегация не получала официального разъяснения об эвакуации, то он просит его дать.

Г-н Мацудайра официально заявляет, чем объясняется*, что Япония намерена эвакуировать свои войска из Приморья в конце октября, из Приамурья в конце сентября, а из Северного Сахалина только после разрешения вопроса о николаевских событиях. Само уже разрешение этого последнего вопроса может произойти, лишь когда Россия будет признана Японией. После заключения договора можно будет говорить об этом с Россией, но не до его заключения, так как трудно вести переговоры с непризнанной страной. На поставленный г. Иоффе вопрос, почему Япония может вести переговоры с непризнанным государством по целому ряду важнейших вопросов, но не считает возможным вести переговоры по одному только николаевскому вопросу, г. Мацудайра ничего не ответил.

Г-н Иоффе заявляет, что для российской делегации решение японского правительства не эвакуировать Сахалин является совершенно новым; для ясности он просит еще одного разъяснения. Когда российская объединенная делегация согласилась от своего имени на предложение японской делегации, ставшее теперь уже официальным предложением правительства, при рассмотрении ст. 1-й о взаимных гарантиях против враждебных действий, [то] указала на необходимость распространения этой статьи на обе договаривающиеся стороны, то есть также и на РСФСР. Для ясности он спрашивает, соглашается ли на это императорское японское правительство?

Г-н Мацудайра отвечает, что японское правительство не согласно на формальное фиксирование этого положения, но по су-

* В тексте ошибочно "выясняется".

ществу оно не имеет никаких дурных намерений по отношению к РСФСР. Психология японского народа такова, что на искреннее отношение он отвечает утроенной искренностью, но за зло он платит троекратным злом.

Г-н Иоффе заявляет, что его очень интересует психология японского народа, но в данный момент его больше интересует точная формулировка рассматриваемого положения. Он просит [от] уважаемого председателя японской делегации официального и прямого ответа, распространяется ли предложение императорского японского правительства на статью 1-ю и какие именно статьи подводятся под это предложение?

Г-н Мацудайра заявляет, что японское правительство согласилось на формулировку каждой статьи и на упоминание выражения “обе договаривающиеся стороны”, но так как в предисловии оговорено, что заключаемый между РСФСР и ДВР договор касается лишь взаимоотношений между ДВР и Японией, то в дальнейших статьях следует понимать действительность этой оговорки для всех постановлений договора, в том числе и для статьи 1-й.

Г-н Иоффе указывает, что по отношению к 1-й статье, в которой по смыслу не может быть ограничения территории, выражение “обе договаривающиеся стороны” приведет к пониманию, что она распространяется также и на Россию.

Г-н Мацудайра соглашается, что тут создаются неразрешимые трудности, но утверждает, что Япония будет понимать ст. 1-ю в том смысле, что она касается лишь территории ДВР, ибо общее положение таково, что отдельные статьи договора касаются взаимоотношений только ДВР и Японии.

Г-н Иоффе спрашивает: “в том числе и статья 9-я о правах рыбной ловли, предоставляемых японским гражданам”?

Г-н Мацудайра заявляет, что нет. По поводу этой статьи решено предложить русской стороне два варианта: один – оставить эту статью в договоре, а потом подписать ее в виде отдельного протокола с РСФСР. Другой – выделить эту статью из договора и подписать ее представителям всех трех государств в виде отдельного соглашения.

Г-н Иоффе констатирует, что в тех статьях, действие которых японскому правительству выгодно распространить и на РСФСР, общее положение об ограничении договора взаимоотношениями ДВР и Японии не применяется, в тех случаях, когда Япония не заинтересована в этом распространении, оно применяется. Он не входит ввиду позднего времени в обсуждение затронутого вопроса, но считает долгом подчеркнуть, что российская

делегация заявила о неприемлемости для нее ограничения статьи 1-й территорией ДВР.

Заседание закрывается в 1 час. 20 минут.

Вечернее заседание

Заседание открывается в 3 часа 10 минут.

Присутствуют те же.

Г-н Иоффе оглашает заявление российской объединенной делегации. Заявление гласит: “Делегация РСФСР и ДВР заявляет: из имевших место на сегодняшнем утреннем заседании дебатов совершенно определенно выяснилось, что японское правительство не считает возможным взять на себя формальное обязательство не предпринимать против России враждебных действий и не поддерживать групп и организаций, стремящихся к нарушению ее государственного правопорядка.

Вместе с тем из тех же дебатов выяснился другой, уже совершенно неожиданный и новый момент: намерение японского правительства продолжать оккупацию Северного Сахалина на совершенно неопределенный срок, ибо этот срок ставится в зависимость от вопроса о николаевских событиях, который не подлежит рассмотрению на нынешней конференции. Делегация РСФСР и ДВР, согласившаяся от своего имени начать переговоры на предложенной японской делегацией базе, в свое время указывала, что даже при ограничении настоящих переговоров вопросами, касающимися только ДВР, обязательство не поддерживать враждебных групп и организаций должно быть распространено также и на Россию. Теперь японская делегация заявляет о невозможности для правительства принять это условие. Принимая это во внимание и имея в виду вышеуказанные совершенно новые для нас и для нашего правительства обстоятельства, делегация РСФСР и ДВР просит перерыва для доклада своим правительствам и получения новых инструкций”

После оглашения заявления г. Мацудайра высказывает свое частное мнение о том, что вопрос о ст. 1-й может быть разрешен путем официального заверения в виде специальной по этому вопросу ноты, о чем он запросит свое правительство.

Заседание закрывается в 4 часа 10 минут.

*Докладная записка Л.М. Карахана И.В. Сталину
об условиях ведения дальнейших переговоров с Японией**

№ 324/ч

20 сентября 1922 г.

Секретарю ЦК тов. Сталину
Копии всем членам Политбюро

Переговоры с Японией до 19 сентября шли вокруг основного формального вопроса, с кем будет заключен договор и будет ли взят за основу дайренский проект.

Предварительный обмен нот, а затем и дальнейшие указания, данные т. Иоффе из Москвы, подтверждали неизменность нашей позиции в этих двух формальных вопросах. Из сообщений т. Иоффе видно, что японцы несколько раз меняли позицию в этом вопросе, вызывая нас на обсуждение вопросов по существу самого договора, чтобы выяснить нашу точку зрения по отдельным статьям его.

Последние сообщения т. Иоффе – это шифровка от 19 сентября, при сем прилагаемая**. Из нее видно, что японцы заняли вновь свою первоначальную позицию: договор только с ДВР на основе дайренского проекта.

Тов. Иоффе предлагает “покончить канитель с японцами” и излагает план своего ответа (шифротелеграмма от 19 сентября), где он собирается мотивировать невозможность дальнейшего ведения переговоров: 1) отказом Японии эвакуировать Сахалин и 2) отказом дать гарантии в неподдержке белых против РСФСР.

К сожалению, введенный в заблуждение председателем японской делегации Мацудайрой, который заверил его в том, что договор будет подписан и с Россией, он начал обсуждать договор по существу, чем ослабил нашу позицию. Мы выставляли условием нашего согласия на переговоры договор с ДВР и РСФСР совместно. Разрыв на этом пункте при нежелании японцев договориться с Россией есть...*** сваливал бы на Японию, тем более, что в Японии буквально вся пресса требует договора не только с ДВР, но и с Россией. Так как по сообщениям т. Иоффе, не совсем точным, можно судить, что обсуждение договора по существу носило частный неформальный характер, я предлагаю принять следующее решение:

* Штамп: “Протокол ПБ № 27, п. 1. 21.09.1922 г.”

** Не публикуется.

*** Пропуск в тексте.

1) Подтвердить категорически первоначальную позицию, а именно: переговоры вести: а) в случае официального заявления япон[ской] делегации, что она готова заключить договор с ДВР и РСФСР совместно, хотя бы ограничить его дальневосточными вопросами; б) дайренский проект является для нас необязательным, мы оставляем за собой право дополнять и изменять его.

2) К обсуждению договора по существу не переходить до положительного решения основного формального вопроса.

3) В случае отказа* японцев с нашей формальной позицией заявление по этому поводу мотивировать: а) желанием Японии игнорировать Россию, что не может создать прочного порядка на Д[альнем] В[остоке]; б) невозможностью ультимативно принять дайренский проект, в выработке которого Россия участия не принимала и по которому даже с ДВР не было достигнуто соглашения.

4) Если вопрос о Николаевске и Сахалине зафиксирован в официальном протоколе, то указать, что, отказываясь обсуждать вопрос о николаевских событиях, Япония в то же время компенсирует себя за них захватом Сев[ерного] Сахалина.

5) Если японцы пойдут на какие-нибудь уступки, считаться с ними лишь в том случае, если они будут носить официальный и документальный характер.

6) В случае разрыва немедленно опубликовать весь ход переговоров в прессе и отдельной брошюрой**.

С коммунистическим приветом

Л. Карахан

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 999. Л. 161–162. Заверенная копия.

№ 64

*Постановление Политбюро ЦК РКП(б) “О Японии”****

№ П27/1

21 сентября 1922 г.

Строго секретно

1. а) Утвердить предложение т. Карахана**** со следующими поправками: в п. 2-м после слова “положительного” вставить: “официального”.

П. 4-й заменить следующим: “обсуждение вопроса о Николаевске и Сахалине разделить: заявить, что правительство РСФСР

* Так в тексте. Правильно “несогласия”.

** Предложение Л.М. Карахана (п. 1–6) с поправками принято на заседании Политбюро ЦК РКП(б) 21 сентября 1922 г. См. док. № 64).

*** Вопрос представлен Л.М. Караханом. Выписка из протокола № 27 заседания Политбюро ЦК РКП(б) от 21 сентября 1922 г., п. 1.

**** См.: АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 999. Л. 160, а также док. № 63, прим. 1.

не считает себя ответственным за события в Николаевске и не может взять на себя никакой компенсации Японии за эти события. По вопросу о Сахалине считать возможным вести переговоры о предоставлении Японии концессии на Северном Сахалине”

б) Обязать Наркоминдел дать в печать информацию о николаевских событиях.

Секретарь ЦК

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 999. Л. 159. Копия.

№ 65

*Докладная записка А.А. Иоффе Л.М. Карахану и И.В. Сталину о ходе переговоров в Чанчуне и позиции японской делегации**

№ 37

22 сентября 1922 г.

Чанчунь

Москва, НКИД – Карахану

Политбюро – Сталину

Полагаю все же, у Вас совершенно неправильное представление о ходе переговоров. Поэтому разъясняю.

Первое. Прессе весь ход переговоров уже теперь детально известен.

Второе. Первая официальная позиция японцев была: договор заключается только с ДВР; Россия лишь участвует по вопросам, в этом договоре ее касающимся; дайренский проект кладется в основу нынешних переговоров, причем это понимается так, что все в Дайрене согласованные статьи просто принимаются; обсуждаются только несогласованные. Мы это предложение целиком категорически отвергли.

Второе**. Японское официальное предложение гласило: договор заключается только с ДВР, но Япония согласна немедленно по его подписании вступить в переговоры с Россией о торговом договоре. Тут было еще заявлено, что на второе Япония согласна лишь в том случае, если мы согласимся на скорое проведение переговоров и откажемся от обязательства ратификации. Это предложение мы столь же категорически целиком отвергли. Тогда Мацудайра внес свое предложение, чтобы, как он выразился, избежать разрыва. Мы это предложение приняли от имени делегации. Ввиду неясности, как будет выглядеть такой договор,

* Передана по прямому проводу. Принята 22 сентября 1922 г. в 22 час. 30 мин. Копии направлены И.В. Сталину, членам коллегии НКИД РСФСР, С.И. Духовскому, в экономическо-правовой отдел, Я.Х. Давтяну.

** Так в тексте.

обе делегации, запросив свои правительства о принципиальном отношении к предложению Мацудайры, решили приступить к пробному обсуждению статей будущего договора. В процессе этих пробных переговоров я и сделал свои замечания о статье о военных гарантиях.

На последнем заседании Мацудайра заявил о получении ответа от яп[онского] правительства, принявшего его предложения. Таким образом, и это предложение стало официальным. Формулировано вполне точно: договаривающиеся стороны РСФСР и ДВР, с одной стороны, Япония, с другой, но договариваются они только по вопросам о взаимоотношениях ДВР с Японией. Конструктивно это достигается тем, что во вступлении к договору, последний текст которого в японском предложении был Вам сообщен, делается соответственная оговорка относительно тех статей, где Япония желает распространения их действия и на Россию. Это специально оговаривается в предложениях к договору. На это официальное яп[онское] предложение мы официального ответа дать не могли, не имея Вашего ответа, но в процессе переговоров, главным образом по вопросу о военных гарантиях, коснулись вопроса об эвакуации, и тут на наш запрос было отвечено японской делегацией, что японское правительство заявило о таком плане эвакуации: Приморье – к концу октября, Приамурье – к концу сентября, Сахалин – после разрешения вопроса о николаевских событиях. После известных Вам дебатов по последнему вопросу я заявил, что мы не можем при таком положении дел продолжать даже пробные переговоры и должны запросить Москву и Читку. Японцы запросили свое правительство. Теперь перерыв.

Старое заявление яп[онского] пра[вительства], что Сахалин не будет очищен до разрешения николаевского вопроса, передано нам японцами в письменной форме. Точно также в письменной форме по нашему требованию передан нам японцами весь их проект будущего договора и приложения к нему. Среди последних есть проект ноты ДВР, где она заявляет, что “Правительство ДВР готово взять на себя всю ответственность за николаевские события”, и проект японских нот, где заявляется в одной, что “яп[онское] пра[вительство] по подписании соглашения о торговле и проч. в приложении к соглашению изъясляет свою готовность вступить в переговоры о николаевских событиях”, а в другой говорится: “Яп[онское] пра[вительство] совершенно не имеет намерения нарушить территориальные или суверенные права ДВР и настоящим заявляет, что яп[онские] войска будут выведены из Сахалинской области тотчас же по разрешении николаевского вопроса”.

Замечу мимоходом, что в этих приложениях, в письменной форме переданных нам, имеются все японские требования дайренского периода о срытии крепости, гарантии собственности и т.п. Все это не обсуждалось, ибо, столкнувшись с сахалинско-николаевским вопросом, я заявил, что сама постановка вопроса недопустима. Мы не считаем возможным продолжать переговоры, если в договоре не будет фиксирован срок эвакуации из Сахалина совершенно независимо от николаевского вопроса. Мы должны запросить свои правительства. Все совершенно формально зафиксировано в протоколах. Если мы теперь заявим, что правительства согласны с нами, то либо Япония должна согласиться фиксировать в договоре срок эвакуации Сахалина, либо разрыв.

Американские журналисты приносят мне документы, из которых явствует, что Юз¹ в Вашингтоне² развивал такую же точку зрения, как мы теперь, когда японцы там также ставили николаевско-сахалинский вопрос.

Протоколы посылаю с курьерами. Если передавать по проводу, будет очень дорого. Сообщите, настаиваете ли.

Иоффе

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 999. Л. 163–164. Заверенная копия.

¹ Юз (Хьюз) Чарльз Эванс (1862–1948) – госсекретарь США в 1921–1925 гг.

² Речь идет о Вашингтонской конференции 1921–1922 гг.

№ 66

Протокол № 10 заседания Чанчуньской конференции

23 сентября 1922 г.

Присутствовали: От русской стороны: первый уполномоченный г. Иоффе, второй уполномоченный г. Янсон, секретарь г. Левин, завинформбюро г. Лебедев, драгоман г. Редников.

От японской стороны: первый уполномоченный г. Мацудайра, второй уполномоченный г. Мацусима, сотрудники г.г. Симада, Миякава, Касама.

Заседание открывается в 4 часа 10 мин.

Г-н Иоффе оглашает текст заявления российской объединенной делегации: “На прошлом заседании русско-японской конференции 19-го с[его] м[есяца] японская делегация сообщила предложение своего правительства, на основании которого в преди-

словии к договору должно было бы быть оговорено, что все статьи его касаются лишь взаимоотношений между ДВР и Японией, хотя договор и заключается между РСФСР и ДВР, с одной стороны, и Японией, с другой. Те статьи, в распространении которых на территорию РСФСР специально заинтересована Япония, должны быть в соответствующем смысле оговорены в приложениях к договору. Вместе с тем в приложениях же японское правительство соглашается дать также обязательство немедленно по вступлении этого договора в силу вступить в переговоры с РСФСР относительно торгового соглашения, касающегося всей территории.

Г-н председатель японской делегации в соответствии с этим предложением разъяснил, что при такой конструкции первого договора между РСФСР и ДВР, с одной стороны, и Японией, с другой, статья о взаимном обязательстве воздержания и неподдержки всякого рода враждебных действий против другой стороны, статья, на необходимость распространения действия которой и на РСФСР указывала русская делегация, будет формально касаться тоже только ДВР и Японии.

Делегация РСФСР и ДВР заявила о неприемлемости для нее последнего сообщения и указала, что по этому поводу должна запросить свои правительства.

На этом же заседании конференции на прямой вопрос русской делегации о сроках эвакуации японских войск с русских территорий японская делегация официально сообщила, что японское правительство намерено эвакуировать Приамурье к концу сентября, Приморье к концу октября, а северную часть Сахалина после разрешения вопроса о николаевских событиях, причем разрешение этого вопроса полагает возможным только после заключения вышеуказанного первого договора.

Делегация РСФСР и ДВР в ответ на это официальное сообщение заявила, что самая постановка вопроса, в которой государство считает возможным оккупировать чужую территорию в виде гарантии своего удовлетворения по поводу какого-нибудь конфликта, представляется ей совершенно неприемлемой, что она при таких условиях не может продолжать переговоров и вынуждена запросить свои правительства.

Ныне ответы из Москвы и Читы получены:

“Правительства РСФСР и ДВР в общем и целом соглашаются на предложенную императорским японским правительством систему двух последовательных договоров. Они согласны, чтобы в первом договоре, заключаемом между РСФСР и ДВР, с одной стороны, и Японией, с другой, были разрешены только вопросы,

касающиеся ДВР и Японии, с тем, чтобы в этом же договоре или приложении к нему, составляющем его неразрывную часть, было дано обязательство вступления и в переговоры с РСФСР о торговом соглашении, касающемся всей ее территории.

Но правительства РСФСР и ДВР ни в коем случае не могут согласиться, чтобы и обязательство взаимного воздержания и неподдержки враждебных действий против другой стороны касалось только ДВР и Японии, и настаивают на том, чтобы уже в первом договоре или приложении к нему, составляющем его неразрывную часть, было дано обязательство распространения этой гарантии и на РСФСР.

Вместе с тем правительства РСФСР и ДВР ни в коем случае не могут согласиться на такую постановку вопроса, когда эвакуация русской части Сахалина ставится в зависимость от разрешения так называемого николаевского вопроса.

Правительства РСФСР и ДВР не могут взять на себя ответственность за николаевские события. Они полагают, что этот вопрос совместно с вопросом об убытках, причиненных русским гражданам во время японской оккупации, как и вопрос о японских интересах на Сахалине, подобно вопросам о всяких иных русских или японских интересах, может быть предметом обсуждения договаривающихся сторон, но они вынуждены самым решительным образом настаивать на том, что срок эвакуации японских войск из северной части Сахалина так же, как и сроки эвакуации японских войск из всех других русских территорий, должен быть установлен в первом договоре или приложениях к нему, составляющих его неразрывную часть, безотносительно к каким бы то ни было другим вопросам соглашения договаривающихся сторон”¹.

Г-н Мацудайра просит объявить перерыв. Заседание прерывается в 4 час. 25 мин. Возобновляется в 4 час. 30 мин.

Г-н Мацудайра заявляет, что японская делегация хорошо ознакомилась с содержанием заявления российской делегации и желает сказать следующее: желание российской делегации распространить положения ст. 1-й о взаимных гарантиях безопасности и на РСФСР не встречает возражений со стороны японского правительства. Что же касается того, что японское правительство ставит эвакуацию Сахалина в связь с николаевскими событиями, то об этом в свое время было оповещено по всему миру. В заявлении российской делегации сказано, что правительство обеих республик* слагает с себя ответственность за николаевские собы-

* Так в тексте.

тия. Японская делегация полагает, что если японское правительство ставит вопрос о занятии Сахалина в связь с николаевскими событиями, то оно, очевидно, считает русскую сторону ответственной за произошедшее в Николаевске, но японская делегация пока не желает этого вопроса касаться, так как предстоит обсудить его в будущем.

В заключительной части заявления русской делегации упоминаются вопросы японских интересов и николаевский вопрос. Японское правительство готово войти в обсуждение всех этих вопросов, но только после заключения соглашения, о чем было известно из предварительной переписки между правительствами.

Наконец, последний вопрос, вопрос об эвакуации Сахалина, не может быть разрешен согласно желаниям русской стороны, так как срок эвакуации японских войск из северной части Сахалина будет объявлен после того, как договор будет заключен и разрешен будет вопрос о николаевских событиях.

На выраженное российской делегацией желание оговорить в самом договоре сроки эвакуации японских войск японская делегация считает необходимым заявить, что к концу этого месяца будет закончен вывод войск из Приамурья, к концу октября из Приморской области, вывод войск уже осуществляется, и потому нет надобности упоминать об этом в договоре.

Во избежание недоразумений следует заметить, что сейчас идет речь о предварительном соглашении.

Употребляемый российской делегацией термин “торговый договор” понимается нами как постоянный договор.

В заявлении российской делегации упоминается вопрос об убытках русских граждан. Японская делегация отказывается иметь представление о том, что это означает, она полагает нужным оставить этот вопрос в стороне и думает, что японское правительство не может взять на себя ответственность за эти убытки.

Г-н Иоффе заявляет, что российская объединенная делегация принимает к сведению заявление о том, что императорское японское правительство заявило о своей согласии распространить действие ст. 1-й договора на РСФСР, и полагает, что один из спорных пунктов, таким образом, отпадает.

Что же касается второго и главного вопроса – об эвакуации Сахалина, поставленной японским правительством в связь с вопросом о николаевских событиях, то хотя это известие, по словам председателя японской делегации, и обошло весь мир, но российская делегация стоит на той точке зрения, что для нее существуют лишь те сообщения, которые сделаны официально.

Официально же, не считая дайренских переговоров, которые тоже не являются ни в какой мере обязательными, это было сделано на прошлом заседании. Иллюстрацией для этой точки зрения российской делегации может служить следующий пример:

Японские газеты напечатали интервью г. министра иностранных дел графа Утиды, в котором он заявил, что если договор с Россией не будет заключен, оккупация Сахалина продолжится на вечные времена.

Хотя и это сообщение, вероятно, обошло весь мир, но российская делегация, как это, вероятно, заметила делегация японская, не придавала ему никакого значения. Но если бы такое заявление исходило от японской делегации в официальном порядке, то русская делегация не сочла бы возможным вести дальнейшие переговоры.

Точно так же, когда японская делегация в официальном заявлении сообщила точку зрения японского правительства на эвакуацию Сахалина, российская делегация не сочла возможным продолжать переговоры и запросила свои правительства и теперь получила подтверждение от правительств о невозможности на таких условиях продолжать переговоры.

Переходя к конкретным замечаниям, которые были сделаны председателем японской делегации, г. Иоффе указывает, что заявление о том, что РСФСР и ДВР не могут взять на себя ответственность за николаевские события, сделано потому, что в проектах нот, которые были представлены в письменном виде японской делегацией*, имеется такая, в которой сказано, что ДВР полностью берет на себя ответственность за николаевские события.

Упоминание об убытках, причиненных японской оккупацией русским гражданам, сделано потому, что российская делегация не может представить себе такого положения, при котором убытки японских граждан во время николаевских событий должны быть рассмотрены, а убытки русских – нет. Российская делегация полагает, что если будет поставлен первый вопрос, то неизбежно должен быть поставлен и второй.

Наконец, недоразумение по вопросу о предварительном постоянном соглашении не существует, российская делегация понимает, что дело идет о предварительном соглашении, но так как всякое соглашение тоже договор, то разницы между этими двумя терминами российская делегация не делает.

* Не публикуются.

Г-н Мацудайра повторяет свое заявление о том, что точка зрения японского правительства на эвакуацию Сахалина была всем известна. Он прибавляет, что японская сторона слагает с себя ответственность за могущий произойти разрыв переговоров и возлагает ее на русскую сторону.

Г-н Иоффе отвечает, что российская объединенная делегация дает себе полный отчет в важности тех заявлений, которые ею были сделаны. В случае разрыва документы, касающиеся переговоров, будут опубликованы, причины разрыва будут известны, следовательно, общественное мнение современников и потомство будут иметь возможность судить о том, кто действительно несет ответственность за разрыв. Поэтому голословного заявления одной стороны о том, что она целиком возлагает ответственность на другую сторону, недостаточно.

Русская делегация, однако, уверена, что ни один народ в мире, в том числе и японский, никогда не приняли бы такого условия, чтобы часть его территории осталась в чужеземном владении до тех пор, пока будет разрешен какой-нибудь конфликт.

История международных отношений знает случаи, когда за убийство миссионера дикарями колониальные войска занимали территорию того дикого племени, в среде которого произошло убийство, в виде гарантии за получение соответственного удовлетворения, но российская делегация не знает случаев применения такого метода среди цивилизованных народов и, конечно, не может допустить, чтобы он применялся по отношению к России.

Г-н Мацудайра, констатируя полную противоположность точек зрения обеих делегаций на обсуждаемые вопросы, просит перерыва для запроса своего правительства.

Г-н Иоффе не возражает.

Заседание закрывается в 6 час. 5 минут.

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 999. Л. 165–170. Копия.

¹ В тот же день, 23 сентября 1922 г., Иоффе направил в НКИД телеграмму с текстом данного заявления российской объединенной делегации (см.: АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 999. Л. 121–122).

Протокол № 11 заседания Чанчуньской конференции

25 сентября 1922 г.

Присутствовали: С русской стороны: первый уполномоченный г. Иоффе, второй уполномоченный г. Янсон, секретарь г. Левин, завинформбюро г. Лебедев, переводчик г. Редников.

С японской стороны: первый уполномоченный г. Мацудайра, второй уполномоченный г. Мацусима, сотрудники Симада, Миякава и Касама.

Заседание открывается в 3 часа 15 минут дня.

Г-н Мацудайра читает заявление японской делегации:

“Японская делегация, согласно полученной ею инструкции своего правительства, заявляет нижеследующее:

Определенным решением императорского японского правительства было ограничить пределы применения основного соглашения взаимоотношениями между Японией и Дальневосточной Республикой, ввести его в силу немедленно по подписании и отложить переговоры по остальным вопросам до заключения этого основного соглашения. По этому поводу обе договаривающиеся стороны пришли к соглашению еще на Дайренской конференции. Такое же соглашение состоялось еще раз [перед] предварительными переговорами относительно открытия Чанчуньской конференции.

О том, что оккупация северной части Сахалина, будучи гарантией разрешения вопроса о николаевских событиях, имеет быть отмененной одновременно с разрешением этого вопроса, делегация Российской Социалистической Федеративной Советской Республики и Дальневосточной Республики должна была бы знать из неоднократных деклараций императорского японского правительства и из заявления японской делегации на Дайренской конференции.

Японская делегация заявила на заседании настоящей конференции готовность императорского японского правительства начать переговоры для разрешения вопроса о николаевских событиях немедленно по заключении основного соглашения. То, что между обеими договаривающимися сторонами было достигнуто соглашение в сказанном смысле, ясно, и нет никакого сомнения, из приложения к основному соглашению, выработанному на

Дайренской конференции, и из предварительных переговоров относительно открытия Чанчуньской конференции.

По открытии Чанчуньской конференции императорское японское правительство, настроенное в духе примирения и соглашения, принимая во внимание желание делегации РСФСР и ДВР, дало согласие на то, чтобы одной из договаривающихся сторон были ДВР и РСФСР, хотя бы пределы применения соглашения ограничивались взаимоотношениями между Японией и ДВР. Оно согласилось на то, чтобы переговоры по заключении предварительного торгового соглашения между Японией и РСФСР начались последовательно по заключении основного соглашения. Оно и не возражало против заключения между ним и правительством РСФСР соглашения относительно взаимного обязательства воздержания и неподдержки враждебных действий и вредной пропаганды против другой стороны в виде обмена нотами. Таким образом, императорское японское правительство всячески и всеми мерами доказало свое расположение к примирению и соглашению.

Делегация же РСФСР и ДВР настаивает на незнании того, что оккупация северной части Сахалина является гарантией разрешения вопроса о николаевских событиях, и требует указания срока эвакуации этой части Сахалина независимо от разрешения вопроса. Это показывает желание делегации РСФСР и ДВР игнорировать предыдущие переговоры и аннулировать соглашение, достигнутое предварительными переговорами. Все это является большой неожиданностью для императорского японского правительства.

Пока делегация РСФСР и ДВР придерживается такой линии поведения, императорское японское правительство считает невозможным согласиться на продолжение настоящих переговоров, уже не говоря о несвоевременности обсуждения тех вопросов, которые были первый раз подняты на заседании 23 сентября делегацией РСФСР и ДВР.

Г-н Мацудайра заявляет, что японский народ не мыслит ничего иного, кроме сохранения мира на Дальнем Востоке. Японский народ питает большую симпатию к русскому народу и желает скорейшего установления с ним мирных и дружественных отношений. Если российская делегация не изменит своей линии поведения, то нам придется разорвать переговоры и покинуть Чанчунь, потому что такова полученная нами инструкция.

Г-н Иоффе просит перерыва. Заседание прерывается в 3 часа 25 минут и возобновляется в 3 часа 30 минут.

Г-н Иоффе заявляет: делегация РСФСР и ДВР внимательно ознакомилась с заявлением японской делегации и констатирует

нижеследующее: Предварительное соглашение, которое действительно состоялось между правительствами РСФСР и ДВР, с одной стороны, и Японией, с другой, заключалось в согласии обеих сторон на ведение переговоров в Чанчуне сначала для заключения общего договора, затем для разрешения отдельных конкретных вопросов.

Никакого предварительного соглашения между указанными правительствами о том, что этот договор должен быть введен в силу немедленно и что оккупация северной части Сахалина является гарантией за николаевские события, не было.

Что касается соглашений на Дайренской конференции, то таковых соглашений уже по той одной причине не могло существовать, что Дайренская конференция была прекращена, разорвана именно из-за отсутствия соглашения между обеими сторонами.

Были дайренские переговоры, но не было дайренского проекта, были переговоры, которые не привели ни к какому соглашению, и, следовательно, для новых переговоров они никакой обязательной силы иметь не могут.

Когда начались переговоры в Чанчуне, делегация РСФСР и ДВР действительно настаивала на том, что договор должен быть заключен и подписан не только с ДВР, но и с РСФСР и ДВР совместно. Но в своем стремлении прийти к соглашению с Японией правительства обеих республик в переговорах на нынешней нашей конференции, однако, пошли на многие и большие уступки.

Я уже не говорю о том, что во время переговоров по существу отдельных статей российская объединенная делегация целиком шла навстречу Японии, удовлетворяя все жизненные интересы японских купцов, промышленников и граждан во всех тех вопросах, которые касались будущих торговых взаимоотношений.

Но даже и по основному вопросу, по вопросу о характере договора, делегация РСФСР и ДВР согласилась с предложением японской делегации, несмотря на то что совершенно непонятно соглашение, почему-то разбиваемое на 2 части: сначала договор только по вопросам ДВР, а затем по вопросам РСФСР, причем такое разбитие делается, несмотря на наше категорическое заявление, что ввиду тесной экономической связи между обеими республиками такое искусственное деление невозможно.

Когда в этом заинтересована Япония, отдельные статьи первого договора, которые должны касаться только взаимоотношений ДВР и Японии, распространяются на территорию всей России. Эти требования ничего, кроме подозрения, которое вполне оправдывается и тяжелым положением японской оккупации, в нас вызывать не могли. Тем не менее мы пошли на-

встречу Японии и приняли это непонятное, странное и внушающее нам подозрение предложение. Мы и в других вопросах пошли навстречу японской делегации. Вряд ли в истории международных отношений существует пример такой эвакуации, которая сейчас имеет место на Дальнем Востоке. Ибо эвакуация японских войск проводится совершенно несогласованно с действиями нашего военного командования и способствует только организации преступных и контрреволюционных элементов, благодаря чему проливается кровь и действительного мира на Дальнем Востоке нет и долго не будет. И тем не менее мы не настаивали на нашем требовании начать с обсуждения вопросов об эвакуации, хотя и знали, что контрреволюционные элементы продолжают получать моральную поддержку от японского военного командования.

Мы полагаем, что этими определенными* фактами мы ясно доказали готовность нашу прийти к соглашению с Японией.

Но мы желали и желаем добиться в соглашении с Японией одного – действительного мира на Дальнем Востоке. И если нам предлагают принять такое соглашение, в котором удовлетворяются все интересы одной стороны и абсолютно ничего не дается другой, даже гарантии, что на Дальнем Востоке будет установлен мир, то мы вынуждены от такого соглашения отказаться.

Мы неоднократно указывали на то, что в официальных переговорах между двумя сторонами нельзя считаться с какими бы то ни было декларациями и заявлениями, которые могут быть известны другой стороне только из газетных сообщений. В официальной переписке между правительствами обеих сторон не было заявлено, что Япония и во время переговоров в Чанчуне будет настаивать на оккупации северной части Сахалина, как гарантии за николаевские события.

Официально это было нам заявлено только на заседании 19 сентября. И потому только на этом заседании мы могли официально на это сообщение реагировать. Российская и Дальневосточная Республики, занимающие не менее одной шестой части поверхности земного шара и имеющие 150 миллионов населения, не могут допустить, чтобы с ними разговаривали, как с каким-нибудь варварским племенем, и не могут допустить, чтобы их территория находилась в чужеземной оккупации в качестве гарантии разрешения какого бы то ни было конфликта. А договор, в результате которого РСФСР и ДВР не достигают даже того, чтобы вся их территория освободилась от японской оккупации,

* Слово “определенными” вписано вместо зачеркнутого “отдельными”

такой договор не имеет никакой цены для России и Дальневосточной Республики.

Ввиду этого правительства РСФСР и ДВР ни в коем случае не могут отказаться от выраженной ими на сей предмет точки зрения, которую разделяет не только 150-миллионный* русский народ, но которая, как я вчера еще раз убедился по копиям подлинных документов, была заявлена еще на Вашингтонской конференции статс-секретарем Соединенных Штатов г. Юзом. Если такой враг нынешней Советской России, как г. Юз, самостоятельно развивал ту же точку зрения, которую мы излагали здесь на конференции, то мы можем быть уверены, что широкие слои трудовых масс всех народов мира, в том числе и японского, будут на нашей стороне.

Уважаемый председатель японской делегации к оглашенной им декларации прибавил от себя, что японский народ не питает неприязненных чувств к русскому народу и желает дружественных с ним отношений. Мы чрезвычайно рады это слышать и пользуемся случаем еще раз подтвердить, что и русский народ, несмотря на тяжелое прошлое, не питает вражды к народу японскому.

И если теперь соглашение с японским правительством ввиду предъявленных им чрезмерных требований оказалось невозможным, то остается ждать, когда японский народ настолько воздействует на свое правительство, что оно возобновит с нами такие переговоры, которые действительно отвечают дружественным чувствам народов, и можем уверить японский народ, что от такого предложения мы не откажемся.

Уважаемый председатель японской делегации закончил свое заявление сообщением, что если объединенная российская делегация не изменит своей линии, то японская делегация, согласно полученной ею инструкции, прекратит настоящие переговоры и покидает Чанчунь. Мы вынуждены повторить, что в этом вопросе мы изменить своей линии не можем, и нам, как и японской делегации, придется покинуть Чанчунь.

Мы просили бы у японской делегации гостеприимства еще на два-три дня для того, чтобы ликвидировать наши дела.

Г-н Мацудайра заявляет, что он не желает полемизировать, но все-таки хотел бы ответить на некоторые пункты. Япония считает оккупацию северной части Сахалина неразрывно связанной с вопросом о николаевских событиях. Это обстоятельство должно было быть известно российской делегации, так как Япония в свое время оповестила об этом по всему миру.

* В тексте "миллионов".

Требование Японии заключить соглашение на основании дайренского проекта явствовало из предварительных переговоров с г. Антоновым и из предварительного обмена нотами.

Другое ее требование о немедленном вступлении договора в силу находит себе основание в том, что дайренский проект взят за основу, а в нем было ясно сказано, что он вступает в силу немедленно по подписании, а также в практике самой РСФСР, которая заключала торговые договоры без ратификации.

Что же касается кровопролития, то японское правительство желало его избежать и в этих целях стремилось заключить соглашение до 15 августа – начала эвакуации японских войск, но эти намерения японского правительства не осуществились, благодаря медлительности русской стороны.

Японской делегации непонятно заявление г. председателя российской делегации о том, что соглашение односторонне и выгодно только Японии, так как соглашение, устанавливающее мирные, торговые и дружественные отношения между двумя странами, должно быть выгодно им обеим.

Японская делегация хорошо знает, что Россия – великая держава, но полагает, что такое событие, которое имело место в Николаевске, не имеет примера в истории по своей жестокости, и если бы в то время в России существовала организованная государственность, то оно, несомненно, привело бы к войне, а так как этой государственности не было, то Япония заняла северную часть Сахалина в виде гарантии. О таком важном вопросе Япония не может вести переговоры с правительством, которое даже фактически ею не признано. И потому японская делегация торопилась с заключением договора для того, чтобы разрешить этот вопрос, вовсе не имея намерения оккупировать Сахалин навеки.

Японская делегация заявляет, что ответственность за разрыв и за его последствия должна пасть на российскую делегацию.

Японская делегация через два дня покинет Чанчунь, и если российская делегация желает в Чанчуне остаться, то будут приняты все меры для того, чтобы предоставить российской делегации все возможные удобства.

Г-н Иоффе благодарит за гостеприимство и заявляет, что он постарается им не злоупотреблять. Он также не желает вести полемику и потому ограничится лишь несколькими замечаниями.

Что касается вопроса о дайренском проекте, то он был достаточно выяснен в течение переговоров, во время которых было доказано, что японская делегация понимала русские слова: “имея в виду дайренские переговоры” в смысле “положить в основу”, но если бы даже российская делегация, чего на самом деле не было,

согласилась взять дайренский проект за основу, то и тогда его положения не были бы для русской стороны обязательными.

Г-н председатель японской делегации заявил, что Япония искренне желала избежать кровопролития, но в дальнейшем изложении выяснилось, что это желание было у нее только до 15 августа*.

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 999. Л. 177-186.

№ 68

*Постановление Политбюро ЦК РКП(б) "О Японии"***

28 сентября 1922 г.

Сов. секретно

10. а) Поручить НКИД подготовить издание Красной Книги, освещающей николаевские события, и продолжать агитацию по этому поводу в газетах.

б) Возложить на ответственность т. Радека и НКИД специальное наблюдение за изданием и передачей за границу статей об японских зверствах в Николаеве*** и в прочих городах Сибири во время японской оккупации.

Секретарь ЦК

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 999. Л. 187. Копия.

* Конец документа в деле отсутствует. Его содержание можно восстановить из записки А.А. Иоффе от 25 сентября 1922 г. за № 39, направленной в НКИД РСФСР Л.М. Карахану из Чанчуня и передающей протокольную запись заседания конференции 25 сентября 1922 г. Конец документа гласит: На вопрос г. председателя японской делегации, неужели же русский народ не считают, что установление мирных торговых и дружественных отношений выгодно обеим сторонам, г. Иоффе считает себя вынужденным ответить, что если бы договор устанавливал мирные торговые и дружественные отношения, то он был бы, конечно, выгоден обеим сторонам, но такой договор, который заключается при оккупации Сахалина, не устанавливает ни мирных, ни дружественных отношений. Г-н председатель японской делегации заявил, что такое событие, какое имело место в Николаевске, не имеет примера в истории. Российская делегация полагает, что такие события имели место во время японской оккупации в Спасске, Николаевске, Владивостоке. Войска расстреливали русских мирных жителей. По поводу повторного заявления г. председателя японской делегации о том, что он возлагает ответственность за разрыв переговоров на российскую сторону, г. Иоффе считает нужным повторить, что одного голословного заявления одной стороны о том, что она целиком возлагает ответственность на другую сторону, недостаточно. Более беспристрастный и справедливый суд вынесет историю. Что же касается возможных последствий разрыва, на которые намекал г. председатель японской делегации, то к этим последствиям, конечно, деятельно будет готовиться русский народ (см.: АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 999. Л. 176).

** Вопрос представлен Л.М. Караханом. Выписка из протокола № 28 заседания Политбюро ЦК РКП(б) от 28 сентября 1922 г., п. 10. Направлена Л.М. Карахану и К.Б. Радеку за № 12175с.

*** В тексте ошибка. Правильно "Николаевске".

№ 69

Постановление Политбюро ЦК РКП(б) “О концессиях Японии на Северном Сахалине”*

28 сентября 1922 г.

Сов. секретно

16. Предложить т. Карахану на следующем заседании Политбюро доложить, был ли выдвинут т[овари]щем Иоффе вопрос о концессиях Японии на Сев[ерном] Сахалине, и если нет, то внести предложение о форме, в которой этот вопрос мог бы быть поставлен.

Секретарь ЦК

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 999. Л. 188. Копия.

№ 70

Постановление Политбюро ЦК РКП(б) “Вопросы НКВД”**

19 октября 1922 г.

Сов. секретно

8. в) Потребовать от Японии точной фиксации срока сдачи нам Владивостока.

Дать приказ расстреливать всех, кто сделал бы малейшим шаг, способный втянуть нас в войну с Японией. В то же время усиленно стягивать наши войска к Владивостоку.

г) Принять директиву т. Чичерина по вопросу о Восточно-Китайской ж.д.*** и поручить т. Чичерину немедленно запросить мнение т. Иоффе.

д) Дать обещание американцам, что их товары во Владивостоке не будут конфискованы, и дать строжайший приказ нашим войскам принять все меры против грабежа.

Секретарь ЦК

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 999. Л. 189. Копия.

* Вопрос представлен В.М. Молотовым. Выписка из протокола № 28 заседания Политбюро ЦК РКП(б) от 28 сентября 1922 г., п. 16. Направлена Л.М. Карахану за № 1287/с.

** Вопрос представлен Г.В. Чичериным, Л.М. Караханом и М.М. Литвиновым. Выписка из протокола № 32 заседания Политбюро ЦК РКП(б) от 19 октября 1922 г., п. 8, № 13265с.

*** Не публикуется.

№ 71

*Письмо И.В. Сталина Г.В. Чичерину
в связи с необсуждением на Чанчуньской конференции вопроса
о японских концессиях на Северном Сахалине*

№ 7876/с

25 октября 1922 г.

Сов. секретно

Товарищу Чичерину

Копии всем членам Политбюро

Приехавший из Дальбюро отозванный т. Петров, принимавший участие в дайренских переговорах, выразил в беседе со мной убеждение, что соглашение с Японией наверняка кончилось бы благополучно, если бы советское правительство согласилось сдать в концессии японскому правительству некоторые участки Северного Сахалина. На мое заявление о том, что от Цека была соответствующая директива нашим делегатам в Чанчуне*, т. Петров ответил, что, по его мнению, наши делегаты в Чанчуне не успели или не сочли нужным сообщить об этом Японии ввиду определенвшегося исхода переговоров с Японией. Нельзя ли навести справку у т. Иоффе?

Секретарь ЦК И. Сталин

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 999. Л. 190. Подлинник на бланке Бюро Секретариата ЦК РКП(б). Печать ЦК РКП(б).

№ 72

*Письмо Л.М. Карахана И.В. Сталину
о причинах прекращения переговоров между ДВР
и Японией в Дайрене*

и по вопросу о японских концессиях на Северном Сахалине

№ 487и

8 ноября 1922 г.

Секретарю ЦК тов. Сталину

Копии членам Политбюро

На Ваш № 7675/с от 25.10**

Трудно установить, на чем основаны предположения т. Петрова, председателя делегации ДВР в Дайрене, о том, что соглашение с Японией в Дайрене состоялось бы, если бы сов[етское] пра[вительство] согласилось сдать в концессию японцам Сахалин. Разрыв переговоров с Японией в Дайрене произошел не из-

* См. док. № 69.

** См. док. № 71.

за Сахалина, а из-за того, что японцы отказались зафиксировать в договоре обязательство в определенный срок эвакуировать материк, без чего мы не считали возможным подписать договор. Ни по протоколам дайренских переговоров, ни по переписке, в частности докладам тов. Петрова, не видно, чтобы вопрос о концессии на Сахалине мог играть такую решающую роль. Вопрос этот во время дайренских переговоров не возникал, так как спор и разрыв переговоров произошел по более общему и важному вопросу об эвакуации япон[ских] войск *вообще*.

Что же касается вопроса о концессиях на Сахалине на Чанчуньской конференции, то постановление Политбюро от 21.09* о том, что ЦК считает “возможным вести переговоры о предоставлении Японии концессии на Сев[ерном] Сахалине”, в тот же день по прямому проводу шифром было передано в Чанчунь.

Кроме того, 25-го еще раз мною было послано указание тов. Иоффе раздуть в прессе нашу готовность дать на Сев[ерном] Сахалине концессии.

Из протоколов Чанчуньской конференции и сообщений тов. Иоффе видно, что вопрос о концессиях на С[еверном] Сахалине в Чанчуне не был поставлен. Тов. Иоффе не сделал этого, по-видимому, потому, что директива им была получена за 3 дня до разрыва, и отчасти потому, что он считал неправильным раздуть вопрос о концессиях японцам, имея в виду впечатление, которое это могло произвести в Америке.

Цитирую его письмо № 3 от 27.09, где он пишет: “Разрыв на сахалинском вопросе очень импонирует САСШ. Думаю, что не мешало бы пустить глухую инспирацию, что мы так отстаивали Сахалин в значительной мере из-за синклеровской концессии¹. С этой точки зрения полагаю, что пришедшая уже слишком поздно директива широко кричать, что мы предлагали японцам концессии на Сахалине, *неправильна*”***.

Л. Карахан

Помета: “9.11. 12 час. А.Н[азаретян]”

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 999. Л. 200–200 об. Подлинник.

¹ 14 мая 1921 г. ДВР подписала предварительный концессионный договор с компанией америанского предпринимателя Г.Ф. Синклера (1876–1956) о предоставлении последней права разведки и эксплуатации всех полезных ископаемых, прежде всего нефти, на Северном Сахалине сроком на

* В тексте ошибочно “27.09”. См. док. № 64.

** Слова “что... *неправильна*” написаны от руки Караханом.

30 лет. 7 января 1922 г. стороны заключили основной и дополнительный договора на период в 36 лет, утвержденные СНК РСФСР 23 января 1923 г. 24 июля 1923 г. СНК РСФСР утвердил дополнительное концессионное соглашение с синклеровской компанией. Однако ввиду противодействия японских оккупационных войск на Северном Сахалине компания так и не смогла начать там работы, вследствие чего 11 марта 1925 г. советское правительство в судебном порядке расторгло договора с Синклером (подробнее см.: ДВП СССР. Т. 5. С. 722–723; Советско-американские отношения. Годы непризнания. 1918–1926. М., 2002).

№ 73

*Постановление Политбюро ЦК РКП(б) “Вопросы НКВД. Сахалин”**

9 ноября 1922 г.
Строго секретно

5. б) Поручить т. Иоффе в печати выразить протест против занятия японцами нашей части Сахалина и упомянуть, что если они эвакуируют, то будут иметь права на концессии на Северном Сахалине.

Обратить внимание т. Иоффе на более строгое выполнение получаемых им директив.

Секретарь ЦК

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 999. Л. 191. Копия.

№ 74

Письмо А.А. Иоффе в Политбюро ЦК РКП (б) с объяснением своей позиции относительно директивы ЦК РКП (б) о предоставлении японцам концессий на Сахалине

11 ноября 1922 г.
Пекин

В Политбюро ЦК РКП
Дорогие товарищи!

Должен откровенно вам заявить, что косвенный упрек в недостаточно точном исполнении директив, особенно в вопросе о Сахалине, очень и очень меня огорчил, главным образом потому, что является совершенно незаслуженным. В шифровке от 21.09 говорится: “По вопросу о Сахалине считать возможным вести переговоры о предоставлении Японии концессий на Северном

* Выписка из протокола № 35 заседания Политбюро ЦК РКП(б) от 9 ноября 1922 г., п. 5.

Сахалине”^{1*}. Как видите, здесь нет никакой точной директивы заявить японцам о возможности получения ими концессии. В телеграмме же без числа и без номера^{2*}, полученной мною, как сказано, уже слишком поздно, говорится: “Наше согласие дать японцам концессии на Сахалине следует зафиксировать официально и раздуть в прессе, это полезно для разложения общественного мнения вне Японии” Относительно этой последней директивы я сообщил о том, что она пришла слишком поздно, а в своем письме из Чанчуня^{3*} я писал: “С этой точки зрения я полагаю, что пришедшая уже слишком поздно директива широко кричать, что мы предлагали японцам концессии на Сахалине, неправильна” Согласитесь с тем, что, делать из этих слов вывод, будто я не исполнил директивы, нельзя. Мое мнение, что эта директива была не очень удачна, но отсюда до неисполнения ее дистанция огромного размера. Замечу, кстати, также, что, несмотря на отсутствие прямой директивы, я все же в связи с цитированным местом из шифровки вашей от 21.09 в своих заявлениях японцам делал вполне прозрачные намеки на возможность получения ими концессий на Северном Сахалине. Таким образом, даже эта полудиректива была исполнена, в чем вы можете убедиться, если просмотрите протоколы чанчуньских переговоров.

Как уже сказано, после разрыва чанчуньских переговоров мне о Сахалине абсолютно ни одного звука не сообщали. Ноту японцам я сегодня посылаю^{4*} и сегодня же посылаю вам ее клером^{5*} через РОСТУ во избежание излишних расходов, так как РОСТА по пресс-тарифу платит в три раза дешевле за слово. Не знаю, удачно ли написана эта нота, потому что тут были величайшие трудности: во-первых, весьма трудно было найти придирку, чтобы вдруг ни с того ни с сего после разрыва Чанчуньской конференции как раз на этом вопросе опять заявлять протест против японской оккупации Сахалина. Я постарался в своей ноте найти все же такой повод. Во-вторых, не полагается послам сноситься с послами. Я попытался и тут найти объяснение. В-третьих же, я, собственно говоря, не имею никакого права вообще говорить о Сахалине, ибо Сахалин принадлежит ДВР, а не РСФСР, а я представляю как раз последнюю, а не первую. Для оправдания этого я не нашел никакого выхода и поэтому просто умолчал.

^{1*} См. док. № 64.

^{2*} Телеграмма Л.М. Карахана от 25 сентября 1922 г. См. док. № 72.

^{3*} О письме А.А. Иоффе от 27 сентября 1922 г. См. док. № 72.

^{4*} См.: ДВП СССР. Т. 5. С. 673.

^{5*} En clair – открытым текстом (фр.).

Очень прошу все же впредь более внимательно относиться к фактам, ибо мне в моей 20-ти с лишним летней работе в партии, всегда достаточно строго относившемуся к своим обязанностям, весьма неприятно получать абсолютно необоснованные и незаслуженные упреки.

С коммунистическим приветом

А. Иоффе

Помета: "Пр[отокол] 40, п. 3" *

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 999. Л. 198–199. Подлинник.

№ 75

*Телеграмма И.В. Сталина А.А. Иоффе о подчинении ему
МИД ДВР и предстоящем воссоединении ДВР с РСФСР*

№ 8302/с

11 ноября 1922 г.

Шифром

Через шифрбюро ЦК РКП на имя Кубяка¹

Товарищу Иоффе

Копия: Дальбюро ЦК РКП – тов. Кубяку и Янсону

НКИД – Карахану

На Ваш от 9.11** директива ЦК о подчинении Мининдел Дальвоста, и в частности товарища Янсона, товарищу Иоффе была послана в свое время товарищу Янсону. Несколько дней тому назад была повторена эта директива на имя товарища Янсона и Дальбюро. Можете быть уверены, что если товарищ Янсон и впредь позволит себе выйти из рамок подчинения Вашему руководству, он будет удален. Вопрос о ВКЖД² будет разрешен на днях, полагаю, в духе Вашего плана. Я признаю, что Москва не вполне исправно информирует Вас, причем некоторая доля вины ложится и на меня. Считаю лишним уверения о том, что ЦК вполне доверяет Вам в Вашей работе на Дальвосте. Сообщаю, что, по достоверным сведениям, на днях предстоит объявление советской власти в ДВР и уничтожение буфера в порядке воссоединения Дальвоста с Россией.

Секретарь ЦК И. Сталин

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 999. Л. 205. Подлинник. Печать ЦК РКП(б).

¹ Кубяк Николай Афанасьевич (1881–1937) – в 1922–1925 гг. секретарь Дальбюро, в 1925–1927 гг. – Далькрайкома ЦК РКП(б) – ВКП(б) (с 1926 г. 1-й секретарь). В 1928–1929 гг. нарком земледелия РСФСР. С 1923 г. член ЦК партии.

* См. док. № 80.

** Не публикуется.

² В конце 1922 г. между РСФСР и пекинским правительством велись переговоры о судьбе КВЖД. Китайская сторона настаивала на безвозмездной передаче ей железной дороги, в то время как Москва на это не соглашалась, желая сохранить ее в своей собственности, хотя и выражала готовность пойти на некоторые уступки (см., в частности: ДВП СССР. Т. 5. С. 677–681).

№ 76

*Заявление В. Антонова в Политбюро ЦК РКП(б)
о несостоятельности обвинений его
в искажении характера политики Японии
и в превышении своих полномочий*

18 ноября 1922 г.
Пекин

В Политбюро ЦК РКП

Заявление

В начале июня в Москву попало сообщение из японских газет, что Антонов заявил японскому министру иностран[ных] дел о согласии ДВР подписать договор, текст которого выработан был в Дайрене. Вероятно, отправлявшие из Читы это сообщение считали его совершенно необоснованным и эту необоснованность ясной и не сопровождали указанием, что это выдумка японской печати или яп[онского] Мининдела.

В Наркоминделе сообщение это было принято как отвечающее действительности, и на меня посыпались обвинения в забегании вперед перед японцами. Начиная с этого, клубок недоразумений все разрастался, и я, к моему сожалению, находясь в Японии под надзором полиции и не имея возможности сноситься с внешним миром иначе как письмами, проходящими через японскую цензуру, лишен был возможности не только доказать несправедливость упреков по моему адресу, но часто даже и знать о том, что меня в чем-то упрекают.

В бытность мою в Чите в июне месяце я по поводу первого упрека пытался делать разъяснения, но со стороны Наркоминдела и Политбюро ЦК встретил настолько упорное нежелание выяснять – справедливы или нет окрики по адресу какого-то Антонова, что у меня пропала всякая охота настаивать на реабилитации.

По приезде в Пекин в начале текущего ноября я узнал, что обвинения меня продолжают и теперь. В общем обвинения за все время можно сформулировать так:

1. Антонов, не имея права и не будучи побуждаем соображениями действительной целесообразности, обещал японцам подписать текст Дайренского договора с ДВР.

2. Антонов в докладах Чите предоставлял дело так, что будто Япония согласна пойти на признание РСФСР.

3. Антонов в июле неправильно сообщил, будто японцы готовы эвакуировать войска из Сахалина.

4. Антонов в октябре, опять самочинно, начал какие-то переговоры с японцами и представляет дело в таком розовом освещении, что НКВД, если бы положился на него, попал бы в лучшем случае в неловкое положение.

Обвинений чересчур много, чтобы можно было, махнув на них рукой, продолжать заниматься работой. С своей стороны, могу сообщить следующее:

По первому пункту обвинения. В Японию я был послан в начале [19]22 года с поручением в случае разрыва Дайренской конференции снова завязать сношения с японцами. Когда Япония решила вывести войска из Приморья без предварительных переговоров, Мацудайра много раз спрашивал меня, подпишет ли ДВР Дайренский договор. Я категорически отказывался сказать что-либо, ссылаясь на то, что не имею никаких полномочий на ведение переговоров и что хочу только выяснить, есть ли у японского правительства желание возобновить конференцию.

На вопрос же Мацудайры, как, по моему личному мнению, захочет ли ДВР вообще заключать соглашение с Японией, если войска будут эвакуированы, я ответил, что убежден в желании правит[ельства] ДВР возобновить сношения с Японией, но что не предполагаю возможным согласие ДВР начать переговоры без участия РСФСР.

Из Наркоминдела мне возражали, что, значит, все-таки каким-то образом я именно дал повод японцам пустить от моего имени сообщение о согласии ДВР подписать Дайренский договор. Должен сказать, что японцам для этого достаточно их собственного желания.

Совсем недавно они пустили слух, что т. Ленин соглашается уступить Сахалин японцам и что т. Чичерин заявил журналистам, что Чанчуньская конференция удалась бы, если бы т. Иоффе был сговорчивей. И когда я, получив текст опровержения т. Чичерина, разослал его по всем японским газетам, ни одна из них опровержения не напечатала. Японскому правительству выгодно создавать в японском народе уверенность в том, что Россия готова на уступки, и оно не стесняется пускать в ход заявления, якобы исходящие от имени Ленина и Чичерина.

Возможно, что из русских источников японцы узнали о том, что в начале мая были намерения подписать Дайренский договор. Но я и здесь не при чем. Мне через Харбин от 18 мая и через одного американца была прислана зашифрованная инструкция от т. Янсона, в которой предлагалось в случае чего пообещать японцам подписание Дайренского договора.

Я все же такого обещания японцам никогда не давал. Но дело в том, что американец эту инструкцию вместо того, чтобы лично передать мне в Йокогаме, отправил ее по почте из Циндао. Вся корреспонденция моя перлюстрируется, а зашифрована инструкция была простым шифром (без перешифровки), употреблявшимся к тому же в течение долгого времени между Дайреном и Читой. Японцам нетрудно было такую инструкцию разобрать.

Шифр этот теперь уже уничтожен, и я не могу привести подлинного текста инструкции, так как в силу полицейских условий сохранил только шифровку, уничтожив расшифрованный текст. Но у уполномоченного Озорнина в Харбине или в Мининделе в Чите должен быть сохранен расшифрованный текст.

По второму пункту. Я все время сообщал, что японцы неохотно соглашались на участие Сов[етской] России, и передавал, что Мацудайра высказывал опасения, что делегаты Совроссии помешают договориться с ДВР. Затем нужно напомнить, что от 1 или 2 июня была из Москвы прислана инструкция, которой мне предписывалось договариваться исключительно о месте и времени конференции, и я вопроса о содержании будущих переговоров не касался.

Как видно из содержания сообщений из Читы за июль месяц, я никогда и нигде не заикнулся о возможности в данный момент признания Японией Совроссии. Об этом свидетельствуют ответы из Читы на вопросы Москвы, как понимать японское предложение, чтобы ДВР и РСФСР подписывали договор с оговоркой, что подписи русских делегаций действительны только в части, касающейся представляемой каждой делегацией державы. Так как японцы предлагали внесение этого указания в текст именно Дайренского договора, то из этого никак нельзя усмотреть, что они собирались признать сов[етское] правительство.

По третьему пункту. На Чанчуньской конференции нашей делегацией было заявлено, что она первый раз слышит, будто Япония будет продолжать оккупацию Сахалина впредь до решения николаевского дела и что Антонов сообщал об этом обещании эвакуировать Сахалин без этого последнего условия. Опять-таки категорически заявляю, что ни одно из моих письменных или устных сообщений не давало права меня так понять. Между

прочим, я сам по прибытии в Иокогаму в августе отправил в Читы текст японского правительственного сообщения об эвакуации материковой части Сахалинской области, в котором говорится, что остров Сахалин будут эвакуировать после решения николаевского дела.

Как могло оказаться, что т. Иоффе только на конференции от японцев узнал, я совершенно не понимаю, но вины моей в этом нет.

Четвертый пункт. В начале октября мне представился случай сообщить Читы, что если желательно возобновить переговоры с японцами, то пусть мне пришлют условную телеграмму: “Брату место в банке может быть предоставлено”. Такая телеграмма мною была получена 18 окт[ября], и я решил прозондировать почву в яп[онском] Мининделе. Отправился не к Мацудайре, а к маленькому чину Симаде и обратился к нему с просьбой оказать мне содействие в получении из Мининдела издающихся им материалов на английском языке об экономическом положении Японии. Симада после нескольких слов перевел разговор на тему об отношениях между Японией и Россией и заявил, что он завтра выезжает в Харбин с целью установить связь с ДВР, что Япония не прочь обменяться представительствами с ДВР и что при наличии представительств лучше можно будет разработать договор. В конце он заявил, что хорошо было бы мне поговорить с Мацудайрой и что мне сообщат, когда Мацудайра меня может принять.

Таким образом, ясно, что я не самочинно сунулся, куда меня не просили, а действовал по указанию Мининдела Читы, которому я тогда был подчинен. До этого момента со времени начала Чанчуньской конфер[енции] я ни разу не был в японском* Мининделе, хотя меня туда один раз и приглашали. Через день после разговора с Симадой я получил на мой замаскированный вопрос ответ из Читы, что в правительственных кругах ДВР считают возможным оставить японское консульство во Владивостоке в обмен на допущение представителя ДВР в Токио. Это побудило меня еще больше не избегать разговора с Мацудайрой. Но и здесь я никаких предложений не делал, а только когда Мацудайра намекнул на желательность обмена представителями с ДВР, я сказал, что это не имеет смысла и что, если дело пойдет на то, надо обменяться представителями с Совроссией. На вопрос Мацудайры: “Значит, Россия и ДВР пошлют каждая по миссии в Японию?”, я ответил, что, по моему мнению, лучше было бы ограничиться одной объединен-

* Слова “со времени... конференции” и “японском” вписаны над строкой.

ной, как в Чанчуне. Вот все, что я заявил от себя. Теперь перехожу к неосновательному упреку в оптимизме.

[В] Бюро ЦК мои слова, что японцы желают подписать договор”, “как немцы в Рапалло¹”, вероятно, поняли как указание на содержание будущего договора, между тем, если правильно уяснить, в чем у меня лежит *tertium comparationis**, будет ясно, что никакой болезни оптимизма я не подвержен. В посланной мной шифровке я говорил, что японцы отказываются от требования ввести в действие общий договор раньше решения николаевского, рыболовного и прочих вопросов, указывал, что японцы хотят за Николаевск – эвакуацию Сахалина тоже получить концессии на Сахалине, но что они желают не созывать конференцию, а в частном порядке разработать будущий договор и потом подписать его, как немцы в Рапалло.

О том, каковы желания японцев в отношении содержания договора, я говорил в начале, а в этих последних словах: “как немцы в Рапалло” – указывал только на нежелательную им процедуру выработки договора. Они хотят, как немцы, выработать секретно договор, а оповестить о нем после подписания. Вот и все. И, по-моему, в моей шифровке никак нельзя найти указания, что японцы хотят заключить с нами такой же всесторонний договор, как немцы.

Я считаю себя совершенно невиновным в приписываемых мне проступках и ошибках. Я нахожусь в партии 20 лет и настолько дисциплинирован, чтобы не предпринимать шагов, которые мне предписано избегать.

Я настолько политически грамотен, чтобы понять невозможность человеку, живущему в абсолютной изолированности в чужой стране, делать попытки вести самочинно какую-то политику. Но я не в состоянии молча переносить ничем не вызванные и совершенно необоснованные обвинения, а потому настаиваю, чтобы Политбюро ЦК назначило расследование этого дела и аннулировало всяческие порицания по моему адресу. Иначе я не могу в дальнейшем продолжать работу**.

С товарищеским приветом

В. Антонов

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 999. Л. 192–196. Авторская копия с рукописной правкой.

¹ Рапалльский договор об установлении дипломатических отношений и урегулировании спорных вопросов путем отказа от взаимных претензий между Советской Россией и Германией от 16 апреля 1922 г. (см.: ДВП СССР. Т. 5. С. 223–224).

* Третье сравнение (*лат.*).

** Слова “а потому работу” подчеркнуты адресатом.

№ 77

*Телеграмма А.А. Иоффе Л.М. Карахану
с просьбой о согласовании с ним политики НКВД РСФСР
относительно Маньчжурии**

11 декабря 1922 г.
Пекин

Москва, Карахану
Копия Сталину

Напоминая Вам Постановление ЦК о подчинении мне всей внешней политики на Дальнем Востоке, прошу никаких самостоятельных шагов не предпринимать, никаких распоряжений уполномоченным в Маньчжурии не давать. Сношения со всеми уполномоченными в Маньчжурии прошу вести через Харбин.

Иоффе

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 999. Л. 203. Дешифрант.

№ 78

*Записка Л.М. Карахана И.В. Сталину
с просьбой разъяснить А.А. Иоффе его полномочия
в деле руководства внешней политикой РСФСР
на Дальнем Востоке*

№ 530/к

13 декабря 1922 г.

Секретарю ЦК тов. Сталину

В прилагаемой при сем шифровке** т. Иоффе просит НКВД никаких самостоятельных шагов не предпринимать, так как постановлением ЦК ему подчинена внешняя политика на Дальнем Востоке.

Несомненно, это претензия т. Иоффе не имеет под собой приводимого им основания.

Действительно перед его отъездом по Вашему предложению Политбюро приняло нижеследующее решение: "Поручить т. Иоффе для обеспечения единства дипломатического фронта на Дальнем Востоке взять на себя фактическое руководство внешней политикой ДВР на основе известного постановления представителей дружественных с РСФСР независимых республик (в том числе и ДВР), принятого накануне открытия Генуэзской конференции".

* Получена и расшифрована 12 декабря 1922 г. № 7247.

** См. док. № 77.

Таким образом, т. Иоффе было поручено руководство внешней политикой ДВР во избежание разнобоя и несогласованности с его политикой, как представителя РСФСР.

Между тем т. Иоффе сделал из этого ясного решения не вытекающий из него вывод, что ЦК поручил ему руководство внешней политикой на Дальнем Востоке.

Во избежание возможных ошибок на основе этого заблуждения т. Иоффе прошу вас разъяснить ему точный смысл данных ему поручений.

Мне кажется, было бы достаточно отправить т. Иоффе за Вашей подписью телеграмму примерно такого содержания, как при сем приложенная*.

С коммунистическим приветом

Л. Карахан

АПРФ. Ф. 3. оп. 66. Д. 999. Л. 201–202. Подлинник.

№ 79

*Проект письма И.В. Сталина А.А. Иоффе
об уточнении его полномочий, предложенный НКВД РСФСР*

13 декабря 1922 г.**

Тов. Иоффе!

На основе решения ЦК Вам было поручено во избежание разнобоя руководство внешней политикой ДВР. С ликвидацией ДВР это решение отпадает, так как на Дальнем Востоке выступает РСФСР, единую политику которой Вы проводите в Китае. Само собой понятно, что никакой полпред не может претендовать на ограничение самостоятельности НКВД в любом вопросе. Точно так же и Наркоминдел не предпримет никаких решений, если согласовать их будет найдено необходимым с полпредом той или другой страны.

Секретарь ЦК т. Сталин

Помета: "Проект".

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 999. Л. 206. Подлинник.

* См. док. № 79.

** Датируется по док. № 78.

№ 80

Постановление Политбюро ЦК РКП(б)

“О тов. Иоффе”*

14 декабря 1922 г.

Строго секретно

3. Признать, что полномочия т. Иоффе сохраняются и для Китая, и для Японии.

Руководство дальневосточной политикой ведется из Москвы НКВД, осуществляется через т. Иоффе. Сношения с подведомственными НКВД лицами на Дальнем Востоке ведутся по возможности через тов. Иоффе, за исключением отдельных случаев, не терпящих отлагательств, причем в таких случаях НКВД извещает тов. Иоффе о предпринятых шагах.

Секретарь ЦК

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 999. Л. 197. Копия.

* Вопрос представлен М.М. Литвиновым. Выписка из протокола № 40 заседания Политбюро ЦК РКП(б) от 14 декабря 1922 г., п. 3, № 20415/с.

1923 год

№ 81

*Письмо А.А. Иоффе
чрезвычайному посланнику Японии в Китае Т. Обате
с протестом против потопления японскими пиратами
двух российских судов и требованием возмещения убытков*

№ 31

5 января 1923 г.

Милостивый государь господин министр!

По поручению моего правительства настоящим имею честь просить ваше превосходительство передать императорскому японскому правительству нижеследующее:

«Согласно полученного донесения от приморских властей, японскими пиратами потоплены русская шхуна “Вега” и катер “Анна”, причем пиратами перебита вся команда судов и захвачен весь груз с них.

По сообщениям японских газет, часть этих пиратов арестована и находится в настоящее время в Японии. Кроме того, по сообщению тех же газет, пиратское нападение было организовано при участии членов японской военной партии.

Категорически протестуя против допущения японскими властями подобных нападений, российское правительство требует возмещения убытков и возвращения ограбленных грузов».

Надеясь, что Вы незамедлительно передадите настоящее заявление Вашему правительству, прошу Вас, господин министр, принять уверения в совершеннейшем моем почтении.

Чрезвычайный полномочный представитель Российской Социалистической Федеративной Советской Республики в Китае.

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1043. Л. 1. Копия.

*Письмо Л.М. Карахана в Политбюро ЦК РКП(б)
в связи с намерением японцев приобрести Северный Сахалин
и о нецелесообразности поездки А.А. Иоффе в Японию*

№ 8/к

17 января 1923 г.

**В Политбюро ЦК РКП
Копии членам Политбюро**

После разрыва чанчуньских переговоров японское правительство несколько раз зондировало нас в Пекине о возможности возобновления переговоров и о тех условиях, на которые мы готовы были бы теперь пойти.

В декабре месяце к т. Иоффе обратился представитель рус[ско]-японской ассоциации с предложением поехать в Японию под видом лечения с тем, чтобы использовать пребывание в Японии для предварительных переговоров о том, как выйти из создавшегося после разрыва в Дайрене положения и сговориться об условиях, на которых рус[ско]-японские переговоры могли быть возобновлены. Тов. Иоффе в случае его поездки будут даны все гарантии (право шифров, курьеров, неприкосновенность).

Отношение к России и возобновление сношений с нами является в настоящее время центральным вопросом, который волнует японские общественно-политические и торгово-промышленные круги. Вопрос этот не сходит со страниц прессы, как правительственной, так и оппозиционной. Не говоря об оппозиционных группах, которые ведут на этой почве кампанию против правительства и военных кругов, даже правительственная пресса вопрос о возобновлении сношений с нами считает очередной и настоятельной задачей правительства. Всего только на днях председатель японской делегации в Чанчуне Мацудайра публично высказывался в прессе за настоятельную необходимость безотлагательного урегулирования сношений с нами.

Все это говорит о том, что японское правительство испытывает сильнейшее давление и вынуждено искать контакта с нами, вынуждено торопиться с возобновлением переговоров или по крайней мере создать иллюзию, что оно предпринимает необходимые шаги для возобновления сношений с Россией.

Поскольку японцам известно, что мы готовы в любой момент возобновить переговоры, казалось бы, нет препятствий, чтобы созвать новую русско-японскую конференцию. Но дело в том, что Япония боится пойти на официальные переговоры, ход которых невозможно скрыть и которые сейчас же сделаются достоянием гласности. Поэтому японцы прилагают усилия к тому, что-

бы путем закулисных, частных переговоров сговориться с нами по основным вопросам, вернее, по основному вопросу о Сев[ерном] Сахалине.

Японское правительство и милитаристы не потеряли еще надежды, что в той или иной форме им удастся закрепить за собой Сев[ерный] Сахалин.

Поскольку в Чанчуне Сев[ерному] Сахалину они противопоставляли компенсацию за николаевские события, теперь в Пекине и в Москве (проездом из Варшавы в Японию в Москве останавливался японский посланник в Польше Каваками) вопрос о Сев[ерном] Сахалине ставится сам по себе и в плоскость простой покупки его Японией в собственность.

Первоначальное предложение о поездке т. Иоффе в Японию делалось рус[ско]-японской ассоциацией, возглавляемой влиятельнейшим японским сановником виконтом Гото, с тем, чтобы тов. Иоффе приехал в Японию для переговоров о продаже Сахалина и совершения этой сделки. Называлась даже точная цифра в 100 млн иен (около 100 млн золот[ых] рублей), которую Япония готова заплатить за русскую часть Сахалина.

Японский посланник Каваками здесь в Москве в беседе со мной указал, что собственно единственным трудноразрешимым вопросом является Северн[ый] Сахалин, и спросил меня, не согласимся ли мы продать его Японии? Если бы это было возможно, то, по его мнению, не было бы никаких препятствий в урегулировании наших отношений и признании де-юре. Между прочим японские дипломаты, в отличие от советских, даже когда высказывают как бы свое личное мнение, не делают этого иначе, как по прямой инструкции своего правительства.

Поэтому можно совершенно определенно установить, что Сев[ерный] Сахалин является единственным вопросом, препятствующим нашему полному соглашению с Японией, и что Япония предлагает нам продать его.

Что касается других вопросов, то здесь могут быть, конечно, споры с японцами, но при решении сахалинского вопроса соглашение по другим вопросам будет без труда достижимо.

В настоящее время два фактора определяют дальнейшую судьбу русско-японских отношений: первое, давление, оказываемое на японское правительство заинтересованными в возобновлении сношений с Россией и установлении прочного и мирного порядка на Дальнем Востоке кругами, и второе, наша твердость и спокойствие в вопросе о возобновлении сношений с Японией, как свидетельство нашей силы и прочности, а следовательно, и стойкости в вопросах, где затрагиваются наши

военные интересы (Северный Сахалин имеет исключительное военное значение для нас) и интересы нашего престижа (мы не распродаем России).

Поездка тов. Иоффе в Японию ослабит оба эти фактора, в особенности первый. Усиленное зазывание т. Иоффе в Японию в значительной степени следует объяснить желанием японского правительства и военных кругов ослабить хотя бы временно натиск общества на них.

Раз тов. Иоффе в Японии, раз он видится с ответственными японскими деятелями, значит, идут переговоры, и правительство вяло голосу народа.

Переговоры же будут носить самый не связывающий стороны характер, и мы от них едва ли что выиграем. Кампания же за возобновление сношений с нами ослабнет, причем при безрезультатности их такие “частные” переговоры будет очень трудно использовать в агитационно-пропагандистских целях.

С другой стороны, поездка тов. Иоффе по частному приглашению будет понята как забегание с нашей стороны, как признак особой необходимости для нас скорого соглашения с Японией.

Что касается влияния поездки тов. Иоффе на наши отношения с Америкой, то опыт с Дайреном и Чанчуном показал, что возможность нашего соглашения с Японией совсем не отражалась на отношении Америки к нам. И наши иллюзии пугать Японией Америку и наоборот не давали пока никаких результатов.

По всем этим соображениям коллегия НКВД предлагает поездку тов. Иоффе в Японию отклонить.

С ком[мунистическим] прив[етом]

Л. Карахан

P.S. Как это отмечал в свое время и тов. Иоффе и подтвердил мне после нескольких дней пребывания в Москве Каваками, в Японии больше, чем в какой-либо другой стране, недооценивают нашего внутреннего и международного положения.

Отсюда надежда, что мы пойдем на уступки Сев[ерного] Сахалина, ибо слабость наша заставит нас этой ценой купить мир де-юре и прочные мирные отношения с Японией.

Каваками – это первый ответственный японский дипломат, побывавший в Москве. Его впечатления, даже самые поверхностные, будут иметь серьезнейшее влияние на японское правительство в смысле правильной оценки нашей силы, прочности установившегося порядка и некоторого экономического благополучия.

Отклонив поездку тов. Иоффе, мы дадим понять Японии, что можем ждать, не торопимся, а доклад Каваками даст нашему отказу полезное для нас обоснование и поведет к более правильной оценке того, на что Япония может рассчитывать.

Л. Карахан

Помета: [Протокол] 44, п. 5*.

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1000. Л. 2–6. Подлинник.

№ 83

*Постановление Политбюро ЦК РКП(б) “О поездке Иоффе в Японию”***

18 января 1923 г.
Строго секретно

Считать полезным поездку тов. Иоффе в Японию для лечения с тем, чтобы НКИД составил точную инструкцию Иоффе с указанием, что он не должен заменять официальные переговоры, которых мы добиваемся, частными переговорами, а ограничиться зондировкой.

Секретарь ЦК

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1000. Л. 1. Копия.

№ 84

Проект письма Л.Д. Троцкого А.А. Иоффе о выяснении намерения Японии приобрести северную часть о. Сахалина¹

2 февраля 1923 г.

Запутанное положение в Европе не исключает опасности того, что мы можем подвергнуться новой блокаде с Запада. При таком положении дальневосточный путь и отношения с Японией получили бы для нас очень крупное значение.

В частности, в случае, если бы агрессивная политика европейского империализма поставила нас в более или менее близком будущем перед опасностью новой войны, для нас имела бы большое значение возможность получить из Японии оружие, особенно винтовки и патроны русского или японского образца.

* См. док. № 83.

** Вопрос представлен М.М. Литвиновым. Выписка из протокола № 44 заседания Политбюро ЦК РКП(б) от 18 января 1923 г., п. 5. Направлена М.М. Литвинову за № 21721/с.

В свое время японские дипломаты говорили о намерении купить у нас северную половину Сахалина и называли даже сумму (100–150 млн иен). Было бы полезно, если бы Вы в форме, Вас ничем не связывающей, проверили, насколько серьезны и реальны намерения японского правительства на этот счет, думает ли оно уплатить наличными (или товарами) или же намерено списать соответствующую сумму с наших так называемых долгов Японии?

Продажа Сахалина сейчас нами не предполагается. Но мыслимо такое осложнение европейского положения, при котором мы можем счесть целесообразным крупнейшие уступки Японии в Северном Сахалине (долгосрочная аренда и пр.) в обмен на золото или на оружие.

Под этим углом зрения Вам надлежит произвести серьезную, но осторожную разведку и сообщить в спешном порядке Ваши выводы*.

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1000. Л. 9. Подлинник.

¹ Проект был составлен по поручению Политбюро ЦК РКП(б), принявшего специальное постановление “О Сахалине” 1 февраля 1923 г., и разослан всем его членам (протокол заседания № 46, п. 7. См.: Там же. Л. 7)

№ 85

*Декрет Совета Народных Комиссаров РСФСР
о порядке эксплуатации
рыбных и морских звериных промыслов
на Дальнем Востоке*

Москва, Кремль
2 марта 1923 г.
Секретно**

1. Все договоры, концессии, контракты и другие условия, касающиеся рыбных и морских звериных промыслов на Дальнем Востоке, совершенные до воссоединения ДВР и РСФСР 14 ноября 1922 г., аннулируются.

2. Право производства рыбного и морского звериного промыслов в территориальных водах РСФСР вдоль побережья морей Японского, Охотского и Берингова, за исключением бухт,

* Подпись отсутствует. Авторство установлено по препроводительной записке Л.Д. Троцкого И.В. Сталину и М.М. Литвинову от 2 февраля 1923 г. за № 65/10. См.: АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1000. Л. 8.

** Вписано от руки.

которые могут быть закрыты для свободного промысла по стратегическим соображениям, а также за исключением рек и речных устьев тех местностей, где поселились или могут поселиться русские переселенцы и туземные племена, предоставляется путем сдачи в аренду с публичных торгов промысловых участков гражданам РСФСР и союзных с нею советских республик и гражданам других государств.

Примечание 1. Выделенные для иностранцев местности могут быть предоставлены для эксплуатации гражданам РСФСР и союзных с нею республик на особых для того условиях.

Примечание 2. Время ловли котиков и морских бобров предоставляется на особых условиях.

3. Иностранцы, которые приобретут рыболовные участки в местностях, определенных ст. 1 настоящего декрета, подчиняются всем как действующим в настоящее время, так и могущим последовать в будущем законам и правительственным распоряжениям относительно рыболовства и рыбоводства.

4. Иностранцы могут заниматься обработкой рыбы на земельных участках, которые будут им сдаваться и вне местностей, определенных ст. 2 настоящего декрета, подчиняясь во всем законам, постановлениям и административным распоряжениям, действующим в пределах РСФСР и могущим последовать в будущем в отношении всех иностранцев.

5. Иностранцам, которые приобретут право рыбной ловли в территориальных водах РСФСР, предоставляется право направляться к местам рыбной ловли только на таких судах, которые будут снабжены как патентами о здравии, так и свидетельствами о праве на производство рыболовства, выданными властями РСФСР. Для получения указанных разрешений означенные суда должны заходить в один из следующих пунктов: для лиц, заторговавших участки в Татарском проливе и по берегам Японского моря, – во Владивосток, на Охотском побережье и острове Сахалине – в Николаевск-на-Амуре, по берегам Берингова моря и на Камчатке – в Петропавловск. Означенные суда обязаны сверх того во всех других отношениях подчиняться законам РСФСР о каботаже, как действующим, так и могущим быть изданными впоследствии.

6. Иностранцам, которые приобретут право рыбной ловли, предоставляется возводить на берегу в пределах закрепленных за ними участков склады, ледники, лижины, сушильни и т.п., и после окончания промыслового сезона означенные сооружения должны быть или снесены, или оставлены под охраной сторожей – граждан РСФСР. Проживание ино-

странцев зимой на рыбопромысловых участках не допускается ни в каком случае.

Примечание: Конец сезона устанавливается ежегодно постановлением Дальневосточного управления рыболовства во Владивостоке.

7. Относительно национальности лиц, нанимаемых иностранными гражданами для рыбной ловли или обработки рыбных продуктов моря в местностях, определенных в ст. 1 настоящего декрета, не устанавливается никакого ограничения.

8. На предмет заключения новых договоров с правительством РСФСР в порядке ст. 2 настоящего декрета назначаются торги на сдачу в аренду сроком на один год промысловых участков для ловли рыбы и крабов и специальных участков для лова трески.

9. Проведение публичных торгов на сдачу промысловых участков в арендное содержание возлагается на Дальневосточное управление рыболовства, которому предоставляется назначить определенный срок для подачи заявления о желании заторговать участки. К тому же сроку прежними арендаторами участков должны быть поданы заявления о желании передать постройки в случае перехода участков к другим лицам или о сносе построек. Неподача заявлений к сроку дает новому арендатору право требовать сноса построек.

10. В результате торгов при прочих равных условиях предпочтение должно отдаваться гражданам, с которыми правительство РСФСР будет иметь к моменту торгов особое соглашение о рыбных и морских звериных промыслах.

Зам. председателя Совета Народных Комиссаров А. Цюрупа

Управляющий делами

Совета Народных Комиссаров Н. Горбунов

Секретарь Совета Народных Комиссаров Л. Фотиева

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1008. Л. 1-2об. Заверенная копия. Печать Совета Народных Комиссаров РСФСР. Опул.: Сборник узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. М., 1923 г. № 36. С. 676-677.

№ 86

*Письмо Л.Д. Троцкого И.В. Сталину, Г.В. Чичерину
и заместителю председателя
Реввоенсовета Республики Э.М. Складанскому
в связи со слухами о возможном установлении власти белых
на Сахалине*

№ 154/т

16 марта 1923 г.
Сов. секретно

В Секретариат ЦК товарищу Сталину
Товарищу Чичерину
Товарищу Складанскому

В газетах промелькнуло известие о том, что японцы подготавливают установление в Северном Сахалине власти белых (Потапов¹, Меркулов). Может быть, это действительно связано с намерением эвакуировать Северный Сахалин? В таком случае следовало бы принять надлежащие дипломатические и вообще политические меры: во-первых, проверить это и, если есть малейшие данные, поднять шум в печати, может быть, и дипломатическим путем (запросивши предварительно т. Иоффе).

Очень важно выяснить, есть ли у нас что-либо на Северном Сахалине в смысле подпольной организации? Есть ли хоть какая-либо возможность что-либо подготовить там на случай действительного утверждения белых? Соответственное задание можно было бы, может быть, дать дальневосточной организации.

Л. Троцкий

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1000. Л. 10. Подлинник.

¹ По-видимому, имеется в виду генерал-майор армии Колчака Потапов.

№ 87

*Письмо Л.М. Карахана в Политбюро ЦК РКП(б)
о путях урегулирования спорных вопросов
российско-японских отношений
и возобновления переговоров с Японией*

№ 85/а

28 марта 1923 г.

В Политбюро ЦК РКП
Копии членам Политбюро

Из последнего сообщения тов. Иоффе, полученного из Японии, вытекает несколько вопросов, по которым требуется срочное решение ЦК.

Переговоры в Чанчуне, как известно, были прерваны из-за того, что японцы отказались от эвакуации Северного Сахалина, который они якобы оккупируют в обеспечение возмещений с нашей стороны за николаевские события.

Что же касается характера заключаемого договора, то хотя мы и настаивали в Чанчуне на возобновлении нормальных дипломатических отношений (де-юре), но готовы были пойти на торговые соглашения несколько расширенного вида, чем мы, например, [заключили] с Англией.

В настоящее время японцы пошли на уступки и спорные вопросы формулируют таким образом, что с некоторыми поправками с нашей стороны они могут стать для нас приемлемыми.

1. Николаевские события

Японцы согласны на ликвидацию николаевских событий путем погашения взаимных претензий: их претензии к нам за николаевские события, наши к ним за аналогичные действия, каковых во время оккупации было очень много*.

Такое взаимное погашение было бы приемлемо, если бы Япония отказалась также от претензий к нам по царским долгам. Поэтому НКВД предлагает дополнить японскую формулу включением в нее и японской претензии по военному долгу (приблизительно около 400 миллионов золота).

2. Сахалин

Япония согласна эвакуировать Сахалин, но предлагает образовать смешанное русско-японское общество для эксплуатации естественных богатств Северного Сахалина (нашего), причем их предложение означает аннулирование договора с Синклером.

Коллегия НКВД считает, что мы можем согласиться на это японское предложение с оговоркой, что концессия Синклера сохраняет свою силу. Вместе с тем мы считаем возможным, если по всем спорным пунктам будет достигнуто согласие, из-за Синклера с Японией не рвать и согласиться на аннулирование синклеровской концессии при соотв[етствующей] компенсации за счет Японии за нарушение нашего договора с Синклером**

3. Что касается признания де-юре, то японцы готовы пойти на это, но без специальной декларации о признании ввиду того, что связаны с Лигой Наций и каннскими решениями¹.

НКВД считает, что на специальной декларации о признании де-юре нам незачем настаивать. Вполне достаточно договора, ко-

* Слова “каковых... много” дописаны от руки.

** Слова “соответствующей... Синклером” дописаны от руки.

торый предусматривает установление нормальных (регулярных) дипломатических сношений. Рапалльский договор, который имел для нас силу признания де-юре, не включал также никаких специальных деклараций по этому поводу.

Коллегия НКИД предлагает на приведенных основах уполномочить тов. Иоффе на возобновление переговоров с Японией. Причем согласиться, чтобы эта третья по счету русско-японская конференция состоялась в Японии, но при обязательном условии предоставления товарищу Иоффе дипломатических гарантий, в частности право курьеров и шифров.

С коммунистическим приветом

Л. Карахан

Помета: "Пр[отокол] 59, п. 5"^{***}.

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1000. Л. 12–13. Подлинник.

¹ Речь идет о резолюции Каннской конференции Верховного совета Антанты (6–13 января 1922 г.) от 6 января 1922 г., в которой выдвигались условия официального признания державами правительства РСФСР. Среди них требования признать публичные государственные долги своей страны, возместить или возмездить конфискованную иностранную собственность, воздерживаться от пропаганды, направленной к ниспровержению политической системы в других странах, и враждебных действий против своих соседей и т.д. (см.: ДВП СССР. Т. 5. С. 57–59).

№ 88

Постановление Политбюро ЦК РКП(б) "О Японии"^{**}

29 марта 1923 г.

Строго секретно

а) Принять предложение НКИД^{***}, поручив изменить основы переговоров соответственно указаниям Политбюро.

б) Поручить НКИД, Коминтерну и Секретариату ЦК обсудить возможность посылки 2–3-х товарищей в помощь т. Иоффе.

Секретарь ЦК

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1000. Л. 11. Копия.

* См. док. № 88.

** Вопрос представлен Г.В. Чичериным и Л.М. Караханом. Выписка из протокола № 59 заседания Политбюро ЦК РКП(б) от 29 марта 1923 г., п. 5.

*** См. док. № 87.

*Записка Л.М. Карахана в Политбюро ЦК РКП(б)
о нецелесообразности восстановления отношений с Японией
де-факто*

2 мая 1923 г.

В Политбюро ЦК РКП
Копия членам Политбюро

Через японского консула во Владивостоке¹ японское правительство дважды предлагало нам обменяться представителями (коммерческими агентами), которым готово было предоставить дипломатические привилегии, обычно предоставляемые нашим делегациям в Англии, Чехии, Норвегии и т.д., то есть в тех странах, с которыми у нас имеются отношения де-факто.

Получив первое предложение в конце марта, мы сообщили японскому консулу, что никакого ответа дать на предложение яп[онского] пра[вительства] не можем до сношения с т. Иоффе. Между тем т. Иоффе не мог дать нам ответа на наш запрос, ибо яп[онское] пра[вительство] лишило его права шифра. Только к концу апреля, после того как и японскому консулу во Владивостоке была запрещена шифр[ованная] переписка с Токио, т. Иоффе получил возможность снестись с нами и дать нам свои соображения в связи с японским предложением. Мы не торопились дать ответ яп[онскому] пра[вительству], так как было ясно, что предлагаемая нам форма восстановления отношений сделана в интересах спасения японского кабинета, который атакуется со всех сторон за свою русскую политику.

Японское предложение имеет для яп[онского] пра[вительства] следующее значение:

1. Восстановление сношений де-факто, обмен представительствами, успокоив общественное мнение Японии и обезоружив сторонников сближения восстановления нормальных отношений с Россией (ибо японское предложение есть некоторый шаг вперед к сближению с нами), дает яп[онскому] пра[вительству] возможность избежать русско-японской конференции, где все спорные вопросы будут вновь поставлены и в особенности вопрос о признании де-юре. Поскольку положение мининдел Утиды, а отчасти и всего кабинета поколеблено (а по сообщению т. Иоффе уход Утиды из-за русского вопроса почти решен), принятие нами японского предложения сильно укрепило бы кабинет и спутало бы карты и расстроило бы всю ту кампанию, которая идет в Японии после приезда т. Иоффе в Японию.

2. По существу японское предложение, как правильно отмечает т. Иоффе, является возвращением приблизительно к дай-

ренскому периоду русско-японских переговоров. Японцы получают “воздержание от пропаганды”, сохраняют в своих руках Сахалин, имеют представительство во всех пунктах, имеющих для них значение. Такое положение может удовлетворить и яп[онское] пра[вительство], и японские торг[ово]-промышленные круги на продолжительный период.

3. Настойчивость, с которой японцы стараются добиться нашего согласия на обмен представительствами, вызывается еще чисто практическими мотивами, связанными с рыбной ловлей на Д[альнем] В[остоке].

Во Владивостоке с торгов было сдано японцам большое количество рыболовных участков в аренду. Рыбная ловля в наших водах для японцев имеет исключительное значение. Между тем за отсутствием наших представителей в Японии яп[онские] рыбопромышленники и суда не могут ни у кого получать виз и других документов, что создает необходимость захода судов во Владивосток. Несмотря на все их предложения послать наших агентов хотя бы временно в один из японских портов для выдачи виз или же поручить это дело корреспонденту РОСТА в Токио, мы решительно отклоняли все это, усугубляя, таким образом, невыгоду отсутствия каких бы то ни было отношений между Россией и Японией и усиливая тем самым позицию наших “друзей” в Японии.

Последнее сообщение т. Иоффе от 26 апреля говорит уже об официальном постановлении яп[онского] пра[вительства] возобновить русско-японскую конференцию в целях восстановления нормальных отношений (де-юре).

При таком положении дела коллегия НКВД пришла к заключению, что японское предложение следует пока отвергнуть в полном согласии с т. Иоффе.

Что же касается возобновления русско-японской конференции, о чем состоялось решение яп[онского] пра[вительства], то предложение об инструкциях т. Иоффе в связи с идущими сейчас в Японии предварительными переговорами² может быть сделано лишь после получения окончания большой шифровки от 26 апреля из Токио, так как нами получено и расшифровано лишь начало.

Л. Карахан

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1000. Л. 15–16. Подлинник.

¹ Т. Ямагути.

² Неофициальные предварительные переговоры между Иоффе и неофициальным представителем Японии виконтом Гото, а затем официальным представителем – Т. Каваками о нормализации советско-японских отношений начались в феврале и продолжались до конца июля 1923 г.

Постановление Политбюро ЦК РКП(б)
“О переговорах с Японией”*

3 мая 1923 г.
Строго секретно

1) По вопросу о николаевских событиях принять предложение тов. Иоффе.

2) Сообщить т. Иоффе, что Политбюро не возражает против дальнейшего ведения переговоров в направлении продажи о. Сахалина, причем сумму в миллиард считать минимальной, это предложение должно быть вначале сделано т. Иоффе с тем, чтобы он имел возможность запросить свое правительство. Сумма должна быть внесена или вся, или в размере $\frac{9}{10}$ ее наличными, причем на эти суммы не могут быть обращены никакие расчеты между Японией и Россией.

3) Для определения экономической и стратегической ценности о.Сахалина образовать комиссию в составе т.т. Кржижановского¹, Сокольников, Пятакова², Куйбышева³ и т. Чичерина. Созыв за т. Чичериным**.

4) Согласиться с НКВД об отклонении предложения Японии об обмене представителями.

Секретарь ЦК

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1000. Л. 14. Копия.

¹ Кржижановский Глеб Максимилианович (1872–1959) – председатель Госплана РСФСР (СССР) в 1921–1923 гг.

² Пятаков Георгий Леонидович (1890–1937) – в 1922–1923 гг. заместитель председателя Госплана при СТО РСФСР, председатель Главного концессионного комитета при СНК, в 1923–1927 гг. заместитель председателя ВСНХ. В 1928 г. заместитель председателя, в 1929–1930 гг. председатель правления Госбанка.

³ Куйбышев Валериан Владимирович (1888–1935) – в 1923–1926 гг. заместитель председателя СНК и Совета Труда и Обороны СССР.

* Вопрос представлен Л.М. Караханом. Выписка из протокола № 1 заседания Политбюро ЦК РКП(б) от 3 мая 1923 г., п. 1. Направлена Г.В. Чичерину и Л.М. Карахану за № 329/с.

** См. док. № 94.

*Записка Л.М. Карахана И.В. Сталину
о необходимости отмены решения Дальбюро ЦК РКП(б)
по переносу переговоров с японскими рыбопромышленниками
из Владивостока в Читу**

№ 82/к

7 мая 1923 г.**

Секретарю ЦК РКП тов. Сталину

Копия т. Брюханову¹

Уважаемый товарищ!

Вопрос об аренде рыболовных участков на побережье Дальнего Востока, регулировавшийся до революции русско-японской рыболовной конвенцией 1907 года, является одним из центральных не улаженных в настоящее время вопросов между нами и Японией. Этот вопрос требовал особенно осторожного подхода к себе с началом рыболовного сезона нынешнего года и, очевидно, является более политическим, чем хозяйственным. Поэтому Совет Народных Комиссаров, приняв составленный по инициативе НКВД декрет о порядке сдачи в аренду рыболовных участков на Д[альнем] В[остоке]**, вместе с тем постановлением от 2 марта с.г. возложил проведение этого декрета на Наркоминдел совместно с Наркомпродом.

Мы находимся в тесном контакте по этому делу с Наркомпродом, и ни одно распоряжение наше по этому делу не было отдано без согласования с т. Брюхановым или с соответствующими управлением Наркомпрода. В результате нам удалось, инструктируя председателя Владивостокского губисполкома т. Бельского² и владивостокские управления Наркоминдела и Главрыбы, довести дело торга с японскими рыбопромышленниками почти до полного делового соглашения, получив от них ряд уступок. Следует отметить, что еще два месяца тому назад, наоборот, вопрос стоял в плоскости лишь протестов различного рода и даже шла речь о призыве рыбопромышленниками японских военных судов для прикрытия их самовольного лова. Прилагаю справку о положении дела****.

Совершенно неожиданно в настоящий момент последовал целый ряд инструкций от Дальревкома лицам, ведущим переговоры с японцами. Дальревком предписывает перенести успешно веду-

* Штамп: "Прот[окол] ПБ № 5, п. 10" См. док. № 96, прим. 2.

** Дата проставлена на бланке экономическо-правового отдела НКВД, на котором напечатана копия записки. В записке Сталину от 11 мая 1923 г. Карахан указывает дату публикуемого документа 5 мая.

*** См. док. № 85.

**** См. док. № 92.

щиеся во Владивостоке переговоры в Читу, что явно неосуществимо, так как способно лишь вызвать новую бурю против нас в заинтересованных японских кругах и дискредитировать всю нашу прошлую работу; в момент, когда решается вопрос об обмене с Японией представителей с консульскими функциями – из Читы дается приказание согласиться на домогательства японцев о предоставлении нашему неофициальному (и некомпетентному в подобных делах) агенту в Японии тех консульских функций, которые связаны с льготами японцам и для них только и интересны, и т.п. Все это ставит нашу работу лицом к лицу с непосредственным срывом.

Названные распоряжения Дальревкома основаны на соответствующем постановлении Дальбюро.

По-видимому, поводом явился временный отъезд из Владивостока тов. Бельского и отсутствие там достаточно компетентных лиц для его замены. Мы принимаем меры к командированию туда такого лица.

Перенесение переговоров в Читу было бы крупнейшей ошибкой. Поэтому необходимо прежде всего отменить это постановление Дальбюро и подтвердить необходимость точного соблюдения впредь постановления СНК о ведении этого дела только Наркоминделом и Наркомпродом.

Вопрос имеет срочный характер.

С коммунистическим приветом

Замнарком Карахан

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1008. Л. 5–5об. Копия.

¹ Брюханов Николай Павлович (1878–1942) – в 1921–1924 гг. нарком продовольствия РСФСР (СССР).

² Бельский Лев Николаевич (Левин Абрам Михайлович) (1889–1941) – председатель Приморского губисполкома в марте – августе 1923 г.

№ 92

Справка НКВД РСФСР

*о результатах торгов рыболовецких участков во Владивостоке и условиях внесения арендной платы японскими рыбопромышленниками**

Не позднее 7 мая 1923 г.**

На торгах во Владивостоке заторговано японцами рыболовных участков – 255 на сумму 1 млн 126 700 золотых рублей, крабо-

* Штамп: “Прот[окол] ПБ № 5, п. 10”. См. док. № 96, прим. 2.

** Датируется по док. № 91.

ловных – 14 участков на 34 тысячи 600 золотых рублей; русскими: рыболовных участков – 33 на 116 тысяч 600, краболовных – один участок на 2 тысячи. В результате торгов предстоит заключение арендных договоров на заторгованные участки сроком на один год. Условия для японцев: 1) внесение всей арендной платы этого года; 2) взнос к 15 мая 1 млн иен в счет недоимок за прошлое время с недействительностью арендных договоров в случае неуплаты; 3) гарантия японского правительства в лице владивостокского консула в исправном внесении нам арендной платы за прежнее время, депонированной Обществом японских рыбопромышленников в Японии, и остальной части недоимок, подлежащей вычислению комиссией с участием японских рыбопромышленников.

На эти условия японцы соглашаются. Требование их о визировании навигационных свидетельств рыболовных судов нашим агентом в Японии вместо захода этих судов с этой целью в наши порты, об освобождении промыслов от налогов, рыбопромышленных грузов от пошлин и рабочих от виз отклоняем.

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1008. Л. 6. Копия.

№ 93

*Телеграмма заместителя секретаря
Дальбюро ЦК РКП(б) А.М. Буйко И.В. Сталину
о необходимости активизации переговоров
с японскими рыбопромышленниками по оплате аренды
рыбных промыслов**

№ 38/292

7 мая 1923 г. 10 час. 16 мин.

Чита

Секретно. Через ответственного дежурного

Москва, 3 адреса: ЦК РКП – Сталину; копии: НКИД – Карахану, НКП – Брюханову

Из телеграмм Карахана № 261 и 262, полученных 4 мая, узнали, что Дальбюро и Дальревком будто не ответственны [в] разрешении вопроса [с] японцами [о] рыбопромыслах. Дальбюро вынуждено сообщить фактическое положение дел [на] переговорах с японцами. Переговоры о рыбопромыслах должны вест[ись] сильным представительством. Представительство НКИД во Владивостоке крайне слабое, способное только портить дело, о чем Д[аль]б[юро] телеграфировало ЦК и НКИД 19 марта за № 375/с.

* Штамп: “Прот[окол] ПБ № 9, п. 6”. См. док. № 101.

Ввиду отъезда Бельского, не знавшего о том, что он уполномочен НКИД вести переговоры, и неизвестности этого факта Д[аль]б[юро], а также отъезда секретаря губкома Пшеницына, Владивосток остался [с] крайне слабыми работниками, неспособными своими силами провести переговоры. [По] информации [из] Владивостока нам известно, что по требованию 2-х млн первого взноса [в] счет задолженности дошли [до] 1 млн иен. [На] наш запрос, чем определена невозможность японцев внести задолженность в 2 млн сейчас, а остальные к 1 июля, Владивосток ответил, что это основано на заявлениях японцев, не могущих платить до реализации улова [19]23 года. [По] заявлению японцев, [в] счет старой задолженности [на] депозит япон[ского] правительства внесено якобы рыбопромышленниками 1 млн иен. [В] переговорах еще не получилось определенной договоренности, а японцы уже фактически приступили [к] лову, прикрываясь разрешением Хавина¹, выданным на 16 участков. [Со] своей стороны, Дальбюро считает, что первый взнос [в] счет старой задолженности должен быть получен в сумме минимум пол[у]тора млн золотых рублей, второй взнос японцы должны внести немедленно [по] окончании работ смешанной комиссии для определения старой задолженности. Комиссия может кончить работу [в] месячный срок. Рекомендуем ведение переговоров поручить упол[номоченному] Наркомпрода Андрианову. Крайне ненормально, когда НКИД дает директивы предгубисполкома, не ставя [в] известность Дальбюро и Дальревком.

Дальбюро просит срочных исчерпывающих указаний, подчеркивая, что переговоры с японцами проходят [при] крайне слабом представительстве наших интересов, ненужных уступках, спутанности позиции, отсутствии твердости и ясности [с] нашей стороны. Опираясь [на] это, японцы бесцеремонно уже хозяйничают [на] море, производя улов [и] посылая суда без виз и навигационных свидетельств.

Замсекретаря Д[аль]б[юро] ЦК РКП Буйко

Помета: "Принята 7.05. 14 час. 57 мин."

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1008. Л.15–17. Телеграфная лента.

¹ Хавин – уполномоченный НКИД РСФСР во Владивостоке.

№ 94

*Решение предварительного заседания Комиссии ЦК РКП(б)
по определению экономической и стратегической ценности
о. Сахалина и о переговорах с Японией
в связи с возможной продажей ей острова**

10 мая 1923 г.

Смешанное Общество в данном случае невыгодно, поскольку не гарантирует крупного немедленного денежного возмещения.

Продажа выгоднее всего.

Долгосрочная аренда представляет политическую выгоду. Она приемлема, если плата за несколько лет вносится авансом.

В процессе переговоров выгоднее не выдвигать сразу проект продажи и не раскрывать карт, а сначала предлагать аренду, чтобы затем в удобный момент перейти к переговорам о продаже.

В случае продажи с уплатой в рассрочку львиная доля должна быть уплачена сразу вначале.

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1000. Л. 17. Копия.

№ 95

*Письмо А.А. Иоффе виконту С. Гото с изложением своей позиции
по спорным вопросам российско-японских отношений
и о возможном обсуждении их на совместной конференции*

10 мая 1923 г.

Токио

Многоуважаемый господин виконт!

Мне кажется, что, быть может, ввиду необходимости вести все наши разговоры на двух языках и пользоваться услугами переводчика (хотя и превосходного), все же происходят кое-какие недоразумения, которые несколько препятствуют взаимному пониманию.

Поэтому мне хотелось бы в настоящем письме в целях устранения этих недоразумений более ясно, точно и мотивированно изложить точку зрения, на которой я стоял во все время наших с Вами бесед.

И прежде всего я хотел бы отметить, что, как я понимаю положение, до 24 апреля с.г. наши беседы велись в совершенно неофициальном и не обязывающем тоне. А именно, 24 апреля Вы уже говорили со мной, хотя по-прежнему неофициально, но все

* См. док. № 90, 104, 109.

же как бы по поручению своего правительства, которое считало этот разговор уже настолько важным и, если можно так выразиться, “официозным”, что предоставило мне право шифра для сношений с моим правительством и возможности, следовательно, дать совершенно уже официальный ответ.

Содержание же беседы 24 апреля мною было понято так:

Японское правительство 20 апреля, по-видимому (ибо 21-го г. Кодзо Мори¹ сообщил мне в письменной форме о состоявшемся накануне решении кабинета предоставить мне право шифра и поручить Вам сообщить мне об этом), постановило: 1) что оно готово приступить к 3-й российско-японской конференции под условием предварительного разрешения двух вопросов – а) николаевского и б) сахалинского; 2) что сахалинский вопрос японское правительство охотнее всего желало бы разрешить путем покупки сев[ерной] части Сахалина и 3) что ввиду необходимости для меня при указанных предварительных переговорах иметь возможность сноситься с моим правительством шифрованными телеграммами японское правительство решило предоставить мне это право.

Не повторяя сейчас нашей беседы (которая зафиксирована в протоколе), по существу этих пунктов я позволю себе лишь напомнить Вам, уважаемый господин виконт, что на мое указание, что с моей стороны чуть ли не с первого дня приезда были публично заявлены три предварительные условия для возобновления российско-японских переговоров², которые, несомненно, выдвинет мое правительство, и на мой вопрос, можно ли понимать постановление кабинета так, что этими решениями принимаются указанные мои предварительные условия, переводивший Вашу речь г. Кодзо Мори ответил, что это само собой разумеется, раз будет достигнуто соглашение по николаевскому и сахалинскому вопросам.

Я очень благодарен Вам за сообщение в последней Вашей записке о том, что при тех неофициальных беседах, которые мы ведем, Вы зачастую высказываетесь о мнении правительства в смысле предположительном, а не дефинитивном, и за просьбу о том, чтобы я в случае сомнения, является ли данный Ваш ответ предположительным или дефинитивным, запрашивал Вас об этом.

Впредь, конечно, я так именно и буду поступать, но в данном случае я, получив право шифра после столь долгих разговоров по этому поводу, понял дело так, что японское правительство заинтересовано в скорейшем получении ответа моего правительства, и поспешил немедленно протелеграфировать последнему почти дословно, как выше изложено, предложение от 24 апреля.

Поэтому-то меня столь удивило, когда при нашем свидании 6-го с[его] м[есяца] Вы мне заявили и в письменной форме сообщили, что правительство не признает так называемых моих трех предварительных пунктов под условием предварительного разрешения николаевского и сахалинского вопросов, но желает также получить предварительно согласие России на, как Вы выразились, признание “международных обязательств”, причем в число последних Вы включили: а) признание всех прежних долгов России Японии; в) возмещение убытков пострадавших японских граждан от мероприятий революционного времени и с) признание всех прежних договоров России с Японией.

Указание Вашей записки на то, что мы обо всем этом с Вами уже говорили, совершенно правильно, но не менее правильно, что упоминание о “международных обязательствах” в Вашей записке от 29 марта было интерпретировано Вами как вопрос о согласии российских дипломатов исполнять те правила международной вежливости, которые обычно обязательны в их положении (то есть, главным образом, являться ко двору). На это я ответил Вам полной уверенностью, что с русской стороны эти вопросы не вызовут никаких недоразумений.

Верно также, что в многочисленных наших беседах мы касались вопросов о государственных долгах, убытках частных лиц и прежних договоров, но не менее верно, что я, изложив Вам точку зрения, защищаемую Россией в Генуе и Гааге³ по этим вопросам, и указав, что хотя российский долг Японии невелик, а убытки частных лиц ввиду того, что в ДВР не было советского законодательства, еще и того меньше, подчеркнул, что, тем не менее, я полагаю, мое правительство ни в коем случае не согласится на удовлетворение этих претензий уже по одному тому, что это явилось бы абсолютно недопустимым прецедентом.

Наконец, по поводу необходимости признания прежних российско-японских договоров ввиду невозможности вести переговоры на конференции, так сказать, на совершенно пустом месте я неоднократно подчеркивал, что эта точка зрения совершенно неверна хотя бы по одному тому уже, что по международному праву всякая война всегда аннулирует *ipso facto** все существовавшие ранее между воюющими государствами договоры, а это, однако, никогда не мешает по окончании войны этим государствам вступать в переговоры о мирном договоре. Я указывал также, что отсутствие прежних договоров с новообразовавшимися государствами в моей практике никогда не препятствовало нашим

* Сам факт (*лат.*).

переговорам с ними, и переговоры эти велись по большей части на базе проекта, составленного мною. Наконец, я напоминал Вам, что и в Дайрене, и в Чанчуне переговоры велись не на почве какого-либо прежнего российско-японского договора, но на основе проекта, представленного японской делегацией.

Поэтому-то я и вынужден был отметить при последнем нашем свидании 6 мая, что если японское правительство настаивает на признании Россией таких “международных обязательств”, то я не вижу смысла в переходе к официальным предварительным переговорам, ибо Россия, наверное, не согласится признать теперь того, что она отвергла в Генуе и Гааге как претензию всех буржуазных государств (в том числе и самой Японии), хотя и знала, что за согласие на это она получит и признание *de jure* всего мира, и большие кредиты и вообще почти полное удовлетворение своих претензий.

После этого Вы указали мне, что японское правительство особенно беспокоится о судьбе ранее приобретенных Японией прав и поэтому желало бы заручиться предварительным обязательством России, что в этом отношении Япония по новому договору, который будет выработан на 3-й российско-японской конференции, не будет поставлена в худшие условия, нежели те, в которых она находилась ранее. Особенно ей важно предварительное наше обязательство, что рыболовный вопрос будет разрешен не хуже (для Японии), нежели это имело место по Портсмутскому договору⁴.

По этому поводу позвольте мне напомнить Вам, уважаемый г. виконт, что чуть ли не с первого дня моего появления под прекрасным солнцем Японии я не только в разговорах с Вами, но открыто перед лицом всего японского народа заявлял, что если в связи с моим приездом могут начаться какие-либо переговоры, то таковые должны быть ограничены вопросом о том, как выйти из создавшегося после Чанчуна положения, каким образом возобновить прерванные там переговоры, ибо я ни в коем случае не могу заменить собой российскую делегацию на конференции и не могу вести теперь, не имея экспертов и т.п., переговоров *по существу* самого будущего русско-японского договора.

Позвольте также еще раз повторить, что если николаевский и сахалинский вопросы, на которых разорвана была Чанчуньская конференция, могут быть предметом предварительных переговоров и предварительного соглашения, ибо совершенно естественно, что обе стороны, не желая рисковать новым разрывом переговоров, хотят предварительно согласиться по таким вопросам, то я совершенно не могу понять, почему к вопросам

предварительного соглашения должны быть причислены вообще все вопросы, в которых особенно заинтересована Япония? Ведь если признать такое право за Японией, то пришлось бы признать его и за Россией, и тогда естественные предварительные переговоры по двум–трем общим вопросам, обмен мнений по которым необходим, потому что ранее по этим именно вопросам произошел разрыв, вылились бы в какие-то совершенно противоестественные прелиминарные переговоры по ряду весьма конкретных вопросов, выхваченных из общего комплекса вопросов, подлежащих обсуждению на конференции, только по признаку особой заинтересованности в них той или другой из договаривающихся сторон.

Такой метод ведения переговоров, поскольку я знаю, не имеет прецедента, ибо даже в случаях, когда договаривающиеся стороны считают нужным прелиминарные переговоры и заключение прелиминарного договора, такие переговоры всегда ведутся по общим принципиальным вопросам, но никогда не ведутся по вопросам частного и конкретного характера. Наконец, по моему глубочайшему убеждению, предварительное соглашение по таким частным и конкретным вопросам *практически неосуществимо*, ибо соглашение по таким вопросам на конференции, где обсуждаются все вопросы, является результатом *компромисса*, целиком зависит от поведения сторон на конференции и тех *взаимных уступок*, которые стороны делают друг другу.

Я уже указывал, что опасения японского правительства, по моему мнению, ни на чем не основаны, ибо, как показывает опыт русско-японских отношений в данное время, Россия в области экономической чрезвычайно далеко идет навстречу интересам японских граждан, несмотря на *полное отсутствие взаимности и, наоборот, перманентное резко враждебное отношение японского министерства иностранных дел к Советской России и действительным российским гражданам* (то есть не белогвардейцам).

Я не помню сейчас, как именно разрешен рыболовный вопрос в Портсмутском договоре, и не имею последнего под рукой, так как совершенно, конечно, не был подготовлен к тому, что подобные вопросы смогут возникнуть при переговорах о возможности или невозможности третьей российско-японской конференции. Но эта своеобразная дипломатия наводит меня на мысль о том, что мои разговоры с г. Такекума Мори, о которых я как-то сообщал Вам, вовсе не заслуживают того недоверчивого к ним отношения, которое я все время к ним испытывал, ибо г. Мори в свое время выдвигал эти же вопросы.

Об этом подробно ниже. Теперь же я хотел бы позволить себе сделать попытку суммировать с некоторой мотивировкой все вопросы, о которых нам приходилось разговаривать, и попытаться дать возможные разрешения этих вопросов.

Мною были выдвинуты три вопроса *предварительного обсуждения*, без принятия которых японским правительством для России оказалась бы невозможной третья российско-японская конференция.

1. Равноправие обеих сторон до переговоров и во время таковых в смысле признания России великой державой, с которой недопустимо обращение, до сих пор практиковавшееся японским Министерством ин[остранных] дел (вроде полного игнорирования по отношению к России общепринятых правил международной вежливости, как-то: ввод своих военных судов в российские территориальные воды без запроса России и игнорирование протеста последней; угрозы в случае отсутствия соглашения с Россией по срочным интересующим Японию вопросам распоряжаться самостоятельно в российских территориальных водах под охраной японского военного флота; захват российских территорий в виде гарантии разрешения интересующих Японию вопросов и т.п.), и которой невозможно во время переговоров предъявлять требования по международному праву, нарушающие государственный суверенитет или же мыслимые лишь в отношениях победителей к побежденным, вроде требования о срытии крепостей на российской территории, ограничения размеров российского флота и т.п. без соответственных взаимных обязательств с японской стороны.

2. Обязательство Японии эвакуировать свои войска из российской части Сахалина или фиксация приемлемого срока таковой эвакуации (в предварительном соглашении с тем, однако, что публично и открыто это может быть сделано и не предварительно, но на самой конференции или в выработанном ею договоре).

3. Признание Советской России *de jure* не в форме декларативной, но в форме предварительного соглашения, что статья в выработанном на конференции договоре о возобновлении нормальных дипломатических и консульских отношений обеими сторонами понимается именно в вышеуказанном смысле. Мотивировать эти предварительные условия я не буду, ибо мне слишком уж часто приходилось это делать.

Нашу беседу 24 апреля я понял так, что японское правительство эти предварительные условия принимает с той предпосылкой, что обе стороны в предварительном же соглашении придут к разрешению николаевского и сахалинского вопросов.

Как я уже сообщал Вам, я так именно и телеграфировал своему правительству и получил ответ, что российское правительство

1) точно так же, как японское, согласно приступить к третьей российско-японской конференции;

2) что оно согласно официально разрешить на официальных предварительных переговорах важнейшие вопросы, как выдвинутые мною, так выдвинутые и с японской стороны, для предварительного соглашения (под вопросами, выдвинутыми с японской стороны, конечно, понимаются те, о которых я своему правительству телеграфировал, то есть николаевский и сахалинский);

3) что оно не имеет возражений против того, чтобы я немедленно же вступил в вышеуказанные предварительные официальные переговоры.

Эти три пункта должны считаться уже не моим личным мнением, а официальным решением моего правительства.

Я же позволю себе от своего имени, но с надеждой на принятие этих предложений моим правительством в связи с нашими разговорами предложить Вам некоторые проекты разрешения выдвинутых японской стороной вопросов.

I. Николаевский вопрос

Мое предложение: Россия выражает свое глубокое сожаление по поводу имевших место в г. Николаевске в марте 1920 г. печальных событий и признает свою материальную ответственность за них. Япония, в свою очередь, выражает свое глубокое сожаление по поводу аналогичных событий на территории бывшей Российской империи и признает свою материальную ответственность за них. (При этом добавление, необязательное для опубликования, в котором констатируется понимание обеими сторонами этой статьи так, что претензии Японии к России за убытки, причиненные николаевскими событиями, считаются без производства фактического расчета покрытыми российскими контрпретензиями к Японии за убытки, причиненные России аналогичными событиями.)

II. Сахалинский вопрос (мои предложения)

1. Первый вариант – в случае продажи российской части Сахалина Японии.

Я уже указывал, что тут Россия по многим соображениям может согласиться лишь на очень высокую сумму.

Доводы об “исторических правах” Японии на Сахалин не могут быть приняты во внимание, ибо все государства расширились путем далеко недоброкачественным, и при принятии этого прин-

ципа каждой великой державе пришлось бы вернуться к ее национально-историческим границам: Японии – отдать огромные части своей территории, России – вернуться к периоду великого княжества Московского; Великобритании – ограничиться частью Британских островов; Германии – герцогством Бранденбургским и т.д. и т.п. Поэтому этот принцип никем ни теоретически, ни практически не признается, и нет никаких оснований, чтобы этот принцип был применен только в вопросе о Сахалине.

Даже после Портсмутского договора основная часть Сахалина осталась частью России, и если говорить о продаже ее, то только из этого факта приходится исходить.

Сев[ерный] Сахалин прежде всего имеет огромную экономическую ценность. По старым русским литературным источникам запасы *угля* на Сев[ерном] Сахалине так велики, что при соответственной разработке Сев[ерный] Сахалин становится главной нашей угольной станцией Тихого океана. Что касается запасов *нефти*, то их считают почти неисчерпаемыми, что приобретает особое значение в наш век авиации и в настоящую эпоху *мировой борьбы за нефть*. Кроме того, на Сев[ерном] Сахалине имеется золото в еще не определенном, но, быть может, и в очень большом количестве, и другие ценные ископаемые. Наконец, сахалинский лес, и вообще весьма ценный, имеет особое значение для Японии (как, впрочем, и уголь, и нефть, которых в Японии почти нет).

С точки зрения военно-стратегической С[еверный] Сахалин недаром называется тихоокеанским Гибралтаром.

В руках Советской России, отличающейся своим миролюбием, а кроме того, не имеющей военного флота на Тихом океане и не скоро еще могущей приступить к его созданию, Сахалин имеет исключительно оборонительное значение. В руках Японии, имеющей все еще репутацию одного из самых милитаристических и агрессивных государств в мире, С[еверный] Сахалин в глазах всего света будет иметь наступательное значение.

При этом надо еще иметь в виду, что русская политика Японии за последнее пятилетие не могла внушить русскому народу особого доверия к ее миролюбию и что каждому российскому рабочему и крестьянину превосходно известно о большой популярности в Японии так называемой “байкальской проблемы”, то есть теории экспансии Японии на материке до самого Байкала путем насильнического захвата российских территорий. Наконец, при нынешней политической сознательности русского народа вряд ли даже самый отсталый крестьянин не понимает, что переход Сев[ерного] Сахалина в руки Японии ставит под серьезную

угрозу весь российский Дальний Восток и целиком продает на милость Японии все Приамурье, имеющее, как известно, совершенно неоценимую ценность. А я должен повторить еще раз, что, благодаря политике Японии по отношению к России за последние годы, русский народ *не уверен в том, что японское правительство не воспользуется такими преимуществами.*

С другой стороны, все вышеуказанные соображения, так сказать, перевернутые, легко доказывают, какую огромную ценность и значение имеет Сев[ерный] Сахалин для Японии.

Я должен несколько остановиться еще на одном соображении, чрезвычайно затрудняющем для советского правительства продажу Сев[ерного] Сахалина.

Верное выдвинутому им принципу самоопределения народов, рабоче-крестьянское правительство в своих договорах с республиками, образовавшимися на территории б[ывшей] Российской империи, довольно значительно уменьшило эту территорию. Это обстоятельство в максимальной степени постоянно используется врагами новой России. Но на Западе при отдаче самоопределяющимся народам б[ывших] российских территорий⁵ были оправдания, во-первых, в самом принципе самоопределения, идейно воспринятом трудящимися массами; во-вторых, Россия этими договорами, хотя и с уступкой территорий, приобретала мир и прекращала чрезвычайно дорогую и морально, и материально войну; в-третьих, она пробивала брешь в железном кольце мировой блокады и фактически вступала в торговые сношения со всем миром.

При продаже Сев[ерного] Сахалина никаких этих оправданий нет: во-первых, тут нет никакого самоопределения народов, а, наоборот, уступается территория, заселенная главным образом русскими, которые, конечно, большой радости от этого не испытывают; во-вторых, в сознании русского народа нет уверенности, будет ли этой уступкой достигнут мир на Д[альнем] Востоке, как он был достигнут на Западе, и не получится ли наоборот, что именно эта уступка разлакомит японских милитаристов к дальнейшим захватам (не может быть спора, что последняя политика Японии дает право так думать); в-третьих, продажа Сахалина ровно ничего не меняет в торговых взаимоотношениях России и Японии, в которых, кстати сказать, население Европейской России, имеющее все же наибольшее значение при решении политических вопросов, еще мало заинтересовано, ибо японских товаров, за исключением ввозимых до войны предметов роскоши, а во время войны – предметов разрушения, совершенно не знает.

Раз нет никаких других оправданий продажи Сахалина, то оправданием должна быть полученная за него *сумма.*

Поэтому, исходя из всего вышеизложенного, я лично полагаю, что ниже, нежели за один миллиард золотых рублей, российское правительство не может рискнуть на продажу Сев[ерного] Сахалина, причем эта сумма должна быть внесена наличностью, и на нее не могут быть обращены никакие претензии Японии к России либо каких бы то ни было третьих юридических лиц к России.

2. Второй вариант – в случае, если соглашение о продаже Сев[ерного] Сахалина не состоится.

Образуются смешанная российско-японская компания, которой передается на концессионных началах право на эксплуатацию недр Сев[ерного] Сахалина. Концессия, данная российским правительством на Сахалине Обществу Синклер и К^о, при этом аннулируется, и неустойку указанному обществу уплачивает Япония. (Само собой разумеется, что японские войска эвакуируются из Сев[ерного] Сахалина.)

III. Вопрос о “международных обязательствах” (мой личный ответ на поставленные вопросы)

А. Поскольку под этим понимается признание Россией всех *дипломатических обычаев и обязательств*, я не сомневаюсь, что со стороны российского правительства возражений не встретится.

Б. Поскольку же под этим понимается: а) признание российским правительством прежних долгов; б) удовлетворение претензий частных лиц, пострадавших от мероприятий революционного времени, и в) признание прежних договоров России с Японией, я совершенно не сомневаюсь, что со стороны российского правительства последует самый категорический отказ (разъяснения этой точки зрения мною даны выше).

IV. Предварительное гарантирование Японии ранее приобретенных ею экономических прав (мой личный ответ)

Как указано выше, я совершенно не понимаю, почему у японского правительства могут существовать опасения, что в новом договоре положение японских граждан будет ухудшено по сравнению с Портсмутским договором, и, наоборот, полагаю, что, как опыт Дайренской и Чанчуньской конференций, так и практика фактических отношений российского правительства к японским гражданам и их интересам теперь должны внушать самые радужные надежды на разрешение этих вопросов в будущем. Но в то же самое время я полагаю, что подобные вопросы конкретного, а не

общего и принципиального характера не подлежат предварительному рассмотрению, так как их разрешение в значительной степени зависит от атмосферы самой конференции и создавшихся там взаимоотношений. Например, в данном случае, когда со стороны России для предварительного разрешения выдвинуты только вопросы о равноправии сторон (что, собственно говоря, само собой разумеется), о признании и об эвакуации Сахалина, и если бы японская делегация на самой конференции вела себя совершенно неуступчиво и отвергала бы все русские предложения, клонящиеся к защите российских интересов, то совершенно естественно, что и с русской стороны не было бы большой охоты уступать во всем, где особенно заинтересована Япония, и наоборот.

Что касается юридической стороны, то Япония, собственно говоря, по международному праву не имеет никаких оснований требовать предварительного гарантирования ей ранее приобретенных прав или предварительного признания всех ранее заключенных ею с Россией договоров, ибо Япония вела войну против России и этим самым, согласно международному праву, сама аннулировала все прежние русско-японские договоры, даже если бы последние не были аннулированы общим декретом советского правительства о непризнании царских договоров.

Наконец, я совершенно не представляю себе такого предварительного соглашения, где одна сторона заранее заручается согласием другой на все то, в чем она заинтересована; ибо если то же право признать и за другой стороной, то *предварительные переговоры фактически выльются в самое конференцию*. Между тем в данной ситуации и России, и Японии, как мне кажется, нужны именно *предварительные переговоры для выяснения вопроса, возможна ли вообще третья конференция, и для нахождения практического решения о том, как именно к ней приступить*.

Мне думается, что этим я исчерпал все вопросы, которые возникали в процессе наших собеседований. И я позволю себе перейти к изложению своих сношений с г. Мори, которые, как указано, после поднятых Вами на последнем нашем свидании 6 мая вопросов не кажутся мне теперь столь маловажными, как казались раньше.

Как Вы, вероятно, помните (ибо я сообщал Вам об этом), в начале марта у меня просил свидания (через г. Антонова) некто г. Такекума Мори, заявлявший, что он близок к правительству и партии Сейюкай. Г-н Мори, не говорящий ни на одном европейском языке, поставил удивившее меня условие, чтобы переводчиком при его разговорах со мной был г. Мацокин, служащий переводчиком с японского на русский в бюро РОСТА, которым заведует г. Антонов.

На мои расспросы г. Антонов очень мало мог мне сообщить о г. Мори. Он рассказал мне только, что после разрыва Чанчуньской конференции вышеуказанный г. Мори довольно часто являлся к нему, всегда указывая на свою близость к правительству, и очень часто замечания г. Мори потом повторялись г. Антонову в разговорах с чиновниками Мин[истерства] ин[остранных] д[ел].

Ввиду невыясненности роли г. Мори мне все же тогда не хотелось его принимать, тем более, что в этот период г. мин[истр] ин[остранных] дел граф Утида постоянно подчеркивал, что со мной никаких дел иметь не желает.

Но когда г. Мори представил мне через г. Антонова (на японском языке, с которого г. Мацокиным был сделан русский перевод) проект соглашения, по его словам, предлагаемый японским правительством, то я согласился принять г. Мори, ибо указанный проект (в детальной своей части) почти целиком воспроизводит точку зрения японской делегации в Чанчуне, а мне к этому времени уже было известно, что и официальным лицам в Японии чанчуньские переговоры очень плохо известны, неофициальные же вообще о них ничего не знают. Следовательно, этот факт как бы подтверждал правдивость заявлений г. Мори и об его близости к правительству (в особенности к Мин[истерству] ин[остранных] дел), и о том, что представленный им проект есть правительственный.

Этот проект (в точном переводе с японского) гласит*:

При личном свидании с г. Мори я прежде всего запросил его о его роли и положении и получил ответ, что г. Мори – частное лицо, на правительственной службе не состоит, но по характеру своей деятельности (банкир) находится в лично дружественных отношениях с некоторыми членами правительства и с г. Такахаши – лидером партии Сейюкай. На мой вопрос, кто же эти упоминаемые им члены правительства, г. Мори ответил, что прежде всего министр ин[остранных] дел граф Утида, затем премьер-министр барон Като и генерал-губернатор Квантунской области г. Идзюин. От этих-то именно лиц плюс маркиз Такахаси будто бы и исходит нижеизложенный проект.

Я указал г. Мори, что наши положения все же неравны, ибо у меня по отношению к г. Мори нет никаких доказательств, что он имеет хоть какое-нибудь официальное поручение, между тем как он превосходно знает о моем вполне официальном положении. Даже на визитной карточке г. Мори нет ничего, кроме его фамилии, в то время как каждое мое слово, благодаря моему положению в России, приобретает особое значение, хотя я в данном слу-

* Текст проекта отсутствует.

чае и не имел никаких полномочий. Но так как я никакого секрета из своей точки зрения на возможность третьей российско-японской конференции и условия этой возможности не делал, дал на эту тему уже массу интервью представителям прессы и, наоборот, даже заинтересован, чтобы моя точка зрения была возможно шире известна в Японии, то я готов сообщить совершенно откровенно свою точку зрения и г. Мори с тем, однако, предупреждением, что все, сказанное мной, должно быть принято исключительно как мое личное мнение, *никакой обязательной силы для моего правительства не имеющее*.

Вместе с тем я добавил, что ежели действительно г. Мори уполномочен указанными им лицами, то такие люди, наверное, поймут и согласятся с тем, что с моей стороны было бы весьма неблагородно утаивать факт разговоров с г. Мори от виконта Гото, который все время столь любезен в отношении меня лично и уже давно вместе со мной работает как раз в этой области.

Г-н Мори против этого возражал, но в конце концов согласился со мной, однако в тот же вечер прислал мне записку, в которой просил меня “до известного момента не опубликовывать того, о чем мы беседовали”. Эту просьбу я исполнил и до сего времени никому из журналистов ничего о своих разговорах с г. Мори не сообщал.

Что касается существа разговоров, то я прежде всего указал г. Мори, что из представленного им проекта соглашения обсуждению подлежат только *первые три пункта*, ибо все остальное есть уже детализация, подлежащая обсуждению на самой конференции, а не предварительно, я же в данное время могу вести переговоры лишь по вопросу о том, как приступить к третьей российско-японской конференции и возможна ли она вообще, но никак не по существу самого будущего договора, подлежащего выработке на этой конференции. Далее я указал, что идущие в указанном проекте после первых трех пунктов детальные пункты в сущности воспроизводят точку зрения японской делегации на Чанчуньской конференции, за исключением последнего пункта девятого об обмене дипломатическими представителями, который является новым, но не совсем понятным. Я просил разъяснить мне, понимается ли под этим пунктом то, что я понимаю под статьей о возобновлении нормальных консульских и дипломатических отношений, то есть признание *de jure*.

Переходя затем к первым трем основным пунктам указанного японского проекта, я просил разъяснения, как понимать п. 1 — в смысле ли производства фактического расчета или же так, что здесь японское правительство фактически без всяких расчетов

стремится ликвидировать николаевский инцидент, избрав для этого приемлемую для себя формулировку?

Г-н Мори ответил, что редакция предъявленного им проекта соглашения, конечно, не может считаться законченной, но что японское правительство в п. 1 имело в виду именно второе мое предположение, то есть полную ликвидацию николаевского вопроса вообще в приемлемой для себя форме.

Что касается моего заявления, что обсуждению подлежат только первые три основных пункта, то г. Мори с этим согласился, и в дальнейшем мы остальных детальных пунктов не касались.

По п. 9 – об обмене дипломатическими представителями – г. Мори на мой вопрос ничего мне ответить не мог и заявил, что запросит уполномочивших его и затем даст ответ.

На основании этих ответов г. Мори я заявил ему, что, полагая, мое правительство не будет возражать против п. 1 и п. 3 японского проекта, но что п. 2 вызовет чрезвычайные трудности ввиду необходимости нарушить договор с Обществом Синклер и К°. Поэтому я лично полагаю, что если только сам синклеровский договор (который мне неизвестен) не предусматривает возможности расторжения⁶, то существенным выходом из положения была бы продажа российской части Сахалина Японии, но я ничего не могу сказать о том, как отнеслось бы мое правительство к такому предложению.

В заключение я еще раз подробно изложил г. Мори так называемые мои три предварительные условия для начатия конференции и просил в следующий раз дать мне также ответ, как отнесется яп[онское] правительство к этим трем условиям.

На следующем свидании г. Мори прежде всего заявил мне от имени уполномочивших его, что согласие российского правительства на продажу Сахалина не только разрешило бы сразу все вопросы предварительного обсуждения, но и в значительной мере облегчило бы переговоры на самой конференции. Что касается моих трех пунктов, то п. 1 (о равноправии сторон) считается само собой разумеющимся и вполне принимается; п. 2 (об эвакуации Сахалина) считается приемлемым, как в японском проекте, предъявленном г. Мори, то есть при условии принятия нами первых двух пунктов этого проекта (о николаевских событиях, о концессиях на Сахалине).

Вместе с тем г. Мори сообщил, что ему поручено передать мне, что японское правительство полагает желательным ввиду чрезвычайного неудобства для обеих сторон разрыва 3-й конференции предварительное соглашение сторон по тем вопросам, по

которым г. Мори в данный момент ведутся переговоры со мною, а в случае принципиального согласия российского правительства на продажу Сахалина готово немедленно признать за мною все дипломатические преимущества и начать указанные переговоры.

Когда я в связи со всеми этими сообщениями г. Мори решительно попросил сообщить мне, кем же приняты все эти решения, то г. Мори ответил, что на заседании присутствовали: мин[истр] ин[остранных] дел граф Утида, два представителя от Морского министерства, лидер партии Сейюкай г. Такахаси и генерал-губернатор Квантунской области г. Идзюин.

По существу же я обратил внимание г. Мори на то, что такой вопрос, как продажа Сахалина, не может быть принципиальным, но является исключительно вопросом суммы. Я заговорил об этой возможности разрешения сахалинской проблемы только по своему личному почину, мнения своего правительства по этому вопросу не знаю, а для того, чтобы узнать его, должен пользоваться правом шифра, ибо в открытых телеграммах такой переписки вести не могу.

Затем я опять спросил г. Мори, как его правительством принимается предложение об “обмене дипломатическими представителями” (п. 9)?

Г-н Мори ответил, что его правительство действительно не имело этим предложением в виду признания России *de jure*, ибо последнее наталкивается на серьезные международные затруднения.

Я указал, что для России этот вопрос является *conditio sine qua non** возможности переговоров вообще, и развил ему свою точку зрения на этот вопрос (которая Вам уже известна, то есть о том, что Россия не нуждается в декларативном признании и т.д.).

В дальнейших переговорах г. Мори сообщил мне, что японское правительство после моих разъяснений по вопросу о признании готово принять и это предварительное обязательство (то есть признание без декларации), но хотело бы, чтобы мы обещали за то, что на конференции *рыболовный вопрос будет разрешен в пользу Японии не хуже, чем это имело место в Портсмутском договоре*.

После моего протеста против такого включения в обсуждение предварительных вопросов, касающихся существа самого договора, г. Мори больше таких вопросов не касался и более всего интересовался вопросом о продаже Сахалина.

28 марта было констатировано и мною зафиксировано с разрешения г. Мори, что мои три пункта предварительного соглаше-

* Непременным условием (*лат.*).

ния (равноправие сторон, эвакуация Сахалина, признание Советской России de jure) в общем можно считать принятым японским правительством. Что касается трех пунктов японского предложения, то отправным оставался п. 2 (о концессии), ибо я не мог дать на него ответа, не снесясь с моим правительством, а снести не мог, не имея права шифра. По этой же причине оставался открытым и вопрос о возможности продажи Сахалина.

Таким образом, все сводилось к получению права шифра.

Г-н Мори каждый раз указывал мне на то, что этот вопрос будет рассмотрен всем кабинетом в целом, и тогда право шифра мне будет дано и предварительные переговоры смогут начаться, [и на] то, что последнее произойдет после заседания Тайного Совета, куда будет внесен этот вопрос.

На одном из свиданий г. Мори сообщил мне (прибавив, будто знает заранее, что я не соглашусь, и предупреждал об этом), что граф Утида просит меня дать ему письменный меморандум, в котором заявить: 1) что Россия не будет настаивать на декларативном признании; 2) что Россия не будет требовать предварительной до переговоров эвакуации Сахалина и 3) что рыболовные, лесные и другие подобные вопросы не будут на конференции разрешены в сторону ухудшения прошлого положения Японии.

Я ответил, что так как п. 3 не обсуждался даже между г. Мори и мною и предварительному обсуждению не подлежит как пункт порядка дня самой конференции, а не предварительных переговоров, то я такого меморандума дать не могу.

Таким образом, дело несколько не двигалось вперед.

Однажды я заявил г. Мори, что так как фактически никогда право шифра нигде не является дипломатической привилегией, ибо этим правом пользуются и банки, и телеграфные агентства, а зачастую и коммерческие фирмы и даже просто частные лица, а графу Утида, быть может, просто неловко сознаться в своей ошибке, то я в интересах ускорения дела готов дать обязательство, что никому о получении мною права шифра не сообщу.

Хотя г. Мори этому очень обрадовался и даже заявил, что надеется еще в тот же вечер сообщить мне о предоставлении мне права шифра, дело все же не сдвинулось с места.

Наконец, когда пришла зашифрованная телеграмма моего правительства ко мне и г. Мори тоже не мог добиться передачи ее мне (а сделано это было Вами, г. виконт), я вынужден был прямо заявить ему, что совершенно не могу понять такого поведения какого бы то ни было правительства, которое, по собственному почину начав переговоры и доведя их до такого момента, когда все вопросы разрешены и остаются лишь ответы за мною, для

получения которых мне необходимо получить право шифра, все же этого права мне не дало бы. Это до того нелогично и непонятно, что остаются лишь два предположения: либо правительство ведет какую-то двойную игру, либо г. Мори никем никогда ни на какие переговоры не был уполномочен...*

Г-н Мори достаточно разъяснил мне после этого замечания свои взаимоотношения с японским правительством и предложил в доказательство представить свою переписку с г.г. министрами, но я просил его лучше представить мне на каком-нибудь европейском языке мандат, удостоверяющий, что он действительно был уполномочен на переговоры со мною. Г-н Мори обещал представить такой мандат за подписью графа Утиды к 16 апреля. По взаимному соглашению было решено, что если к этому сроку мандат мне не будет представлен, я совершенно свободен в своих действиях по отношению к имевшим место “переговорам” (хотя, если помните, я и с самого начала разговоров с г. Мори заявил о полной своей свободе и необязательности для моего правительства этих переговоров).

После этого, как Вы знаете, я тяжело заболел и о г. Мори не мог думать. Обещанный мандат 16 апреля представлен не был, а 25-го г. Мори мне сообщил, что так как все дело ведения переговоров со мной поручено Вам, уважаемый виконт, то он считает свою миссию законченной, а обещанный мандат более не нужным.

Я не вспомнил бы об этой истории, если бы Ваше упоминание 6 мая о гарантии ранее приобретенных Японией прав не напомнило мне ее.

Из изложенного выше Вы видите, что эта претензия в свое время уже предъявлялась и была мною отвергнута, но тогда г-ну Мори не поручалось настаивать на ней, и, казалось, все вопросы разрешались вообще гораздо легче. А это, несомненно, объясняется тем, что о “переговорах” со мною всерьез не думали и лишь нащупывалась почва (в чем я ни секунды не сомневался).

Оставляя в стороне моральную оценку вышеизложенной “истории”, я позволяю себе обратить Ваше внимание, г. виконт, как сторонника и искреннего борца за сближение между Россией и Японией, на то обстоятельство, что мой небольшой опыт сношений с японским Министерством ин[остранных] дел должен наводить на чрезвычайно грустные размышления о бесполезности этих сношений ввиду отсутствия там какой бы то ни было единой и планомерной политики. Как при первой моей деловой встрече с японским мин[истром] ин[остранных] дел в Шанхае за несколь-

* Отточие документа.

ко дней было несколько решений, так и здесь: поскольку действовало Министерство ин[остранных] дел, постольку одни решения сменялись другими, как наглядно показывает история переговоров с г. Мори.

Мне не хочется в важных вопросах поступать без соглашения с Вами, но я считал бы весьма полезным опубликование выше рассказанной истории.

Впрочем, надеюсь еще переговорить с Вами об этом.

Примите

Над текстом приписка А.А. Иоффе: “В ЦК РКП(б) и т. Сталину. Это – копия моего столь известного письма к Гото, которое было написано по просьбе последнего и с моего согласия передавалось Готой различным госуд[арственным] деятелям. Я думаю, что виконт Гото все же передавал не все письмо, и, наоборот, уверен, что одним были посланы одни кусочки, а другим другие. Это то письмо, которое произвело столь хорошее впечатление и привело, как думают одни, к нынешним перем[енам]”.

А. Иоффе

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1000. Л. 18–40. Копия. Опубл.: Кацура Таро, Гото Симпэй и Россия: Сб. документов. 1907–1929 гг. М.: СПб., 2005. С. 162–180.

¹ Мори Кодзо (1874–?) – секретарь и переводчик С. Гото.

² Равноправие сторон на переговорах; согласие Японии на установление дипломатических отношений с Советским Союзом и признание его де-юре; официальная фиксация приемлемого для СССР срока эвакуации японских войск с Северного Сахалина. Эти условия были заявлены Иоффе в беседе с Гото 7 марта 1923 г. (см. ниже).

³ Гаагская международная финансово-экономическая конференция государств Антанты и РСФСР (15 июня – 19 июля 1922 г.) обсуждала вопросы царских долгов и реституции национализированной иностранной собственности в Советской России.

⁴ По Портсмутскому договору 1905 г. Россия обязалась предоставить японцам право рыбной ловли вдоль российского побережья в Японском, Охотском и Беринговом морях, что и было реализовано в рыболовной конвенции 1907 г. (см.: Сборник договоров России с другими государствами, 1856–1917. С. 337–344).

⁵ Имеются в виду мирные договора Советской России с Эстонией (2 февраля 1920 г.), Литвой (12 июля 1920 г.), Латвией (11 августа 1920 г.), а также с Финляндией (14 октября 1920 г.) и Польшей (18 марта 1921 г.).

⁶ Договор с компанией Синклера предусматривал возможность его расторжения на начальной стадии в случае невыполнения или нарушения ею или американским правительством определенных условий (см.: Советско-американские отношения. Годы непризнания. 1918–1926. С. 245, 386).

*Письмо Л.М. Карахана И.В. Сталину
с протестом против самостоятельных переговоров
Дальбюро ЦК РКП(б)
с японскими рыбопромышленниками**

№ 545

11 мая 1923 г.

Секретарю ЦК РКП т. Сталину

Копия т. Брюханову

В дополнение к отношению № 82 от 5 мая с.г.** Наркоминдел сообщает, что Дальбюро продолжает перебивать*** работу НКИД по вопросу о ведении переговоров с японцами о сдаче последним участков на текущий сезон. Так, из телеграммы Буйко от 10 мая № 514/с**** видно, что, в то время как НКИД уведомил японцев через нашего уполномоченного¹ о согласии своем совместно с Наркомпродом на получение к 15 мая с японских рыбопромышленников одного миллиона иен недоимок, при условии гарантии яп[онского] консула по уполномочению яп[онского] пра[вительства], и тем самым считал переговоры по этому вопросу законченными, Дальбюро, давая свои указания нашим товарищам во Владивостоке, ведущим переговоры о получении не одного, а двух миллионов иен, заявило им, что “в переговорах еще не получилось определенной договоренности”, и, по-видимому, рассчитывает снова вести самостоятельно переговоры с японцами об этом вопросе.

Такие действия Дальбюро вопреки решению НКИД, естественно, возбуждают в японских рыбопромышленниках недоверие к нашим обещаниям и не дают возможности развиваться нормально нашим дальнейшим переговорам с японцами по другим вопросам².

С коммунистическим приветом

Л. Карахан

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1008. Л. 4. Подлинник.

¹ Хавин.² Постановлением Политбюро ЦК от 16 мая 1923 г. Главконцесскому в лице его председателя Г.Л. Пятакова поручалось “в самом срочном порядке рассмотреть вопрос о рыбных делах с Японией” с привлечением в качестве эксперта председателя Дальревкома и члена Дальбюро ЦК РКП(б) П.А. Кобозева. (См.: АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1008. Л. 3.)

* Штамп: “Прот[окол] ПБ № 5, п. 10” См. прим. 2 ниже.

** См. док. № 91.

*** Слово “перебивать” вписано вместо зачеркнутого “срывать”

**** Телеграмма от 7 мая 1923 г. См. док. № 93.

*Выписка из протокола № 22
заседания Главконцесскома при СНК РСФСР
с проектом инструкции о руководстве эксплуатацией рыбных
и морских звериных промыслов на Дальнем Востоке**

18 мая 1923 г.

Председатель Пятаков
Секретарь Кантиник-Юлина

Слушали: XIV. Декрет СНК о порядке эксплуатации рыбных и морских звериных промыслов на Дальнем Востоке от 2.03. [19]23 г.**

Постановили: XIV. 1) Общее руководство всеми переговорами о порядке эксплуатации рыбных и морских звериных промыслов на Дальнем Востоке возлагается на НКИД и НКПрод, согласно декрету, утвержденному СНК 2 марта.

2) Конкретное ведение всех переговоров должно быть возложено на вполне ответственных и компетентных лиц, действующих по директивам НКИД и НКПрода.

3) Назначение уполномоченных НКИД и НКПрода во Владивостоке должно быть согласовано с Дальревкомом.

4) Копии всех постановлений и декретов НКИД и НКПрода должны препровождаться в Дальревком.

5) Что касается донесения уполномоченных НКИД и НКПрода, находящихся во Владивостоке, то копии означенных донесений должны также препровождаться в Дальревком.

6) Дальревком без указания НКИД уполномоченным во Владивостоке по этим вопросам никаких директив не дает.

7) Право публичных торгов на сдачу в концессию рыболовств и морских зверобойных промыслов проводится в порядке, указанном в ст. 9 декрета, утвержденного СНК 2 марта с.г.

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1008. Л. 8-9. Заверенная копия.

* Приложение к п. 6 протокола № 9 заседания Политбюро ЦК РКП(б) от 31 мая 1923 г. См. док. № 101.

** См. док. № 85.

*Записка председателя
Главконцесскома при СНК РСФСР Г.Л. Пятакова И.В. Сталину
с просьбой ограничить вмешательство Дальревкома
в переговоры с японскими рыбопромышленниками**

№ 86/с

22 мая 1923 г.

В ЦК РКП тов. Сталину

Согласно постановлению Политбюро Главный концессионный комитет вынес решение о руководстве переговорами о порядке эксплуатации рыбных и морских звериных промыслов на Дальнем Востоке. Вчера по телефону т. Карахан сообщил мне, что в ДВ продолжают неправильные действия Дальревкома в этой области. В частности, Дальревком назначил смешанную комиссию для установления тех платежей, которые причитаются нам с японцев за прошлое время, в то время как мы считаем, что никакой смешанной комиссии для этого создавать не нужно.

Тов. Карахан просит, чтобы директива Главного концессионного комитета, сформулированная в приложенном к настоящему письму постановлении**, была бы послана в Дальбюро от Вашего имени или же чтобы Вы сообщили Дальбюро ЦК о том, что настоящая директива Главного концессионного комитета является обязательной для органов ДВО.

Присоединяясь к мнению т. Карахана, посылаю Вам постановление Главного концессионного комитета от 18 мая (прот[окол] № 22, п. XIV)** и прошу Вас дать соответствующие распоряжения, копию которых сообщить мне.

Председатель Главконцесскома при СНК Пятаков
Управделами ГКК М. Оскольский

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1008. Л. 11–11об. Подлинник.

* Штамп: "Прот[окол] ПБ № 9, п. 6". См. док. № 101.

** См. док. № 97.

№ 99

*Телеграмма уполномоченных НКИД
и Наркомпрода РСФСР Хавина и Ф.И. Андрианова Л.М. Карахану
о заключении арендного соглашения с японскими
рыбопромышленниками и погашении ими задолженностей**

22 мая 1923 г. 10 ч. 14 мин.

Владивосток

2 адреса: Москва, НКИД – Карахану; копия Наркомпрод – Брюханову

21-го в присутствии яп[онского] консула состоялось соглашение с японскими рыбопромышленниками: заключить в трехдневный срок договора; рыбопромышленники обязуются внести остаток суммы аренды нынешнего года – один миллион иен в счет старой задолженности чеком “Чосен банка” с гарантией яп[онского] консула в течение недели заменить чек имперскими иенами. Остальную сумму задолженности, установленной комиссией, внесет по окончании работ комиссии, но не позднее 15 августа. Вопрос о налогах и пошлинах разрешен согласно Вашим указаниям.

Хавин, Андрианов

Помета: “Получ[ена] 22.05. [19]23 г. 18 ч. 30 мин.”

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1008. Л. 14. Копия.

№ 100

*Телеграмма секретаря
Дальбюро ЦК РКП(б) Н.А. Кубяка И.В. Сталину и Л.М. Карахану
о несогласованности действий
советских представителей в Токио и Владивостоке
на переговорах с японскими рыбопромышленниками***

№ 50ш

29 мая 1923 г. 11 час. 45 мин.

Чита

Весьма секретно

Москва, ЦК РКП – Сталину и Карахану

Ведение переговоров о рыбных концессиях с японскими промышленниками Иоффе в Токио и нами во Владивостоке по директивам Карахана вносит разнобой и несогласованность Москвы

* Штамп: “Прот[окол] ПБ № 9, п. 6” См. док. № 101. Копия направлена членам коллегии НКИД РСФСР, Н.П. Брюханову, С.И. Духовскому, Дашкевичу.

** Штамп: “Прот[окол] ПБ № 9, п. 6”. См. док. № 101.

и Токио, [что] считаю ненормальным. Желательно указание одно – Токио или Москвы, а мы просто будем исполнителями. Отсутствие уполномоченного НКВД во Владивостоке и шифра с Иоффе не дает возможности нам ему сообщить. Прошу принять во внимание.

Секретарь Д[аль]б[юро] Кубяк

Пометы: “Получена 29 мая 1923 г. в 17 час. 25 мин. Поступила для расшифрования 29 мая 1923 г. в 21 час. Вх[одящий] № 88/ш. Шифрбюро Секретариата ЦК РКП. Получил Чугунов” “Расшифровал 30 мая [19]23 г. в 9 час. и подл[инник] сжег. Чугунов”.

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1008. Л. 13. Дешифрант.

№ 101

Постановление Политбюро ЦК РКП(б) “О рыбных делах с Японией”^{1}*

П9/6

31 мая 1923 г.
Строго секретно

а) Одобрить предложенный т. Пятаковым проект декрета СНК о порядке эксплуатации рыбных и морских звериных промыслов на Дальнем Востоке, внося его в СНК^{2*}.

б) Дать такую же инструкцию по партийной линии Дальбюро ЦК^{3*}.

в) Запросить т. Иоффе, чем было вызвано его согласие на необычные уступки о смешанных комиссиях в наших территориальных водах?^{4*}

г) По вопросам, касающимся несогласованности действий т. Иоффе с инструкциями Москвы, поручить НКВД представить в понедельник в Политбюро проект соответственного письма^{5*}.

Секретарь ЦК

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1008. Л. 7. Копия.

^{1*} Вопрос представлен Г.Л. Пятаковым и Л.М. Караханом. Выписка из протокола № 9 заседания Политбюро ЦК РКП(б) от 31 мая 1923 г., п. 6. Заголовок постановления имеет отсылку к постановлению Политбюро от 16 мая 1923 г. (См.: АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1008. Л. 3.)

^{2*} Исправленный пункт а) см. док. № 102.

^{3*} Исправленный пункт б) см. там же.

^{4*} О смешанных комиссиях см. док. № 103.

^{5*} См. док. № 103.

№ 102

*Записка И.В. Сталина о внесении исправлений в текст постановления Политбюро ЦК РКП(б) от 31 мая 1923 года.**

1 июня 1923 г.
Строго секретно

В графе “Постановили” следует читать:

абзац “а”) Одобрить предложенный тов. Пятаковым проект инструкции к декрету СНК от 2/III 23 г. о порядке эксплуатации рыбных и морских звериных промыслов на Дальнем Востоке**, внося ее в СНК;

абзац “б”) Сообщить эту же инструкцию по партийной линии Дальбюро ЦК к исполнению.

И. Сталин

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1008. Л. 10. Подлинник. Печать ЦК РКП(б).

№ 103

Проект инструкции НКВД РСФСР А.А. Иоффе с указанием согласовывать с НКВД все действия по переговорам с японцами

3 июня 1923 г.***

1) Форсирование переговоров и заключение договора с Японией приобретает в связи с англо-русским конфликтом¹ и, возможно, дальнейшим осложнением нашего международного положения в Европе исключительное значение. Поэтому Вам надлежит принять все меры к ускорению официальных переговоров.

2) Чтобы облегчить Вам Вашу работу в Японии и ободрить кампанию за сближение с нами, а также укрепить положение Гото в борьбе за признание сов[етского] пра[вительства], мы охотно шли на ряд уступок в рыболовном вопросе. Также по Вашей просьбе мы освободили нескольких японских шпионов. Однако считая возможным идти на уступки, поскольку они помогают Вашей работе, мы считаем вредным, если Вы [в] Японии соглашаетесь на что-либо без нашего ведома и ставя нас перед совершившимся фактом².

* См. док. № 101.

** См. док. № 97.

*** Документ не датирован. Дата установлена по препроводительному письму Л.М. Карахана в Политбюро ЦК РКП(б) от 3 июня 1923 г. (См.: АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1008. Л. 20, а также док. № 101, 102.)

Рыболовные переговоры и торги происходили во Владивостоке. Между тем, вступая через Гото в переговоры по существу, Вы осложняли несколько раз ход переговоров, что выражалось в особой настойчивости, иногда переходящей в ультиматум яп[онского] консула [во] Владивостоке.

Теперь договоры подписаны³, но считаем необходимым указать, что Ваше согласие до подписания договоров выдавать временные свидетельства, заменяющие договор, вредило ходу переговоров. Точно так же Ваше согласие на смешанные комиссии с участием японцев и нашей милиции, на которое ссылается яп[онский] консул, неприемлемо, ибо означает контроль русско-японской комиссии в наших водах за соблюдением наших декретов, что является нашим односторонним правом. Поэтому просим, во-первых, не посылать непосредственно инструкций во Владивосток. Во-вторых, не делать никаких обещаний японцам, не получив нашего согласия. Вы могли убедиться, что мы охотно по Вашим просьбам идем на уступки, чтобы облегчить Вам работу, поэтому нет необходимости демонстрировать перед японцами, что у нас дипломаты пользуются большей свободой, чем у них самих.

3) В дополнение к ранее данным инструкциям о взаимных претензиях сообщаем: предоставление японцам наибольшего благоприствования по претензиям и долгам недопустимо. Вам следует держаться инструкции от 10 апреля. Там мы предлагаем две формулы. Первая – максимальная: все взаимные претензии разрешаются по типу Рапальского договора (взаимно уничтожаются претензии за долги, николаевские события, за интервенцию и оккупацию); вторая – минимальная формула: за николаевские события мы аннулируем часть наших претензий за аналогичные действия с тем, чтобы расчеты по нашему счету за оккупацию и интервенцию, так же как и японский за долги и другие претензии, поскольку [он] не разрешается немедленно, были отложены без всяких формул, предрешающих их урегулирование в будущем⁴.

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1008. Л. 21–22. Копия.

¹ Имеется в виду конфликт, возникший в связи с предъявлением советскому правительству 8 мая 1923 г. ноты министра иностранных дел Великобритании Дж. Керзона. Советской стороне выставлялся ряд ультимативных требований с угрозой разрыва официальных торговых отношений в случае их невыполнения. В середине июня 1923 г. конфликт был исчерпан.

² 31 мая 1923 г. в ответ на обращение Карахана Политбюро ЦК приняло постановление “О тов. Иоффе в Японии” следующего содержания: “Указать т. Иоффе на необходимость не посылать непосредственно инструкций на Дальний Восток, не согласовав их предварительно с НКВД” (см.: АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1000. Л. 41).

³ Советско-японское рыболовное соглашение, урегулировавшее вопрос о ликвидации Японией задолженности по арендной плате за рыбную ловлю у берегов СССР в предыдущие годы и условия японского рыболовства в советских водах в 1923 г., было подписано в Токио 21 мая 1923 г.

⁴ 14 июня 1923 г. Политбюро постановило: “Послать инструкцию (Иоффе. – *Сост.*) в ведомственном порядке за подписью тов. Чичерина” (см.: АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1008. Л. 19).

№ 104

Записка Г.В. Чичерина в Секретариат ЦК РКП(б) о стратегическом значении Северного Сахалина для Японии и определении его стоимости

21 июня 1923 г.

В Секретариат ЦК РКП
Копии: членам Политбюро

Назначенная Политбюро комиссия о Сахалине (Сокольников, Кржижановский и Чичерин) собралась впервые 10 мая, обсудила план дальнейшей работы и распределила последнюю. Она ознакомилась с тем материалом, который к этому моменту был собран.

Комиссия приняла на этом предварительном заседании следующие решения*.

После этого предварительного заседания были собраны как официальные, так и неофициальные русские и иностранные материалы о Сахалине.

Первый помощник начальника штаба РККА представил доклад, доказывающий громадное стратегическое и политическое значение Северного Сахалина: “Сахалин представляет тот объект, овладение которым приводит Японию к осуществлению ее политического плана обратить Охотское, Японское и часть Китайского морей во внутренние моря Японии...** При таких условиях Китай и Россия будут отделены от Америки... При таких условиях влияние Японии в Китае и база для осуществления ее захватных планов на азиатском материке будут обеспечены”. “Захват японцами Сахалина, а следовательно, и Татарского пролива, то есть северного выхода из Японского моря, в связи с укреплениями, возведенными ими в районе Корейского пролива на островах Цусима и Икисима¹, то есть в южном выходе из Японского моря, свидетельствует о стратегическом плане Японии обратить Японское море в свое внутреннее море. Осуществление этого плана имеет для Японии грандиоз-

* Текст решения см. док. № 94.

** Здесь и далее отточие документа.

ное значение, так как оно позволит отвлечь опасность полной внешней блокады, возможной в силу изолированного положения в Тихом океане. Владея северным и южным выходами из Японского моря и имея обширное внутреннее море в тылу с веером коммуникационных путей от Японских островов к азиатскому материку, Япония будет почти неуязвимой для морской блокады и будет обеспечена необходимыми средствами и продуктами для поддержания своей промышленности, армии и населения за счет богатых естественных источников Китая, Дальнего Востока России и Сахалина” “Трудно рассчитывать, чтобы Япония отказалась от южной части Сахалина. Правильнее, пожалуй, предполагать, что она всеми способами будет стараться сохранить за собой и северную оккупированную ею часть Сахалина. Допустить последнее невозможно. Россия во всяком случае должна потребовать, чтобы Северный Сахалин был возможно скорее эвакуирован японцами”.

Собранные материалы о Сахалине были параллельно обработаны специалистами НКФ и Госплана. Комиссии были представлены из этих двух учреждений параллельные доклады.

Комиссия собралась 20 июня. Из указаний доклада первого помощника начальника Штаба РККА комиссия вывела заключение, что Сахалин представляет для Японии серьезнейшее значение и является для нас драгоценнейшим объектом переговоров.

Комиссия констатировала, что ученый специалист НКФ проф. Любимов и ученый специалист Госплана помощник директора Российского геологического комитета Н. Тихонович, применявшие совершенно различные методы к выполнению своей задачи, пришли к почти одинаковому выводу. Они доказали, что при определении* стоимости Северного Сахалина мы можем обосновать сумму в полтора млрд золотых рублей. Намеченная Политбюро сумма в млрд золотых рублей является поэтому серьезной уступкой японцам.

Комиссия приняла на заседании 20 июня нижеследующие решения: “Сделка о Сахалине не должна быть связываема с взаимным аннулированием претензий. В официальном соглашении взаимное аннулирование претензий должно быть поставлено особо, стоимость же Сахалина должна быть определена независимо от претензий. В крайнем случае можно сделать приписку, что при установлении соглашения были приняты к сведению данные о задолженности Российской республики Японии*.

Поручается проф. Любимову составить полную сводку взаимных претензий России и Японии.

* Слова “при определении... Японии” подчеркнуты И.В. Сталиным.

При определении стоимости Сахалина ни в коем случае не следует выдвигать аргумента о сравнении стоимости северной части с расходами Японии на завоевание южной части Сахалина*.

Оба варианта установления стоимости Сахалина следует послать тов. Иоффе.

Максимальная сумма, могущая быть обоснованной при определении стоимости Северного Сахалина, есть полтора млрд. золотых рублей***.

23 июня у меня будет совещание с проф. Любимовым, на котором будут окончательно сформулированы и вслед за этим разосланы другим членам комиссии тезисы о методах определения стоимости Сахалина. Окончательные выводы после этого будут представлены членам Политбюро***.

Наркоминдел Чичерин

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1000. Л. 42–44. Подлинник.

¹ Остров Ики.

№ 105

Записка ученого специалиста

Наркомфина РСФСР профессора Н. Любимова

“О методе оценки промысловых богатств русского Сахалина”

27 июня 1923 г.

Секретно

НКВД – тов. Г.В. Чичерину

Для определения современной стоимости угольных залежей и нефтяных месторождений русского Сахалина был использован тот нормальный метод оценки промысловых богатств, который всегда применяется при оценке горных, железнодорожных, муниципальных и других концессий. Во всех этих случаях необходимо найти *современную* оценку того или иного промысла или сооружения по тем исчислениям *будущих доходных поступлений*, которые можно предположить или на основе данных об уже получаемом доходе, или же на основе средненормального дохода, который получается от однородных предприятий. Другими словами, стоимость нефтяного промысла может быть определена: а) капитализацией того дохода, который получается от уже производящейся эксплуатации; б) капитализацией того средненор-

* Абзац подчеркнут И.В. Сталиным.

** Абзац подчеркнут и отчеркнут на полях И.В. Сталиным.

*** Фраза подчеркнута им же.

мального дохода, который может быть получен при дополнительных капитальных затратах на оборудование, иначе говоря, приравнением данного промысла аналогичному другому, снабженному необходимым оборудованием и приносящему доход определенного размера. Стоимость же, например, городского водопровода, который имеют в виду проложить в данном городе, то есть стоимость будущего сооружения, определяется капитализацией того средненормального дохода, который получается от эксплуатации водопроводных предприятий в аналогичных условиях (с поправками на индивидуальные условия данного города: предполагаемое число будущих пользователей водопроводом, естественные условия водоснабжения и т.п.).

Ввиду того, что в данном случае речь идет об учете в *настоящем* стоимости всех будущих доходов, которые поступят в течение определенного срока эксплуатации, необходимо применить метод сложных процентов. При этом методе из каждого будущего дохода производится определенный дисконт, который все более возрастает по мере* отдаления от начального года эксплуатации. Эта мысль была выражена в приведенной Г.М. Кржижановским простой русской поговорке: “Дорога ложка к обеду”. И в самом деле, концессия за пределами 99-летнего срока приводит к тому, что доход 100-го и последующих лет целиком поглощается величиной дисконта. Отсюда очевидно, что с коммерческой точки зрения 99-летняя аренда приравнивается [к] отчуждению, что между прочим следует из того обычного факта, что по истечении долгосрочных концессий сооружения и все имущество концессии поступают безвозмездно в пользу концедента.

Само собой разумеется, что применение данного метода оценки приводит нас только к определению *коммерческой* стоимости сахалинского угля и нефти; вечность же владения государственной территорией и другие основные презумпции современного международного права, так же как и оценка стратегического значения русского Сахалина для Японии, лежат *вне* границ коммерческо-промышленных исчислений.

Что касается аргументов против возможного японского предложения уплатить долгосрочным займом, то таковые содержатся на 2-й странице “Объяснительной записки к оценке промысловых богатств русского Сахалина”**.

Н. Любимов

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1000. Л. 49–50. Копия.

* Далее зачеркнуто слово “определения”.

** См. док. № 106.

Объяснительная записка Н. Любимова
об оценке промысловых богатств Северного Сахалина

Не позднее 27 июня 1923 г.*

Секретно

В основу исчисления стоимости угольных копей и нефтяных месторождений русского Сахалина положен тот прием оценки промысловых богатств, который применяется для определения стоимости горных, железнодорожных, муниципальных и т. д. концессий, где стоимость объекта в *настоящем* определяется по *будущим доходным поступлениям*, исчисленным на базисе средненормальной доходности. В математическом, так как и в финансовом смысле, такая оценка означает *капитализацию средненормального дохода* на ряд лет вперед, что приводит к методу сложных процентов, при котором из будущих доходных поступлений делается *соответствующий учет* по мере отдаления срока поступления доходов. Это вполне понятно, так как, оценивая *современную* стоимость объекта, нужно из будущих доходных поступлений *вычитывать* прогрессивно возрастающую часть.

Отсюда и то медленное нарастание стоимости объекта, которое происходит за пределами 36-летнего срока. Легко также доказать, что по истечении 99-летнего периода дальнейшая капитализация прекращается и доход, например, 100-го года в *настоящем* равен 0 (точнее, величине бесконечно малой, стремящейся к 0). Таким образом, экономически долгосрочная, до 99 лет, аренда эквивалентна отчуждению.

Приняв условные обозначения: “А” большое – искомую оценку концессионного объекта в *настоящем*; “а” – ежегодную чистую предпринимательскую прибыль концессионера; $q = 1 + p/100$, где “p” есть процент, из которого текущая стоимость концессионного объекта погашается ежегодной чистой прибылью концессионера; “τ” – срок концессии, получим основную формулу:

$$Aq^\tau = a \frac{q^\tau - 1}{q - 1},$$

где левая сторона формулы есть *наращенный капитал*, а правая сторона – *сумма наращенных ежегодных уплат*.

* Датируется по док. № 105.

Для того чтобы показать значение различных сроков (например, 36, 66 и 99 лет), произведем следующие преобразования формулы:

$$A = a \frac{q^\tau - 1}{q^\tau (q - 1)} = aK$$

$$K = \frac{q^\tau - 1}{q^\tau (q - 1)}, \text{ где } q = 1 + p/100 = 1,04$$

$$K = \frac{1,04^\tau - 1}{1,04^\tau (1,04 - 1)} = \frac{1,04^\tau - 1}{1,04^\tau - 0,04} = 25(1 - 1/1,04^\tau)$$

Если произвести логарифмирование и принять $\tau = 36$, то уже при этом сроке получается около $3/4$ максимально высокой оценки. По мере увеличения “ τ ” $1/1,04$ стремится к нулю и практически не сокращает более 1, стоящей в уменьшаемом скобки.

Отсюда становится очевидной правильность метода оценки по сложным процентам, то есть с учетом из будущих доходов величин, прогрессивно возрастающих по мере удаления от начального года эксплуатации. Нельзя ли, однако, предложить *рассрочку платежей* в течение данного срока аренды, то есть погашать в течение 36, 66 или 99 лет ежегодными взносами *вместо* единовременной уплаты? Нет, такая претензия нашего японского контрагента была бы неосновательной, так как примененный метод и является именно оценкой *глобальной*, уплатой в настоящем одним платежом. Другими словами, выплата наличными иенами или другой соответствующей валютой, краткосрочными казначейскими векселями и т.п. легко реализуемым методом. И обратно, предложение заплатить долгосрочным займом на 36–99 лет, ликвидность и реализуемость которого находится под вопросом, а выплата процентов и погашения рассчитаны на длинный ряд поколений, *противоречит* методу капитализации будущего дохода в настоящем.

Цифры ежегодной добычи угля взяты в расчете на сколько-нибудь нормальную разработку сахалинских копей, а нефть – по предположениям договора с компанией Синклер. Лесные богатства представляют собой при правильной эксплуатации возобновляющийся капитал, а потому оценен множением удобной площади на приуменьшенную до минимума стоимость одной десятины. Оценка рыбных промыслов сделана с учетом того факта, что рыба в отличие от леса не является величиной константной и уловы ее подвержены влиянию разных факторов. Кроме того,

приняты во внимание рыболовные привилегии японцев на нашем Дальнем Востоке.

Общий итог в 1600 млн руб. можно считать не преувеличенным, поднятие его до 2400 млн руб., то есть на 50% или выше, имеет за собой уже *специальные* основания.

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1000. Л. 57-58. Копия.

№ 107

Записка Наркомфина РСФСР “Оценка промысловых богатств русского Сахалина”

Не позднее 29 июня 1923 г.*

Секретно

Вариант Наркомфина по записке проф. Н. Любимова

Общий итог промысловых богатств русского Сахалина может быть определен в 1600 млн руб. зол[отом]; если же учесть нормальное развитие лесных, угольных и проч[их] богатств при сооружении хорошего вывозного порта и необходимых капитальных затратах на главнейшие промыслы, то общая оценка может быть поднята еще на 50%, то есть до 2400 млн руб. золотом.

Основной итог в 1600 млн руб. зол[отом] складывается из оценки следующих статей:

Уголь	600 млн зол[отых] руб.
Нефть	225 млн зол[отых] руб.
Рыба	250 млн зол[отых] руб.
Леса	500 млн зол[отых] руб.
Проч[ие] богатства	25 млн зол[отых] руб.

В основание оценки экономических богатств рус[ского] Сахалина положены следующие главнейшие соображения:

Уголь. Ежегодный экспорт угля никогда не превышал 2,5 млн пудов, но в условиях отсутствия порта и почти полного отсутствия технических средств. Данная добыча легко может быть учетверена при ничтожных даже капитальных затратах.

Тогда при добыче в 10 млн пудов ежегодно частная концессия в течение 99 лет при капитализации по сложным процентам ежегодной чистой прибыли в 200 000 руб. (2 коп. с пуда × 10 000 000) может быть оценена в сумме около 5 млн руб. зол[отом].

На 12 концессионных участках (готового к разборке угля имеется 12 млрд пудов) стоимость копей можно оценить в 60 млн руб.

* Датируется по док. № 110.

Приняв же во внимание геологическое исчисление запаса углей в 150 млрд пудов, современная стоимость залежей угля в целом определяется в сумме не ниже 600 млн руб.

Нефть. Вследствие отсутствия снарядов глубокого бурения практические успехи разведок нефти были довольно скромны. Но, приняв во внимание обширность нефтяного района и готовность компании Синклер довести добычу после 5-летия до 40 млн пудов, вполне возможно оценить ежегодную добычу в 10 млн пудов.

Тогда концессия, подобная угольной, то есть на 99 лет, из 4% сложных при ежегодной чистой прибыли в 450 000 руб. (4,5 коп. × 10 000 000), может быть оценена в 22 с лишком млн рублей.

Эта величина может быть поднята в 10 раз, зная, что Синклер [и] К° была готова к платежу попудного сбора в 40 млн пудов и что глубоким бурением могут быть достигнуты весьма серьезные результаты.

Общая оценка нефти – 225 млн рублей.

Рыба. Современная оценка улова не может быть принята ниже 2 млн руб. (В 1913 г. заготовка составила 450 000 пудов, позже уловы сельди учетверились; в то же время улов у Южного Сахалина составлял уже 5,5 млн руб.)

Капитализация двух млн рублей (приравнение [к] японскому улову и скидка 50% из 5%) дает округло 250 млн руб.

Леса. Пригодного к эксплуатации леса имеется 2,5 млн десятин. При оценке строевых лесов, характерных для Сахалина, и помня, что лес – возобновляющийся капитал, всего лишь в 200 руб. с десятины получаем 200 млн руб.

Пушное дело. Пр[очие] богатства можно принять в 25 млн руб. Капитализация дохода 50 000 руб. от имеющейся добычи мехов из 5% на 100 лет дает 6,4 млн руб. Учетверение этой суммы даже приуменьшено.

В объяснительной записке к оценке* приведены научные доводы в пользу приравнения (в коммерческом смысле) 99-летней аренды [к] продаже и в пользу единовременной выплаты стоимости.

Необходимо прибавить, что коммерческая оценка не означает настоящей цены русского Сахалина, так как его стратегическое значение для Японии (не для России без флота на Тихом океане) чрезвычайно велико.

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1000. Л. 51–52. Копия.

* См. док. № 106.

Записка Наркомфина РСФСР
“Оценка экономических богатств русского Сахалина”

Не позднее 29 июня 1923 г.*

Секретно

I. а) Уголь

Принимая аренду копей на 99 лет с эксплуатацией 10 млн пудов ежегодно, с чистой прибылью в 4 копейки с пуда, со списанием из нее $\frac{1}{2}$ коп. на амортизацию капитальных затрат, “включая сюда и выплаты дивиденда”, то есть принимая чистую предпринимательскую прибыль концессионера, свободную от каких бы то ни было платежей, связанных с предприятием, в 2 коп. с пуда, получаем текущую капиталованную стоимость эксплуатации копей для концессионера в сумме 4896 тыс. руб.

Для получения этого результата пользуемся формулой:

$$A = a \frac{q^{\tau} - 1}{q^{\tau}(q - 1)},$$

где “А” большое есть искомая текущая стоимость концессионного объекта, “а” маленькое – ежегодная чистая предпринимательская прибыль концессионера, $q = 1 + p/100$, где “р” есть процент, из которого по расчету сложных процентов текущая стоимость концессионного объекта погашается ежегодной чистой прибылью концессионера в течение концессионного периода, “τ” – срок концессии.

В данном случае процент капитализации “р” принят в 4% – в 99; $a = 0,04/2 \times 10\,000\,000 = 200\,000$.

Такая эксплуатация возьмет за срок аренды около 1 млрд пудов; при этом ежегодная добыча в 10 млн пудов представляет собой увеличение всего лишь в 3–4 раза нормальной ежегодной разработки Дуйских копей примитивными методами и при отсутствии сколько-нибудь серьезных затрат на сооружение порта.

Между тем пригодного к разработке угля имеется 12 млрд пудов. Если бы весь этот уголь разрабатывался, например, на 12 концессионных участках, то мы имели бы 58 752 млн руб., или за округлением 60 млн.

Но если такова стоимость эксплуатации в 12 млрд пудов для концессионера, то она совершенно другая для концедента, то есть для Сов[етской] России, и при условии неизменности цены

* Датируется по док. № 110.

угля в течение столетия должна быть повышена на известный коэффициент. На какой коэффициент? При отчуждении территории, содержащей сверх 12 млрд пудов угля из уже разрабатываемых копей еще 21 млн пудов по детальным геологическим данным, всего же, по произведенным геологическим оценкам, до 150 млрд пудов, не считая 100 млрд пудов бурого угля, этот коэффициент не может быть ниже 12,5 (150 : 12), то есть отношение геологически определенного запаса к копиям, находящимся в наличной разработке. Но вследствие трудности разработки более удаленных от порта копей мы понизим его до 10.

Тогда современная стоимость сахалинских угольных копей выразится для концедента в сумме не ниже 600 млн пудов.

Сюда не включены затраты концессионера на создание необходимого для вполне нормальной работы порта, но так как речь идет о приравнении 99-летней аренды [к] отчуждению в договорном порядке суверенной территории, то невычет упомянутых затрат концессионера с избытком балансируется последним обстоятельством. *Оценка угольных богатств – 600 млн руб.*

1. б) Нефть

При определении стоимости нефтяной концессии сроком на 99 лет при ежегодной добыче в размере 10 млн пудов и считая чистую прибыль концессионера в 18 коп. с пуда со списанием половины ее на амортизацию капитальных затрат (включая сюда и выплаты дивиденда), то есть принимая чистую предпринимательскую прибыль концессионера, свободную от каких бы то ни было платежей, связанных с предприятием, в 9 коп. с пуда, получаем текущую капитализованную стоимость нефтяных месторождений для концессионера в сумме 22 036 тыс. руб.

Для получения этого результата применена та же формула роста по сложным процентам.

В данном случае процент капитализации “*p*” 4 в 99

$$0,09/2 \times 10\,000\,000 = 450\,000$$

Такая эксплуатация в течение срока аренды возьмет около одного млрд пудов нефти. Приняв же во внимание, что в договоре с компанией делались определенные предположения о полупудном сборе 40 млн пудов и более, приведенную цифру можно утвердить, получая 44 072.

Но эта цифра должна быть для концедента увеличена на известный коэффициент.

Зная, что методами глубокого бурения на Сахалине можно добиться весьма серьезных результатов, размеры коих заранее

предвидеть даже нельзя, стоимость отчуждения нефтяных территорий должна быть увеличена по меньшей мере в 2,5 раза, то есть 220 360 млн руб., за округлением же 225 млн руб.

II. Рыболовные промыслы

Рыболовство в Сахалинском районе не было развито, и количество рыбы конвенционного и внеконвенционного района в довоенное время можно определить в приблизительной средней цифре в 450 тыс. пудов, или, считая по одному рублю за пуд, то есть всего лишь по цене сельдяного удобрения в 450 тыс. руб.

Принимая же во внимание возрастание улова сельди в 4–5 раз в последние годы против 1913 г., эта ценность не может быть принята менее 2 млн руб.

Рыболовство у берегов японского Сахалина, ранее дававшее скромные цифры ценности, в 1913 г. составило уже ф[унтов] ст[ерлингов] – 581 303, то есть свыше 5 1/2 млн руб. Эта величина может быть достигнута и в рыболовных водах Северного Сахалина. Принимая же во внимание специальные исследования, считая рыбные ловли Сахалина неисчерпаемыми, цифра ежегодного улова в 2 млн руб. совершенно скромна.

Но если исходить из учета рыболовных привилегий, предоставленных японцам по Симоносекской конвенции 1907 г.¹, пролонгация которой хотя бы и с поправками весьма вероятна, а также принять во внимание, что из 5 1/2 млн руб. необходимо сделать до 50% вычета на плату капитальных затрат по рыболовству, то придем к капитализации в 2 млн руб. как минимального чистого предпринимательского дохода.

Капитализуя по сложным процентам из 5%, получим 256 млн рублей, или в круглой цифре 250 млн

III. Лесные богатства

Оценивая 1 десятину сахалинских лесов в 200 руб., принимая во внимание наличие площади удобных лесов в 2500 тыс. десятин, получаем 500 млн руб.

Оценка в 200 руб. совершенно скромна, так как десятин хвойного леса в Центральной России у сплавной реки оценивается в 10–50 раз дороже и даже дровяного леса не ниже 500 млн руб.

Нужно принять во внимание, что естественный прирост при правильной эксплуатации сохраняет лесную площадь нетронутой, то есть перед нами возобновляющийся капитал.

Меховое дело и прочие богатства

Стоимость ежегодной добычи не менее 50 тыс. руб. при капитализации из 5% на 100 лет даст 6 400 000. Прочие богатства (золото, графит, соединения кальция) оценке не поддаются вовсе.

Общий подсчет:

Уголь	600 млн зол[отых] руб.
Нефть	225 млн зол[отых] руб.
Рыба	250 млн зол[отых] руб.
Лес	500 млн зол[отых] руб.
Пр[очие] богатства	25 млн зол[отых] руб.

1600 млн руб.

Резолюция тов. Шлейфера²:

1) При устройстве японцами на Сахалине оборудованного порта, решающимися на большие денежные затраты на Сахалин, экспортная цена леса значительно возрастает – на 50%. Это дает увеличение на 250 млн руб.

2) То же в известной мере относится к углю и нефти.

3) Для дипломатического запроса необходимо увеличить оценку всех пр[очих] статей общего расчета на известный процент.

4) Необходимо оценить землю и военное значение Сахалина.

Шлейфер

АПРФ. Ф. 3. Оп. 6. Д. 1000. Л. 53–56. Копия.

¹ Здесь ошибка. Русско-японская рыболовная конвенция 1907 г. была подписана в Петербурге.

² Шлейфер И.О. – эксперт Наркомфина РСФСР, член Главконцесскома при СНК.

№ 109

*Записка Г.В. Чичерина И.В. Сталину
с просьбой заслушать в Политбюро ЦК РКП(б)
доклад Н. Любимова*

об оценке промысловых богатств Северного Сахалина

29 июня 1923 г.

Тов. Сталину, секретарю ЦК РКП
Уважаемый товарищ!

В случае, если потребуется докладывать Политбюро о результатах работ комиссии о Сахалине, я просил бы поручить это другому, ибо я не считаю себя^{1*} достаточно компетентным для разъяснения сложных исчислений, приведших к оценке Северного Сахалина в 1500 млн зол[отых] руб. Я бы очень просил вы-

звать для этой цели тов. Сокольников^{1*}. Лучше всего было бы выслушать доклад автора этих расчетов проф. Любимова, но он не является членом партии.

С коммунистическим приветом

Г. Чичерин

Помета: “Без рассылки копий”.

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1000. Л. 46. Подлинник.

№ 110

*Письмо Г.В. Чичерина И.В. Сталину
с предложениями комиссии ЦК РКП(б) об условиях продажи
Северного Сахалина Японии*

29 июня 1923 г.

Тов. Сталину, секретарю ЦК РКП

Копии членам Политбюро и т.т. Сокольникову
и Кржижановскому

Уважаемый товарищ!

Прилагаю при сем принятую комиссией о Сахалине (Сокольников, Кржижановский и Чичерин) записку Н. Любимова о методе оценки промысловых богатств русского Сахалина^{2*}.

Результаты этой оценки изложены в краткой записке: “Оценка промысловых богатств русского Сахалина”, которую также прилагаю^{3*}. Общий итог промысловых богатств Северного Сахалина в этой записке определен в 1600 млн руб. зол[отом] (если учесть нормальное развитие лесных, угольных и проч[их] богатств при сооружении хорошего вывозного порта и необходимых капитальных затратах на главнейшие промыслы, общая оценка может быть поднята до 2400 млн руб. зол[отом]). Комиссия постановила поэтому, что мы можем с полным правом обосновать при оценке Северного Сахалина сумму приблизительно в 1500 млн руб. зол[отом].

Прилагаю далее подробную записку Наркомфина, в которой произведено это исчисление^{4*}.

Наконец, прилагаю записку Штаба РККА^{5*}, выясняющую колоссальное стратегическое значение Северного Сахалина для Японии, которая с приобретением Северного Сахалина может

^{1*} Слова “я не считаю себя... Сокольников” подчеркнуты И.В. Сталиным.

^{2*} См. док. № 105.

^{3*} См. док. № 107.

^{4*} См. док. № 108.

^{5*} Выдержки из записки Штаба РККА см. док. № 104.

превратить Японское море в свое внутреннее море и быть абсолютно гарантированной против блокады. Это громадное значение Северного Сахалина для Японии дает нам возможность требовать за него достаточной компенсации.

Комиссия о Сахалине предлагает поэтому Политбюро в дополнение к прежнему его решению о продаже Северного Сахалина за 1 млрд руб. золотом принять следующее постановление, относящееся к тактике переговоров: “При определении стоимости Северного Сахалина может быть обоснована сумма в 1500 млн зол[отых] рублей”

К этому комиссия присоединила следующее предложение: “Сделка о Сахалине не должна быть связываема с взаимным аннулированием претензий. В официальном соглашении взаимное аннулирование претензий должно быть поставлено особо. Стоимость же Сахалина должна быть определена независимо от претензий. В крайнем случае можно сделать приписку, что при установлении соглашения были приняты к сведению данные о задолженности Российской республики Японии”. Комиссия имела в виду, что, если бы при формулировке соглашения определение стоимости Сахалина было связано с аннулированием наших долгов Японии, это могло бы послужить основанием для государств, с которыми мы имеем соглашение о наибольшем благоприятствовании в этом отношении, чтобы и для себя потребовать компенсации за аннулирование наших долгов.

Комиссия предлагает также следующее: “Смешанное общество в отношении Северного Сахалина невыгодно, поскольку не гарантирует крупного немедленного денежного возмещения. Долгосрочная аренда представляет политическую невыгоду. Она приемлема, если плата за несколько лет вносится авансом. Продажа Северного Сахалина выгоднее всего. В случае продажи с уплатой в рассрочку львиная доля должна быть уплачена сразу вначале”

Комиссия постановила также, что в процессе переговоров выгоднее не выдвигать сразу проекта продажи, но это решение является уже устарелым ввиду того, что тов. Иоффе уже говорил о продаже Северного Сахалина.

Составить полную сводку взаимных претензий России и Японии комиссия поручила также проф. Любимову.

Все варианты установления стоимости Северного Сахалина уже посланы тов. Иоффе с указанием, что об окончательном постановлении Политбюро ему будет немедленно сообщено*

С коммунистическим приветом

Г. Чичерин

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1000. Л. 47–48. Подлинник.

* См. док. № 112.

№ 111

Постановление Совнаркома РСФСР

о внесении изменений в декрет СНК от 2 марта 1923 г.

“О порядке эксплуатации рыбных и морских звериных промыслов на Дальнем Востоке”

Москва, Кремль

2 июля 1923 г.

Совершенно секретно

Во изменение п. 5-го декрета от 2 марта 1923 года о порядке эксплуатации рыбных и морских звериных промыслов на Дальнем Востоке*, Совет Народных Комиссаров постановляет:

1. Выдавать впредь навигационные свидетельства на право рыбной торговли, кроме перечисленных в декрете Совнаркома 2 марта 1923 года мест, также и в Японии.

2. Организовать личную поверку и визировать списки рабочих, отправляемых на участки при посадке на суда, для чего предложить Народному комиссариату по иностранным делам отправить на Дальний Восток необходимый технический персонал.

Зам. председателя Совета Народных Комиссаров Л. Каменев

Управляющий делами Совета Народных Комиссаров

Н. Горбунов

Секретарь Совета Народных Комиссаров Л. Фотиева

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1008. Л. 23. Заверенная копия.

№ 112

Постановление Политбюро ЦК РКП(б)

*“Доклад Комиссии ЦК по определению экономической и стратегической ценности о. Сахалина”***

12 июля 1923 г.

Строго секретно

а) Сообщить т. Иоффе для руководства при переговорах о продаже Сахалина в качестве исходной точки те выводы, к которым пришла Комиссия ЦК по определению экономической и стратегической ценности Сахалина***.

* См. док. № 85.

** Вопрос представлен Г.В. Чичериным, Г.Я. Сокольниковым, Г.М. Кржижановским и Э.М. Склянским на основании постановления Политбюро ЦК РКП(б) от 3 мая 1923 г. (см. док. № 90). Выписка из протокола № 16 заседания Политбюро ЦК РКП(б) от 12 июля 1923 г., п. 2.

*** См. док. № 110.

б) Обязать НКВД в 2-дневный срок подыскать кандидата в члены делегации по переговорам с Японией в качестве помощника тов. Иоффе.

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1000. Л. 45. Копия.

№ 113

*Записка заместителя председателя Реввоенсовета СССР,
начальника Штаба РККА Лебедева
о мерах по демилитаризации о. Сахалина*

16 июля 1923 г.

Совершенно секретно

Ныне военные обязательства сторон русской и японской формулируются ст. 9 Портсмутского трактата, ратификованного 1 октября 1905 г., который говорит: “Российское императорское правительство уступает японскому правительству в вечное и полное владение южную часть о. Сахалина и все прилегающие к последней острова, равно как и все общественные учреждения и имущества, там находящиеся. 40 параллель северной широты принимается за предел уступаемой территории. Точная граничная линия этой территории будет определена согласно постановлению дополнительной 2-й статьи, приложенной к сему договору.

Россия и Япония взаимно соглашаются не возводить на своих владениях на о. Сахалине и прилегающих к нему островах никаких укреплений, ни подобных военных сооружений, равным образом они взаимно обязуются не принимать никаких военных мер, которые могли бы препятствовать свободному плаванию в проливах Лаперузовом и Татарском”.

На будущее время полагали бы желательным развитие 2-й части 9-й статьи Портсмутского трактата, чтобы стороны не принимали следующих мер военного порядка, которые в подробностях выражаются в следующем:

1) Во избежание агрессивных намерений сторон на самом острове Сахалине и прилегающих к нему островах не содержать военных частей и отрядов, численность коих превышает минимальную потребность для поддержания порядка в том случае, если гражданская охрана порядка окажется несостоятельной, примерно не выше батальона пехоты и взвода кавалерии, как это было у японцев в 1919 г. (артиллерия не допускается).

2) Соответственно изложенному в предыдущей статье все военные склады, как-то: продовольственные, вещевые, огнеприпа-

сов и проч. должны количеством содержащихся в них запасов соответствовать только текущей потребности находящихся на о. Сахалине и прилегающих к нему островах войск.

3) На о. Сахалине и прилегающих к нему островах не должны организовываться производственные предприятия, имеющие своей целью выработку продукции специально военного имущества всех видов.

4) Базы – стоянки воздушного флота, минные базы и оборудование таковых, равным образом сооружение доков и стапелей для нужд военного ведомства на о. Сахалине и прилегающих к нему островах не допускаются; содержание при доках для коммерческих судов предметов военного назначения воспрещается.

5) На острове Сахалине и прилегающих к нему островах не должно допускаться устройство угольных баз для военного флота, угольные базы для коммерческих судов должны быть с запасом угля только для текущей потребности.

6) Установка сторожевых военных судов, брандвахт и военных пунктов наблюдения, имеющих своей целью контроль свободного мореплавания в омывающих острова водах вне территориальной полосы воспрещается.

7) Возведение каких-либо артиллерийских батарей, фортов, блокгаузов, минных батарей на о. Сахалине и прилегающих к нему островах и устройство минных полей в водах, омывающих острова, воспрещается.

8) Устройство сухопутных и морских военных аэродромов, а равно содержание на гражданских аэродромах предметов военной потребности как на о. Сахалине, так и на прилегающих к нему островах не допускается.

9) Означенные в вышеуказанных статьях ограничения и запрещения полностью распространяются как на территорию о. Сахалина и на прилегающие к нему острова, так и на омывающие их воды.

Зам[еститель] пред[седателя] Реввоенсовета Республики,
на[чальник] Шта[ба] респ[ублики] Лебедев

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1000. Л. 59. Копия.

№ 114

*Постановление Политбюро ЦК РКП(б) “О замене тов. Иоффе”**

16 июля 1923 г.
Строго секретно

а) Поручить НКИД послать т. Иоффе письмо с точным указанием на то, что ход переговоров с Японией показал, что мы в этих переговорах запутаны японцами и что дальнейшее пребывание т. Иоффе в Японии облегчает вредную для нас игру японцев, демонстрирующих перед общественным мнением своей страны наличие действительных переговоров, которых на деле нет. Предложить т. Иоффе добиться от японцев точной формулировки их требований и немедленно выехать, сославшись между прочим на состояние своего здоровья и сказав японцам, что в случае согласия их на немедленное возобновление официальных переговоров мы пришлем уполномоченных для ведения таковых, но, поскольку официальных переговоров начать они не хотят, они срывают переговоры и ответственность ложится за это на Японию.

б) Назначить взамен т. Иоффе в Китай тов. Карахана, предложив ему выехать на место назначения в недельный срок.

в) Поручить тов. Карахану выяснить необходимость одновременного выезда с ним т. Янсона или кого-либо другого в качестве помощника.

Секретарь ЦК

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1000. Л. 60. Копия.

№ 115

Письмо Г.В. Чичерина И.В. Сталину с предложением телеграфировать А.А. Иоффе в Токио о прекращении переговоров с японцами

17 июля 1923 г.

Тов. Сталину, секретарю ЦК РКП
Копии членам Политбюро
Уважаемый товарищ!

В постановлении Политбюро об отозвании тов. Иоффе говорится, что НКИД поручается послать тов. Иоффе письмо** Между тем курьер с письмом приедет в Токио недели через

* Вопрос представлен Г.В. Чичериным. Выписка из протокола № 17 заседания Политбюро ЦК РКП(б) от 16 июля 1923 г., п. 1. Направлена Г.В. Чичерину и Л.М. Карахану за № 4767/с.

** См. док. № 114.

три. Этим в излишней мере затягивается все дело. В то время как тов. Иоффе необходимо немедленно прервать работу, а с точки зрения государственных интересов необходимо сейчас покончить с неблагоприятной для нас ситуацией в Токио, посылка письма оттягивает эту задачу недели на три. Я исхожу при этом из тех взглядов, которые были высказаны Вами и другими членами Политбюро и на основании которых было решено отозвать тов. Иоффе. Исходя из этих взглядов и принимая во внимание безусловную необходимость для тов. Иоффе немедленно прекратить работу, я предлагаю внести в постановление Политбюро небольшое изменение и послать тов. Иоффе не письмо, а телеграмму. Такая шифровка даже при обстоятельном изложении будет значительно короче тех шифровок, которые посылает нам тов. Иоффе. Имеется полная возможность в пределах шифровки объяснить ему все, что нужно. В противном случае будет отсрочено как его отозвание из Японии, так и его отозвание из Китая, и все дальнейшее будет таким же образом отсрочено. Предлагаю поэтому разрешить мне довести о постановлении Политбюро до сведения тов. Иоффе не письмом, но телеграммой. За телеграммой может последовать письмо с более подробными объяснениями. При состоянии здоровья тов. Иоффе трудно предположить, чтобы он сейчас мог уехать в Москву. Он, вероятно, останется в Японии, может быть, не в Токио, а в каком-нибудь санатории или курорте. Итак, имеется возможность после немедленной посылки ему телеграммы написать ему подробнее и обстоятельнее обо всем в письме. Поезд из Москвы на Дальний Восток идет в четверг. Мне поэтому нужно немедленно узнать, следует ли ограничиться письмом или же мне разрешается послать сначала телеграмму, последнюю же дополнить письмом?*

С коммунистическим приветом

Г. Чичерин

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 996. Л. 17. Подлинник.

* См. док. № 116.

№ 116

Постановление Политбюро ЦК РКП(б)

“О письме т. Иоффе”*

№ П18/2 с

19 июля 1923 г.

Строго секретно

1) Письмо т. Иоффе** послать телеграфно во Владивосток для посылки из Владивостока курьером.

2) Вставить в письмо указание, что японцы до сих пор еще не эвакуировали Северный Сахалин и совершенно незаконно продолжают оккупацию этой части Сахалина.

Секретарь ЦК

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1000. Л. 61. Копия.

№ 117

Постановление Политбюро ЦК РКП(б)

“О тов. Иоффе”***

27 июля 1923 г.

Строго секретно

е) Принять предложение т. Чичерина о посылке телеграммы т. Иоффе, подтверждающей прежнее решение Политбюро о прекращении неофициальных переговоров с японцами и о прекращении ведения дел в связи с его заболеванием и согласно просьбы его семьи, телеграммой сообщившей ЦК о тяжелом состоянии т. Иоффе, а также с указанием, что, если японцы согласны открыть официальные переговоры, нами будет немедленно направлена полномочная делегация****.

Секретарь ЦК

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1000. Л. 62. Копия.

* Вопрос представлен Г.В. Чичериным. Выписка из протокола № 18 заседания Политбюро ЦК РКП(б) от 19 июля 1923 г., п. 2.

** См. док. № 114, 115.

*** Выписка из протокола № 19 заседания Политбюро ЦК РКП(б) от 27 июля 1923 г., п. 1. Направлена Г.В. Чичерину и Л.М. Карахану за № 405/с.

**** См. док. № 114, 115.

*Письмо Г.В. Чичерина И.В. Сталину с протестом против
вмешательства Дальбюро ЦК РКП(б)
в переговоры представителей НКИД и Наркомпрода
с японскими рыбопромышленниками**

5 августа 1923 г.

Тов. Сталину

Копии: чл[енам] Политбюро, чл[енам] коллегии НКИД

Копии: т.т. Брюханову, Красину¹ и Пятакову

Уважаемый товарищ!

Для разрешения вопросов о сдаче японцам рыбных ловель был установлен известный порядок. Основное соглашение было заключено ГКК. По этому соглашению ведение дела поручено НКИД и Наркомпроду. В некоторых случаях происходит согласование и с другими ведомствами. Таким случаем было разрешение вопроса о невзимании сейчас с японских рыбопромышленников тех сумм, которые они уплатили белогвардейцам по арендным договорам, заключенным до 1919 г. Поскольку японские рыбопромышленники совсем не платили, они уплачивают нам сейчас недоимки. Поскольку они уплатили по старым договорам белогвардейцам, мы в данный момент с них этих сумм не взимаем, но мы эти суммы зачисляем в наши будущие претензии к Японии. В этом смысле состоялось соглашение с японскими рыбопромышленниками, ибо это было их неперемнное требование, с которым пришлось посчитаться. Это было согласовано не только с Наркомпродом, но и с Наркомфином и Рабкрином. Всем местным органам этих ведомств были даны соответствующие инструкции. Владивостокской комиссии, разбирающей вопросы о взимании недоимок с японских рыбопромышленников, была дана такая инструкция НКИД и Наркомпродом. Тов. Пятаков давал такие же директивы в Читу и во Владивосток. Тов. Иоффе делал такие же заявления в Токио.

Несмотря на все это, Дальбюро в партийном порядке предписало членам владивостокской комиссии не высчитывать из японских недоимок тех сумм, которые были уплачены белому правительству. Это идет совершенно вразрез со всеми постановлениями всех компетентных центральных органов. Члены комиссии оказываются в безвыходном положении между директивой центральных государственных органов и партийной директивой

* Штамп: "Прот[окол] ПБ № 22, п. 1". См. док. № 119.

Дальбюро. Соглашение с японскими рыбопромышленниками, таким образом, нарушается.

Невозможно вести международную политику, если решения центрального правительства отменяются в партийном порядке местными партийными органами.

Убедительно прошу Вас ввиду создавшегося положения в срочном порядке предложить Дальбюро отменить вышеозначенное постановление и впредь не вмешиваться в действия владивостокской комиссии и в распоряжения центрального правительства*.

С коммунистическим приветом

Г. Чичерин

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1008. Л. 26–27. Подлинник.

¹ Красин Леонид Борисович (1870–1926) – нарком внешней торговли РСФСР в 1920–1923 гг.

№ 119

*Постановление Политбюро ЦК РКП(б) “О японских рыбопромышленниках”***

9 августа 1923 г.

Строго секретно

а) Поручить секретариату запросить т. Кубяка о причинах дачи Дальбюро директив, противоречащих директивам центра***.

б) Предложить НКВД обсудить меры, которые могут быть противопоставлены поведению японского правительства на Северном Сахалине.

Секретарь ЦК

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1008. Л. 24. Копия.

* См. док. № 119.

** Вопрос представлен Г.В. Чичериным. Выписка из протокола № 22 заседания Политбюро ЦК РКП(б) от 9 августа 1923 г., п. 1 “г”. Направлена Я.Э. Рудзутаку и Г.В. Чичерину за № 6045/с.

*** См. док. № 120.

№ 120

*Телеграмма секретаря ЦК РКП(б) Я.Э. Рудзутака Н.А. Кубяку
о нарушении директивы относительно невмешательства
в переговоры с японскими рыбопромышленниками*

14 августа 1923 г.

Дальбюро ЦК, Чита – Кубяку

НКИД сообщил, что Дальбюро нарушило постановление Политбюро от 31.05.[19]23 года, протокол № 9, п.6* и декрет СНК**, возложивших общее руководство всеми переговорами о порядке эксплуатации рыбных и морских звериных промыслов на Даль[нем] Востоке на НКИД и НКПрод, тем, что вопреки соглашению НКИД, НКПрод и ГКК с японскими рыбопромышленниками обязало в партийном порядке членов владивостокской комиссии не высчитывать из японских недоимок сумм, уплаченных белогвардейцам по арендным договорам 1919 года. ЦК предлагает сообщить*** о причинах дачи Дальбюро директив, противоречащих директивам центра. Ответ телеграфируйте.

Секретарь ЦК Рудзутак

Пометы: “В ПБ”; “Передано в ш[ифровальный] о[тдел] 14.08.1923”

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1008. Л. 25. Копия.

№ 121

Постановление Оргбюро ЦК РКП(б)

*“Предложения по докладу ответственного инструктора
ЦК т. Охлопкова об обследовании Дальневосточной
парторганизации”*****

31 августа 1923 г.

Строго секретно

Предложения со внесенными на заседании в п.п. 3 и 10 поправками принять (см. приложение).

Секретарь ЦК Я. Рудзутак

*Приложение: п. 3. Из предложений по докладу отв[етственно-
го] инструктора ЦК т. Охлопкова об обследовании Дальнево-
сточной парторганизации.*

* См. док. № 97, 101, 102.

** См. док. № 85.

*** Слова “ЦК ... сообщить” вписаны вместо зачеркнутых “Политбюро поручило Секретариату запросить Кубяка”

**** Выписка из протокола № 33 заседания Оргбюро ЦК РКП(б) от 31 августа 1923 г. Направлена в Политбюро ЦК РКП(б) за № 71/с 1 сентября 1923 г.

3. Подтвердить постановление Политбюро от 2.01 с.г. (прот[окол] № 42, п. 2-в) о невмешательстве Дальбюро во внешнюю политику, указав, что полномочные представители СССР в Китае и Японии в своей практической работе, затрагивающей интересы ДВО, должны учитывать мнения Дальбюро.

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1000. Л. 63. Подлинник. Печать ЦК РКП(б).

№ 122

*Телеграмма Н.А. Кубяка В.М. Молотову
о землетрясении в Японии и направлении туда пароходов
с продовольственной помощью*

3 сентября 1923 г. 19 час.
Чита

Москва, ЦК РКП – Молотову

В Японии большое землетрясение. Город Иокогама уничтожен. Токио в 40 местах горит. Большим наводнением залито много городов. Точных данных нет. Мы приняли меры помощи. Возможна посылка наших двух пароходов. Сообщите Ваше мнение^{1*}.

Н. Кубяк

Пометы: “Чичерин сообщил: он имел беседу с т. Каменевым и полагает поставить вопрос о продпомощи Японии в СНК 4.09. А. Н[азаретян]”. “Пр[отокол] 30, п. 3¹”^{*}.

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1019. Л. 3. Телеграфная лента.

№ 123

*Записка о поступлении в редакцию газеты
“Известия” пожертвований для японских рабочих^{2*}*

Не позднее 4 сентября 1923 г.^{3*}

Тов. Виленский-Сибиряк говорит, что к нему поступают (в ред[акцию] “Известий”) пожертвования для японских рабочих. Он просит указаний, какую линию ему вести: пассивную или активную?^{4*}

Помета: “Пр[отокол] 30, п. 3”^{4*}

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1019. Л. 2. Автограф.

^{1*} См. док. № 124.

^{2*} Автор записки неизвестен.

^{3*} Датируется по док. № 124.

^{4*} См. док. № 124.

№ 124

*Постановление Политбюро ЦК РКП(б) “О Японии”**

№ 7491/с

4 сентября 1923 г.

Строго секретно

а) Рекомендовать СНК принять меры для оказания помощи трудящимся Японии, пострадавшим от катастрофы.

б) Разрешить тов. Виленскому вести агитацию за помощь пострадавшим рабочим Японии.

Секретарь ЦК

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1019. Л. 1. Копия.

№ 125

*Записка Г.В. Чичерина в Политбюро ЦК РКП(б) о помощи Японии стройматериалами в связи с землетрясением***

№ 87/чс

4 сентября 1923 г.

В Политбюро ЦК РКП

Кроме посылки сочувственной телеграммы, тов. Карахан предлагает, чтобы мы открыли через Союзный ЦИК торжественно и шумно прием пожертвований для Японии. Он предлагает также разрешить ему заявить японскому правительству, что мы готовы на самых льготных условиях предоставить строительный лес для восстановления разрушенных зданий. Все дома в Японии деревянные, причем лес покупается японцами в Канаде и Сибири. Цены на лес будут теперь бешеные. Тов. Карахан не предлагает давать лес бесплатно, но только на льготных условиях. Мы этим не лишимся своих выгод, но в то же время произведем впечатление¹.

Наркоминодел Г. Чичерин

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1019. Л. 6. Подлинник.

¹ На заседании 6 сентября 1923 г. Политбюро приняло решение снять данный вопрос с обсуждения (см.: АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1019. Л. 5).

* Выписка из протокола № 30 заседания Политбюро ЦК РКП(б) от 4 сентября 1923 г., п. 3. Направлена Л.Б. Каменеву и Л.А. Фотиевой за № 7491с.

** Штамп: “Прот[окол] ПБ № 31, п. 1”.

№ 126

Постановление Политбюро ЦК РКП(б)

“О помощи Японии”*

№ П 32/7

13 сентября 1923 г.

Строго секретно

а) Ограничить расходы на помощь Японии суммой в 200 000 золотых руб. с тем, чтобы эта сумма была израсходована исключительно на закупку и отправку в Японию товаров и материалов.

б) Организовать широкую информацию в печати о всех мерах помощи, принимаемых нами для населения Японии, пострадавшего от катастрофы.

Секретарь ЦК

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1019. Л. 7. Копия.

№ 127

*Телеграмма А.М. Буйко И.В. Сталину и Н.А. Кубяку
об отказе японского правительства
принять пароход “Ленин” с продовольственной помощью*

№ 118/ш

18 сентября 1923 г. 11 час. 50 мин.

Чита

Строго секретно

Москва, ЦК РКП – тов. тов. Сталину, Кубяку

Копия: НКВД – тов. Чичерину

Владивостокский губком сообщил об отказе японского правительства под предлогом ненуждаемости рабочих Иокогамы принять продовольствие, посланное нами с пароходом “Ленин” По приказанию японского правительства пароход “Ленин” должен вернуться во Владивосток. Нами дана директива губкому держать пароход неразгруженным впредь до указания. В случае невозможности передачи заготовленного нуждающемуся японскому населению продовольствия предполагаем отправить его на Камчатку, где недостает продуктов питания. Срочно сообщите Ваши директивы**.

Зам. секретаря ДБ ЦК РКП Буйко

* Текст представлен А.И. Рыковым и А.С. Енукидзе как проект постановления ЦИК СССР. Выписка из протокола № 32 заседания Политбюро ЦК РКП(б) от 13 сентября 1923 г., п. 7.

** Слова “В случае... директивы” подчеркнуты И.В. Сталиным.

Пометы: “Расшифрована 18.03.1923 в 21 ч.” Над текстом: “ПБ Прот[окол] 34/1 от 20.09.1923 г.”*

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1019. Л. 8. Дешифрант.

№ 128

Телеграмма Хавина Г.В. Чичерину о причинах отказа японских властей принять продовольственную помощь из СССР

18 сентября 1923 г.
Владивосток
Шифром

Москва, Чичерину

Японский консул сейчас устно и весьма путано сообщил: посланный с помощью в Японию пароход “Ленин” по пути не зашел в Кобе, как это предполагалось, а направился непосредственно в Иокогаму. Там наш уполномоченный на это Батис имел беседу с японским военным чиновником, которому будто бы сказал, что помощь будет оказываться только рабочим и что само небо за революцию в Японии. Это будто бы сделанное заявление привело японца в нервное состояние, и он отказался допустить пароход. Делегаты Мининдела приехали после отказа и ничего изменить уже не могли. Пароходу было разрешено запастись углем и водой, и он отправился назад. Яп[онское] пра[вительство] считает заявление Батиса инцидентом неожиданным и печальным.

Срочно сообщите инструкции по вопросу дальнейшей кампании помощи*, также в прессе.

Хавин

Пометы: “Получена 18.09, расшифрована 19.09 [19]23. Расшифровал Смирнов”. Над текстом: “Прот[окол] ПБ № 34/1 20.09 [19]23 г.” *

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1019. Л. 10. Дешифрант.

* См. док. № 130.

№ 129

*Телеграмма А.М. Буйко И.В. Сталину и Н.А. Кубяку
о готовности вторично направить в Японию
пароход “Ленин” с грузом продовольствия*

№ 119/ш

19 сентября 1923 г., 16 час. 45 мин.

Чита

Строго секретно

Москва, ЦК РКП – т.т. Сталину, Кубяку

Копия: НКИД – т. Чичерину

По вопросу возвращения парохода “Ленин” Д[аль]б[юро] признало, что ответственный руководитель парохода действовал неправильно, отправив его [из] Японии, не имея на руках документов [от] япон[ского] правительства [с] отказом принять помощь пострадавшим. Официально через уполнаркоминдела запросить япон[ское] правительство, гарантирует ли оно нормальный прием нашего парохода в япон[ских] вод[ах], который мы готовы вторично вновь отправить в случае утвердительного ответа япон[ского] прав[ительства]. В печати сдержанно отметить возвращение парохода, не разглашая широко этого вопроса и особых указаний. Срочно ждем ответа ЦК. Подробно информация дана из Владивостока НКИД*.

Секретарь Д[аль]б[юро] Буйко

Пометы: “Поступила в шифрбюро ЦК РКП на расшифрование 19.09. 1923 г. 24 часа. Расшифрована 20.09.1923 г. в 2 часа 35 мин. Напечатано 4 экз. Богородский”. Над текстом: ПБ. “Пр[отокол] № 34/1 от 20.09. 1923 г.”**

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1019. Л. 11. Дешифрант.

№ 130

*Постановление Политбюро ЦК РКП(б) “О Японии”****

№ П34/1/с

20 сентября 1923 г.

Строго секретно

а) Поручить т. Чичерину выработать соответствующее заявление японскому правительству от имени НКИД на основе происшедшего на заседании обмена мнений¹.

* См. док. № 130.

** См. док. № 128.

*** Вопрос представлен Г.В. Чичериным. Выписка из протокола № 34 заседания ЦК РКП(б) от 20 сентября 1923 г., п. 1.

б) Предложить НКВД и Главконцесскому в переговорах с японцами связать вопрос о политических взаимоотношениях с вопросом о предоставлении японцам для эксплуатации лесных участков на Дальвосте. К предварительному обсуждению этого вопроса привлечь т. Кубяка.

в) Вопрос об использовании не принятого японским правительством парохода с продовольствием предоставить решить Дальбюро ЦК.

Секретарь ЦК

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1000. Л. 64. Копия.

¹ Соответствующую ноту советского правительства правительству Японии от 23 сентября 1923 г. за подписью Чичерина по поводу недопущения парохода "Ленин" с продовольственной помощью в порт Иокогамы см.: ДВП СССР. М., 1962. Т. 6. С. 456–457.

№ 131

*Записка Г.В. Чичерина в Секретариат ЦК РКП(б)
о позиции японского правительства в связи с намерением
СССР оказать помощь японским рабочим организациям*

№ 198/чс

1 октября 1923 г.

В Секретариат ЦК РКП

Копии членам Политбюро и членам коллегии НКВД

Не знаю, созреет к четвергу вопрос о нашем ответе Японии для его постановки в Политбюро. Я снова запрашиваю тов. Карахана¹ по ряду оставшихся при этом неясными вопросов. Официальный ответ яп[онского] пра[вительства] носит характер некоторого извинения: "Существует опасение, что вследствие суматохи и неналаженной связи, к сожалению, мысли яп[онского] пра[вительства] были не в полной мере переданы рус[скому] представителю" Относительно парохода "Ленин" и будущего распределения помощи имеется такая неясность: «По прибытии "Ленина" не только было заявлено, что передача только рабочему классу и раздача только самими русскими, но и ввиду еще неуместного поведения одного из членов отряда командующим военным районом было предложено пароходу удалиться». Коммунистическая литература уже не фигурирует. "Яп[онское] пра[вительство] в будущем намерено с признательностью принять пожертвования в том случае, если они не будут обусловлены особыми ограничениями в их раздаче"

Из всего этого неясно, воспрещается ли посылка помощи японским профессиональным союзам или нет. От Японской федерации труда получилось воззвание, которое Вам, несомненно,

известно. В нем японское правительство обвиняется в тенденции исключить членов профсоюзов из числа рабочих, имеющих право на получение работ. Японское правительство до самого последнего времени отрицало самое существование профсоюзов; японское правительство прилагает все усилия, чтобы не дать профсоюзам возможности собрать путем членских взносов деньги среди членов. Федерация труда обращается к профсоюзам других стран с просьбой о финансовой помощи.

На заседании Политбюро высказывалось мнение, что нам придется помощь для пострадавших передавать японскому правительству. Это было до получения воззвания федерации труда. Мне кажется, однако, невозможным нашему правительству передавать помощь рабочим организациям, с которыми японское правительство ведет борьбу. Другое дело, наши профсоюзы и наш Центросоюз. Поэтому мог бы стать вопрос о попытке наших профсоюзов и кооперативов посылать деньги японским профсоюзам и кооперативам. Но до постановки этого в Политбюро я постараюсь еще навести справки т.т. Карахана и Хавина об этих возможностях.

По вопросу об ответе японскому правительству тов. Карахан сообщает советы Гото. Эти советы весьма странны и вызывают во мне недоумение и даже некоторую подозрительность. Не играет ли Гото вообще какую-то двойную роль? Может быть, он такую роль играл и при тов. Иоффе? Ведь Гото – член правительства². Однако он через своего секретаря предлагает нам указать, что если яп[онское] пра[вительство] на основании безответственных слухов оскорбляет нашу честь, то мы не можем позволить японцам заниматься делами на нашей территории. Далее он советует, придравшись к инциденту, пригрозить запрещением ловить рыбу. С последней угрозой он не советует выступать сейчас открыто. Эти советы Гото изложены, однако, весьма странно: он не говорит, чего мы должны требовать при оказании нами давления угрозой прекратить японские дела на нашей территории. Не можем же мы отказывать японцам в лесных концессиях только в качестве мести. Хочет ли он, чтобы мы требовали извинения? Этого он не говорит. Совершенно невозможно запрещать концессии из-за недопущения нашей продовольственной помощи и предлагать концессии как компенсацию за допущение нашей филантропии. Это было бы просто нелепо. Мы хотим воспользоваться лесными и рыболовными концессиями для совсем других целей, а именно для выторговывания приличного договора, эвакуации Северного Сахалина и т.п. Но нельзя же предлагать лесные концессии как компенсацию за допущение нашей помощи.

Я поэтому обо всем этом дополнительно запрашиваю тов. Карахана. В связи с этим не знаю, будет ли вопрос достаточно разработан к четвергу.

Наркоминодел Г. Чичерин

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1019. Л. 13–14. Подлинник.

¹ С сентября 1923 по 1927 г. Карахан – полпред СССР в Китае (в Пекине), заменивший, в частности, Иоффе на переговорах с Японией.

² С середины 1923 г. Гото – министр внутренних дел Японии.

№ 132

Записка Г.В. Чичерина председателю Центральной комиссии помощи Японии при ЦИК СССР П.Г. Смидовичу о направлении помощи в адрес японского правительства

227/чс

8 октября 1923 г.

Тов. Смидовичу, председателю Комиссии помощи Японии при ЦИК СССР

Копии членам Политбюро и членам коллегии НКВД

Уважаемый товарищ!

Тов. Карахан еще выяснит в Японии вопросы, связанные с помощью. В настоящее время, по его словам, отдельные организации должны были бы собирать помощь для аналогичных японских организаций, то есть Красный Крест для Красного Креста, кооперативы для кооперативов, профсоюзы для профсоюзов. Как правительство, поскольку помощь находится в руках нашего правительства, а не отдельных организаций, мы должны передавать помощь самому правительству. Это вытекает из взаимоотношений между государствами. Японцы вообще не согласятся иметь на своей территории русскую АРА¹.

Тов. Карахан советует также, чтобы не было агитационного шума о помощи только рабочих, ибо это воспринимается в Японии как пропаганда и дает материал для агитации военных элементов.

С товарищеским приветом

Чичерин

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1019. Л. 15. Копия.

¹ АРА (American Relief Administration) – Американская администрация помощи (1919–1923). Создана для оказания помощи европейским странам, пострадавшим в Первой мировой войне. В 1921 г., в связи с голодом в Поволжье, деятельность АРА была разрешена в РСФСР. Прекратила свои операции в СССР в 1923 г.

*Записка Г.В. Чичерина в Секретариат ЦК РКП(б)
о причинах отказа японских властей принять пароход “Ленин”
с продовольствием для японских рабочих*

15 октября 1923 г.

В Секретариат ЦК РКП

Копии членам Политбюро и членам коллегии НКВД

Приехавший из Японии тов. Антонов присутствовал на заседании ответственных работников-коммунистов во Владивостоке в день возвращения парохода “Ленин”. На этом заседании уполномоченный экспедиции тов. Батис делал доклад. Он так и заявлял, что ставил своей задачей “прорваться в район землетрясения и связаться с революционными рабочими”^{*}.

Из слов товарищей коммунистов, участников экспедиции, тов. Антонов узнал, что на пароходе “Ленин” находились также двое японских коммунистов^{**}. Когда по приходе парохода в Иокогаму японские портовые власти спросили, нет ли на пароходе японцев, корейцев или китайцев, им было отвечено, что нет. Однако после этого находившиеся на пароходе “Ленин” японские коммунисты переговаривались на японском языке с матросами окружающих судов. Японские власти сильно возмутились тем, что их обманули.

И тов. Батис на заседании ответственных работников, и другие коммунисты передавали, что и в момент прибытия в Иокогаму^{***} и затем утром и вечером все находившиеся на пароходе “Ленин” выстраивались на палубе и пели “Интернационал” и другие революционные песни^{****}.

Понятно, что когда при таких условиях экспедиция требовала от японских властей, чтобы ее связали с японскими рабочими организациями, это должно было вызвать у японцев величайшую нервность.

Что бы мы сказали, если бы американский пароход с продовольствием прибыл в нашу гавань, если бы на пароходе оказались русские белогвардейцы, если бы эти белогвардейцы стали что-нибудь кричать местной буржуазии и если бы все на пароходе в определенные часы пели “Боже, царя храни”?

Надо прибавить, что пароход “Ленин” пошел не на Кобе, как было условлено, а на Иокогаму через Сангарский пролив (вместо

* Слова “Батис... рабочими” подчеркнуты И.В. Сталиным.

** Слова “на пароходе... коммунистов” подчеркнуты И.В. Сталиным.

*** Слово “в Иокогаму” вписано Г.В. Чичериным от руки.

**** Абзац подчеркнут И.В. Сталиным.

Хакодате). Капитан пытался отговорить тов. Батиса от этого намерения, но вынужден был подчиниться. Тов. Батис заявил: “Я своей властью приказал изменить курс” В этом отношении также японские власти могли видеть, что их хотят обмануть.

Из всего, что тов. Антонову пришлось слышать и читать во Владивостоке, он заключил, что отправлявшиеся на пароходе “Ленин” были убеждены, что едут в район, где начались революционные выступления рабочих.

Эти действия нашей экспедиции сильно повредили не только дальнейшим возможностям оказания помощи, но и делу возобновления сношений с Японией вообще. Первый контакт с Советской Россией был такой, который мог только сильнейшим образом напугать японские правящие круги и отнять у них всякое желание возобновления с нами сношений.

Мы находим, что эти действия экспедиции были совершенно недопустимыми и что следовало бы произвести расследование по этому поводу*.

Все вышеизложенное довожу до сведения Секретариата ЦК РКП.

Наркоминодел Чичерин

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1019. Л. 16–17 Подлинник.

№ 134

*Записка Г.В. Чичерина в Секретариат ЦК РКП(б)
о провокационных действиях некоторых членов персонала
парохода “Ленин”*

№ 281/чс

25 октября 1923 г.

В Секретариат ЦК РКП

В дополнение к моему сообщению о том, что руководитель экспедиции помощи пострадавшим от японского землетрясения тов. Батис сам заявлял, что хотел прорваться в район землетрясения, чтобы соединиться с революционными рабочими, и что в определенные часы дня все бывшие на пароходе “Ленин” пели “Интернационал” и революционные песни, а японские коммунисты с парохода перекликались с матросами японских судов**, позволю себе указать еще на следующий факт, показывающий, как неосторожно набирался персонал на пароходе “Ленин”. При корреспонденте РОСТА тов. Антонове в быт-

* Абзац подчеркнут и отчеркнут на полях И.В. Сталиным.

** См. док. № 133.

ность его в Японии находился переводчик, некий Мацокин. Тов. Антонов его уволил за саботаж и за бестактные заявления японцам. После этого произошел недопустимый факт: этот самый Мацокин оказался в составе персонала на пароходе “Ленин”. Он после этого из Владивостока приехал в Цуругу, где сделал японской печати совершенно провокационное сообщение, а именно заявил, что отказ японских властей допустить участие персонала “Ленин” в деле помощи объясняется отчасти поведением российского делегата, бывшего на “Ленине” Мацокин дальше заявил, что российский делегат Батис говорил, что пароход “Ленин” прибыл для поддержки революции в Японии. Передавая это провокационное сообщение Мацокина, газета “Осака майнити” объясняет, что он был раньше сотрудником тов. Антонова, представителя РОСТА. И другие газеты ссылались на Мацокина.

Я считаю факт присутствия на “Ленине” этого типа ярким доказательством того легкомыслия, с которым к экспедиции помощи отнеслись ее устроители.

Наркоминодел Чичерин

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1019. Л. 18. Копия.

№ 135

*Письмо Г.В. Чичерина И.В. Сталину
о целесообразности поставить вопрос
относительно возобновления переговоров с Японией в прессе*

15 декабря 1923 г.

Тов. Сталину, секретарю ЦК РКП

Копии членам Политбюро и членам коллегии НКВД

Уважаемый товарищ!

Тов. Карахан предлагает ввиду открытия японского парламента обратиться с официальной нотой к японскому правительству и запросить в ней последнее, согласно ли оно на официальную конференцию и когда именно?* Тов. Карахан указывает на то, что наши предыдущие запросы об этом, переданные через т. Иоффе и через него, не были облечены в форму официальных документов. Такая постановка вопроса в упор поставит японское правительство перед необходимостью дать ответ, тем более, что оппозиция использует этот запрос.

* Слова “обратиться... именно” подчеркнуты И.В. Сталиным.

Мы питаем весьма мало надежд на начало переговоров с Японией, так как после землетрясения ее зависимость от великих держав чрезвычайно усилилась и державы не позволят ей заключить с нами договор. Брюскирование* в форме постановки в упор вопроса не поможет делу, ибо яп[онское] пра[вительство] всегда найдет возможность как-нибудь увильнуть. Мы только обнаружим этим в слишком сильной степени наше желание договориться с Японией, и это увеличит ее нахальство. Между тем прежние запросы, хотя и не в форме нот, были вполне категоричны. В разговоре с японским послом в Пекине Иосидзавой¹ 22 сентября т. Карахан прямо поставил этот же вопрос, и Иосидзава обещал обратиться за ответом к японскому правительству. Но этот ответ не был получен. Не следует навязываться. Достаточно путем газетных статей и т.п. указывать на желательность возобновления переговоров².

С коммунистическим приветом

Чичерин

Помета над текстом: “ПБ 58/2 29.12”

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1000. Л. 66. Подлинник.

¹ Кенкити Иосидзава (1874–1965) являлся посланником в Китае.

² 29 декабря 1923 г. Политбюро ЦК постановило “согласиться с мнением коллегии НКВД” по указанному вопросу (см.: АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1000. Л. 65).

* Brusque – резко, грубо (*фр.*).

1924 год

№ 136

*Записка Г.В. Чичерина в Политбюро ЦК РКП(б)
в связи с новыми японскими предложениями
об урегулировании взаимных претензий**

№ 267/чс

24 марта 1924 г.

В Политбюро ЦК РКП

Копии членам Политбюро и членам коллегии НКВД

Ввиду чрезвычайной важности новых японских предложений мы просим поставить этот вопрос в четверг. К тому моменту я успею его детальнее разработать, сейчас же укажу на основные пункты, подлежащие решению.

Иосидзава изложил т. Карахану следующий японский план¹: 1) СССР выражает письменно глубокое сожаление о николаевских событиях; 2) от возмещения убытков за николаевские события Япония откажется при условии выгодных и долгосрочных концессий на Сахалине; 3) Портсмутский договор сохраняется (продолжение этого пункта в шифровке искажено)²; 4) Япония отказывается от уплаты СССР долгов за безвозмездные (?)³ и долгосрочные концессии на Сахалине и в Вост[очной] Сибири; 5) относительно частной собственности: сначала фраза о признании обязательств, но затем оставление этого вопроса для будущего обсуждения и применение к Японии наибольшего благоприятствования; 6) признание некоторых принципов для будущего торгового договора, причем существенно требование наибольшего благоприятствования; 7) обычная формула о воздержании от пропаганды и враждебной деятельности; 8) эвакуация Сахалина японцами и признание СССР де-юре. Допустимы и обмен нот, и декларация, и обстоятельное соглашение.

Переходя к анализу этих японских предложений, представляющих значительный шаг вперед по сравнению с их прежними требованиями, я должен сделать следующие указания.

* Штамп: "Прот[окол] ПБ № 81, п. 3д" См. док. № 139.

Токийские переговоры т. Иоффе попали в тупик потому, что Япония в лице Каваками 14 июля приняла его предложение взаимного выражения сожаления (мы за Николаевск, они за другие сибирские события) с взаимным отказом от возмещения за убытки, но при суммировке 24 июля Япония это отвергла. Далее Япония потребовала признания СССР всех старых договоров и обязательств, всех долгов, возвращения частной собственности и возмещения убытков частным собственникам. Гото даже говорил т. Иоффе, что вопрос о долгах и частной собственности является наиболее большим и трудноразрешимым. Как раз по этим вопросам новые предложения Японии представляют значительный шаг вперед.

Что касается Сев[ерного] Сахалина, расхождение касалось стоимости покупки Сахалина (мы – 1,5 млрд зол[отых] рублей, Япония – 150 млн). Вместо продажи Сев[ерного] Сахалина Япония тогда же предлагала предоставление ей долгосрочных (56–99 лет) концессий на Сахалине (лучше всего японскому правительству, в крайнем случае японским обществам). Мы в принципе не возражали против концессий, но, конечно, мы никогда не имели в виду “безвозмездных” концессий. Относительно концессий в Вост[очной] Сибири т. Иоффе выразил согласие на предоставление таковых японцам на общих основаниях, без каких-либо привилегий для них.

По вопросу о признании де-юре и об эвакуации Сахалина тов. Иоффе выставлял предварительные условия: до начала конференции Япония должна выразить готовность признать нас де-юре, причем это признание будет вытекать из того договора, который будет заключен, и до начала переговоров Япония должна фиксировать срок эвакуации Сахалина, причем Каваками сказал, что Япония это примет в том случае, если по всем остальным пунктам будет соглашение. Надо заметить, что в письме к Гото т. Иоффе* предлагал следующее: “обязательство Японии эвакуировать свои войска из российской части Сахалина или фиксацию приемлемого срока таковой эвакуации (в предварительном соглашении с тем, однако, что публично и открыто это может быть сделано** не предварительно, но на самой конференции или в выработанном ею договоре)”

В связи со всем предыдущим надо решить, на что мы теперь соглашаемся.

Коллегия НКВД считает опасным идти на признание де-юре ранее урегулирования вопроса о Сев[ерном] Сахалине, ибо уста-

* См. док. № 95.

** В письме Иоффе после слова “сделано” следует “и”. См.: Там же.

новление нормальных сношений с Японией при продолжении оккупации ею Сев[ерного] Сахалина будет означать легализацию оккупации. Поэтому признание де-юре должно произойти обязательно одновременно с урегулированием вопроса о Сахалине.

Формула т. Иоффе вполне приемлема и уже была принята японцами: до начала конференции японцы выражают готовность признать СССР де-юре в порядке заключения договора и до начала конференции они устанавливают сроки эвакуации Сев[ерного] Сахалина, причем это обязательство вступит в силу вместе со вступлением в силу всех остальных взаимных обязательств (совершенно безнадежно рассчитывать на то, что японцы без всякой компенсации эвакуируют Сев[ерный] Сахалин ранее соглашения по всем другим вопросам).

Что касается сожаления по поводу николаевских событий, следует вернуться к формуле т. Иоффе, которая сначала была принята Каваками, а потом отвергнута японским правительством. Но, если в процессе переговоров выяснится, что исключительно из-за этого одного пункта соглашение не налаживается, мы считали бы возможным пойти даже на одностороннее выражение нами сожаления под тем условием, что японское правительство за это откажется от всех своих претензий и по этому вопросу, и по вопросу о долгах и частной собственности.

Из старых договоров Япония теперь интересуется только Портсмутским договором. Он представляет для Японии особое значение, потому что на нем основывается приобретение Японией Южно-Маньчжурской жел[езной] дороги и Порт-Артура и Дайрена. Нельзя ставить себе недостижимых целей, и мы не можем не пойти на признание Портсмутского договора, ибо совершенно ясно, что Япония от него не откажется. Мы могли бы отменить Портсмутский договор только после победоносной войны против Японии. Надо обратить внимание только на пункт о наибольшем благоприятствовании в торговом отношении. Если этот принцип будет нами отвергнут, придется сделать оговорку относительно Портсмутского договора.

Относительно долгов и частной собственности у нас имеется итальянский прецедент, которого надо держаться и на который в отношении частной собственности японцы при путаной формуле фактически пошли: без всякого обязательства вопрос остается открытым, за Японией только признается наибольшее благоприятствование для того момента, когда этот вопрос будет разрешаться для других государств.

Наибольшее благоприятствование для торгового договора мы обещали японцам еще в 1921 году. Это нас, конечно, не свя-

зывает, и надо постараться от этого отбояриться, но в крайнем случае на это можно пойти.

Давать японцам концессии на Сев[ерном] Сахалине мы, конечно, можем, а в Вост[очной] Сибири будем давать их на общем основании, как обещал уже т. Иоффе, что даст нам возможность осторожно относиться к японским концессиям.

Вследствие недостатка времени коллегия не успела рассмотреть тактического вопроса: идти ли нам на предварительное обсуждение основных принципов договора. Мы желаем предварительно решить два вопроса: признание де-юре и установление срока эвакуации Сев[ерного] Сахалина. Японцы и раньше добивались и теперь будут добиваться того, чтобы в предварительных переговорах принять основные решения по всем пунктам, установив как бы общие тезисы будущего договора. Когда т. Иоффе поехал в Токио, Политбюро согласилось на то, чтобы были официальные предварительные переговоры по намеченным уже главным вопросам, то есть не по всем вообще вопросам. К сожалению, вместо официальных переговоров велись “неофициальные переговоры между официальными лицами”, как сформулировали это японцы. Японцы признавали “эти неофициальные переговоры официальных лиц” необязательными. Такие переговоры совершенно недопустимы, и на это идти нельзя. Вопрос в том, можем ли мы идти на официальные предварительные переговоры, или же надо требовать, чтобы открылась официальная конференция и чтобы, кроме двух вышеозначенных вопросов, никакие другие вопросы не трактовались в предварительном порядке. Мне кажется, что это лучше и что надо настаивать на официальной конференции без предварительных переговоров. Если из-за этого все дело расстроится, мы успеем опять обдумать этот вопрос.

Не надо забыть еще двух вопросов: нашего требования о возвращении японцами белогвардейских судов⁴ и нашего требования о прекращении оказания японцами какого-либо содействия для покровительства белогвардейским беженцам.

Подчеркиваю еще, что в теперешней японской программе исчез фигурировавший раньше пункт о предоставлении японцам каботажного плавания. Надо только позаботиться о том, чтобы этот пункт не воскрес в порядке наибольшего благоприятствования.

Наркоминдел Г. Чичерин

¹ План был изложен Карахану японским посланником в Пекине К. Иосидзавой в устной форме во время беседы 20 марта и передан в письменном виде 22 марта 1924 г. (см.: ДВП СССР. Т. 7. М., 1963. С. 161–162, 706). Содержание беседы от 20 марта Карахан сообщил в НКВД СССР шифротелеграммой два дня спустя.

² В шифротелеграмме Карахана от 22 марта 1924 г. этот пункт звучит так: “Портсмутский договор сохраняет законную силу ввиду исторического значения для японского народа” (см.: Там же. С. 161).

³ В шифротелеграмме Карахана от 22 марта 1924 г. знак вопроса отсутствует (см.: Там же).

⁴ Речь идет о судах российского флота, уведенных белогвардейцами из Владивостока в Корею, Китай, Японию и на Филиппины после освобождения города войсками ДВР в октябре 1922 г. (Подробнее об этом см.: ДВП СССР. Т. 6. С. 601–602; *Старк В.* Адмирал Старк Ю.К. Отчет о деятельности Сибирской флотилии. 1920–1922 гг. // Звезда. 2001. № 2. С. 123–137). Грузопассажирские суда “Доброфлота”, оказавшиеся в японском порту Цуруга, в начале 1926 г. были возвращены во Владивосток.

№ 137

*Записка заместителя наркома
иностранных дел СССР М.М. Литвинова Г.В. Чичерину
о порядке урегулирования взаимных претензий
между СССР и Японией**

№ 186

25 марта 1924 г.

Тов. Чичерину

Копии членам коллегии

Многоуважаемый Георгий Васильевич!

В Вашей записке в Политбюро относительно Японии** имеются некоторые неясности, которые, по-моему, необходимо было бы во избежание недоразумений устранить.

В конце первой страницы Вы пишете, что Иоффе предлагал Каваками взаимный отказ от возмещения за убытки, причиненные Японии в Новониколаевске***, а нам – “другими сибирскими событиями”. Ведь убытки за сибирские события, то есть за японскую интервенцию, мы должны противопоставить всем японским претензиям по нашим долгам и обязательствам как японскому государству, так и яп[онским] гражданам. Если мы откажемся от возмещения за эти убытки, то нам нечего противопоставлять японским претензиям. Вряд ли Иоффе мог предлагать

* Штамп: “Прот[окол] ПБ № 81, п. 3д”. См. док. № 139.

** См. док. № 136.

*** Так в тексте. Правильно “в Николаевске”.

это с нашего согласия. Нет ли здесь ошибки или описки с Вашей стороны?

Далее, на стр. 3-й Вы предлагаете за одностороннее выражение нами сожаления по делу Николаевска требовать от Японии отказа от всех претензий не только по этому вопросу, но и по вопросу о долгах и частной собственности. Вряд ли можно такое требование серьезно предъявлять Японии. Разве может она обменять все свои стомиллионные претензии к нам на выражение сожаления? Не вяжется это предложение также с дальнейшими местами Вашей записки (начало 4-й страницы), где Вы предлагаете вопрос о компенсации за национализированную частную собственность и за долги оставить открытым. Насколько мне помнится, коллегия имела в виду за выражение сожаления требовать лишь отказа от компенсации за николаевские события, остальные же японские претензии должны оставаться открытыми.

Что касается формы переговоров, то мне кажется, что нам незачем настаивать непременно на конференции. Японию, по-видимому, пугает это слово. Нам достаточно будет, если японский посол в Пекине и т. Карахан, получив соответственные полномочия и обменявшись таковыми, вступят в переговоры. Незачем требовать непременно “конференции”.

По праву наибольшего благоприятствования Япония могла бы требовать лишь большого каботажа. Что касается малого каботажа, таковой нами предоставлен Италии лишь в портах Черного моря, которое для Японии интереса не представляет.

С коммунистическим приветом

Литвинов

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1000. Л. 69–70. Копия.

№ 138

*Записка Г.В. Чичерина в Политбюро ЦК РКП(б) о своей позиции по урегулированию взаимных советско-японских претензий**

№ 271/чс

25 марта 1924 г.

В Политбюро ЦК РКП

Копии членам Политбюро и членам коллегии НКВД

По поводу моего письма в Политбюро о японском предложении** тов. Литвинов указывает, что если мы примем формулу взаимного выражения сожаления за николаевские события и за другие сибирские события с взаимным отказом от возмещения

* Штамп: “Прот[окол] ПБ № 81, п. 3д” См. док. № 139.

** См. док. № 136.

убытков по этим событиям, то это означало бы, что мы лишаемся права при будущих расчетах противопоставить японцам нашу контрпретензию за интервенцию в Сибири*. В формуле тов. Иоффе тут действительно некоторая неясность, получившаяся оттого, что она выхвачена из его переписки. Он имел в виду противопоставить николаевской резне какие-нибудь яркие события аналогичного характера, вроде массовых избиений в Хабаровске¹. Из всей массы событий японской интервенции в Сибири имелось в виду выхватить какие-нибудь яркие инциденты для взаимного погашения убытков за эти инциденты и за николаевскую резню.

Далее тов. Литвинов указывает, что решение коллегии о возможности одностороннего сожаления по николаевскому делу он толкует так, что можно пойти на него, если Япония отказывается от всех претензий вообще. Тов. Литвинов находит мою** формулу настолько невыполнимой, что ее нельзя серьезно предъявить японцам. Я исходил из того, что Япония в своих последних предложениях чрезвычайно сбавила тон относительно контрпретензий, а именно она отказывается от государственных долгов, если получит от нас концессии (сказано “безвозмездные концессии”, но безвозмездных мы не дадим), и она оставляет вопрос о частных собственниках открытым под условием наибольшего благоприятствования при разрешении этого вопроса в будущем. Мы же со своей стороны предлагали Японии все время рапалльский принцип. Я поэтому понимаю постановление коллегии в том смысле, что мы в процессе переговоров выражаем согласие на одностороннее выражение сожаления в случае принятия Японией рапалльского принципа. Это не означает, что Япония на это пойдет, это есть удобная форма выставления нашего предложения.

Относительно формы переговоров тов. Литвинов указывает, что незачем настаивать на названии “конференция” Я нисколько не настаиваю на том, чтобы переговоры назывались “конференция”. Я говорю только то, что, во-первых, они должны быть официальные и обязательные и что, во-вторых, за исключением вопроса о де-юре и срока эвакуации Сахалина, переговоры не должны быть разделены на предварительные и окончательные, ибо не надо давать японцам опять возможности обсуждать с нами основные принципы будущего договора с тем, чтобы затем прервать переговоры, обставив себя всякой демагогией. Начав

* См. док. № 137.

** Слово “мою” вписано автором от руки.

обсуждение стоящих между нами вопросов, надо эти вопросы доводить до конца и немедленно облечь в форму окончательного соглашения.

Чичерин

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1000. Л. 71. Подлинник.

¹ С 4 на 5 апреля 1920 г. в отместку за мартовский инцидент в Николаевске японские войска напали на партизанские отряды в Хабаровске, а также во Владивостоке и ряде других городов Приморья, расстреляв артиллерийским огнем жилые кварталы. Жертвами этой акции стали свыше 5 тыс. человек.

№ 139

*Постановление Политбюро ЦК РКП(б) “Предложение Японии”**

№ П81/зд

27 марта 1924 г.
Строго секретно

Согласиться на официальные переговоры с Японией через официальных лиц, но лишь на условиях:

- 1) Признания нас Японией де-юре.
- 2) Согласия Японии на эвакуацию Северного Сахалина.
- 3) Отказа Японии от претензий по николаевским событиям, причем мы согласны выразить сожаление (официально) по поводу этих событий.
- 4) Признания с нашей стороны предоставления льготных (но не безвозмездных) концессий для японцев.
- 5) Урегулирования вопросов о частных претензиях и государственных долгах при прочих равных условиях на тех же основаниях, что и с другими государствами.

Секретарь ЦК

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1000. Л. 67. Копия.

* Вопрос представлен Г.В. Чичериным. Выписка из протокола № 81 заседания Политбюро ЦК РКП(б) от 27 марта 1924 г., п. 3Д. Направлена Г.В. Чичерину и Н.А. Кубяку за № 161/9с.

*Письмо Л.М. Карахана Г.В. Чичерину о переговорах
с К. Иосидзавой относительно заключения
советско-японского соглашения о выводе японских войск
с территории СССР и взаимных компенсациях*

20 мая 1924 г.

Пекин

Народному комиссару иностранных дел Г.В. Чичерину

Дорогой Георгий Васильевич!

Из предыдущего письма Вы знаете, что 5 мая я вручил Иосидзаве ноту, в которой изложил кратко ход переговоров и просил о полномочиях*. Этот мой шаг, по-видимому произвел надлежащее впечатление и ускорил разрешение вопроса о полномочиях. Нота мною была вручена 5 мая около 11 часов вечера. Чтобы придать этому шагу большую торжественность и важность, я просил свидания непременно в тот же день, указав, что получил очень важную инструкцию моего правительства, которую я должен немедленно вручить, и поэтому мне пришлось увидеться с ним в 11 часов вечера. Он, ознакомившись с ней, ничего мне не сказал определенного, обещавшись лишь немедленно телеграфировать содержание правительству. Я объяснил эту ноту следующим образом: с 22 марта прошло больше месяца, и мое правительство хочет в конце концов знать, было ли предложение 22 марта** серьезным предложением и серьезной попыткой или же яп[онское] пра[вительство] имело какие-то посторонние цели и задачи, и нота хочет окончательно выяснить позицию яп[онского] пра[вительства], и если яп[онское] пра[вительство] раздумало, то нам необходимо это знать, чтобы в дальнейшем не чувствовать себя связанными этим обещанием секретности переговоров, на которую мы согласились.

7 и 8 мая в газетах уже появились сведения о том, что я был у Иосидзавы, вручил ему какую-то ноту, причем комментарии японских телеграфных агентств были такого сорта, что вопрос опять идет об арестованных¹ и что мы неискренни и прочее и прочее. Я тогда 8 мая поручил секретарю сообщить японской миссии, что я хочу опубликовать мою ноту от 5 мая, ибо японская пресса, информированная, по-видимому, из официальных японских кругов, интерпретирует создавшееся положение самым недопустимым образом, и что так как я решил опубликовать, то не хотел бы этого

* Текст ноты см.: ДВП СССР. Т. 7. С. 240–243.

** См. док. № 136.

делать, не поставив заранее г. Иосидзаву в известность. В японской миссии очень взволновались и передали от имени Иосидзавы просьбу не публиковать пока ноты, и что если я считаю необходимым как-нибудь реагировать на газетные сообщения, то можно сговориться, в какой форме это сделать. Я ответил, что я готов выслушать предложения г. Иосидзавы по этому поводу.

На другой день из яп[онского] посольства опять позвонили и просили ввиду болезни Иосидзавы отложить свидание на следующий день, то есть на 10 мая. 10-го мне сообщили, что ими получен уже ответ на ноту из Токио и что поэтому лучше было бы подождать: как только ответ будет расшифрован, они мне его вручат и тогда в связи с новым положением можно будет принять то или иное решение. В конце концов им удалось протянуть до 13 мая, откладывая со дня на день свидание и объясняя это тем, что в ноте, которую Иосидзава должен был мне вручить, то неудовлетворителен перевод, то машинистка при переписке ошиблась, и поэтому ноту нужно еще раз переписать.

В мою задачу не входило устраивать какой-нибудь большой скандал или создавать какое-либо неприятное положение, я имел в виду лишь подхлестнуть их и ускорить решительный ответ. И только 14 мая Иосидзава, наконец, пришел ко мне и сообщил, что правительство, наконец, согласилось дать ему полномочия и он готов в любой момент обменяться со мною. Мне кажется, что предположение мое о том, что боязнь опубликования их предложения 22 марта и дальнейших переговоров напугает их и заставит дать полномочия, оказалось правильным, и хотя я думаю, что в пользу такого решения японского правительства подействовал последний иммиграционный билль², ибо он лишний раз показал, насколько Япония изолирована, насколько она слаба, и это больше, чем что-либо другое, заставляет их искать сближения с нами и, может быть, в начавшихся переговорах заставит их пойти на такие условия, которые сделают возможным подписание соглашения.

Вы запрашивали меня сегодня о полномочиях, достаточны ли они для подписания, указывая, что обыкновенно полномочия выдаются сувереном. Это, конечно, правильно, и я сразу же обратил внимание Иосидзавы на это обстоятельство, хотя я это сделал до того, как показал ему свои полномочия. Дело в том, что мои полномочия также не подписаны сувереном. Они имеют подпись Вашу и Каменева, а не Президиума ЦИКа. Таким образом, я должен был удержаться от того, чтобы настаивать на полномочиях за подписью императора.

Разъяснения Иосидзавы по этому поводу сводились к тому, что обыкновенно полномочия даются сувереном, но иногда они

могут быть и за подписью Мининдела и что это ни в какой мере не понижает значения подписываемого на основании таких полномочий документа, тем более, что в полномочиях имеется оговорка о том, что подписанное соглашение должно быть в соответствии с существующими в стране законами утверждено. Между прочим и мои полномочия носят такой же характер. В них сказано, что после подписания они подлежат дальнейшей ратификации Центральным Исполнительным Комитетом.

Я должен был признать его полномочия удовлетворительными и обменяться, ибо очень большой разницы между моими и его полномочиями не было. Разница лишь в том, что кроме Мининдела они подписаны и заместителем предсовнаркома. Иосидзава тут же отметил, что вопросу об утверждении соглашения не следует придавать серьезного значения, что в практике Японии не было случая, когда подписанное его делегатом соглашение не было бы утверждено высшей властью, и что он сам не сможет подписать соглашения прежде, чем не получит на это разрешения из Токио, а из Токио такое разрешение может быть дано только после одобрения Тайным Советом. Я думаю, что вопрос о полномочиях нас не должен особенно беспокоить, ибо трудно допустить, чтобы даже Мининдел выдал полномочия для втирания очков. Несомненно, если мы договоримся, документ, который будет подписан Иосидзавой, будет иметь полную силу и с ним не произойдет такой истории, как с документом, который я подписал с китайским правительством³.

Я посылаю Вам копию полномочий, которую Иосидзава вручил мне, заверив собственноручно и приложив печать миссии. Я также вручил ему копию моих полномочий с нашей печатью и заверенную мною лично. После обмена полномочий у нас было два заседания, которые мы посвятили самому общему и беглому рассмотрению стоящих перед нами вопросов. Прежде всего установили форму соглашения. Будет не обмен нот, а соглашение, подписанное обоими делегатами, которое будет содержать все условия, в том числе и восстановление сношений и эвакуацию Сахалина. Сейчас могу только бегло отметить некоторые пункты.

В 1-м пункте речь идет о восстановлении нормальных дипломатических и консульских отношений, а также взаимное обязательство принять меры к передаче посольства, консульского и "другого" государственного имущества. Оговорив "другое" государственное имущество, я имел в виду истребование наших пароходов или какого-либо другого имущества, которое случайно могло быть вывезено белыми и остаться на территории Японии. Пункт этот в части о передаче имущества вызвал замечание Ио-

сидзавы, который, подчеркнув, что это он делает не от имени правительства, а высказывает свое личное сомнение, сказал, что он думает, что японское правительство не может передать посольского и консульского имущества, ибо оно экстерриториально и они не могут в это дело вмешиваться. Я сказал, что это является нашим абсолютным требованием и что это вопрос не имущественный, а политический, что они обязаны будут на другой день после подписания сделать все, чтобы это посольское и консульское имущество оказалось в нашем распоряжении. Он обещал запросить Токио, и пока мы на этом покончили.

2-м пунктом является вопрос о Сахалине. Я дам точную формулу этого пункта: “Японское правительство выведет свои войска и освободит полностью от оккупации территорию Северного Сахалина, принадлежащую СССР. Японское правительство согласо приступит к освобождению от оккупации территории Северного Сахалина немедленно по подписании настоящего соглашения и закончить ее не позже чем в 2-недельный срок, в течение которого должна быть совершена передача территории надлежущим властям СССР”. Иосидзава не возражал против такой формулировки, но высказал сомнение относительно 2-недельного срока. Он думает, что 2-недельный срок может оказаться недостаточным, хотя он на этом не настаивает. Он запросит правительство и посоветуется с военным атташе, но он не хочет сейчас уже связывать себя 2-недельным сроком и хочет оставить за собой право вопрос о сроке обсудить. Я ему ответил, что считаю 2-недельный срок достаточным и буду на этом настаивать, хотя должен сказать, что лично я думаю, что, может быть, действительно 2 недели – очень маленький срок для того, чтобы очистить Сахалин, а главное, чтобы передать всю его территорию нашим властям. Поставил я этот срок, чтобы можно было поторговаться и спустить что-нибудь. Нужно иметь в виду, что если мы подпишем соглашение, то нужно время, чтобы назначить людей, которые поедут на Сахалин, нужно, чтобы они туда прибыли и имели возможность восстановить нашу власть в разных пунктах, так что даже с нашей точки зрения этого физически нельзя было проделать в такой короткий срок, но нам, конечно, выгоднее, чтобы этот короткий срок был бы указан потому, что, если даже физически этого нельзя будет сделать, мы всегда можем этот срок по взаимному согласию продлить.

Пункт о концессиях мною предложен в общей форме: что мы вообще готовы предоставить японским гражданам или юридическим лицам концессии на территории Союза, и в особенности в Восточной Сибири и на Северном Сахалине, и больше ничего.

По вопросу о государственных и частных претензиях и долгах я составил формулу (приближающуюся к английской), что вопрос этот взаимно может быть обсужден на будущей конференции. Не рассчитывая совершенно на то, что Япония это примет, я решил выставить один пункт, чтобы использовать его хотя бы для разменной монеты, – пункт о том, что обе стороны согласны аннулировать всякого рода договоры или соглашения, которые могли быть заключены с третьими сторонами в нарушение суверенных или территориальных прав другой стороны, а также угрожающие безопасности одной или другой стороны. Такое же обязательство берется и на будущее время. Предлагая этот пункт, я имел в виду главным образом протокол о присоединении Бессарабии к Румынии⁴ и надеялся, что японцы это сообразят и что это будет удобным пунктом, настаивая на котором и, может быть, отказавшись от него, мы можем получить уступки по другим более существенным вопросам.

Формула о пропаганде мною частично взята из пункта по тому же вопросу из польского договора⁵. Я вставил обязательство не разрешать пребывания на территории одной или другой стороны враждебных организаций, агентов или органов. Эта статья в такой формулировке, в особенности, поскольку речь идет об организациях и агентах, пребывание которых не может быть разрешено, было бы полезно нам против Семенова и других типов, которые до сих пор пребывают на территории Японии и пользуются некоторым покровительством со стороны японских военных кругов.

Вопроса о Николаевске я не выдвигал в специальную статью, а поставил его между прочим в том пункте, где предполагается взаимное обсуждение на будущей конференции государственных и частных претензий. Там указано, что в числе прочих будет рассмотрена претензия Японии в связи с событиями в г. Николаевске. Таковы в общих чертах были мои предложения, которые были рассчитаны, конечно, на то, чтобы с них уступить. Серьезно мы обсуждали один только вопрос – о николаевских событиях. В процессе этого обсуждения Иосидзава отказался от какой-либо материальной компенсации хотя бы в виде концессии за эти события, но настаивает на выражении сожаления. Я пока не согласился на это, указывая, что на выражение сожаления мы могли бы пойти в том случае, если бы Япония, в свою очередь, выразила сожаление за подобные же действия японских войск на Дальнем Востоке.

Таким образом, спор идет не о материальной компенсации, а только о выражении сожаления. Иосидзава подчеркивает, что

этот вопрос есть самый главный, что он видит возможность договориться по всем другим вопросам, но этот пункт представляет для них большие затруднения, и они не могут подписать соглашения, если не получат здесь удовлетворения, причем он все время подчеркивал, что он готов пойти на любую форму этого сожаления, что здесь он пойдет всячески нам навстречу, ему важно, чтобы сожаление было бы выражено, а в какой форме – это имеет второстепенное значение. Я пока на это не согласился, и вопрос этот мы отложили до того, пока обсудим другие вопросы.

Самым серьезным вопросом будет, по-видимому, вопрос о долгах. За отказ от долгов они хотят получить компенсацию концессиями. Они, может быть, откажутся от безвозмездных концессий, но захотят получить что-нибудь более конкретное и более определенное, чем просто согласие предоставить им концессии. Я не знаю, в какой форме это можно будет сделать, я это буду знать только в понедельник вечером, когда мы подойдем к этому вопросу, но уже заранее просил бы Вас о том, чтобы Ваша формула о предоставлении льготных концессий была заменена чем-нибудь более определенным. В одной из японских формулировок имеется такое выражение: “выгодные и долгосрочные концессии” Я Вам телеграфировал, что считаю такую формулу вполне приемлемой, ибо “выгодные” ничем не отличается от “льготные”, это так же неопределенно, так же неясно, как и Ваша формула. Что же касается выражения “долгосрочные”, то это также не страшно, ибо все концессии на разработку горных богатств бывают долгосрочные и даются на десятилетия. Такова практика не только других государств, но наша собственная, и само собой понятно, что если бы мы дали концессии, мы бы дали их на десятки лет. Поэтому я надеюсь, что это не вызовет возражений и я получу одобрение такой формулы от Вас.

Это все, что пока можно написать Вам. Я думаю, что по телеграфу Вы будете знать скорее результат мнений по существенным вопросам и возможные перспективы. Общее мое впечатление такое, что на этот раз японцы не думают заниматься втиранием очков, а действительно серьезно хотят договориться. Последние выборы во Франции⁶, мне думается, должны еще больше усилить это желание японцев.

С коммунистическим приветом

Карахан

Помета: “Сталину”

¹ В конце февраля 1924 г. во Владивостоке была раскрыта японская организация, обвиненная в шпионской деятельности. Среди задержанных оказались армейский капитан Мацуи и морской капитан Минодзума. Освобождение арестованных японское правительство выдвигало в качестве одного из предварительных условий возобновления переговоров о признании СССР и эвакуации своих войск с Северного Сахалина. Советское правительство отклонило это требование. В мае 1924 г., после возобновления в середине месяца официальных переговоров между Караханом и Иосидзавой о нормализации советско-японских отношений, правительство СССР освободило арестованных.

² В мае 1924 г. в США вступил в силу новый закон об иммиграции, резко ограничивший въезд туда выходцев из стран Дальнего Востока, в том числе японцев. Закон вызвал в Японии волну антиамериканских настроений. Там прошли сотни антиамериканских митингов, был объявлен бойкот товаров и кинофильмов из Соединенных Штатов.

³ В середине марта 1924 г. Карахан и китайский представитель Ван Чжэнтин парафировали текст соглашений об общих принципах урегулирования советско-китайских отношений и о КВЖД. Однако под давлением колониальных держав и внутренних противников соглашений китайское правительство отказалось от окончательного их подписания, мотивируя это тем, что Ван Чжэнтин якобы не имел полномочий соглашаться на условия, зафиксированные в них. Указанные документы были подписаны лишь 31 мая 1924 г.

⁴ Так называемый Бессарабский протокол о признании суверенитета Румынии над Бессарабией, оккупированной румынскими войсками в 1918 г., был подписан 28 октября 1920 г. между Великобританией, Францией, Италией, Японией и Румынией. Советское правительство не признавало протокол и протестовало против его ратификации Лондоном и Парижем. Токио долго не решался на проведение ратификационной процедуры на фоне постоянно возобновлявшихся переговоров о нормализации отношений с Москвой и отважился на это лишь в 1931 г., последним из подписантов.

⁵ Имеется в виду ст. 5 Рижского мирного договора РСФСР и Украины с Польшей от 18 марта 1921 г., согласно которой стороны обязались воздерживаться от всякого вмешательства во внутренние дела друг друга, в частности от агитации и пропаганды (см.: ДВП СССР. Т. 3. С. 623).

⁶ В мае 1924 г. на парламентских выборах во Франции победу одержал левый блок социалистических партий, выдвинувших в качестве одного из своих лозунгов установление дипломатических отношений с СССР. К власти пришло правительство радикал-социалиста Э. Эррио, сразу же приступившее к реализации этого лозунга.

*Записка Г.В. Чичерина в Политбюро ЦК РКП(б)
о необходимости ускорения переговоров с Японией
на основе реальных уступок**

№ 163/чс

9 июня 1924 г.
Весьма секретно

В Политбюро ЦК РКП

Копии членам Политбюро, членам коллегии НКВД
и т.т. Красину, Пятакову, Лежаве, Сокольникову и Брюханову

Убедительно прошу поставить вопрос об японских переговорах, чтобы можно было дать новые указания и двинуть переговоры вперед.

Японцы готовы очистить Северный Сахалин в 3 месяца, причем тов. Карахан отстаивает двухнедельный срок и предлагает нам твердо держаться этой позиции.

Оставляя Северный Сахалин, японцы, конечно, хотят компенсации. Иосидзава представил на двух страницах статью о концессиях на Сахалине, сводящуюся к тому, что Япония получает на 99 лет право на разработку нефти, угля, леса и управление рыбными промыслами Сахалина, причем сама сдает участки в аренду и платит нам остатки после расходов по управлению, а все права советского правительства, советских граждан и третьих сторон на концессии теряют силу. Тов. Карахан отказался даже рассматривать и передавать нам это предложение¹. В данный момент вопрос отложен, но совершенно ясно, что это будет главным вопросом. Конечно, надо ждать ответа Японии, но в данный момент тов. Карахан просит определить, какие могут быть наши уступки. Я потому обращаюсь в Политбюро, так как без вмешательства Политбюро мы, несомненно, будем безнадежно топтаться. Наши хозорганы всегда вырабатывают такие условия, как будто мы диктуем мир в столице другой страны. Между прочим и относительно Северного Сахалина Главконцесском выработал чрезвычайно строгие условия, в которых самое существенное то, что японцы должны приехать в Москву для ведения переговоров с Главконцесском о концессиях на Сахалине. Вряд ли после примеров Уркарта² и "Лензолота"³ японцы найдут это предложение весьма обнадеживающим. Я прошу поэтому Политбюро поручить хозорганам разработать формы возможных уступок Японии в вопросе о концессиях с тем, чтобы японцы могли

* Штамп: "Про[токол] ПБ № 3, п. 4а". См. док. № 142.

получить что-либо реальное за эвакуацию, ибо без этого они, конечно, не уйдут.

Рыбный вопрос требует детальных переговоров с хозорганами, ибо нынешний порядок уже является большим шагом вперед по сравнению с рыболовной конвенцией 1907 г.

Тов. Карахан предлагает относительно рыболовного вопроса следующую формулу: “СССР и Япония согласны приступить после вступления в силу соглашения к пересмотру рыболовной конвенции 1907 г. со всеми приложениями; пересмотр будет совершен в соответствии с новыми условиями и законодательством СССР, а также принимая во внимание существующий режим сдачи в аренду рыбных участков”

В дальнейшей шифровке он последнюю фразу заменяет следующей: “Впредь до заключения конвенции будет применяться существующий ныне порядок сдачи рыболовных участков в аренду японцам”

Я написал об этом предложении нашим хозорганам, надеясь, что к следующему заседанию Политбюро буду иметь от них ответ.

Относительно наибольшего благоприятствования положение не выяснено. НКВТ особенно настаивает на невозможности для нас дать японцам наибольшее благоприятствование в области личных прав, то есть ремесел и промыслов, ибо это означает, что мы должны дать японцам, так же как и итальянцам, права собственных граждан. В результате они заполонят Дальний Восток. Наркомвнешторг не хочет давать японцам наибольшего благоприятствования в области судоходства на Тихом океане, ибо это означает право каботажа, которое мы дали итальянцам; в этом отношении, однако, т. Красин не так настаивает. Нужно иметь ответ НКПС. Таким образом, вопрос о наибольшем благоприятствовании будет требовать больших оговорок. Тов. Карахан сообщает, что японцы предлагают формулу: “Обе стороны примут во внимание торговые договора или соглашения, которые существуют или могут быть заключены третьими сторонами”.

Очень боюсь, что это есть в сущности тоже наибольшее благоприятствование.

Или надо этот вопрос в договоре с Японией детально специфицировать, или, может быть, ограничиться, пожалуй, шведской формулой: не могут быть заявляемы притязания на преимущества, предоставляемые пограничным с СССР государствам в Азии, а также предоставляемые исключительно странам, признавшим сов[етское] пра[вительство] де-юре до 15 февраля.

Вопрос о подтверждении Портсмутского договора, без которого никакое соглашение с Японией невозможно, осложняется

исключительно заключающимся в нем наибольшим благоприятствованием и рыболовной конвенцией.

Наркомаиндел Г. Чичерин

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1000. Л. 95–96. Подлинник.

¹ См. шифротелеграмму Карахана в НКВД из Пекина от 7 июня 1924 г. (АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1000. Л. 97–98, а также: ДВП СССР. Т. 7. С. 376–381, 711–713).

² Уркарт (Эркарт) Лесли (1874–1933) – английский финансист и промышленник. В 1921–1922 гг. вел переговоры с советским правительством о получении своих прежних владений в России в концессию. В 1922 г. в Берлине подписал с наркомом внешней торговли РСФСР Л.Б. Красиным предварительный договор о предоставлении в концессию на 99 лет бывших предприятий Русско-Азиатского общества на Урале и в Сибири, председателем которого Уркарт являлся. Однако советское правительство договор не ратифицировало по причине его экономической невыгодности и ввиду дискриминационной политики Великобритании в отношении РСФСР в черноморском и ближневосточном вопросах (см.: *Свердлов В.К.* К вопросу о концессии Уркарта. М., 1923; ДВП СССР. Т. 5. С. 608, 757–758).

³ “Лензолото” – государственное золотопромышленное предприятие в Якутии, созданное в 1921 г. на базе национализированных Ленских приисков. Из-за неопытности нового персонала национализированное производство пришло в полный упадок, вследствие чего в мае 1924 г. оно было преобразовано в трест и сменило руководителя, а позднее советское правительство вынуждено было начать переговоры о сдаче всех 583 приисков в концессию иностранцам. В конце 1925 г. ее получила сроком на 30 лет английская компания “Лена–Голдфилдс”. В 1930 г. концессия была ликвидирована ввиду алчной деятельности английской компании, вошедшей в острейший конфликт с рабочими и местными властями, требовавшими от Москвы ее закрытия.

№ 142

*Постановление Политбюро ЦК РКП(б) “О Японии”**

№ ПЗ/4а-с

12 июня 1924 г.
Строго секретно

А) Поручить комиссии в составе т.т. Красина, Чичерина и Пятакова разработать проект соглашения с Японией по вопросу о Сахалине на основе следующей директивы: должны быть установлены такого рода концессии и экономическое соглашение с

* Вопрос представлен Г.В. Чичериным, Л.Б. Красиным, А.М. Лежавой, Г.Я. Сокольниковым, Н.П. Брюхановым. Выписка из протокола № 3 заседания Политбюро ЦК РКП(б) от 12 июня 1924 г., п. 4А. Направлена Л.Б. Красину, Г.В. Чичерину, Г.Л. Пятакову.

Японией, которые бы представляли для японцев достаточный интерес при условии отсутствия их монополии и при условии сокращения срока.

Созыв комиссии за т. Чичериным¹.

Секретарь ЦК

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1000. Л. 94. Копия.

¹ 13 июня 1924 г. Чичерин направил в Секретариат ЦК РКП(б) записку, в которой сообщал, что член комиссии Пятаков уже уехал из Москвы и вернется только в начале июля. “Ввиду крайней спешности вопроса о соглашении с Японией” Чичерин убедительно просил “о немедленном решении вопроса о замене тов. Пятакова кем-нибудь другим”, предложив кандидатуру председателя ВСНХ РСФСР П.А. Богданова и сообщив об одобрении Красиным подобной перестановки (АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1000. Л. 115).

14 июня Пятаков на короткое время вернулся в Москву и обещал явиться на совещание комиссии во вторник, 17-го числа. Накануне, в понедельник, Чичерин пишет записку Сталину, в которой информирует его об этом и подытоживает, что, если в указанную дату не удастся устроить заседание комиссии, “придется придумать что-нибудь новое, ибо невозможно так долго оставлять т. Карахана без инструкций и тянуть с переговорами. Я очень прошу во всяком случае поставить вопрос на следующем заседании Политбюро, чтобы представить решение комиссии, если удастся поймать т. Пятакова, и придумать что-нибудь другое, если т. Пятаков окажется неуловимым” (Там же. Л. 114).

Между тем во вторник Пятаков позвонил, что будет занят весь день и сможет явиться на совещание в среду вечером. На указанное время совещание было назначено, однако в тот же день состоялось экстренное заседание Совнаркома, с которого ни Чичерин, ни Красин не были отпущены председателем СНК Рыковым. Данное заседание продолжалось до полуночи, и Пятаков тем временем вновь уехал из Москвы.

В этой связи 18 июня Чичерин пишет письмо в Политбюро, сообщая, что в таких обстоятельствах он “абсолютно бессилён выполнить поручение” от 12-го числа. “Переговоры так не ведутся, – подчеркивал нарком. – Если мы вообще хотим вести переговоры с Японией, нельзя оставлять без конца запросы без ответа. Целая неделя прошла, таким образом, без малейшего результата. Если другая сторона во время переговоров ставит вопросы, то нельзя тянуть с ответом больше, чем сколько полагается для телеграммы туда и обратно. Скандальность положения несколько уменьшилась благодаря тому, что в понедельник, 16-го, японский посланник поехал на пару дней в Токио для совещания, но он должен теперь же вернуться.

Предлагаю поэтому Политбюро возложить эту задачу на одного–двух или в крайнем случае трех членов Политбюро с тем, чтобы они могли принять окончательное решение, и предлагаю поручить им же не позже субботы послать инструкцию т. Карахану, причем предлагаю уполномочить их в обязательном порядке вызывать к себе глав ведомств, ибо без этого слишком трудно чего-нибудь добиться” (Там же. Л. 113). О реакции Политбюро на эти записки Чичерина см. док. № 143.

№ 143

*Постановление Политбюро ЦК РКП(б) "О Японии"**

№ 4П/ЗВ-с

19 июня 1924 г.
Строго секретно

а) Обязать т.т. Чичерина, Красина и Пятакова в 3-дневный срок исполнить предыдущее постановление Политбюро (пр[отокол] № 3, п. 4) о переговорах с Японией**.

б) Предложения комиссии разослать всем членам Политбюро для голосования по телефону.

Секретарь ЦК

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1000. Л. 112. Копия.

№ 144

*Проект решения комиссии Л.Б. Красина, Г.Л. Пятакова и Г.В. Чичерина о соглашении с японцами****

21 июня 1924 г.
Весьма секретно

В Политбюро ЦК РКП

Копии членам Политбюро, членам коллегии НКВД и т.т. Красину, Пятакову, Лежаве, Брюханову и Сокольникову

Комиссия из т.т. Красина, Пятакова и меня приняла по поводу переговоров с Японией нижеследующие решения.

О сахалинских концессиях

Для сдачи нефти первая альтернатива: смешанное общество – треть наша, треть – японцы, треть – американцы (в высшей степени сомнительно согласие на это Японии).

Вторая альтернатива: сдать японцам около 40% выясненных ресурсов нефти на 50 лет; разграничение будет произведено паритетной смешанной комиссией; обе стороны обязуются сообщить друг другу все имеющиеся данные: геологические, по бурению и т.п. Долевое отчисление с валовой добычи 10%, а при фонтанной нефти – 40% валовой добычи.

Для концессий на уголь те же условия, но долевое отчисление – 5% валовой добычи.

* Вопрос представлен Г.В. Чичериным, Л.Б. Красиным, Г.Л. Пятаковым, А.М. Лежавой. Выписка из протокола № 4 заседания Политбюро ЦК РКП(б) от 19 июня 1924 г. п. 3В. Направлена Г.В. Чичерину, Г.Л. Пятакову, Л.Б. Красину, И.В. Сталину.

** См. док. № 142.

*** Штамп: "Прот[окол] ПБ № 5, п. 6Д" См. док. № 145.

Можно также сдать часть леса.

Сдать не больше $\frac{1}{3}$ ресурсов угля и притом не сдавать уголь близ узкой части пролива.

Долги и претензии

Первая альтернатива: полная взаимная амнистия, то есть взаимное аннулирование всех долгов и претензий.

Вторая альтернатива: формула Иосидзавы, которая в случае принятия нами должна быть еще предварительно уточнена юристами. Формула Иосидзавы: “Что касается вопроса о долгах к Японии, то японское правительство согласно разрешить этот вопрос будущими переговорами, имея в виду, что японцы не будут трактоваться правительством СССР менее благоприятно при всех равных прочих условиях, чем любая третья держава” (на первый взгляд, здесь как будто не упоминаются наши контрпретензии, но трактовка “при всех прочих равных условиях” означает, что наши долги Японии будут рассматриваться в связи с нашими претензиями к Японии). Относительно претензий частных лиц японцы с самого начала были согласны на итальянскую формулу¹.

Рыбный вопрос

Согласиться в крайнем случае на обе формулы тов. Карахана:

1. “СССР и Япония согласны приступить после вступления в силу соглашения к пересмотру рыболовной конвенции 1907 г. со всеми приложениями; пересмотр будет совершен в соответствии с новыми условиями и законодательством СССР, а также принимая во внимание существующий режим сдачи в аренду рыбных участков”

2. “Впредь до заключения конвенции будет применяться существующий ныне порядок сдачи рыболовных участков в аренду японцам”

Иметь в виду при соглашении, что в будущем западносахалинские рыболовные участки не должны быть сдаваемы японцам.

Все указания тов. Лежавы по рыбному вопросу передать тов. Карахану как материал. Ограничение внеконвенционного пользования рыболовными участками со стороны японцев годичным сроком считать, однако, нецелесообразным.

Эвакуация Сахалина

В крайнем случае считать возможным согласиться на 3-месячный срок.

Наибольшее благоприятствование

Допустимо принятие японской формулы: “При заключении торгового договора обе стороны примут во внимание торговые договоры или соглашения, которые существуют или могут быть заключены с третьими сторонами” (японцы выдвинули эту формулу после того, как не могли столковаться относительно наибольшего благоприятствования, поэтому при будущих переговорах можно будет ее толковать в том смысле, что это не есть наибольшее благоприятствование).

В случае, если бы при этом японцы все-таки возбудили вопрос о каботаже, стараться отклонить, но в самом крайнем случае согласиться дать им малый каботаж на Тихом океане на 3 года.

Наркоминодел Чичерин

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1000. Л. 118–119. Копия.

¹ В советско-итальянском Предварительном соглашении 1921 г. и договоре о торговле и мореплавании 1924 г. оба участника признавали имущественные и правовые претензии своих граждан в отношении обязательств нынешнего и прежних правительств другой стороны (см.: ДВП СССР. Т. 4. М., 1960. С. 596–602; Т. 7. С. 69).

№ 145

*Постановление Политбюро ЦК РКП(б) “О Японии”**

№ П5/6–д/с

27 июня 1924 г.

Строго секретно

Д. Утвердить предложения комиссии, отвергнув вторые варианты (см. приложение)**

Секретарь ЦК

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1000. Л. 116–117. Копия.

* Вопрос представлен Г.В. Чичериным, Г.Л. Пятаковым, Л.Б. Красиным. Выписка из протокола № 5 заседания Политбюро ЦК РКП(б) от 27 июня 1924 г., п. 6Д. Направлена Г.В. Чичерину, Г.Л. Пятакову, Л.Б. Красину.

** Приложение не публикуется (текст см.: АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1000. Л. 117). Его текст аналогичен проекту решения комиссии Красина–Пятакова–Чичерина от 21 июня 1924 г. (см. док. № 144) с исключением вторых альтернатив в параграфах о сахалинских нефтяных концессиях, долгах и претензиях, а также пунктов об угольных и лесных концессиях и второй части первого абзаца в параграфе о наибольшем благоприятствовании.

Японский проект

“Конвенции, охватывающей основные правила отношений между Японией и СССР”, с примечаниями НКВД СССР¹

4 августа 1924 г.*

Сов. секретно

Ст. 1

Высокие договаривающиеся стороны соглашаются, что по вступлении в силу настоящей конвенции между ними устанавливаются дипломатические и консульские отношения.

Примечание НКВД: Вместо “устанавливаются” надо сказать “восстанавливаются”

Ст. 2

Союз ССР признает, что Портсмутский договор от 5 сентября 1905 г. остается в полной силе.

Условлено, что договоры, конвенции и соглашения, кроме указанного Портсмутского договора, заключенные между Японией и Россией до 7 ноября 1917 г., будут пересмотрены на конференции, имеющей состояться между правительствами высоких договаривающихся сторон, и могут быть пересмотрены или аннулированы, смотря по изменившимся обстоятельствам.

Понимается, что постановление, содержащееся в предыдущем абзаце, совершенно не касается (не наносит ущерба) тех договоров, конвенций и соглашений, которые подписаны, кроме Японии и России, также другими странами.

Примечание НКВД: По поводу Портсмутского договора, как было постановлено, мы сделаем заявление о снятии с себя ответственности.

Ст. 3

Правительства высоких договаривающихся сторон соглашаются, что по вступлении в силу настоящей конвенции они приступят к пересмотру рыболовной конвенции 1907 г. и приложенных к ней протокола и соглашения, в соответствии с Портсмутским договором 5 сентября 1905 г.

Примечание НКВД: По рыбному вопросу мы будем настаивать на формуле, принятой Политбюро**

* Датируется по: ДВП СССР Т. 7. С. 415.

** См. док. № 145.

Правительства высоких договаривающихся сторон соглашаются, что по вступлении в силу настоящей конвенции они приступят к заключению договора о торговле и навигации в соответствии с нижеперечисленными принципами и что до заключения такого договора общение между обеими странами будет регулироваться этими принципами:

1) Подданные или граждане каждой из высоких договаривающихся сторон имеют полную свободу въезда, путешествия и пребывания на территории другой стороны и пользуются постоянной и полной охраной безопасности личности и собственности, согласно законам страны.

2) Каждая из высоких договаривающихся сторон предоставляет на своих территориях подданным или гражданам другой стороны в возможно широких пределах на началах взаимности право частной собственности и права свободно заниматься торговлей, навигацией, промыслами и прочими мирными занятиями.

3) Каждая из высоких договаривающихся сторон предоставляет другой на началах взаимности все права, привилегии и неприкосновенность, которые уже предоставлены или могут быть предоставлены впоследствии любой стране, не граничащей с территориями одной из сторон или же граничащей с территориями обоих договаривающихся сторон, в отношении всех вопросов, упомянутых в двух предшествующих абзацах. Понимается, что таковые права, привилегии и неприкосновенность охватывают права, привилегии и неприкосновенность, относящиеся ко всякого рода налогам и пошлинам, а в случае существующего государственного контроля вывоза и ввоза товаров – к освобождению от такого контроля.

Правительства высоких договаривающихся сторон далее соглашаются, что от времени до времени и по мере надобности они будут вступать в переговоры на предмет заключения особых соглашений относительно торговли и навигации с целью урегулирования и развития экономических отношений между обеими странами.

Примечание НКВД: В п. 1 “согласно законам страны” должно быть поставлено раньше, чтобы относиться ко всему пункту. В п. 2 недопустима взаимность, и должно быть вставлено “согласно законам страны”. В п. 3 не может быть дано наибольшее благоприятствование в таком объеме – есть каучуковая формула, уже принятая Политбюро*.

* См. док. № 145.

Ст. 5

Каждая из высоких договаривающихся сторон соглашается, во-первых, не вести пропаганды с целью ниспровержения политических и общественных установлений другой стороны, во-вторых, не образовывать и не поддерживать никаких организаций или групп, ставящих себе такие цели, и, в-третьих, не разрешать на своих территориях существования каких-либо организаций или групп такого рода.

Примечание НКИД: 1) Вместо “групп, ставящих себе такие цели”, надо “групп, занятых такой деятельностью”; 2) Третий пункт неприемлем.

Ст. 6

В интересах развития экономических отношений между обеими странами правительство Союза ССР обязуется пойти навстречу нуждам Японии в отношении естественных богатств, находящихся на территории Союза ССР. Ввиду этого правительство Союза ССР соглашается сдать концессии правительству, подданным или юридическим лицам Японии на эксплуатацию горных, лесных и других естественных богатств на территориях Союза ССР.

Примечание НКИД: Относительно концессий надо прибавить: “на условиях, имеющих быть установленными”

Ст. 7

Настоящая конвенция подлежит ратификации.

Таковая ратификация должна быть сообщена каждой из высоких договаривающихся сторон через ее дипломатического представителя в Пекине правительству другой стороны, и настоящая конвенция вступает в полную силу со дня последнего из указанных сообщений.

Формальный обмен ратификациями должен быть произведен в Пекине в возможно краткий срок.

В удостоверение сего соответствующие уполномоченные подписали настоящую конвенцию и приложили к сему свои печати.

Учинено в г. Пекине.

(Подпись)

(Подпись)

Примечание НКИД: Обмен ратификаций надо произвести в Москве или Токио.

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1000. Л. 176–179. Копия.

¹ Проект вручен Л.М. Карахану японской стороной 4 августа 1924 г. и передан из Пекина с его письмом Г.В. Чичерину от 11 августа того же года (см.: ДВП СССР. Т. 7. С. 415; док. № 171; АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1000. Л. 176). Примечания НКВД составлены Г.В. Чичериным позже и вместе с проектом конвенции приложены к его записке в Политбюро ЦК от 13 октября 1924 г. (см. док. № 171).

№ 147

Протокол А к проекту “Конвенции, охватывающей основные правила отношений между Японией и СССР”, по вопросам собственности и долгов сторон с примечаниями НКВД СССР¹

4 августа 1924 г.*

Протокол А

Приступая сего числа к подписанию конвенции, охватывающей основные правила отношений между ними, Япония и Союз ССР сочли желательным урегулировать некоторые вопросы, относящиеся к указанной конвенции, причем через своих соответственных уполномоченных согласились относительно нижеследующих постановлений:

Ст. 1

Каждая из высоких договаривающихся сторон обязуется передать во владение другой движимую и недвижимую собственность, принадлежащую посольству и консульствам другой стороны и фактически находящуюся на собственной территории каждой стороны.

Правительство Союза ССР соглашается возвратить правительству Японии всю землю или часть земли, ныне находящуюся под русским посольством в Токио, в случае, если таковая земля окажется нужной для целей общественных служб или же в связи с планом городского строительства в Японии. При этом предусматривается, однако, что правительство Японии облегчит всеми средствами в его власти правительству Союза ССР перенесение посольства последнего в другую часть Токио.

Правительство Союза ССР предоставит правительству Японии все удобства в его власти при выборе подходящих участков и зданий для японских посольств и консульств, имеющих быть учрежденными на территории Союза ССР.

Примечание НКВД: Второй абзац под сомнением. Во всяком случае, если перенесение посольства произойдет, то за японский счет.

* Датируется по: ДВП СССР. Т. 7. С. 415.

Ст. 2

Условлено, что все вопросы о долгах бывших русских правительств, а именно императорского российского правительства и Временного правительства, унаследовавшего ему, правительству или подданным Японии откладываются с тем, чтобы урегулировать их на конференции, имеющей состояться впоследствии между правительством Японии и правительством Союза ССР. При этом предусматривается, что при разрешении этих вопросов правительство или подданные Японии будут пользоваться трактованием не менее благоприятным, чем трактование, которое правительство Союза ССР окажет правительству или гражданам любой другой страны по тем же вопросам.

*Примечание НКВД: О долгах и претензиях есть новый текст**

Ст. 3

Правительство Японии заявляет, что японские войска будут полностью уведены с Северного Сахалина в течение ...** со дня вступления в силу настоящего протокола и что каждый и все районы на Северном Сахалине, откуда будут таким образом эвакуированы японские войска, будут немедленно по эвакуации переданы обратно под полный суверенитет надлежащим властям Союза ССР.

Ст. 4

Высокие договаривающиеся стороны взаимно заявляют, что сейчас не существует никаких договоров или соглашений о военном союзе, ни каких-либо других секретных соглашений между одной из сторон и какой-либо третьей стороной, нарушающих или угрожающих суверенитету, территориальным правам или государственной безопасности другой договаривающейся стороны.

Настоящий протокол должен считаться ратифицированным одновременно с ратификацией конвенции, охватывающей основные правила отношений между Японией и Союзом ССР, подписанной сего же числа.

В удостоверение чего соответствующие уполномоченные высоких договаривающихся сторон подписали настоящий протокол и приложили к сему свои печати.

Учинено в г. Пекине ...

(Подпись)

(Подпись)

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1000. Л. 180-181. Копия.

* См. док. № 160.

** Отточие документа.

¹ Протокол А вручен Л.М. Карахану японской стороной 4 августа 1924 г. вместе с проектом двусторонней конвенции и передан из Пекина с его письмом Г.В. Чичерину от 11 августа того же года (см.: ДВП СССР. Т. 7. С. 415; док. № 171; АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1000. Л. 176). Примечания НКИД составлены Г.В. Чичериным позже и вместе с проектом конвенции приложены к его записке в Политбюро ЦК от 13 октября 1924 г. (см. док. № 171).

№ 148

*Телеграмма Л.М. Карахана в НКИД СССР с японским вариантом Протокола Б о концессиях Японии на Северном Сахалине**

9 августа 1924 г.
Пекин

Сообщаю текст Протокола Б о концессиях¹, прилагаемого в силу японского проекта к основному проекту договора.

Протокол Б

Япония и СССР, приступающие сегодня к подписанию конвенции, включающей в себя основные принципы их взаимоотношений, нашли полезным заключить особое соглашение касательно развития естественных богатств Северного Сахалина и через полномочных представителей обеих стран договорились о нижеследующих постановлениях.

I. Правительство СССР предоставляет японскому правительству свободную от всяких стеснительных условий концессию на эксплуатацию: 1) нефтяных источников восточного берега Северного Сахалина в пределах территории, простирающейся к северу от устья реки Пелингово и к югу от озера Тронто на полуострове Шмидта на 30 верст к западу от восточной береговой линии и 2) угольных копей западного берега Северного Сахалина в пределах территории, простирающейся к северу от русско-японской границы и к югу от мыса Танди на 20 верст к востоку от западной береговой линии. При условии распространения на эти концессии изложенных ниже постановлений с сохранением концессий в силе 55 лет, начиная с даты вхождения в силу настоящего протокола.

II. Японское правительство обязуется передавать ежегодно правительству СССР 5% добычи нефтяных источников и угольных копей, подходящих под предыдущую статью.

III. Японское правительство может свободно располагать продуктами указанных нефтяных источников и угольных копей.

* Штамп: "Прот[окол] ПБ № 18, п. 1-Б". См. док. № 153.

IV. Японское правительство будет иметь право рубить деревья, строить портовые сооружения и железные дороги, проводить нефтепроводы, устраивать электрические коммуникации и другие предприятия на Северном Сахалине, поскольку они нужны для эксплуатации указанных нефтяных источников и угольных копей.

V. Не будет возлагаемо никаких ограничений на наем рабочих и прочего персонала в какой бы то ни было отрасли вышеупомянутых предприятий, и власти СССР не будут ни в какой форме вмешиваться в контроль и в организацию труда, используемого этими предприятиями.

VI. Не будет взимаемо никаких налогов и сборов с вышеупомянутых предприятий на получаемые с них продукты или на ввоз и вывоз каких-либо предметов или материалов, необходимых для эксплуатации этих предприятий.

VII. Японские суда будут иметь право, поскольку это будет необходимо для эксплуатации указанных предприятий, курсировать между Японией и Северным Сахалином и между какими-либо гаванями Северного Сахалина и ввозить без всяких сборов или налогов указанные в предыдущих статьях продукты и материалы и служащий на этих предприятиях персонал.

VIII. Правительство СССР предоставит полное покровительство, содействие и всякие льготы, необходимые для функционирования этих предприятий.

IX. Концессии, предоставленные на основании настоящего протокола, могут по истечении установленного срока быть возобновленными или видоизмененными по взаимному соглашению между японским правительством и правительством СССР.

X. Японское правительство может передать указанные концессии японской компании или компаниям, причем та компания или те компании, которым концессии будут таким образом переданы, будут при прочих равных условиях пользоваться теми же правами и нести такие же обязательства, как и японское правительство по настоящему протоколу.

Настоящий протокол будет рассматриваться как ратифицированный одновременно с ратификацией конвенции, включающей основные принципы взаимоотношений между Японией и СССР и подписанной того же дня.

В свидетельство чего подлежащие уполномоченные высоких договаривающихся сторон подписали настоящий протокол.

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1000. Л. 127–128. Дешифрант.

¹ Протокол вручен Л.М. Карахану японской стороной 4 августа 1924 г. вместе с проектом двусторонней общеполитической конвенции (см.: ДВП СССР. Т. 7. С. 415, 715).

*Записка Г.В. Чичерина И.В. Сталину
о необходимости скорейшего рассмотрения
японских предложений по концессиям на Сахалине**

№ 1009/чс

9 августа 1924 г.

Тов. Сталину

Копии членам Политбюро, членам коллегии НКВД
и т.т. Брюханову, Минкину¹ и Аванесову²

Уважаемый товарищ!

Посылаю Вам перевод японского предложения по вопросу о Сахалине** До рассмотрения его в Политбюро необходимо изучение этого проекта подлежащими ведомствами. Я опасюсь, что в силу перегруженности наших ведомств это может затянуться, и ставлю поэтому Вас в известность о передаче им мною этого документа. Необходимо, кроме того, при окончательном принятии решения исходить не только из специальных соображений отдельных ведомств, но также из общих соображений нашей политики.

С коммунистическим приветом

Г. Чичерин

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1000. Л. 126. Подлинник.

¹ Минкин Александр Еремеевич (1887–1955) – в 1920-е годы член Главконцесскома (РСФСР) СССР.

² Аванесов Варлаам Александрович (Мартиросов Сурен Карпович) (1884–1930) – в 1920–1924 гг. член коллегии ВЧК, заместитель наркома РКИ, в 1922–1927 гг. член ЦИК СССР.

* Штамп: “Протокол ПБ № 18, п. 1–Б”. См. док. № 153.

** См. док. № 148.

*Письмо члена Главконцесскома СССР А.Е. Минкина
Г.В. Чичерину о переговорах с представителем
американской компании Синклера в связи с ее намерением
войти в соглашение с японцами**

№ 407/с

9 августа 1924 г.
Срочно. Сов. секретно

Наркоминдел – тов. Чичерину
Копия т. Сталину

Уважаемый Георгий Васильевич!

Я имел вторичную беседу с Мэйсон Дэй¹ по вопросу о Сахалине. Мэйсон Дэй заявляет о своей согласии немедленно поехать в Токио, чтобы там войти в соглашение с японцами, но при этом просит, чтобы я ему дал неофициальную санкцию на такой шаг. Эта санкция (устная) должна свестись к тому, что мы обещаем, что если Синклер войдет в соглашение с японцами и допустит их в известном проценте к участию в сахалинском договоре, то мы признаем синклеровский договор действующим.

Я уклонился от ответа, просив его дать мне, хотя бы неофициально, в письменном виде схему привлечения японцев в сахалинское дело. Такую схему я получу от него в понедельник.

Прошу Вас в самом срочном порядке сообщить мне Ваши соображения о дальнейшем ведении с ним переговоров.

Считаю нужным обратить Ваше внимание, что если между Синклером и японцами было бы какое-либо соглашение на основе нашего сахалинского договора с Синклером, то отсюда не вытекало бы соглашения между нами и японцами ни об эвакуации Сахалина, ни по другим вопросам, хотя наше правовое положение в переговорах с японцами значительно улучшилось бы.

Помимо того, поездка Мэйсон Дэя из Москвы в Токио, нет сомнения, может быть истолкована японцами так, что предложение, исходящее от Мэйсон Дэя, согласовано с нами. К Вашему сведению сообщаю, что представитель Синклера в Пекине в настоящее время прибыл в Москву по вызову Мэйсон Дэя, что также, разумеется, известно японцам.

Член Главконцесскома Минкин

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1000. Л. 125. Подлинник. Оpubл.: Советско-американские отношения. Годы непризнания. 1918–1926. М., 2002. С. 395.

* Штамп: “Прот[окол] ПБ № 18, п. 1–Б”. См. док. № 153.

¹ Мэйсон Дэй – американский бизнесмен, председатель “Интернэйшнл Барнсдэйл Компани”, представитель Синклера в Европе.

№ 151

*Письмо Г.В. Чичерина в Политбюро ЦК РКП(б)
о желательности контроля за переговорами японцев
с компанией Синклера со стороны Л.М. Карахана**

№ 1022/чс

11 августа 1924 г.

В Политбюро ЦК РКП(б)

Копии членам Политбюро, членам коллегии НКВД,
т.т. Аванесову и Минкину

Представитель Синклера Мэйсон Дэй заявил в беседе с т. Минкиным о своем согласии немедленно поехать в Токио, чтобы там войти в соглашение с японцами, но при этом он просит, чтобы т. Минкин ему дал устную неофициальную санкцию на такой шаг, причем т. Минкин должен был бы обещать, что, если Синклер войдет в соглашение с японцами и допустит их к участию в синклеровской концессии, мы признаем синклеровский концессионный договор действующим**.

Коллегия НКВД полагает, что такие непосредственные переговоры Синклера с японцами могут быть в зависимости от обстоятельств или весьма опасными для нас, или весьма полезными. Если таким путем удастся добиться на Северном Сахалине тройственной комбинации, желаемой нами, это будет для нас весьма благоприятный исход. Для того чтобы не получилось обратного результата, чтобы там не столковались против нас, эти переговоры должны были бы происходить в теснейшем контакте с т. Караханом и под его контролем.

Наркоминодел Г. Чичерин

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1000. Л. 124. Подлинник.

* Штамп: “Прот[окол] ПБ № 18, п. 1–Б”. См. док. № 153.

** См. док. № 150.

*Записка А.Е. Минкина Г.В. Чичерину
о неприемлемости японских условий
концессионирования Северного Сахалина**

№ 409/с

12 августа 1924 г.
Сов. секретно

Тов. Чичерину

Копии тов. Сталину, тов. Дзержинскому¹,
тов. Брюханову, тов. Аванесову

Японское предложение о концессионировании Сахалина** является абсолютно неприемлемым. Если это предложение будет нами принято, это будет означать, что мы отдаем весь Сахалин в бесконтрольную эксплуатацию японцам. Освобождение японскими войсками Сахалина, которое будет иметь место по подписании договора, не изменит фактического положения. Изменится лишь то, что мы будем содержать на Сахалине дорогостоящий аппарат, который будет занят исключительно охраной японских интересов.

Территория, указанная в японском предложении, на которую распространяется действие концессии, охватывает почти весь Сахалин и абсолютно все известные нефтяные и угольные богатства острова. В нашем распоряжении остается лишь длинная ленточка, отрезанная от воды. Если же учесть, что согласно проекту японцев Япония будет иметь право “рубить лес, строить портовые сооружения, железные дороги, проводить нефтепроводы, устраивать электрические коммуникации и другие предприятия, поскольку они нужны для эксплуатации концессий (а концессия “свободна от всяких стеснительных условий” и вопрос, нужен ли лес и другое для концессии, будет решаться концессионером), то можно без преувеличения сказать, что фактически весь Сахалин будет находиться в руках японцев.

А беспошлинный и бесконтрольный ввоз и вывоз товаров окончательно увенчает господство Японии на Сахалине и отрезет его от нас, не менее чем он отрезан сейчас в силу военной оккупации.

Что мы получаем взамен этого?

5% от добычи нефти и угля и только. Даже налоги и сборы нам не будут платить. Мы же обязуемся представить Японии полное покровительство, содействие и всякие льготы, а как

* Штамп: “Прот[окол] ПБ № 18, п. 1–6”. См. док. № 153.

** См. док. № 148.

указано в предыдущей телеграмме тов. Караханом, также помощь охраной.

Покупать такой ценой признание нас Японией я считаю абсолютно невыгодным. За такую взятку мы могли бы получить безоговорочное признание со стороны крупных европейских стран.

Полагаю, что по концессионным вопросам нужно держаться с Японией общепринятых правил и не давать никаких монопольных концессий и огульных обещаний, тем более, что данная концессия не улучшит нашего положения на Сахалине и фактически не изменит его.

Член Главконцесскома Минкин

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1000. Л. 122–123. Подлинник.

¹ Дзержинский Феликс Эдмундович (1877–1926) – в 1924 г. председатель ВСНХ и ОГПУ, член Оргбюро ЦК, кандидат в члены Политбюро.

№ 153

Постановление Политбюро ЦК РКП(б)

*“О переговорах с Японией”**

№ П18/1-б

14 августа 1924 г.

Строго секретно

Особая папка

а) Принять предложение т. Чичерина (см. приложение)**.

б) Опубликовать через иностранную прессу предложенные нам японским правительством условия*** с тем, чтобы наша пресса выступила впоследствии с решительной критикой этих условий.

Секретарь ЦК

Помета: “Особая папка”.

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1000. Л. 120. Копия. Опубл.: ВКП(б), Коминтерн и Япония, 1917–1941 гг. М., 2001. С. 23.

* Вопрос представлен Г.В. Чичериным и А.Е. Минкиным. Выписка из Протокола № 18 заседания Политбюро ЦК РКП(б) от 14 августа 1924 г. п. 1–Б. Направлена Г.В. Чичерину.

** Текст приложения см.: АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1000. Л. 121. Он аналогичен параграфу “О сахалинских концессиях” (см. док. № 144) с исключением первой альтернативы.

*** См. док. № 148.

Телеграмма Л.М. Карахана в НКВД СССР
о нежелательности привлечения Синклера
к переговорам с японцами о концессиях на Сахалине

15 августа 1924 г.

Пекин

Шифром

Сов. секретно

Москва, НКВД

Ваш 232. Японцам мы сейчас не хотим дать окончательного концессионного контракта, а устанавливаем принцип. Если бы мы разрешили к обсуждению условий, то, может, договорились бы легче, но это недопустимо. Чем нам поможет Синклер? Почему, если предложение будет сделано Синклером, японцы его примут скорее, чем от нас? Еще Рой Андерсен говорил, что концессия Синклера при теперешнем положении не будет поддержана америк[анским] пра[вительством]. Остается сила убеждения Синклера. Если мы готовы японцам дать условия синклеровского договора в комбинации с америк[анским] пра[вительством], то надо решить, и тогда можно через Синклера зондировать японцев. Пользы от поездки Дэя в Токио не видать. Поездка была бы необходима, если бы то, чего будет добиваться Дэй, мы не могли добиться сами. Но в этом направлении мы попыток не делали. В теперешней стадии вмешательство Синклера будет лишь вредное. Усилия Синклера понятны, но, поскольку он не имеет за спиной америк[анского] пра[вительства], польза от него ничтожная. Когда он представит схему и если она будет приемлема, сообщите. Прощупаю, согласно схеме, японцев.

Карахан

Пометы: "Получена 15.08. [19]24 г. в 15 час."; "Расшифр[ована] 19.08. [19]24 г. в 10 час. Расшифровал Котлов".

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1000. Л. 129. Дешифрант. Заверенная копия.

*Письмо Л.М. Карахана Г.В. Чичерину
о неприемлемости условий Протокола Б
и о возможности разрешить японские работы
на Северном Сахалине только в незначительном масштабе**

№ 82/п

25 августа 1924 г.
Пекин

Народному комиссару иностранных дел Г.В. Чичерину
Дорогой Георгий Васильевич!

Переговоры с Японией уперлись в вопрос о концессиях. В последние дни два новых момента имеются в них. Один из них несущественный, а другой, может быть, поможет найти выход.

1) Иосидзава заявил, что японское правительство, настаивая на Протоколе Б, считает, что на основании его японцы могут сразу приступить к работе с тем, что в будущем на основании этого протокола будет заключен подробный и окончательный концессионный контракт. Для нас это абсолютно неприемлемо. Во-первых, мы не можем согласиться на условия Протокола Б, они ни в материальном, ни в политическом отношении неприемлемы. Но, даже если бы условия сами по себе были бы приемлемы, такой способ сдачи концессий невозможно принять, ибо это значило бы предоставить японцам возможность работать на основе некоторых общих положений, иначе говоря, это значит дать им полную, неограниченную никакими нормами свободу хозяйничать на Северном Сахалине. Мало того, мы поставили бы себя при заключении будущего концессионного контракта в совершенно безнадежное положение, ибо японцы сидели бы на Сев[ерном] Сахалине и работали бы, и, поскольку мы не могли бы договориться на условиях будущего контракта, им от этого было бы мало горя, ибо ничто не мешало бы им продолжать работу. Можно сказать даже наверняка, что, позволив японцам работать на основании нескольких общих положений, мы создали бы условия невозможности заключения в будущем концессионного контракта, ибо будущий концессионный контракт имел бы своей целью ввести концессию в определенные нормы, ограничивающие японцев. Само собой разумеется, что японцы всячески уклонялись бы от этого.

2) Во время переговоров выяснилось, что главное опасение японцев заключается в том, что они боятся, что если концессион-

* Штамп: "Протокол ПБ № 22, п. 1-Г". См. док. № 158.

ный контракт, дающий им право работать, будет заключен в будущем, то сейчас они должны прекратить всякие работы и убраться с Сев[ерного] Сахалина и со всех промыслов. Должен сказать, что в этих опасениях есть кое-что разумное и что частично мы могли бы пойти им навстречу. Поскольку на Сев[ерном] Сахалине какая-то работа начата, какие-то буровые скважины имеются, имеются шахты, машины, ряд сооружений и т.п., трудно было бы заставить японцев все это бросить и уехать, дожидаясь концессионного контракта. Я должен сказать, что трудно привести какие-либо разумные доводы против того, чтобы принять какие-нибудь меры сохранения всех сооружений, машин, скважин, шахт и прочего. Из опасений, которые высказал Иосидзава, я выудил одну сторону вопроса и указал ему, что если бы японцы сообщили мне точно, где они сейчас работают, в каком масштабе производят работу, какие машины у них имеются, какое число рабочих необходимо для того, чтобы на тот промежуток времени, когда мы будем заключать концессионный контракт, все машины и сооружения сохранить в порядке (я имею в виду чисто технический надзор над ними), то я готов просить мое правительство, чтобы оно согласилось на сохранение некоторого количества технического персонала и рабочих в точно указанных районах, чтобы предохранить все сооружения и промыслы от разрушения, пока мы будем заключать концессионный контракт.

Иосидзава вначале обрадовался моему заявлению и сказал, что сейчас же телеграфирует своему правительству и попросит дать все необходимые сведения, чтобы я мог телеграфировать в Москву, но в дальнейшем (он мне этого, конечно, не сообщил, но я догадываюсь) в Токио, по-видимому*, посмотрели на мое предложение несколько иначе и поручили ему добиться согласия не только на то, чтобы принять некоторые меры сохранения, но и на продолжение работ. Иосидзава старался меня убедить все время, что если бы мы согласились на продолжение некоторых маленьких, незначительных работ, главным образом разведочных, то, может быть, японское правительство признало бы возможным сообщить все сведения, и тогда некоторый выход из тупика был бы найден. Я заявил, что могу передать и поддержать в Москве лишь необходимость мер сохранения, но отказываюсь даже спрашивать Москву о возможности продолжения работ. Но, считая, что нам было бы полезно знать, какие работы они хотят производить, сказал, что я вынужден так решительно отклонить его просьбу о продолжении работ еще и потому, что я не предста-

* Слово "по-видимому" вписано от руки.

вляю себе, какую работу и что они собираются делать. Поэтому, если бы они сообщили подробные материалы, совершенно точные, в цифрах, какие работы они хотят производить, я, ознакомившись с этим, мог бы иметь тогда определенное мнение и только после этого мог бы совершенно определенно и твердо сказать, в какой мере их предложение приемлемо. Сейчас же я вынужден просто принципиально отклонить их просьбу.

Соглашаясь передать в Москву просьбу о “мерах сохранения”, я вместе с тем указал, что эта просьба сама собой предполагает их согласие на нашу формулу лишь с небольшим уточнением, что означает лишь установление принципов будущего концессионного контракта, на основании которых японцы сейчас работать не могут. Я лично думаю, что, если работы, которые хотят вести японцы на С[еверном] Сахалине до заключения концессионного контракта, являются работами разведочного характера, работами незначительного масштаба, мы могли бы разрешить их, совершенно точно оговорив, в каком месте, какую работу, сколькими рабочими, сколькими машинами мы согласны, чтобы они производили. Во избежание недоразумений сообщаю, что я не делал ни малейшего намека японцам, что даже лично я считаю возможным это принять. Наоборот, я все время категорически отклонял приемлемость каких бы то ни было работ, соглашаясь поддерживать перед Вами лишь просьбу о разрешении мер сохранения на уже начатых промыслах и работах.

Об уступках, на которые Вы согласились*, японцы ничего пока не знают. И пока их (уступки)** держу в запасе и только в крайнем случае пойду на них. Но сейчас положение такое, что сообщение им наших уступок не произвело бы необходимого эффекта, ибо спор идет не столько о самих условиях, сколько о характере подписываемой сейчас формулы. Поэтому я сосредоточил все свои усилия на том, чтобы в принципе они приняли мою формулу, обещая им в неопределенных выражениях, что, если они примут мою формулу, мы попробуем ее как-нибудь уточнить. Иосидзава все время пытался спрашивать, согласимся ли мы внести в мою формулу условия Протокола Б. Я указал на неприемлемость этих условий, но дал ему понять, что некоторые “темы” из Протокола Б как условия, уточняющие мою формулу, могут иметь место.

В пятницу 22-го мы условились, что следующее заседание будет у нас во вторник, 26-го, ибо к тому времени Иосидзава на-

* См. док. № 153, прим.*

** Слово “(уступки)” вписано от руки.

деялся получить ответ правительства с материалами и данными, которые я просил у него для возбуждения перед Москвой ходатайства о мерах сохранения. Но неожиданно в субботу Иосидзава попросил меня встретиться, и на этом заседании он очень драматически говорил о том, что выхода нет, что тупик, что, возможно, что это последнее обсуждение вопроса о концессиях, и просил указать ему наши окончательные условия, в каких районах мы хотим дать, на какой срок и т.д. Я твердо держался своего, что ничего не могу сказать, пока не будет принята моя формула. Он тогда заявил, что в таком случае, так как никакого выхода нет, он сообщит своему правительству для окончательного решения вопроса. В тот же день вечером он принял журналистов, которым сообщил, что положение создано безвыходное, что он никакой надежды уже не имеет, и намекнул журналистам, что он дальше не может вести переговоры* и что он попросит, чтобы его освободили от этого, и пусть кто-нибудь другой приезжает и ведет дальше переговоры. Я не придаю этому большого значения и думаю, что это делается скорее для того, чтобы испугать меня, ибо Иосидзава понимает, что журналисты сейчас же прибегут и сообщат мне его заявление. Поэтому я решил спокойно ждать ответа японского правительства. Никогда не будет поздно сделать наши уступки, а “выдержать характер” совершенно необходимо, ибо, как я писал раньше, японцы легко на разрыв переговоров сейчас не пойдут, для них это было бы тяжелым ударом, а некоторые из журналистов и даже Каито убеждены, что разрыв переговоров с нами мог бы повести к отставке кабинета. Правда, они предсказывают еще более худший кабинет, но это уже другое дело. Важно, что для теперешнего кабинета разрыв переговоров с нами может иметь роковое значение, и это до последней степени может удерживать их от разрыва.

Итак, я хотел бы знать Ваше мнение, во-первых, по вопросу о мерах сохранения, что следует понимать в том смысле, что после представления точных сведений мы можем согласиться на сохранение некоторого технического персонала, и рабочих и инженеров, в точно указанных пунктах на время, пока будет заключаться концессионный контракт; а кроме того, Ваше мнение по вопросу о продолжении некоторых незначительных маленьких работ, главным образом разведочных, причем этому продолжению работ можно было бы поставить ограничение, запрещаю-

* Слова “вести переговоры” вписаны от руки.

щее реализацию продуктов добычи и в особенности их вывоз с территории Северного Сахалина*.

С коммунистическим приветом

Л. Карахан

Помета: "Сталин".

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1000. Л. 139–143. Копия.

№ 156

*Письмо Главконцесскома СССР в Политбюро ЦК РКП(б)
о возможных условиях получения Японией
нефтяных и угольных концессий на Северном Сахалине***

№ 426а

3 сентября 1924 г.
Сов. секретно

В Политбюро ЦК РКП тов. Сталину

Тов. Чичерину

Тов. Дзержинскому

Указанные в отношении т. Карахана*** площади, занятые японцами, составляют приблизительно больше 80% всех известных нам нефтяных месторождений на Сахалине. Мы говорим 80%, ибо японцы не работают на некоторых площадях в южной части Северного Сахалина. Из факта работы японцев в северной части Северного Сахалина можно заключить, что южная часть не содержит ценных, коммерчески выгодных запасов. Тогда, пожалуй, можно названные 80% считать за все 100%.

Из сказанного вытекает, что нам ни в каком случае нельзя согласиться с предложением т. Карахана, который, подсчитав, что общий размер указанных японцами площадей равняется 47 кв. верстам, допускает возможность закрепления за японцами этих площадей.

Наш вариант: 40% ресурсов нефти и 1/3 ресурсов угля является наиболее выгодным для нас. Сахалин не разведан еще. Неизвестно, где, какие запасы, какое качество нефти. Деление на проценты подразумевает, что после разведки мы получаем (или уступаем) соответственно равноценные части. При сдаче же сообщенных нам тов. Караханом участков, возможно, что отдадим все 100% нефтеносных земель.

* См. док. № 157, 158.

** Штамп: "Прот[окол] ПБ № 21, п. 1А"

*** Не публикуется. Текст см.: АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1000. Л. 133.

Если по ходу дальнейших переговоров необходимо будет разрешить японцам продолжать работу впредь до заключения концессионных договоров, то сделать это можно будет лишь при условии, что будет оговорено, что по договору они получают лишь часть этих участков и что остальная часть должна будет перейти в наше распоряжение.

Что касается угля, то если в Дуэ и Рогатом они эксплуатируют старые рудники, а не вновь возведенные ими, то надо оговорить себе право по концессионному договору сделать им другие отводы¹.

Минкин

Резолюция: “Размножить к рассылке сегодня же. 3.09”.

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1000. Л. 131–132. Подлинник.

¹ 4 сентября 1924 г. Политбюро приняло решение отложить вопрос “до получения точных сведений от тов. Карахана и переговоров НКИД с проф. Полевым²” (см.: АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1000. Л. 130). Повторное его рассмотрение см. док. № 158.

² Полевой Петр Игнатьевич (1873–1938) – геолог, горный инженер и ученый, исследователь недр Дальнего Востока. В 1914–1929 гг. руководил экспедициями, изучавшими угольные и нефтяные месторождения Сахалина. В 1923–1928 гг. директор Дальневосточного отделения Геологического комитета СССР.

№ 157

*Записка Г.В. Чичерина в Политбюро ЦК РКП(б)
о переговорах Л.М. Карахана и К. Иосидзавы
относительно продолжения работ на японских
сахалинских промыслах**

№ 1125/чс

7 сентября 1924 г.

В Политбюро ЦК РКП(б)

Копии членам Политбюро и членам коллегии НКИД

По отложенному на следующий четверг вопросу о японской справке относительно ведущихся работ на Сахалине¹ имеются некоторые объяснения в только что полученном докладе т. Карахана № 82/П от 25 августа**. Тов. Карахан абсолютно и бесповоротно отверг так называемый Протокол Б, то есть известные нам неприемлемые японские требования. Между тем Иосидзава предлагал позволить японцам сразу приступить к работе на осно-

* Штамп: “Протокол ПБ № 22, п. 1–Г”. См. док. № 158.

** См. док. № 155.

вании Протокола Б с тем, чтобы концессионный контракт был заключен позднее. Тов. Карахан указал, что в таком случае концессионный контракт никогда не будет заключен японцами. Во время этих переговоров выяснилось, что японцы боятся, что, если конкретное соглашение о концессиях будет заключено позднее, японцы должны теперь обратиться со всех промыслов Сев[ерного] Сахалина, между тем там имеются шахты, буровые скважины, машины и т.д. Ввиду этого т. Карахан “выудил одну сторону вопроса” и сказал, что мог бы предложить своему правительству согласиться на сохранение некоторого количества технического персонала в точно указанных районах для предохранения промыслов от разрушения впредь до заключения концессионного контракта. Иосидзава об этом протелеграфировал. В дальнейшем на это предложение посмотрели в Токио иначе и поручили Иосидзава добиться от нас согласия на продолжение работ японцами на их промыслах. Иосидзава говорил об этом как о “выходе из тупика” Тов. Карахан заявил, что может передать в Москву лишь предложение о мерах сохранения, но что он отказывается даже запрашивать Москву о возможности продолжения работ. Однако он просил в информационных целях дать точные материалы. При этом т. Карахан указал, что эта просьба (о мерах сохранения) сама собой предполагает согласие Японии на нашу формулу в вопросе о сахалинских концессиях (то есть не на московский “второй вариант”*, а на карахановскую общую формулу предоставления концессий вообще) с некоторым уточнением, что означает лишь установление принципов будущего концессионного контракта.

Перед Иосидзавой т. Карахан соглашался поддерживать только просьбу о разрешении мер сохранения на промыслах, но мне он пишет, что считает, что если работы, которые хотят вести японцы, являются разведочными и незначительными, то можно было бы это разрешить с точной оговоркой о количестве рабочих, машин и т.д.; о наших дальнейших уступках, то есть так называемом “втором варианте”, японцы пока еще ничего не знают.

Та шифровка, которая разбиралась Политбюро в прошлый четверг², а также телеграмма клэр^{ом}**, раскритикованная т. Минкиным***, относятся к продолжению тех же разговоров, ибо сообщают о полученной из Токио справке относительно того, какие именно промыслы имеются в виду.

* См. док. № 153, прим.*

** Открытым текстом.

*** См. док. № 156.

Ясно, таким образом, что данное предложение не дополняет, а заменяет прежние японские предложения.

Мне неясно только то, имеется ли возможность допустить сохранение перечисленных японцами промыслов или производство незначительных работ с тем, чтобы окончательный контракт касался только 40% нефтяных промыслов. Об этом еще ждем ответа т. Карахана.

Наркоминодел Г. Чичерин

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1000. Л. 137–138. Подлинник.

¹ Речь идет о меморандуме японского правительства от 29 августа 1924 г., врученном К. Иосидзавой Л.М. Карахану, о районах нефте- и угледобычи японцев на Северном Сахалине (см.: ДВП СССР. Т. 7. С. 716). Этот вопрос рассматривался на заседании Политбюро 4 сентября 1924 г. (см. док. № 156, прим. 1) и был перенесен на 11 сентября (см. док. № 158).

² Имеется в виду шифротелеграмма Л.М. Карахана о японском меморандуме от 29 августа 1924 г., направленная Г.В. Чичерину из Пекина и обсуждавшаяся на заседании Политбюро 4 сентября (см. прим. 1 выше). Телеграмма не публикуется. Ее текст см.: АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1000. Л. 134–135.

№ 158

*Постановление Политбюро ЦК РКП(б) “О Японии”**

№ П22/1Г-с

11 сентября 1924 г.

Строго секретно

Принять предложение НКВД, однако с обязательным установлением срока охраны промыслов в 6 месяцев.

Секретарь ЦК

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1000. Л. 136. Копия.

№ 159

Письмо Л.М. Карахана Г.В. Чичерину о ходе переговоров с японцами по заключению концессионного контракта

№ 77/к

27 сентября 1924 г.

Пекин

Народному комиссару иностранных дел Г.В. Чичерину

Дорогой Георгий Васильевич!

Последнее заседание с японцами состоялось 20 сентября, на котором мы условились следующий раз встретиться 22-го,

* Вопрос представлен Г.В. Чичериным, А.Е. Минкиным. Выписка из протокола № 22 заседания Политбюро ЦК РКП(б) от 11 сентября 1924 г., п. 1-Г. Направлена Г.В. Чичерину, А.Е. Минкину.

в понедельник, к каковому времени Иосидзава надеялся получить инструкцию своего правительства относительно принципов будущих концессионных контрактов. Но в понедельник утром он известил меня, что инструкция не получена и поэтому заседание придется отложить до получения ее. Сегодня 26-е, а инструкции все еще нет. Последнюю неделю мы были заняты главным образом обсуждением вопроса о концессиях, хотя в то же время потратили достаточно много времени на обсуждение вопросов о наибольшем благоприятствовании и о долгах и претензиях.

Последний японский проект, который был мною Вам послан*, нами еще не обсужден во всех частях. Пока я успел сделать следующие замечания.

1) В ст. 2-й я предложил выбросить последний абзац, который касается коллективных договоров. Иосидзава это мое предложение принял.

2) В ст. 4-й я настаиваю на том, чтобы выбросить пункт 3-й, касающийся наибольшего благоприятствования, и заменить его или "принятием во внимание", или же ссылкой на то, что до заключения будущего торгового договора торговые отношения будут строиться на основе законодательства каждой стороны. По этому пункту, таким образом, мы еще не договорились и, наверное, вернемся к нему в дальнейшем.

3) В Протоколе А** мы обсуждали вопрос о долгах и претензиях, в результате чего я предложил прилагаемую к настоящему письму формулировку*** как по вопросу о долгах, так и по вопросу о претензиях. Ответа Иосидзава мне не дал, но я думаю, что в конце концов этот вопрос не представит больших затруднений и, наверное, он согласится на мое предложение, внеся, может быть, незначительные изменения.

Концессии

Основным вопросом, которому мы уделяли больше всего внимания, был вопрос о концессиях. Вопрос этот, как Вы знаете, сейчас разделен на две части. Одна сторона его – это режим, который нужно установить до заключения концессионных контрактов, и другая сторона – это те принципы, на основании которых в будущем концессионные контракты будут заключены. Телеграфная переписка, мне кажется, достаточно подробно выяснила этот вопрос, и поэтому возвращаться к нему едва ли стоит. Я хочу

* См. док. № 146.

** См. док. № 147.

*** Отсутствует.

лишь отметить, как происходило обсуждение этого вопроса. Тактика моя заключалась в том, чтобы не давать им окончательно ответа по вопросу о продолжении работ, не договорившись и не выяснив вопроса о принципах будущих концессионных контрактов. Это давало бы мне более широкую возможность для торговли, для взаимных уступок и т.п. И хотя я уже имел Ваше согласие на продолжение работ как на нефти, так и на угле, я, тем не менее, этих уступок не давал им, желая использовать при обсуждении вопроса о принципах. Вначале переговоры по вопросу о мерах предохранения и продолжении работ шли очень нормально, и у меня получилось даже такое впечатление, что японцев можно будет удовлетворить только разрешением продолжать работы по нефти, а угольные работы отвоевать. К письму я прилагаю несколько формул, которые нами были выработаны в течение трех заседаний с 9-го по 12-е*. Иосидзава согласился на мою формулу, но настаивал, чтобы под мерами предохранения понималось бы продолжение работ на буровых скважинах.

С самого начала нужно отметить, что вопрос мною был поставлен так, что я не имею права соглашаться на эти формулы и что выработка формулы необходима для того, чтобы, получив на нее согласие яп[онского] правительства, я мог бы возбудить ходатайство перед Москвой. Таким образом, выработанная формула должна была быть сперва протелеграфирована в Токио, а после получения согласия Токио я должен был ее сообщить в Москву и просить, чтобы Москва согласилась, причем я заявил, что, поскольку речь идет о мерах предохранения, я буду целиком настаивать на этом и буду энергично просить Москву, чтобы она приняла это предложение.

Что же касается продолжения работ, то в этом отношении я заявил, что передам полностью просьбу и соображения японского правительства в Москву, но ходатайствовать об этом не могу, ибо я недостаточно осведомлен в этом специальном техническом вопросе. Если наши специалисты найдут, что продолжение работ вызывается техническими соображениями и прекращение их может нанести очень серьезный ущерб теперешним работам, то тогда Москва может согласиться, но я лично ходатайствовать не могу. Говорил я так еще и потому, что не имел Ваших инструкций и склонен был думать, что вы скорее согласитесь на меры предохранения, но можете отвергнуть продолжение работ, и поэтому я не хотел ни в какой мере себя связывать. Формула, которая была нами выработана, была передана в Токио, и 12-го числа

* Отсутствуют.

Иосидзава предложил перейти к обсуждению других вопросов и ждать ответа японского правительства. Мы так и сделали.

Но 16 сентября совершенно неожиданно Иосидзава сделал заявление, которое сразу осложнило дело и было мною учтено как некоторый поворот в переговорах. В приложении я передаю полностью заявление Иосидзавы по этому поводу*.

Из сравнения формул, которые им были посланы на одобрение Токио, и из его заявления видно, что за эти дни что-то такое изменилось. Я, конечно, реагировал на это заявление самым решительным образом, в частности по поводу его угрозы о том, что им пришлось бы подумать, стоит ли вести дальше переговоры при таких тяжелых условиях. Я заявил, что, поскольку японское правительство считает необходимым прибегать к таким угрозам, я думаю, что я должен поставить этот вопрос перед Москвой, а до получения инструкций переговоры придется прервать. Но в тот же вечер я виделся с Симадой¹, и в течение нескольких дней до 20-го он делал мне всякие разъяснения по поручению Иосидзавы, и в конце концов угроза о прекращении переговоров отпала, и Иосидзава заявил мне, что собственно из телеграммы не совсем ясно, должен был ли он мне это сообщить или нет, что телеграмма настолько неясно составлена, что это указание о тяжелых условиях, которые могут заставить их подумать о прекращении переговоров, может быть рассмотрено как соображение, сообщаемое для его личного сведения, и поэтому он просит передать в Москву только просьбу японского правительства о продолжении работ. Я, конечно, не желая осложнять положения, удовлетворился его разъяснениями, и переговоры у нас возобновились.

Из разговоров с Симадой я выяснил, что у них есть полная уверенность, что в Москве на продолжение работ согласны и только мое упорство и неуступчивость заставляет меня маневрировать. Симада прислал мне вырезку из японской газеты с телеграммой Отаки, о которой я Вам в свое время телеграфировал. На мой запрос Вы ответили, что действительно в Москве болтали на эту тему. При таких обстоятельствах ясно это выступление Иосидзавы 16 сентября. Никакой катастрофы, конечно, не произошло, но я боюсь, что, когда мы будем обсуждать принципы будущих концессионных контрактов, мое положение будет тактически более трудным, ибо японцы будут уже иметь в своем кармане наше согласие на продолжение работ, а мне нужно будет выдержать еще трудный бой относительно тех ограничений, ко-

* См. приложение ниже.

торые мы в связи с продолжением работ хотим поставить – ограничения в отношении срока и невывоза результатов этих работ. Вы можете обратить внимание на формулу, которая Иосидзавой была принята, и, наконец, на формулу, которая Иосидзавой самой была разработана. Там добываемые нефть и уголь сохраняются. Таким образом, Иосидзава в промежуток времени от 9 до 12 сентября был согласен на это, а теперь он от этого отступил и вновь настаивает на праве распоряжаться результатами. Вообще эта болтливость очень сильно повредила. Мне кажется, что тут нужно было бы принять какие-нибудь меры; и инструкции, которые отправляются мне, и решения инстанции должны быть известны только тем людям, которым это по деловым соображениям нужно. Результаты переговоров – это другое дело, это может быть известно более широкому кругу людей, но инструкции должны быть известны самому ограниченному кругу лиц. Я бы даже их не сообщал в отделы, для этого нет никакой необходимости. Во всяком другом государстве такая болтливость могла бы быть приравнена к государственному преступлению, за которое человек мог бы очень сильно пострадать. Мы, к сожалению, еще молоды и не научились относиться более строго к такого рода вещам.

Как только Иосидзава получит инструкцию, нам нужно будет переговоры очень форсировать, чтобы успеть их закончить по крайней мере к середине октября, ибо в конце октября навигация прекращается и эвакуация Сев[ерного] Сахалина может стать невозможной. Так по крайней мере мне сообщают японцы, и это подтверждали, с другой стороны, из Владивостока.

О режиме до заключения концессионных контрактов

Вопросу о продолжении работ и условиям, на которых это продолжение работ будет происходить, японцы придают очень большое значение, и во время беседы, которая у меня была с Симадой, он высказал сознательно или нечаянно, я не знаю, их опасения. Они заключаются в том, что если мы разрешим им работать, запрещая в то же время пользоваться результатами этой работы, то этим самым этот временный режим выгоден для нас и невыгоден для них, ибо они работают, затрачивают средства, а вопрос о результатах этих работ не вырешен, и, если мы не договоримся и не достигнем соглашения в будущем, вся их работа будет обесценена. Если же поставить шестимесячный срок, то еще больше их положение ухудшается. Это значит, что, если в течение 6 месяцев мы не договоримся, они должны будут прекратить работы, и таким образом, все, что ими было сделано, идет насмарку.

Мне кажется, что если они будут очень сильно возражать против шестимесячного срока, то от этого нужно будет отказаться и согласиться на то, чтобы продолжение работ не ограничивать никаким сроком. Продолжение работ, не ограниченное никаким сроком, также дает все преимущества нам, а не им. Японцы совершенно правильно могут рассуждать следующим образом. Мы разрешим им работать в течение 6 месяцев, в течение которых будем саботировать заключение концессионных контрактов, а после этого они должны будут приостановить работы и убраться с Сев[ерного] Сахалина совершенно. Поскольку у них имеются некоторые опасения и они видят наше упорство и наше нежелание заключать сейчас концессионные контракты, они все это учитывают как намерение в будущем устроить какой-нибудь подвох. С этой подозрительностью нужно считаться, так же как нужно считаться с их полным незнанием нашей политики и наших намерений.

С коммунистическим приветом

Л. Карахан

Помета: "т. Сталину".

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1000. Л. 144–150. Копия.

¹ Симада Сигэру (1885–1954) – японский консул в Пекине.

Приложение

Заявление К. Иосидзавы о возможном прекращении переговоров о концессиях в случае запрещения буровых работ по добыче угля и нефти до заключения договора

16 сентября 1924 г.

Иосидзава: Как Вам известно, недавно я имел честь словесно передать проект нашего правительства по вопросу о мерах предохранения и продолжения работ*. Этот план был выработан для того, чтобы по возможности согласовать с Вашим мнением. Одно время было высказано нам относительно вопроса о продолжении работ на месте, что если с нашей стороны будут разумные пожелания по этому вопросу, то Вы не откажете подумать. Это уже давно было, еще в августе месяце. Поэтому, после того как мы начали конкретно обмениваться с Вами по этому вопросу, Вы заявили нам, что вопрос о мерах предохранения может быть возбужден перед Москвой с Вашей поддержкой, но вопрос о продолжении этих работ совершенно Вами отвергается.

* См. док. № 155.

Значит, таким образом, продолжение бурения также Вами считается невозможным, так как этот вопрос находится в таком неясном положении: принадлежит ли он к мерам предохранения или к продолжению работ.

Затем с нашей стороны было высказано пожелание, чтобы добытые вещи были там сохранены. По этому поводу Вы возражали, чтобы добывать эти вещи, так как для этого не существует никаких таких правил, это невозможно и т.д. Наша сторона думает, что вопрос о мерах предохранения и продолжении работ является только временного характера на несколько месяцев, а после этого будут заключены концессионные контракты, и после подписания этих концессионных контрактов мы могли бы установить, какие проценты мы должны внести Вам, и даже мы могли бы тот пункт, где говорится о процентах, применить к этим добытым вещам, к углю и нефти, потому что эти уголь и нефть будут добыты там в эти несколько месяцев временно и будут находиться на месте, и мы могли бы найти такой выход, чтобы будущие контракты были применены к этим добытым вещам. Может быть, такой исход также найдется.

Таким образом, мы очень настойчиво просим, чтобы не только вопрос о мерах предохранения, но и вопрос о продолжении этих работ был бы Вами признан, так как японское правительство на это обращает серьезное внимание и надеется, что русская сторона, принимая во внимание общее положение наших переговоров, отнесется благосклонно к нашим пожеланиям по этому вопросу и по возможности их удовлетворит, так как наши пожелания заключаются в таком объеме, как я это имел честь Вам сообщить. Нет такого намерения, чтобы вывезти или продать те вещи, которые будут добыты. Этот вопрос будет разрешен на основании какого-нибудь пункта будущих концессионных контрактов. Таким образом, если сейчас Ваша сторона категорически отвергает наше пожелание по поводу желательности, чтобы работы на месте могли бы продолжаться на несколько месяцев, на такое короткое время, то наша сторона думает, что раз русская сторона так к нам относится строго, старается отказаться от нашего пожелания, то наша сторона вынуждена была бы подумать, стоит ли продолжать наши разговоры при таких тяжелых для нас условиях и стоит ли продолжать нашу работу при таких тяжелых для нас условиях. И это является содержанием той телеграммы, которую я получил от моего правительства, и правительство мне предлагает, чтобы довести до Вашего сведения по этому поводу и по возможности скорее передать об этом желании японского правительства Москве и узнать точку зрения московского прави-

тельства по этому поводу и в возможно скором времени. Вот это является главным содержанием того предписания, которое я получил от своего правительства.

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1000. Л. 151–152. Копия.

№ 160

Японский проект статей

*“Конвенции, охватывающей основные правила отношений между Японией и СССР”, о взаимных долгах и претензиях с примечанием НКИД СССР**

27 сентября 1924 г.

Стороны соглашаются, что все вопросы, касающиеся долгов, следуемых правительству или гражданам Японии в связи с государственными займами или казначейскими знаками, выпущенными прежними российскими правительствами, то есть императорским российским правительством и последовавшим за ним Временным правительством, оставляются открытыми для рассмотрения на конференции, имеющей быть созванной позднее между правительствами Японии и СССР, при условии, что при разрешении этих вопросов правительство или граждане Японии при прочих равных условиях не будут поставлены в положение менее благоприятное, чем то, какое правительство СССР предоставит правительству или гражданам какой бы то ни было другой стороны по тем же вопросам.

Стороны соглашаются, что все вопросы, относящиеся к претензии одного из договаривающихся правительств к другому правительству или к претензиям граждан одной стороны к правительству другой стороны, оставляются открытыми для разрешения на конференции, имеющей быть созванной впоследствии между правительствами Японии и СССР.

Примечание НКИД: По существу эта формула совпадает с тем, что уже было принято. Коллегия НКИД указала только т. Карахану, что вопросы о долгах и претензиях в будущем лучше разрешать дипломатическим путем, чем путем созыва конференции, и что поэтому из данного японского текста следует выбросить указания на имеющую в будущем быть созванной конференцию.

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1000. Л. 184. Копия.

* Примечание НКИД составлено Г.В. Чичериным и вместе с проектом советско-японской конвенции приложено к его записке в Политбюро ЦК от 13 октября 1924 г. (см. док. № 171).

*Записка Г.В. Чичерина в Политбюро ЦК РКП(б)
с оценкой новых японских предложений
о сроках нефтяной концессии, площади нефтедобычи
и отчислениях с прибыли**

№ 1220/чс

28 сентября 1924 г.

В Политбюро ЦК РКП(б)

Копии членам Политбюро, членам коллегии НКВД и т.т. Минкину, Брюханову, Хлоплянкину¹ (НКВД) и Уншлихту²

Прилагаю перевод нового японского предложения о Сев[ерном] Сахалине** Интересно отметить, что японцы идут на уступки в вопросах процентного отчисления и срока, но отнюдь не в вопросе об объеме концессии. Теперь японцы уже согласны давать 5% валовой добычи, если последняя ниже 500 тыс. тонн в год, 10% – если она выше 500 тыс. тонн и ниже 1 млн тонн и 15% – если она выше 1 млн тонн в год. Срок сначала был 99 лет, потом 55 лет, теперь японцы соглашались на 40 лет. Зато они непримиримы по вопросу о размерах концессии: от системы точек они опять возвращаются к системе площади и требуют нефтяную площадь в 4000 кв. верст. В угольную концессию они включают район, считавшийся запретным по стратегическим соображениям, который мы и теперь хотели считать запретным.

Тов. Карахан делает следующие замечания. По японскому проекту мы можем сдать эти концессии или японскому правительству, или японским обществам, намеченным правительством. Тов. Карахан стоит за вторую альтернативу.

Относительно размера т. Карахан предлагает выдвинуть такое контрпредложение: “1000 кв. верст в районах производимых теперь японцами работ, но не более 40% нефтяных источников” Тов. Карахан прибавляет, что будет больше шансов соглашения, если мы предложим 50%, а не 40%, то есть предложим поделить пополам. Что касается отказа дать японцам район, остававшийся запретным по стратегическим соображениям, т. Карахан сомневается, чтобы это имело для нас реальное значение.

В японском проекте предлагается считать отчисления или с чистой прибыли (в таком случае 20%), или с валовой добычи (вышеозначенные отчисления). Совершенно ясно, как указывает и

* Штамп: “Прот[окол] ПБ № 26, п. 1–Е”. См. док. № 166.

** Проект отсутствует. Его изложение см. в приложении ниже.

т. Карахан, что надо отвергнуть процент с чистой прибыли, ибо это поведет к мошенничеству, и надо принять отчисления с валовой добычи.

Наркоминодел Г. Чичерин

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1000. Л. 160. Подлинник.

¹ Хлопьянкин Михаил Иванович (1892–1938) – в 1924 г. член коллегии Наркомата внешней торговли СССР.

² Уншлихт Иосиф Станиславович (1879–1938) – с 1923 г. член Реввоенсовета Республики (РВСР), в 1925–1930 гг. заместитель председателя РВС СССР и заместитель наркома по военным и морским делам.

Приложение

*Телеграмма Л.М. Карахана Г.В. Чичерину
с изложением принципов нового японского проекта
концессионного договора**

28 сентября 1924 г.
11 час. 35 мин
Пекин

Чичерину, Наркоминдел, Москва

Сегодня Иосидзава вручил новый проект о принципах будущего договора:

Договаривающиеся стороны согласились на нижеследующем как основе для концессионного контракта, подлежащего обсуждению немедленно после вхождения в силу настоящей конвенции и который должен быть заключен в течение трех–шести месяцев от того числа.

Правительство СССР предоставляет яп[онскому] правительству или японским обществам, могущим быть намеченными последним правительством, право эксплуатации на время от 40 до 50 лет на: 1) нефтяные источники на восточном побережье Северного Сахалина на участке в 4000 кв. верст, включая районы, где японцами производятся пробные бурения, и 2) на угольные копи на западном побережье на определенном участке, включающем прежний закрытый район при условии разрешения яп[онскому] правительству или японским обществам, намеченным яп[онским] правительством, производить лесорубки для устройства гаваней и железных дорог, прокладывать нефтепроводы и устраивать

* Штамп: “Прот[окол] ПБ № 26, п. 1–Е”. См. док. № 166. Копии разосланы членам коллегии НКВД СССР, Б.Н. Мельникову, Хавину, А. Ломову, А.Е. Минкину, в Экономическо-правовой отдел НКВД.

электрические сообщения и другие предприятия на Сев[ерном] Сахалине, кои могут понадобиться для эксплуатации названных концессий.

Яп[онское] правительство или японские общества, намеченные последним, будут ежегодно отчислять правительству СССР, в виде вознаграждения за эти концессии: за нефтяные источники или 20% с чистой прибыли, или следующие процентные отчисления с валовой добычи: 1) 5% – если годовая добыча будет ниже 500 тыс. тонн, 2) 10% – если годовая добыча будет выше 500 тыс. тонн и ниже 1 млн тонн, и 3) 15% – если добыча будет превышать 1 млн тонн.

За угольные копи такое вознаграждение будет определено или в 20% с чистой прибыли, или 5% с валовой добычи.

Ввиду упомянутого выше отчисления и принимая во внимание неблагоприятное положение, в которое будут поставлены предприятия вследствие географического положения и других общих условий затронутых участков, условлено, что работа предприятий, а также импорт и экспорт всех предметов, материалов или продуктов, нужных для предприятий или добытых на предприятиях, не будут подвергаться обложению налогами или таким ограничениям, кои могут препятствовать успеху предприятий.

Правительство СССР также предоставит сказанным предприятиям всякую справедливую защиту и льготы и воздержится от создания или поддержки всех прав, несовместимых с названными концессиями.

Карахан

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1000. Л. 161–162. Копия.

№ 162

*Записка Г.В. Чичерина в Политбюро ЦК РКП(б)
о предоставлении японцам максимальных уступок
по нефтяной концессии в связи с необходимостью скорейшего
вывода японских войск с территории СССР**

№ 1227/чс

29 сентября 1924 г.

В Политбюро ЦК РКП(б)

Копии членам Политбюро, членам коллегии НКВД
и т.т. Минкину, Аванесову, Брюханову и Ломову¹

Тов. Карахан указывает, что недели через две прекратится навигация между Северным Сахалином и сушей, и эвакуация японских войск сделается невозможной до весны 1925 г.

* Штамп: “Прот[окол] ПБ № 26, п. 1–Е”. См. док. № 166.

Ввиду этого т. Карахан указывает на вред, происходящий от дальнейшего затягивания переговоров. Поскольку зависит от нас, мы не должны способствовать затягиванию этих переговоров.

Когда в последний раз этот вопрос обсуждался Политбюро, имелось в виду, что общее постановление договора о том, что мы дадим японцам какие-нибудь концессии на Северном Сахалине, будет в окончательном тексте договора уточнено, причем будет происходить борьба из-за того, в каком смысле произойдет уточнение: мы будем добиваться уточнения в смысле нашего второго варианта*, японцы будут добиваться уточнения в смысле своих прежних предложений (т[ак] н[азываемого] Протокола Б). То, что теперь получилось от японцев**, есть именно такое уточнение. Это есть проект того постановления о будущих концессиях на Северном Сахалине, которое должно быть включено в договор, то есть это тезисы для концессионного контракта, имеющего быть заключенным в силу этого предложения 3 месяца или 6 месяцев после подписания договора. Сам текст разослан мною вчера. Наиболее важный пункт, подлежащий решению Политбюро, есть вопрос об объеме будущей нефтяной концессии, которая должна быть предоставлена японцам на Северном Сахалине. По нашему “второму варианту” мы выражаем готовность предоставить японцам 40% нефтяных источников. В настоящем японском проекте это сформулировано так: “Нефтяные источники на восточном побережье Северного Сахалина на участке в 4 тысячи квадратных верст, включая районы, где японцами производятся пробные бурения”. Тов. Карахан предлагает нам предложить японцам “тысячу квадратных верст в районах производимых теперь японцами работ, но не более 40% нефтяных источников”, причем тов. Карахан прибавляет, что если возможно довести процент до 50-ти, это облегчило бы задачу, ибо можно было бы сказать, что происходит дележ пополам.

Ввиду необходимости максимально торопиться и ввиду громадной важности для нас достигнуть соглашения с Японией, коллегия НКВД предлагает согласиться на участок в 2 тыс. верст и на предоставление 50% нефтяных источников японцам.

Кроме того, коллегия считает полезным предложить японцам (но не ультимативно) подписать договор с тезисами о будущих концессиях не в форме дополнительного протокола, состав-

* См. док. № 153, прим.*

** См. док. № 161, приложение.

ляющего часть общего договора, но в форме отдельного соглашения с частной компанией или компаниями, которые укажет японское правительство, причем это отдельное предварительное соглашение вошло бы в силу одновременно с ратификацией основного договора. Эта процедура избавила бы нас от той неловкости и от того неудобного прецедента, который получился бы в случае включения в договор в качестве его статьи или в качестве приложенного к нему протокола постановлений чисто концессионного характера.

В нашем “втором варианте” мы предлагали 10% с валовой добычи нефти. Японское предложение (5% с валовой добычи, если годовая добыча ниже 500 тыс. тонн, 10%, если годовая добыча будет выше 500 тыс. тонн и ниже 1 млн тонн, и 15%, если годовая добыча будет превышать 1 млн тонн) можно было бы считать приемлемым.

Что касается угольного района, надо решить вопрос, согласны ли мы предоставить японцам так наз[ываемый] запретный район. Тов. Карахан считает это возможным. Более точные сведения имеются у т. Минкина.

Относительно второстепенных деталей последнего японского предложения надо ждать отзыва т. Минкина*. При этом т. Карахан указывает на необходимость немедленного предоставления максимума возможных уступок в самом срочном порядке, ибо теперь решающий момент переговоров. Мелочами можно заняться в будущем.

Не надо забывать, что, если японцы уведут войска с Северного Сахалина, мы зайдем его нашими войсками и положение радикально изменится**.

Наркоминодел Г. Чичерин

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1000. Л. 158–159. Подлинник.

¹ Ломов А. (Оппоков Георгий Ипполитович) (1888–1938) – с 1923 г. председатель Нефтесиндиката.

* См. док. № 163.

** См. док. № 166.

*Записка А.Е. Минкина в Политбюро ЦК РКП(б)
о нежелательности уступок японцам
при предоставлении им нефтяной концессии**

№ 449/с

30 сентября 1924 г.
Сов. секретно

В Политбюро ЦК РКП

Копии тов. Чичерину, тов. Пятакову, тов. Брюханову,
тов. Хлопьянкину, тов. Уншлихту

Новое предложение японцев** фактически возвращает нас к их первоначальному предложению. Нефтеносная площадь в 4000 кв. верст, нет сомнения, покрывает все нефтеносные земли, которые будут открыты в ближайшие десятилетия, а возможно, что и все нефтяные земли, которые имеются на Сахалине. Что касается уступки в долевом отчислении, то вряд ли она будет иметь какое-либо практическое значение.

Поднятие долевого отчисления выше 5% японцы связывают с добычей сверх 500 тонн*** в год. По имеющимся в нашем распоряжении данным как о разведанных землях, так и о темпе работ, которые японцы ведут, вряд ли есть основание предполагать, что они в ближайшие годы подымут добычу выше 30 млн пудов в год. Эта уступка имеет больше декларативное значение.

Считаю необходимым подчеркнуть, что эти 5% покрывают все налоги как общегосударственного, так и местного характера. По проекту японцев мы не будем получать ни арендной, ни подесятинной, ни попудной платы, освобождаем их от уплаты ввозных и вывозных пошлин. Помимо того, они имеют право рубить лес, строить гавани, железные дороги, проводить нефтепроводы, устанавливать электрическое сообщение и т.д. Судя по редакции японского предложения, надо предполагать, что и эти права японцами оплачиваются тем же долевым отчислением. Мы вполне согласны с т. Караханом, что целесообразнее вести переговоры с японцами на базе взимания с них долевого отчисления с валовой добычи, а не на базе нашего участия в чистой прибыли. Что касается предложения т. Карахан[а], в котором он предлагает предоставить японцам "1000 кв. верст в районе производимых теперь японцами работ, но не более 40% нефтяных источников", то, если это предложение будет принято, я считал бы необходимым обязательно оговорить, что

* Штамп: "Прот[окол] ПБ № 26, п. 1-Е" См. док. № 166.

** См. док. № 161, приложение.

*** Так в тексте. Правильно "тыс. тонн".

эти 1000 кв. верст отводятся из разведанных участков. По мере поступления заявок на отводы со стороны японцев участки делятся на обусловленные проценты, причем правительство СССР отводит в каждом отдельном случае подлежащие японцам проценты впредь до предоставления им 1000 кв. верст. Этой поправкой мы обеспечиваем за собой нефтяные земли на Сахалине и в том случае, если нефтяных земель окажется менее 1000 кв. верст.

Данное предложение японцев значительно хуже их предыдущего предложения о “точках”, но все же, как правильно отмечает тов. Чичерин, *уступки ими делаются*. Я считал бы поэтому целесообразным не делать уступки японцам с нашей стороны и продолжать нашу твердую политику в надежде, что японцы должны будут пойти на дальнейшие уступки, приближаясь к уже намеченной нами формуле.

Член Главконцесскома Минкин

Резолюция: “Т[ов]. Лепешинской. Размножить и разослать вместе с матер[иалами] японцев”*

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1000. Л. 156–157. Подлинник.

№ 164

*Записка Г.В. Чичерина с предложениями уступок японцам при предоставлении им нефтяной концессии***

1 октября 1924 г.

Совещание с т. Красиным 1 октября 1924 г.

1. Предоставить японцам 50% существующих нефтяных источников.
2. Предоставлять им в будущем 50% тех, которые они откроют.
3. Отчисление 10% с валовой добычи (не с чистой), но не ультимативно.
4. Предоставить им для разведок площадь в 1000 кв. верст, в качестве же крайней уступки дойти до 4000 кв. верст.
5. Согласиться на отсутствие налогов и вывозных и ввозных пошлин, за исключением подесятинной платы***.

Чичерин

Приписка Чичерина: “ноябрь 20% и 50%”.

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1000. Л. 155. Черновик.

* Подпись неразборчива.

** Штамп: “Прот[окол] ПБ № 26, п. 1–Е”. См. док. № 166.

*** Слова “и вывозных и ввозных пошлин, за исключением подесятинной платы” вписаны от руки Г.В. Чичериным вместо слов “как было в прежнее время”.

*Телеграмма Л.М. Карахана в НКВД СССР с запросом
о размерах отчислений с добычи нефти на японских концессиях*^{1*}

1 октября 1924 г.^{2*}

Пекин

Шифром

Сов. секретно

Москва, НКВД

1. [При] обсуждении выяснил, что японцы рассматривают 4000 кв. верст как площадь, где могут производить разведку. Нельзя ли согласиться на 4 тыс. кв. верст как на разведочную площадь, включая сюда и площадь производимых неоднократно работ ...^{3*} а из существующих нефтяных месторождений мы даем установленные проценты.

2. Синклеру для разведочных работ мы дали на первый год весь Сахалин, на второй – 20 тыс. верст и третий, четвертый, пятый годы – 10 тыс. верст. Японцы это, конечно, знают.

3. Я спрашивал японцев: если мы даем для разведки 4000, то согласны они, что из установленной нефти они получают часть. Их возражения: если они забьют 20 буровых и в 10-ти будет найдена нефть, это будет означать, что 2 получают они, а 8 отдают нам. Потому 2, что я пока говорю им о сдаче не более 20% существующей нефти.

4. Нужно как-то провести грань между наличными месторождениями и теми, которые не установлены в результате дальнейшей разведки.

5. Нельзя ли установить два критерия: а) с установленных месторождений мы даем установленные Вами проценты, а месторождения, которые они установят будущими разведками, они получат все или повышенные проценты. Надо здесь найти какой-то выход, я думаю, что надо^{4*} применить принципы синклеровской концессии, сократить их количество. Жду срочных инструкций^{5*}

Карахан

Помета: "Получена 1.10.1924. 16 час. 05 мин."

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1000. Л. 154. Дешифрант. Заверенная копия.

1* Штамп: "Прот[окол] ПБ № 26, п. 1–Е". См. док. № 166.

2* Дата получения.

3* Пропуск в тексте.

4* Слова "что надо" вписаны от руки расшифровщиком.

5* См. док. № 166.

№ 166

*Постановление Политбюро ЦК РКП(б) "О Японии"**

№ П 26/1-Е

2 октября 1924 г.

- 1) Предоставить японцам 50% существующих нефтяных источников.
- 2) Предоставить им в будущем 50% тех, которые они откроют.
- 3) Отчисление 10% с валовой добычи (не с чистой), но не ультимативно.
- 4) Предоставить им для разведок площадь в 1000 кв. верст, в качестве же крайней уступки дойти до 4000 кв. верст.
- 5) Срок для производства разведочных работ от 5 до 10 лет.
- 6) Согласиться на отказ от налогов, как и ввозных и вывозных пошлин, за исключением подесятинной платы.
- 7) Освободить в течение 5 лет от попенной платы.
- 8) Дать указания тов. Карахану, что запретная зона остается.

Секретарь ЦК

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1000. Л. 153. Копия.

№ 167

*Письмо Г.В. Чичерина В.М. Молотову
с просьбой уточнить срок действия японских концессий
на добычу угля и нефти***

№ 1256/чс

6 октября 1924 г.
В[есьма] секретно

Тов. Молотову

Копии: членам Политбюро ЦК РКП(б), членам коллегии
НКВД и т.т. Красину, Пятакову и Минкину

Уважаемый товарищ!

В принятых в прошлый четверг решениях по японскому вопросу предусмотрена передача японцам концессий на уголь и нефть на 40 лет***.

В японских предложениях было сказано: 40 или 50 лет.

Надо считаться с тем, что это не окончательный контракт, а тезис, который должен лечь в основу последующего концессионного контракта, так что спорить о 40 или 50 годах можно при заключении концессионного контракта.

* Вопрос представлен Г.В. Чичериным, А.Е. Минкиным. Выписка из протокола № 26 заседания Политбюро ЦК РКП(б) от 2 октября 1924 г., п. 1-Е. Направлена Г.В. Чичерину, Г.Л. Пятакову. См. также док. № 167.

** Штамп: "Прот[окол] ПБ № 27, п. 1-Б". См. док. № 168.

*** Заседание Политбюро 2 октября 1924 г. См. док. № 166.

В только что полученной шифровке тов. Карахан просит оставить от “40 до 50 лет”, имея в виду точно ограничить срок в последующем концессионном контракте.

Мне кажется, что вполне возможно вместо 40 лет поставить в тезисах для будущего концессионного контракта “от 40 до 50 лет”. Надо срочно дать ответ тов. Карахану. Ввиду простоты вопроса мне казалось бы вполне возможным произвести голосование по телефону.

Обращаюсь в Секретариат ЦК с просьбой принять то или иное решение и, если возможно, проголосовать этот вопрос по телефону^{1*}.

С коммунистическим приветом

Чичерин

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1000. Л. 168. Копия.

№ 168

Постановление Политбюро ЦК РКП(б) “О Японии”^{2}*

№ П 27/1-б/с

9 октября 1924 г.

Строго секретно

Принять предложение НКИД об определении срока концессий японцам на уголь и нефть от 40–50 лет^{3*}.

Пом. секретаря ЦК

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1000. Л. 167. Копия.

№ 169

Постановление Политбюро ЦК РКП(б) “Об Англии”^{4}*

№ П 28/1г-с

11 октября 1924 г.

Строго секретно

г) Поручить НКИД пообещать Японии предпочтение при сдаче в концессию второй половины нефтяных ресурсов при соглашении^{5*} Японии немедленно на принятие соглашения в целом.

Секретарь ЦК

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1000. Л. 169. Копия.

^{1*} См. док. № 168.

^{2*} Вопрос представлен Г.В. Чичериным, М.М. Литвиновым. Выписка из протокола № 27 заседания Политбюро ЦК РКП(б) от 9 октября 1924 г., п. 1–Б/с. Направлена Г.В. Чичерину, М.М. Литвинову.

^{3*} См. док. № 167.

^{4*} Вопрос представлен Г.В. Чичериным, М.М. Литвиновым. Выписка из протокола № 28 заседания Политбюро ЦК РКП(б) от 11 октября 1924 г., п. 1г.

^{5*} Так в тексте. Очевидно, должно быть “согласии”.

№ 170

*Японский проект
дополнительной ноты правительства СССР
с извинениями за николаевский инцидент 1920 года
и с примечанием НКИД СССР¹*

Не позднее 13 октября 1924 г.*

Дополнительная нота

Приступая сего числа к подписанию конвенции, охватывающей основные правила отношений между Японией и Союзом ССР, нижеподписавшийся уполномоченный Союза ССР настоящим имеет честь принести правительству Японии выражение искренних сожалений своего правительства за инцидент, заключавшийся в зверских и преступных актах, имевших место в 1920 году в г. Николаевск-на-Амуре.

Примечание НКИД: Тов. Карахан от этого извинения пока уклоняется.

(Подпись)

Пекин (дата)

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1000. Л. 183. Копия.

¹ Примечание НКИД составлено Г.В. Чичериным и вместе с проектом конвенции приложено к его записке в Политбюро ЦК от 13 октября 1924 г. (см. док. № 171).

№ 171

*Записка Г.В. Чичерина в Политбюро ЦК РКП(б)
о рассылке нового японского проекта
советско-японской конвенции***

№ 1289/чс

13 октября 1924 г.

В Политбюро ЦК РКП(б)

Копии: членам Политбюро, членам коллегии НКИД и т.т. Красину. Пятакову, Сокольникову и Уншлихту

В начале июня мною был разослан членам Политбюро проект японского договора***, причем двумя столбцами параллельно были написаны проекты т. Карахана и японские проекты. Этот документ совершенно устарел. При докладе т. Карахана от 11 августа был приложен новый японский проект конвенции с прило-

* Датируется по док. № 171.

** Штамп: "Прот[окол] ПБ № 29, п. 4-Б" См. док. № 174.

*** О содержании японского проекта см.: ДВП СССР. Т. 7. С. 711-713.

жением двух протоколов. Рассылаю здесь перевод этого японского проекта, причем после каждой статьи в виде примечания НКИД указываю, каковы наши возражения или предложения по поводу каждой данной статьи¹.

Особо присоединяю некоторые полученные в самые последние дни новые японские и наши статьи*.

Все это не имеет еще окончательного характера, ибо до самого момента подписания могут происходить те или другие изменения и может вдруг представиться возможность за какую-либо компенсацию получить более выгодную формулировку.

Наркоминодел Чичерин

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1000. Л. 175. Копия.

¹ См. док. № 146, 147. Протокол Б первый раз был передан Л.М. Караханом по телеграфу 9 августа 1924 г. См. док. № 148.

№ 172

*Записка Г.В. Чичерина в Политбюро ЦК РКП(б)
о возможном принятии новой японской редакции абзаца
о наибольшем благоприятствовании в тексте
советско-японской конвенции***

№ 1293/чс

14 октября 1924 г.

В Политбюро ЦК РКП(б)

Копии: членам Политбюро и членам коллегии НКИД

В дополнение к разосланному мною вчера тексту японского проекта договора с указанием наших контрпредложений*** сообщаю, что только что получена из Пекина телеграмма с новым японским проектом абзаца о наибольшем благоприятствовании.

Напомню, что Политбюро приняло 27 июня японскую формулу: “При заключении торгового договора обе стороны примут во внимание торговые договора или соглашения, которые существуют или могут быть заключены с третьими странами”****. Это есть неясная формула, напоминающая наибольшее благоприятствование, но не имеющая точного императивного характера. Она даст нам возможность при будущих переговорах о торговом договоре принимать во внимание другие договора, не давая Японии полного наибольшего благоприятствования.

* См. док. № 160, 170.

** Штамп: “Прот[окол] ПБ № 29, п. 4–Б”. См. док. № 174.

*** См. док. № 146.

**** См. док. № 145.

Теперь японцы предложили новую более распространенную формулу: “ни одна из договаривающихся сторон не будет применять к другой стороне каких-либо несправедливых запретительных или ограничительных мер импорта, могущих воспрепятствовать росту экономических или других сношений между обеими странами, причем намерением обеих договаривающихся сторон является то, чтобы торговля, навигация и промышленность каждой страны была по мере возможности поставлена в положение наибольшего благоприятствования”.

Мне кажется, что эта формула является не менее каучуковой, чем принятая 27 июня, и что она нас в будущем не стеснит, ибо она говорит о применении наибольшего благоприятствования по мере возможности. Что касается обещания не применять несправедливых запретительных или ограничительных мер ввоза, могущих мешать развитию экономических отношений, то мы, конечно, несправедливых мер не будем применять, а НКВТ мы считаем весьма справедливым.

Наркоминодел Чичерин

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1000. Л. 174. Подлинник.

№ 173

*Отзыв врид. зампредреввоенсовета СССР И.С. Уншлихта
на проект конвенции между СССР и Японией**

№ 03196

16 октября 1924 г.
Москва

Наркоминдел – тов. Чичерину

Копия: Политбюро ЦК РКП(б)

Рассмотрев переданный Вами материал, касающийся проекта конвенции между СССР и Японией**, сообщаю:

- 1) Со всеми примечаниями НКИД Рев[воен]совет согласен.
- 2) По статье 3-й о рыболовной конвенции определенного заключения дать не представляется возможным за неимением всего материала (формулы Политбюро). По статье 2-й ввиду того, что, согласно примечанию НКИД, мы снимаем с себя ответственность за выполнение Портсмутского договора, является необходимым ввести дополнительную статью, гарантирующую нашу военную безопасность на корейской границе, маньчжурской границе и на Сахалине, а именно:

* Штамп: “Прот[окол] ПБ № 29, п. 4–Б”. См. док. № 174.

** См. док. № 168.

а. Является необходимым подтвердить последний абзац 11-й статьи Портсмутского договора, гласящего: “Обе высокие договаривающиеся стороны воздержатся от принятия на русско-корейской границе каких-либо военных мер, могущих угрожать безопасности русской или корейской территории”, причем под мерами военного характера нужно подразумевать и подготовку театра военных действий в отношении постройки железных дорог. Это связано с проведением японцами железной дороги на Кенг-Шен, что является угрозой Приморской области.

б. В отношении статьи 7-й Портсмутского договора, касающейся эксплуатации Китайско-Восточной железной дороги в Маньчжурии, необходимо установить принцип, по которому эксплуатация названной дороги устанавливалась бы каждой стороной самостоятельно на основании договорных отношений с Китаем как с суверенным государством, ибо эта статья Портсмутского договора лишает нас возможности производить перевозки войск по указанной дороге в стратегических целях.

в. Подтвердить последний абзац статьи 9-й Портсмутского договора о Сахалине, коим указывается: “Россия и Япония взаимно соглашаются не возводить в своих владениях на острове Сахалине и на прилегающих к нему островах никаких укреплений, ни подобных военных сооружений, равным образом они взаимно обязуются не принимать никаких военных мер, которые могли бы препятствовать свободному плаванию в проливах Лаперузовом и Татарском”, причем к числу военных сооружений должно быть отнесено: постройка ангаров, воздушных портов и аэродромов для военной и гражданской авиации.

4) По статье 6-й проекта конвенции о сдаче концессий Японии Штаб РККА считает необходимым по соображениям военного характера выставить следующие ограничения:

а. Воспретить обслуживание разработок авиации, а следовательно, и сооружений на территории, передаваемой в концессию, каких бы то ни было воздушных портов, аэродромов и т.п.

б. Допустить концессионеров пользоваться только существующей на территории концессии радиосвязью (если это окажется необходимым), сооружение же новых радиостанций считать недопустимым.

в. Воспретить плавание военных судов Японии в территориальных водах северной части Сахалина, а следовательно, и устройство новых или оборудование старых бухт и портов для воен-

ного флота, за исключением указанного выше свободного плаванья в проливах Лаперузовом и Татарском.

г. Безусловно воспретить ввоз оружия и ввод вооруженной силы независимо от числа и количества для охраны личного персонала и имущества концессий.

д. Установить порядок контроля над концессиями вообще, за набором рабочих и служащих в частности, который не дал бы возможности обратиться территорию концессии в базу для бандитских налетов на территорию СССР.

По поводу японского проекта статей о долгах и претензиях в добавление к примечанию НКВД Рев[воен]совет считает необходимым включить:

а. Возврат уведенных японцами военных судов и торговых*.

б. Возвращение оружия и военных припасов, увезенных японцами с территории Дальнего Востока во время интервенции.

в. Возмещение военных убытков, связанных с разрушением оборонительных сооружений Владивостокской крепости, а также возвращение увезенных планов обороны.

В остальном проект конвенции и приложенные к нему материалы возражений не вызывают.

Врид. зампредрев[воен]совета СССР Уншлихт

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1000. Л. 171–173. Подлинник.

№ 174

*Постановление Политбюро ЦК РКП(б) “О конвенции с Японией”***

П 29/4-б/с

16 октября 1924 г.

Строго секретно

а) Поручить НКВД согласовать с РВСР и ГКК вопрос о возможности сдачи японцам части запретной зоны и представить в П[олит]бюро проект решения для опроса по телефону членов Политбюро.

б) Поручить НКВД вместе с РВСР и ОГПУ обсудить вопрос о том, какие имеются возможности соглашения с Японией в том случае, если не удастся добиться эвакуации Сахалина до конца навигации.

* См. док. № 136, прим. 4.

** Вопрос представлен Г.В. Чичериным, Л.Б. Красиным, Г.Л. Пятаковым, И.С. Уншлихтом. Выписка из протокола № 29 заседания Политбюро ЦК РКП(б) от 16 октября 1924 г., п. 4–Б. Направлена Г.В. Чичерину, М.М. Литвинову.

в) Передать вопрос об изменении формулы о наибольшем благоприятствовании, принятой П[олит]бюро 27.VI. с.г., на согласование НКИД и НКВТ на основе состоявшегося в Политбюро обмена мнений.

Секретарь ЦК

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1000. Л. 170. Копия.

№ 175

*Записка Г.В. Чичерина в Политбюро ЦК РКП(б)
о реакции заинтересованных учреждений на предложение Японии
о передаче ей в концессию 40% нефтеносных площадей**

21 октября 1924 г.

В Политбюро ЦК РКП

Копии: членам Политбюро, членам коллегии НКИД
и т.т. Красину, Пятакову, Уншлихту и Минкину

Последние предложения Иосидзавы относительно концессий** исходят якобы от него самого (обычный метод при зондажах). Они настолько близко подходят к нашей точке зрения, что заставляют надеяться на благополучный исход переговоров. Наша позиция заключалась в различении разведочной площади, предоставляемой в размерах от 1000 до 4000 кв. верст, и нефтяных источников, которых 40% мы согласны предоставить японцам. Теперь в последних предложениях Иосидзавы нефтяные источники разбиваются на нефтеносную площадь и буровые скважины, причем Иосидзава согласен на получение Японией 40% нефтеносных площадей с тем, чтобы все разрабатываемые сейчас японцами буровые скважины оказались переданными им. Тов. Карахан считает это приемлемым, ибо мы можем рядом устроить свои скважины и высасывать нефть. Тов. Карахан предлагает еще альтернативу в формуле о разбивке нефтеносных площадей на квадраты, причем тов. Красин находит это приемлемым в том случае, если квадраты будут очень маленькие. С ГКК эти вопросы в данный момент находятся в процессе согласования. Тов. Кубяк стоит за предоставление японцам всей нефти Северного Сахалина. Перевод формулы Иосидзавы прилагаю.

Относительно предоставления японцам Дуйских копей в заповедном районе Реввоенсовет предлагает военные гаран-

* Штамп: "Прот[окол] ПБ № 30, п. 1-А". См. док. № 178.

** См. приложение ниже.

тии, относительно которых тов. Карахан запрошен. Реввоенсовет также выдвинул несколько комбинаций на случай невозможности эвакуации японских войск до подписания договора, хотя по последним известиям как от тов. Карахана, так и от Реввоенсовета оказывается, что японцы провели пути из Северного Сахалина в Южный, так что эвакуация в таком случае может быть произведена даже зимой, если только это подтвердится.

Наркоминодел Г. Чичерин

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1000. Л. 188. Подлинник.

Приложение

*Формула К. Иосидзавы о предоставлении Японии
40% нефтяных площадей Северного Сахалина в концессию
и преимущественного права на разработку остальных
сдаваемых иностранцам нефтеучастков**

17 октября 1924 г.

Иосидзава передал тов. Карахану следующую формулу относительно размеров концессий, причем заявил, что это его личное предложение, не связывающее японское правительство, которому формула была отправлена для получения его одобрения: "1. СССР соглашается предоставить Японии 40% нефтяных площадей, упомянутых в японском меморандуме 29 августа, причем устанавливается, что все нефтяные скважины, которые теперь разрабатываются Японией, будут включены в предоставленные Японии проценты площади; 2. СССР соглашается также предоставить Японии 40% всех остальных нефтяных площадей, которые в настоящее время известны в Северном Сахалине, и 40% тех, которые будут открыты в будущем; 3. Остальные 60% нефтяных площадей в Северном Сахалине будут удержаны СССР при том условии, что, если СССР согласится предоставить концессии иностранным гражданам из этих 60% или начать там совместные предприятия с иностранными гражданами, Япония получит право преимущественного опциона. Устанавливается, что Дуйские копи в пределах прежнего заповедного района будут предоставлены Японии; остальные угольные копи в пределах этого района будут удержаны СССР, причем устанавливается, что в случае, если эти копи будут предоставлены иностранным

* Штамп: "Прот[окол] ПБ № 30, п. 1-А". См. док. № 178.

гражданам, Япония получит на них опцион. Устанавливается также, что угольные копи будут предоставляться Японии в размерах точно определяемой площади вне заповедного района”.

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1000. Л. 189. Перевод.

№ 176

Письмо Главконцесскома СССР Г.В. Чичерину о необходимости выяснения состояния нефтедобычи на Северном Сахалине

№ 469/с

21 октября 1924 г.
Совершенно секретно
Срочно!

Наркоминдел – тов. Чичерину

Копии: Политбюро – тов. Молотову

Тов. Пятакову, тов. Красину, тов. Сокольникову

В связи с поднятым Иосидзавой вопросом о предоставлении японцам в числе 40% всех нефтяных скважин, где теперь работают японцы*, следует еще раз отметить, что у нас почти нет данных о состоянии работ на Сахалине в настоящее время. Судя по имеющимся у нас данным, можно заключить, что за время оккупации японцы пробурили около 20 новых скважин. Около 10 скважин, в том числе несколько глубоких, они унаследовали при занятии острова. Полагаю, что в противовес формуле Иосидзавы следует выдвинуть предложение, согласно которому все предприятия, постройки, инсталляции и оборудование, которые японцы возвели на Сахалине, переходят к ним в числе 40%; все то, что они унаследовали на Сахалине при занятии его, переходит к нам в числе 60%.

Если эта формула будет принята, то в наших руках окажется почти оборудованное нефтяное предприятие на реке Оха, продукты которого имеют прямой выход по Амуру для нужд Дальнего Востока. Также перейдут к нам и угольные шахты, на которых ныне работают японцы.

Относительно предложения тов. Карахана о предоставлении японцам преимущества в случае сдачи нами участков (из наших 60%) иностранцам или привлечения последних в смешанное общество, то, если это предложение по каким-либо мотивам будет принято, необходимо обязательно оговорить срок, в течение которого это обязательство будет иметь силу. Полагаю, что 5-летний срок будет достаточен.

* См. док. № 175, приложение.

Что касается вопроса о запретительной зоне и о возможности сдачи японцам разработки угля в Дуэ, то нужно отметить, что у нас нет данных о границах запретительной зоны. Когда вопрос о запретительной зоне был задет на одном из последних заседаний Политбюро, то нам казалось, что запретительная зона начинается с 51°30' параллели и севернее к Невельскому проливу. Дуэ же находится южнее 51° параллели и южнее поста Александровска.

По данному вопросу необходимо получить отзыв Реввоенсовета Союза.

Член Главного концессионного комитета
при СНК Союза ССР Минкин
Управделами Главконцесскома М. Оскольский

Р.С. Было бы весьма полезно, если бы можно было получить согласие японцев на посылку на Сахалин нашей комиссии для ознакомления с фактическим положением работ.

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1000. Л. 185–186. Подлинник.

№ 177

*Письмо Г.В. Чичерина Л.М. Карахану
о позиции советских учреждений в связи
с японской нефтедобычей на Северном Сахалине**

№ 57

21 октября 1924 г.

Тов. Карахану
Уважаемый товарищ!

Теперь как раз сессия. Меня втянули в новое союзное законодательство, и, кроме того, масса текущих дел. Из прилагаемых документов Вы увидите, каково положение в данный момент. Тов. Кубяк поддерживает предоставление всей нефти японцам. ГKK через тов. Минкина предлагает, чтобы мы передали японцам их новые скважины и оставили за собой старые японские скважины, причем это каким-то образом должно дать 40% и 60%. Тов. Красин находит, что лучше просто передать японцам нынешние буровые скважины, если мы сами можем быть рядом, ибо мы рядом тоже можем устроить скважины и высасывать ту же нефть, как это водилось около Баку на границах территорий нефтевладельцев, которые всегда пытались высасывать нефть своих соседей. Если же устраивать квадраты, то лучше маленькие квадраты, ибо тогда японцы не смогут оставить за собой це-

* Штамп: "Прот[окол] ПБ № 30, п. 1–А". См. док. № 178.

ликом антиклиналь*. Если же будут устроены большие квадраты, то японцы, зная геологию Сахалина, устроят так, чтобы их квадраты обнимали целиком антиклиналь и чтобы нам ничего не досталось. Это все пока в процессе согласования. Что касается замечаний Реввоенсовета по поводу проекта конвенций**, тов. Уншлихт признал, что неверно понял нашу оговорку относительно Портсмутского договора. Относительно прочего он не настаивает, если это будет достигнуто другим путем или подпадет под другие статьи. Таким образом, он вообще не настаивает на немедленном включении его дальнейших поправок. Что касается Дуйских копей, Реввоенсовет требует военных гарантий, которые Вам сообщены пространной телеграммой. Тут опять может возникнуть вопрос, не ограничиться ли теперь общей формулой о военных гарантиях, отсрочивая детали до концессионного контракта. Вопрос об оружии для Чжан Цзолия находится в процессе согласования, и в данный момент я еще не могу сказать, имеются ли малейшие возможности это сделать. Наконец, предложения Реввоенсовета о комбинациях на случай невозможности ухода японцев с Северного Сахалина до подписания договора отправлены Вам пространной телеграммой, и в данный момент мы ждем Вашего заключения.

Относительно признания Францией Вам послана телеграмма. Де Монви, председатель комиссии по выработке текста признания, имел свидание с тов. Раковским¹ в Дувре и показал ему проект телеграммы с предложением возобновить сношения, которая в случае отсутствия затруднений будет отправлена в конце недели. Сомнительной там является та формула, которая уже была в английском признании, то есть признание власти советского правительства над территориями, признающими его власть, под что можно подвести, если окажется нужным, изъятие для Грузии. Это место в данный момент является камнем преткновения.

О всем остальном пишет Вам тов. Мельников².

С коммунистическим приветом

Чичерин

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1000. Л. 190–191. Копия.

¹ Раковский Христиан Георгиевич (1873–1941) – в 1923–1925 гг. полпред СССР в Великобритании, в 1925–1927 гг. – во Франции.

² Мельников Б.Н. (1896–1937) – заведующий отделом Дальнего Востока НКВД в 1924–1928 гг. В 1928–1931 гг. генеральный консул в Харбине.

* Складка земной коры, обращенная выпуклостью вверх, в ядре которой находятся более древние геологические пласты, чем в боковых крыльях.

** См. док. № 173.

№ 178

Постановление Политбюро ЦК РКП(б) "О Японии"*

№ П30/1-а

23 октября 1924 г.

Строго секретно

а) Принять предложение НКИД о том, что нефтяные участки Сахалина могут быть сданы в концессию Японии в шахматном порядке, однако размер их должен гарантировать, что японцы не получат монополии на эксплуатацию нефти на Сахалине. Определение размера поручить т. Чичерину по соглашению с ВСНХ.

б) Все находящиеся в эксплуатации буровые скважины поступают к японцам при соответствующей замене того квадрата, на котором они находятся, другим квадратом.

в) В тех случаях, когда в распоряжении японцев имеется наше оборудование, требовать от японцев за него денежное возмещение.

Секретарь ЦК

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1000. Л. 187. Копия.

№ 179

Постановление Политбюро ЦК РКП(б) "О Японии"**

П34/1-ж/с

13 ноября 1924 г.

а) Остаться при старом решении, а именно продолжить отстаивать сдачу 40% нефтеносной площади японцам, в качестве дальнейшей уступки наметить сдачу 45% японцам и только в крайнем случае согласиться на сдачу им 50%.

б) Относительно остальной нефтеносной площади остаться при прежнем решении предоставления японцам приоритета в случае сдачи ее иностранцам. Отвергнуть обязательную сдачу японцам нефтеносной площади, не разрабатываемой нами. То же касается угольной площади.

в) Отвергнуть непрерывность японских квадратов за исключением тех случаев, когда она неизбежна вследствие сдачи японцам разрабатываемых ими скважин.

г) Одобрить соглашение о шестимесячном продолжении японцами нынешних работ.

* Вопрос представлен Г.В. Чичериным, М.М. Литвиновым, А.Е. Минкиным, Н.А. Кубяком. Выписка из протокола № 30 заседания Политбюро ЦК РКП(б) от 23 октября 1924 г., п. 1-А. Направлена Г.Л. Пятакову.

** Выписка из протокола № 34 заседания Политбюро ЦК РКП(б) от 13 ноября 1924 г., п. 1-ж. Направлена Г.В. Чичерину, М.М. Литвинову, Г.Л. Пятакову, Ф.Э. Дзержинскому.

д) Одобрить сообщенную т. Караханом последнюю формулу ведения торговли с Японией.

е) Вопрос о размерах квадратов нефтеносной территории поручить разработать ВСНХ.

Секретарь ЦК

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1000. Л. 198. Копия. Л. 199. Черновой автограф Г.В. Чичерина.

№ 180

*Письмо Л.М. Карахана Г.В. Чичерину
об осложнениях в ходе переговоров с Японией
ввиду разногласий в японском правительстве*

№ 98/п

28 ноября 1924 г.
Пекин

Народному комиссару по иностранным делам Г.В. Чичерину

Дорогой Георгий Васильевич!

Ваша телеграмма на основании заключения Минкина о том, что квадраты не должны быть больше $37\frac{1}{2}$ или 40 десятин, дала мне основание предполагать, что всякая меньшая цифра будет для нас приемлема, и поэтому цифра в 20 десятин, на которую согласен Иосидзава, мне казалась приемлемой, но дальнейшие Ваши сообщения говорят, что это очень маленькая цифра и что нужно настаивать на $37\frac{1}{2}$ или 40. У меня такое впечатление, что японцы как раз хотели бы больших квадратов, и поэтому, если мы выдвинем $37\frac{1}{2}$ или 40 десятин, они, пожалуй, согласятся. Но так как я все время возражал против больших размеров квадратов, то думаю выйти из положения таким образом, чтобы сформулировать в соглашении, что квадраты не должны быть менее 20-ти десятин. Таким образом, в будущем концессионном контракте окончательная цифра будет установлена, и мы можем получить и 20, и 30, и 40 – сколько найдем необходимым.

Я не имею, к сожалению, от Вас ответа относительно угольной концессии. Первоначальное предложение, которое Иосидзава, по-видимому, делал лично от себя, заключалось в том, что они хотели получить не только для Дуэ, но в последнем проекте указана цифра в 30% с запретного района. Нужно поторопить наши хозорганы, чтобы они дали окончательно свое заключение по этому поводу. Напоминаю, что первоначальное наше предложение о каменноугольной концессии сводилось именно к 30%, хотя, когда эта инструкция мне давалась, она не была уточнена районом, из которого концессии могут быть получены. Возможно, что Вы не имели в виду запретного района, а возможно, что

при намечении этого процента имелась в виду вся масса наших угольных богатств, включая и запретный район. Из телеграммы Вы уже знаете, в каком положении находятся переговоры. 20-го числа Иосидзава явился ко мне с двумя планами, как он сообщил, которые японское правительство выдвигает. Первый план, чтобы найти выход в пределах фактической возможности. Он особенно подчеркивал слово “фактической”, имея в виду, по-видимому, то фактическое положение, которое они занимают сейчас на Сахалине, а именно – каменноугольный район, разрабатываемый сейчас фирмой “Мицубиси”. Это – первый план. Второй план еще более нелеп. Он заключается в том, что японское правительство хотело бы командировать своего секретаря в Москву для того, чтобы там объяснить московскому правительству свои пожелания относительно концессии, причем мотивировка двоякая: 1) то, что Иосидзава занят очень китайскими делами и не может уделять достаточно времени переговорам, и 2) то, что между обоими правительствами нет достаточно хорошего контакта и, может быть, это ведет к недоразумениям.

Как я Вам уже телеграфировал, я высмеял оба эти плана, и, поскольку речь идет о втором, я категорически его отклонил, заявив, что никакого секретаря мы не пустим в Москву для переговоров, что переговоры дошли до такой стадии, когда нужны не дальнейшие разговоры и обмен мнений, а нужно принимать решение. Что касается первого плана, я сказал, что не отказываюсь принять к рассмотрению любое компромиссное решение, но только если это решение будет компромиссное, а не будет заключаться в дальнейшей настойчивости на японских требованиях, которые для нас неприемлемы. Любопытно отметить, что Иосидзава прочел мне инструкцию из Токио, выслушал мой ответ и ни звука не прибавил, хотя я ему задал несколько вопросов. Он сказал, что имеет поручение довести до моего сведения инструкцию и передать точно мой ответ в Токио и ни в какой обмен мнений он не может вступать. Он выполняет только то, что ему приказывает правительство, причем это было сделано очень подчеркнуто, а в дальнейшем он дал мне понять, что положение его очень пошатнулось, что ему не особенно доверяют. Мы расстались на том, что ввиду моего согласия рассмотреть компромиссный проект, который может быть выдвинут со стороны токийского правительства, он попросит разрешения на это и представит мне этот конкретный план компромисса.

Из различных источников мы получили подробности о положении Иосидзавы. Между ним и Мининделом очень серьезные разногласия по русскому вопросу. Иосидзава стоит за то, чтобы

принять наше предложение, Сидэхара¹ – против. И так как Иосидзава проявлял все время настойчивость, требуя, чтобы японское правительство пошло на уступки, то отношения между ним и Сидэхарой очень натянутые и Сидэхара хочет как-нибудь избавиться от Иосидзавы как делегата по ведению переговоров. Для того чтобы наблюдать за Иосидзавой, в Пекин командирован в качестве секретаря Савада, который должен заменить Курасава. Савада, близкий родственник Мицубиси, он женат не то на племяннице, не то на двоюродной сестре Мицубиси. Таким образом, эта фирма не удовлетворена переговорами через Иосидзаву и посылает прямо представителя своей фирмы для контроля на конференции. Приезд Савады произвел ошеломляющее впечатление в японской миссии и еще более обострил отношения между Иосидзавой и Сидэхарой. В ближайшие дни, по-видимому, я получу ответ японского правительства, возможно, и конкретный план компромисса, о чем Вы будете знать по телеграфу.

С коммунистическим приветом

Карахан

Помета: “т. Сталину”.

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1000. Л. 200–202. Копия.

¹ Сидэхара Кидзюро (1872–1951) – в 1924–1927 и в 1929–1931 гг. министр иностранных дел Японии.

№ 181

*Записка Г.Л. Пятакова в Политбюро ЦК РКП(б)
о распределении сдаваемых в концессию японцам
нефтяных участков*

№ 830/с

18 декабря 1924 г.
Секретно

В Политбюро ЦК РКП(б)

После всестороннего рассмотрения вопроса об условиях, на которых может быть предоставлена японцам концессия на разработку сахалинской нефти, Президиум ВСНХ СССР пришел к следующим основным положениям как гарантирующим защиту наших интересов на Сахалине:

I. В случае, если окажется, что вся нефтеносная площадь, на которую претендуют японцы, распадается на несколько отдельных районов, то, безусловно, необходимо добиваться, чтобы в распоряжении СССР оставалось 60–50% от каждого из таких районов.

II. Сохранение за СССР 60–50% нефтеносных площадей производится не суммарно, а в шахматном порядке, причем каждый квад-

ратик шахматного поля ни в коем случае не должен быть менее 37 десятин. То, что японцы добиваются установления квадратов в 20 десятин, по-видимому, свидетельствует об установлении ими залегания нефти гнездами, и малая величина квадратов, следовательно, даст им возможность большего выбора и “подсасывания” нефти из соседних им неотведенных нефтеносных участков.

III. При выборе квадратов нам необходимо добиваться, чтобы принадлежащие нам квадратики были расположены по преимуществу в меридиональном направлении, так как можно предполагать, что залежи нефти именно сильнее всего в направлении с севера на юг.

IV. Решение вопроса о предоставлении японцам 40–50% нефтеносных площадей, а также и разделение самих квадратов между СССР и Японией может последовать только после того, как японское правительство предоставит нам все имеющиеся у него материалы о сделанных на Сахалине нефтеносных разведках.

Для этого должна быть создана специальная комиссия из представителей СССР и Японии, в состав которой должен непременно входить и представитель нашего Геологического комитета.

Председатель ВСНХ СССР Г. Пятаков

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1000. Л. 203–203об. Подлинник.

№ 182

*Телеграмма Л.М. Карахана в НКВД СССР
о достижении договоренностей с японцами
по некоторым статьям концессионного соглашения
и о затруднениях с эвакуацией японских войск
из Северного Сахалина**

№ 556, 557

27 и 29 декабря 1924 г.
Пекин

Москва, НКВД

Через РОСТА. Наша выдержка принесла плоды.

1. Протокол Б можно подписать без изменений. Вместо преимущественного права японцы согласились на равных с другими иностранцами. Проценты выше тех, на что Вы давали согласие. Остается увеличить размер квадратов, на что они, конечно, пойдут.

2. Хотя английская формула более общего характера, чем наши предположения** японцам, я думаю, можно ее принять.

* Штамп: “Прот[окол] № 43, п. 3–Б”. См. док. № 186.

** Так в тексте. Очевидно, должно быть “предложения”.

3. Статья о рыбе должна нас вполне удовлетворить; она не требует никаких дополнений и оговорок, в том числе о том, что не будем сдавать на Сахалине.

4. Как быть с радиостанциями? Их формула значит, что они будут продолжать работать. Не лучше ли ничего не говорить или сказать, что они будут работать под нашим контролем, а может, лучше этого не говорить, как само собой разумеющееся.

5. Наиболее трудноразрешимым является вопрос эвакуации, ибо здесь действительно в настоящий момент имеются физические препятствия. Если соглашение подпишем к середине января, то только в начале февраля оно вступит в силу. Шестимесячный срок заключения концессионного контракта истечет в начале августа. Согласно японскому предложению, к середине мая все войска будут выведены. Вся эвакуация продлится три месяца. Из всех данных видно, что физические препятствия действительно имеются. Мне надо знать, что я могу требовать физически выполнимого. Голословное требование полной эвакуации в месячный или двухмесячный срок не даст результатов. Нужно, чтобы специалисты дали бы мне технические указания на этот счет. Альпов сообщал мне 10 ноября, что подготовлен к переброске военотряда, но что переброска может быть совершена только в ноябре. В другой телеграмме, переданной вам 15 октября, Альпов сообщал, что хотя японцы, [по] его сведениям, могут эвакуировать в декабре, но нам крайне трудно [в] этих сроках занять Сахалин. Я его запрашиваю вновь, ибо было бы бесцельно спорить с японцами о таких сроках, которые невыполнимы для переброски наших собственных войск и администрации. Уверен, что во всяком случае нам трудно будет немедленно восстановить [по] физическим условиям нашу власть на восточном берегу, да и не так важно. Главное – взять Александровск и западный берег. В понедельник буду выяснять с Иосидзавой подробности и настаивать на немедленной эвакуации. Срочите*.

Карахан

Пометы: “Получены 27 и 29.12 [19]24 г. в 21.15 и 13.20 час.”; “Расшифр[ованы] 28 и 29.12.[19]24 г. в 2.30 и 16 час.”; “Расшифр[овали] Тарасов и Дудникова”.

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1001. Л. 15–16. Дешифрант. Заверенная копия.

* См. док. № 186.

*Телеграмма Л.М. Карахана в НКВД СССР
о японском варианте основ концессионного контракта
и о готовности Токио эвакуировать свои войска
весной 1925 года**

28 декабря 1924 г.

Сегодня было первое заседание с японцами после месячного перерыва. Иосидзава вручил нижеследующие предложения:

Абзац 1-й. Следует полный текст протокола**：“Обе стороны соглашаются принять нижеследующее как базис концессионных контрактов, которых обсуждение должно начаться немедленно после вступления в силу данной конвенции и должно быть заключено в шестимесячный срок, считая с этого дня.

1. Правительство СССР соглашается предоставить японским обществам, рекомендованным японским правительством, в качестве концессии в эксплуатацию 50% площади каждого из нефтяных месторождений Северного Сахалина, упомянутых в меморандуме, переданном российскому представителю японским представителем 29 августа [19]24 г. С целью определения площади, долженствующей быть сданной японским обществам для этой эксплуатации, каждое из этих нефтяных месторождений будет разделено по шахматному принципу на квадраты не менее 15 десятин каждый, причем количество этих квадратов, представляющее 50% всей площади, будет передано японцам; причем устанавливается, что сданные таким образом японцам квадраты в качестве общего правила не смежны одни с другими, однако будут включать все скважины, которые теперь обслуживаются или разрабатываются японцами. Что касается остальных, не сдаваемых частей нефтяных месторождений, упомянутых в указанном меморандуме, стороны соглашаются, что, если советское правительство постановит предоставить такие участки целиком или частично для иностранных концессий, японским обществам будет предоставлена равная возможность касательно такой концессии.

2. Советское правительство тоже соглашается разрешить японским обществам, рекомендованным японским правительством, производить розыски нефтяных месторождений в течение 5–10 лет на восточном берегу Сев[ерного] Сахалина на

* Штамп: “Прот[окол] ПБ № 43, п. 3–Б”. См. док. № 186.

** Протокол Б.

площади в 1000 кв. верст, которая должна быть выбрана в годовой срок после заключения концессионных контрактов, и, если в результате этих разведок месторождения будут установлены японцами, 50% площади установленных таким образом месторождений будут в качестве концессий переданы в эксплуатацию японцам.

3. Советское правительство соглашается предоставить японским обществам, рекомендованным японским правительством, в качестве концессии в эксплуатацию угольные залежи на зап[адном] берегу Сев[ерного] Сахалина на определенной площади, которая будет установлена в концессионных контрактах, причем устанавливается, что Дуйские копи будут включены в сдаваемую площадь. Что касается угольных залежей вне этой определенной площади, устанавливается, что, если советское правительство решит предложить их иностранным концессионерам, японским обществам будет предоставлена равная возможность относительно таких концессий.

4. Срок установленных выше концессий на нефть и уголь будет от 40 до 50 лет.

5. В качестве отчисления за эти концессии японские концессионеры будут ежегодно уплачивать советскому правительству по отношению к угольным залежам от 5 до 8% валового дохода, а по отношению к нефтяным месторождениям – от 5 до 15% валового дохода, причем в случае наличия фонтана отчисление может быть повышено до 45% валового дохода. Процентная норма дохода для того или другого отчисления будет окончательно установлена в концессионных контрактах, причем может быть установлена скала ежегодного дохода с тем, чтобы определить эту скалу в контрактах.

6. Упомянутым японским обществам будет разрешено рубить деревья, необходимые для их предприятий, и налаживать разнообразные приспособления с целью облегчения коммуникации и транспорта материалов и продуктов. Детали будут установлены в контрактах.

7. Ввиду вышеупомянутых отчислений и принимая во внимание невыгодное положение, в которое предприятия будут поставлены ввиду географических и других общих условий этих местностей, устанавливается, что ввоз и вывоз всяких предметов, материалов, продуктов, необходимых для этих предприятий или получаемых с этих предприятий, будет освобожден от пошлин и предприятия не будут подвергаться такой таксации и ограничениям, которые фактически могли бы сделать невозможной прибыльную разработку.

8. Советское правительство предоставит всякое разумное покровительство и льготы упомянутым предприятиям”.

Абзац 2-й. Вместо прежних формул 5-й ст[атьи] касательно воздержания от враждебных действий японское правительство предлагает перенести текстуально 18-ю ст. английского договора 8 августа¹.

В-третьих, вместо прежних формул 3-й статьи о рыбных ловлях японское правительство предлагает следующую формулу: “Договаривающиеся стороны соглашаются, что после вхождения в силу данной конвенции они приступят к пересмотру конвенции 1907 г. о рыбных ловлях, принимая во внимание существующие законы каждой договаривающейся стороны, а также изменения, которые могли иметь место в общих условиях со времени заключения рыболовной конвенции. Впредь до заключения пересмотренной таким образом конвенции советское правительство оставит в силе практические мероприятия, применявшиеся в [19]24 г. относительно сдачи в аренду рыбных участков японским подданным”.

4. В ноте о продолжении работ, ввиду возражений Карахана против радиостанций, японское правительство предлагает или ничего не сказать и оставить в силе только проект Иосидзавы от 10 ноября, или прибавить в ноте следующее: “вопрос о японских радиостанциях на Сев[ерном] Сахалине оставляется открытым для разрешения в будущем”

По вопросу об эвакуации Иосидзава сегодня заявил Карахану, что японское правительство готово удалить войска, как только это будет физически возможно. Иосидзава сообщил Карахану полученную сегодня от японского правительства инструкцию: “1. В случае, если конвенция между обеими странами вступит в силу до середины февраля, японская армия на Сев[ерном] Сахалине прекратит оккупацию постепенно секциями, где администрация будет передана властям СССР, так что все оккупированные части будут эвакуированы приблизительно в течение месяца, начиная с середины апреля. 2. Детали, касающиеся передачи администрации и прекращения оккупации, будут установлены в Александровске между российскими представителями и главнокомандующим японскими войсками”

Иосидзава обещал на следующем заседании в понедельник передать все детали относительно расквартирования войск на Сахалине и объяснить, почему немедленная эвакуация затруднена. Как пример Иосидзава указал, что для перемещения отряда из Охи в Александровск необходимо от одного до полутора месяцев, причем длина пути 400 верст, передвижение совер-

шается на санях с собаками, нет зимних станций и на всем протяжении пути имеется только одно здание, могущее укрывать только 5–7 человек. Навигация из Александровска открывается в середине апреля, причем навигация с восточного берега возможна с начала июля. Карахан указал на возможность демобилизовать войска, которые могут остаться в качестве частных граждан, пока эвакуация будет физически возможна. Иосидзава заметил, что если японцы будут не в состоянии удалиться из какого-либо пункта по физическим причинам, то и советские власти со своей стороны не могут по тем же причинам достигнуть этого пункта. Оставить же какое-нибудь место без всякой власти невозможно. Японские войска на Сахалине выполняют не только полицейские обязанности, но все функции гражданских властей: по школьному делу, санитарным мероприятиям, дорожному делу. В настоящее время имеется всего 1300 японских солдат на Сахалине, включая около 300, находящихся на восточном берегу².

Карахан

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1001. Л. 11–14. Перевод.

¹ Общий договор между СССР и Великобританией от 8 августа 1924 г. (См.: ДВП СССР. Т. 7. С. 625–635).

² 29 декабря телеграмма была получена в НКВД и тотчас разослана Г.В. Чичериным вместе с препроводительной запиской тем же адресатам, что и в док. № 184, за исключением Г.Я. Сокольников, а также Б.Н. Мельникову. В записке нарком констатировал большое сближение точек зрения СССР и Японии по рассматриваемым вопросам, хотя и указывал на наличие некоторых неясностей. Среди последних – отсутствие определения размера площади подлежащих сдаче угольных залежей. Также Г.В. Чичерин считал необходимым очень серьезно обдумать разрешение вопроса об эвакуации (см.: АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1001. Л. 10).

*Записка Г.В. Чичерина в Политбюро ЦК РКП(б) о согласии с условиями учреждения японских концессий на Северном Сахалине и о возражениях против новой японской редакции статьи об антиправительственной пропаганде**

№ 1582/чс

31 декабря 1924 г.

В Политбюро ЦК РКП(б)

Копии: членам Политбюро, членам коллегии НКВД
т.т. Фрунзе¹, Сокольникову, Фрумкину², Пятакову, Лежаве
и Менжинскому³

Хотя от т. Карахана еще нет сведений о втором заседании японской конференции, но содержание стоящих перед нами вопросов в достаточной мере выяснено.

В силу новых японских предложений** мы предоставляем в концессию 50% нефтяных месторождений, упоминаемых в японском меморандуме 29 августа, и предоставим 50% месторождений, которые будут установлены в результате разведок, предоставляемых на 5–10 лет японцам на площади в 1000 кв. верст.

Будет применен шахматный принцип, причем квадраты будут не менее 15 десятин. (Напомню, что сначала японцы предлагали гораздо более крупные квадраты, наши хозяйственники предложили 37½ или 40 десятин. В японских предложениях определяется низший предел 15 десятин. Мы предлагаем, что квадраты будут весьма разнообразной величины и что минимум не связывает относительно более крупных размеров квадратов в каждом отдельном случае. Поэтому НКВД предлагает не возражать против этого пункта.)

Квадраты должны быть не смежными, но в те квадраты, которые сдаются японцам, должны быть включены все скважины, которые теперь “бурятся или разрабатываются японцами” Таким образом, этот пункт охватывает также скважины, где японцы производят бурение. Все они перечислены в японском меморандуме 29 августа, так что сюрпризов не будет. В постановлении Политбюро 23 октября*** формула была такая: “Все находящиеся в эксплуатации буровые скважины поступают к японцам при соответствующей замене того квадрата, на котором они находятся, другим квадратом”. Коллегия НКВД считает возможным не возражать против японской формулировки. (В постановлении

* Штамп: “Прот[окол] ПБ № 43, п. 3–Б”. См. док. № 186.

** См. док. № 183.

*** См. док. № 178.

Политбюро был еще пункт о денежном возмещении за наше оборудование. Об этом я теперь напомнил т. Карахану.)

Если не сдаваемые японцам участки мы захотим сдать иностранцам, то в силу японского предложения японцы должны иметь “равную возможность” (у нас говорилось о приоритете). Это же относится к не сдаваемым японцам угольным залежам.

Сдаваемая японцам площадь угольных залежей будет определена в концессионном контракте. Теперь устанавливается только то, что им сдаются Дуйские копи, что нами было уже предусмотрено.

Срок концессии от 40 до 50 лет, как мы и предлагали.

Относительно отчислений японские предложения благоприятны и вполне приемлемы: с угля – от 5 до 8% с валового дохода; с нефти – от 5 до 15% с валового дохода и 45% – с фонтана. Скала того дохода, с которого будет то или другое отчисление, будет определена в контрактах.

Японцы будут рубить деревья и устраивать сооружения для коммуникаций и транспорта, детали же этого будут урегулированы в контрактах.

Мы не будем взимать таможенных пошлин с вывозимых продуктов и с ввозимых необходимых материалов для продукции (это мы предусматривали). Политбюро в свое время постановило требовать с японцев попенной и подесятинной платы*; в японских предложениях это не упоминается, но говорится, что мы не подвергнем их предприятия такой таксации или таким ограничениям, которые сделают невозможной прибыльность их предприятий. Таксация, таким образом, не отвергается. В общем и целом мы будем оказывать предприятиям покровительство и предоставлять льготы. Это весьма обще и неопределенно, так что значения не имеет.

К нашим прежним предложениям о продолжении работ в течение шестимесячного срока до подписания контрактов японцы прибавляют: или не упоминать о радиостанциях, или прибавить, что вопрос о радиостанциях будет урегулирован особо. Так как речь идет только о шестимесячном сроке, это значения не имеет и РВСР против этого не возражал.

Суммируя вышеизложенное, коллегия НКВД предлагает все эти японские предложения принять.

Зато коллегия предлагает отвергнуть предложение японцев о замене прежней статьи о воздержании от пропаганды соответствующей статьей в английском договоре 8 августа. Как раз пос-

* См. док. № 166.

леднюю Политбюро считало совершенно неприемлемой, и по этому поводу мы упрекали в свое время т. Раковского. Наша прежняя формулировка этой статьи гласила так: “Каждая из высоких договаривающихся сторон соглашается, во-первых, не вести пропаганды для свержения политических и социальных учреждений другой стороны, во-вторых, не поддерживать каких-либо организаций и групп, претендующих на звание правительства другой стороны или агентов подобных организаций и групп, и, в-третьих, не разрешать в пределах своих территорий существования каких-либо организаций или групп такого рода или их агентов”. В этой формулировке мы обязуемся не поддерживать и не разрешать у себя таких организаций, которые претендуют быть правительством другой стороны, это для нас вполне допустимо. С другой стороны, это мешает японцам допускать у себя наши белые правительства. Что касается политических и социальных учреждений, мы обязуемся сами не вести пропаганды, но ничего не говорим о частных организациях. Эта формулировка в свое время докладывалась Политбюро, и против нее не было возражений. Между тем теперь японцы хотят заменить ее ст. 16-й англо-советского договора 8 августа, в которой мы обязуемся удерживать все лица и организации, находящиеся под нашим прямым или косвенным контролем, включая организации, получающие от нас какую-либо финансовую помощь, от какого-либо акта, явного или скрытого, могущего создать опасность для спокойствия другой стороны. В свое время Понсонби⁴ хвастался, что добился от т. Раковского такой формулы, которая гораздо хуже аналогичной формулы в старом англо-советском соглашении. Включать эту формулу в японский договор не следует. Итак, мы предлагаем эту формулу отвергнуть. Можно сослаться на то, что договор с Англией не был ратификован, но как раз эта статья уже подверглась лжеистолкованиям, и ее неудовлетворительность была доказана.

По поводу рыбных ловель японцы предлагают новую формулу, которую коллегия НКВД находит вполне приемлемой: “Договаривающиеся стороны соглашаются после вхождения в силу данной конвенции приступить к пересмотру конвенции о рыбных ловлях 1907 г., принимая во внимание существующие законы каждой договаривающейся стороны, а также те изменения, которые могли произойти в общих условиях со времени подписания рыболовной конвенции. Впредь до заключения конвенции, пересмотренной таким образом, советское правительство будет соблюдать практику, установившуюся в 1924 г. относительно аренды рыболовных участков японским подданным”. Тов. Лежава,

следивший все время за вопросом о рыбных ловлях, находит эту формулу приемлемой, только предлагает прибавить в конце условие, что настоящая формула по истечении 1925 г. подлежит пересмотру, если не будет налицо предусмотренного изменения конвенции 1907 г. Такое добавление вполне целесообразно, только не следует выставлять его ультимативно.

Единственным серьезным затруднением является вопрос об эвакуации. Японские предложения отличаются неопределенностью: они согласны очищать Северный Сахалин постепенно, передавая последовательно каждый очищаемый участок советской администрации с тем, чтобы приблизительно по истечении месяца после середины апреля эвакуация была закончена. Дополнительные детали должны были быть сообщены в понедельник, но мы их не получили. Когда т. Карахан указывал японцам, что их войска могли бы остаться разоруженными в качестве частных граждан при нашей администрации, японцы ответили, что если их войска не могут физически уйти, то советская администрация не может физически прийти. Тем самым центр тяжести переносится на вопрос о возможности нашего прибытия на Сев[ерный] Сахалин.

Тов. Фрунзе сказал мне, что если бы дело шло о небольшом числе людей, то можно было бы даже зимой перейти через лед и проехать на собаках вплоть до северной оконечности острова. Но ведь дело идет о достаточной вооруженной силе для охраны промыслов. Мы ведь обязуемся в течение шестимесячного периода до заключения контрактов охранять японские промыслы. Кстати, т. Альпов телеграфирует т. Менжинскому, что по совету местных людей не надо занимать Сахалин мелким отрядом, ибо характер населения таков, что требует твердой власти. Тов. Серышев телеграфирует т. Менжинскому, что перебросить на собаках батальон войск слишком трудно. Тов. Фрунзе говорил мне, что переброска вооруженных сил зимой стоила бы колоссальных сумм. В результате т. Фрунзе считает возможным занятие нами Сев[ерного] Сахалина только в апреле, что совпадает с японским предложением.

Коллегия НКВД предлагает поставить вопрос ясно и четко, обязав японцев не ставить препятствий приходу нашей администрации на Северный Сахалин и сейчас же после этого увести свои войска или же по крайней мере разоружить их, если увод окажется физически невозможным.

Основное предложение НКВД следующее: "Оставаясь при основном шестимесячном сроке для заключения концессионных контрактов на Сев[ерном] Сахалине, сделать оговорку, что во

всяком случае должно пройти не менее трех месяцев с момента ухода японских войск с Сев[ерного] Сахалина до подписания концессионных контрактов”. Мы должны указать, что мы не можем заключать контракты вслепую и должны сначала осмотреться и ознакомиться с местными условиями.

Таким образом, НКВД делает три предложения: отклонить формулировку английского договора о пропаганде; зафиксировать согласие японцев допустить нашу администрацию и потом уйти; установить минимальный трехмесячный срок между эвакуацией и подписанием контрактов.

Наркоминодел Г. Чичерин

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1001. Л. 3–7. Подлинник.

¹ Фрунзе Михаил Васильевич (1885–1925) – в 1924–1925 гг. председатель Реввоенсовета СССР, нарком по военным и морским делам, начальник Штаба РККА.

² Фрумкин Моисей Ильич (1878–1938) – в 1922–1929 гг. заместитель наркома внешней торговли и наркома финансов СССР. В 1929–1930 гг. председатель правления объединения “Союзрыба”.

³ Менжинский Вячеслав Рудольфович (1874–1934) – в 1923–1926 гг. заместитель председателя, в 1926–1934 гг. председатель ОГПУ СССР.

⁴ Лорд Артур Понсонби (1871–1946) – британский политик и дипломат, член английского парламента.

1925 год

№ 185

*Записка Г.В. Чичерина в Политбюро ЦК РКП(б)
и коллегию НКВД СССР о работе японской радиостанции
на Северном Сахалине и порядке эвакуации оттуда
японских войск**

№ 1587/чс

1 января 1925 г.

Членам Политбюро, членам коллегии НКВД
и т.т. Фрунзе, Сокольникову, Фрумкину, Пятакову, Лежаве
и Менжинскому

В дополнение к моему письму от 31 декабря за № 1582/ЧС** сообщаю, что в только что полученной шифровке тов. Карахан объясняет, что согласие на работу японской радиостанции в течение промежуточного шестимесячного периода несколько не влияет на будущее разрешение этого вопроса. В качестве крайней уступки тов. Карахан предлагает разрешить работу японской радиостанции на 6 месяцев под нашим контролем.

Относительно налогов тов. Карахан объясняет, что определенно выговорено только освобождение японцев от вывозных пошлин на продукцию и от ввозных пошлин на предметы, необходимые для продукции. На это было уже дано наше согласие. Что касается общей формулы о том, чтобы таксация не была слишком обременительной, то тов. Карахан надеется ограничить формулировку, чтобы исключить всякую возможность японских протестов против общесоюзных норм в этом вопросе. Ряд других замечаний тов. Карахана относится к соглашениям по отдельным вопросам, совпадающим с принятыми нами здесь решениями.

В только что полученной клерной*** телеграмме тов. Карахан сообщает об информации, данной японцами в понедельник: в трех пунктах восточного берега (Оха, Чайво, Нуиво) 350 человек. В следующих пунктах: Ада, Деребанское, Рыково, Оноро и Паливо – 350 человек; в Александровске – 1200 человек, из кото-

* Штамп: "Прот[окол] ПБ № 43, п. 3-Б". См. док. № 186.

** См. док. № 184.

*** Открытой.

рых 50 или 60 в Погиби. Во время этого разговора тов. Карахан настаивал на немедленной эвакуации западного берега ввиду ее большей легкости; большая часть гарнизона из Александровска может быть эвакуирована на ледоколах, небольшой же остаток может перейти на южносахалинскую территорию. Что касается 350 человек восточного берега, они могут остаться как частные граждане после прибытия советских властей. Эвакуация с западного берега затрудняется главным образом необходимостью экспортировать 10 000 тонн военных грузов, 20 000 тонн декавилки и 70 000 лошадей. Тов. Карахан предложил все это оставить на Сахалине до весны. Иосидзава обещал протелеграфировать об этом в Токио, а тов. Карахан обещал выяснить, могут ли советские власти посодействовать эвакуации при помощи советского ледокола, ибо японский ледокол весьма мал.

Конечно, немедленная эвакуация западного берега весьма желательна, но все это не лишает силы наших аргументов и наших предложений, основанных на заявлениях тов. Фрунзе о том, что с достаточными силами мы можем идти на Сахалин только в апреле.

Наркоминодел Чичерин

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1001. Л. 8–9. Подлинник.

№ 186

*Постановление Политбюро ЦК РКП(б) “О Японии”**

№ П43/3-б/с

3 января 1925 г.

Строго секретно

Особая папка

а) Принять предложение НКИД в части, касающейся условий сдачи японцами нефтяных концессий на Сахалине**, предложив тов. Карахану настаивать на том, чтобы размеры квадратов нефтяных участков были от 15–30 дес[ятин] каждый.

б) Согласиться на предложение японского правительства о замене прежней формулы ст. 5 договора по вопросу о воздержании от пропаганды ст. 16 англо-советского договора от 8.08.[19]24 г.

в) Предложить НКИД согласиться в крайнем случае на принятие формулы, предусматривающей начало эвакуации японской армии из Сахалина не позднее середины апреля с.г. и ее

* Вопрос представлен Г.В. Чичериным и Г.Л. Пятаковым. Выписка из протокола № 43 заседания Политбюро ЦК РКП(б) от 3 января 1925 г., п. 3–Б. Направлена Г.В. Чичерину.

** См. док. № 184.

окончание не позднее конца июня с тем, чтобы советская администрация начала осуществление своей власти на Сахалине при первой же физической возможности.

г) Предложить НКВД дать т. Карахану директиву о быстрейшем подписании договора на основе принятых решений.

Секретарь ЦК

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1001. Л. 1–2. Копия. Опубл.: ВКП(б), Коминтерн и Япония, 1917–1941 гг. С. 24.

№ 187

Письмо Г.В. Чичерина М.В. Фрунзе о сроках вывода японских войск с Северного Сахалина

№ 14/чс

9 января 1925 г.

Тов. Фрунзе

Копии тов. Сталину, Рыкову, Пятакову и Фрумкину

Уважаемый товарищ!

Иосидзава принял ад референдум* и переслал в Токио следующую формулу: “Ввиду невозможности по климатическим условиям немедленно выполнить эвакуацию японское правительство окончательно удалит японские войска с Северного Сахалина к 1 мая 1925 г. (эвакуация должна начаться, как только климатические условия позволят), и каждый отдельный округ и все округа Северного Сахалина после таковой эвакуации японскими войсками будут немедленно вслед за этим возвращены подлежащим властям СССР с полнотой суверенных прав. Детали, касающиеся передачи администрации и ликвидации оккупации, будут установлены в Александровске между советскими представителями и главнокомандующим японской армией. Тов. Карахан прибавляет, что японское правительство, может быть, вместо 1 мая поставит предлагавшуюся ранее дату 15 мая. К вступительной статье Протокола Б после слов об обязательстве заключить концессионные контракты в 6 месяцев со вступления договора в силу прибавлены слова: “и по истечении 3-х месяцев с момента полного удаления войск и полного установления власти СССР над всеми частями территории Северного Сахалина”

Мы, таким образом, подошли уже вплотную к доведению до конца переговоров с Японией.

С товарищеским приветом

Чичерин

АПРФ. Ф. 3 Оп. 66. Д. 1001. Л. 17–18. Копия.

* Для доклада (лат.). Здесь – в предварительном порядке.

№ 188

*Постановление Политбюро ЦК РКП(б) “Об Японии”**

№ П45/1-а/с

15 января 1925 г.

Строго секретно

Особая папка

А. Принять предложение НКВД о продлении срока между эвакуацией японских войск из Сахалина и подписанием концессионного контракта до пяти месяцев.

Секретарь ЦК

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1001. Л. 20. Копия. Опубл.: ВКП(б), Коминтерн и Япония, 1917–1941 гг. С. 25.

№ 189

Письмо полпреда СССР в Китае Л.М. Карахана К. Иосидзаве с запросом о позиции Японии относительно ратификации Бессарабского протокола 1920 года

20 января 1925 г.

Пекин

Доверительно

Его Превосходительству г. Кенкити Иосидзаве,
чрезвычайному посланнику и полномочному
министру Японии

Многоуважаемый господин посланник!

28 октября 1920 г. пятью державами, в том числе Японией, был подписан в Париже договор, признающий аннексию Румынией территории Бессарабии, принадлежащей Союзу Советских Социалистических Республик.

Принимая во внимание дружественные отношения между Союзом Советских Социалистических Республик и Японией, мое правительство полагает, что японское правительство не приступит к ратификации сказанного договора, против которого правительство Союза заявило подписавшим его державам энергичный протест.

В соответствии с этим по поручению моего правительства, я имею честь просить Ваше превосходительство не отказать в любезности ознакомить меня с решением правительства Японии по

* Вопрос представлен Г.В. Чичериным и М.М. Литвиновым. Выписка из протокола № 45 заседания Политбюро ЦК РКП(б) от 15 января 1925 г., п. 1А. Направлена Г.В. Чичерину.

этому вопросу для сообщения правительству Союза Советских Социалистических Республик*.

Примите и проч.

Л. Карахан

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1001. Л. 52. Копия.

№ 190

Письмо К. Иосидзавы Л.М. Карахану о намерении Японии не ратифицировать Бессарабский протокол до его ратификации европейскими державами

20 января 1925 г.

Пекин

Доверительно

Его превосходительству г. Льву Михайловичу Карахану,
послу Союза Советских Социалистических Республик

В ответ на Ваше письмо от 20-го текущего месяца по вопросу о Бессарабском договоре** имею честь, согласно полученным от моего правительства инструкциям, сообщить вашему превосходительству, что, если и пока сказанный договор не будет ратифицирован всеми подписавшими его европейскими державами, японское правительство не имеет намерения предпринимать шаги, требуемые для его ратификации, считая, что договор этот касается вопроса по существу своему чисто европейского.

Примите и проч.

Иосидзава

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1001. Л. 53. Копия.

№ 191

*Проект интервью Г.В. Чичерина
в связи с заключением Пекинской конвенции*

20 января 1925 г.

Подписанное 20 января в Пекине советско-японское соглашение¹ есть нечто гораздо более значительное, чем простое признание СССР еще одним правительством, нечто гораздо более значительное даже, чем одно лишь урегулирование спорных вопросов между двумя правительствами. Это не только начальный

* См. док. № 190.

** См. док. № 189.

пункт периода дружественных отношений между народами СССР и Японией, это настоящий перелом во всей дальневосточной политике и в современной политике вообще. Для нас это есть завершение целого периода интервенции, гражданской войны и неурегулированных отношений на Дальнем Востоке, и это есть завершение неуклонно продвигавшегося вперед поступательного развития наших политических отношений на Востоке, охватывавших все новые этапы, с постепенно расширяющейся дружбой с народами Востока, и дошедших до конца с созданием дружественных отношений с Японией. Это есть несомненное* упрочение нашего положения на Дальнем Востоке.

В один из первых дней после очищения Владивостока японскими войсками Владимир Ильич выступил в Большом театре и при бурных аплодисментах собрания сказал: “А Владивосток-то нашенский”. Теперь Владивосток окончательно закреплен как “нашенский” Русский Дальний Восток вступил теперь в полосу мирного развития и дружественных отношений со всеми соседями. Для Японии же этот договор означает создание твердого и крепкого тыла и базы для всяких могущих ей угрожать осложнений. От Татарского пролива до южной части Японского моря на всем протяжении последнего ее тыл опирается на противоположащие дружественные берега. Дружественные отношения с СССР дают возможность Японии как бы закрыть на ключ Японское море и не допускать враждебных флотов до западных берегов японского архипелага. Больше полугода тому назад создание дружественных отношений с великим китайским народом дало новый размах советской политике развития братства между народами на почве принципа их самоопределения. С каждым днем крепнущая дружба СССР с охваченным широким освободительным движением китайским народом находит свое восполнение в создании дружественных отношений с Японией. Для последней, все более подвергающейся давлению могущественного мирового англо-американского соглашения, дружба с СССР и с Китаем означает гарантию мирного развития и удовлетворения жизненных потребностей.

Нельзя по этому случаю не припомнить, что наиболее пронзительные из руководящих политических деятелей Японии уже давно понимали громадное значение для нее дружественных отношений с Россией. В 90-х годах прошлого столетия, когда царская политика начала обнаруживать свою бесцеремонную агрессивность в Корее, японские политические деятели долго и упор-

* Слово “несомненное” вписано вместо зачеркнутого “окончательное”.

но старались не допустить до нарушения дружественных отношений между Россией и Японией и найти какой-нибудь компромисс. Как раз вчера в ожидании телеграммы о подписании советско-японского соглашения я читал мемуары японского посла в Англии Хаяси, подробно рассказывающего о попытках Японии при Лобанове² и Муравьеве³ договориться с царским правительством. Мемуары царского посланника в Токио барона Розена⁴ с другой точки зрения рассказывают о том же и вполне подтверждают, с каким упорством японское правительство искало соглашения с Россией. Но царское правительство с полнейшей бесцеремонностью нарушало взаимное обязательство невмешательства в корейские дела и стало на путь, побудивший японские правящие круги перейти к противоположной политике и обосновать свои международные отношения на длительном союзе с Англией.

Если в свое время в своей политике по отношению к Японии царское правительство со свойственной ему грубой и алчной агрессивностью было в действительности нападающей стороной, то в первые годы существования в бывшей царской империи советского строя, по самой своей сущности ставящего себе целью мир и братство между народами, нападающей стороной, и весьма энергично нападающей, притом без объявления войны, было японское правительство. Этому периоду наступил конец, и та необычайно теплая дружественная встреча, которая была оказана первому вступившему на японскую территорию представителю СССР тов. Иоффе, с поразительной яркостью показала, до какой степени в своих широчайших массах японский народ понял необходимость и важность дружбы с СССР. Овации, которыми встречали в Токио тов. Иоффе, были чрезвычайно красноречивой прелюдией к состоявшемуся подписанию договора. В занятом по отношению к нам японским правительством положении наступила также глубокая перемена, и за весь последний период переговоров наши контрагенты были уже далеко не те, что при предыдущих конференциях.

Не дожидаясь заключения этого договора, мы уже имели некоторый опыт экономического сотрудничества с японцами. Рыбные ловли по старой привычке сдавались японцам в аренду, и результат этих сделок может быть признан в высшей степени благоприятным. Это лишь первый шаг, и мы во многом другом точно также можем идти навстречу японским потребностям и стремлению японцев к хозяйственной работе. За удачным началом последует, несомненно, еще гораздо более удачное продолжение.

Глубокое различие между нашим строем и строем Японии ведет к глубоким различиям и в области принципов, лежащих в

основе политики двух государств. Но японское правительство может быть совершенно спокойно: советское правительство не злоупотребляет и не злоупотребит своими договорами и политическими отношениями и будет твердо держаться установленного принципа невмешательства во внутренние дела Японии и неведения в ней пропаганды, конечно, как всегда, на основе взаимности.

Подписанное 20-го соглашение есть, таким образом, первый шаг. Его последствия отразятся, конечно, весьма глубоко на всем комплексе мировых отношений⁵.

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1001. Л. 22–24. Подлинник.

¹ Конвенция об основных принципах взаимоотношений между СССР и Японией (Пекинская конвенция) от 20 января 1925 г. Ее текст и сопутствующие документы см.: ДВП СССР. Т. 8. М., 1963. С. 70–77.

² Лобанов-Ростовский Алексей Борисович (1824–1896) – в 1895–1896 гг. министр иностранных дел России.

³ Муравьев Михаил Николаевич (1845–1900) – в 1897–1900 гг. министр иностранных дел России.

⁴ Розен Роман Романович (1847–1922) – в 1877–1879 гг. поверенный в делах России в Японии, в 1897–1899 и в 1902–1904 гг. посланник в Японии, в 1905 г. второй уполномоченный России на мирных переговорах с Японией в Портсмуте.

⁵ 20 января в своей записке членам Политбюро и коллегии НКВД Г.В. Чичерин настоятельно просил их срочно дать замечания по проекту интервью с тем, чтобы он мог немедленно передать его для публикации, подчеркивая, что подписание конвенции с Японией вызывает, по его мнению, необходимость скорейшего появления такого интервью (см.: АПРФ. Ф. 3. Д. 66. Д. 1001. Л. 21).

№ 192

*Письмо Л.М. Карахана Г.В. Чичерину
о выработке окончательного текста
советско-японской конвенции
и мерах по ее реализации*

25 января 1925 г.
Пекин

Народному комиссару иностранных дел Г.В. Чичерину

Дорогой Георгий Васильевич!

Сегодняшней почтой Вы получите оригиналы подписанных документов¹. Если бы не указания Москвы, которая торопила подписание, возможно, что некоторые статьи соглашения могли бы иметь более выгодный для нас вид. В частности, я не сомневаюсь, что статье о пропаганде можно было бы придать совершенно приемлемый для нас характер. Правда, этого не следует понимать в том смысле, что мною подписано что-либо выходящее за

пределы московской инструкции. Наоборот, нет ни одного пункта, который не был бы строго согласован с Вашими инструкциями, и, даже более того, целый ряд пунктов мною улучшен в сравнении с теми уступками, на которые Москва была согласна. Так как я помню историю с китайским договором², который вызывал некоторые возражения, я хочу на этот раз подчеркнуть те пункты, которые удалось улучшить в сравнении с тем, на что я имел уже Ваше согласие.

Самым важным в этом отношении пунктом я считаю отказ японцев от преимущественного права на получение остающейся нам части угольных и нефтяных концессий. Правда, Вы были готовы дать это, но дать не преимущественное право, это значило бы закрыть себе дорогу к сдаче угольных и нефтяных концессий любой другой державе, и главным образом Америке. Я направил свое внимание на этот пункт, ибо считал его более важным, чем тот или другой размер угольных или нефтяных концессий. Сейчас в договоре мы имеем уже равные возможности, что означает полную возможность сдать остающуюся нам нефть полностью или частью, так же как и уголь, американцам. Это имеет громадное не только экономическое значение, но и политическое, ибо иметь рядом на одних и тех же участках японского и американского концессионера имеет очень большое значение, о котором не приходится говорить.

Статья 5-я о пропаганде также несколько улучшена. Правда, Вы готовы были дать им текст статьи 16-й английского договора*, и я в первый момент, может быть, считал, что можно на это пойти, но потом, внимательно изучив эту статью, я увидел, какую массу неприятностей она может нам создать. Обсуждая ее, удалось внести некоторые улучшения, выбросить последнюю часть английской статьи, которая имеет в виду взаимные отношения к пограничным государствам. Эта оговорка прежде всего наносила бы удар моей деятельности в Китае и давала бы повод японцам по поводу каждого моего выступления протестовать перед Вами. Японцы приняли эту поправку. Затем широкое понятие о всех лицах и организациях удалось несколько сузить. Организации оставлены только те, которые пользуются финансовой поддержкой правительства, а что же касается лиц, то сохранены только лица, находящиеся на правительственной службе.

Вопрос о наших взаимоотношениях с Коминтерном будет неоднократно вызывать трения с другими правительствами, и, очевидно, нам придется со всей энергией и последовательностью

* См. док. № 183, прим. 1.

отклонить всякую ответственность за деятельность Коминтерна, но статья 16-я английского договора, несомненно, формально давала бы очень много оснований английскому правительству протестовать против деятельности Коминтерна. Формула японская в этом отношении значительно лучше, и я не знаю, в наших спорах с Англией или с Японией будет ли необходимость в том, чтобы прибегать к мелким формальным объяснениям. Но если бы необходимость в этом была, то японская формула о лицах, находящихся на правительственной службе, не могла бы затронуть Зиновьева, ибо единственный пост советский, который он занимает в Ленинграде³, не может рассматриваться как правительственная служба, ибо это есть выборная должность, которая с точки зрения, установленной буржуазной юриспруденцией, может рассматриваться как общественная служба, а не как правительственная. Я это отмечаю между прочим, ибо при переговорах, ограничивая круг лиц, которых советское правительство должно удерживать от вредной деятельности, я имею в виду и эту возможность.

Ваше замечание по поводу статьи 6-й о дополнении, которое несколько смягчает смысл этой статьи, обязывающей нас удовлетворять все нужды Японии, я заново перередактировал и придал этой статье совершенно не обязывающий нас ни к чему характер.

В Протоколе Б следует отметить, что процентное отчисление, которое мы предполагали установить с самого начала в 5% с общей добычи угля, мною было доведено без особого труда до 8%. Таким образом, в будущем концессионном контракте эту цифру нужно будет окончательно уточнить. Что касается отчисления за нефть, то хотя Вы были согласны с той скалой, которая была предложена японским правительством, но ее удалось отбросить, и скалу, которая будет устанавливать высоту отчисляемого процента, придется установить также в будущем концессионном контракте.

Одним из существенных исправлений, которое удалось внести в последний момент, является абзац в п. 3-м Протокола Б об угольной концессии в Дуэ. Первоначальное требование японцев заключалось в том, чтобы в запретной зоне дать им 30%. Вы дали согласие сперва на то, чтобы им дать угольный район Дуэ, а затем Вы даже согласились на то, чтобы дать им 30%, если территория, представляющая 30% угольной концессии в запретной зоне, будет вне узкой береговой полосы. В этом пункте удалось не только не дать им 30%, не только не дать им всего Дуэского района, но вместо этого обязаться в районе Дуэ дать им какую-то угольную площадь, которая должна быть установлена концессионным контрактом. Это мне представляется довольно существ-

венным, ибо дуэский уголь является, пожалуй, лучшим углем на Тихом океане и сдача его целиком японцам была бы, конечно, чрезвычайно невыгодной. На основании формулы, которая вошла теперь в договор, мы можем в районе Дуэ дать им какую-то небольшую часть.

Что касается Бессарабии, то, к сожалению, несмотря на всю мою настойчивость, я не мог получить от них безусловного обязательства не ратифицировать Бессарабского протокола, но я считаю, что даже такая условная формула представляет некоторый интерес. Лично я убежден, что даже если бы Италия не ратифицировала Бессарабское соглашение, то Япония едва ли сделала бы то же самое, если бы мы предварительно начали бы оказывать в этом направлении давление.

Обращаю Ваше внимание также на незначительный, но интересовавший военное ведомство пункт о радиостанциях. В обмене о продолжении работ удалось прямо внести оговорку, что вопрос о радиостанциях будет разрешен, считаясь с тем, [что] на Сахалине не может существовать никаких – ни частных, ни иностранных – радиостанций. Таким образом, при переговорах речь может идти о том, что японцы на тех или иных условиях должны будут передать нам существующую там радиостанцию.

Мне следовало бы написать значительно подробнее и больше как о самом договоре, так и в связи с ним о тех шагах, которые нужно предпринять, но я чувствую себя настолько скверно, что не смогу с этой почтой написать Вам достаточно писем. Следующего курьера мы отправим приблизительно через неделю, и тогда я в состоянии буду написать более подробнее и о японских, и о китайских делах.

Здесь я хочу ответить кратко:

1) Необходимо, чтобы сейчас же нам Концессионный комитет начал бы подготовку материалов по заключению будущих концессионных контрактов. Мне очень важно было бы иметь их проекты и соображения здесь, ибо на основании всех переговоров, которые здесь имели место, у меня, может быть, могли бы явиться некоторые соображения, полезные для Концессионного комитета.

2) Надо также готовиться к заключению рыболовной конвенции.

3) Сразу же после ратификации соглашения нужно командировать кого-либо в Токио для приемки посольства и приведения его в порядок, а может быть, и для каких-нибудь мелких текущих дел, которые в этот первый период совершенно естественны. Я предлагаю командировать с этой целью в Токио Кузнецова, пер-

вого секретаря нашей миссии в Пекине, который знает японский язык, знает Японию и которого я назначаю первым секретарем в токийское посольство. Он будет до назначения полпреда подчинен непосредственно мне в Пекине, и поскольку некоторые дела мы сможем в этот первый период урегулировать здесь путем сношений с Иосидзавой, по другим делам, которые необходимо возбуждать и регулировать в самом Токио, он будет вполне пригоден. Само собой понятно, что дела эти могут быть только чисто технического характера.

4) Для приведения в порядок нашего посольства в Токио, наверное, понадобится некоторая сумма денег, которую придется отпустить авансом. Я совершенно не могу сейчас даже приблизительно установить, какова может быть эта цифра. Но во всяком случае я бы хотел, чтобы Вы условно провели бы цифру хотя бы в 10 000 иен и предоставили бы ее в мое распоряжение на тот случай, если по приезде Кузнецова в Токио сразу нужно было бы что-то такое приводить в порядок, и чтобы я без специального запроса Москвы мог бы сразу же перевести ему некоторую сумму денег.

5) Японцы уже обращали мое внимание на необходимость получения ими дома под посольство в Москве. Нужно сейчас же подыскать им приличный и хороший дом. К сожалению, они мне не могли указать его размера. Но нужно предполагать, что дом им нужен будет довольно порядочный, ибо, поскольку переговоры будут происходить в Москве, штат посольства, по-видимому, будет довольно большой. Они предполагают также сейчас же после ратификации командировать в Москву несколько своих чиновников, может быть, 5, может быть, 6 для того, чтобы сделать все приготовления к организации посольства. В связи с этим я бы рекомендовал просмотреть состояние японского посольства в Ленинграде и, если возможно, привести его еще немного в порядок.

6) Самая ударная и важная задача, которая стоит перед нами, – это организация комиссии для приемки Северного Сахалина. По данным японцев, комиссия должна была бы выехать в Александровск для выработки плана эвакуации и занятия нами Северного Сахалина с главным командованием японских войск в Александровске приблизительно в начале или в середине февраля. По-видимому, это придется сделать сейчас же после ратификации. Об этом нам придется снести по телеграфу. Я не знаю, есть ли у нас штат посольства в Токио и получен ли нами кредит на это посольство. Если нет, то необходимо в срочном порядке это произвести через соответствующие инстанции. Следующей почтой я Вам сообщу приблизительную смету, принимая во вни-

мание прожиточный минимум в Токио, который значительно выше китайского и который почти приближается к американскому. Кроме того, в токийском штате необходимо предусмотреть весь штат низшей прислуги – русской, ибо японцев мы не можем взять. Это означало бы иметь весь штат из шпионов, и поэтому, начиная с привратника и кончая всей прислугой, обслуживающей дом, нужно было бы нам иметь русских. [На] весь этот штат провести в смету необходимую сумму денег, которая, несомненно, была бы значительно выше тех же самых расходов в Пекине.

С коммунистическим приветом

Л. Карахан

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1001. Л. 25–30. Копия.

¹ Советско-японская конвенция об основных принципах взаимоотношений от 20 января 1925 г. и прилагаемые к ней Протоколы А и Б, Декларация советского правительства о Портсмутском договоре 1905 г., обменные ноты обоих правительств в связи с подписанием конвенции, обменные письма между Л.М. Караханом и К. Иосидзавой о Бессарабском протоколе 1920 г. (см.: ДВП СССР. Т. 8. С.70–80).

² Соглашение об общих принципах для урегулирования вопросов между СССР и Китаем от 31 мая 1924 г.

³ Председатель Ленсовета.

№ 193

*Записка Г.В. Чичерина в Политбюро ЦК РКП(б)
об изменении условий Пекинской конвенции в пользу СССР
и необходимости ее скорейшей ратификации**

№ 150/чс

8 февраля 1925 г.

В Политбюро ЦК РКП(б)

Мы получили подлинный текст советско-японского договора**, который при сем прилагаю.

В сравнении с теми уступками, на которые имелось разрешение Политбюро, нам удалось достигнуть некоторых улучшений в отдельных пунктах.

Статья 5-я о пропаганде в достигнутой редакции, конечно, лучше ст. 16 английского соглашения***, на принятие текста которой в японском соглашении имелось разрешение Политбюро. Удалось выбросить последнюю часть английской статьи, касающуюся взаимоотношений с третьими государствами. Организации оставлены только те, которые получают финансовую

* Штамп: “Прото[кол] ПБ № 48, п. 1–Г” См. док. № 196.

** См. док. № 192, прим. 1.

*** См. док. № 183, прим. 1.

помощь от государства. Самое принятие* о контролируемых лицах и организациях удалось сузить.

Вместо приоритета на несдаваемые участки японцы получают только равные права, что не связывает наших рук.

В Протоколе Б вместо разрешенных 5% удалось добиться отчислений от 5 до 8% и удалось отбросить установление скалы доходов, с которых нам отчисляется тот или другой процент, о чем мы будем говорить только в будущих концессионных контрактах.

Вместо сдачи разрешенных 30% угольных залежей в запретной зоне удалось ограничиться только указанием на то, что мы сдаем японцам в районе Дуэ какую-то угольную площадь, размеры которой будут установлены в будущем концессионном контракте.

В отношении нератификации протокола о Бессарабии, так как Москва торопила, пришлось ограничиться условным обязательством Японии не ратификовать его, пока другая держава не ратификует. Практически это неважно, ибо Бессарабский протокол считается вступившим в силу после ратификации тремя державами. Франция и Англия его ратификовали; если Италия его ратификует¹, ратификация Японии теряет значение.

Так как вопрос о ратификации японского договора очень срочный, до самой же ратификации придется пройти еще целый ряд формальных инстанций, я прошу возможно скорее дать разрешение на ратификацию.

Наркоминдел Чичерин

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1001. Л. 33. Копия.

¹ Италия ратифицировала протокол в 1927 г. третьей из держав.

№ 194

*Письмо Г.В. Чичерина И.В. Сталину
о сроке назначения полпреда СССР в Японию***

№ 151/чс

8 февраля 1925 г.

Тов. Сталину

Копии: членам Политбюро и членам коллегии НКИД,
тт. Красину и Раковскому
Уважаемый товарищ!

В личном собственноручном письме ко мне т. Карахан указывает, что, по его мнению, было бы приличнее назначить в Японию

* Так в тексте. Вероятно, следует читать "понятие"

** Штамп: "Прот[окол] ПБ № 48, п. 1-Г". См. док. № 196.

посла лишь по окончании эвакуации Сев[ерного] Сахалина. Это представляет громадные удобства и в том отношении, что в первое время в Токио не будет никого, кто бы самовольничал и вел сепаратную политику. В Токио будут посланы сотрудники т. Карахана, которые будут там осуществлять нашу общую политику, не придумывая каких-нибудь своих специальных особенностей.

Обращаю Ваше внимание на то, что т. Карахан самым решительным образом высказывается против оставления в правлении ВКЖД т. Поздеева и против оставления в Харбине т. Киселева¹, ибо во время имевшей место теперь тарифной борьбы, которая благодаря руководству т. Карахана была доведена до благополучного конца, и т. Поздеев, и т. Киселев обнаружили склонность к панике и в решительный момент готовы были капитулировать перед китайцами, если бы их не удержали, а т. Поздеев даже капитулировал в определенный момент тайно от других. Наоборот, по словам т. Карахана, т. Грант (Зейбот)² обнаруживает большую твердость, политическое понимание и умение доводить борьбу до конца при трудном положении.

С товарищеским приветом

Г. Чичерин

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1001. Л. 32. Подлинник.

¹ Киселев Д.Д. (1879–1962) – генеральный консул СССР в Харбине (1924–1925), в японском городе Цуруга (1925–1928), консул в японском городе Хакодате (1928–1929), военный разведчик и контрразведчик.

² Грант (Зейбот А.Я.) (1894–?) – в 1921–1924 гг. руководитель Разведуправления Штаба РККА, с начала 1925 г. координатор советской разведывательной агентуры в Маньчжурии и одновременно в 1925–1928 гг. генеральный консул СССР в Харбине.

№ 195

*Письмо полпреда СССР в Австрии А.А. Иоффе И.В. Сталину о целесообразности своего назначения полпредом в Японию**

№ 2

11 февраля 1925 г.

Вена

Сов. секретно

В Политбюро ЦК РКП т. И.В. Сталину

Копия: НКВД – Г.В. Чичерину, М.М. Литвинову

Ув[ажаемый] тов[арищ]!

В развитие и дополнение своей шифровки касательно назначения в Токио позволяю себе сообщить нижеследующее.

* Штамп: “Прот[окол] ПБ № 50, п. 2Д”. См. док. № 199.

Вопрос о назначении *я не ставлю как личный вопрос*. Доказательство, что я вообще никогда не отказывался ни от какого назначения, а в последнее время без возражений принял назначение в Вену, хотя последнее с точки зрения международных обычаев было несомненным и чрезвычайно сильным понижением для меня. Принял я также решение ПБ о переброске меня через месяц из Вены в Рим и возражал только из деловых соображений, причем приводил аргументы не свои, а НКИД.

Но, к сожалению, в дипломатической работе каждое назначение (особенно в отношении работников, которых за граница знает) толкуется и вкривь, и вкось. И если мы на внутренней работе можем перебрасывать товарищей и так и сяк, то на заграничной всегда приходится считаться с тем, какое впечатление и какие результаты будет иметь то или иное назначение. Если правильно, и приходится об этом сожалеть, что заграничные работники несколько отрываются от советской жизни и действительности и теряют способность правильного учета, то не менее правильно, что тот факт, что наши лидеры не бывают за границей и поэтому не всегда могут дать себе ясное и правильное представление, какое впечатление тот или иной наш шаг производит за границей, зачастую приносит нам очень большой и совершенно ненужный вред.

Когда я, будучи в Токио, только из газет узнал, что Карахан уже в Чите и назначен вместо меня в Пекин, а я отозван, то это и в печати, и в личной со мной переписке японских общественно-политических деятелей было отмечено как персональные интриги против меня: “Советская, мол, власть и коммунистическая партия не избавлены от общечеловеческих слабостей, интриганства и персональных подкопов”.

Оставляя в стороне личный момент, нет никакого сомнения, что такая интерпретация дискредитировала советскую власть и РКП и подрывала их идейный авторитет.

Когда я, больной, придя в сознание, обратил на это обстоятельство внимание ПБ, последнее, по-видимому, со мной согласилось, и я получил письмо за подписью тов. тов. Сталина и Зиновьева, в котором между прочим сообщалось, что именно в целях ослабления этого невыгодного для нашей политики впечатления решено ввести меня в Президиум ЦИК СССР.

Тогдашний наш промах, однако, имел резонанс лишь на Д[альнем] Востоке.

Теперь иное дело. Теперь весь мир не сомневается, что я поеду послом в Токио.

Пущенная из Берлина телеграмма, быть может, была спровоцирована самим австр[ийским] пр[авительств]ом для того, чтобы

иметь повод дать нам понять о нежелательности для Австрии моего оставления в Вене.

Австрийская пресса упорно (даже навязывая мне самому слова, которых я никогда никому не говорил) продолжает “прощаться” со мной. Под прикрытием прекрасных комплиментов дается понять, что Австрия желает покоя, а назначение лица с моим именем на такой маленький пост, привлекая всеобщее внимание к Вене и вызывая целую симфонию самых разнообразных слухов, создает неудобное и тяжелое для Австрии положение.

О том, что заместитель (больного) мин[истра] ин[остранных] дел открыто мне заявил, какие трудности приходится испытывать австр[ийскому] пр[авительств]у из-за моего назначения сюда, я уже писал. Запоздалое сообщение РОСТЫ, что вопрос о после в Токио еще не обсуждался, интерпретировалось так, что, мол, сообщение об отозвании Иоффе из Вены до сих пор все-таки не было дементировано*.

Я согласен с тем, что, если буржуазное пр[авительств]о отводит того или иного нашего товарища по недопустимым для нас соображениям (агитатор и т.п.), мы всячески должны против таких отводов энергично бороться. Но существуют дипломатические приличия, которые мы сами всегда весьма внимательно соблюдаем. Если *общественное мнение* считает, что пребывание того или иного нашего представителя по той или иной причине для данной страны неудобно, мы не можем оставлять дальше этого представителя на данном посту.

Один журналист (быть может, умышленно) рассказывал мне, что новый польский посланник в Вене, будучи посланником при Ватикане, имел следующую неприятность: его жена по забывчивости оставила открытыми краны в ванне, вода наполнила 3 комнаты и испортила какие-то фрески. Римская пресса начала шуметь о “польском хозяйстве”; польское пр[авительств]о вынуждено было из-за такого пустяка отозвать своего представителя от Ватикана и перевести его в Гаагу. “Вы понимаете, – добавил мой собеседник, – что с общественностью приходится считаться даже в таких мелочах”.

Мы зачастую “более католики, чем сам папа”, и в нашей дипломатической работе считаемся со всякими мелочами, а иногда вдруг, когда это вовсе не нужно, ведем диаметрально противоположную политику.

Мое пребывание здесь теперь совершенно невыносимо. Проявляется чрезмерная любезность и вежливость, но вместе с

* Dementir (*фр.*) – опровергать.

тем ясно дается понять, что ты, мол, ведь уезжаешь вскоре. Разные всезнайки, бегающие по министерствам и посольствам, сообщают мне, что пр[авительст]во определенно считается с моим скорым отъездом, “имея об этом самые достоверные сведения” Отражается это и на делах; например, предложение начать предварительные переговоры о торговом договоре так и заглохло, хотя срок, который указывался министром, давно истек.

Одним словом, мое дальнейшее пребывание здесь абсолютно невозможно. И, рискуя даже навлечь на себя недовольство ПБ, я твердо решил из Вены уехать.

Еще сегодня в “Дойч-Остеррейхише Тагесцайтунг” (орган правительственной партии – Гроссдойче) напечатана большая статья, в которой со всякими ссылками доказывается, что лучшего кандидата, чем Иоффе, на пост посла в Токио сов[етское] пра[вительство] не имеет, и поэтому мое назначение в Токио совершенно несомненно.

В том, что я буду назначен в Токио, не сомневаются не только в других странах, но и в самой Японии, чему доказательство – большое число полученных мною из Японии приветственных телеграмм.

Не сомневаются в этом и в России. Приехавший недавно из Москвы артист Моисси¹ рассказывает всем здесь, что о моем назначении в Токио “говорит вся Москва”. И в широких кругах нашей партии все в этом уверены, получаемые мною письма от различных товарищей из России подтверждают это.

С точки зрения деловой вряд ли могут быть возражения против моего назначения в Токио: 1) я – единственный, кто маломальски все же знает Японию и имеет там сравнительно большую популярность; 2) если бы были возражения, само Политбюро никогда не ставило бы вопрос так, будто вопрос о моей поездке в Токио *предрешен*, между тем и при моем назначении в Лондон, и при моем назначении в Вену, и при проекте моего назначения в Рим определенно говорилось, что все *это впредь до заключения договора с Японией*, а после я поеду в Токио.

Следовательно, если нет *деловых* возражений, то могут быть только *личные*, то есть отдача предпочтения какому-нибудь другому желающему ехать в Токио товарищу. Это было бы допустимо, и я принял бы любое иное назначение так же, как теперь принял сомнительное венское, если бы не создавшееся ныне положение, при котором имеется только одна альтернатива: 1) либо мое назначение в Токио (хотя бы временно), 2) либо мой окончательный уход из дипломатии, против чего я

никогда не возражал, и после чего я готов принять любую работу, которую партии угодно будет мне дать, хотя бы курьером в к[аком]-н[ибудь] учреждении.

Имеется и еще одно соображение: моя посылка в Вену имелась в виду главным образом в связи с балканскими делами (так прямо говорилось на заседании, где я участвовал). Последними постановлениями ИККИ и соответствующих органов (каковые постановления я целиком приветствую) балканская работа из революционно-боевой и срочной переводится на более спокойную, тихую и замедленную. При этих условиях мне и в этой области делать здесь нечего.

С ком[мунистическим] приветом

А. Иоффе

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 996. Л. 22–26. Подлинник.

¹ Моисси Александр (Сандро) (1880–1935) – в 1905–1933 гг. актер Немецкого театра в Берлине, в 1924–1925 гг. гастролировал в СССР.

№ 196

*Постановление Политбюро ЦК РКП(б) “О Японии”**

№ П48/1-Г/с

12 февраля 1925 г.

Строго секретно

Особая папка

Принять предложение НКВД о немедленной ратификации договора с Японией после его ратификации японским парламентом¹.

Секретарь ЦК

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1001. Л. 31. Копия. Опубл.: ВКП(б), Коминтерн и Япония, 1917–1941 гг. С. 25–26.

¹ Конвенция между Советским Союзом и Японией от 20 января 1925 г. была ратифицирована Президиумом ЦИК СССР 20 февраля, а японским императором 25 февраля 1925 г. и вступила в силу на следующий день – после взаимного уведомления об этом каждой стороны через их дипломатических представителей в Пекине.

* Вопрос представлен Г.В. Чичериним. Выписка из протокола № 48 заседания Политбюро ЦК РКП(б) от 12 февраля 1925 г., п. 1-Г. Направлена Г.В. Чичерину и А.С. Енукидзе.

*Письмо Л.М. Карахана Г.В. Чичерину
о мерах по реализации Пекинской конвенции*

15 февраля 1925 г.

Народному комиссару иностранных дел Г.В. Чичерину

Дорогой Георгий Васильевич!

Япония. О ратификации

В связи с Вашим запросом о том, будто японцы хотят, чтобы ратификация была проведена через сессию ЦИКа, я еще раз подчеркиваю, что японцы никаких пожеланий на этот счет не выражали и вопрос о том, кто должен ратифицировать, никогда не затрагивался. В своих сообщениях я всегда подчеркивал, что японцы предполагают ратификацию произвести к 15 февраля и я, со своей стороны, указывал, что, наверное, мы успеем к тому же сроку ратифицировать с нашей стороны. Сегодня 15 февраля, у меня еще пока никаких сведений нет, известно лишь, что вопрос обсуждается в Тайном совете Японии. Думаю, что недоразумений и затяжки с ратификацией не будет.

Комиссия на Сахалине¹

Ко мне из Хабаровска приезжал Шишлянников², будущий предревкома Сахалина, с которым я обсуждал задачи комиссии. Первый вопрос, который станет перед комиссией (это вопрос о порядке эвакуации японских войск и о занятии нами острова), в общем, мне кажется, не встретит больших затруднений, кроме вопроса о самом Александровске. С нашей точки зрения нам более удобным было бы начать эвакуацию с Александровска, мы бы заняли и установили нашу власть в Александровске, а затем постепенно занимали бы район за районом в зависимости от климатических и других условий. Японцы, наверное, предпочтут порядок, при котором они в последнюю очередь сдадут нам Александровск. Мотивами будут: необходимость из Александровска, как центра, руководить эвакуацией во всех остальных частях острова, и, во-вторых, необходимость последним освободить Александровск ввиду того, что все эвакуированные части должны проходить через Александровск и, если там будет уже наша власть, это создаст для них неудобства. Я указал Шишлянникову, что они должны решительно настаивать на том, чтобы Александровск был эвакуирован в первую очередь, и если для руководства эвакуации японцам нужно было бы оставить какой-то руково-

дящий штаб в Александровке, то мы могли бы не возражать против того, чтобы такой штаб находился на территории, нами принятой и под нашей защитой. Из Вашей телеграммы видно, что предполагается одновременно с комиссией отправить отряд на Сахалин. Я боюсь, что это не удастся, ибо даже самой комиссии, которая предполагает переправиться по льду на Погоби, будет не легко совершить этот большой путь на собаках, тем более, это трудно будет сделать отряду. Я думаю, что отряд придется отправить позже и, пожалуй, морским путем. Но это уже дело их на месте решить, что технически будет удобнее и возможнее.

Другой вопрос, который вызовет, наверное, большое разногласие в переговорах с японцами, – это вопрос об имуществе. Поскольку там имеется бывшее наше казенное имущество, то мне кажется, что японцы сдадут его нам без особых затруднений. Спор может возникнуть по поводу имущества, которое японские власти могли приобрести за время оккупации Сев[ерного] Сахалина у частных граждан, и по поводу того имущества и сооружений, которые японцы могли воздвигнуть во время своего пребывания. Я указал Шишлянникову, что комиссия должна настаивать на возвращении всего имущества, которое находится в руках японских воинских частей и японской администрации и бывшего казенного имущества и имущества, которое они могли захватить или приобрести у частных лиц, и, наконец, имущества и сооружений, которые они могли воздвигнуть во время своего пребывания. На первый взгляд, последняя категория, то есть то, что японцы сами соорудили на Северном Сахалине, вызывает как будто некоторое сомнение. Но у нас есть очень хороший аргумент за то, чтобы эти японские сооружения были переданы нам (такими сооружениями могут быть телеграфные линии, почтовые учреждения, школы, всякие сооружения, касающиеся благоустройства). В этом отношении они, кажется, порядком поработали. За время своего пребывания на Сев[ерном] Сахалине японцы облагали население разного рода налогами, которые шли на благоустройство Сев[ерного] Сахалина. Таким образом, мы можем считать, что все возведенные японцами сооружения сооружались на эти налоги.

Шишлянников возбудил еще один вопрос, очень серьезный. Это вопрос о том ущербе, который частным лицам могли нанести японские войска, и о тех совершенно естественных безобразиях, которые с частными гражданами могли совершаться японскими гражданами в порядке административном и в порядке судебном. Скажем, могло быть куплено или захвачено имущество частных граждан и передано японским гражданам. Я рекомендовал этот вопрос сейчас в комиссии не возбуждать, а уже после того,

как мы восстановим полностью нашу власть на Северном Сахалине, в судебном порядке частные граждане, интересы коих были нарушены, могут предъявлять иски в наших судах к японцам, и таким образом “справедливости” могут быть восстановлены.

Комиссия, как мне сообщил тов. Шишлянников, берет с собой несколько инженеров во главе с Полевым для установления сразу же горного надзора. Я обратил его серьезное внимание на те вопросы, в отношении нефтяных районов в первую очередь, которые нас интересуют и которые нам могут быть необходимы в связи с заключением концессионных контрактов. Но мне кажется, что из Москвы следовало бы усилить эту геологическую экспедицию количеством людей и необходимыми указаниями. В отношении продолжения работ я дал им справку и рассказал, чем они должны руководиться. Я указал, что они должны строго руководиться меморандумом 29 августа* и никаких поблажек японцам в этом отношении не делать. Если они будут расширять количество рабочих и площадь работы, то наши власти должны будут это пресекать, предлагая японцам урегулировать эти вопросы в порядке дипломатическом.

Есть еще один вопрос, на который я обратил внимание Шишляникова. Дело в том, что, когда японцы выкинули свою мошенническую штуку с семью шахтами, от которой в конце концов отказались, они устно заявили мне, что хотя в меморандуме и сказано “две шахты”, но фактически они работают на четырех шахтах и просят об этом довести до сведения сахалинских властей. Имея в виду Ваше указание на этот счет, я ответил, что я такое сообщение сделаю сахалинским властям и буду просить их, чтобы они на месте, если возможно (я подчеркиваю – если возможно), урегулировали бы этот вопрос. Я обратил на это внимание Шишляникова и указал, что если работы, которые они проводят, не являются работами большого масштаба и если по соображениям нашей комиссии разрешение работать не на двух, а на четырех шахтах в определенном ограниченном масштабе не представляет для нас какой-либо опасности или ущерба, чтобы они, снесясь с нами, с Москвой и со мною, разрешили бы им.

Будущие переговоры

Я японцам сообщил определенно, что переговоры о концессиях и рыболовной конвенции будут в Москве. Возражений с их стороны, наверное, не будет. Таким образом, вопрос этот будет легко урегулировать. Я, к сожалению, не успею дать своих заме-

* См. док. № 157, прим. 1.

чаний о рыболовной конвенции с этим курьером, пошлю следующим. Но я думаю, что это не опоздает.

Наше имущество в Японии

В связи со сведениями РОСТА из Токио о том, что наше посольское и консульское имущество расхищаются, я написал ноту и, кроме того, устно говорил с Иосидзавой. В результате телеграфных сношений с Токио они сообщили мне, что 5 февраля они опечатали все посольские и консульские владения своими и старыми русскими печатями, то есть в присутствии старых чиновников, с тем, чтобы по приезде наших представителей это имущество сдать. Таким образом, дальнейшее расхищение можно считать в настоящее время прекращенным. Посольского и консульского имущества у нас в Японии достаточно, но многое пришло в ветхость, и, наверное, нужно будет сразу же затратить некоторые суммы на ремонт и посольских, и консульских зданий для того, чтобы привести их в приличное состояние.

О почте

По вопросу о почтово-телеграфных сношениях японское министерство вступило в непосредственные сношения с Наркомпочтелем. Я думаю, что это короче и проще.

О судах

Я уже обратился с просьбой передать нам суда нашей Амурской флотилии, захваченные японцами и находящиеся в сахалинских водах. Ответа не получил пока, но думаю, что по этому вопросу затруднений не встретится. Сомнения, которые были у тов. Шишляникова, заключаются в том, что большинство наших судов было в весьма плохом состоянии и годилось только на слом, но что многие из них японцы стремонтировали, причем ремонт многих судов равносителен был новому сооружению, и что на этой почве могут быть с японцами споры.

РОСТА в Токио

Нужно обратить серьезное внимание РОСТЫ и, может быть, поддержать РОСТУ в высших инстанциях, чтобы ей увеличили кредит на телеграммы как в Пекине, так и в Токио. Правда, телеграммы стоят из обоих этих пунктов дорого, но нельзя на этом основании сокращать чрезвычайно важную для нас информацию из этих двух пунктов. Я вижу по телеграммам РОСТА из Токио, как мало и как скудно оно вынуждено давать ввиду ограниченности средств.

О послах

Вопрос об японском после в Москву пока не решен. Пока в японской миссии мне частным образом называли трех кандидатов: самого Иосидзаву и теперешних послов в Берлине и Риме. Я также в частном порядке давал понять, что, с моей точки зрения, наиболее приемлемым был бы Иосидзава, которого в результате переговоров с нами знают лучше и, может быть, единственного, кого знают из японских дипломатов хорошо и к которому питают наибольшее доверие. С моей точки зрения, Иосидзава был бы, несомненно, лучшим кандидатом. Контакт более чем в течение года не мог не настроить его благожелательно в отношении нас, и, приехав в Москву, он, несомненно, был бы менее враждебен нам, чем любой другой японский дипломат. При чрезвычайно медленной работе японских мозгов какой-нибудь их посол в Италии или Берлине, находящийся под постоянным влиянием враждебной нам прессы и враждебных дипломатов и информации, несомненно, приехал бы в Москву с большим предупреждением* против нас, в то время как в отношении Иосидзавы можно сказать, не боясь ошибиться, что он относится к нам с некоторой естественной симпатией, ибо вел в течение года переговоры и подписал соглашение. Это, помимо других хороших качеств Иосидзавы, мне кажется, немного даже обязывает.

В Японии еще не стихло ликование по поводу подписания соглашения с нами. При обсуждении вопроса в парламенте серьезных нападков не было на соглашение. Все выступавшие приветствовали его. Следует, конечно, отметить незначительное выступление депутата, представителя партии Сейюхонто, который должен был как-нибудь обругать нынешний кабинет и который обвинял его в том, что, пропустив момент переговоров с Каваками³ в Токио, они получили сейчас на 50% меньше, чем могли получить тогда.

О наших консулах в Японии

Нужно сейчас уже подыскивать кандидатов для наших консульств в Японии. Важнейшими пунктами, куда нужно будет назначить достаточно крупных работников, будет Дайрен и Сеул. Что касается Дайрена, то это важнейший наблюдательный пункт за японской работой в Маньчжурии, который представляет большой интерес, может быть, с точки зрения наших китайских дел, и тут нужно иметь очень толкового человека, ибо Дайрен – центр

* Так в тексте. Следует читать “предубеждением”.

Южной Маньчжурии, экономический и административный. Там резиденция губернатора, и там сходятся все нити японской политики в Южной Маньчжурии. Консул в Дайрене должен быть достаточно ответственным и достаточно крупным человеком, который был бы достойным партнером для японцев. Генеральное консульство в Сеуле представляет для нас громадный политический интерес. Открывая консульство в Сеуле, мы получаем впервые за все время нашего существования непосредственный доступ к корейским делам, непосредственное ознакомление с тем, что происходит в Корее. Само собой понятно, что нашему консулу в Сеуле никакой корейской политики вести не удастся, но как наблюдательный пункт он имеет совершенно неоценимое значение. Положение нашего консула в Сеуле будет чрезвычайно деликатным, ибо, как бы ни было задавлено национальное движение в Корее, несомненно, все живые корейские элементы потянутся к нашему консулу и у него должно быть достаточно гибкости и осторожности, чтобы, поддерживая хорошие отношения с корейским обществом, в то же время не давать повода для протестов со стороны японцев.

Другие консульские пункты, как Нагасаки, Цуруга, имеют обычное консульское значение, на которое обращать Ваше внимание специально не входит в мою задачу.

Не исключено, что японцы попробуют отдалить момент появления нашего консульства в Сеуле. Это надо иметь в виду заранее и, может быть, если понадобится, связать с их желанием назначить консула на Северном Сахалине. Но было бы опасно дать им почувствовать, что у нас есть какие-нибудь сомнения насчет открытия консульства в Сеуле. Между прочим в Сеуле у нас великолепное здание для консульства, ибо в дни независимости Кореи у нас там был посланник.

С коммунистическим приветом
Помета: "Т[ов]. Сталину".

Л. Карахан

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1001. Л. 54–61. Копия.

¹ Полномочная комиссия ЦИК СССР по принятию Северного Сахалина от японцев. Согласно Положению о ее статусе, принятому Оргбюро ЦК РКП(б), комиссия вплоть до окончания эвакуации японских войск и установления нормального советского режима являлась высшим органом власти на Сахалине.

² Шишлянников Р.А. (1896–1938) – уполномоченный Дальбюро ЦК РКП(б) в Хабаровске, в 1925–1926 гг. первый председатель Сахалинского ревкома, в 1926 г. заместитель председателя Далькрайисполкома (Хабаровск).

³ Переговоры Каваками – Иоффе в июне – июле 1923 г. о нормализации советско-японских отношений.

*Записка Г.В. Чичерина в Политбюро ЦК РКП(б)
о неприемлемости кандидатуры А.А. Иоффе в качестве полпреда
в Японии**

№ 210/чс

17 февраля 1925 г.

В Политбюро ЦК РКП(б)

Копии: членам Политбюро, членам коллегии НКВД
и тов. Красину

По вопросу о назначении полпреда в Токио дополнительно обращаю внимание Политбюро на сообщение т. Карахана о том, что будущий секретарь японского посольства в Москве Миакава, приехавший в Пекин для временного контакта с т. Караханом, имел с последним частный разговор по поводу газетных сообщений о возможном назначении т. Иоффе. В этом частном разговоре Миакава передал т. Карахану, что, по мнению японского Министерства иностранных дел, климат Токио вреден для т. Иоффе и что его здоровье ухудшилось в Токио по климатическим причинам. Далее Миакава сообщил, что в консервативных кругах Японии еще помнят о вынужденном отъезде т. Иоффе из Берлина и о том, как он сам рассказывал про свою пропагандистскую деятельность в Берлине. Наконец, т. Иоффе заявил, что является сторонником союза между СССР, Японией, Китаем и Германией, и вследствие этого японское правительство опасается, что назначение т. Иоффе в Токио вызовет подозрения у других держав. Миакава прибавил, что эти сообщения имеют целью предотвратить будущие недоразумения, если бы мы официально поставили вопрос о назначении т. Иоффе.

Мое личное мнение: эти официозные сообщения являются предупреждением, что в агремане** т. Иоффе будет отказано. Сам т. Карахан дальше говорит, что есть несомненная опасность, что, если мы выдвинем кандидатуру т. Иоффе, японское правительство не даст агремана. Я лично назвал бы это не опасностью, но несомненностью.

Т[ов]. Карахан вывел из каких-то венских интервью т. Иоффе заключение, что он уже назначен в Токио, и в результате этого т. Карахан спрашивает, не следует ли пустить в ход всякие нажимы на Японию, чтобы провести кандидатуру т. Иоффе?

Я лично решительно против этого возражаю. После того как японское правительство официозным путем сообщает нам,

* Штамп: "Прот[окол] ПБ № 50, п. 2д" См. док. № 199.

** Agreement – одобрение (фр.).

что кандидатура т. Иоффе для него неприятна, пускаться в целую систему нажимов, чтобы принудить японское правительство принять т. Иоффе, значит с первого же шага портить начинающиеся отношения и вызывать неблагоприятное настроение. Я решительно не вижу оснований для того, чтобы идти на риск порчи начинающихся отношений с Японией ради того только, чтобы путем всевозможных нажимов протащить в Токио т. Иоффе.

Наркомаиндел Г. Чичерин

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 996. Л. 20–21. Подлинник.

№ 199

*Постановление Политбюро ЦК РКП(б) “О полпреде в Японии”**

№ П50/2-д/с

25 февраля 1925 г.
Строго секретно

а) Поручить НКИД продолжать переговоры с японским правительством об обмене послами.

б) Назначить послом СССР в Японии т. Коппа¹.

Секретарь ЦК

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 996. Л. 19. Копия.

¹ Копп Виктор Леонтьевич (1880–1930) – в 1923–1925 гг. уполномоченный НКИД СССР при СНК РСФСР, член коллегии НКИД СССР, в 1925–1927 гг. полпред в Японии, в 1927–1930 гг. полпред в Швеции.

№ 200

Письмо Г.В. Чичерина М.В. Фрунзе об отказе японцев разместить советскую Полномочную комиссию по принятию Северного Сахалина в Александровске

№ 3811/с

2 апреля 1925 г.
Сов. секретно

Тов. Фрунзе

Копии т. Сталину, Менжинскому, членам коллегии НКИД

Тов. Аболтин¹ из Александровска на Сахалине сообщает, что японское командование категорически возражает против размещения нашего отряда в Александровске больше, чем на трое суток, и предлагает его разместить или в окрестностях Александровска, или в селении Рыковском. Хотя т. Аболтин не

* Вопрос представлен Г.В. Чичериным. Выписка из протокола № 50 заседания Политбюро ЦК РКП(б) от 25 февраля 1925 г., п. 2Д. Направлена Г.В. Чичерину.

указывает, в течение какого срока будет действительно это запрещение размещения нашего отряда, но очевидно, что здесь подразумевается время до окончания полной эвакуации японцами Сахалина.

Прошу срочно сообщить Ваше заключение, возможно ли нам идти на какие-либо уступки в этом вопросе или, по Вашим соображениям, необходимо настаивать категорически на размещении штаба и баз нашего отряда именно в Александровске?

С коммунистическим приветом

Г.В. Чичерин

Помета: "Срочно".

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1001. Л. 62. Копия.

¹ Аболтин (Аболтынь) Владимир Яковлевич (1899–1978) – глава Полномочной комиссии ЦИК СССР по принятию Северного Сахалина от японцев.

№ 201

*Запись беседы Г.В. Чичерина
с поверенным в делах Японии в СССР Н. Сато
в связи с назначением японского посла в СССР Т. Танаки
и направлением в Токио советского торгпреда*

20 апреля 1925 г.

Сато¹ спешно просил свидания. Он сообщил мне, что эта поспешность вызвана тем, что по только что полученному им известию Иосидзава слишком болен, чтобы в скором времени занять у нас место посла. Ввиду этого японское правительство просит агремана для Токити Танаки². Он никогда не имел постов в Западной Европе, и вся его карьера протекла на Тихом океане, сначала в консульских должностях в Америке, Китае и английских колониях, а затем в качестве советника посольства в Вашингтоне. Потом он заведовал коммерческим отделом Министерства иностранных дел и хорошо знает дальневосточные экономические отношения. В министерстве адмирала Като он был вице-министром иностранных дел при министре Утиде. Он вышел в отставку при Ямамото³. Он дружественно настроен к СССР, хладнокровный и деловитый человек.

Я сказал, что мы все-таки сначала поинформируем, что Сато нашел вполне естественным. Возник, однако, следующий вопрос. Предполагалось, что дом для японского посольства будет отремонтирован через 2 или 3 месяца, и к тому именно моменту ожидался приезд Иосидзавы, который теперь еще

слишком болен. Между тем новый посол здоров, и его приезд не отсрочится на столь долгое время. К этому прибавляется то, что концессионные переговоры о сахалинской нефти должны начаться в середине мая и для них установлен пятимесячный срок. Хотя для этих переговоров приедут спецы, но они должны вестись под руководством посла. Это заставляет ускорить приезд посла. Сато живет в “Савое”, причем, по его словам, он занимает лучший номер. Достаточно ли хороша обстановка для посла, этого Сато не мог определенно сказать. Как же выйти из этого тупика? Сато спросил, нет ли такого клуба, который мог бы быть переделан скорее. Когда он смотрел предлагаемый дом, то неподалеку он видел клуб, которого здание ему кажется подходящим, и он спросил, нельзя ли предлагаемый ему дом передать этому клубу, а японцам дать клуб (во всяком случае, надо вопрос поставить весьма остро перед соответствующими учреждениями).

Затем Сато перешел к еще более важному и трудному вопросу. В Пекинском договоре есть весьма общая статья о торговле, признающая нашу монополию внешней торговли и устанавливающая в пределах возможности и наибольшее благоприятствование, но детальных постановлений о правах торгпредства нет, ибо это есть дело будущего торгового договора. В связи с тем, что через несколько дней тов. Янсон собирается уехать в качестве торгпреда, Сато просил меня повременить с обращением к нему по поводу визы до выяснения вопроса с японским правительством, которое предварительно желает разузнать о функциях торгпреда, его привилегиях, числе сотрудников, числе экстерриториальных привилегированных лиц, а также будет ли это совсем отдельный институт. Когда я упомянул о существовании коммерческих атташе в других странах, Сато сказал, что, если в составе посольства имеется коммерческий атташе, против этого, конечно, не будут возражать. Я тогда объяснил, что коммерческий атташе государства, у которого внешняя торговля в частных руках, имеет лишь незначительные информационные функции, ибо торгуют купцы, наш же торговый представитель, как бы его ни называли, ведет торговлю, ибо у нас торгует государство. Сато признает эту разницу, но считает необходимым предварительно точно сформулировать функции и права торгпредства, ибо без этого он не имеет права дать визу торгпреду. При этом он указал, что тов. Янсон является членом коллегии, следовательно, равен по рангу тов. Коппу и не может быть простым атташе в посольстве тов. Коппа. Если же это есть параллельное государственное представительство, то надо предварительно согласовать вопрос о его по-

ложении и правах. При этом он сказал, что во время переговоров в Пекине Иосидзава указывал, что желательно будет после возобновления сношений посылать не слишком много сотрудников, ибо японское правительство слышало, что мы посылаем всюду громадное количество сотрудников, и оно этого боится. Тов. Копп уже повез с собою человек 16–17, а тов. Янсон, по сведениям Сато, хочет везти с собою 15 человек.

Я на это указал, что торгпредство и хозорганы делают за границей то, что делает все громадное и многочисленное купечество других стран. Я не сомневаюсь, что фирма “Мицубиси” имеет в Америке громадное количество контор с громадным количеством служащих. Так как у нас торгует государство, то наше торгпредство и хозорганы делают то же самое. Без этого невозможна торговля с нами. Мы желаем продавать Японии и покупать у нее, и, несомненно, того же желает Япония. Для этого необходимо присутствие торгпредства, а при дальнейшем развитии дела и некоторых хозорганов. Количество служащих будет зависеть от развития операций. Вначале их может быть немного, пока операции не развились, но если торговля пойдет хорошо, чего, конечно, и Япония желает, то, конечно, будет много служащих.

Сато просил изложить на бумаге точную формулировку функций и прав торгпредства, его положения, численности сотрудников и привилегированных руководителей. Я сказал, что эту формулировку я должен согласовать с Наркомвнешторгом и поэтому пришлю ее лишь через несколько дней⁴. Сато прибавил, что завтра будет у тов. Мельникова и будет продолжать с ним этот разговор.

В заключение он просил не держаться по отношению к Японии принципа равного количества консульств, ибо это не имеет никаких оснований. Я сказал, что у нас этот принцип выработался исторически в процессе восстановления сношений с другими государствами: он ведь был в Варшаве, и ему должно быть понятно, что, например, польское правительство соглашалось на открытие нашего консульства в Галиции под условием открытия польского консульства, например, в каком-нибудь украинском городе. Сато сказал, что в Японии положение дел как раз обратное: много городов хотят иметь советских консулов. Надо поэтому держаться принципа целесообразности, а не принципа равных цифр. Я ответил, что, когда мы подойдем к этому вопросу ближе, можно будет опять вернуться к этой теме.

Чичерин

¹ Сато Наотакэ (1882–1971) – поверенный в делах Японии в СССР в марте – июле 1925 г.

² Танака Токити (1877–1961) – посол Японии в СССР в 1925–1930 гг.

³ Ямамото Гоннохэе (1852–1933) – премьер-министр Японии в 1923–1924 гг.

⁴ Соответствующая памятная записка была вручена Н. Сато заведующим Дальневосточным отделом НКВД Б.Н. Мельниковым 5 мая 1925 г. (см.: ДВП СССР. Т. 8. С. 274–275).

№ 202

Запись беседы Г.В. Чичерина с Т. Танакой о советско-японских отношениях

14 июля 1925 г.

Придя ко мне со своим первым визитом сейчас же после приезда, Танака горячо благодарил за оказанную и по дороге, и в Москве встречу, которую назвал неожиданной.

Затем он сказал несколько слов о растущей популярности тов. Коппа, который с большим успехом содействует сближению Японии с СССР.

Разговор у нас прежде всего перескочил на тему об экономическом сближении. Посол выразил желание прежде всего войти в сношения с теми нашими деятелями, которые работают на экономическом поприще. С ним приехали 20 человек японских промышленников и коммерсантов. Танака хочет в первую очередь разрешить вопрос о сахалинских концессиях и о рыбных ловлях и затем перейти к концессиям и другим экономическим вопросам на материке. Он хочет теперь же как можно скорее приступить к выработке соглашения о сахалинских концессиях. Он спрашивал у меня подробности о том, в какие учреждения надо для этого обращаться.

Речь перешла на политическую область и на желательность тесных дружественных отношений. Я сказал, что нас несколько беспокоят слухи о попытках Англии возобновить англо-японский союз, ибо при нынешней обстановке у нас является мысль, нет ли тут попытки Англии втянуть Японию в единый фронт против нас. Танака сказал мне, как он подчеркнул, “частным образом”: “Японцы имели настолько тяжелый опыт от союза с Англией, что его возобновление невозможно, ибо во всем народе господствует слишком сильное раздражение против Англии, народное чувство против возобновления союза с Англией” Он тогда спросил меня, чем объясняется это отношение к нам Англии? Я объяснил ему, что царизм вместе с Англией тяжело давил на народы Азии, наше же правительство сочувствует освободитель-

ному движению просыпающихся народов и является их другом. Самый факт существования нашего правительства, таким образом, укрепляет движение народов Азии к полной самостоятельности и равенству.

Танака сказал, что и Япония теперь относится совершенно иначе к Китаю, чем некоторое время тому назад, и что постепенно во всей политике Японии наступает глубокая перемена. Он должен, однако, отметить, что Япония нуждается в сохранении своего теперешнего положения в Корее и отчасти в Маньчжурии. Я тогда указал на значение для нас КВЖД: мы, однако, несомненно, договоримся и сумеем уживаться. Я упомянул и о больном вопросе – постройке линии Таонаньфу – Цицикар. Он ответил, что ее строят сами китайцы, но что мы сумеем договориться, чтобы она не вредила нам. Я указал, что китайцы собираются ее строить вместе с ЮМЖД. Я при этом подчеркнул, что в договоре 1910 г. Россия и Япония разделяли Маньчжурию на сферы влияния, наше же правительство не считает возможным заключать сделки о китайской территории без участия китайцев; если мы будем договариваться о наших отношениях в Маньчжурии, надо будет поэтому привлечь и Китай. Танака выразил в этом полное согласие, одобрение и радость. Он несколько раз подчеркивал, что надо начать с соглашения о сахалинских концессиях и потом перейти ко всему прочему. Вопрос о торгпреде он не считает большим разногласием, ибо японское правительство просто не разбирается в этом вопросе; у него было впечатление, что т. Копп уже почти договорился с японским правительством. Если это не так, он думает, что во всяком случае удастся скоро договориться. По его словам, японское правительство не противится оперативной деятельности торгпреда. Затруднение, по его словам, касается привилегий торгпреда. Я тогда проанализировал ему различие между недопустимым для нас предварительным исполнением по отношению к нашим товарам и окончательным приговором суда. Он сказал, что это для него является новостью и что, по-видимому, в этой плоскости японское правительство не обсуждало вопроса.

Он с очень большим жаром подчеркивал свое желание содействовать упрочению дружбы между нашими государствами.

Чичерин

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1048. Л. 4–5. Копия.

№ 203

*Записка Г.В. Чичерина В.М. Молотову
об оказании помощи Корее в связи с наводнением*

№ 978/чс

20 июля 1925 г.

Тов. Молотову

Копии членам Политбюро, членам коллегии НКВД
и тов. Брюханову

Уважаемый товарищ!

В дополнение к обширным сообщениям РОСТЫ о небывалом наводнении в Корее и произведенных там колоссальных разрушениях обращаю Ваше внимание на шифровку т. Коппа, который предлагает пожертвовать от имени полпреда небольшую сумму в фонд помощи корейцам. Он указывает, что подписка открыта газетой “Джапан Таймс”. Он указывает, что выразить соболезнование политически неудобно*.

С коммунистическим приветом

Г. Чичерин

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1019. Л. 20. Подлинник.

№ 204

*Постановление Политбюро ЦК РКП(б) “О Корее”***

№ П72/1-г/с

22 июля 1925 г.
Строго секретно

а) Считать необходимым пожертвование со стороны некоторых профсоюзов пострадавшим от наводнения в Корее в общей сумме более 20 тыс. руб.

б) Указанную сумму в 20 тыс. руб. отпустить из резервного фонда СНК.

в) ВЦСПС определить, какие союзы проведут это пожертвование.

Секретарь ЦК

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1019. Л. 19. Копия.

¹ Догадов Александр Иванович (1888–1937) – с 1921 г. член Президиума, секретарь, с 1929 г. первый секретарь ВЦСПС, в 1930–1931 гг. заместитель председателя ВСНХ СССР, в 1924–1930 гг. член Оргбюро ЦК РКП(б).

* См. док. № 204.

** Вопрос представлен Г.В. Чичериным (см. док. № 203). Выписка из протокола № 72 заседания Политбюро ЦК РКП(б) от 23 июля 1925 г., п. Г. Направлена А.И. Догадову¹, Горбунову (все пункты), Н.П. Брюханову (п. а,б).

*Постановление Политбюро ЦК РКП(б)
“О заговоре против японского посла в Москве”**

№ П72/1-к/с

23 июля 1925 г.
Строго секретно
Особая папка

Заговор ликвидировать по возможности без огласки.

Лиц, непосредственно замешанных в этом деле и в особенности руководивших им, выслать из СССР; высылке в этом случае подлежат и члены дипломатического посольства.

Список подлежащих высылке установить тт. Чичерину и Ягоде¹.

Тов. Ягоде информировать МК** в том смысле, что причиной произведения арестов и высылки является связь этих лиц и самого заговора с английской агентурой².

Секретарь ЦК

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 998. Л. 1. Копия. Оубл.: ВКП(б), Коминтерн и Япония, 1917–1941 гг. С. 26.

¹ Ягода Генрих Григорьевич (1891–1938) – с 1924 г. заместитель председателя ОГПУ.

² Считается, что заговор якобы готовила группа китайских граждан, проживавших в Москве (см. док. № 228).

№ 206

*Стенограмма заседания комиссии Главконцесскома СССР
и представителей японских нефтяных компаний
об условиях получения ими нефтяных концессий
на Северном Сахалине*

17 августа 1925 г.

*Гуревич*¹: Разрешите считать заседание открытым.

Я должен от имени г. Иоффе извиниться за то, что он не может присутствовать сегодня на заседании ввиду болезни. Заседание сегодня буду проводить я. Если возражений не будет, то разрешите сегодняшнее наше заседание начать с рассмотрения Ваших предложений и дачи Вам дополнительных разъяснений по ним.

Накасато: Заслушав сообщение о болезни г-на Иоффе, мы желаем ему от всей души скорее выздороветь и поправиться, чтобы он мог продолжить работу.

* Вопрос представлен Г.Г. Ягодой и Г.В. Чичериным. Выписка из протокола № 72 заседания Политбюро ЦК РКП(б) от 23 июля 1925 г., п. 1-к. Направлена Г.В. Чичерину и Г.Г. Ягоде.

** Московский комитет партии.

Вы высказали пожелание о том, чтобы мы дали объяснения по пунктам наших предложений. Так ли мы Вас поняли?

Гуревич: Мы будем зачитывать отдельные пункты, и по тем пунктам, которые для нас оказались бы неясными, мы будем просить с Вашей стороны дополнительных разъяснений.

Накасато: Против этого возражений нет.

Гуревич: У Вас, наверное, имеется текст тех пунктов, которые Вы нам послали.

Накасато: Мы все это имеем. На каком языке будем зачитывать эти пункты?

Гуревич: Полагаю, что эти пункты будем зачитывать по-русски.

Конисси²: Редакция, которую я буду читать, не окончательная. Если в ней будут неправильности, то прошу за это извинения (читает пожелания японской делегации в связи с предстоящим заключением концессионного договора).

Конисси: Разрешите прочесть это по-английски?

Гуревич: Пожалуйста.

Накасато: Читает на английском языке.

Гуревич: (Обращается к членам русской делегации.) Имеются ли какие-нибудь вопросы?

По зачитанному я хотел бы остановиться на следующем: у нас говорится об освобождении от налогов. Как вы это себе представляете? Предполагаете ли вы освобождение от налогов предприятия или это касается коммерческой деятельности предприятия?

Накасато: Это есть общая часть. Подробные объяснения последуют дальше. Если же вы желаете получить эти объяснения сейчас, то мы можем это сделать.

Гуревич: Я не настаиваю. Перейдем к конкретным предложениям. Нет ли возражений против того, чтобы читать по-русски?

Накасато: Мы это принимаем.

Конисси: Читает п.Б пожеланий.

Гуревич: По этому пункту я хотел бы просить следующее объяснение: имеется ли в виду привлечение квалифицированных рабочих и технической силы – инженеров, администраторов и т.д. или речь идет вообще о рабочих?

Накасато: Речь идет вообще о рабочих.

Гуревич: В каком проценте вы хотели бы привлечь японских рабочих?

Накасато: Об этом дальше подробно идет речь, но, тем не менее, мы можем остановиться на этом вопросе сейчас.

Вообще говоря, восточное побережье С[еверного] Сахалина очень безлюдно и, можно сказать, очень дико. Поэтому нам при-

ходилось целиком перевозить туда на пароходах рабочих из Японии. И инженеры, и техники – все были японцы. И поэтому все дела там велись по-японски. Для того чтобы держать единство дела, все это было удобно, и мы впредь желаем, чтобы нам разрешили этих техников и главных мастеров привозить из Японии, потому что там машины и проч. – нашей системы. В отношении же тех категорий, где не требуется специальности, там мы предполагаем пользоваться русскими рабочими, корейцами и китайцами, которых мы там имеем.

Гуревич: Значит, речь идет о том, что вы представляете себе необходимым, чтобы технические силы – высококвалифицированные мастера, техники, инженеры были японцами, что же касается остальной рабочей силы, то здесь у Вас особых пожеланий нет?

Накасато: Мы, конечно, не думаем, чтобы все рабочие были японцами, но техники и инженеры, а особенно специальные мастера по нефти должны быть японцами, потому что у нас там все машины японские. Что касается остальных категорий, то мы таких требований не выставляем.

Гуревич: Предполагаете ли вы, что техническая сила должна быть исключительно японская или только часть должна состоять из японцев? Если я вас понял правильно, то вы считаете необходимым иметь японскую техническую силу только потому, что у Вас японские машины, но для этого ведь не нужно, чтобы все техники и инженеры были японцами.

Накасато: Как вам известно, в Александровске, Николаевске и других местах еще не имеются нефтяные прииски. И там найти рабочих, привычных к этому делу, абсолютно невозможно. Привозить их издалека, конечно, было бы возможно, но, тем не менее, эта большая дальность может быть для дела весьма неудобна. К тому же это невыгодно не только для нас, но и для вас это тоже не особенно выгодно. Если расходы будут увеличиваться, то дело будет плохо, и никакой прибыли не будет. Поэтому мы считаем более удобным привозить японских специалистов, так как от самого последнего нашего порта до места работы всего неделя переезда. Если вы найдете на близком расстоянии таких рабочих, то мы не прочь воспользоваться их услугами.

Гуревич: Значит, вы в принципе считаете, что среди технического персонала могут быть не только японцы, но ввиду большей близости к Японии вы считаете необходимым иметь часть японских инженеров и техников для обслуживания приисков?

Накасато: Эти мастера, чтобы работали как следует и сделали побольше, непременно должны быть такими, которые к этой

работе привыкли. Но русские рабочие и мастера хотя работать могут, но они не понимают японского языка, а наши мастера не понимают по-русски. Взаимного понимания здесь достигнуть чрезвычайно трудно, и поэтому мы можем больше пользоваться услугами специальных рабочих-японцев.

Гуревич: У нас около Сахалина нет нефтяных работ, и там на месте есть только те инженеры и мастера, которые работали там и раньше. Но у нас есть прекрасные специалисты, которые работали в нефтеносных районах Сибири, имеют большой опыт в этом деле. У нас есть громадный опыт десятилетий в области нефтяных работ в Баку, Грозном, Эмбе. Когда я говорил о рабочей силе, то я имел в виду не только местное население, которое живет в Приамурье, а также тех высококвалифицированных техников, инженеров и рабочих, которые десятилетиями работают на бакинских, грозненских и эмбенских промыслах. Насколько я правильно понял вас, вопрос идет о том, что вы считаете, что среди рабочих неквалифицированных, конечно, могут быть и иностранцы, и граждане СССР, а среди технического персонала мы хотели бы иметь значительную часть японцев, допуская, однако, и граждан СССР, но вопрос только, в каком проценте? Об этом мы можем потом договориться, а сейчас важно установить принцип.

Накасато: Несколько лет тому назад мы при алмазном бурении пользовались иностранными инженерами, это были шведы. Их послали туда, и они работали. Это были прекрасные мастера, которые отлично знали свое дело, но, тем не менее, они не понимали нас, а наши рабочие не понимали их. Таким образом, результат был плохой. Поэтому мы желаем больше пользоваться японскими силами. Вы изволили заметить, что об этом вопросе речь будет впереди и тогда мы вернемся еще к вопросу, сколько процентов мы будем устанавливать.

Гуревич: У нас есть еще несколько вопросов. Какое вообще количество рабочих будет занято Вами в течение ближайших 2–3 лет?

Накасато: Мы предполагаем летом приблизительно 600–700, а зимой 250–300, но это только предположение. Надо приступить к работам, и тогда мы сможем сказать определенно.

Гуревич: Во второй части вашего предложения Вы говорите относительно того, что ввиду климатических условий Вы предлагаете несколько смягчить правила, регулирующие труд. Если я правильно понял, то Вы, очевидно, имеете в виду, что в климатических условиях Сахалина рабочим трудно работать и нужны особые правила, облегчающие труд рабочих.

Конисси: Не климатические, а географическое условия.

Гуревич: Может быть, вы еще раз прочтете этот пункт.

Конисси: Читает.

Гуревич: Я так и понимаю, что географические условия Сахалина таковы, что климат чрезвычайно суровый и условия работы тяжелей, чем где-нибудь на юге. Но я не понимаю, что значит смягчить устав? В какую сторону? Если исходить из того, что эти климатические условия, связанные с географическим положением, более жесткие, то, очевидно, необходимо как-нибудь лучше оградить интересы рабочих.

Накасато: Как Вы изволили заметить, географические условия на С[еверном] Сахалине весьма тяжелые. Там население весьма редко. Только летом там можно много работать, а зимой на воздухе работать почти невозможно, так как при бурении пользуются водяным давлением. Мы посылаем туда в конце июня первую партию рабочих. Они приступят сейчас к работам и работают все лето. И у нас с рабочими предварительные переговоры, причем рабочих организаций пока не существует. Они работают только, чтобы побольше заработать денег, работают поэтому усиленно и много времени. Это все делается по договору с самими рабочими. Нанимаются и отпускаются они так, как с ними условлено. Таким образом, там в географическом отношении для работы тяжелые условия, и вести работы можно только летом. Содержание Вашего рабочего устава мы совсем не знаем, но, тем не менее, желаем, чтобы Вы смягчили условия.

Гуревич: У нас законы о труде распространяются на всех рабочих, работающих на территории СССР, независимо от их государственной принадлежности и национальности. У нас не может быть такого положения, чтобы предприниматель или рабочий на территории Союза подчинялся бы другим законам о труде.

Так как Вы изволите говорить, что Вы не знакомы с нашим Кодексом законов о труде, то, может быть, Вы разрешите передать Вашей делегации этот кодекс, дабы Вы могли с ним ознакомиться и после этого более конкретно указать, какие бы Вы хотели внести изменения. Я хочу только Вас предупредить, что законы о труде являются основными законами республики, принятыми 4-й сессией ВЦИК 30 октября 1922 года, и изменять эти законы Концессионный комитет не вправе.

Накасато: Вы сказали, что мы не имеем Вашего рабочего устава. Нельзя, конечно, сказать, что мы его абсолютно не знаем, но я давеча изложил уже, что условия тамошней работы требуют, чтобы были иные условия, и поэтому мы желаем, чтобы сколько-нибудь Ваш устав был смягчен.

Гуревич: Тогда разрешите передать Вам этот устав, чтобы к следующему заседанию Вы могли бы представить, что Вы хотите изменить и в каком направлении. Хотя я еще раз должен указать, что законы о труде являются основными законами нашей республики. Если это будут какие-нибудь незначительные, не меняющие кодекса изменения, то мы сможем их обсудить. Если же эти изменения будут коренными, то мы их внести не вправе.

Накасато: Мы не говорим, что нужно изменить коренным образом Ваш рабочий устав, а мы только желаем, чтобы некоторые требования были смягчены. Поэтому мы познакомимся с Вашим уставом и Вам конкретно скажем, какие смягчения мы просим. Мы думаем, что это не потребует коренного изменения Вашего закона.

Гуревич: Тогда разрешите зафиксировать, что мы Вам передадим этот кодекс, а Вы к одному из следующих заседаний представите Ваши конкретные деизидерата*.

Накасато: В одном из последних пунктов нашей записки сказано о том, что мы Вам представим записку, где мы просим пересмотреть ряд моментов и к одному из следующих заседаний дать Ваш ответ. Разрешите это сделать сейчас. В новых материалах мы указываем, как практиковалось до сих пор на Сахалине и т.п.

Гуревич: Хорошо, мы рассмотрим Ваше деизидерата. Нет ли еще каких-нибудь вопросов с Вашей стороны?

Накасато: Нет. Не имеется ли вопросов у Вас?

Гуревич: Нет. Читайте, пожалуйста, дальше.

Конисси: Читает пункт И пожеланий.

Гуревич: О каких формальностях идет речь – о визах, паспортах или о каких-нибудь других?

Накасато: На С[еверном] Сахалине, как Вам известно, нет ни одного хорошего порта, и все это побережье является для стоянки судов весьма непригодным. Мы туда можем ехать только с конца июня, а уже к концу сентября собираются оттуда обратно, так как остальное время там на море страшные бури и пароходы там стоять не могут; к тому же там плавают льды. Поэтому, для того чтобы туда ввозить рабочих, мастеров, инженеров и завозить для них продовольствие и средства первой необходимости, необходимо, чтобы это было сделано быстро и живо. Если формальности будут требовать много времени, то тогда совсем рабочего времени не будет, и, кроме того, если долгое время это задержится, то придется платить за стоянку пароходов и рабочим нечего будет кушать. Это только увеличит расходы Общества и

* Пожелания (лат.).

принесет вред делам. Поэтому у нас есть пожелания, чтобы Вами были облегчены разные формальности в отношении поездки туда и обратно, ввоза туда разных предметов и вывоза продукции. Мы просим, чтобы на месте это разрешали находящиеся на С[еверном] Сахалине советские органы, которые смогут разрешить это быстро.

Гуревич: Конечно, мы постараемся всячески облегчить формальности, которые необходимы. Я хотел только указать, что в западных странах у нас, кроме полномочного представительства, существует торгпредство. Так у нас в Германии, Англии и в целом ряде других стран. К сожалению, этот вопрос еще не урегулирован в отношении Японии. Если бы там был торговый представитель, все эти формальности были бы во много раз уменьшены и все подобные вопросы легко могли бы быть проведены. Во всяком случае мы эти пожелания принимаем к сведению и постараемся в договоре эти формальности всячески облегчить.

Накасато: В самой последней странице относительно этих вопросов подробно изложено. Когда мы будем обсуждать эти пункты, мы к этому еще раз вернемся.

Гуревич: Я хотел еще раз указать, что мы охотно пойдем на всякое уменьшение формальностей, но положение таково, что, если бы Вы могли все разрешения получить в Токио у торгпреда, это было бы гораздо проще, но, повторяю, что у нас еще не улажен вопрос о торговом представительстве в Японии. Когда этот вопрос будет улажен, формальности будут самые минимальные. Во всяком случае в этом пункте мы всячески пойдем вам навстречу.

Накасато: У нас есть желание, чтобы советские чиновники на Северном Сахалине разрешили такие вопросы. Там в летнее время трудно вести корреспонденцию, письменную и телеграфную, но зимою еще труднее. Ввиду этих трудностей мы просим для усиленного ведения дела эти формальности облегчить.

Гуревич: Мы постараемся облегчить все формальности. Если у Вас есть конкретные пожелания, то Вы, может быть, дадите их нам в следующем заседании, а принципиально мы всячески пойдем навстречу в этом вопросе.

Больше дополнений к этому пункту нет?

Накасато: Нет. Желательно пересмотреть, какие предметы там требуются. Этот список нами представлен.

Гуревич: Мы постараемся скорее рассмотреть и поставить в порядок дня.

Конисси: Читает § 1 – “Сущность условий”

Гуревич: Из каких оснований Вы исходили, когда установили срок концессии больший против установленного в конвенции,

подписанной г.г. Караханом и Иосидзавой? Какие конкретные материальные соображения рентабельности Вы здесь имели в виду?

Накасато: Как Вам известно, в Пекинском протоколе указан срок от 40 до 50 лет, и мы желаем, чтобы этот предельный срок был дан. Для нефти разница в 10 лет громадна. При амортизации основного капитала и всего имущества эти 10 лет имеют огромное значение. Если срок будет на 10 лет больше, то условия эксплуатации нефтяных залежей будут гораздо лучше. Нужно учесть, что там очень мало рабочих дней, мы работаем только 8 месяцев. Если прибавить эти 10 лет, то условия будут гораздо выгоднее и рациональнее. Иначе почти 2-я часть концессии будет напрасно истраченным временем, и мы желаем, чтобы срок концессии был предельный в 50 лет.

Гуревич: Может быть, вы скажете, какой примерно капитал полагаете Вы инвестировать в предприятие, чтобы можно было судить об амортизации?

Накасато: Этот вопрос может быть разрешен только тогда, когда мы вернемся к себе. Сейчас мы не можем ничего конкретно сказать, потому что, когда мы получим известные данные, тогда можем составить Общество. Как Вам известно, в протоколе упомянуты 8 месторождений нефти. Сейчас можно сказать только об Охе, где нефть добывается уже сейчас, но что касается других мест, то сейчас определенного еще ничего нет. Все это будет известно в будущем. Что касается разведочных квадратных верст, то Вам известно, что только после заключения контракта мы приступим к подготовке разведочных работ.

Сейчас мы не можем доложить Вам, какой будет капитал и какую пользу мы будем иметь.

Гуревич: Я не имел в виду капитал будущего Об[ществ]а. Вы говорите относительно того, что длительность срока концессии связана с амортизацией капитала. Чтобы подойти к этому вопросу конкретно, нужно знать, в какую сумму Вы определяете свои затраты. Мы не думаем в договоре суммарно фиксировать эту цифру, но для большей ясности ее необходимо было бы знать.

Накасато: Мы предполагаем, что когда будем дома, то учредим Об[ществ]о с основным капиталом в 10 млн иен. Первый взнос будет четыре миллиона иен. С этого мы начнем.

Гуревич: Вопрос стоит таким образом, что работающая скважина не может быть остановлена зимой. Амортизацию нужно, таким образом, считать не только за 8 месяцев, но в течение круглого года. Зимой скважина, которая уже заложена, не останавливается. Кроме того, нужно сказать, что длительность жиз-

ни скважины значительно меньше 40 лет. Она исчерпает свои запасы в гораздо меньший промежуток времени.

Накасато: Относительно исследований и бурения в Японии это сравнительно легко, и круглый год там можно работать. К тому же очень легко можно добывать и рабочую силу, и, кроме того, сообщения удобны. Но на Северном Сахалине как раз противное. Там сообщения неудобны, население мало, портов нет, городов нет, и, кроме того, зимою там 40 градусов мороза, поэтому там время, которое можно посвятить на исследования и разведки, весьма короткое. Поэтому нужен непременно этот предельный срок в 50 лет, особенно ввиду того, что в нефтяном деле не так скоро определяется судьба того или другого месторождения нефти. Так, например, японская нефть, Вам это здесь совершенно неизвестно, впервые была открыта приблизительно в 70-х годах прошлого столетия, и через 50 лет у нас уже говорилось, что это слабое месторождение, что этот источник скоро иссякнет. Тем не менее до сих пор добыча нефти там продолжается. Далее, как Вам известно, в Америке, в Калифорнии, нефть была открыта 45–50 лет тому назад, но не была исследована в течение 10 лет. И только в 1890 г. определили, что нефть в Калифорнии такая богатая, что в мире подобной немного. В особенности Вам это известно должно быть о Мексике. Приблизительно 50 лет тому назад там было открыто месторождение нефти, но только в 1906 г. они определили, что это дело весьма богатое и прибыльное. Ввиду всего этого мы желаем, чтобы срок концессии был определен самый длинный, предельный.

Гуревич: Обычно срок амортизации в нефтяных делах мы считаем в 16–18 лет. Конечно, в таком месторождении, как Сахалин, где работа очень трудна, Вам о такой амортизации говорить мы не можем. Но 10 лет – это почти в 2 раза больше, чем обычная амортизация. Вы говорили о Калифорнии, но не прошло и 50 лет, как начинают опасаться истощения этого месторождения. Сейчас Америка принимает жесткие меры к тому, чтобы сохранить свои недра. Если взять наши месторождения в Баку, то, хотя в Баку одно из самых богатых месторождений в мире, там, несмотря на то что мы работаем только 60 лет, уже приходится брать нефть из довольно глубоких горизонтов. Так что срок эксплуатации сахалинской нефти в течение 40 лет, с нашей точки зрения, достаточно длинный срок. Но я думаю, что в этом вопросе мы найдем общую формулу, так как и 40, и 50 лет – достаточно длинные сроки.

Я еще хотел бы спросить, как Вы относитесь к тому пункту, который мы имеем обычно во всех договорах, а именно к досрочному

выкупу концессии. Во всех концессионных договорах предусматривается наше право, начиная с половины концессионного срока, на досрочный выкуп.

Накасато: Еще мы прибавим к тому, что сказано раньше. Охинское месторождение нефти только сейчас более или менее ясно, а другие места еще совсем неопределенные. Еще предстоит нам большая работа, чтобы это определить, но чтобы это сделать как следует, нужны будут большие затраты с нашей стороны и вместе с тем большие наши старания, поэтому мы просим, чтобы Вы благоволили определить нам предельный срок. Относительно досрочного выкупа мы не думали, что этот вопрос будет поставлен. Мы просим, чтобы до истечения срока выкупа не производилось.

Гуревич: Мы не сомневаемся, что в руках таких опытных инженеров и промышленников, какие имеются в Японии, сахалинские источники будут хорошо оборудованы. Но при установлении срока нельзя исходить из истощения недр, ибо, хотя Вы сами правильно указали, запасы нефти на Сахалине еще недостаточно разведаны, и поэтому и 40, и 50 лет – это такие сроки, которые мало разнятся. Поэтому нам придется исходить из принципа амортизации вложенных капиталов, ибо мы стремимся к тому в первую очередь, чтобы концессия была рентабельна, чтобы те промышленные группы, которые будут работать на этой концессии, с прибылью вернули свои капиталы.

Конисси: То есть Вы не думаете, чтобы этот выкуп был сделан до срока.

Гуревич: У нас во всех концессиях этот выкуп предусматривается. Я хотел бы знать Ваше мнение. Я получил ответ, что Вы против этого. Мы этот вопрос дополнительно обсудим. Нет ли у Вас еще вопросов?

Накасато: Разрешите еще раз о сроке концессии. Мы желаем, чтобы был установлен самый длинный срок. Когда в Пекине переговаривались Карахан и Иосидзава, то Карахан высказывался, что московское правительство не имеет препятствий к тому, чтобы определить этот срок в 50 лет. Мы Вас убедительно просим, чтобы этот срок был установлен в 50 лет.

Гуревич: Мне не известно, чтобы об этом говорилось в процессе переговоров с г-ном Иосидзавой. В официальных документах, которые у нас имеются, срок указан от 40 до 50 лет. Мы сейчас не принципиально поднимаем дискуссию по этому вопросу, а я хотел уяснить себе, какими мотивами Вы обосновываете эти 50 лет? Мы этот вопрос отвергли официально.

Гуревич: Больше вопросов нет?

Накасато: Нет.

Конисси: Читает пункт 2-й – “Сущность условий”.

Гуревич: Конечно, смысл договора заключается в том, что та продукция, которая будет добываться, будет собственностью концессионера. С этой стороны у нас никаких возражений нет. Что касается защиты прав концессионера, то мы во всех концессионных договорах это обуславливаем и оговорим это и в настоящем договоре. У нас предусматривается, что имущество, которое находится в пользовании и ведении концессионера, не подлежит ни реквизиции, ни конфискации. За правительством остается право контроля за производственными и коммерческими операциями и за условиями выполнения договора. В процессе выработки договора все эти права будут точно оговорены, и интересы концессионера вполне будут защищены.

Накасато: Желательно, чтобы не было национализации и чтобы продукция не передавалась третьим лицам против нашего желания. Все устройство и оборудование и вся продукция должны быть нашей собственностью. Чтобы не было ликвидации и конфискации и насильной реквизиции. Об этом нам хотелось бы в договоре тоже сказать.

Гуревич: Мы предоставляем концессионерам полное право собственности на ту продукцию, которую они добудут, и те материалы, которые они привезут. Никакой конфискации и реквизиции не может быть иначе, как по суду. Если Об[щест]во нарушит свои долговые обязательства, то возможно отчуждение по суду вследствие каких-либо его взаимоотношений с третьими лицами. Нужно еще заметить, что в законодательствах всех стран предусмотрена реквизиция военного времени, которая производится за справедливое вознаграждение. Это и нам придется предусмотреть. В иных же случаях ни реквизиции, ни конфискации продукции и имущества производиться не будет. Это мы точно оговорим в концессионном договоре.

Накасато: Желательно нам знать, что никакие третьи лица не имеют прав на те участки, которые нам будут даны. Мы просим это установить. Мы знаем претензию Синклера, затем была претензия английского Об[щест]ва, претензия какого-то синдиката, а затем компания Стахеева³ имела как будто бы какие-то права. Можете ли Вы удостоверить, что все это не существует?

Гуревич: Что касается претензии Синклера, то Вы знаете, что состоялся процесс и определением Московского губсуда концессия была расторгнута ввиду того, что Синклер не выполнил своих обязательств по концессионному договору. Синклер опротестовал это решение в Верховном Суде, и Верховный Суд подтвердил решение губсуда. Таким образом, концессия Синклера

считается окончательно расторгнутой. Что касается английской претензии, то советскому правительству об этом ничего не известно. Мы этих данных не знаем. Что касается претензии фирмы Стахеева, я не знаю, о какой претензии идет речь. У нас никаких договорных отношений со Стахеевым не имеется. Не знаю, есть ли со стороны японских промышленников какие-либо обязательства Стахееву, но со стороны советского правительства никаких обязательств нет.

Накасато: Пр[и]знали ли Вы их права?

Гуревич: Укажите, пожалуйста, о каких правах Стахеева Вы говорите?

Накасато: Представитель фирмы Стахеева заявил, что они имеют какие-то права. Когда речь шла о нефтяном месторождении, то сказали, что это месторождение – совершенно чистая бумага, где ничего не написано. Нам желательно выяснить, что действительно советское правительство знает это месторождение, относительно которого мы сейчас переговариваемся, что вполне возможно работать.

Гуревич: Согласно существующим законам в СССР все недра являются собственностью государства, в чьем бы ведении они раньше ни находились. После декрета 25 октября 1917 г. все недра перешли в собственность государства. Этим декретом они все были национализированы. Таким образом, если у Стахеевых были правоотношения с царским правительством, то декретом о национализации эти права, как и права всех бывших собственников на недра, были аннулированы. С советским правительством Стахеев никаких правоотношений не имеет. Я не знаю, есть ли у него взаимоотношения с японскими промышленниками, но с советским правительством никаких правовых взаимоотношений нет.

Накасато: Вы изволили заметить, что декретом 25 октября 1917 г. все недра были объявлены собственностью правительства, между тем в 1910 г.* в мае месяце бывший там горный надзиратель Ольшевский дал разрешение Стахееву, и представитель Стахеева говорил, что у него есть разрешение работать там от горного надзирателя.

Гуревич: Всякое концессионное предприятие на разработку недр должно быть подписано союзным правительством, и никто не имеет права сдавать недра в концессию, кроме союзного правительства. Правительство никаких прав Стахееву не давало, и поэтому какие бы права Стахеев ни предъявлял, советское правительство [их] не признает.

* Дата ошибочна. Вероятно, имеется в виду 1920 г.

Накасато: Мы очень успокоены тем, что на эти залежи никто больше прав не имеет.

*Шлейфер*⁴: Кроме того, нужно добавить следующее: в 1920 г. сделка Стахеева с русскими чиновниками не может вообще считаться законной. Это был период, когда на Дальнем Востоке господствовали военные организации, боровшиеся с Советской Россией. Всякий чиновник, который остался за линией нашего фронта, являлся изменником советскому государству и поэтому ни от имени советского правительства, ни от имени России право заключать какие бы то ни было сделки не имел.

Гуревич: Я хотел еще добавить, что на Дальнем Востоке, который долгое время не находился под советской властью, закон о национализации был распространен в конце 1922 – начале 1923 г. специальным декретом. Этот закон распространялся и на все недра Дальнего Востока.

*Янковский*⁵: Был еще издан закон, по которому все владельцы недр, если бы они хотели, чтобы за ними остались права, должны были подать специальную заявку. Причем, если в течение 4-х месяцев эту заявку они не сделали, недра считаются собственностью государства. Таким образом, если в известный срок они не предъявили своих прав на недра, они этих прав лишаются.

Накасато: Значит, там заявлений не было?

Янковский: Не было.

Накасато: Когда был издан декрет – в 1922 или в 1923 г., то не слышали, что Стахеев такую заявку сделал. Правда ли это?

Гуревич: У нас никаких заявлений со стороны Стахеева нет.

*Никитин*⁶: В саму комиссию, которая работала на Дальнем Востоке, заявлений от гр. Стахеева не поступало.

Гуревич: Надо сказать, что у нас была специальная комиссия по проверке прав на Дальнем Востоке, никаких заявлений от гр. Стахеева в эту комиссию не поступало.

Конисси: Может быть, я неправильно перевел, или Вы изволили так сказать, но я Вас понял так, что Вы сказали: на разведки или право отвода ... Это по отношению к Стахееву.

Гуревич: Мы ни в каких правоотношениях с гр. Стахеевым не находимся. Я хотел только задать один вопрос. У нас имеются слухи о том, что существуют какие-то отношения со Стахеевым у японских промышленных кругов. Соответствует ли это действительности?

Накасато: Одно из японских акционерных обществ, которое от Стахеева слышало, что он имеет права на эти недра, заключило с ним контракт, и некоторое время они вместе работали.

*Мусатов*⁷: Какое общество?

Накасато: “Хокусинкай”.

Мусатов: А сейчас никаких договорных отношений с ним не имеется? Это дело прошлого?

Ватанабэ⁸: Стахеев заявлял, что разрешение это имеет действительное значение; наши предприниматели верили этим словам и вместе с ним работали. Но когда в Пекине во время переговоров выяснилось, что все эти права на недра аннулированы декретом от октября 1917 г., то они порвали связь со Стахеевым и сейчас ни в каком договорном отношении с ним не находятся. Стало ясным, что по декрету 1917 г. эти права аннулированы и что это есть собственность советского правительства. Мы сообщили ему тогда, что больше работать с ним не будем, так как это не его имущество.

Гуревич: Единственным собственником сдаваемых ныне в концессию недр является советское правительство, и никакие другие претензии советским правительством не признаются.

Накасато: Очень благодарим за то, что Вы этим окончательно выяснили этот вопрос.

Гуревич: Разрешите также установить, что никаких договорных сношений со Стахеевым со стороны японских промышленников в настоящее время также не существует.

Ватанабэ: Относительно того, что “Хокусинкай” не имеет никакой связи со Стахеевым, можно сказать определенно. Но что касается других предприятий, относительно того, что они имеют договорные или деловые сношения со Стахеевым, это нам неизвестно.

Гуревич: Но Общество, которое Вы представляете, никаких отношений со Стахеевым не имеет?

Накасато: Разумеется, никаких отношений не имеет.

Гуревич: Разрешите считать вопрос этот выясненным и перейти к дальнейшему.

Накасато: Разрешите еще один вопрос. Вы изволили сказать, что в отношении всякого рода конфискаций в договоре будет сказано, что этого не будет, но сказали, что по суду такая вещь возможна. В чем здесь, собственно, дело? Выясните, пожалуйста.

Гуревич: Это ясно. Во всех гражданских кодексах всех народов существует закон, согласно которому имущество, принадлежащее тому или иному гражданину или Обществу, может быть по суду описано, если Общество не платит по векселям или если оно не выполняет своих долговых обязательств. В таком смысле я это и имел в виду.

Накасато: Разрешите еще один вопрос. Будет ли внесен в

концессионный договор пункт о том, что эти участки или отводы, которые будут сданы нам в концессию, не могут быть одновременно переданы Вами третьим лицам. Будет ли об этом написано в договоре?

Гуревич: Само собой разумеется, что если мы сдаем кому-нибудь концессию, то мы в продолжении действия данного договора никому другому эту концессию не сдадим. Вы имеете дело с правительством, которое распоряжается своей собственностью, и правительство, конечно, никогда не сочтет возможным предоставить одну и ту же концессию одновременно двум разным соискателям. Когда я говорил о суде, то я вовсе не имел в виду, что Общество, которое Вы представляете, может не платить своих долгов. Я, конечно, знаю, что мы имеем дело с солидным Обществом, тем более, что оно рекомендовано японским правительством. Говоря о суде, я не имел в виду данное Общество, в котором мы совершенно уверены. Я имел в виду лишь то общее положение, которое существует повсюду, что по суду имущество может быть отчуждено в силу неплатежа долговых обязательств.

Шлейфер: Мне бы хотелось остановиться на вопросе, который, по-видимому, очень интересует представителей Общества. Это вопрос о взаимоотношениях советского государства с концессионером. Я понимаю, почему этот вопрос чрезвычайно интересует представителей Общества.

Мы имеем две системы хозяйства. Одна система – наша, где государство является хозяином всех крупных предприятий, а другая система – система частного хозяйства, где государство мало вмешивается в работу предприятий. Вас очень интересует вопрос, не будет ли советское правительство вмешиваться в ведение хозяйства на предприятии Общества и не будет ли национализировано имущество Общества.

Мы Обществу сдаем недра, которые никому, кроме государства, не принадлежат. Если на территории концессии окажутся крестьянские хозяйства, то мы их владения в концессию не включим, но все остальные земли, которые поступят в концессионное пользование Общества, никаким другим соискателям отведены быть не могут. В наших правилах наметить твердые условия и не отступать от них ни на шаг.

Следующий вопрос – относительно вмешательства в жизнь предприятия. Такое вмешательство, кроме тех моментов, которые вытекают из договора, также не предполагается и не может быть. Концессионный договор так будет составлен, что права каждой стороны будут четко и ясно оговорены для того, чтобы в будущем работа наша могла бы идти самым согласованным об-

разом, чтобы не было недоразумений. Поскольку концессионный договор есть закон, никто третий не может его нарушать, и, следовательно, все права, предоставленные Обществу по этому договору, являются правительственным законом. Концессия должна быть выгодна для одной и для другой стороны. Только так мы подходим к делу. Дело не только в договоре, бумаге для соглашения, но дело в том, чтобы каждая сторона выявила добросовестный подход к делу. Нужно создать интерес для обеих сторон, и тогда будет подведено основание под договор. Опасения с Вашей стороны вполне понятны, поскольку с нашей системой представители Общества мало знакомы, но, когда Вы ознакомитесь с нашим подходом к делу, тогда эти опасения и сомнения совершенно отпадут.

Гуревич: Я хотел бы только добавить, что если на отведенных концессионерам землях были бы жилые помещения крестьян и других жителей, то тогда, конечно, они были бы переселены и расходы в этом случае понесло бы Общество. Я хочу добавить, что по окончании концессии оборудование переходит в собственность правительства безвозмездно.

Накасато: Этого мы до сих пор не знали и мы думали, что по истечении срока договора можно просить о продлении его.

Гуревич: Предполагается, что если по окончании срока концессии правительство будет сдавать ее другим лицам, то на равных условиях Общество может быть соискателем. Но, как и во всех концессионных договорах, по окончании срока оборудование полностью и безвозмездно переходит в собственность правительства.

Сейчас 15 час., и, может быть, мы прекратим заседание?

Накасато: Следующие вопросы столь специальные, придется долго говорить, и сегодня мы закончить не сможем.

Гуревич: Может быть, следующее заседание назначим в среду, и разрешите начать его в 6 час. вечера?

Накасато: Мы согласны.

Гуревич: Тогда мы закончим заседание в 9–10 час. вечера. Разрешите на сегодня заседание закрыть.

Секретарь комиссии ГКК В. Зубкова

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1005. Л. 2–21. Подлинник.

¹ Гуревич М.Г. – заведующий иностранным отделом ВСНХ, член Главконцесскома СССР.

² Конисси – переводчик японской делегации.

³ Фирма “Товарищество Ивана Стахеева” обосновалась на Северном Сахалине еще в конце 1916 г., получив от царского правительства разрешение на добычу угля. После Февральской революции 1917 г. она развернула там деятель-

ность с целью установления полного контроля над всеми нефтяными месторождениями и уже на следующий год сконцентрировала в своих руках до 540 заявок на все северосахалинские нефтяные источники. С началом в 1920 г. японской оккупации острова права компании были ограничены новыми властями.

⁴ Шлейфер – член Главконцесскома СССР.

⁵ Янковский – эксперт.

⁶ Никитин – эксперт.

⁷ Мусатов А.В. – председатель Концессионного комитета ВСНХ, в 1925 г. член коллегии Наркомата путей сообщения СССР, начальник финансово-хозяйственного Управления НКПС.

⁸ Ватанабэ – юрисконсульт японской делегации.

№ 207

Стенограмма заседания комиссии Главконцесскома СССР и представителей японских угольных компаний об условиях получения ими концессий на Северном Сахалине

18 августа 1925 г.

*Яmanoути*¹: Извините за то, что мы опоздали.

Гуревич: Разрешите объявить сегодняшнее заседание открытым.

Мы думаем наше сегодняшнее заседание посвятить более детальному ознакомлению с теми предложениями, которые поступили со стороны Обществ – претендентов на угольные концессии на о. Сахалине. В частности, мы думаем задать Вам несколько вопросов по отдельным пунктам и просим, чтобы Вы дали нам объяснения по ним. Точно так же мы, в свою очередь, готовы дать Вам объяснения по тем пунктам, которые Вам покажутся неясными. Согласны ли Вы на такой порядок нашего сегодняшнего заседания?

Окумура: Прежде всего я должен сказать Вам, что представитель концерна “Цукахара”, который должен присутствовать на этом заседании, сегодня отсутствует. Я буду вести с Вами переговоры по общим вопросам, а при обсуждении специальных вопросов концессии он будет принимать участие в переговорах. Я имею поручение вести переговоры по общим вопросам. Г-н Цукахара не имеет препятствий, чтобы сегодня заседание велось без него, и поэтому не присутствует. Только тогда, когда будут обсуждаться вопросы, которые будут касаться существа концессии, он будет вести переговоры с Вами, и тогда он сам придет.

Гуревич: Значит, общие вопросы мы будем обсуждать в его отсутствие, и только по вопросу об объеме концессии мы будем говорить с ним отдельно?

Яmanoути: Вот именно.

Окумура: Значит, по тем предложениям, которые мы Вам послали, Вы хотите сейчас получить просто объяснения, или мы будем каждый пункт объяснять и разрешать его до конца?

Гуревич: Мы предполагали сегодня только заслушать объяснения по пунктам, ибо без этого трудно было бы вынести окончательное решение. Мы предполагали, что сегодня мы, насколько успеем, слушаем Ваши объяснения, точно так же, как, если у Вас будут к нам вопросы, мы на них дадим ответ. Окончательное решение мы будем выносить потом по каждому отдельному пункту в процессе наших переговоров.

Окумура: Значит, сегодня мы будем давать объяснения по пунктам?

Гуревич: Тогда разрешите, может быть, Вы зачтете Ваше предложение по пунктам?

Яmanoути: Они у нас на английском языке.

Гуревич: Разве у Вас нет русского перевода?

Яmanoути: Имеется и русский перевод.

Гуревич: Тогда начнем зачитывать пункты по-русски.

Яmanoути: Это перевод с английского языка, и он может быть не совсем точен, но в общем смысл его соответствует английскому тексту наших предложений.

(Читает § 1 – о сроках концессии).

Гуревич: Насколько я помню, в Пекинском соглашении указываются сроки от 40 до 50 лет. Может быть, Вы нам объясните, из каких соображений Вы исходите, когда Вы устанавливаете срок концессии в 50 лет? Какими соображениями: амортизацией ли капиталов или другими мотивами Вы объясняете этот срок?

Окумура: В договоре, как Вам известно, написано от 40 до 50 лет. Мы исходили из того, что, чем длительнее срок, тем это более выгодно.

Гуревич: Какой примерно капитал предполагается инвестировать в угольные концессии?

Окумура: Пока мы еще не можем сказать определенно, потому что это зависит от объема концессии, пространства угольных месторождений и т.п. Поэтому мы сможем дать ответ на этот вопрос лишь в конце.

Гуревич: А какой капитал имеется у Общества?

Яmanoути: Виноват, Вы спрашиваете, какой капитал был?

Гуревич: Какой капитал имеется у Общества?

Окумура: О размерах капитала мы сейчас сказать не можем, ибо размеры капитала зависят от пространства угольных месторождений, полученных в концессию.

Гуревич: Но Общество ведь не новое?

Яmanoути: Но теперь надо образовать новое Общество.

Гуревич: Но самое Общество существует ведь давно.

Окумура: До сих пор было 5 млн иен. Но в будущем капитал будет увеличен до размеров, требуемых предприятием, так как предполагается вовлечь крупнейших капиталистов.

Гуревич: Это о каком Обществе идет речь?

Окумура: Об обществе “Кита Сахалин Секитан Кигио Кумиай”

Гуревич: Это значит по-русски “Северный Сахалинский синдикат”?

Яmanoути: Да.

Гуревич: А каков капитал другого Общества?

Окумура: Оно еще только примет участие, и поэтому его капитал пока не определен.

Шлейфер: По договору японское правительство рекомендует советскому правительству концерн, с которым заключается соглашение. Поскольку японское правительство рекомендует это Общество, мы считаем это вполне достаточным. Все же нас интересует, какие средства это Общество может вложить в это дело. Если Вы думаете, что в зависимости от размера концессии определяется капитал, который будет туда вложен, то и, наоборот, размер капитала определит, какую площадь мы сумеем дать в концессию. Нас интересует не только, какой капитал имеется у этих обществ, но какой капитал они вложат.

Окумура: Японский концерн – это частное предприятие. Назвать определенную сумму мы сейчас не можем. О[бществ]а будут достаточно сильные капиталом для эксплуатации тех площадей, которые О[бществ]а требуют.

Шлейфер: Мы не заинтересованы в том, чтобы уголь на Сахалине лежал без движения в недрах земли. Мы заинтересованы в том, чтобы извлечь его наружу и использовать. Поэтому в зависимости от того, какие средства имеются в Вашем распоряжении для вложения в дело, мы будем знать, какую площадь мы сможем отвести. Если вы нам скажете, какую сумму Вы можете вложить в это дело, тогда мы сможем определить, какую площадь надо отвести.

Окумура: Я могу Вам сказать приблизительную сумму. Одно общество, самое крупное – “Кита Сахалин Секитан Кигио Кумиай” может вложить капитал свыше 10 млн иен. Остальные – это, конечно, сравнительно мелкие общества, какой капитал они смогут вложить, сказать сейчас определенно не могу, но приблизительно около 1 млн иен.

Гуревич: Скажите, пожалуйста, когда Вы говорите о длительности концессии, какой срок амортизации Вы считаете для вложенного капитала?

Окумура: Для погашения капитала?

Гуревич: Да.

Окумура: В полный 50-летний срок можно погасить.

Гуревич: 50 лет – это очень длительный срок. Обычно капитал в угольном деле амортизуется ранее 50 лет. Если исходить из соображения амортизации, то срок в 50 лет преувеличен даже при сравнительно медленном темпе работ.

Окумура: Конечно, Вы сказали совершенную правду, капитал можно погасить в более короткий срок, но это зависит от кондиции местоположений. Мы постараемся скорее, но это зависит от кондиции.

Гуревич: Условия работы на Сахалине таковы, что там не требуется больших затрат основного капитала сравнительно с затратами такового в тех месторождениях, где уголь залегают на большой глубине. На Сахалине амортизация будет скорее, чем в других месторождениях.

Окумура: Если только принимать во внимание каменноугольные месторождения на Сахалине, то, конечно, это сокращает срок, но остальные кондиции совершенно другие. Поэтому если по другим кондициям концессия будет находиться в удобном положении, то можно сказать, что срок погашения будет меньше.

Гуревич: Предполагаете ли Вы вести работы ручным способом, или же их механизировать?

Окумура: В настоящее время ручным способом.

Гуревич: Не предполагается ли механизация добычи через определенное количество времени?

Окумура: Там трудные условия получения рабочей силы, и поэтому в будущем это, может быть, будет.

Гуревич: С какого примерно времени?

Окумура: Как Вам известно, в области материалов мы будем все получать из-за границы. При таком положении мы полагаем, что только через 10 лет можно в полном масштабе поставить работы по механизации.

Гуревич: О какой механизации Вы говорите? Механизации забоя или механизации погрузки, транспорта и т.д.? Будет ли в 10 лет механизация выполнена полностью или частично?

Окумура: Думаю, что можно в течение 10 лет выполнить полностью. Но, если что-нибудь будет препятствовать, тогда сказать трудно. Думаю, что здесь, однако, в 10 лет можно будет вполне механизировать.

Гуревич: И в забое, и на транспорте?

Окумура: Да.

Гуревич: Какой срок для амортизации механического оборудования?

Окумура: Это зависит от оборудования.

Гуревич: Я говорю только о машинах по добыче угля. Какой срок принят в Японии для амортизации?

Окумура: Неизвестно, какие машины. Мы сейчас изучаем этот вопрос.

Гуревич: Какой срок амортизации горных работ принят в Японии?

Окумура: Это будет зависеть от месторождения, где много угля и где мало. В общем мы считаем, что в течение 30 лет.

Гуревич: Если исходить из того, что обычно амортизацию механического оборудования мы считаем примерно в 20–25 лет, и если считать амортизацию шахт в 30 лет, то срок концессии в 40 лет является вполне достаточным сроком, чтобы полностью вернуть вложенный капитал и получить определенную прибыль.

Окумура: Мы хотели бы вечных предприятий. В случае, если не встретится никаких препятствий в работе, то тогда, конечно, можно согласиться и на 40 лет. Но если в течение этого срока будут препятствия, то мы считаем, что срок этот должен быть более длинным. В горном предприятии трудно работать, к тому же у нас соответственно рассчитана смета этого горного предприятия.

Гуревич: Вечных предприятий вообще не бывает, особенно горных. Всякое горное месторождение в известный срок исчерпывается. Что касается составленной сметы Общества, вернее говоря, плана, то он должен быть составлен, исходя именно из обычных сроков амортизации. Никакой план не может предвидеть какие-нибудь особые препятствия. Землетрясения на Сахалине не предвидятся. Также не предвидятся и другие какие-нибудь подобные препятствия. Если вообще говорить о препятствиях, то никакой срок не будет достаточным. Поэтому я хотел бы, чтобы тот срок, о котором Вы говорите, то есть 50 лет, был как-нибудь экономически обоснован. Даже исходя из Ваших расчетов, сорока лет достаточно для того, чтобы работать рентабельно, а мы, конечно, заинтересованы в том, чтобы Общество, которое будет работать в СССР, работало бы рентабельно, а не вкладывало бы капитал, не имея никакой прибыли.

Окумура: Нужно будет доставлять на Сахалин машины и т.п. При доставке и выгрузке этих машин всегда встречаются большие затруднения, и опоздание всегда может быть в размере 1–2 месяцев.

Гуревич: Но ведь в течение 40 лет это препятствие не может играть большой роли. Это нужно было бы принять во внимание при сроке концессии в 3—4 года. Тем более, что Вы сами называете срок полной механизации в 10 лет, а за этот срок любое количество машин можно завезти.

Окумура: Именно в течение 40 лет 4—5 лет уходят на эти опоздания. Вы говорите, что опоздания в 1—2 месяца не имеют значения, но если учесть эти опоздания за 40 лет, то это препятствие играет большую роль.

Гуревич: У нас обычный срок аренды раньше был 25—30 лет. Сейчас мы говорим о сроке в 40 лет. Казалось бы, что этот срок должен быть более чем достаточным именно для тех целей, которые Общество преследует.

Окумура: Если бы это было в Японии или в России, о таких препятствиях можно было бы не говорить и согласиться на более короткий срок. Но здесь речь идет о Сахалине, где совсем особенные условия, и поэтому, если Общество не имеет достаточно чистой прибыли, то оно не сможет погасить капитал. К тому же сооружение штолен и установка машин требует подходящего времени, и в этом отношении мы думаем, что даже 50 лет недостаточно. Мы считаем, что для Вас срок не имеет столь большого значения, и поэтому просим принять наше предложение.

Шлейфер: Тут ясно одно. В первое время работа у Вас будет производиться главным образом в штольнях. У нас при такой работе в течение 5 лет вложенный капитал фактически окупается. Если даже считать, что в первое время это дело у Вас недостаточно разовьется, то во всяком случае капитал, вложенный в такую работу, обернется несколько раз за 40 лет и концессия будет вполне рентабельной. Если потом при механизации по мере использования верхних слоев угля Вы будете принуждены добывать уголь при помощи шахт, то и в этом случае срок этот достаточен: в нашем Донбассе мы имеем полную амортизацию капиталов в течение 25 лет. Получается, что даже для наиболее трудных работ, считая 10 лет до полной механизации, 25 лет, в течение которых могут быть использованы до отказа все вложенные капиталы, то и тогда мы получаем 35 лет, и 5 лет остается еще в распоряжении на случай всяких неожиданных препятствий. Вот почему мы в свое время согласились на 40 лет, считая, что нужно создать условия для полной прибыльности вложенного Вами капитала. Нас интересует еще, а каким путем будет производиться работа, какой план имеется для этого дела у Вас. Нет сомнения в том, что имеется технический план. Поскольку солидный капи-

тал вступает в такое дело, О[бщест]во не может не иметь своего рабочего технического плана. Мы скорее договорились бы о сроке, если бы мы заслушали, хотя грубо составленный Вами технический план. Если бы оказалось тогда, что нужно сократить или увеличить срок, мы бы легко нашли общий язык. Поэтому, мне кажется, что после такого нашего обмена мнений главный представитель Общества, который будет вести работы, изложит свои предположения о техническом плане этих работ, в зависимости от этого мы могли бы окончательно договориться о сроках. Я прошу также дать ответ представителя Общества на вопрос о вложенном капитале. Остался один момент, не совсем ясный для нас. Вы указали, что можете вложить 11–11½ млн иен, из коих 10 млн – главное Общество и 1 млн вложат другие. А предполагаете ли Вы сверх этих денег, вложенных как основной капитал, привлекать банковские средства в виде кредита или Вы предполагаете, что 11 млн – это и есть Ваши собственные и банковские средства, вместе взятые?

Окумура: Это зависит от рынка сбыта, от условий сбыта и т.п. В то время, когда сбыт угля будет затруднен, нужно будет воспользоваться банком, поэтому сказать сейчас определенно нельзя, как будет в данном случае.

Гуревич: Когда Вы говорите о мотивировке срока концессии, то Вы указываете, что срок в 50 лет выгоден для обеих сторон. В какой мере Вы считаете его выгодным для нас?

Окумура: Чем длиннее срок, тем будет солиднее оборудовано предприятие, а при солидном оборудовании солидная добыча и, следовательно, солидные отчисления в пользу правительства.

Если срок короткий, то всегда сооружения несолидны, не вечны, временны.

В-третьих, добычу угля предполагается совершенствовать, и мы занимаемся тем, чтобы добывать естественные богатства. Если мы не будем делать солидных прочных сооружений, то под землей останется много естественных богатств. Поэтому мы думаем, что, чем срок длиннее, тем лучше для нас и для Вас.

Гуревич: Нет ли у Вас технического плана и не предполагаете ли Вы передать его нам?

Окумура: Сейчас мы такого плана не имеем.

Гуревич: Разрешите Вас просить, чтобы в процессе переговоров такой план был бы составлен и нам представлен, конечно, в общих чертах.

Окумура: К сожалению, технический персонал – инженеры и техники, которые сумели бы составить технический план, не приехали.

Гуревич: Тогда разрешите поступить таким образом: мы составим список наших вопросов, передадим их Вам и попросим к одному из ближайших заседаний дать нам ответ.

Окумура: Что нам известно, мы Вам представим.

Гуревич: Разрешите задать еще несколько вопросов, которые должны выяснить общую картину концессии.

На какой рынок и какой примерно сбыт продукции Вы рассчитываете?

Окумура: В настоящее время пока только на Японию.

Гуревич: Это по отношению ко всем видам угля или только для коксующегося угля?

Окумура: Для всех видов.

Гуревич: Насколько нам известно, общий импорт угля в Японию составляет около 2–2½ млн англо-тонн. Так это или нет?

Окумура: Да, приблизительно 2 с лишним млн тонн.

Гуревич: Таким образом, на первых порах экспорт сахалинского угля предполагается не в особенно больших количествах. Можете ли Вы примерно указать, в каких размерах предполагается ввозить уголь в Японию с Сахалина?

Окумура: Это трудно Вам сказать, потому что, во-первых, нужно зарекомендовать в Японии сахалинский уголь, а, во-вторых, придется открывать новый рынок. Пока это не выяснится, нам трудно сказать определенно. Может быть большая добыча угля, и здесь должен быть определенный выход. Точно ответить на этот вопрос трудно.

Гуревич: Но с точки зрения качества сахалинский уголь не вызывает никаких сомнений. Он достаточно известен и может считаться первосортным углем, близко подходящим к кардиффскому углю. Что касается открытия нового рынка, то вопрос заключается в следующем: Япония имеет сейчас очень развитую промышленность, и свой топливный баланс на ближайшие годы она уже установила. Процесс открытия новых рынков – это не такой быстрый процесс, как процесс добычи угля, и вопрос о том, какие примерно в первые годы количества (в течение 40 лет потребность, конечно, будет меняться) Вы могли бы разместить на японском рынке, чрезвычайно важен.

Окумура: Сахалинский уголь нам понятен по своим качествам, это прекрасный уголь, как в Японии такасимский уголь.

Но там есть не только хорошие угли. Таким образом, по качеству конкурировать очень трудно с Японией. Они привыкли к своему углю, и сразу трудно приучить употреблять сахалинский уголь. На кочегарках привыкли работать с тем углем, которым снабжаются всегда. Если сахалинский уголь сразу в больших ко-

личествах бросить на рынок, то он не найдет потребления. Я думаю, что вначале мы должны будем разбрасывать по всей Японии мелкими партиями с убытком для себя, пока приучим рынок, от 60 до 100 тысяч тонн в год.

Гуревич: Ежегодно.

Окумура: Да. Для того, чтобы открыть новый рынок.

Гуревич: Полагаете ли Вы экспортировать сахалинский уголь в другие порты Тихого океана, Шанхай и другие места?

Окумура: В Шанхае можно разместить более или менее определенное количество угля из Сахалина.

Гуревич: А в других портах – в Сингапуре, на Филиппинах?

Окумура: Это очень трудно, потому что на острове Формоза очень хороший уголь и к тому же в транспортном отношении Сахалин в худшем положении. Раньше очень большое количество угля вывозилось туда из Японии, но это было до работы на о. Формозе.

Гуревич: Во сколько Вы считаете себестоимость сахалинского угля: франко Александровск, франко место погрузки на Сахалине и франко какой-нибудь японский порт?

Окумура: Это тоже очень трудно сказать определенно, потому что это зависит от того, о каком районе идет речь.

Гуревич: Например, из Рогатинского или Дуйского районов?

Окумура: В Рогатинском районе франко-борт – 8 иен за тонну. А о Дуйском районе мы сказать не можем, так как с Дуйского района мы не вывозили.

Гуревич: Насколько мне известно, стоимость тонны угля хорошего качества в Шанхае составляет 21 иену.

Окумура: Какая это цена – франко-порт Шанхай или это рыночная цена?

Гуревич: В самом Шанхае платят за одну тонну 21 иену. Вы говорите: франко-борт Сахалин цена угля 8 иен. Таким образом, сахалинский уголь может иметь большой сбыт в Шанхае особенно, поскольку Шанхай, как нам известно, ввозит около 600 000 тонн угля в год.

Окумура: Если бы в настоящее время можно было продать уголь в Шанхае по 21 иене, то японские углепромышленники не терпели бы убытков. Может быть, 2–3 года тому назад это было так, но теперь это не так.

Гуревич: Значит, это цена неверная? А какая там цена?

Окумура: В настоящее время цена в Шанхае 15 иен.

Гуревич: Но и при этих условиях сахалинский уголь может иметь в Шанхае хороший сбыт.

Окумура: Просто так думать нельзя. Погрузка в Сахалине очень трудная, всегда несколько дней опоздания, и поэтому нельзя

думать: если в Шанхае 15 иен за тонну, то это очень выгодная для сахалинского угля цена.

Гуревич: Еще один вопрос по первому пункту. Во всех заключенных нами концессионных договорах мы предусматриваем пункт о праве досрочного выкупа концессии. Мы оговариваем, что правительству предоставляется право досрочного выкупа концессии, начиная примерно с половины срока, то есть если концессия на 40 лет, то правительство, начиная с 21 года, имеет право выкупать концессию, уплатив, конечно, амортизацию и проч. Как Вы относитесь к этому вопросу?

Окумура: Мы этого не думали. Мы хотели бы, чтобы такого пункта не было.

Шлейфер: Нас интересует с точки зрения сбыта угля следующее. Предполагаете ли Вы организовать переработку угля (выжигание кокса и другие мероприятия по обработке угля)? И второе: с точки зрения наиболее широкого распространения сахалинского угля не считаете ли Вы, что относительно богатые залежи угля в Сахалине дадут Вам возможность значительно снизить себестоимость, настолько, чтобы конкурировать с китайским углем? У нас имеются сведения, что в довоенное время уголь на Сахалине обходился около 4 копеек пуд, что на тонну составляет 2½ иены, в то время как цена угля стоит на Дальнем Востоке выше 15 иен за тонну.

Окумура: Нельзя ли объявить перерыв?

Гуревич: Объявляю 5-минутный перерыв.

Гуревич: Разрешите заседание возобновить. У нас еще остался вопрос относительно кокса.

Окумура: Относительно сахалинского угля нужно сказать, что он спекающийся, но определенно еще сказать нельзя, можно ли производить кокс из сахалинского угля или же его для этого нужно смешивать с другими углями.

Как Вам известно, 7–8 лет тому назад чрезвычайно много ввозилось японского угля в Китай. Но теперь везде в Китае есть свои угольные копи. Хотя в Китае в несколько раз больше употребляется угля, но теперь благодаря большому количеству угля в Китае мы видим чуть [ли] не обратное – ввоз угля из Китая в Японию. Скажу относительно кайпинского угля, где мы имеем японо-китайскую компанию. Нужно по этому поводу сказать, что сахалинский уголь вряд ли сможет конкурировать с китайским углем.

Гуревич: Вы говорили относительно того, что Вам не известно, коксуется ли сахалинский уголь, и что он относится к спекающимся углям, что его свойства коксования не изучены. По на-

шим точным сведениям, на Сахалине имеются безусловно коксующиеся угли. Нам интересно знать, что если на территории концессии будут коксующиеся угли, то предполагаете ли Вы выжигать их на месте и улавливать побочные продукты, получающиеся при коксовании угля?

Окумура: Из Сахалина транспорт угля весьма затруднителен. Из экономических соображений мы стараемся на месте производить кокс.

Гуревич: Будете ли Вы при этом улавливать все побочные продукты, будете ли развивать коксо-бензольную промышленность?

Окумура: Совершенно правильно то, что Вы говорите, но ввиду местонахождения Сахалина сразу к этому делу приступить нельзя.

Гуревич: Больше вопросов нет?

Окумура: Может быть, после нам придется Вас спросить, но пока у нас вопросов нет.

Гуревич: Разрешите перейти ко второму пункту.

(Яманоути читает § 2-й).

Гуревич: Та карта, которая была Вами представлена, не является картой отдельных угольных участков, которые предполагаются к эксплуатации, а обнимает целые угленосные районы. Желательно было бы получить более точные указания о каждом отдельном предполагаемом концессионном участке с нанесением его на карту.

Окумура: Вам нужны определенный объем и границы?

Гуревич: Ваша карта обнимает целые угленосные районы, а нам нужны более точные границы отдельных концессионных участков.

Окумура: Мы тогда Вам должны будем дать по каждому Обществу в отдельности.

Гуревич: Да.

Окумура: Мы бы представили, конечно, точно обозначенные участки, но, к сожалению, у нас нет точной карты. Может быть, у Вас имеется такая точная карта Сахалина. Если Вы нам ее дадите, то мы там точно укажем границы участков.

Гуревич: Просите ли Вы, чтобы мы Вам передали карту Сахалина, и Вы нанесете на нее участки?

Окумура: Да, мы это просим.

Гуревич: Тогда разрешите зафиксировать, что мы передадим Вам карту Сахалина, на которой мы попросим нанести соответствующие участки. Возражений нет?

Окумура: Да, передайте нам, пожалуйста, эту карту.

Шлейфер: У меня создалось впечатление (я хочу себя сейчас проверить в этом), что отдельные концерны, входящие в это Общество, с которым мы заключаем договор, получают каждый свой участок для эксплуатации. Мы, значит, заключаем общий договор с Обществом в целом, но при этом каждому концерну будет отведен свой район работы. Я хотел бы получить ответ на этот вопрос, и если я правильно понял Вас, то я поставлю еще один вопрос.

Окумура: Да, так, как Вы поняли.

Шлейфер: Тогда нас интересует еще один вопрос. Очевидно, тут имеются разные организации. Одни очень крупные, другие менее крупные, и очевидно, что каждая из этих организаций имеет свой план по вложению капиталов и затрат их. Было бы хорошо, если бы могли к тому моменту, когда мы будем намечать отводы для работы, чтобы мы могли знать, какая организация на какой участок претендует, в какой мере эти районы будут сильны для них и с точки зрения денежных средств, и с точки зрения богатств угля и т.д. Тогда на этой основе легче было бы нанести на карте эти месторождения. Затем, когда Вы нанесете на карте эти районы, мы просим, чтобы Вы указали, какая организация в каком районе будет работать.

Окумура: Такой приблизительно план мы предполагаем наметить на карте.

Шлейфер: Значит, Вы на карте нанесете каждый район и укажете, какой составной элемент этого концерна, в каком районе он будет работать, что он думает в этом районе сделать, с какими средствами, какую работу?

Яmanoути: Я понимаю так, что Вам интересно, чтобы на карте указать, кто какой район просит.

Гуревич: На той карте, которую Вы нам передали, нанесены громадные угленосные площади, а мы хотели бы, чтобы Вы на точной карте нанесли отдельные участки. На Вашей карте отграничены месторождения, на которые имеются права у третьих лиц, так что уже по одному этому нельзя было бы исходить из тех площадей, которые Вы указываете, ибо это затронуло бы интересы третьих лиц.

Окумура: Тогда, может быть, Вы дадите каждому концерну отдельные карты?

Гуревич: Нам придется снимать копии в этом случае, и это зайнется. Одну карту мы можем снять довольно быстро.

Окумура: У Вас есть подлинные карты?

Гуревич: Отпечатанной карты у нас нет сейчас. Имеются лишь старые отпечатанные карты. Новых отпечатанных карт у

нас нет. У нас есть вычерченная карта, и с нее мы можем снять копию.

Окумура: Тогда дайте нам, пожалуйста, хотя бы одну копию. Просим ее дать поскорее.

Гуревич: Затем мы просили бы, чтобы на карте, которую мы дадим Вам, было бы точно указано, какому Обществу какие участки Вы просите отвести, и точно обозначили границы и размеры каждого участка.

Мусатов: Та карта, которая лежит перед нами, нас не удовлетворяет, потому что она захватывает громадный угленосный район. Мы думаем, что это является предварительным наброском, который Общество сделало. Не может быть, чтобы Общество, вычерченное коричневой краской, занималось всюду добычей угля. Мы сегодня слышали, что предположенная Вами добыча в течение ближайших 10 лет Вами определяется в размере от 3,6 млн пудов до 6 млн пудов, или в тоннах от 60 000 до 100 000 тонн. Те запасы, которые имеются в этих месторождениях, значительно выше, чем это количество, помноженное даже на тот срок, который Вы предполагаете, то есть на 50 лет. Спрашивается тогда, зачем такая громадная площадь при такой малой добыче? Поэтому нам сразу показалось, что это есть предварительный набросок, и поэтому эта карта нас не удовлетворяет. Мы хотели бы, чтобы каждое общество вычертило бы точно тот участок, на котором оно будет работать.

Яmanoути: У нас нет точной карты. Когда мы ее от Вас получим, мы это нарисуем.

Гуревич: Я хотел задать еще один вопрос: насколько нам известно, в Японии при Вашей высокой технике Вы ведете и работы под морем на тех угольных пластах, которые выходят под море. Предполагается ли и на Сахалине вести такую работу, и если да, то нужно будет соответствующим образом указать участки.

Окумура: Пока мы не предполагаем работать под морем. Если же придется работать таким образом, то у нас в этом отношении имеется опыт в Японии, где мы, например, работаем под морем на глубине 4000 футов.

Гуревич: Имеются ли еще какие-нибудь вопросы?

Яmanoути: Пока нет.

Гуревич: Тогда разрешите считать, что этот вопрос мы сейчас не будем рассматривать, а отложим его до момента представления точных карт. Возражений нет?

Окумура: Возражений нет.

Гуревич: Таким образом, второй пункт откладывается до представления точных карт. Перейдем к пункту 3-му.

Яманоути читает п. 3-й.

Гуревич: В Протоколе Б говорится о долевом отчислении от 5 до 8%. Вы же здесь указываете только на 5%. Это, очевидно, ошибка.

Окумура: Это не ошибка.

Гуревич: Тогда я должен указать, что когда устанавливалось в протоколе долевое отчисление от 5 до 8%, то, конечно же, имелось в виду, что мы будем устанавливать единообразное отчисление для всех районов, и предполагалось, что в зависимости от качества угля, от близости его к морю и целого ряда других условий будет устанавливаться размер долевого отчисления. Мы так и предполагаем, что долевое отчисление будет устанавливаться в размере от 5 до 8%, как точно указано в Протоколе Б.

Окумура: Мы так понимаем, что каждое Общество будет платить в зависимости от валовой добычи, от валового количества угля.

Гуревич: То есть Вы хотите сказать, что долевое отчисление Вы будете платить от количества добываемого угля?

Окумура: Да.

Гуревич: Долевое отчисление – это рента. В зависимости от условий работ приходится исчислять и дифференциальную ренту, иначе могло бы иметь место такое положение, когда одно Общество получит рудник с коксующимися углями, а другое – с тощими углями и оба будут платить одинаковый процент.

Кто имеет коксующиеся угли, будет получать больше прибыли, а работающий на тощих углях будет терпеть убыток. Нужно говорить о долевом отчислении не в зависимости от количества добываемого угля, а от глубины залегания, от качества угля и т.д. Можно у одного Общества вести добычу открытыми работами, а у другого уголь может лежать на много сот футов под землей, у одного уголь будет у самого моря, у другого уголь придется подвозить. Долевое отчисление должно быть установлено в зависимости от залегания угля, от условий работ, от близости к месту погрузки, от качества угля и т.д.

Мы просили бы Вас, чтобы Вы нанесли бы на карте, для каких участков какое долевое отчисление Вы предполагаете. Вы меня поняли?

Яманоути: Да.

Окумура: Я понимаю так: каждое предприятие, каждый рудник имеет разнообразное положение, в силу этого Вы думаете, что каждый рудник будет иметь отдельный процент или же каждый концессионер будет иметь отдельный процент, несмотря на месторождение.

Гуревич: Мы предполагаем доленое отчисление установить для каждого рудника. Конечно, если примерно будут одинаковые месторождения, то точно вычислять процент долевого отчисления по отношению к каждому отдельному участку мы не думаем, но мы устанавливаем такой принцип, что доленое отчисление платится в зависимости от характера залегания и качества угля каждого участка.

Окумура: Мы считаем, что одно предприятие имеет два-три рудника и должно платить от общего количества добычи.

Гуревич: Но от кокса должно быть одно доленое отчисление, а от прочих углей – другое. Не может быть такого положения, что с кокса будет платиться такое же доленое отчисление, как с обыкновенного угля.

Окумура: Когда в дальнейшем мы будем вести детально переговоры, то в то время мы по этому вопросу дадим объяснения. Нужно указать на очень малую прибыль нашего предприятия, и по этому поводу мы просим установить процент не более 5.

Гуревич: Должен указать, что в других районах это отчисление обычно было в 10–11% для некоксуемых углей. Для Вас уже установлено максимально 8%. Таким образом, мы уже имеем довольно значительное снижение против обычного процента. В Протоколе Б мы пошли даже дальше и согласившись* на доленое отчисление от 5 до 8%. Не может быть речи о том, чтобы разные площади платили одинаковое доленое отчисление. Мы думаем, что разработка угля на Сахалине – прибыльное дело. 8 иен тонна дает возможность по сравнению с теми ценами, какие мы имеем в Шанхае, считать это дело рентабельным. Наш принцип таков, что мы будем принимать разное доленое отчисление по отношению к разным месторождениям в зависимости от характера месторождения. Когда мы будем говорить конкретно, то мы будем указывать в каждом случае, о каком доленом отчислении идет речь. Сейчас я хотел бы фиксировать, что в общем оно будет от 5 до 8% в зависимости от характера угля и залегания.

Окумура: Это, конечно, Ваше принципиальное разъяснение, но мы думаем, что, несмотря на характер рудника, необходимо установить отчисление от валовой добычи.

Гуревич: Количество добычи будет зависеть от Вас, а характер залегания от Вас не зависит, а зависит от природы. Нельзя же устанавливать принцип долевого отчисления от тех факторов, которые находятся целиком в Ваших руках.

* Так в тексте. Следует читать “согласились”.

Окумура: Здесь нужно иметь в виду каждое предприятие, как оно работает на месте.

Гуревич: Я Вас не понял. Объясните, что Вы хотите этим сказать.

Окумура: Мы понимаем так, что это зависит от того, кто владеет предприятием, что это зависит от предприятия.

Гуревич: От предприятия зависит заплатить, но качество угля не зависит от того, какое предприятие его добывает. Есть же разница между разными домами. Дом в центре дает большую прибыль, а дом на окраине дает меньшую.

Окумура: Надо иметь в виду, что в каждом руднике может быть на поверхности хороший уголь, а в среднем он будет не таков. Каким же образом Вы можете здесь разделить?

Гуревич: Приблизительно мы знаем, в каком районе какой уголь находится. И Вы это знаете. Вы знаете, в каком районе коксующиеся угли, в каком районе тощие угли. Для районов тощих углей будет минимальное доленое отчисление, и, наоборот, там, где заведомо известно, что есть коксующиеся угли, там будет более высокое доленое отчисление. Если Вы работаете в глубине, то доленое отчисление будет меньше. Вы работаете над самым берегом моря, где подъезжает пароход и уголь прямо грузится, то доленое отчисление должно быть выше. Это – дифференциальная рента, которая есть во всяком предприятии. Сейчас мы не будем это устанавливать, а когда будем намечать отводы, тогда будем говорить по каждому отводу. Я хочу только сейчас указать, что мы должны исходить из рентабельности предприятий. Мы сами заинтересованы в том, чтобы концессионеры получали бы прибыль, но в определении доленого отчисления мы будем исходить из характера залегания. Это принципиальная постановка вопроса.

Окумура: В Протоколе Б написано по-английски: “gross output”^{*}.

Надо разъяснить это выражение. С нашей стороны есть просьба разъяснить его.

Гуревич: Доленое отчисление платится с валовой добычи каждого месторождения в отдельности.

Яманоти: Это не указано.

Гуревич: Это совершенно элементарно. Доленое отчисление берется от количества добычи, но от каждого рудника в зависимости от того, что Вы там добываете. Совершенно очевидно, что если добывается кокс, то платится с валовой добычи кокса, если

* Валовая продукция.

длиннопламенный уголь, то с валовой добычи длиннопламенного угля. Если низкосортный уголь, то с валовой добычи этих низкосортных углей.

Окумура: Я думаю, что это нельзя так объяснить. Поэтому я еще раз прошу Вас подумать об этом.

Гуревич: Там в протоколе сказано от 5 до 8%. Если бы предполагалось так, что думаете Вы, то прямо указали бы: 5, или 6, или 8%. Между тем там указано – от 5 до 8%. Какой же признак положить в основу для применения скал?

Окумура: Мы все же еще раз просили бы об этом подумать. Мы так думаем, как мы уже сказали.

Никитин: Протокол Б Пекинского соглашения совершенно ясно об этом говорит. Он устанавливает доленое отчисление от 5 до 8% с валовой добычи. Английская фраза, о которой Вы говорите, указывает именно на валовую добычу, потому что доленое отчисление будет взиматься и исчисляться с валовой добычи, то есть с добычи брутто, а не нетто, то есть со всего того, что на руднике добудут, а не только с того, что остается за вычетом расходов топлива на собственные нужды. Значит, по этому соглашению предполагалось взимать и 5, и 6, и 7, и 8%. Спрашивается, в зависимости от чего же? Доленое отчисление – это есть плата за недра. Это не есть какой-нибудь вид налога или сбора. Это есть плата за тот товар, который концессионер получает. Значит, отдельный размер зависит от качества этого товара. Если этот уголь лучше и удобнее расположен, то процент будет больше. Если уголь хуже и расположен дальше от моря, то за него будет отчислений меньше. Одно и то же Общество может получить участок в разных местах. На карте это видно. Здесь отмечено, например, Агнево и район на севере. Уголь разный по качеству. Очевидно, Пекинское соглашение Протоколом Б предусматривало этот принцип – деловой, коммерческий и принцип справедливый, чтобы за худший уголь брать меньше и наоборот, но исчислять и то и другое с добычи брутто, а не нетто.

Окумура: По-английски слово “royalty” это значит плата, так мы и понимаем. То есть будем оплачивать в зависимости от того, какая прибыль будет на предприятии. Поэтому мы считаем, что это не зависит ни от характера угля, ни от качества, а от размера добычи.

Шлейфер: Мне кажется, что это дело надо ясно себе представить. Допустим, что речь идет вообще о том, чтобы независимо от месторождения угля мы можем брать от 5 до 8%. Тут мы могли бы торговаться: Вы назвали – 5%, а мы – 8%. Мы же к делу

подходим не с точки зрения того, сколько процентов нам выгодно взять, а сколько процентов предприятие может платить. Вот наш подход.

Может ли предприятие платить 8%? На это мы отвечаем таким образом. Конъюнктура цен на уголь на Дальнем Востоке высокая. Бюллетени Лондонской биржи дают для кокса цены в 19 шиллингов, что составляет $9\frac{3}{4}$ –10 иен. В то время как цена на Дальнем Востоке составляет сейчас минимум 15 иен. И за последние годы мы имели колебание на дальневосточном рынке даже до 21 иены. Во-вторых, Вы получаете месторождения девственные, которые вообще на протяжении всей истории человечества не разрабатывались. В-третьих, уголь залегает очень неглубоко. Больших затрат для того, чтобы добраться до угля, поэтому не должно быть произведено. В-четвертых, это месторождение, по крайней мере по тому плану, который Вами представлен, Вы выбираете в местах, наиболее близко расположенных к морю, так что и транспортные расходы будут относительно невелики.

Если взять всю эту сумму условий работы на Сахалине, мы должны сказать, что рентабельность и выгодность этой работы должна быть значительна. У нас внутри страны рента за уголь в районах, находящихся в центре, составляла от 10 до 12%. Значит, Вы получаете более выгодные условия – на 40% дешевле обычных плат за недра. Если бы мы подходили к делу с точки зрения своих только собственных интересов, то, повторяю, правильно было бы сказать, что в настоящее время мы должны брать 8% за недра. Но мы этого не говорим. Мы исходим из того, чтобы это было выгодно и для Вас. Когда Вы настаиваете на 8%, то Вы это выдвигаете как договаривающаяся сторона. Мы же Вам не предлагаем по всей концессии 8%, а говорим, что условия для каждого района должны зависеть от степени выгодности его разработки, то есть, где уголь находится близко к поверхности, там можно взять 8%, где он лежит глубоко, там мы возьмем 5–6–7%. В одном месте уголь ближе к морю, то есть транспортные расходы ниже, мы это учтем как повышающий фактор и наоборот.

Наш подход, таким образом, есть подход экономический. Мы исходим из того положения, что концессия должна делаться выгодной для обеих сторон – и для Вас, и для нас. Чем больше прибыли Вы получите, тем это для нас приятнее, ибо тем больше капитала Вы вложите в это дело. Нужно не торговаться, а взять правильную экономическую основу и на ней построить наш план. Это будет, по-моему, более правильный подход в концессии

и создаст условия для более легкого сговора, чем те позиции, которые Вами сейчас выдвигаются.

Окумура: Я хотел спросить Вас о значении этого выражения. Мы все же так понимаем, как до сих пор Вам объяснили. Вы понимаете это иначе. Мы принимаем, конечно, к сведению Ваше мнение, но просим Вас еще раз об этом подумать. С нашей стороны мы также над этим вопросом подумаем. Так что на следующем заседании мы снова к нему вернемся.

Гуревич: Во время пекинских переговоров, насколько мне известно, фигурировали два понятия: валовой добычи и валовой выручки. Сначала говорили о валовой выручке. Если бы выражение “валовая выручка” имело место в договоре, то Вы были бы правы, то есть чем больше выручают, тем больше платят. Но стороны остановились не на формулировке “валовой выручки”, а именно на выражении “валовой добычи” Это большая разница. Поэтому мы понимаем этот вопрос иначе. Я согласен, чтобы Вы* на этом сейчас прекратили наше заседание, тем более что сейчас уже поздно.

Окумура: Мы знаем о той дискуссии, которая была по выражениям валовой добычи и валовой выручки. Но это и дает нам основания думать, что наше понимание правильно.

Гуревич: Разрешите к этому вопросу еще вернуться, а сегодня ввиду позднего времени закрыть заседание.

Окумура: Мы это принимаем.

Гуревич: Следующее заседание у нас должно было бы быть в четверг. Но у нас в четверг заседание Главного концессионного комитета, и поэтому члены комиссии будут заняты. Поэтому мы просили бы наше следующее заседание назначить на пятницу.

Яmanoути: Но это, наверно, зависит от нефтяных переговоров.

Гуревич: С ними мы будем говорить на следующем заседании завтра. А по углю предполагаем назначить следующее заседание в пятницу в 7 часов вечера.

Окумура: Мы со всем этим согласны.

Гуревич: Тогда разрешите заседание закрыть.

Окумура: Еще один вопрос. Мы просили бы Вас иметь в виду следующее: я раньше сказал, что в Рогатинском районе уголь стоит франко-борт 8 иен. По этой цене он раньше продавался, но это не есть себестоимость. Она, конечно, ниже. Мы это просим иметь Вас в виду.

Гуревич: Разрешите сегодня на этом закрыть заседание. Я прошу Вас, чтобы Ваши секретари завтра вместе с нашими

* Так в тексте. Очевидно, следует читать “мы”.

секретарями проверили стенограмму, подписали бы ее, и на основе стенограммы уже будет составлен протокол, который я прошу подписать г-на Окумуру и подпишу сам.

Окумура: Мы согласны.

Гуревич: Разрешите заседание закрыть.

Секретарь комиссии ГКК В. Зубкова

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1005. Л. 22–33. Подлинник.

¹ Яmanoути – секретарь-переводчик.

№ 208

*Стенограмма заседания комиссии Главконцесскома СССР
и представителей японских угольных компаний
по вопросам налогообложения концессионеров
и найма рабочей силы*

21 августа 1925 г.

Гуревич: Разрешите заседание объявить открытым.

Яmanoути: Мы видим, что здесь переводчиком только я. Это очень утомительно для меня и, если возможно, я прошу, чтобы был Ваш переводчик, который хорошо понимает по-русски. Я бы переводил то, что говорите Вы, а он переводил бы с японского на русский. Я очень утомляюсь и могу что-нибудь пропустить. Я могу не запомнить все, что Вы говорите и что Вы спрашиваете.

Гуревич: К сожалению, у нас знающих японский язык очень мало, и переводчик, которого мы наметили, находится сейчас в Ленинграде. На следующей неделе он будет здесь. Сегодня мы будем просить переводить Вас, а со следующей недели у нас будет свой переводчик, и тогда можно будет разделить работу. Мы очень извиняемся, что так Вас затрудняем.

Яmanoути: Я буду просить говорить помедленнее и разрешить мне переводить не сразу, а по частям.

Гуревич: Пожалуйста.

Разрешите коснуться вопроса о порядке дня. Мы предлагаем зачесть протокол предыдущего заседания. Если не будет поправок, тогда мы его утвердим. Мы решили, что стенограммы будут подписывать секретари, а протоколы будут подписываться на заседании председателями. Стенограммы мы читать не будем, так как это займет слишком много времени. Мне передали, что с Вашей стороны имеются поправки к стенограмме, мы их примем во внимание, выправим стенограмму и поручим секретарям ее подписать.

(г. Гуревич передает протокол заседания от 18.08 г. Окумуру).

Окумура: Нельзя ли взять нам с собой протокол, мы его прочтем и на следующем заседании подпишем?

Гуревич: Я не возражаю. Значит, чтение протокола мы отложим до следующего заседания.

В прошлый раз мы остановились на вопросе о налогах. В Ваших предложениях указано, что Вы желаете, чтобы предприятия были освобождены от всяких налогов и сборов в какой бы то ни было форме. Разрешите задать следующий вопрос: предполагаете ли Вы освобождение от всех налогов, в том числе государственных и местных, или только от некоторых?

Окумура: Я хочу знать, какие еще есть налоги, кроме государственных?

Шлейфер: У нас существует два вида налогов: общегосударственные и местные. Последние практикуются большей частью в виде определенной процентной надбавки к общегосударственному налогу. Так, в частности, к подоходному налогу в 8% прибыли надбавка в пользу местного бюджета составляет 100% основной суммы налога: то же в отношении нотариального сбора.

Кроме того, существуют самостоятельные налоги и сборы в местном бюджете, например, попудный сбор, который взимается для нужд местного дорожного строительства, местный оценочный сбор со строений и зданий, который существует во всех западноевропейских государствах. Последний сбор взимается в зависимости от оценки земель, которые находятся под зданиями поселкового или городского типа. В общем эти налоги незначительны. Они составляют приблизительно около половины того, что приходится платить по государственным налогам.

По вопросу о государственных налогах наша налоговая система ничем не отличается в отношении государственных налогов от системы других государств. Наша налоговая система чрезвычайно сходна с системой Франции с той разницей, что наш подоходный налог очень небольшой. Он не прогрессивный в отношении госпредприятий и выражается в общей сумме вместе с местной надбавкой в 10% от чистой прибыли. Таким образом, если О[бщест]ву удалось бы добиться приравнения к государственным предприятиям, тогда подоходный налог вместе с надбавкой в местный бюджет составлял бы всего $\frac{1}{10}$ часть прибыли О[бщест]ва, в то время как в других государствах, где государства заинтересованы в получении больших доходов, подоходный налог очень велик, как, например, в Англии, где он доходит до 80% с очень крупных прибылей. В отличие от других государств, за исключением Франции, у нас имеется уравнительный сбор, уплата государству некоторого процента с оборотов, процента, который составляет 2% для учреждений, близких к государству, как кооперация. Другие виды налогов такие же, как и во всех государствах.

Яманоути: Уравнильный сбор 2% взимается с оборота или с чистой прибыли?

Шлейфер: С оборота.

Яманоути: 2% – это громадная сумма.

Шлейфер: 2% не с прибыли, а с оборота. Наши торговые учреждения включают его в калькуляцию.

Яманоути: Это большая сумма.

Шлейфер: Я только изложил то, что есть.

Я говорил только о государственных и местных налогах, но я не говорил о расходах, связанных с эксплуатацией недр, как-то: расходы на содержание горной охраны, которые платятся во всех странах. Также я не говорил относительно тех расходов, которые связаны с заработной платой. Надо сказать, что у нас заработная плата имеет надбавки на содержание рабочих организаций и др. Об этом я не говорил, считая, что это будет у нас обсуждаться, когда мы будем говорить о зарплате.

Окумура: То, что Вы объяснили, – это считается государственными налогами?

Шлейфер: Государственными и местными налогами.

Окумура: Имеются ли еще другие налоги, кроме государственных и местных налогов?

Шлейфер: У нас по закону запрещено местным властям в какой бы то ни было форме облагать налогами, помимо вышеуказанных, как государственные, так и частные предприятия. За нарушение этого мы привлекаем к строгой ответственности. Никаких местных налогов сверх тех, которые предусмотрены законом, не взимается. Закон, конечно, может ввести новые налоги, тогда они будут взиматься, но во всяком случае без разрешения центральной власти никакие новые налоги не могут быть введены. А в отношении концессий, если эти налоги точно установлены, в договоре никаких новых налогов введено быть не может без специального на то соглашения сторон.

Гуревич: Я хотел указать, что в понятие налог не входит социальное страхование рабочих.

Окумура: Если можно, объясните, что значит социальное страхование?

Гуревич: Закон о социальном страховании – это закон, согласно которому предприниматель уплачивает в отделы социального страхования определенный процент с заработной платы. Социальное страхование распределяется на 4 фонда: фонд временной утраты трудоспособности, фонд инвалидности или постоянной утраты трудоспособности, фонд медицинской помощи и фонд борьбы с безработицей. Я Вам поясню это приме-

рами: если рабочий заболевает и вследствие болезни не выходит на работу, то за потерянные дни платит уже не предприятие, а касса социального страхования. Далее, если, например, рабочий вследствие ранения на предприятии переходит в категорию инвалидов, то пособие, которое этот рабочий получает, уплачивает не предприятие, а страховая касса. Затем у нас выдаются за счет страховых касс пособия при родах, в случае смерти и т.д. Все эти виды пособий выдаются не предпринимателем, а кассой. Предприниматель имеет обязательство лишь в отношении заработной платы и определенных взносов на социальное страхование. Он уплачивает определенный процент на социальное страхование, а страховая касса покрывает все расходы, связанные с социальным страхованием. Медицинская помощь рабочим и служащим также оказывается за счет кассы, а не за счет предпринимателя.

Окумура: Значит, все это покрывается взносами на социальное страхование? Скажите, пожалуйста, какой процент отчисляет предприятие на социальное страхование?

Гуревич: У нас разные проценты для разных производств и разные проценты для частных и государственных предприятий. Для государственных угольных предприятий этот процент составляет 10% от заработной платы.

Разрешите еще раз вернуться к вопросу о налогах.

Я хотел бы, чтобы тут была ясность. У нас существуют государственные налоги, как Вам это объяснил г. Шлейфер, и кроме государственных налогов имеются еще местные налоги, причем местные налоги в общей своей сумме составляют около 50% государственных налогов. Значит, если государственный налог 100 руб., то все местные налоги составляют в сумме около 50 руб. Кроме этих налогов, существует еще процентное отчисление на социальное страхование и некоторый небольшой процент отчисляется на содержание рабочих организаций – месткомы и на культурные нужды. Налоги и сборы исчисляются либо с прибылей, либо с оборота, а все начисления на заработную плату, как-то: социальное страхование, содержание месткомов, отчисление в культурный фонд – все это идет в известном процентном отношении к заработной плате. Так, для государственной угольной промышленности социальное страхование составляет 10% с заработной платы, отчисления на месткомы 2% и отчисления на культурные нужды 1%.

Перминов: Но у Вас в государственных предприятиях это идет по смете заработной платы?

Гуревич: Нет, эти начисления сверх заработной платы.

Перминов: Значит, на социальное страхование к заработной плате у Вас прибавляется 10%?

Гуревич: Так установлено только для государственных угольных предприятий. В них на социальное страхование отчисляется 10%, но у нас есть государственные предприятия, которые вносят от 16–21% на социальное страхование в зависимости от опасности работ.

Перминов: А плюс к этому идет еще 1% на культурные нужды и 2% на месткомы?

Гуревич: Да. Еще 3% к общей сумме заработной платы идет на культурные нужды и месткомы.

Яманоути: Откуда идут эти 3%?

Гуревич: Сверх зарплаты.

Яманоути: Это в отношении рабочих?

Гуревич: И рабочих, и служащих, вообще всех работающих по найму.

Окумура: Значит, все эти проценты оплачивают сами рабочие и служащие, а не предприниматели?

Гуревич: У нас рабочие и служащие на указанные нужды ничего не платят. Все эти отчисления оплачиваются исключительно предпринимателем сверх зарплаты. Возвращаясь к Вашему пожеланию относительно освобождения от налогов, я должен указать, что у нас нет таких концессий, которые были бы заключены с освобождением от налогов, ибо вряд ли какое-нибудь государство на это пошло бы. Единственное, что мы можем предложить, – это приравнять Ваши концессионные предприятия в отношении налогов с однородными государственными предприятиями. Это есть большое преимущество, ибо частные предприятия у нас платят больше, чем государственные. Приравнивая концессионные предприятия к государственным, мы тем самым даем концессионеру громадную льготу.

Окумура: В отношении налогов мы в § 3 говорили: “Принимая во внимание невыгодность эксплуатации предприятия на Сахалине из-за географического положения и т.д.” Как Вам известно, в настоящее время на Сахалине для предприятия очень невыгодное положение. Я хочу подробно объяснить, какое положение существует на Сахалине. Как Вы указывали в прошлом заседании, месторождения каменного угля на Сахалине действительно хороши, но выгодность эксплуатации зависит еще от рынка, который находится очень далеко от месторождения. Поэтому каменноугольные предприятия на Сахалине всегда должны терпеть убыток.

Я хочу более детально объяснить, почему невыгодно отдаленное месторождение угля. Прежде всего это невыгодно в

транспортном отношении, кроме того, когда потребуется уголь, то его сразу нельзя вывезти в Японию и поэтому конкурировать с каменноугольными предприятиями в Японии очень трудно. Побережье Сахалина, как Вам известно, очень неудобно для погрузки на пароходы. Должен еще сказать относительно климата. Климат очень суровый, зимой работать нельзя, и уголь можно вывозить оттуда, начиная с конца мая и только до сентября. Экспорт угля может быть только в очень короткое время. При таком положении приходится держать большие количества угля как запас. В силу этого невозможно конкурировать с теми, которые находятся около рынка. Настоящее положение очень тяжело, а кроме того, придется еще оправдывать налоги. Если мы должны оплачивать налоги, то предприятие не оправдывается. В Пекинском договоре доленое отчисление установлено от 5 до 8%. Мы должны оплачивать эти 5%. Сейчас я прошу от остальных налогов нас освободить.

Гуревич: Мы не скрываем от себя все те трудности, которые имеются при работе на Сахалине. Но мы также знаем, что, кроме этих трудностей, работа на Сахалине имеет ряд преимуществ, и основное из них представляется в характере залегания угля. Если сравнить сахалинские разработки угля с нашим Донецким бассейном, то на Сахалине уголь выходит на поверхность, тогда как в Донецком бассейне он залегает на очень большой глубине. Одно это обстоятельство вызывало то, что до войны сахалинский уголь был самым дешевым углем на Тихоокеанском побережье. Он был дешевле китайского, австралийского и сучанского углей. Одно это показывает, что работа на Сахалине безусловно прибыльна.

Второе: сахалинский уголь, как я в прошлый раз указывал, по своим качествам является углем чрезвычайно хорошим, близко подходящим к кардифскому. В отношении коксующихся углей Сахалин является самым крупным центром, более или менее близко лежащим к побережью Тихого океана. Такая постановка вопроса, что работа на Сахалине убыточна и поэтому нужно снизить налоги, нами не приемлется уже по одному тому, что на Сахалине кроме японских концессий мы будем сами работать, будут работать частные лица. Не может быть такого положения, когда наши будущие государственные предприятия на Сахалине будут поставлены в худшие условия, чем концессионеры. Если конкретизировать то, что я сказал, то нужно отметить следующие благоприятные моменты работы на Сахалине. Во-первых, работу приходится вести штольнями, а не шахтами, как это имеет место в большинстве угольных бассейнов. Затем там преобладают

коксующиеся угли. Мощность пластов на Сахалине [до] 1 сажени, в то время как в Донецком бассейне мы имеем в среднем 1¼ арш. толщину слоя. Калорийность сахалинских углей колеблется от 7500 до 8400 калорий, в то время как донецкий уголь дает только 6500–7000 кал[орий]. Сахалинские угли прибрежны, транспорт их морской, а, как известно, морской транспорт самый дешевый. Перевозки по суше чрезвычайно ничтожны.

Могу добавить, что химический анализ угля чрезвычайно благоприятный. Зольность сахалинских углей всего 4–5%.

Таким образом, если взвесить, с одной стороны, все неблагоприятные условия, которые там имеются и на которые Вы справедливо указываете, с теми преимуществами, на которые я указал, то нужно признать, что сахалинский уголь по себестоимости сегодня один из самых дешевых углей в мире. Цифра, которую Вы назвали в прошлый раз – 8 иен тонна, продажная цена (а себестоимость значительно ниже) является одной из самых низких по себестоимости. Говорить о сахалинском угле как об угле убыточном по своей разработке мы считаем совершенно неправильным.

Для того чтобы кончить с вопросом относительно прибыльности и убыточности, я должен сказать, что вся постановка вопроса с моей точки зрения неправильна. Мне приходится очень часто вести переговоры с разными концессионерами, и я ни разу за всю мою практику не имел такого случая, чтобы концессионер добивался убыточных предприятий. Поскольку со стороны японских промышленных кругов есть определенный коммерческий интерес к сахалинским углям, а этот интерес зафиксирован в Пекинском договоре, ибо, если бы его не было, то вряд ли японцы требовали бы включения этого пункта в Пекинский договор, нельзя говорить об убыточности. Одно из двух: или сахалинский уголь убыточный, тогда незачем заключать концессии, или он прибыльный, и тогда, само собой разумеется, не может идти речь об освобождении от налогов.

Окумура: Вы совершенно правильно говорите. Мы бы, конечно, не приехали, если бы не предвидели выгодного предприятия, но предприятие это очень трудное. Сахалинский уголь может найти рынок только в Японии. Мы пока не можем думать, чтобы найти для него другой рынок. Я это сейчас кратко объясню, и, если Вы не поняли, я попробую сейчас Вам еще раз объяснить.

Будем сравнивать японский уголь и сахалинский. Конечно, нужно прежде всего иметь в виду рынок и где он находится, далеко или близко, потому что фрахт очень важен, так как разница в 2 или 3 иены на тонну – очень большая разница. Если бы уголь, который находится на Сахалине, по качеству нельзя было бы

сравнить с японским углем, то, само собой разумеется, было бы невозможно работать на Сахалине. Но, к счастью, я нахожу сахалинский уголь первым или вторым качеством. Поэтому я думаю, что в будущее время для него можно будет найти рынки. Я должен Вам еще сказать, что японский уголь добывается сейчас в достаточном для промышленности количестве, но в будущем предполагается ввоз угля из-за границы. По этому поводу желательно дать возможное облегчение налогов.

Гуревич: Я хочу еще остановиться в нескольких словах на вопросе о рынках. Я не сомневаюсь в том, что рынок Тихого океана Вам лучше известен, чем нам. Но мы, например, сейчас продали сучанский уголь в Сингапур. Между тем Вы сами понимаете, что условия транспортировки сучанского угля в Сингапур значительно более трудные, чем для сахалинского угля, ибо сучанский уголь приходится подвозить к берегу моря, с одной стороны, и, с другой стороны, сама себестоимость сучанского угля значительно выше, чем сахалинского. Затем мы знаем, что Китай ввозит довольно значительное количество угля, несмотря на свои колоссальные угольные запасы. Он ввозит уголь в порты, ибо его запасы лежат в местностях, которые отстоят далеко от портов, вследствие чего транспортировка угля более или менее затруднительна. В частности, сахалинский уголь, по нашим сведениям, выдерживает конкуренцию даже с шаньдунским углем. Так что говорить о том, что сахалинский уголь не может найти себе нигде применения, кроме Японии, нельзя. Затем ведь сама Япония, как Вы сами говорили в прошлый раз, ввозит уголь в количестве около 2-х млн тонн ежегодно. Мы не сомневаемся в том, что промышленность Японии будет самым усиленным образом развиваться. Япония уже сейчас одна из самых промышленных стран на Дальнем Востоке и, конечно, имеет все предпосылки для дальнейшего промышленного развития, следовательно, ее нужда в угле будет все более увеличиваться...

Затем есть еще одно обстоятельство чрезвычайно важное, на которое я несколько раз уже обращал Ваше внимание. Сахалинский уголь – коксующийся уголь. Между тем большинство углей, которые находятся на побережье Тихого океана, – некоксующиеся угли. Следовательно, положение сахалинского угля в отношении металлургической промышленности на побережье Тихого океана является почти монопольным. Я согласен с Вами, что в первые два–три года, пока предприятие будет оборудоваться, пока будет налаживаться транспорт, будут, конечно, некоторые убытки, но концессия ведь заключается не на 3 года, а на 40 лет, и налоги, которые мы устанавливаем, будут действовать все

40 лет, а не 3 года. Если бы мы имели такое положение, что концессия заключается на 3—4 года, то, конечно, пришлось бы считаться с тем, что Вам, для того чтобы пробить себе дорогу на рынок, нужно будет терпеть определенное время убыток.

Надо сказать, что всякое предприятие вначале бывает более или менее убыточным, это даже в отношении самого прибыльного предприятия. Что касается налоговых льгот, то мы предоставляем Вам самые большие налоговые льготы, которые может дать советское правительство. У нас самой привилегированной промышленностью является государственная промышленность, и если мы приравниваем концессионера в отношении налогов и сборов к государственной промышленности, то мы Вам этим самым даем максимальные льготы. Согласитесь с тем, какое было бы положение, если бы мы завтра организовали государственное предприятие на Сахалине? Надо сказать, что Вы к тому же освобождаетесь от уплаты пошлины при ввозе и вывозе, а наши государственные предприятия, платя все налоги и сборы, от этого освободиться не будут. Если Вы налоги при этом платить не будете, то Вы вообще сделаетесь фактическими монополистами на Сахалине и ни одно государственное предприятие там работать не сможет.

Принимая во внимание все вышесказанное, максимально, на что мы можем пойти, это приравнять Вас в отношении налогов к нашим государственным предприятиям. Это громадная льгота, ибо если бы мы рассматривали Вас как частное предприятие, то Вы должны были бы платить 21% социального страхования и должны были бы платить налоги и сборы в значительно большем размере. Следовательно, это максимальная льгота. Насколько сахалинские угольные предприятия вообще выгодны, видно из того, что у нас есть много частных предпринимателей, которые просят отводов на Сахалине и готовы платить гораздо больше налогов и социального страхования. Ведь они это делают не ради благотворительности, а ради прибыли.

(Перерыв).

Гуревич: Я хотел Вам передать карту, которую мы обещали Вам передать (передает карту).

Яманоути: Благодарю Вас.

Гуревич: Вот 5 экземпляров “Положения о недрах земли”

Яманоути: Благодарю Вас.

Окумура: Я теперь должен ответить на Ваши объяснения, но я думаю, что здесь просто получается разное впечатление. Некоторые пункты я должен объяснить.

Вы говорите, что сахалинский уголь весь коксуется. Если в отношении рогатинского угля можно сказать, что он коксуется,

то многие угли совсем не коксуются. Во-вторых, в отношении Тихоокеанского побережья Вы говорите, что там единственно сахалинский уголь коксуется. Но возьмите японский уголь – такасимский, то он похож на кардифский. Теперь, вообще говоря, без такасимского угля не может быть производства кокса. Еще я должен указать Вам, что в Шаньдунском районе находится цзиньсиньский уголь, который тоже подходит для кокса. Еще могу указать на кайпинский уголь, который тоже коксуется. Всего, таким образом, разбрасывается на рынках свыше 6 млн тонн. Таким образом, очень много коксующегося угля находится на побережье Китая, причем цена цзиньсиньского угля в Циндао франко-борт составляет 6–7 иен за тонну, а кайпинский уголь еще дешевле. Поэтому я должен сказать, что конкурировать с ними сахалинскому углю очень трудно. Далее должен сказать, что в настоящее время фирма “Мицубиси” имеет завод, на котором можно выработать сколько угодно стали без кокса. Кроме того, в данное время пользуются водой, именно гидроэлектрическими станциями, для электроплавки. В будущем сахалинский уголь должен найти подходящий рынок, но это, конечно, трудно в течение 50 лет. Мы считаем, что для этого недостаточно 50 лет и что требуется даже 100 лет. Сахалинский уголь только на долгий срок может существовать как предприятие. В вышеизложенном я привел только несколько пунктов на Ваши объяснения.

Гуревич: Я хочу еще раз повторить свой вопрос. Если действительно сахалинский уголь трудно находит себе сбыт, если он по добыче очень неудобен для работы, то чем объяснить, что японские промышленные круги считали необходимым в Пекинский договор включить пункт об угольных концессиях на Сахалине?

Окумура: Здесь необходимо иметь в виду, что там работать очень трудно, и я могу в заключение сказать, что необходимо все же как-нибудь облегчить дело, дабы предприятие могло работать успешно.

Гуревич: Я уже Вам предложил ряд облегчений. Я предложил Вам облегчение такое, которое является для нас максимальным. Если государственное предприятие является любимым детищем Советского Союза, то Вас приравнивают сейчас к этому государственному предприятию. Дальше идти некуда.

Окумура: Если Вы можете сказать, например, государственное предприятие платит все налоги, которые Вы раньше говорили?

Гуревич: Вам давались уже эти объяснения, причем указывались все налоги, которые уплачиваются государственными пред-

приятными. Мы и предлагаем в договор включить, что концессионные угольные предприятия на Сахалине уплачивают государственные сборы и налоги наравне с однородными государственными предприятиями нашего Союза.

Окумура: Я припоминаю, что во время пекинских переговоров было сказано, что на всякий ввоз распространяется беспощинный порядок. Наш уполномоченный Иосидзава спросил тогда о налогах, и Ваш уполномоченный г-н Карахан сказал, что, кроме гербового и нотариального сбора, он может облегчить совсем предприятия от налогов.

Гуревич: Для того чтобы ответить на вопрос о пекинских переговорах, я прежде всего хочу сказать, что мы не считаем для себя возможным отступить от Пекинского договора и подпись г-на Карахана дана по полномочию советского правительства, а потому для нас обязательна. Но для восстановления истины я оглашу сейчас 7-й пункт Пекинского договора, который гласит следующее:

“Имея в виду вышеупомянутую арендную плату и принимая во внимание невыгодные условия, в которые будут поставлены предприятия вследствие географического положения и других общих условий в данных районах, условлено, что будет разрешен беспощинный ввоз и вывоз всяких предметов или продуктов, материалов, необходимых для таковых предприятий или добываемых на последних, и что предприятия не будут подвергаться такому обложению или ограничению, которые фактически сделали ли бы их доходную эксплуатацию невозможной”

Редакция совершенно ясна. Беспощинный ввоз и вывоз Вам дается, и против этого мы не спорим. Я только указал, что этим правом не пользуются наши государственные предприятия. А дальше в пункте 7-м говорится совершенно определенно, что налоги Вы должны платить, ибо указывается только, что Вы не платите таких налогов, которые сделали бы предприятие нерентабельным. Но этим самым подтверждается, что вообще Вы налоги должны платить. Можно ли говорить, что мы предлагаем такие налоги, которые делают предприятие нерентабельным? Я уже несколько раз объяснял, что мы предлагаем Вам лишь те налоги, которые уплачиваются нашими однородными государственными предприятиями. А Вы сами должны согласиться с тем, что мы не заинтересованы в том, чтобы наши государственные предприятия работали бы в убыток. Следовательно, эти льготы суть максимальные, на которые, вообще говоря, любой концессионер может рассчитывать.

Яманоти: Вы полагаете, что предприятие должно быть рентабельным?

Гуревич: Да, рентабельным. Я уже говорил, что мы считаем сахалинские угольные предприятия прибыльными, и максимум уступок, которые можно сделать, предложены.

Окумура: Относительно данного вопроса полагаю, что мы вернемся к нему, и тогда я объясню детально.

Гуревич: Разрешите предложить передать Вам на одном из ближайших заседаний перечень и ставки налогов, которые уплачиваются государственными предприятиями.

Окумура: Пожалуйста. Относительно налогов нам не все ясно, и я хочу узнать, у кого мы можем получить разъяснения?

Гуревич: Мы предполагаем дать Вам в письменном виде официальную справку от Народного комиссариата финансов о том, какие налоги и сборы и в каком размере уплачивают государственные угольные предприятия.

Перминов: Может ли эта справка служить на весь срок договора, или же это потом, в порядке издания законов, может измениться?

Гуревич: Если в договор войдет полный перечень налогов, то по отношению к концессионному предприятию меняться не будет.

Шлейфер: Мне кажется, что мы могли бы договориться о принципах. Если справка, которую Вы от нас получите, потребует пояснений, мы дадим Вам соответствующие дополнения и разъяснения. Наши специалисты помогут Вам в этом вопросе разобраться, но здесь возможны три решения.

Одно решение – это составление списка всех налогов, которые сейчас существуют, и их фиксирование в концессионном договоре. Какие выводы отсюда могут быть? Один вывод, что Вы заранее знаете, какие налоги Вы будете платить, и Вы будете уверены, что правительство не изменит налогов и не нарушит Вашей калькуляции, Ваших расчетов. Наша система налогов строится таким образом, что налоговое бремя уменьшается по мере развития нашего хозяйства. Наша налоговая система более благоприятна, ибо мы не заинтересованы в усилении налогового бремени, так как основным налогоплательщиком является наша государственная промышленность и торговля, составляющие 75% всей промышленности и торговли СССР. Мы по мере улучшения нашего хозяйственного положения уменьшаем налоги. Если бы Вы в договоре зафиксировали налоги, то это было бы Вам менее выгодно. Мы заранее хотим раскрыть все карты и говорить деловым образом. Вы не могли бы пойти и на то, чтобы принять в договоре обязательство подчиняться всем изданным и могущим быть изданными законам о налогах, так как для частных лиц мы могли бы издать закон о чрезвычайно обременитель-

ном обложении. Поскольку в договоре мы будем стоять на точке зрения приравнения Вас к государственным предприятиям, Вы можете быть уверенными, что мы не будем устанавливать налоги на всю государственную промышленность, которая имеет оборот в несколько миллиардов рублей, чтобы обложить японскую концессию с капиталом в 1% от капитала нашей государственной промышленности. Мне кажется, было бы правильным, если бы Вы зафиксировали как основной пункт тот принцип, который нами выдвигается, принцип наибольшего благоприятствования в смысле приравнения Вас к государственным предприятиям в отношении налогового обложения. Если будет проводиться облегчение налогового бремени, то это должно будет распространиться и на Вашу концессию.

С точки зрения правильности нашего подхода к вопросу о налоговых отношениях должен сказать следующее. Высшая справедливость и мораль в мире это – не желай другому того, чего не желаешь себе, или желай другому то, что желаешь себе. У нас другая, революционная мораль – принеси себя в жертву для другого.

Но мы должны принять мировую мораль – желай себе того, чего хочешь другому. Мы своей государственной промышленностью желаем добра, поэтому желаем добра и Вам. На большее благоприятствование претендовать в условиях нашей жизни нельзя.

Гуревич: Можно ли считать этот пункт поконченным, или мы дальше будем его обсуждать?

Окумура: Думаю, что, быть может, мы еще вернемся к этому и тогда продолжим наш разговор.

Шлейфер: Меня интересует еще вопрос, есть ли в Японии ввозные таможенные пошлины на уголь, который ввозится извне?

Яmanoути: Из Сахалина?

Шлейфер: Не только с Сахалина, а вообще в отношении нефти и угля, ввозимых как из Китая, так и из других мест?

Окумура: У нас уголь и нефть ввозятся беспошлинно.

Шлейфер: Есть ли вывозные пошлины?

Окумура: Нет, пошлины не полагается вообще.

Шлейфер: Тогда встает следующий вопрос. Если бы китайский или сахалинский уголь был очень дешев и мог бы побить уголь, добываемый в самой Японии, то Вам пришлось бы установить ввозные пошлины? Раз пошлин нет, то сахалинский уголь может выдерживать конкуренцию со всеми другими углями.

Окумура: Это постановление японского правительства: и нефть, и уголь не облагаются пошлинами, чтобы развить в Япо-

нии промышленность. Если данное угольное предприятие было бы государственным, то на вопрос о пошлинах мы могли бы влиять. Но, к сожалению, это частное предприятие, так что это очень трудно.

Гуревич: Разрешите тогда перейти к следующему пункту. Возражений нет?

Окумура: Пожалуйста.

Гуревич: Тогда, может быть, Вы зачете 4-й пункт?

Г-н Яманоти читает 4-й пункт.

Гуревич: По этому вопросу я Вам должен сказать, что наш закон о труде имеет прежде всего в виду интересы рабочих, и поэтому чем хуже условия, в которых рабочим приходится работать, тем тщательнее мы оберегаем их труд. Так что, когда Вы говорите о специфических условиях на Сахалине, о суровом климате и т.п., то это есть для нас только причина еще более охранить труд рабочих, ибо наш Кодекс законов о труде есть кодекс охраны труда рабочих. Кроме того, я должен довести до Вашего сведения, что это есть основной закон нашей республики, и точно так же, как мы в концессии не можем менять конституцию, точно также мы не можем менять ни одной буквы в рабочем законодательстве. Это есть кондиция *sine qua non** для всякого концессионера.

Окумура: Нам сейчас детально неясен Ваш рабочий кодекс, и поэтому я, конечно, не буду требовать в нем принципиальных изменений, изменений коренных принципов. Я знаю, что между Вашим рабочим кодексом и нашим имеется незначительная разница. Пока нам неизвестно, как можно работать по Вашему рабочему кодексу. Само собой разумеется, что охрана рабочих у нас тоже существует. Поэтому по настоящему положению вещей сейчас сразу мы не можем применить Ваш кодекс, и мы просим согласиться на наше предложение.

Гуревич: Я должен сказать, что вопрос о Кодексе законов о труде не дискуссионный вопрос. Это вопрос, по поводу которого мы не можем вступать в дискуссию. Мы находимся здесь перед законом, который мы абсолютно не вправе менять. Кодекс есть основной закон, который подлежит безусловному исполнению. Я не знаю японского кодекса о труде и поэтому затрудняюсь сказать, насколько велика или мала разница между этими обоими кодексами, но для того, чтобы ознакомить Вас с нашим кодексом, я передам Вам два экземпляра нашего Кодекса законов о труде. (Передает два экземпляра.)

* Непременное условие (*лат.*).

Я должен сказать, что все концессии, которые были до сих пор заключены, все имеют в договоре пункт, согласно которому условия труда регулируются Кодексом законов о труде и коллективным договором, заключаемым предпринимателем с профессиональным союзом.

Окумура: Конечно, Кодекс законов о труде – Ваш государственный закон, и поэтому мы не требуем его изменения, но для удобства, принимая во внимание климат и условия погрузки при плохой погоде, то, если по Вашему кодексу невозможно работать свыше определенного количества часов, предприятие не может существовать. По этому вопросу я хочу знать Ваш Кодекс законов о труде.

Гуревич: Когда Вы ознакомитесь с кодексом, Вы увидите, как поступают в этом случае. На этот вопрос кодекс дает ответ. У нас восьмичасовой рабочий день, это есть общеобязательная продолжительность рабочего дня в нашем государстве. Для подземных работ продолжительность рабочего дня составляет 6 часов. Но если у Вас имеются срочные работы, скажем, пришел пароход, и надо его погрузить, то можно удлинить этот рабочий день, но тогда уплачиваются сверхурочные, согласно особому закону, и это должно быть предусмотрено в коллективном договоре с профессиональным союзом. Когда Вы будете заключать коллективный договор, а он заключается на всех рабочих безотносительно какой бы государственной принадлежности они ни были (у нас в этом отношении закон одинаков как для рабочих – граждан Советского Союза, так и для рабочих-иностранцев), Вы условитесь с профессиональным союзом, на какие работы допускаются сверхурочные часы.

У нас есть, например, заключенная концессия с английской компанией “Аян Корпорейшен”, которая находится в климатическом отношении в условиях даже худших, чем сахалинские. Это золотопромышленная концессия. И в этой концессии также оговорено, что весь кодекс от буквы до буквы обязателен. Эта концессия находится на берегу Охотского моря.

Окумура: Конечно, из Вашего кодекса все выяснится, что мы очень хотим знать, но я хочу сейчас задать Вам два–три вопроса. Во-первых, относительно национальности. Распространяются ли условия кодекса на всех рабочих, будь это русские, или китайцы, или японцы?

Гуревич: Вы спрашиваете, распространяется ли Кодекс законов о труде на рабочих – несоветских граждан? Это Вы спрашиваете?

Перминов: Да, именно это.

Гуревич: Да, на всех граждан, независимо от их гражданства.

Перминов: И в количественном отношении то же самое?

Гуревич: Кодекс распространяется на одного рабочего и на миллион рабочих в одинаковой степени.

Окумура: При найме рабочих-китайцев там имеются специальные органы. Если через эти специальные органы мы наняли китайских рабочих, Ваш кодекс на них распространяется?

Гуревич: Откуда и как бы Вы ни достали рабочих на территории концессии, но в тот момент, когда рабочий очутился на территории Союза, на него распространяется Кодекс законов о труде, с одной стороны, и, с другой стороны, коллективный договор, заключаемый с профессиональным союзом. Имеются ли еще вопросы?

Окумура: Мы должны ознакомиться с этим кодексом, и если будет что-нибудь неясное, то мы попросим объяснений.

Гуревич: Пожалуйста.

Яманоути: Я хотел бы знать, как определяется здесь процент русских рабочих?

Гуревич: Вы спрашиваете, какой процент может быть иностранных рабочих? Это мы оговорим отдельно. Мы допускаем иностранных рабочих на концессионных предприятиях. Точно так же и на наших предприятиях могут быть иностранные рабочие.

Перминов: А какой максимум?

Гуревич: Это придется предусмотреть отдельно, этого нет в Кодексе законов о труде, и тогда вопрос о проценте иностранных рабочих мы должны включить в договор.

Яманоути: Каков примерно этот процент?

Гуревич: Примерно процентов 25 иностранных рабочих.

Яманоути: Это значит не русские рабочие?

Гуревич: Это не граждане СССР. У нас могут быть рабочие – китайцы, корейцы*, монголы – граждане СССР. Речь идет о том, что мы допускаем около 25% рабочих не граждан СССР.

Яманоути: Я еще раз должен спросить: 25% иностранных рабочих, не являющихся подданными СССР?

Гуревич: Да.

Окумура: Я думаю, что это на самом деле невозможно.

Гуревич: Рабочих можно получить не только на Сахалине, но и в Приморской области.

Окумура: Относительно процента думаю, что это действительно невозможно. Мы не могли бы набрать туда столько рабочих.

* В документе ошибочно “корельцы”.

Гуревич: Вы говорите о квалифицированных рабочих или о рабочей силе вообще? В отношении инженеров и квалифицированных рабочих, мастеров процент можно будет повысить.

Окумура: Вы говорите, что в Приморской области можно набрать сколько угодно рабочих для Сахалина?

Гуревич: Не сколько угодно, но достаточное для Вас количество.

Окумура: В Приморской области рабочие есть, но никто не поедет на Сахалин.

Гуревич: Это не совсем так. По нашим сведениям, рабочую силу там достать можно. Но мы не думаем замораживать Ваше предприятие, и если мы рабочих не сможем дать, то процент придется временно установить больший.

Окумура: Думаю, что мы еще по этому вопросу будем говорить.

Гуревич: Желательно ли дальше продолжать обсуждение или мы на этом закончим? Если возражений нет, то следующее заседание мы назначим во вторник в 7 часов вечера. В понедельник у нас заседание по нефти, а завтра, согласно декрету, после 12-ти часов по субботам летом заседаний не устраивается, и поэтому этот день мы пропустим. Возражений нет?

Окумура: Нет.

Гуревич: Разрешите закончить наше заседание.

Секретарь комиссии ГКК В. Зубкова

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1005. Л. 35-46. Подлинник.

№ 209

*Постановление Политбюро ЦК РКП(б)
“О невыполнении Дальревкомом решения ГКК
о предоставлении японцам права вывоза угля
и ввоза продовольствия на Северном Сахалине”**

№ П76/2-с

22 августа 1925 г.
Строго секретно

а) Предложить Дальревкому не препятствовать выполнению постановления ГКК, уже сообщенного японцам.

б) Поставить в четверг, 27.08, на заседании Политбюро вопросы: 1) о Сахалине и 2) о торгпредстве в Японии**.

Секретарь ЦК

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1001. Л. 63. Копия.

* Вопрос представлен Г.В. Чичериным и М.М. Литвиновым. Выписка из протокола № 76 заседания Политбюро ЦК РКП(б) от 22 августа 1923 г., п. 2. Направлена Л.Д. Троцкому, Г.В. Чичерину, М.М. Литвинову (все пункты), Дальбюро ЦК РКП(б) – п. а.

** См. док. № 215.

*Записка Г.В. Чичерина в Политбюро ЦК РКП(б)
о переговорах с МИД Японии
относительно экстерриториальности помещений
торгпредства СССР в Токио**

№ 1226/чс

22 августа 1925 г.

В Политбюро ЦК РКП(б)

Копии: членам Политбюро, членам коллегии НКВД
и т.т. Фрумкину и Гуревичу (ИноВСНХ)

Коллегия НКВД считает нужным принять окончательное решение по слишком затянувшемуся вопросу о положении торгпредства в Японии. Вначале позиция японского правительства была совершенно неприемлемой: оно хотело, чтобы торгпредство производило торговые операции, скрываясь за частными лицами или обществами. В настоящее время весь спор идет о том, будет ли зафиксирована на бумаге неприкосновенность тех помещений, где производятся торговые операции, или же мы ограничимся фактическим обещанием японского правительства не трогать эти помещения. Коллегия НКВД полагает, что ввиду временного соглашения впредь до заключения торгового договора можно удовлетвориться таким устным обязательством японского правительства, если только оно будет дано в совершенно точной и определенной форме как в Токио от Мининдел т. Коппу, так и в Москве мне через японского посла.

Весь спор начался с вопроса о визе для т. Янсона, едущего в качестве торгпреда в Токио. Японцы заявили, что вопрос о торгпредстве будет урегулирован в будущем торговом договоре, но что в настоящее время они не знают, что такое торгпред и что они могут дать визу т. Янсону только в качестве коммерческого атташе советского посольства в том смысле, как вообще понимаются функции коммерческого атташе. При уточнении этого вопроса выяснилось, что японцы не хотят признавать права нашего торгпреда вести торговые операции: для этой цели он должен выдвигать частных лиц или создавать общества вроде АРКОСа¹.

В письме от 15 июня на мое имя т. Фрумкин заявил, что НКВД не возражает против того, чтобы детали этого вопроса и его окончательное юридическое оформление были отложены до заключения торгового договора, но что НКВД ни в коем случае не может согласиться на то, чтобы торгпредство было лишено права вести само торговые операции. НКВД добивается экстер-

* См.: док. № 215.

риториальности не для всех сотрудников, а лишь для небольшого их числа.

Японское правительство уточнило свою позицию в смысле проведения разграничения между регулирующей и оперативной работой торгпредства, причем спор стал сосредотачиваться на вопросе об экстерриториальности помещений. 23 июня т. Копп сообщал, что японское правительство готово дать дипломатические права торгпреду и его двум заместителям, а также экстерриториальность для их помещений при условии, что в этих помещениях не будет производиться торговых операций; торговая деятельность должна производиться на общих основаниях без привилегий, и лица, совершающие сделки, не могут иметь дипломатических прав вроде того, как АРКОС не имеет дипломатических прав. В то время японцы развивали проект создания смешанного советско-японского акционерного общества, которое под контролем торгпреда осуществляло бы советско-японскую торговлю. В дальнейшем эти планы были японцами оставлены, и весь спор стал постепенно суживаться на вопросе об экстерриториальности помещений.

В докладе № 26 т. Копп подробно сообщает о своем разговоре с м[инистром] и[ностранн]ых д[ел] Сидэхарой от 15 июля. Сидэхара указывал, что Япония не может снова ввести у себя систему экстерриториальных коммерческих учреждений, отмененную с таким трудом. Он объяснял, что японские законы вполне гарантируют торговую тайну; власти не могут делать обысков в торговых помещениях или изымать бумаги без особого постановления суда; право контроля предоставлено только в исключительных случаях, как, например, в случае банкротства; проверка книг применяется только по отношению к банкам со стороны Минфина, которому это право предоставлено особым законом; все иностранные коммерческие компании в Японии совершают совершенно беспрепятственно торговые операции, и японское правительство не вмешивается в их торговую деятельность и не домогается раскрытия их торговых секретов. Тов. Копп тогда указал, что в таком случае экстерриториальность помещений нашего торгпредства не будет нарушать материальных интересов японского правительства. Сидэхара с этим согласился и повторил свой довод о моральном ущербе, который произойдет от этого для японского правительства. В результате этого разговора т. Копп переслал Сидэхаре наши законы о Внешторге и о правах торгпредств. Во время этой беседы Сидэхара неоднократно повторил, что японское правительство не только не сопротивляется прибытию торгпреда и открытию торговых операций, но,

наоборот, было бы чрезвычайно радо, если бы это случилось возможно скорее.

В докладе № 26 т. Копп выдвигает мысль, что мы могли бы удовлетвориться своего рода “джентльменским соглашением”, как некогда Япония с Америкой по вопросу об иммигрантах, отложив формальное урегулирование вопроса до заключения торгового договора. Мы получили бы фактически гарантию, что деятельности торгпредства не будет чиниться препятствий и что оно будет рассматриваться как составная часть полпредства. На этом основании, по мнению т. Коппа, можно было бы придти к провизорному* решению вопроса и избежать политики репрессалий, которая ударит по нам самим. В телеграмме от 17 июля т. Копп пишет: “Если мы настаиваем на письменном фиксировании статуса торгпредства до заключения торгового договора, это потребует решительно ощутительного для японской торговли и весьма длительного нажима; если же мы согласились бы удовлетвориться некоторым джентльменским соглашением, дающим нам нужный статус де-факто, этого, по моему мнению, можно добиться дипломатическими переговорами без репрессалий; я высказываюсь за вторую альтернативу. Практика Дальгосторга, Центросоюза и рыбопромышленных организаций показывает, что японцы не будут ставить нашей госторговле ни малейших препятствий”.

В это время по настоянию НКВТ тот же вопрос стал обсуждаться между членами коллегии НКВТ и японским послом. После беседы с т. Янсоном и вслед за тем с т. Фрумкиным посол имел беседу со мной 8 августа. Он говорил мне, что ему лично совершенно непонятно юридическое обоснование экстерриториальности торговых помещений. Он поэтому рекомендует нам принять формулу разграничения регулирующих и торговых функций торгпредства с тем, чтобы помещения, где производится торговля, не были экстерриториальны. Доводы т. Фрумкина и т. Янсона его не убедили. Но это его личное мнение; его правительство, может быть, решит другое. Он поэтому предлагает вести дальнейшие переговоры через т. Коппа в Токио.

Между тем в телеграмме от 1 августа т. Копп сообщал о новом разговоре с Сидэхарой на ту же тему. Тов. Копп выдвинул три пункта, которые должны составить предмет взаимной нотификации “джентльменского соглашения”: 1) японское правительство соглашается на назначение нами торгпреда и трех или четырех его заместителей, которые войдут в состав дипломати-

* Предварительному.

ческой миссии и будут выполнять все функции, возложенные на них советским законодательством, и в том числе совершать торговые сделки; 2) советское правительство отвечает за заключенные от его имени сделки, и, в частности, исполнение судебных решений распространяется на товарные склады и на иное имущество, находящееся в распоряжении торгпредства; 3) деятельности торгпредства в Японии не будет поставлено никаких препятствий, и, в частности, не будет нарушаема неприкосновенность его помещений. Возражения Сидэхары касались исключительно 3-го пункта, так что т. Копп вывел заключение, что первые два пункта считаются приемлемыми. Относительно неприкосновенности торговых помещений Сидэхара заявил, что, если бы даже он с этим согласился, органы юстиции формально не были бы обязаны с этим считаться. Неприкосновенность торговых помещений, являясь изъятием из законов, могла бы быть предоставлена только сепаратным законом, например, торговым договором, причем Сидэхара сомневается, чтобы такой закон мог пройти в Японии. При этом Сидэхара неоднократно подчеркивал чисто теоретический характер этого спора, ибо практически совершенно немыслимо, чтобы деятельность торгпредства, скорейшее открытие которой японское правительство будет приветствовать, могла встретить какие-либо препятствия.

По этому поводу т. Копп телеграфировал, что практическим выходом могло бы быть открытие торгпредства на посольской территории, но наличных помещений у посольства слишком мало и для постройки нового здания нет места. Поэтому пришлось бы поставить вопрос об аренде дополнительного участка. Это, конечно, надолго затянуло бы разрешение вопроса.

В своих новых предложениях т. Коппу НКВТ продолжал вводить в свою формулу неприкосновенность помещений, предлагая найти форму предварительной нотификации, оговаривающей в должной мере наши права и не затрагивающей деталей. В телеграмме от 17 августа т. Копп ответил, что Наркомвнешторг не учитывает, что японское правительство категорически отказывается открыто упоминать о неприкосновенности помещений торгпредства, но вместе с тем оно явно готово предоставить это де-факто. Никакими редакционными ухищрениями нельзя будет сбить с позиции японское правительство, особенно теперь, когда после реорганизации кабинета оно в парламенте в меньшинстве. Тов. Копп указывает, что возможны два выхода: 1) либо ограничиться нотификацией первых двух пунктов его предложений и устно заявить, что мы интерпретируем нотификацию как предоставление неприкосновенности помещений торгпредства; 2) либо

же настаивать на полной развернутой формуле НКВТ и в случае отказа открыто грозить свертыванием торговых сделок. Таков последний этап нашей переписки о торгпредстве в Токио.

В своем докладе № 20 т. Копп указывал, что в Японии отсутствует противоположность интересов между промышленниками и оптовиками, которая наблюдается, например, в Германии и на которую мы опираемся при проведении желательного нам статуса торгпредства. С другой стороны, Япония все-таки восточная страна; в ней сравнительно недавно упразднены европейские экстерриториальные сеттлементы. В этом отношении общественное мнение ко всяким экстерриториальным прерогативам довольно настороженное. Перспективы нажима в сторону бойкотирования японского рынка и серьезного сужения торговых связей с Японией т. Копп считает нереальными. Представление НКВТ, что будто бы японцы более заинтересованы в торговых сношениях с нами, чем мы с ними, нуждается в весьма серьезных поправках. Для нашей дальневосточной рыбы японский рынок есть единственное место сбыта, а японский денежный рынок есть единственный источник финансирования. Этим объясняется зависимость наших рыбопромышленных органов от японских покупателей как в смысле условий поставок, так и в смысле цен. Это отчасти верно, хотя и в меньшей степени, по отношению к дальневосточному лесу. Заместитель т. Андрианова т. Скворцов был в Токио и детально ознакомил т. Коппа с характером взаимоотношений между нашими хозяйственниками и японцами, причем обнаружилось, что мы нередко бываем вынуждены ввиду отсутствия собственных средств и неимения другого рынка заключать с японцами кабальные сделки. Каким образом при таких условиях можно говорить о возможности бойкота нами Японии? В телеграмме 10 августа т. Копп выражал согласие с программой репрессивных мер, выдвинутой НКВТ. Но он тут же объяснял, что он потому это думает, что при нашем упорстве в вопросе о формальном признании экстерриториальности помещений ничего не остается другого, кроме репрессалий. Тут же он указывал, что наши рыбные органы обременены большой задолженностью в Японии, плохие виды на улов рыбы грозят им катастрофой, в особенности если японцы нажмут с оплатой по вексялям. Главные сроки платежей в октябре. Итак, если мы идем на экономическую войну с Японией, то для одной лишь нашей рыбной промышленности на Дальнем Востоке необходима будет интервенция Госбанка на сумму около 250–300 тыс. руб.

Таково положение дела в настоящее время. Коллегия НКИД ожидала, пока ход переговоров дойдет до такого пункта, после ко-

торого необходимо будет окончательное решение в ту или другую сторону. Телеграмма т. Коппа от 17 августа, по-видимому, означает, что этот пункт достигнут. Коллегия НКВД думает, что если сформулировать джентльменское соглашение так, как она это предлагает, то в качестве провизориума до заключения торгового договора это будет лучше, чем экономическая война с Японией, которая отразится и на наших политических отношениях.

Наркоминдел Г. Чичерин

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1019. Л. 23–28. Подлинник.

¹ АРКОС (All Russian Cooperative Society Limited, с 1922 г. – ARCOS Ltd.) – Всероссийское кооперативное общество – акционерная компания. Учреждена в 1920 г. в Лондоне как частная компания для осуществления импортно-экспортных операций между Советской Россией и Англией. Представляло советские внешнеторговые организации в ряде зарубежных стран.

№ 211

*Стенограмма заседания комиссии Главконцесскома СССР
и представителей японских нефтяных компаний
о разведке месторождений на Северном Сахалине*

24 августа 1925 г.

Араи (переводчик): Г-н Накасато просит предоставить ему слово.

Гуревич: Пожалуйста.

Накасато: В стенограмме первого заседания я нашел некоторые места, которые имеют иное содержание по сравнению с тем, что я говорил. Вопрос этот, конечно, не серьезный, но все-таки я хочу это исправить.

Во-первых, я говорил, что для проезда от Японии до восточного побережья Сахалина требуется 3 дня, а в стенограмме написано: неделя. Может быть, так передал по ошибке нам переводчик.

Затем насчет 50-летнего срока концессии. По стенограмме, которая передана нашему секретарю, тоже не совсем правильно изложена моя мысль. В письменной редакции, которую я сегодня принес, это исправлено.

Далее относительно Калифорнии и Мексики. Я допустил ошибку и хочу ее исправить. В Калифорнии нефть была найдена в 1867 г., а промышленное значение ее определилось лишь в 1895 г., то есть через 30 лет. Месторождение нефти в Мексике привлекло внимание в 1860 г., а начало эксплуатационных бурений относится лишь к 1904 г., то есть спустя 44 года. (г. Накасато передает свои исправления в письменном виде г. Гуревичу).

Гуревич: Разрешите тогда все поправки, которые Вами сделаны, внести в стенограмму и в исправленном виде попросить секретарей нашей и Вашей делегации ее подписать.

Накасато: Я согласен.

Гуревич: Может быть, во избежание недоразумений мы впредь установим такой порядок, что секретари просматривают стенограмму и вносят с обеих сторон те поправки, которые окажутся необходимыми, и только после поправок стенограмма будет подписываться. При составлении стенограмм всегда возможны некоторые ошибки как со стороны переводчиков, так и со стороны стенографов.

Накасато: Я вполне согласен с Вашим мнением.

Гуревич: Тогда разрешите сегодняшнее заседание открыть. Нам предстоит подписать протокол прошлого заседания, но ввиду того, что он предварительно Вам не был вручен, может быть, мы поступим следующим образом: сейчас передадим Вам протокол, Вы с ним ознакомитесь, а на следующем заседании мы его подпишем.

Накасато: Я согласен.

Гуревич: Разрешите тогда перейти к следующим пунктам Вашего “дезидерата”. Возражений нет?

Накасато: Нет.

Гуревич: Мы остановились, кажется, на пункте 6?

Накасато: На третьем пункте.

Гуревич: Какой это пункт?

Накасато: Об определении размера и границ концессии.

Гуревич: Мы просим обсуждение этого пункта – об определении размера и границ квадратов – перенести на одно из последних заседаний ввиду того, что у нас еще не все материалы имеются и мы рассчитываем получить дополнительные данные, дабы мы могли с большими материалами подойти к решению этого вопроса. Если с Вашей стороны против этого возражений нет, то мы предлагаем перейти сейчас к рассмотрению следующих пунктов, а к этому пункту вернуться потом.

Накасато: Я согласен.

Гуревич: Тогда я просил бы Вас огласить следующий пункт. (Г-н Арай читает пункт о разведках).

Гуревич: По этому пункту я имею заявить следующее: в Пекинском договоре в Протоколе Б § 2 говорится, что разведочная площадь в 1000 к.в.* должна быть выделена в течение одного года со дня заключения концессионного договора. Мы предлагаем

* Квадратные версты.

окончательное решение вопроса о выделении площади и способах разведки отложить до указанного в Пекинском договоре срока. Это предложение мы делаем не по формальным соображениям, не потому, что в договоре указывается годовой срок, а только потому, что нам сейчас трудно было бы с полным знанием дела подойти к определению этой площади. Мы считаем, что этому определению должно предшествовать более или менее детальное изучение вопроса на месте.

Накасато: Мы считаем нужным указать, что на этих 1000 к.в., которые мы имеем получить, около 600 к.в. нам относительно известны. Об этом мы уже говорили. Вследствие этого я надеюсь в течение происходящих переговоров определить 600 к.в., а относительно остальных 400 к.в. повременить. Подготовительные к разведке работы потребуют много времени. Если работы начнутся с будущего года, тогда нужно к этому приготовляться. Как Вам известно, для хорошо поставленной разведки потребуется более 10 лет. Нельзя даже сказать, что 10 лет достаточно. Я полагаю, что в течение ведущихся переговоров могло бы быть определено 600 к.в.

Гуревич: Мы заинтересованы в том, чтобы разведки начались скорее. По Пекинской конвенции 50% разведанной площади переходит к правительству Союза ССР. Если мы сегодня настаиваем на том, чтобы решение этого вопроса было отложено до срока, указанного в конвенции, то не потому, что мы хотим в какой бы то ни было мере чинить препятствия компании в ее будущей работе, а потому, что, как Вам известно, мы долгое время были отрезаны от Сахалина и нам необходимо перед тем, как определить в натуре эту 1000 к.в., произвести со своей стороны некоторые исследовательские работы. Мы, конечно, примем все меры к тому, чтобы сезон будущего года по возможности для Об[щест]ва не пропал бы даром, и, как только позволят климатические условия, мы сейчас же приступим к нашим работам на Сахалине. Повторяю, что мы в этом деле сами заинтересованы и в нашей заинтересованности Об[щест]во должно иметь гарантию, что это дело не будет затянуто ни на один лишний день.

Накасато: Может быть, мы не совсем поняли Вас. Только 4 летних месяца можно работать на восточном побережье Сахалина. Поэтому я спрашиваю, если Ваше обследование может быть закончено в течение ведущихся переговоров, тогда дело другое. Но, откровенно говоря, я надеюсь, что 600 к.в. можно определить к концу переговоров.

Гуревич: Должен указать, что Вы находитесь в процессе переговоров в отношении нефтяных концессий на Сахалине в луч-

ших условиях, чем мы, ибо Вы вели работу на Сахалине, имея в своем распоряжении ряд опубликованных научных трудов наших геологов Полевого, Анерта, Тихоновича и др., произвели значительные поисковые и разведочные работы сами. Между тем нам сейчас приходится вести переговоры, опираясь лишь на прежние работы русских геологов, ибо геологические обследования японских геологов не опубликованы и нам неизвестны. Если бы мы могли ознакомиться с этими работами, то в процессе переговоров мы сумели бы определить нашу позицию по вопросу, который Вы сейчас выдвинули. В настоящих же условиях сделать это нам чрезвычайно трудно. Я тоже не сомневаюсь в том, что наша комиссия, которая сейчас работает на Сахалине, не привезет материалов, на основании которых мы могли бы решить вопрос о тысячеверстной полосе. Для этого по крайней мере понадобится работа еще одного летнего сезона. Мы заинтересованы в ускорении этой работы и примем все меры к тому, чтобы работа была выполнена быстро, но принимать решение в условиях, когда Вы имеете возможность намечать площади на основании обследований, а у нас данных этих обследований нет, чрезвычайно трудно, ибо стороны поставлены в неравные условия. Мы очень просили бы решение этого вопроса отложить на срок, указанный в Пекинской конвенции. Если бы Вы могли передать нам материалы, то мы через некоторое время поставили бы этот вопрос здесь вторично.

Накасато: Материалы, составленные японскими геологами в 1919 г. и изданные нашим Министерством иностранных дел, были переданы Вашему Комиссариату иностранных дел. Читали ли Вы эти материалы?

Шлейфер: В пункте, который Вы читали, в третьей части указывается, что в отношении предоставления площадей для разведки Об[щест]во желает, чтобы правительством был установлен такой план, по которому местные власти на Северном Сахалине могли бы ежегодно предоставлять участок за участком в соответствии с ходом разведки. Отсюда мы делаем вывод, что и само Об[щес]тво представляет себе, что работу по разведке оно не начнет сразу на всей территории в 1000 кв. и что, очевидно, работа будет вестись последовательно на различных участках. В течение 10 лет разведка будет произведена. Мне кажется, что при этих условиях некоторая задержка в течение нескольких месяцев не может нарушить планов Об[щест]ва в деле разведки тысячеверстной площади, на которую Об[щест]во сейчас претендует.

Из всего изложенного представителями Об[щес]тва следует сделать тот вывод, что даже если бы мы сейчас могли пре-

доставить площадь в 1000 кв. для разведки, то Об[щест]во все равно не было бы в состоянии приступить к обследованию всей площади сразу. Даже на площади в 600 кв., которая как будто бы мало-мальски разведана, Об[щест]во тоже не могло бы в ближайшие годы провести более исчерпывающую разведку. Поэтому нам кажется, что при всем желании поспешить с отводом этой площади это было бы нецелесообразно. Нужно лучше изучить объект отвода для того, чтобы сделать разведывательные работы выгодными для обеих сторон. Я подчеркиваю – выгодными для обеих сторон, потому что мы также предполагаем использовать те 50% всей разведанной площади, которые по соглашению принадлежат Советскому Союзу. Мы поэтому в такой же мере заинтересованы в скорейшей разведке и поэтому мы считаем, что к этой работе необходимо подойти осторожно и продуманно, чтобы не потерять времени и средств, что может случиться, если поспешно наметить площади для разведок.

Наконец, следует отметить, что если в Мексике и Калифорнии необходимо было 30–40 лет с момента обнаружения нефти до момента эксплуатации этих площадей, то мы пойдем гораздо более быстрым темпом, будем в 10–20 раз скорее работать, чем в Мексике и Калифорнии, если даже год будем изучать отводимые площади. Лучше основательно наметить план и, изучив его, двинуть дело ускоренным темпом, потому что мы желаем не только оживить Сахалин, но еще и потому, что мы получаем 50% площади. Наше желание – четко и твердо наметить тысячеверстную полосу, чтобы Вы начали разработку нефти на разведанных 50%, а также и мы на наших 50%. Наш общий интерес, чтобы Общество правильно работало без ошибок на отведенных площадях и чтобы мы свои 50% могли получить для правильной эксплуатации. Мы просили бы согласиться с нашим предложением в духе Пекинского протокола о том, чтобы в течение года наметить отводы и вести интенсивно работу.

Накасато: Еще раз Вам повторяю, что материал, который нашим Министерством иностранных дел сделан в 1919 г., был послан через наше посольство Вашему правительству.

Гуревич: Когда?

Накасато: В самое последнее время. Месяц тому назад.

Гуревич: Это мы получили.

Накасато: По моему мнению, это было сделано 21 или 22 июля во время второго свидания с г-ном Иоффе. Тогда были представлены Вам карты, геологические исследования и разные другие материалы.

Гуревич: Эти материалы мы имеем, но мы считаем, что этих материалов недостаточно для того, чтобы мы ...*

Конисси: Разрешите мне сперва перевести речь г-на Шлейфера, а потом я попрошу Вас повторить то, что Вы сказали.

Гуревич: Пожалуйста, переводите. Я потом повторю.

(Конисси переводит речь Шлейфера).

Накасато: Ваши объяснения я понял. Но относительно вопроса о разведочных площадях я должен остановиться на 3-х пунктах. Во-первых, должен быть произведен выбор, во-вторых, нужно произвести обследование и, в-третьих, разведку. Выбрать должно по договору в течение года. Поэтому нужно выбрать до октября будущего года и после того приступить к обследованию. И только после обследования и разведки месторождение нефти будет определено. Теперь у нас уже предварительно изучено около 500 кв. Остальную площадь нужно определить до октября будущего года. Эти соображения заставляют меня просить разрешить вопрос относительно тысячеверстной полосы в том смысле, как мы Вам это изложили.

Гуревич: В материалах министерства, которые были переданы нам, и в тех чертежах, которые мы получили от Вас, мы все же не имеем достаточных данных для того, чтобы определить эту тысячеверстную площадь. Материалы больше касаются обследований тех районов, где Вы уже работаете, и, кроме того, это обследование относится к 1919 г. А между тем Вы сами указываете, что у Вас уже обследовано около 500 кв. Этих данных у нас нет, и поэтому мы затрудняемся сейчас приступить к определению этой площади. Я должен также указать на то, что во время пекинских переговоров эти затруднения предусматривались, и именно поэтому в Пекинском договоре формулировано таким образом, что тысячеверстная площадь определяется в течение года после заключения концессионного договора, то есть для полевых работ дается 2 лета, 2 сезона. Таким образом, вопрос, который мы сейчас разбираем, для сторон не является новым; он имеет определенное отражение в пекинских переговорах. Если бы мы имели сейчас достаточные материалы для того, чтобы принять сегодня твердое решение, мы ни минуты не стали бы возражать против Вашего предложения и затягивать дело. Но у нас, к сожалению, нет материалов, которые позволили бы нам сегодня принять решение по этому вопросу, и поэтому мы очень просим, чтобы решение этого вопроса было бы отложено до срока, указанного в Пекинском договоре.

* Отточие документа.

Накасато: Я очень хорошо понял Вашу точку зрения, но я должен сказать, что японцы вели обследования в отношении 1000 кв. в течение 6 лет. Как Вы думаете, после заключения договора можно ли определить эту площадь в течение года? Как Ваше мнение?

Гуревич: Это, по моему мнению, будет зависеть от хода наших работ. Было бы хорошо, если бы Вы все дополнительные материалы, которые у Вас имеются, передали бы нам. Мы бы тогда постарались с ними познакомиться и вернулись бы, может быть, еще раз к этому вопросу.

Накасато: Нами Вам представлены эти сведения. Наш инженер даст сейчас объяснения.

Ямада¹: Материалы 1919 г. около месяца тому назад через наше Министерство иностранных дел были Вам переданы. Наши обследования с подробными картами и отметками мы представили 22-го числа пр[ошлого] мес[яца]. Там обозначено, какие именно это месторождения (перечисляет). Если Вы изволите это посмотреть, то там отмечены все геологические данные. Если бы Вы подробно ознакомились с этими материалами, то могли бы с нами поговорить и весь этот вопрос можно было бы разрешить.

Гуревич: Мы просматривали материалы и знаем их, но там речь идет о тех 8 эксплуатационных месторождениях, о которых мы сейчас ведем концессионные переговоры. Вы же говорите о тысячеверстной разведочной площади. Вы эту тысячеверстную площадь определяете в районах тех же 8-ми концессий, но материалов по обследованиям после 1919 г. по этой тысячеверстной площади у нас нет.

Конисси: На карте все обозначено, и если Ваши специалисты изволили бы посмотреть, то элементарные определения могли бы быть сделаны.

Гуревич: Тогда разрешите предложить следующее: мы поручим Вашим и нашим специалистам еще раз посмотреть эти материалы, и тогда мы еще вернемся к этим переговорам.

Накасато: Эти карты, книжка и все материалы были Вам переданы. Можно, не теряя времени, собраться Вашим и нашим инженерам, переговорить и решить этот вопрос.

Гуревич: Решить вряд ли удастся, но я не возражаю против того, чтобы Ваши инженеры совместно с нашими еще раз рассмотрели представленные материалы, и тогда мы на одном из следующих заседаний поставим этот вопрос.

Накасато: Я Вас понял, но хочу еще раз предложить, чтобы Ваши инженеры и наши исследовали бы в недалеком будущем этот вопрос, так как я предполагаю, что отодвижением решения

вопроса на один год стороны вряд ли что-нибудь выиграют, так как в течение нескольких месяцев будущего года обследовать 1000 кв. трудно.

Гуревич: Я не возражаю против того, чтобы мы поручили инженерам с обеих сторон ознакомиться, после чего мы вторично поставим вопрос на обсуждение.

Накасато: Я хочу указать, что во втором пункте Протокола Б Пекинского договора написано на английском языке, что полосу в 1000 кв.в. должна выбрать Япония, а потом после Вашего рассмотрения это разрешается. Можно ли так понять?

Гуревич: Я Вас не понял.

Араи: Я еще повторю. По п. 2 Протокола Б написано на английском языке, что 1000 кв. выбирает Япония, а потом Ваше правительство разрешает. Можно ли так понять?

Конисси: Инициатива выбора на нашей стороне. Мы выбираем и Вам представляем на утверждение. В таком смысле мы понимаем.

Гуревич: Тут говорится, что “правительство СССР разрешает японским концернам ...” (читает). Значит, она должна быть выделена советским правительством. Мы принимаем Ваши пожелания, но выделение должно быть произведено советским правительством.

Накасато: Я думаю, что этот пункт следует понимать иначе. Японское правительство тоже не так думает. В договоре написано по-английски to be selected*

Из этого следует, что наши капиталисты должны выбирать. Договор написан на английском языке и по английскому тексту является решающим.

Гуревич: Это английское выражение, которое Вы приводите, имеет тот смысл, что японская сторона представляет свои пожелания в направлении определения тысячеверстной площади, но не может быть такого положения, чтобы сторона, претендующая на концессию, безапелляционно выбирала тот или иной участок. Самый отвод участка – это прерогатива советского правительства.

Накасато: Ваше обследование Сахалина еще не окончено. Между тем у нас в Японии уже проведены долголетние работы по обследованию. Поэтому я считаю, что Вам очень трудно выбирать, а к тому же и по смыслу Пекинского договора видно, что наша сторона, именно Япония, должна выбирать.

Гуревич: Я, конечно, не могу отрицать того, что вследствие хорошо известных Вам причин Вы более в курсе положения неф-

* Должно быть выбрано.

тяных месторождений на Сахалине, чем мы сейчас, и было бы естественным, чтобы не Вы просили о сокращении срока, а мы об удлинении срока. Вы правы в том, что мы за год не успеем сделать того, что сделали Вы за 4 года. И было бы естественно с нашей стороны просить удлинить этот срок если не до 4-х лет, то до 2–3-х лет, чтобы иметь возможность хорошо ознакомиться. Но мы этого не просим, а всецело стоим на точке зрения Пекинского договора. Что касается английского текста Пекинского договора, мы понимаем его следующим образом: вы намечаете те площади, на которых Вы просите предоставить Вам право разведки, советское же правительство окончательно решает вопрос. Да иначе это и быть не может. Ни одно суверенное государство не пойдет на то, чтобы решение вопроса о выделении той или другой площади для работы концессионного предприятия было бы предоставлено этому последнему. Мы думаем, что сумеем в наших обследованиях продвинуться настолько, что сможем с деловой точки зрения дать ответ на Ваши предложения, которые Вы делаете. Ведь если оставить в стороне весь вопрос о Пекинском договоре, я уже об этом несколько раз говорил, мы сами чрезвычайно заинтересованы в Ваших разведках, ибо мы получаем 50% того, что Вы разведаете. А поэтому не в наших интересах тянуть это дело. Если мы сейчас в переговорах не даем Вам решительного ответа, то лишь потому, что мы хотим дать этот ответ с полным знанием вопроса. Нельзя давать ответа тогда, когда у тебя нет достаточно материалов под рукой.

Накасато: Я вполне понял Вас. Конечно, разрешать этот вопрос окончательно будет правительство СССР. Это несомненно. Я прошу Вас, чтобы в ближайшем будущем этот вопрос был рассмотрен Вашими и нашими инженерами, а после этого решался в пленуме.

Гуревич: Я не возражаю против того, чтобы этот вопрос был рассмотрен инженерами, а затем поступил снова на пленум. Разрешите тогда перейти к следующему пункту.

(Араи читает пункт о сроке разведки).

Гуревич: Я думаю, что вопрос о сроке разведки мы будем обсуждать одновременно с объектами разведки. В общем я думаю, что в этом вопросе у нас больших затруднений не будет.

Накасато: Я считаю, что если 1-й пункт по причине неизвестности для Вас может быть отложен, то в отношении 2-го пункта я считаю, что его можно сейчас разрешить, так как он имеет совершенно другой характер.

Гуревич: Я не возражаю, если угодно, то можно сейчас разрешить этот вопрос.

Накасато: Срок определяется по Пекинскому договору ст. 5 до 10 лет. Я прошу сейчас принять 10 лет. При этом необходимо знать, во-первых, что пространство в 1000 верст очень обширно. Далее, там, где уже имеются месторождения нефти обнаруженные, там это легче, но есть места совершенно не исследованные, а там очень трудно работать. Кроме этого, прежде чем начать разведочные работы, необходимо провести подготовительные работы, как-то: устроить дороги, провести рельсы или водные пути и другие работы. Для совершения этого требуется много времени. Это требует расхода в ближайшие же 2–3 года в 600–700 тыс. иен. Если с Вашей стороны будет поставлено требование об уменьшении срока, то мы не можем на это согласиться, для нашего О[бщест]ва будет трудно это сделать. Помимо этого, разведку необходимо научно обосновывать. Если удачно поставить разведку, то тогда можно найти хорошее месторождение нефти и выгода будет для обеих сторон. Даже 10-летний срок нельзя считать достаточным сроком.

Гуревич: Как раз в вопросе о разведках мы заинтересованы в том, чтобы они велись возможно более интенсивно. Чем интенсивнее будут вестись разведки, тем выгоднее это и для нас, и для Вас. Поэтому, поскольку в будущем мы предполагаем в области производственной программы не оставить* Вам никаких особо тяжелых обязательств, в области разведок будем настаивать на интенсивном методе их производства. Конечно, каждая разведка требует вложения денег, но опыт разведочных работ показывает, что чем интенсивнее ведется разведка с самого начала, тем она с точки зрения вложения капитала выгоднее. Выгоднее вложить в интенсивную разведку 500–600 тыс. иен, нежели растянуть эту разведку на большое количество лет и потратить, скажем, даже несколько большую сумму. Поэтому мы думаем, что нужно в этом вопросе также держаться в рамках Пекинского договора и установить сроки разведок, указанные в Пекинском протоколе, то есть от 5–10 лет. Это можно будет установить в зависимости от отдельных месторождений. Скажем, в тех местах, где нефть уже обнаружена, где уже имеются признаки нефти, там само обследование и разведка должны вестись более ускоренным темпом. В тех же местах, где еще никаких обследований не производилось, где мы работаем на чистом листе бумаги, там, очевидно, для разведок придется дать более продолжительный срок.

Накасато: Ваши объяснения вполне удовлетворительны, но, как Вам известно, на Сахалине с осени и до весны нет никаких

* Слово “не оставить” вписано над строкой.

способов сообщения, нет дорог и, кроме того, на воздухе нельзя работать, поэтому обследование на площади в 1000 кв. в течение 5–10 лет чрезвычайно трудно. Я думаю, что 10 лет недостаточно. В этом Ваши инженеры, наверное, с нами согласятся. Можно затратить много денег, многое сделать, но все же времени не хватит. В течение 5–10 лет и с точки зрения технической разведку провести трудно. Вследствие этого я прошу установить срок в 10 лет. Конечно, где будет установлено месторождение нефти, мы сможем работать, но на неизвестных местах мы начать работу не можем. В некоторых местах нам известны антиклинали.

Гуревич: Я хочу указать на то, что Вы сами указывали по первому пункту, что около 500 кв.в. Вами обследованы и что там Вы более или менее уже знаете, что нефть имеется, более или менее ориентируетесь. Эта работа проделана в течение 4–5 лет. Если исходить из арифметического подсчета, то для остающихся 500 верст потребуется еще около 5 лет. Если первые 500 верст были обследованы в течение 4–5 лет, то остальные 500 кв. верст могут быть исследованы также в течение 5 лет. Мы определяем срок от 5 до 10 лет. Те 500 кв. верст, которые исследованы, не нуждаются в 10-летнем сроке. Здесь срок может быть сокращен, но зато там, где Вы начинаете работу сызнова, на чистом поле, где никто никогда еще не производил обследований, там срок понадобится большой.

Накасато: До сих пор в течение 5–6 лет мы произвели только геологические изыскания, а не бурение. Об этом Вам известно. До сих пор истрачено на исследование 10 млн иен. Эти места недалеко от берега, а остальные места придется исследовать с очень большими расходами.

Шлейфер: Мне кажется, что с момента заключения договора положение дела не могло ухудшиться, а наоборот, дело в смысле изучения района должно было только улучшиться, так как в распоряжении Общества был еще летний сезон. Во время заключения Пекинского соглашения был указан срок для разведки от 5 до 10 лет. Это объяснялось тем, что уже и тогда Общество знало, что больше половины площадей оно до некоторой степени изучило и что для введения в действие этих площадей понадобится меньший срок, меньше на 5 лет, то есть на то время, которое было истрачено на изучение этих площадей в годы 1919–1924, когда Общество работало на Сахалине. Зато на остальные 400 верст нужен срок в 10 лет. Таков смысл соглашения, таковы истины, которые диктовали необходимость установления разных сроков от 5 до 10 лет. Было бы правильно, если бы вместо того чтобы предлагать советскому правительству 5-летний срок, а мы, вме-

сто того чтобы предлагать Вам 10-летний срок, пошли бы на установление для разведанных площадей меньшего срока – в 5 лет, а для менее разведанных большего срока – в 10 лет. Это больше соответствовало бы нашему экономическому подходу к делу. Во-вторых, нужно иметь в виду, что если нет достаточно большого капитала, то именно при этом условии тянуть с разведкой не следует. Капитал, вложенный в разведку, – пропащие деньги, если за разведкой не следует эксплуатация. Деньги, вложенные в разведку, должны быть возвращены, тем скорее начнется эксплуатация. Общество заинтересовано в том, чтобы разведка была интенсивна и чтобы сразу за разведкой наступало использование результатов ее, и тогда деньги, вложенные в разведку, можно будет вернуть скорее. Мы же заинтересованы в скором окончании разведки, чтобы эксплуатировать и наши 50%.

В-третьих, надо иметь в виду еще то обстоятельство, что ссылки на незначительный размер капитала не совсем основательны, так как по договору предполагается, что каждый год советское правительство через соответствующие местные органы отводит участок за участком для производства разведки. Наше соглашение, очевидно, предусматривало это, так как мы можем отвести в один год больше, в другой год меньше. Можно пойти на то, чтобы срок разведки был меньше, но зато в первый год следует отводить меньше участков, а затем больше. Тогда отсутствие средств будет восполняться. В первый год, когда средства будут недостаточны, можно будет отвести меньший участок, а в последующее время больший, и тогда эта ссылка отпадет. Если же всех средств будет собрано мало, то можно ограничиться на 1000 кв. верст несколько меньшим количеством. Но я думаю, что Общество не желает уменьшать размер площади и должно перенести центр тяжести в намерение отводов по годам, чтобы правильно сочетать размер отводимой площади с наличием капитала. Вот те соображения, которые нами руководят, когда мы намечаем эти работы. Для разных площадей возможен различный подход в зависимости от их исследованности. Вместе с тем, поскольку время разведки включается в срок концессии, то Общество не заинтересовано в том, чтобы иметь возможность не только разведать, но и максимум взять. Лучше сократить срок разведки, чтобы осталось больше времени для эксплуатации. Таковы наши соображения по данному вопросу.

Накасато: В некоторой части я согласен с Вашим мнением, но в некоторой, к сожалению, не согласен. Конечно, если рано закончить работу по разведке, то это хорошо и выгодно, но очень трудно обследовать эти 1000 верст. Если определение ко-

лодцев и мест бурения совершается быстро, то, конечно, дело идет удачно. С этим я вполне согласен. Я раньше уже сказал насчет 7-ми мест, где тратили громадные капиталы. Например, в течение 5–6 лет пробурено только 30 колодцев, и это на площади в 50–60 кв. верст. На 1000 кв. верст это очень трудно. И для обследования их требуется более 10 лет. Я твердо верю, что в течение 5 или 6 лет невозможно провести обследование на 1000 кв. верст. Я повторяю этим то, что уже сказал.

Гуревич: Чем дольше будут длиться работы разведочного характера, тем короче будет эксплуатационный срок концессии, ибо общий срок определен Пекинским договором. И с этой точки зрения Общество тоже заинтересовано в том, чтобы форсировать разведки. Та формула, которую мы предлагаем, с нашей точки зрения, устраивает и Общество. Я ведь не говорил: 5 лет. Я говорил: 5 лет там, где работа до некоторой степени уже проделана; 10 лет там, где работы не проделаны. Где же работы проделаны в меньшем объеме, я говорил: примерно 7 лет. Точно об этом мы, конечно, сможем условиться. Поэтому я думаю, что та формула, которая нами дается, должна совершенно устроить и японское Общество.

Накасато: Вы вполне правы. Конечно, если потребуются 5 лет на разведки 1000-верстной полосы, тогда остается для работ 45 лет, а если установить на разведки 10 лет, то остается только 40 лет. Конечно, для нас выгоднее как можно скорее кончить это, но очень трудно даже в течение 10 лет совершить обследование на 1000 кв. верст. Кроме того, необходимо иметь в виду издержки, и с технической точки зрения это тоже очень трудно. Откровенно говоря, разведочная работа – это основа нефтяных предприятий. Я честно говорю и не настаиваю упорно на этом, но прошу Вас еще подумать.

Гуревич: Я думаю, что последнее Ваше соображение действительно заставляет подумать над этим вопросом, но я считаю, что у нас здесь больших разногласий не будет, и думаю, что в этом вопросе мы придем к соглашению. Разрешите, таким образом, окончательное разрешение этого вопроса отложить до одного из следующих заседаний после его проработки.

Накасато: Я согласен с Вашим предложением.

Гуревич: Разрешите резюмировать, что стороны согласны в том, что срок разведочных работ входит в общий срок концессии, причем срок самой концессии мы в прошлом заседании не установили. У нас возникло разногласие – Вы предлагали 50 лет, мы 40 лет. Срок концессии мы установим, но во всяком случае срок разведочных работ входит в срок концессии. Вопрос относитель-

но длительности разведочных работ мы подвергнем вторичному обсуждению.

Накасато: Я согласен с Вашей формулировкой.

Гуревич: Разрешите перейти к следующему пункту. У меня есть еще один вопрос. Для нас очень важно, чтобы результаты разведочных работ были бы нанесены на топографическую съемку. Я хотел бы знать, предполагаете ли Вы производить топографические съемки, нанося на карту результаты разведочных работ, и в каком масштабе Вы полагаете производить съемки?

Ямада: Там у нас отмечено: некоторые съемки произведены в масштабе 1 : 50 000, а некоторые в масштабе 1 : 25 000.

Гуревич: 1 : 50 000 или 1 : 5000?

Ямада: Специалисты производили съемки различно: у одних 1 : 50 000, а у других – 1 : 25 000.

Гуревич: Вы говорите о прошлом, а мы говорим о будущем, о тех картах, которые будут созданы в процессе разведки 1000 кв. верст. Собираетесь ли Вы производить топографические работы и в каком масштабе?

Конисси: Значит, Вы хотите знать, что когда мы будем в будущем производить съемки, то в каком масштабе будут составлены карты? Вы об этом говорите?

Гуревич: Да.

Ямада: Мы желаем составлять топографическую карту в масштабе 1 : 5000, но это очень трудно, потому что мы пошлем не одного инженера, а много и каждый имеет свой навык. Как общее правило, мы думаем, что масштаб будет 1 : 5000, но придется допускать исключения.

Гуревич: Для нас это важный вопрос, и я просил бы, чтобы он был подвергнут обсуждению в комиссии инженеров и чтобы там он был сформулирован.

Ватанабэ: Я прошу Вас ответить на следующий вопрос. Я слышал Ваши объяснения относительно 1000-верстного района, и здесь для меня есть некоторые неясности. Желательно было бы получить от Вас ответ. Вами было сказано относительно топографического обследования и вместе с тем о разведках и обследовании в отношении нефти, но если в некоторых случаях разведочные работы дадут определенный результат, то можно ли в этом случае прямо в зависимости от этого обследования получать разрешение на этот или иной нефтеносный район или же должно вместе с тем бурить скважину, чтобы убедиться, действительно ли в недрах имеется запас нефти? Если может быть принята первая форма, тогда некоторые места и без такого основательного обследования можно было бы прямо отводить под

эксплуатацию, а некоторые только после подробного обследования, после производства топографической съемки и бурения. Наш представитель сейчас изложил, что для обследования нужно много времени, и поэтому такой упрощенный порядок весьма полезен и для Вас, и для нас. Поэтому нам желательно, чтобы Вы ответили, разделяете ли Вы наше мнение?

Мусатов: В отношении нефтяных концессий Пекинский протокол имеет 2 параграфа. В первом параграфе говорится о концессии эксплуатационного характера. Здесь все ясно, это те 8 месторождений, которые перечислены в меморандуме от 29 августа 1924 г. Эти месторождения обследованы, являются объектом эксплуатационной концессии, причем 50% площади поступают в концессию, а 50% передаются в распоряжение сов[етского] правительства.

Вопрос о разведке предусмотрен следующим параграфом Протокола Б § 2-й. Здесь идет речь о разведочной концессии, то есть о такой концессии, которая может стать эксплуатационной лишь в результате разведочных работ, которые произведет японское Общество. Нам казалось очевидным, что этот параграф должен покрыть такие площади, которые еще не разведаны.

Если бы мы были уверены, что некоторые площади определенно содержат нефть, то они не попадают под действие п. 2, ибо для этих площадей не требовалось бы никакой разведки, никаких работ. Совершенно ясно, что обе стороны п[араграфо]м 2 предусматривали площади, которые недостаточно обследованы и которые требуют дальнейшей разведки. Объяснения г. Накасато сводились к тому, что 10 лет для разведки не хватит. Очевидно, что на побережье имеются нетронутые разведкой площади, которые в результате работ в тот срок, который будет установлен сторонами, будут определены, являются ли они интересными для эксплуатации или нет. Если они не являются интересными, то Общество от них откажется. В том же случае, если на площадях будут обнаружены значительные запасы нефти, годные для промышленных целей, то эти месторождения, согласно Пекинской конвенции, делятся пополам – 50% передается японскому О[бществу] для эксплуатации, а 50% остается нам.

Вопрос, можем ли мы теперь же передать какие-нибудь из разведочных площадей в качестве отвода под эксплуатацию, должен быть решен отрицательно. Таких площадей мы предоставлять по § 2 конвенции не имеем в виду. Если бы такие площади имелись бы налицо, то они подошли бы под пункт 1-й протокола, а не под п. 2-й.

Накасато: Мы как будто бы поняли сущность того, что Вы сказали. Все же разрешите спросить, как Вы понимаете, когда 50% месторождений нефти должно быть предоставлено нам, а 50% останется за сов[етским] правительством, то есть иными словами, когда производится этот раздел – после разведки вместе с геологическим исследованием или если одно геологическое обследование ясно покажет, что недра имеют запасы нефти, то немедленно может быть предоставлена эксплуатационная концессия? Так ли мы Вас поняли?

Гуревич: Я Вас понял. Вы говорите: если одно геологическое исследование покажет, что в недрах есть нефть, то надо ли производить бурение или сразу дается отвод?

Конисси: Да, да.

Гуревич: Дело в том, что геологическое исследование решает лишь вопрос о том, есть ли нефть или нет нефти в данном месте. Но наличие нефти не решает вопроса о промышленном характере этой нефти. Ведь нефть может быть в таком количестве, что производство в данном районе будет невыгодным. Этот вопрос о количестве нефти решает не геологическое обследование, а бурение. Ведь в данном случае мы сдаем концессию не научного характера. Идет вопрос не о том, где есть и где нет нефти, а вопрос идет о том, где стоит работать и где не стоит работать. А этот вопрос решается бурением. Поэтому мы считаем, что разведка 1000-верстной полосы дается с условием производства как геологических, так и разведочных – буровых работ.

Конисси: Теперь ясно.

Гуревич: Сейчас уже 10 часов. Закроем ли наше заседание или будем продолжать?

Накасато: Сегодня у нас вопросы как раз технические, но если с Вашей стороны нет возражений, то мы просим обсудить еще один пункт.

Гуревич: Пожалуйста.

Накасато: Этот пункт касается участков, оставленных за правительством СССР.

(Переводчик читает этот пункт).

Гуревич: По этому вопросу я должен сказать, что он урегулирован § 1 Протокола Б Пекинского соглашения. Там указывается, что если правительство будет сдавать в концессию оставленные за ним участки, то тогда японскому Обществу будут предоставлены равные права на получение этой концессии. Вы же ставите вопрос, очевидно, не о том случае, если это будет сдано в концессию, а о том случае, если правительство само пожелает работать. Но если оно само будет работать, то, конечно,

оно никому поручать этого не будет, а само будет производить эти работы.

Накасато: Этот вопрос пункта “си” не касается концессионного контракта, но если советское правительство будет сдавать третьим лицам подряд, то я прошу, чтобы этот подряд был бы сдан нашему Обществу, так как у нас будут иметься водопроводы, водосточные сооружения, электропроводка, рельсы и т.д. и всем этим можно воспользоваться. С этой точки зрения для русского правительства гораздо более экономично передать это нам, чем вести работы самостоятельно. Кроме того, можно будет воспользоваться теми людьми и материалами, которые у нас имеются. Поэтому мы и выдвигаем этот пункт.

Гуревич: Этот вопрос непосредственно к концессионным переговорам никакого отношения не имеет. В отношении прав японского Общества на концессию (если советское правительство захотело бы сдавать эти участки в концессию) оговорено в § 7 Протокола Б. Что касается подрядов, то мы сейчас этот вопрос не поднимаем, и я думаю, что не стоит его сейчас здесь обсуждать.

Больше вопросов нет?

Конисси: Нет.

Гуревич: Следующее заседание у нас должно быть по порядку в среду. Но, насколько мне известно, у г. Танаки в эту среду банкет. Будете ли Вы свободны или нет?

Накасато: Я буду, наверно, приглашен послом, но только я один. Если Вы будете свободны, то я полагаю заседание устроить в среду.

Гуревич: Разрешите сегодня вопрос оставить открытым, а завтра по телефону мы Вам сообщим о том, назначается ли заседание на 7 часов в среду или в пятницу.

Накасато: Если в среду нельзя будет открыть общее заседание, то нельзя ли будет назначить совещание между Вашими и нашими инженерами? Я хотел бы, чтобы этот перерыв был использован инженерами для проработки вопроса.

Гуревич: Я с Вами вполне согласен. Я думаю, что там придется обсудить не только тот вопрос, который сегодня выплыл, но передать туда и вопрос о производственной программе, который фигурирует у нас в следующем пункте. Это технический вопрос, который я также предлагаю передать инженерам. Они смогут этот вопрос подработать, и мы на следующем заседании будем иметь тогда мнение по этому вопросу. Я поручил г-ну Мусатову создать в среду эту комиссию, и она сможет начать со среды свою работу.

Накасато: Я вполне согласен. Я спрашиваю, что, когда все переговоры будут закончены, можно будет еще раз здесь пересмотреть вопрос о подрядах?

Гуревич: Тогда можно будет об этом поговорить. Разрешите на этом закрыть заседание.

Секретарь комиссии ГКК В. Зубкова

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1005. Л. 48–58об. Подлинник.

¹ Ямада – технический эксперт японской делегации.

№ 212

*Письмо заместителя председателя Главконцесскома СССР
А.А. Иоффе в Политбюро ЦК РКП(б) о ходе переговоров
с японскими концессионерами**

026/с

25 августа 1925 г.
Москва

Переговоры с японскими делегациями начались 14.08 с.г., когда было устроено общее заседание с представителями как углепромышленников, так и нефтепромышленников. С нашей стороны комиссия под моим председательством состоит из членов ГКК т.т. Гуревича и Шлейфера и ответственных представителей от НКИД, НКВТ, РВС, НКПС, НКЗ, ВЦСПС, НКФ, ВСНХ и Дальэосо.

Первое пленарное заседание было торжественным, на котором лишь обменялись приветствиями и установили порядок работ. Решили вести отдельные заседания с нефтепромышленниками. С первыми – углепромышленниками было 3 заседания, со вторыми – нефтепромышленниками – 2 заседания.

Согласно моим предварительным переговорам с японскими представителями, они представили нам к началу переговоров свои пожелания, на базе которых мы и вели с ними переговоры. Так как вначале была директива НКИД о затягивании переговоров до приезда представителей Стахеева и нашей комиссии, обследующей Сахалин, то на первых двух заседаниях по углю и на одном заседании по нефти переговоры хотя и велись в деловом тоне, но больше были посвящены выяснению взаимных точек зрения, без заявления** каких-либо конкретных обязательств с нашей стороны. После совещания в НКИД решено было, что дальнейшая за-

* Штамп: Прот[окол] ПБ № 17, п. 1-к.

** Слово “заявления” вписано вместо зачеркнутого “указания”.

тяжка по всем вопросам, за исключением вопросов об объектах концессии, то есть самих концессионных территориях, не имеет смысла, и два последних заседания были проведены более конкретно. На сегодняшнем заседании с представителями японских углепромышленников мы закончили обсуждение всех их пожеланий и постановили, что с понедельника, 31 августа с.г., приступаем уже к редактированию отдельных статей будущего концессионного договора. Разногласия с углепромышленниками незначительны, и, по-видимому с ними возможно будет скоро покончить. Самым спорным вопросом с ними остается вопрос об отводах угольных площадей (тут они запрашивают). Кроме того, как указано, этот вопрос НКВД именно и считает необходимым затянуть. С представителями нефтепромышленников наиболее решающее заседание будет в пятницу. Но и тут мы намерены уже вполне определенно и решительно выявить нашу точку зрения, не отступая в общем и целом от типовых концессионных договоров.

Опасности, что переговоры могут затянуться до самого предельного срока (15 октября с.г.) и японцы нас тогда припрут к стенке, по моему мнению, при нынешней ситуации не существует.

С коммунистическим приветом

А. Иоффе

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1001. Л. 65-66. Подлинник.

№ 213

*Стенограмма заседания комиссии Главконцесскома СССР
и представителей японских угольных компаний
об условиях выделения лесных участков и перевозки угля*

25 августа 1925 г.

Присутствовали:

Со стороны комиссии ГKK:

Председатель комиссии г. Иоффе, член комиссии г. Гуревич, экспертиза: гг. Бонч-Осмоловский, Богатин, Волкович, Галузин, Колесников¹, Лютовский, Мусатов, Никитин, Орловский, Степухович², Ходоровский, Чернобаев, Янковский, Япольский³, эксперт-переводчик г. Конрад, секретари гг. Зубкова, Гальперин, Сухоплюев

Со стороны японской делегации:

Председатель г. Окумура, советники: гг. Т. Каваками, И. Танака, Ю. Сато, К. Икеда, эксперты: гг. И. Като, Я. Исихара, секретарь и переводчик г. Яманоути, клерк г. С. Перминов.

Председательствовал г. Иоффе

Иоффе: Прежде чем перейти к дальнейшему чтению предложений японской стороны, я хотел бы напомнить, что было решено, что протоколы, которые будут составляться по заседаниям, будут подписываться председательствующими с обеих сторон. Протокол № 1 был уже Вам вручен. Может быть, можно было бы сейчас обменяться этим протоколом.

(Конрад переводит слова г. Иоффе).

Яmanoути: Я думал, что Вы будете переводить с японского языка на русский.

Конрад: На первый раз разрешите мне переводить с русского языка на японский.

Окумура: На прошлом заседании я получил протокол № 1. По-русски я совершенно не понимаю, и поэтому я через переводчика знакомился с содержанием протокола, при таком способе иногда не все ясно. Поэтому я просил бы Вас переводить протоколы на английский или японский язык. Если в английском или японском переводе не будет ошибок, тогда Вы его подпишете, дадите нам, и для меня будет удобнее проверить.

Иоффе: По-японски, к сожалению, мы не понимаем, и по-японски нам будет трудно подписывать.

Окумура: Тогда на английском языке.

Иоффе: Да ведь у Вас хорошо знают русский язык мистер Каваками, Яmanoути. Содержание может быть хорошо известно.

Окумура: На всякий случай я хочу иметь перевод на английском языке.

Иоффе: Хотя перевод на английский язык и создал бы нам некоторую лишнюю работу, но мы могли бы это сделать. Должен сказать, что при таком методе затруднение для Вас состояло бы в том, что договор все равно должен быть подписан в русском тексте. Такова наша концессионная практика, и ГКК не имеет права заключать договоры ни на каком языке, кроме русского. Я предвижу здесь опасность. Если протокол будет писаться на английском языке, то что же будет с договором, который обязательно должен быть написан по-русски?

Окумура: Я понимаю, что подлинный договор мы должны подписать на русском языке, но на первом пленарном заседании я просил Вас, чтобы договор был составлен на английском языке. На это Вы дали Ваше согласие. В настоящее время при ведении переговоров я хочу знать, что делать дальше, каким образом вести переговоры. По этому поводу я и прошу Вас помимо русского текста составить протокол на английском языке.

Иоффе: Тогда можно сделать так, как мы решили по отношению самого договора. Мы будем Вам представлять английский

перевод протокола, а подписывать попросим все-таки русский текст, точно так же, как подписываться будет русский текст договора, мы же дадим Вам его английский перевод.

Яманоути: Значит, Вы сделаете сами перевод на английский язык?

Иоффе: Да, но при разногласиях по тексту действительным будет русский текст, и подписывать Вы будете русский текст.

Окумура: Если Вы так сделаете, то это будет для нас очень удобно.

Иоффе: Тогда мы Вам представим перевод на английский язык тех 3-х протоколов, которые уже имеются на русском языке.

Окумура: Я хочу спросить следующее. В протоколе № 1 написано: “Рассмотрение объектов концессии по каждому Обществу отложить до представления японской делегацией указанных выше карт”. Здесь надо было бы сказать не “объектов”, а “объема”

Гуревич: Объектом называются самые отводы, самые площади концессии. Надо различать объект и субъект концессии.

Иоффе: На прошлом заседании были обсуждены пункты 1, 2, 3, 4, и, по-видимому, серьезных разногласий по ним не было.

Переходим к пункту 5-му. Разрешите, я буду читать по-русски Ваши пожелания. (Читает п. 5-й “дезидерата”.)

Мы предполагаем, что здесь речь идет о паспортных формальностях и о тому подобных чисто технических моментах, и с этой точки зрения мы готовы пойти навстречу этому пожеланию и по возможности упростить существующие формальности.

Окумура: Относительно выезда и въезда служащих и рабочих я должен высказать следующее мнение. Главные служащие, когда они въезжают или уезжают, всегда имеют время, чтобы оформить паспортные формальности, но рабочие, которые уезжают на Сахалин главным образом летом и которые собираются в Японии с разных мест, они, например, не смогут соблюсти формальности в виде визы и проч. в Хакодате. Команды пароходов находятся в таком же положении. Каждая команда не может являться в советское консульство и получать визы. Если это нужно будет обязательно делать, то будут созданы препятствия. Поэтому если Вы можете уменьшить формальности относительно въезда на Сахалин и выезда с него, то у нас есть по этому поводу выработанный план.

Иоффе: Пожалуйста, какой это план? Как Вы себе представляете это?

Окумура: В настоящее время каждое лето на Камчатку отправляется много японских рыбаков, которые в данное время не заходят в Хакодате или в другие места, где есть советское кон-

сульство. Они составляют списки и по спискам получают визы. Если возможно, такой же порядок я прошу установить и для рабочих, едущих на Сахалин. В отношении служащих я прошу, чтобы они в виде исключения получали визы в Вашем консульстве в Хакодате без запроса центра.

Иоффе: Я думаю, что последнее, то есть право нашему консулу в Хакодате с разрешения посла в Токио, не запрашивая Москву, выдавать визы можно будет, вероятно, предоставить и эту Вашу просьбу удовлетворить. Что касается команд, то я себе представляю, что это будет так, как это было в мою бытность в Токио, когда я давал коллективные визы. Так это может быть и сейчас. Для рабочих и служащих, поскольку они будут переезжать целыми артелями, это возможно с некоторыми ограничениями, ибо это лишит их свободы передвижения. Раз они по коллективной визе въедут, то они должны и выехать по коллективной визе. Когда мы имели дело с рыбопромышленниками, то это было ясно, потому что они на одном и том же пароходе приезжали и выезжали, но по отношению к рабочим, которые сойдут на берег и разобьются, вероятно, на ряд групп, это может быть неудобно. Во всяком случае как принцип такой порядок можно себе представить. Не ясно, что по возвращении назад будет требоваться, чтобы та же группа, которая сошла на берег в Сахалине, полностью бы и возвратилась. Значит, тут уже Вам самим нужно будет следить за тем, чтобы не вышло неудобств из-за таких виз.

Окумура: Я хорошо понимаю, что Вы говорите. Может встретиться неудобство в отношении рабочих, когда они приедут на Сахалин целой группой по коллективной визе, а уезжать с Сахалина будут отдельно. В таком случае, конечно, будет очень неудобно. Но, например, рабочие для погрузки парохода всегда нужны в ограниченном количестве. До сих пор мы отправляли таких рабочих из Нагасаки* Киу-Сюу (это южная часть Японии). Эти рабочие приезжают и уезжают всегда на одном и том же пароходе. В таких случаях я прошу сделать некоторое исключение из общих правил.

Иоффе: Я думаю, что в этом случае можно будет сделать исключение.

Окумура: Как Вы думаете относительно формальностей по въезду и выезду, нужно ли представить Вам наши общие соображения в письменном виде?

Иоффе: Я думаю, что достаточно будет, если мы укажем в договоре, что необходимые формальности для въезда и выезда

* Слово "Нагасаки" вписано над строкой.

как судовых команд, так и специально прикрепленных к данным судам рабочих будут облегчены, а с нашей стороны будут даны распоряжения нашему послу и консулу в Хакодате именно в таком роде, как мы здесь детально договоримся. Что касается самих деталей, то их вносить в договор, по-моему, не имеет смысла.

Окумура: Если Вы согласитесь на это, то, конечно, не о чем говорить, я и не думаю вносить это в договор*. Я говорю об этом в предвидении возможности каких-нибудь недоразумений. Поэтому я предлагаю, если Вы разрешите, я представлю Вам наши пожелания, которые выработаны нами относительно формальностей по въезду и выезду.

Иоффе: Пожалуйста. Я против этого не возражаю.

Этот вопрос будем считать законченным. По этому пункту, значит, полное соглашение. Следующий пункт 6-й гласит следующее: (читает п. 6-й “дезидерата”).

Мы полагаем, что концессионер имеет право пользоваться лесом, произрастающим на территории отведенного ему участка, поскольку это необходимо для нужд предприятия, но не для продажи. Причем должны соблюдаться, конечно, все правила для ведения лесного хозяйства, установленные нашим Народным комиссариатом земледелия. Лес не должен расхищаться, и затем должна уплачиваться поденная плата по действующим у нас таксам. Надо сказать, что это само по себе является уже с нашей стороны очень большой уступкой, потому что по нашему законодательству лес отпускается с торгов, а не по определенным таксам. Затем мы полагаем, что если для нужд предприятия не хватит леса на территории отвода, то вне его концессионер тоже сможет получить лес, но уже по соглашению с местными правительственными органами, и таким путем предприятию будут отводиться определенные лесосеки согласно действующему у нас на этот счет законодательству. Мы также подчеркиваем, что правительство наше приложит все старания к тому, чтобы количество этого леса путем отвода таких лесосек было бы вполне достаточно для потребности предприятия.

Вместе с тем я хотел бы указать, что те условия, на которых будет сдаваться лес, должны будут пересматриваться каждые 5 лет.

Вот таковы те максимальные уступки, на которые в этом вопросе мы можем пойти навстречу пожеланиям японских представителей.

* Слова “я и думаю... договор” вписаны над строкой.

Окумура: Не можете ли Вы сказать, в каком размере взывается попенный сбор при рубке леса?

Вы указали, что каждые 5 лет условия будут пересматриваться. Значит ли это, что нужно снова заключать договор?

(Конрад повторяет слова г. Иоффе).

Окумура: Нельзя ли указать, в каком размере взимается попенный сбор?

Лютковский: Действующие теперь в С[еверном] Сахалине таксы были установлены в довоенное время. В силу ряда общих причин они за последние 10 лет не пересматривались. Обычно таксы пересматриваются и повышаются в зависимости от объективных условий, улучшающих или ухудшающих условия продажи леса. Довоенные таксы, действующие и в настоящее время, выражаются в 1–2,5 коп. за куб. фут. Это в зависимости от породы. Наиболее ценными породами признаются кедр, сосна, бакат, орешник и некоторые другие редко встречающиеся на Сахалине породы. Они расцениваются до 2,5 коп. за куб. фут.

Следующее место занимает лиственница, ель и пихта, которые расцениваются от 1 до 2 коп. за куб. фут в зависимости от размера дерева: мелкие деревья дешевле, более крупные по более высокой ставке.

Следующая группа – дуб, ясень, ива – от 0,8 за мелкий до 1,8 за крупный лес.

Все остальные мягкие лиственные породы расцениваются от 0,5 до 1,3 коп. за куб. фут. Вот существующие таксы на так называемый деловой лес, то есть на древесину лучшего качества.

Дрова расцениваются от 50 коп. до 1 р. 50 коп. за куб. саж. в зависимости от породы. Наиболее дорогие дрова – лиственница, береза, дуб, ясень – 1 р. 50 к., наиболее дешевые – осина, липа и другие мягкие лиственные породы – 50 к. Среднее место занимают дрова – ель, пихта и кедр, которые расцениваются по 1 р. за куб. сажень.

Вот существующие таксы на дрова.

Окумура: Относительно леса у нас есть два желания. Прежде всего нужно считаться с тем, в чем нуждается предприятие для оборудования шахт, то есть лес для стоек, крепления и проч. технические лесные материалы. Эти материалы мы предполагаем получить бесплатно*.

Во-вторых, леса бывает недостаточно. Поэтому всегда сохраняется лес для нужд рудников, предварительно указывается, где можно получить лес, который никто не тронет.

* Фраза вписана над строкой.

Иоффе: Так и имеется в виду. Ежегодно будут отводиться лесосеки, заготавливать в которых, кроме концессионного предприятия, никому разрешено не будет.

Что касается первого вопроса, то здесь я очень удивлен. Я думал, что наши уступки идут так далеко, что я услышу одно лишь спасибо, но вместо этого слышу еще одно требование. Таксовая стоимость леса – это довоенная плата за лес, по которой, вообще говоря, лес на территории СССР никому не отпускается. Порядок отпуска леса по таксам, а не с торгов существует лишь в отношении трудового населения. Даже наши госпредприятия и те вынуждены получать лес с торгов.

Мы Вам предоставляем льготы, которых вообще никому не даем. Казалось бы, этого достаточно.

Окумура: Я должен поблагодарить Вас за Вашу любезность, которую Вы проявили, но, принимая во внимание наше предприятие, я должен еще раз подумать об этом. Но имейте в виду, что лес, в котором нуждаются наши рудники, например стойки и крепезный лес, потребуется в большом количестве. Существует, конечно, большая разница: если предприятию требуется небольшое количество леса, то можно взимать плату за лес. В данном же случае, если я должен уплачивать попенный сбор, то это изменяет коренным образом наши планы. Поэтому разрешите еще раз подумать.

Иоффе: Думать, конечно, можно, но это есть предел того, на что мы можем согласиться.

Окумура: Можно ли сейчас вести переговоры с Вами относительно площади или лесных районов?

Иоффе: Я не понимаю.

Конрад: Г-н Окумура спрашивает, может ли он сейчас вести переговоры относительно того, какие районы будут предоставлены.

Иоффе: Мы указали, что эти районы должны быть по соглашению с местными властями установлены, причем лесосеки отводятся ежегодно.

Гуревич: Я хотел вернуться к вопросу о попенной плате. Тут уже несколько раз указывалось на то, что максимум уступок, на которые может рассчитывать японское Общество, заключается в том, что оно будет приравнено к нашим государственным предприятиям. Наши государственные предприятия не только уплачивают попенную плату, но должны помимо этого получать лесосеки с торгов, то есть для них существует не одна на долгий период установленная такса, а торги. Торги каждый раз могут дать ту или другую торговую наддачу, так что государственные пред-

приятия обычно оплачивают отводимый им лес по цене выше той таксы, которая здесь оглашалась. Если бы мы предоставили японскому Обществу лес бесплатно, то тогда оно оказалось бы в значительно более благоприятных условиях, чем наши государственные предприятия, ибо Вы сами правильно сказали, что стоимость леса в деле добычи угля играет значительную роль. Те таксы, которые были оглашены, – это таксы 1913 г., и по ним отпускали лес тем углепромышленникам, которые работали на Сахалине до 1913 г. Несмотря на то что они платили за лес по этой таксе, мы с Вами в прошлый раз констатировали, что до 1913 г. сахалинский уголь был одним из самых дешевых углей. Кроме того, насколько нам известно, японское командование с угольных предприятий за отводимый им лес попенную плату взимало. Следовательно, вопрос о том, что попенная плата должна уплачиваться, очевиден и даже со стороны японского правительства никакому сомнению не подвергался.

Затем нельзя рассматривать, как Вы говорите, отводы леса и разработку угля как одну и ту же концессию. Я с Вами совершенно согласен, что нельзя добывать угля, не имея леса, но не согласен с тем, что нельзя добывать угля, не имея бесплатного леса. Если бы Вы ставили вопрос о том, что мы должны гарантировать Вам то или другое количество леса, то это было бы правильно, но когда Вы говорите о бесплатном лесе, то я должен сказать, что таких угольных предприятий, которые работали бы на бесплатном лесе, не знаю. Да и Вы, наверное, не можете указать такие предприятия, ибо уголь в таком случае был бы гораздо дешевле, чем он стоит сейчас. С этой точки зрения Ваше требование совершенно непонятно. Как можно говорить о бесплатном отводе леса? Ведь точно так же можно было бы сказать, что если в угле найдутся бриллианты, то они должны быть предоставлены бесплатно, потому что они имеют связь с добычей угля. Я думаю, что сделанные Вам вначале уступки являются максимальными уступками и они не расходятся с общим нашим принципом, который заключается в том, что мы приравниваем концессионные предприятия к нашим государственным предприятиям, а в данном случае мы даем им даже преимущество перед нашими государственными предприятиями.

Что касается отводов, то дело обстоит таким образом, что тот лес, который имеется у Вас на отводах, предоставляется Вам вырубать вне зависимости от лесоустроительных работ, но с уплатой попенной платы. Лес же, который Вы хотите получить вне отводов, Вы должны получить в качестве лесосек, которые у нас определяются каждый год. Соглашение на это должно быть

заключено с местными земельными органами, которые после выделения определенных годовичных лесосек предоставляют их Вам в отличие от государственных предприятий не с торгов, а по твердой таксе, которая здесь уже оглашалась. Кроме того, я должен указать, что такса 1913 г. построена, исходя из мировых цен на лес. Между тем Вы знаете, что мировая цена на стандарт леса в 1913 г. была 70–80 руб. Соответственно этой цене была и попенная плата. Между тем цена на лес в 1924–25 гг., являющаяся минимальной по сравнению с последними годами, – около 100 руб. за стандарт. То есть, другими словами, такса 1913 г. по сравнению со стоимостью леса сегодня является значительно преуменьшенной.

Яманоути: Что Вы подразумеваете под стандартом?

Гуревич: Это – английская мера, равная 165 куб. фут. Я говорил о стандарте как о примере. Вас интересует не стандарт, а крепезный лес, но в соответствии с ценой на стандарт находится цена и на этот последний лес.

Окумура: Я хорошо понял, что Вы объяснили. Мы за время оккупации уплачивали за лес, в котором нуждались для рудников, минимальные ничтожные деньги.

Иоффе: Вы покупали чужой лес.

Окумура: Я должен еще Вам объяснить, что нельзя считать, что весь лес годится для нужд предприятия. Например, крупный лес совершенно не годится. Надо найти подходящий размер леса. Таким образом, еще раз повторяю, что мы до сих пор платили не за породы, а просто за всякий лес по одному сену за куб. фут. Должен сказать Вам, что наши требования не преувеличены. Как мы уже неоднократно объясняли, наше будущее предприятие очень трудное, нужно уплачивать доленое отчисление и др. Таким образом, нам придется нести тяжелые расходы. Если так, то нет коммерческой выгоды. Мы еще раз просим принять по возможности для нас облегчения. Конечно, для постройки домов или пристаней мы о лесе говорить не будем, а только относительно материалов, в которых нуждается предприятие.

Иоффе: По существу разъяснение, которое сейчас сделано, только подтверждает и доказывает, что наши требования минимальны, потому что один сен за куб. фут – это та же копейка, и мы также говорим о цене от копейки до 2,5 коп., причем последнее – ставка за орешник и др[угие] ценные породы. Крепить орехом никто Вас не заставляет, крепите дешевым лесом, который стоит 1 коп. Военное командование с Вас за наш русский лес, за чужой лес брало столько же, сколько мы хотим брать за свой лес. Мы очень добродушны (смех).

Окумура: Об этом вопросе мы еще подумаем и дадим вам объяснения.

Иоффе: (читает пункт 7-й “дезидерата”).

Мы здесь идем навстречу и эти пожелания удовлетворяем.

Мы указываем, что концессионеру предоставляется право использовать воду, водную энергию рек и источников на территории, предоставленной концессионеру, безвозмездно, для чего концессионер вправе сооружать различные устройства, но здесь мы ставим естественные ограничения. Первое: не должны нарушаться интересы смежных участков, соседние участки, которые не принадлежат концессионеру, не должны пострадать от того, что он заберет всю воду.

Второе: через свой участок концессионер должен разрешить проведение канав, водоотливных штолен и других устройств для спуска и проведения воды с соседних участков, которые или остаются за правительством, или могут быть правительством предоставлены в разработку другим лицам.

Третье: вода, которая нужна для общего пользования, не должна загрязняться.

Точно так же в отношении к использованию поверхности земли возражений с нашей стороны нет. На территории своих участков концессионер имеет право добывать для постройки сооружений общераспространенные ископаемые – глину, песок, камень, огнеупорные материалы, известь, поскольку эти ископаемые необходимы ему для нужд предприятия. Само собой разумеется, что говорится об общераспространенных ископаемых, то есть, иными словами, если будут найдены алмазы, то они сюда не подходят... (смех).

Пользование водой вне территории своих участков тоже допускается для концессионера, но по соглашению с местными властями, точно также использование общераспространенных ископаемых вне пределов своих участков разрешается на основании общего законодательства, то есть при получении разрешительного свидетельства от начальника горного округа Сахалина. Это – на основании общего закона. Как видите, по этому пункту в целом мы удовлетворяем Ваше желание.

Окумура: Я хорошо понял, что Вы объяснили. Конечно, мы не нарушим добрососедских отношений, но может быть такой случай, что вот у нас плавают катера в порте Александровске, и в случае бури, может быть, придется воспользоваться причалом, который там есть. Если Вы в этом случае потребуете соблюдения каких-либо формальностей, то это будет для нас неудобно.

Иоффе: Это само собой разумеется.

Значит, и этот пункт будем считать разрешенным к обоюдному удовлетворению.

Следующий пункт 8а. Конечно, здесь не имеются в виду те причалы, о которых говорилось раньше. Что касается постройки новых портов и гаваней или переустройства существующих, то это должно производиться концессионером по согласованию этого вопроса с правительством Союза. Необходимо иметь при этом в виду, что все гавани и пристани, как существовавшие раньше, так и вновь построенные концессионером, должны находиться в управлении нашего Комиссариата путей сообщения.

Окумура: Может быть, здесь неточно подобраны слова, и поэтому произошло небольшое недоразумение. Конечно, на постройку портов мы должны получить разрешение от Ваших властей, и это есть Ваше предприятие. Но здесь говорится о постройке очень небольших сооружений, о маленьких баржах, о маленьких причалах, куда можно пристать в бурную погоду.

Иоффе: О причалах, я думаю, не может быть и речи. Мы поняли этот пункт так, что здесь имеется в виду постройка где-нибудь на Сахалине больших гавани или порта.

Окумура: Мы этого не думали сказать.

Иоффе: Так что Вы не имеете в виду строить какой-нибудь порт на Сахалине?

Окумура: Если ваше предприятие пойдет успешно и если в будущие годы с Сахалина будет вывозиться 3–5 млн тонн угля ежегодно, то, конечно, нужно будет построить порт или гавань, но сейчас я боюсь что-нибудь определенное сказать об этом. Сейчас еще нельзя установить план, что будем строить. Если создадутся условия, что с Сахалина вывоз будет в размере 3–5 млн тонн, то будут иметься все предпосылки для постройки порта на Сахалине. В последнем случае в Александровске увеличится население до 50 000–100 000 жителей, и Вам самим придется думать о сооружении порта.

Иоффе: Сооружение порта мы сдадим Вам в концессию (общий смех). Таким образом, и этот пункт также не вызывает сомнений.

Следующий пункт о телефонной связи между копиями и между копиями и административным центром предприятия.

Поскольку концессионер пожелает иметь телефонные линии в пределах своего концессионного участка, право пользоваться и распоряжаться ими по его усмотрению ему предоставляется, но в случае желанья концессионера соединить телефонными линиями его предприятия с гор. Александровском или с другими пунктами на острове Сахалине, такое право может быть ему предоставлено с условием, что постройка таких линий и эксплуатация их бу-

дет произведена во всем согласно правилам и нормам нашего Комиссариата почт и телеграфа и под контролем местных органов. Кроме того, концессионер обязуется построенные им телефонные сооружения предоставлять в пользование почтово-телеграфного ведомства и административным органам на С[еверном] Сахалине. Порядок такого пользования устанавливается по соглашению между концессионером и местными властями. По окончании срока концессии, само собой разумеется, все эти сооружения, так же как и все имущество концессии, переходят в собственность правительства.

Окумура: Мы не думаем, конечно, иметь сообщение между копиями и другими местами Сахалина. Мы думаем иметь сообщение между копиями и конторами, которые, например, могут находиться в Александровске. Или, например, думаем иметь телефонное сообщение между участками концессий, не близко расположенными друг от друга, хотя в этом случае телефонные линии пройдут вне участка концессии.

Иоффе: Все равно, поскольку телефонная линия будет проходить на территории концессии, это – Ваше дело и здесь со стороны администрации вмешательства не будет. Но, поскольку линия будет выходить за пределы участка концессии, мы против этого также не возражаем, и это Вам будет разрешено. Сооружение и эксплуатация ее должны быть под нашим административным управлением, хотя бы линия была сооружена для Вашего пользования. Скажем, если бы посольство в Москве, имея дом на Софийской набережной, пожелало бы соединиться с консульством, находящимся в другой части города, прямым проводом, естественно, что он попал бы под наше административное управление. Так и здесь: разрешение будет дано, но наше административное управление, контроль за этими проводами, поскольку они вышли за пределы Вашей концессионной территории, должны быть.

Имеется еще следующее разъяснение. Вам ведь и не нужно за пределами Вашего концессионного участка строить эти линии. В г. Александровске телефонное сообщение имеется. Значит, Вы должны будете только включиться в эту телефонную линию, то есть в уже существующую нашу государственную телефонную линию. Если же Вы пожелаете строить отдельную линию, то Вы должны ее строить только по соглашению с нашим ведомством почт и телеграфов.

Окумура: Я еще раз объясню. До сих пор была линия между Рогатым и Дуэ. В таком случае из Дуэ мы всегда сообщались через Михайловский. Часть линии находится вне участков копий.

В настоящее время там нет прямого телефонного сообщения, а имеются только построенные нами линии. Конечно, мы подчиняемся Вашему контролю, но если линия не будет разрешена, тогда нам для предприятия будет очень неудобно.

Иоффе: О запрещении проводки линии вне территории концессии мы не говорим. Это будет разрешено. Но тот участок линии, который находится на нашей государственной территории, то есть на участке, не переданном концессионеру, должен эксплуатироваться по соглашению с нашим Народным комиссариатом почт и телеграфа.

Окумура: Я понял, что на эксплуатацию такого участка нужно иметь разрешение и что этот участок будет находиться под Вашим контролем.

Конрад: Г-н Окумура говорит, что это есть обычные условия, которые им принимаются.

Иоффе: По следующему пункту 8 ц относительно беспошлинного использования гаваней, пристаней и дорог я еще не имею мнения заинтересованного ведомства и поэтому просил бы этот пункт оставить открытым.

Окумура: Я согласен.

Иоффе: (читает п. 8 д “дезидерата”).

По этому пункту наш ответ следующий: право доступа коммерческим судам концессионера в порты общего пользования на С[еверном] Сахалине предоставляется на основании действующих законов. Портами общего пользования являются те, которые таковыми объявлены. Что касается захода в остальные порты побережья С[еверного] Сахалина, которые не объявлены портами общего пользования, то здесь право может быть предоставлено только относительно тех пунктов, о которых будет достигнуто соглашение с Народным комиссариатом путей сообщения. При этом суда концессионера могут быть использованы только для перевозки продукции концессионных предприятий или предметов оборудования и снабжения предприятия, то есть чужие товары в эти порты ввозить нельзя.

Окумура: Я хорошо понял, что Вы сказали, но изложенное здесь можно объяснить вместе с пунктом 9-м, в котором написано относительно пароходов.

Во-первых, мы имеем в виду мелкие суда, как-то: катера или моторные лодки, которые всегда находятся около побережья, где работают при рудниках. Эти суда занимаются буксировкой барж с углем при погрузке угля на пароходы, приходящие из Японии. Может быть и такой случай, когда служащие воспользуются катером или моторной лодкой для поездки в Александровск. Таким

образом, мы не думаем на этих катерах или моторных лодках ездить в другие места Сахалина. Катера заняты только погрузкой леса или предоставляются служащим в качестве перевозочных средств, как автомобили или экипажи.

Следующий, 9-й пункт говорит относительно больших пароходов, которые ввозят из Японии или Владивостока продукты, необходимые для рабочих и служащих, или же вывозят продукцию с Сахалина. В таком случае, если пароходы должны будут зайти в порт Александровск и там будут большие формальности, то это будет очень неудобно. Поэтому мы желаем, чтобы пароходы заходили в порты свободно без формальностей.

Иоффе: Как же можно пускать пароходы в порт без всяких формальностей? В каждом порту есть формальности, которые надо соблюдать, например, в случае болезни на пароходе.

Окумура: Формальности неизбежны, но часто вследствие плохой погоды пароход, идущий за углем, должен будет миновать порт Александровск. В этом случае таможенные чиновники могут быть командированы туда, куда зашел пароход, и они там могут разрешить все, что Вам надо.

Иоффе: Поскольку технические условия позволят, всякие облегчения будут сделаны.

Окумура: Пока у нас других пожеланий нет.

Иоффе: (читает пункт 8е “дезидерата”).

Здесь должны соблюдаться следующие условия: согласно § 7 Протокола Б концессионер имеет право беспошлинного ввоза на концессии на С[еверном] Сахалине предметов, материалов и продуктов, необходимых для работ предприятий и продовольствия рабочих и служащих, равным образом концессионер имеет право беспошлинного вывоза продукции концессионных предприятий. Концессионер ежегодно представляет торгпреду СССР в Японии на утверждение список с указанием количества тех товаров, которые будут разрешены к ввозу или вывозу. Товары, упомянутые в утвержденном торгпредом СССР в Японии списке и в разрешенном количестве, пропускаются таможенными органами без истребования отдельных лицензий.

Ввозимые товары предназначаются исключительно для нужд производства и продовольствия рабочих и служащих и не могут служить предметом продажи лицам, не состоящим на службе в концессионных предприятиях.

Снабжение рабочих и служащих должно производиться по ценам, утверждаемым начальником горного округа С[еверного] Сахалина.

Яманоути: Что это за продажная цена?

Гуревич: Она должна быть согласована с начальником горного округа.

Окумура: Я сейчас повторю то, что Вы сказали, чтобы знать, правильно ли я Вас понял. Значит, нам придется составлять ежегодно список того, что нужно предприятию, и на это нужно будет иметь разрешение от торгпреда СССР в Японии. Причем мы должны ограничиться лишь продажей для служащих и рабочих. В отношении цен должно быть соглашение с начальником горного округа. Правильно ли я Вас понял?

Гуревич: Да, правильно.

Окумура: Разрешите спросить Вас следующее. Установление цен, конечно, должно быть под контролем начальника горного округа. Но как быть в тех случаях, когда после выгрузки продуктов нужно установить на них цены, как здесь поступить? Нужно ли иметь разрешение о цене на предмет по списку предварительно?

Гуревич: Вопрос о цене, по которой Вы будете продавать рабочим завозимые продукты и предметы, должен быть согласован с начальником горного округа. Как примерно можно согласовать цены? Вы представляете оригиналы счетов, где указана себестоимость продуктов. Эти счета будут заверены нашим торгпредством в Японии, затем будет учтена стоимость фрахта, и по этой цене Вы будете продавать рабочим. Конечно, Вы и мы заинтересованы в том, чтобы рабочие получили продукты по возможно более дешевой цене.

Окумура: Я хочу спросить, как быть в том случае, когда бывает иногда недостаток провизии для рабочих. Нужно ли после выгрузки предметов и продуктов показать предварительно список начальнику горного округа?

Гуревич: Это делается иначе. Вы представляете список на целый год. Предварительно Вы рассчитываете, что у Вас в этом году будет такое количество рабочих и поэтому Вам нужно будет завезти такое-то количество продуктов и предметов на целый год. Этот список Вы согласовываете с торгпредом СССР в Японии. Он дает визу, и Вы завозите. Затем по этому списку Вы согласовываете цены с начальником горного округа. Устанавливается, что фунт муки должен продаваться по такой-то цене, фунт сахара по такой-то и т.д. Что касается качества продуктов, то у нас там, наверно, будет медицинский надзор, который вообще следит за санитарными условиями и будет следить за тем, чтобы мясо было свежее, рыба была свежая и т.д. Это касается уже не только Вас, но и всех тех, которые будут торговать на Сахалине или снабжать население Сахалина.

Окумура: Это я принимаю и согласен.

Иоффе: Переходим к последнему пункту, 9-му. По этому пункту мы имеем указать следующее: (читает).

При заходе судов в те или иные пункты, концессионер уплачивает портовые и иные сборы (корабельный и попудный) и платы за услуги, оказываемые в портах (лоцманские, за швартовку и проч.) на основании как ныне действующих, так и могущих впредь быть изданными узаконений.

Конрад: Перечислите, пожалуйста, еще раз различные портовые сборы.

Иоффе: Я говорил: портовый, корабельный, попудный, лоцманский сборы, сбор за швартовку, за причал и т.д. Это, конечно, там, где имеются порты.

Яманоути: А потонно это не облагается?

Иоффе: Нет.

Ходоровский: Я могу огласить, какие ставки на эти сборы существуют.

Иоффе: Разрешите, наш специалист огласит все эти ставки.

Ходоровский: Существующие в настоящее время сборы установлены постановлением СНК от 20 мая 1921 г. (Собрание узаконений, ст. 243).

Основные сборы, корабельный и попудный, в следующих размерах: корабельный сбор в размере 10 коп. с тонны грузовой вместимости; попудный сбор в размере от $\frac{1}{2}$ коп. до 2 коп. в зависимости от рода груза.

Затем идет маячный сбор...

Иоффе: Но разве все это относится к Сахалину?

Ходоровский: Нет, там этого нет.

Иоффе: Тогда зачем Вы это читаете?

Ходоровский: В течение 40 лет, на который рассчитана концессия, могут быть устроены маяки, порты и т.п., и тогда этот сбор будет.

Яманоути: Пожалуйста, объясните еще раз, какие сборы придется уплачивать на Сахалине?

Иоффе: Я думаю, что можно считать, что пока никаких сборов не существует, а если когда-нибудь сборы будут введены, тогда придется эти сборы платить.

Дело в том, что так как концессия долгосрочная, на 40 лет, то за этот срок возможно установление различных сборов за портовые услуги.

Окумура: Попудный сбор за груз, конечно, существует. А какие сборы еще имеются?

Гуревич: (обращаясь к Ходоровскому) Может быть, Вы укажете, какие сборы могут быть на Сахалине в современных условиях?

Ходоровский: Поскольку японские суда не будут входить в порты, очевидно, сборов не будет. Ибо попудный сбор и другие у нас существуют только в портах. Так, в Александровске эти сборы существуют.

Гуревич: А попудный сбор на пристанях будет?

Богатин: Не будет.

Гуревич: Значит, попудный сбор и другие существуют только в Александровске, поскольку это есть порт, а там, где погрузка происходит с пристаней, поскольку там нет порта, нет и портовых сборов, так же как при отсутствии маяков нет и маячного сбора. Если же маяки будут, то придется платить маячный сбор.

Конрад: Ввозные пошлины не имеются в виду?

Иоффе: Только портовые сборы.

Гуревич: Недавно наш катер заходил в японский порт, с него взяли портовые сборы, это не пошлина. Берется сбор за причал, за лоцмана и т.д.

Яманоути: Это, касается, поскольку суда с грузом?

Иоффе: Есть портовые сборы с грузов в пользу порта. Это есть везде.

Окумура: У нас есть еще одно последнее предложение.

Иоффе: У нас больше ничего нет.

Гуревич: Может быть, Вы огласите?

Окумура: Наше предложение написано на английском языке. (Английский текст передается г. Иоффе.)

Я дам объяснения. К осуществлению этого предложения мы сейчас не думаем приступать, но хотим иметь в виду, что в будущем при каменноугольных предприятиях может быть построен завод кокса. Далее у нас есть грузовые пароходы, курсирующие между Японией и Сахалином, и по разрешению или по поручению советских властей мы, может быть, смогли бы заняться перевозкой пассажиров.

Иоффе: Весь вопрос в том, что Вы понимаете под подсобными предприятиями. Если Вы имеете в виду, что для самой работы нужно создание подъездных путей или кузницы или при оборудовании поселка нужны будут мастерские, то все это само собой разумеется. Но если Вы имеете в виду совершенно самостоятельные производства, которые не являются необходимыми при добыче угля или являются дальнейшей обработкой его, то это в данную концессию не входит и является новой концессией.

Окумура: Я должен Вам объяснить, что местонахождение Сахалина чрезвычайно неудобно, и с этим нужно считаться с точки зрения удобства сбыта. В будущем, быть может, через 20–30 лет или через 10–20 лет, мы перейдем к тому, чтобы переделы-

вать каменный уголь на жидкое топливо и перевозить его за границу. В настоящее время перевозить уголь очень неудобно. У нас есть завод, который совершенствует способы переделки каменного угля на жидкое топливо, и мы предварительно хотим относительно этого с Вами условиться.

Иоффе: Это вопрос новой концессии. Нынешняя концессия на добычу и вывоз угля, а переработка в жидкое топливо (может быть, изобретут и еще что-нибудь) будет предметом новой концессии. Мы тогда охотно об этом поговорим.

Окумура: Мы считаем, что здесь речь идет о методах перевозки угля, поэтому я и спросил Вас.

Гуревич: Вы считаете выгоднее перевозить продукты, чем самый уголь. Но это и есть вопрос о постройки новых крупных заводов. Это связано с вопросами обработки угля, то есть с разложением его и получением из него бензола, толуола, маслянистых веществ. Это требует постройки больших коксообжигательных печей, с одной стороны, и химического завода, который будет перерабатывать. Таким образом может быть создано производство половины фармакопей и половины технико-химических препаратов. Это может быть предметом новой концессии. При заключении настоящей концессии можно в договоре оговорить, что если нужно будет поставить новое предприятие, новое производство, то это допустимо по специальному разрешению правительства.

Окумура: Это совершенно другое дело, чем производство кокса или бензола. Здесь вопрос переделки в жидкое топливо, так как получаемый продукт лучше перевозить. Мы разбираем вопрос только с этой стороны.

Конрад: Г-н Окумура говорит, что это совершенно отличный от добычи угля процесс, сущность угля остается той же, и никакой обработки здесь не будет.

Гуревич: Но потребуются постройка фабрики?

Окумура: Пока еще неизвестно.

Гуревич: В Германии это делается пока только в виде лабораторных опытов, но производство еще не поставлено. Одним словом, это вопрос новой концессии.

Иоффе: Можно считать, что мы все пожелания японской делегации в общих чертах просмотрели и в общем и целом пришли к соглашению. Я бы предложил теперь уже приступить к формулированию отдельных статей будущего договора. Для этого нужно все-таки некоторое время. Завтра у нас должно быть заседание по нефти, но, кажется, оно не состоится. В этом случае оно будет перенесено на пятницу. В субботу у нас по де-

крету вечер должен быть свободным. Мы его не имеем свободным, но наши сотрудники должны быть свободны. Таким образом, следующее наше заседание состоится в понедельник, и к этому дню мы должны уже представить Вам конкретные формулировки статей будущего концессионного договора, которые мы могли бы уже обсуждать как формулировки, средактированные для договора.

Окумура: Нельзя ли устроить заседание в четверг?

Иоффе: В четверг мы не можем устроить заседание, потому что по четвергам у нас происходят заседания Главного концессионного комитета.

Окумура: Тогда мы принимаем Ваше предложение.

Значит, следующее заседание в понедельник в 7 час. вечера?

Иоффе: Да.

Окумура: На прошлом заседании я просил дать каждому отдельному обществу карту прибрежных каменноугольных районов Сахалина.

Гуревич: Мы Вам такую карту передали.

Яmanoути: Только одну.

Гуревич: Но мы ведь условились так, что Вы сами снимите копии.

Яmanoути: Я Вас не так понял.

Гуревич: Если Вам это трудно, то мы снимем еще две копии и дадим Вам.

Окумура: Если можно, то дайте нам, пожалуйста, еще две копии.

Гуревич: Хорошо, мы Вам дадим еще две копии. Может быть, Вы могли бы возратить нам ту карту, которую мы Вам дали, и тогда бы мы очень быстро фотографированием сняли еще две карты.

Яmanoути: Тогда я Вам ее принесу.

Гуревич: Пожалуйста, согласуйте этот вопрос с г. Волковичем.

Иоффе: Если это все, то разрешите поблагодарить Вас и закрыть сегодняшнее заседание.

Секретарь комиссии ГKK В. Зубкова

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1005. Л. 60–71 об. Подлинник.

¹ Колесников А. – референт по делам Японии и Дальнего Востока СССР.

² Степухович М. – заведующий юридическим отделом ГKK СССР.

³ Япольский М. – заместитель заведующего Отделом проведения договоров ГKK СССР.

*Записка Г.В. Чичерина в Политбюро ЦК РКП(б)
с изложением позиции НКИД СССР о японских концессиях
на Северном Сахалине**

№ 1237/чс

26 августа 1925 г.

В Политбюро ЦК РКП(б)

Копии: членам Политбюро, членам Коллегии НКИД
и гг. Фрумкину, Гуревичу (ИноВСНХ),
Шлейферу (НКФ) и Иоффе

При обсуждении вопросов, связанных с сахалинскими концессиями, надо прежде всего выяснить себе, что может случиться, если концессионные контракты не будут закончены к договорному сроку, то есть 15 октября. Реокупация Северного Сахалина японцами представляется мне невероятной: не потому они уходили, чтобы опять придти. При теперешнем международном положении Японии балансирование между антисоветскими державами и антианглийскими является необходимостью. Но вопрос стоит проще: с выработкой концессионного контракта связан обмен нот об условиях продолжения японцами работ на Северном Сахалине, причем заключающееся в этих нотах соглашение должно продлиться до заключения концессионного контракта, то есть в течение пяти месяцев после эвакуации¹. Если к 15 октября концессионные контракты не закончены, этот обмен нот теряет силу, ибо его длительность оговорена на пять месяцев. Тогда может произойти одно из двух. Если мы достаточно сильны, мы можем помешать японцам вообще продолжать работу на том основании, что обмен нот о продолжении работ потерял силу. Если японцы достаточно сильны, они могут начать работать на Северном Сахалине в полном объеме, не считаясь с нами, что, конечно, значительно ухудшит наше положение при дальнейших концессионных переговорах. Для этого не требуется реокупации Сахалина, если наши ничтожные силы на Северном Сахалине слишком слабы, чтобы помешать японцам работать, и если наше общее положение на Дальнем Востоке не допустит принятия нами боевых мер против продолжения японцами работ. Вывод тот, что запоздать с заключением концессионных контрактов для нас будет невыгодно, ибо дальнейшие переговоры будут вестись при худшей для нас обстановке.

Необходимость закончить контракты к 15 октября заставила коллегию НКИД провести различие двух категорий вопросов: тех, для разрешения которых при концессионных переговорах

* Штамп: "Прот[окол] ПБ № 77, п. 1-к". См. док. № 215.

следует ожидать материалов от нашей геологической комиссии, и таких, которые могут быть разрешены немедленно. По второй категории (рабочий вопрос, налоги, страхование, долевые отчисления) желательно вести переговоры теперь же, не оттягивая их. В области конкретных вопросов произошло разногласие между НКИД и комиссией ГКК по вопросу о привлечении корейских рабочих. Никто не оспаривает постановления междуведомственного совещания 18 июля, что иностранные рабочие силы не должны превышать 25%, ибо предоставление японцам неограниченного права ввозить свою рабочую силу приведет к японской колонизации Северного Сахалина. Но при этом комиссия ГКК предлагала, чтобы мы импортировали туда корейцев в качестве рабочей силы. НКИД считает это политически недопустимым ввиду отношений между японским и корейским народами. НКИД считает возможным ввоз китайских рабочих, причем предлагает такую формулировку: 75% неквалифицированных и 50% квалифицированных должны быть наняты на нашей территории через биржу труда, хотя бы нанятые рабочие были иностранцы, причем предпочтительнее, чтобы это были китайцы, но не корейцы. Присутствие небольшого числа корейцев допустимо, но не массовый их ввоз. Кроме того, междуведомственное совещание 18 июля постановило, что эти 25% должны постепенно уменьшаться с каждым пятилетием. ВСНХ предлагает, чтобы каждый год пересматривалась эта норма. Это НКИД отвергает, ибо в сахалинских условиях рабочие будут приезжать не на один год, а на несколько лет.

Относительно твердого применения нашего кодекса труда НКИД согласен с комиссией ГКК.

Долевые отчисления с нефти должны составлять в силу договора от 5–15%. Предложенная японцами скала является совершенно фиктивной, ибо оперирует с величинами валовой добычи, фактически недостижимыми, так что на деле сводится к применению исключительно долевых отчислений в 5%. С другой стороны, скала НКФ является настолько жесткой, что чрезвычайно быстро будет достигнуто отчисление в 15%. НКИД предлагает в этом вопросе занять компромиссную позицию и не обострять с японцами этого вопроса.

По вопросу о налогах НКИД согласен с приравнением японских концессий к гострестам и с тем, что в крайнем случае можно пойти на японское предложение паушализования налогов.

Считая необходимым по всем вопросам об объектах концессий дожидаться материалов геологической комиссии, НКИД возражает против немедленного выставления в схеме ВСНХ и НКФ предложения установить размеры нефтяных квадратов в 37½ гектара. НКИД полагает даже, что величины квадратов могут быть

неодинаковыми в разных местностях. Лишь на основании материалов геологической комиссии можно будет этот вопрос разрешить. Поэтому НКИД возражает против данного пункта предложений ВСНХ и НКФ.

НКИД согласен, что следует временно признавать претензии бывших угольных владельцев, совершивших своевременно формальности по начатию переговоров о получении в концессию своих бывших владений, причем исход переговоров этим не предрешается. По вопросу о претензиях Стахеева НКИД предлагает отложить окончательное решение вопроса до приезда Кашина, представителя Стахеева.

НКИД согласен, что создание смешанного Общества с японцами вместо концессии в угольном районе было бы выгодно для нас и могло бы быть выгодным для японцев, если таким образом им будет предоставлена более значительная территория, но НКИД предлагает не выступать с таким официальным предложением, могущим вызвать у японцев подозрительность, а осторожным образом в частном разговоре неофициально произвести в этом смысле зондаж.

В вопросе о долевых отчислениях с угля НКИД согласен, что оно должно колебаться между 5–8% в зависимости от качества угля и условий его разработки.

По ряду мелких вопросов (постройка нефтепровода, допущение японских судов в гавани, визный вопрос) между НКИД и комиссией ГКК разногласий нет.

Наркоминодел Г. Чичерин

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1001. Л. 67–69. Подлинник.

¹ Обмен нотами между Караханом и Иосидзавой в связи с подписанием Пекинской конвенции от 20 января 1925 г. (см.: ДВП СССР. Т. 8. С. 78–79).

№ 215

Постановление Политбюро ЦК РКП(б)

*“О торгпредстве в Японии”**

№ П77/1–к/с

27 августа 1925 г.

Строго секретно

Считать возможным принять следующее предложение:

1) Временное соглашение с Японией должно включать в письменном виде заявление об экстерриториальности торгпредства в части его регулирующей работы.

* Вопрос представлен Г.В. Чичериным, М.М. Литвиновым, М.И. Фрумкиным (см. док. № 210). Выписка из протокола № 77 заседания Политбюро ЦК РКП(б) от 27 августа 1925 г. п. 1-к. Направлена Г.В. Чичерину и М.И. Фрумкину.

2) В отношении оперативной его части со стороны Японии будет сделано устное заявление как в Токио т. Коппу, так и в Москве т. Чичерину, что яп[онское] пра[вительство] не может ввести этого пункта в письменное заявление, но фактически будет соблюдать неприкосновенность помещений торгпредства и в оперативной части.

3) Тов. Копп в письменном ответе зафиксирует распространение неприкосновенности и на оперативную часть торгпредства.

Секретарь ЦК

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1019. Л. 22. Копия.

№ 216

*Записка Г.В. Чичерина членам Политбюро ЦК РКП(б),
коллегии НКВД СССР и А.А. Иоффе
об отмене запрета Дальревкома на вывоз японцами угля
с Северного Сахалина*

№ 1249/чс

27 августа 1925 г.

Постановление о разрешении японцам вывезти уголь с Северного Сахалина и ввезти туда продовольствие и снаряжение для работ было принято 18 июля на междуведомственном совещании при участии представителей Дальревкома. Другие ведомства имели право предполагать, что представитель Дальревкома даст Дальревкому необходимую информацию.

Тов. Иоффе написал мне, что по поводу запрета, наложенного органами Дальревкома на завоз продовольствия на Сахалин и на вывоз угля, ГКК обратился к т. Фрумкину с просьбой устранить создавшиеся препятствия. Однако, поскольку инициатива вето исходила от Дальревкома, вопрос был передан на разрешение т. Каменева. По сообщению т. Хлопьянкина, вето отменено и инцидент можно считать ликвидированным.

Наркоминдел Чичерин

Помета: "По поводу разосланной т. Молотовым телеграммы т. Кубяка от 26 августа".

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1001. Л. 70. Копия.

*Стенограмма заседания комиссии Главконцесскома СССР
и представителей японских нефтяных компаний
о разведке нефтяных участков и долевых отчислениях
с добываемой нефти*

28 августа 1925 г.

Присутствовали:

Со стороны комиссии ГKK: председатель комиссии г. Иоффе, члены комиссии: гг. Гуревич, Шлейфер; экспертиза: гг. Бонч-Осмоловский, Галузин, Колесников, Лашкевич, Левин, Лютовский, Мусатов, Никитин, Пригоровский, Степухович, Ходоровский, Янковский, Япольский; эксперт-переводчик г. Конрад; секретари: гг. Зубкова, Гальперин, Сухоплюев.

Со стороны японской делегации: председатель г. Накасато, советник г. Каваками, юрисконсульт г. Ватанабэ, технический эксперт г. Ямада, секретари: гг. Инаиси, Сайто; переводчики: гг. Конисси, Араи; врач Кумакава, клерк г. Нака.

Председательствовал г. Иоффе.

Иоффе: Объявляю заседание открытым. За этот промежуток времени у нас состоялось совещание гг. инженеров с обеих сторон, которые пришли к некоторому соглашению, а сегодня было получено нами письмо г. Накасато с некоторыми поправками первоначальных предложений японской стороны. Эти поправки мы приняли к сведению и внесли в текст.

В порядке обсуждения у нас сейчас стоит § 11, предложенный японской делегации. Если нет возражений, я буду читать пожелания японской делегации и наш ответ на эти пожелания. (Читает п. 4а “дезидерата”).

Правительство не возражает против такого плана работ, который в только что оглашенной формулировке предлагается Обществу. Что касается промышленной разведки на эксплуатационных участках, то программа таковой ежегодно, по нашему мнению, должна быть согласована Обществом с правительством СССР. Указание на то, что здесь могут помешать осуществлению этой программы непредвиденные обстоятельства, по нашему мнению, в этом пункте не нужно, ибо мы стоим на той точке зрения, что должен быть общий пункт с “форс-мажор”

Затем к этому мы хотели бы добавить еще, что в отношении горючих газов в целях охраны недр должна быть предусмотрена обязанность Общества применять рациональные способы их разработки и полного их учета.

Накасато: Разрешите спросить следующее. Нам неясно одно: Вы изволили сказать, что Вы ежегодно будете совещаться с нами. По какому же предмету?

Иоффе: Это касается промышленной разведки на эксплуатационных участках. Программа промышленной разведки должна быть устанавливаема каждый год по соглашению.

Накасато: Вы сейчас предложили нам, что программа промышленной разведки на эксплуатационных участках должна быть выработана нами совместно с правительством СССР. Мы ничего не имеем против этого. Но где будет место совещаний? Если нам каждый год придется приезжать в Москву, то это будет весьма обременительно. Было бы желательно, чтобы это согласование происходило на Сахалине, на Охе.

Иоффе: Мы предполагаем, что это согласование будет происходить не в Москве, а на Дальнем Востоке.

Накасато: Вы изволили заметить – вообще на Д[альнем] Востоке, но это слишком широкое понятие. Мы считаем, что нужно указать точнее, где мы будем совещаться. Если возможно, то наше желание, чтобы это было ближе к нефтяным участкам. Если даже местом этих совещаний определить Александровск, то туда тоже трудно будет выезжать.

Иоффе: Это было бы очень трудно. Для согласования программы нужны с нашей стороны крупные специалисты, которых на Сахалине нет. Мы предлагаем, чтобы такие совещания, которые будут только один раз в год, происходили в Хабаровске, где находится начальник горного управления всего округа.

Накасато: Разрешите еще один вопрос. Если эти совещания будут в Хабаровске, то когда нужно туда ехать? Совещаться нужно за год вперед, только тогда можно рационально вести дело.

Иоффе: Думаю, что в этом вопросе мы на практике пойдем Вам навстречу. Ведь вопрос в том, что Вам надо будет выезжать, если это будет в Хабаровске, а нам, если это будет на Сахалине. У нас на Сахалине не может быть таких специалистов, которые могли бы разрешить этот вопрос. Может быть, на практике будет так, что в отдельных случаях наши специалисты поедут из Хабаровска на Сахалин, а в другом случае Ваши специалисты поедут с Сахалина в Хабаровск. Обе стороны одинаково заинтересованы, чтобы это было сделано, чтобы эта программа была в точности согласована, и поэтому здесь вряд ли возможны какие-либо недоразумения.

Накасато: Мы думали, что план этих разведывательных работ будет составлен нами и что мы по своему выбору начнем работу. Но так как Вы сейчас изволили предложить, чтобы эта

программа была непременно согласована с правительством СССР, то против этого мы ничего не имеем, но нам придется тогда больше думать, потому что если мы не выполним прошлогодней программы, то это будет своего рода неприятность. Мы просим, чтобы в этом вопросе Вы, возможно, пошли нам навстречу.

Иоффе: Мы в своей формулировке не станем указывать, где именно это согласование будет происходить, а можем зафиксировать, что всячески пойдем навстречу Вашим пожеланиям в том смысле, чтобы это было Вам удобно. Если удастся устроить так, чтобы эти согласования происходили на самом Северном Сахалине, то мы это устроим.

Иоффе: Тогда разрешите считать, что по этому пункту разногласий нет.

Накасато: Ничего против этого не имеем.

Иоффе: Следующий пункт – о долевых отчислениях. Пожелание японской стороны гласит следующее (читает п. 4б “дезидерата”).

Согласно Протоколу Б Общество обязано уплачивать правительству СССР долевое отчисление, начиная от 5% с валовой годовой добычи нефти и до 15%. В этом вопросе споров нет, ибо и Ваше предложение говорит также о том, чтобы начать с 5% и дойти до 15%. Весь вопрос только, с какой именно валовой добычи начинать. Ваше предложение устанавливает как начальную цифру исчисления долевого отчисления 500 000 тонн. Мы считаем это неприемлемым по тем соображениям, что сейчас на этих нефтяных участках добывается 30 000 тонн. Следовательно, если [бы] было принято Ваше предложение, чтобы долевое отчисление начинать с 500 000 тонн, то получилось бы так, что Общество – концессионер уплачивало бы на протяжении целого ряда лет только 5%. Если сейчас добывается только 30 000 тонн, то достигнуть выработки 500 000 тонн удастся не так скоро. Поэтому мы считаем более справедливым и более соответствующим духу Протокола Б такое решение, что 5% долевого отчисления уплачивается, начиная с 30 000 тонн, и далее это долевое отчисление с увеличением валовой добычи на каждые 20 000 тонн повышается на 1%. Таким образом, выходит 5% отчисления с добычи до 30 000 тонн, 6% с добычи до 50 000 тонн, 7% с добычи до 70 000 тонн, 8% с добычи до 90 000 тонн, 9% с добычи до 110 000 тонн и т.д. Причем предусмотренные Протоколом Б 15% будут уплачиваться по такой шкале с добычи в 230 000 тонн. Большого долевого отчисления уплачиваться не может, то есть сколько бы дальше не было добыто, все-таки будет уплачиваться только 15% до-

левого отчисления. Это мы считаем и более справедливым, и более соответствующим Протоколу Б.

Накасато: Относительно долевого отчисления Вы изволили отметить, что исходной точкой должны быть 30 000 тонн, то есть такое количество, которое сейчас добывается. Исходя из этой цифры, Вы говорили, что с увеличением добычи на каждые 20 000 тонн долевое отчисление увеличивается на 1%. Нам очень трудно и даже невозможно принять это. В Пекинском договоре предусмотрено, чтобы отправная точка долевого отчисления была 500 000 тонн. Таковы были наши расчеты, и мы считаем, что это должно быть отправной точкой в нашей скале. Сейчас наша годовая добыча нефти всего 30 000 тонн, но ведь это в одной Охе и притом только в начале работы. Мы думаем идти усиленным темпом дальше, и когда мы начнем работать в разных местах, то, быть может, мы откроем такие хорошие месторождения, как Оха, и в других местах. Тогда очень легко достигнуть такого количества, которое мы сейчас указали, то есть 500 000 тонн. Кроме того, если будет фонтан, то отчисление будет доведено до 45%, а это довольно высокая норма. Если мы посмотрим, какие условия были в концессионном договоре с Синклером, то там, независимо от добычи, отчисление было 5%. При добыче 640 000 тонн горное обложение 1% и доходит до 3%, и такое обложение может дойти до 30%.

Иоффе: Я не понимаю, как это до 30%, ведь выше 15% мы не можем брать.

Конисси: Это у Синклера.

Накасато: Как бы то ни было, такое обложение, как Вы говорили, для нас чрезвычайно тяжело. Особенно ввиду тамошних условий работы, которые, как Вам известно и как мы это несколько раз отмечали, очень тяжелы. Поэтому те условия, которые с Вашей стороны сейчас предложены, для нас неприемлемы.

Иоффе: Тут нужно указать, что то отчисление, которое мы Вам сейчас предлагаем, ставит японское Общество в весьма привилегированное положение по сравнению с нашими государственными нефтяными трестами, потому что они уже в ближайшем году –1925/26 должны будут уплачивать долевое отчисление в размере от 15 до 18% независимо от размера добычи. Так что когда японскому Обществу предлагается отчислять с добычи до 30 000 тонн 5% с надбавкой на каждые 20 000 тонн по 1%, то это является очень большой льготой. Может быть, г-н адмирал будет так любезен сообщить нам, каковы приблизительно размеры добычи нефти по предположению Общества в ближайшие годы? Какими соображениями Вы руководитесь, когда считаете, что

могли бы достигнуть цифры в 500 000 тонн? Конечно, считаться* с такими неучитываемыми обстоятельствами, как то, которое было только что Вами заявлено, что, быть может, где-нибудь откроются очень уж богатые залежи нефти, а с точки зрения той программы, которую можно поставить на основании уже имеющихся данных разведки.

Кроме того, если я правильно понял, Вами было указано, что в Пекинском договоре говорится, что исходная цифра должна быть 500 000 тонн. Думаю, что я просто не понял перевода, потому что в Пекинском договоре этого нет. Такой ссылки быть не может. В Пекинском договоре устанавливается только долевое отчисление от 5 до 15% и никаких других цифр по этому вопросу нет.

Накасато: Относительно 500 000 тонн это ошибка в переводе. В договоре этого нет, а был разговор между г. Караханом и г. Иосидзавой о 500 000 тонн как исходной точке для скалы долевого отчисления. Как Вам известно, у нас настоящего Общества еще не существует. Мы только проектируем его основать. Это будет только тогда, когда мы вернемся и доложим результаты переговоров; тогда на основании этого будет создано Общество. Сказать, когда будет добыча нефти в 500 000 тонн, чрезвычайно трудно. Мы, конечно, будем стремиться довести добычу до этой цифры даже в таких местах, как на разведочной площади в 1000 квадратных верст, из которых нам более или менее известны 600 кв. верст, а об остальных 400 кв. верст ничего неизвестно. Когда мы там начнем бурить скважины, то на одну скважину придется истратить от 500 до 700 тыс. иен. Когда именно мы доведем добычу до 500 тыс. тонн, нам трудно сейчас установить, но, тем не менее, как мы и раньше говорили, мы будем с большим старанием вести это дело. Как мы указывали и раньше, мы в Охе предполагаем ежегодно устанавливать 5–6, а при хороших условиях и 10 скважин, а в других местах по 2–3. Мы надеемся в течение 4–5 лет довести добычу на Охе до 100 тыс. тонн, а если таких мест, как Оха, у нас будет 3–4–5, то мы скоро дойдем до 500 тыс. тонн.

Иоффе: О каких местах Вы говорите?

Накасато: Если будут места, то можно будет добывать по 100 тыс. тонн. Во всяком случае сказать определенно, в какой год какое количество будет добываться, трудно. Должен сказать, что в продолжение 4–5 лет в Охе мы надеемся довести добычу до 100 тыс. тонн.

* Так в тексте. По-видимому, следует читать “надо считаться не”.

То, что Ваши государственные нефтяные тресты, по Вашим словам, предоставляют советскому правительству доленое отчисление от 15–18%, это вызвано, очевидно, соображениями послаблять рабочим соображениями с точки зрения социальной и трудовой, и, конечно, нужно с Вами согласиться, что тут так и должно быть, но у нас другое устройство.

Мы, собственно говоря, представляем Акционерное общество, и я хотел бы отметить, что если Вы сравните положение Синклера с нашими предложениями, то увидите, что Синклер был в лучших условиях, чем те, которые Вы предлагаете нам. Мы не настаиваем обязательно на цифре в 500 тыс. тонн как исходной, но сравниваем наше Общество с Синклером и, сообразуясь со своим положением, говорим, что эта цифра наиболее справедлива.

Иоффе: Тут целый ряд вопросов. Первый вопрос насчет исходной позиции в 500 000 тонн, которая будто бы была установлена не в договоре, а в частных беседах между г-ном посланником Иосидзавой и нашим послом г-ном Караханом. Очень трудно опираться на такие разговоры. Я, например, имею рекордное число подписанных договоров, то есть подписал их больше всех из живущих дипломатов в мире, и, кажется, не было [ни] одного из моих договоров, чтобы потом при выполнении и обсуждении этого договора противная сторона не ссылалась бы на то, что я, когда формулировал какую-нибудь статью, думал, вероятно, не так, как в договоре написано, а как-нибудь иначе. Мне думается поэтому, что трудно говорить не о том, что написано, а о том, что во время переговоров думали те, которые писали этот договор. Мы, во всяком случае, можем исходить только из того, что в договоре написано, и хотели бы просить японских представителей во всех дебатах с нами также исходить исключительно из того, что написано в договоре.

Это по вопросу о разговоре с г-ном Иосидзавой.

Накасато: То, что Вы сейчас изволили отметить, мы считаем вполне справедливым, но, тем не менее, мы и наше правительство думаем так, как я только что указал, и поэтому отмечаем, что такой разговор был. Мы просим Вас принять это во внимание.

Иоффе: Итак, в дальнейшем мы будем исходить только из того, что сказано в Протоколе Б, из того, что написано, а не из того, что говорилось во время переговоров.

Второй вопрос – это заявление г-на адмирала о том, что Общество не существует. Меня это заявление несколько удивляет, ибо тогда может возникнуть вопрос, с кем же мы, собственно говоря, разговариваем? По Протоколу Б мы должны вести переговоры с концерном, рекомендованным нам японским император-

ским правительством. Мы имеем честь разговаривать с представителями, которые именно и рекомендованы нам японским императорским правительством. Мы считаем, таким образом, что этот концерн для нас, поскольку представители его рекомендованы японским правительством, существует. Что касается техники вопроса, имеется ли он фактически в Японии как Общество, или он еще не создан, – это домашнее дело Японии. Для нас концерн, рекомендованный японским правительством, существует с того момента, как он нам был рекомендован, поэтому мы во всех переговорах считаемся с тем, что мы имеем честь разговаривать именно с представителями этого рекомендованного нам японским правительством Общества.

Накасато: Ваше замечание справедливо, но о том, что Общество еще не создано, не зарегистрировано в Японии, об этом мы сообщили Вам в первый раз, когда с Вами виделись, и после этого несколько раз Вам об этом говорили. Но, тем не менее, можно сказать, что Общество действительно существует и поэтому наше правительство Вам его рекомендовало. Когда концессионный договор будет с Вами заключен и подписан, тогда мы приступим немедленно к привлечению акционеров, чтобы основать и зарегистрировать это Общество. Что касается степени доверия этого Общества, то можно сказать, что это не подлежит никакому сомнению. Сейчас я являюсь представителем корпорации по нефтяному делу на Се[верном] Сахалине и вместе с тем я впоследствии, вероятно, буду директором этой компании. В доказательство этого мы могли бы Вам, если Вы пожелаете, представить документы. Мы сейчас выступаем в качестве представителей этой корпорации по нефтяному делу, и я, в частности, как будущий директор этого Общества.

Иоффе: Я именно и констатировал, что для нас Общество существует, и мы абсолютно не сомневаемся в правомочности тех представителей, с которыми мы ведем переговоры, не только потому, что Общество рекомендовано японским правительством, но также и потому, что мы прекрасно знаем, что и г-н адмирал Накасато и уважаемый г-н министр Каваками не очень далеки от японского правительства. Так что для нас вопрос сомнения в правомочности представителей, с которыми мы ведем переговоры, и не существовал. Наоборот, меня удивило заявление г-на адмирала о том, что О[бществ]о не существует и потому, мол, не может быть дан ответ на наш вопрос о том, когда же и в каких размерах О[бществ]о предполагает развить свою производственную программу, когда оно считает возможным довести добычу нефти до 500 000 тонн. Повторяю, что с

нашей стороны никакого сомнения в Ваших полномочиях нет, и мы поэтому именно и считаем, что осуществлена или не осуществлена формальность регистрации О[бществ]а в Японии, но при переговорах для нас О[бществ]о является фактом, и мы предполагаем, что на те вопросы, которые мы задаем, может быть дан ответ именно потому, что в переговорах это Общество существует уже независимо от того момента, оформлено оно или не оформлено в Японии.

Накасато: Разрешите еще добавить. Может быть, мы неявно выразились. Не говоря, что О[бществ]о не существует, мы хотели сказать этим только то, что когда концессионный договор будет заключен здесь, то на этом основании мы соберем в Японии акционеров, и тогда будет окончательно создано само Общество. Всем членам будущего Акц[ионерного] о[бществ]а нужно будет указать, как будет идти дело на Сахалине и какие права от советского правительства мы получили, и тогда именно вся смета нашей будущей работы будет определена. Но сейчас мы не знаем, к какому мы приходим результату. Сейчас нам очень трудно сказать, как мы составим нашу смету.

Иоффе: Вопрос возбужден не потому, что мы сомневаемся. Мы отлично знаем, что с представителями, рекомендованными японским правительством, мы подпишем концессионный договор и что он будет достаточно прочен и будет иметь достаточный вес для Японии. Но весь вопрос был возбужден потому, что г-н адмирал Накасато затруднился ответить на мой вопрос о том, когда же предполагается осуществить программы в 500 000 тонн, с мотивировкой, что на этот вопрос нельзя ответить, так как Общество еще не существует. Думаю, что, исходя из тех фактов, которые в процессе только что имевшего место обмена мнений выяснились, быть может, сейчас уже можно ответить на этот вопрос, ибо и сейчас уже более или менее ясно, что будет представлять из себя Общество, когда оно будет зарегистрировано в Японии по японским законам.

Накасато: Сейчас очень трудно сказать нам в определенной форме, когда именно мы станем добывать 500 тыс. тонн, потому что нефть – совершенно другое ископаемое, чем каменный уголь и различные руды. Если Вы сделали разведку каменноугольного месторождения, то Вам известны его запасы, каким способом его можно добывать и в каком количестве. Здесь легче определить годовую добычу ископаемого. Но что касается нефти, то этого нельзя сказать. Мы иногда бурим три–четыре тысячи футов, не получаем никаких результатов и бросаем скважину. Иногда же нефть появляется на глубине всего нескольких сот футов. Если

путем научных и исследовательских работ приблизительно определить годовую добычу нефти, то все-таки трудно дать такую же ясную картину, как по каменному углю. Поэтому мы говорим, что мы не можем Вам указать, когда именно мы станем добывать по 500 тыс. тонн, будет ли это через 5 или 10 лет, нужно ли будет для этого 10 или 20 скважин?

Иоффе: Я очень благодарен г-ну адмиралу за его разъяснение, но оно только подтверждает ту мысль, которую я высказал с самого начала, что японское предложение – установить доленое отчисление в 5% на совершенно неопределенный срок – по существу противоречит Пекинскому договору и является несправедливым. Поэтому мы настаиваем на нашем предложении, которое предусматривает 5% отчисления с добычи до 30 000 тонн и увеличения на 1% на каждые лишние 20 000 тонн, так как это есть реальный размер добычи на целый ряд лет. Это справедливое и вполне соответствующее духу Пекинского протокола разрешение вопроса. Если здесь дальше г-ном адмиралом было указано, что те доленое отчисления, которые наши государственные предприятия должны давать и которые равняются 15–18%, устанавливаются нами из политических соображений, то я должен сказать, что это неверно. Мне эта мысль даже не совсем понятна. Какие могут быть политические соображения в отношении наших собственных государственных хозяйственных органов? Наоборот, ведь мы заинтересованы в том, чтобы наши государственные хозяйственные органы работали не в убыток, ибо это наши собственные предприятия.

Тем не менее мы облагаем их долевым отчислением в размере 15–18%, считая, что, несмотря на это отчисление, вполне возможна рентабельная их работа. Исходя из соображений большей трудности работ на Сахалине и из той презумпции, которая руководит нами с самого начала, – особо благожелательное отношение к японским концернам, мы именно и выдвинули скалу гораздо более либеральную, гораздо более легкую, чем та, по которой должны платить наши тресты. Что касается сравнения с Синклером, то оно не совсем правильно, ибо Синклер должен был платить 5% стоимости не только нефти, но и газов и пр[очих] нефтепродуктов, между тем как в том предложении, которые мы Вам сделали, о нефтепродуктах ни слова не говорится. Мы говорим о доленом отчислении только от нефти. Как известно, при добыче нефти всегда имеются нефтегазы, которые сгущаются в бензин. Это тоже есть продукт производства. Мы в своем предложении японским представителям не выдвигаем этих требований. Синклеру это требование было предъявлено. Но если бы даже [было]

так, что в общем и целом синклеровская концессия была бы более выгодна (повторяю, я этого не считаю, мне думается, что если внимательно присмотреться, то синклеровская концессия в вопросе долевого отчисления была менее выгодна), но если бы даже Синклеру были даны кое-какие особенные льготы, то нужно ведь иметь в виду, что тут как раз политические соображения играли роль. В отношении наших трестов, в отношении нефтесиндиката, с которых мы берем 15–18%, политических соображений нет. В отношении Синклера, который получил концессию, когда Сев[ерный] Сахалин был оккупирован японскими войсками, были политические соображения, здесь должны были быть политические соображения.

Поэтому я думаю, что сравнивать те условия, которые мы сейчас предлагаем японскому Обществу, с теми условиями, которые были предъявлены Синклеру, не следовало бы, тем более, что, несмотря на все политические соображения, наша благожелательность в отношении японского Общества идет так далеко, что, по моему глубочайшему убеждению, мы все-таки даем больше льгот, чем давали Синклеру.

Накасато: Мы сейчас от Вас слышали о Синклере. Мы думали, что отчисление он должен был платить только с нефти, и не знали, что оно падало на все продукты, как керосин, масла и пр. Это мы впервые сегодня слышим. Мы сейчас говорили о том, какое должно быть для нас обложение. Конечно, это говорилось Вам не без основания, но, тем не менее, мы не можем сейчас сказать, когда мы будем добывать эти 500 тыс. тонн, потому что, как я раньше уже говорил, мы не знаем, какие богатства существуют под землей. Мы можем сейчас сказать только об Охе, где только 56 кв. верст, другими словами, 2500 акров, что на таком небольшом пространстве у нас есть предположение в продолжение нескольких лет усиленно производить бурение и добывать в течение ближайших 4–5 лет на этом пространстве до 100 тыс. тонн в год. Если мы будем исследовать 1000 кв. верст и найдем там хорошие места, а кроме того, уже в разведанных 7–8 местах тоже будем продолжать работы, то в скором времени мы будем добывать довольно крупное количество. Сейчас мы добываем в одной только Охе 30 000 тонн в год. Но согласиться на то, чтобы принять это за точку отправления, мы не можем. Я ошибся: Оха – только 8 кв. верст, но повторяю, что в течение ближайших 4–5 лет там можно будет добыть до 100 тыс. тонн в год. Если мы к тому же найдем в других местах хорошие нефтеносные месторождения, то в скором времени мы дойдем до крупных размеров. С другой стороны,

имеется следующее соображение. Если на справедливых отношениях* будет получена от Вас эта концессия, то не будет трудно собрать акционеров и на этом основании создать Общество. Но если условия будут тяжелые, то нам очень трудно будет найти акционеров и тогда развитие дела нашего будущего Общества будет весьма трудно. Поэтому мы с такими условиями, которые Вы изволили сейчас сказать, никак не можем согласиться.

Иоффе: Все-таки приходится констатировать, что мое заявление о том, что на неопределенное время Вы предлагаете установить долевое отчисление в 5%, все больше и больше подтверждается заявлениями г-на Накасато. Это ведь целиком** противоречит понятию справедливости и Пекинскому протоколу. Если говорится о том, что сейчас на Охе очень хорошие условия, то мне кажется, что на Охе есть ведь и фонтанирующая нефть, а в Пекинском протоколе сказано, что если где-нибудь будет фонтанирующая нефть, то долевое отчисление может быть увеличено до 45%. Мы же сейчас говорим только о 15% максимально и начинаем с 5% при 30 000 тонн добычи, которая сейчас имеется налицо. Так что мне кажется, что Вами здесь выпускается из виду дух Пекинского договора, где имелось в виду, что в тех условиях, которые можно предусмотреть заранее из данных сейчас условий, из данной обстановки, долевое отчисление должно быть по шкале от 5 до 15%. Ваше же предложение сводится к тому, чтобы долевое отчисление фактически было только 5% на совершенно неопределенный срок и, по-видимому, на довольно большой срок, ибо Вы все время ссылаетесь на Оху и там имели в виду, вероятно, возможность фонтанирования, забывая о том, что в этом случае Вы обязаны по Пекинскому договору платить не 15%, а 45%.

Что касается того, что эти условия будут невыгодны и что будто Общество, рекомендованное правительством, не найдет достаточного количества акционеров, то я позволю себе и в этом также усомниться. Если я правильно понял, то в начале заседания г-н адмирал говорил о том, что, вероятно, он будет директором этого Общества. И я думаю, что достаточно имени г-на адмирала Накасато, чтобы акционеров нашлось достаточное количество, даже если Вам придется платить 45% долевого отчисления, а не только 15% как максимум, о котором мы сейчас говорим. Так что это соображение не вызывает опасений.

* Так в тексте. Очевидно, следует читать "условиях".

** Слово вписано над строкой.

Накасато: По нашему* мнению, мне известно, когда осуществится добыча в 500 000 тонн. Хотя Ваше предложение взять за основу 30 000 тонн верно, но, тем не менее, мы всячески будем стремиться добывать больше. Конечно, будет неправильно говорить сейчас о далеком будущем, но, тем не менее, мы предполагаем, что если мы будем дальше вести дело, то здесь трудности не будет. Но если наша точка отправления слишком далека, то мы с Вами еще посоветуемся. Но Ваше предложение в 30 000 тонн мы никак не можем принять. Если мы с Вами еще посоветуемся, еще дальше об этом подумаем, то мы сговоримся, но если это окончательное Ваше предложение, то нам придется сказать, что оно никак не может быть нами принято.

Иоффе: Мы считаем до 30 000 – 5%, Вы считаете, что до 500 000 тонн все равно 5%, но ведь цифра 30 000 и у Вас имеется. Вы согласны платить 5% до 500 000, значит, за 30 000 тоже 5%. Ведь это Ваше предложение?

Значит, вопрос не о том, от какого размера платить 5%, а вопрос о том, до какого размера платить 5%. В этом, собственно, весь смысл. Мы и считаем, что если Вы сейчас вырабатываете 30 000 тонн и Вы не можете указать, какова Ваша ближайшая программа, то есть сколько Вы будете вырабатывать в ближайшие годы, то нельзя установить, что только начиная с 500 000 тонн Вы увеличиваете долевое отчисление.

Это противоречит Пекинскому протоколу. Мы указываем, что на каждые 20 000 тонн новой добычи увеличивается долевое отчисление на 1% и доходит до 15%, которые предусмотрены Пекинским договором. Мы не отступаем ни на йоту от Пекинского договора, а Ваши предложения противоречат Пекинскому договору. Если до 500 тыс. тонн Вы не платите более 5%, тогда нужно было бы сказать, что устанавливается долевое отчисление впредь до изменения в 5%. Поскольку можно предвидеть, Вы долгое время не достигнете цифры 500 тыс. тонн, и поэтому наша основная цифра – в 30 000 тонн реальнее. Спорить можно только о том, правильна ли наша скала увеличения, то есть нужно ли платить по 1% за каждые 20 000 или за каждые 25 000–1%. Можно дебатировать только этот вопрос.

Накасато: Сейчас Вы изволили заметить, что наше предложение противоречит Пекинскому договору. Мы не понимаем, в чем дело. Основная исходная точка зрения наша – считать 5%, сколько бы ни добывали. Но сущность вопроса в том, каким образом сверх 30 000, которые сейчас мы добываем, будет увеличи-

* Так в тексте. Очевидно, надо “Вашему”.

ваться процентное отчисление и по какой норме, то есть по 1% на 50 000–100 000 или 150 000. Вот сущность вопроса. Нам желательно, чтобы Вы сделали это возможно большим, и по этому вопросу мы желаем говорить.

Иоффе: Но Вы считаете, что от 30 000 до 500 000 нет никакой разницы. Это совершенно недопустимая вещь.

Накасато: Если принять от одной тонны и до 500 000 тонн за одно, то разница может быть слишком большая.

Как Вы изволили заметить, это несправедливо, но такое разделение, как Вы предлагаете, для нас тоже неприемлемо. По этому вопросу мы пойдем еще на переговоры и просим, чтобы Вы эти условия смягчили бы, чтобы нормы были изменены.

Иоффе: Мы сейчас не имеем полномочий на какие-нибудь уступки в этом вопросе. Мы, со своей стороны, испросим мнения нашего правительства, и, может быть, какая-нибудь незначительная уступка будет сделана, но я хотел бы обратить Ваше внимание на то, что с Вашей стороны должна быть сделана очень большая уступка. Ваши предложения идут совсем нереально. Вы говорите о 1 400 000 тонн. Поскольку я знаю, приблизительно вся потребность Японии в нефти – от 1 400 000 до 1 500 000 тонн. Выходит, что по Вашему предложению за $\frac{1}{3}$ часть всей своей потребности – за 500 000 тонн Вы хотите платить только 5%, то есть минимум того, что предусмотрено в Пекинском протоколе.

Конкретно я предложил бы этот вопрос оставить сейчас открытым. Мы, со своей стороны, еще раз переговорим с нашим правительством. Может быть, на некоторую уступку наше правительство согласится. Но я должен подчеркнуть, что с Вашей стороны запрос по крайней мере на 1000%.

Накасато: Тогда мы подумаем еще по этому вопросу и, может быть, сделаем Вам свои предложения, до каких размеров мы сможем это сократить.

Иоффе: Пожалуйста. Мы бы очень просили Вас к следующему заседанию дать нам такую вполне реальную цифру.

У нас еще полчаса времени. Если разрешите, перейдем к следующему пункту.

Накасато: Пожалуйста.

Иоффе: Японское пожелание гласит следующее (читает).

Наше предложение по этому вопросу сводится к следующему: в том случае, когда у О[бщест]ва на эксплуатируемой им площади будет получаться фонтанная нефть, О[бщест]во уплачивает правительству 45% валовой добычи. Это – в полном согласии с Протоколом Б. Причем фонтанирующей скважиной будет называться всякая скважина, из которой нефть может быть полу-

чена без применения механической энергии. Таково наше предложение по этому вопросу.

Накасато: То есть добываемое с помпой?

Иоффе: Нет, помпа считается уже механической энергией.

Гуревич: У нас тут разногласие именно в вопросе об определении того, что такое фонтан. Вы определяете фонтан в зависимости от количества добываемой нефти из этой скважины и указываете, что если получается добыча нефти в 100 тонн в день, то Вы это считаете фонтанирующей скважиной. Между тем мы, а также и Вы прекрасно знаете, что теперь не дают фонтану бить, а всякий фонтан, когда он появляется, берется в трубку и его фонтанирование регулируется. Следовательно, если бы мы поставили вопрос о фонтане в зависимости от его дебета, то его ведь нельзя установить постольку, поскольку всякий фонтан может быть и должен быть сейчас согласно современной технике нефтедобычи регулирован. Потому мы берем другой признак фонтана, естественный его признак. А именно: всякая скважина, из которой нефть выходит наружу, дает определенный дебет без применения механической энергии, считается фонтанирующей скважиной. Будет ли при этом помпа или не будет, это будет уже зависеть от дальнейшей добычи этой нефти. Ведь можно и фонтанирующую нефть впоследствии брать посредством механической энергии, усиливать таким образом ее дебет. Мы же исходим из того определения, что фонтанирующей нефть является такая, которая может быть добыта без применения механической энергии.

Иоффе: В том числе, конечно, и без помпы.

Ямада: Тут делалось объяснение того, что такое самобьющий фонтан. Английское слово *gusher* не понимается в том смысле, что в день эта скважина дает 1–2 тонны, а это всегда обозначает несколько сот тонн, по крайней мере, 100 тонн. И тогда это считается самобьющим фонтаном, поэтому мы здесь и поставили для обозначения такого фонтана – 100 [тонн].

Накасато: Точного объяснения понятия о фонтане я нигде не видел, даже в энциклопедических словарях. Я не читал нигде, сколько тонн нужно выбрасывать скважине, чтобы называться фонтанирующей, но техники-специалисты по этой части говорят, что в Америке фонтан считается только с 600–800 баррелей. Это мы и приняли за основу. Но если будет такой фонтан, который дает 20–30 баррелей, то они его не считают за фонтан. Поэтому мы и взяли за основу признавать фонтаном ту скважину, которая дает 100 тонн.

Иоффе: Я это понимаю, но мне кажется, что это очень сомнительный модус. Скажем, если 100 тонн – ежедневная добыча,

то это есть фонтан, но а как быть, если 99 тонн добычи? Считаете ли Вы это фонтаном? Так что принять такой модус, то есть установить определенное количество тонн добычи и исходить из этого, мне думается, неправильно. Я не специалист по этому вопросу, но мне кажется, что это внесет очень много недоразумений, между тем как такая постановка вопроса, которая дана у нас, а именно что фонтаном называется всякая скважина, которая не требует применения механической силы, более правильна. Ибо здесь ведь вопрос заключается просто в том, что это дешевле и выгоднее. Эта скважина сама дает нефть. Если окажется, что в дальнейшем скважина не дает определенного количества тонн или в дальнейшем эта скважина начинает требовать применения механической энергии, то она перестает быть фонтаном. Мне кажется, что наше предложение для Вас выгодно, а кроме того, оно имеет то преимущество, что оно не будет вызывать недоразумений, ибо при такой постановке – 100, 300, 700 тонн – все равно каждый раз будут недоразумения, ибо всегда может быть такое положение, что данный фонтан дает на одну тонну меньше, чем указано. Всегда встанет вопрос, фонтан это или нет? То же самое и с долевым отчислением. При 100 тоннах Вы платите 10%, а при 99 тоннах получается 5%.

По правилу, вообще говоря, нужно было бы сказать здесь даже так, что если это есть фонтан и дает он 100 тонн, то доленое отчисление должно быть 45%. Ведь это Ваше предложение уже не вполне соответствует Пекинскому договору. Вы указываете при 100 тоннах 10%, и это до 500 тонн. Между тем как в Пекинском протоколе сказано определенно, что если это есть фонтан, то платится 45%. Это значит, при Вашем предложении нужно было бы стать на такую точку зрения, что со 100 тонн нужно платить 45%, а с 99 тонн только 5%. Здесь громадная плоскость для всяких споров, трений, разногласий и так далее. Желательно было бы этого избежать. Мне кажется, что при нашей постановке мы эти разногласия и споры на местах устраним. Фонтан – это то, что не требует применения механической энергии. Для Вас это выгодно, ибо Вы добываете нефть с минимальными затратами средств. Естественно, что доленое отчисление может быть здесь повышено. Как только данная скважина начинает требовать применения механической энергии, она перестает быть фонтаном и переходит в первую категорию нефонтанирующей нефти, где доленое отчисление максимум только 15%. Мне кажется, что наше предложение надо принять, ибо оно устраняет возможные недоразумения и вообще наиболее ясно.

Накасато: Я хочу сказать по поводу Вашего заявления, что добываемая нефть без каких-нибудь технических или механических сооружений называется фонтанной. В английских книгах мы замечаем, что 10 000 – 20 000 тонн выбрасывается фонтаном и употребляется термин действительно “фонтан”, но там нигде не говорится, что если выбрасывается 1–2 тонны, то это фонтан. Мы понимаем, что в Мексике в один день добывалось 200 000 тонн, а в Калифорнии 100 000 тонн, но о таком определении *gusher*, как Вы говорили, мы не слышали. Если в Пекинском договоре говорилось бы о 1–2 тоннах, то как же наш посланник согласился бы с этим? Хотя он в этом отношении не имеет основательных сведений, но он все-таки должен был это знать. Там-то именно в таком смысле и понималось, как обычно понимается *gusher*, а то, что без насоса добывается, понимать за *gusher* – это неправильно, и мы согласиться с этим не можем. Мы могли бы в этом вопросе посоветоваться с Вашими инженерами и установить, что понимать за настоящий *gusher*. Желательно было бы устроить совещание и экспертизу относительно этого вопроса и определить, в каком смысле должно быть это понято.

Иоффе: Если я правильно понимаю, Вы предлагаете, чтобы Ваши и наши инженеры собрались специально по этому вопросу, чтобы определить понятие “фонтан”. Я против этого не возражаю.

Гуревич: Я хотел бы задать такой вопрос: предполагаете ли Вы фонтанирующую нефть брать в трубы или будете давать свободно фонтанировать?

Инженер Ямада: Когда мы имеем фонтан, то мы его пускаем в трубку, но если мы имеем очень сильный фонтан, который не позволяет делать такие сооружения, то тогда вопрос другой. В случае, если фонтан позволяет сделать это оборудование, то мы непременно это будем делать.

Гуревич: Я согласен, что так надо делать, так делается во всем мире. Но как тогда определить дебет нефти? Дебет будет в руках того, кто держит кран. Он и будет определять дебет фонтана.

Инженер Ямада: Наша цель заключается в том, чтобы побольше добывать нефти. Сколько будет давать фонтан, столько мы будем добывать.

Гуревич: При 45% отчисления могут быть и другие расчеты.

Накасато: Мы думаем, что на такую несправедливость, на такое дело мы не пойдем. Это не в нашей натуре. Кроме того, Ваш горный надзор сейчас же будет об этом знать, и мы должны будем отвечать за это. Поэтому мы просим Вас об этом не беспокоиться, веря в нашу добросовестность.

Иоффе: Я не сомневаюсь в Вашей добросовестности и полагаю, что этот вопрос можем просто передать в комиссию инженеров.

Накасато: Мы просим этот вопрос передать на обсуждение специалистов.

Иоффе: Не возражаю.

Так как сейчас уже больше 10 часов, то по нашему регламенту заседание должно быть закрыто. Но прежде чем закрыть заседание, я хотел бы задать еще один вопрос. По нашему соглашению протоколы заседаний должны подписываться председательствующими на заседаниях. Мы имели честь передать Вам протокол первого заседания. Я хотел бы знать, подписан ли он г. председателем Вашей делегации?

Накасато: Третьего дня нам был передан протокол, мы его перевели и прочитали, но, сравнивая по стенограмме, мы некоторые места желали бы поправить, ибо в них несколько иной смысл. Поэтому мы хотим представить Вам проект наших поправок. Для этого мы дождемся следующего раза и представим его на Ваше рассмотрение, после чего подпишем протокол.

Раньше Вы согласились на то, что когда будет составлен концессионный договор, то он будет написан на русском языке, но будет прибавлен перевод на английском языке. Нельзя ли так сделать и в отношении протоколов, тогда было бы всем доступно. Если же это только на русском языке, то нам приходится переводить, здесь может быть много разных толкований, и на это уходит много времени. Если бы Вы могли это так сделать, то нам было бы весьма удобно.

Иоффе: Мы готовы пойти Вам навстречу в этом вопросе и представлять Вам английский перевод протоколов с тем, однако, что подписывается и считается аутентичным при всяких разногласиях именно русский текст протокола. Для того же, чтобы при подписании не было каких-нибудь разногласий, мы можем установить такой порядок, что господа переводчики предварительно согласуют английский текст протокола и русский текст его, исправят ошибки, имеющиеся в том или другом, и лишь затем протокол будет представляться на подпись председателям обеих делегаций. Это будет протокол, уже согласованный между Вами и г-ном проф. Конрадом.

Накасато: Я ничего не имею против того, если переводчики сторон будут совещаться, но к этому желательно прибавить и секретарей.

Иоффе: Мы не возражаем. Разрешите Вам передать в таком случае и протокол 2-го заседания.

Конисси: Пожалуйста.

Иоффе: Английские переводы, конечно, будут опаздывать несколько, потому что нам нужно будет их приготовить. Больше вопросов нет?

Накасато: Нет.

Иоффе: Тогда разрешите следующее заседание назначить во вторник в 7 часов, ибо в понедельник у нас заседание по угольной концессии.

Накасато: Согласен.

Иоффе: Объявляю заседание закрытым.

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1005. Л. 73–84. Копия.

№ 218

Стенограмма заседания комиссии Главконцесскома СССР и представителей японских угольных компаний с обсуждением формулировок проекта концессионного договора

31 августа 1925 г.

Присутствовали:

Со стороны комиссии ГKK: председатель комиссии г. Иоффе; член комиссии г. Шлейфер; экспертиза: гг. Бонч-Осмоловский, Бекман, Волкович, Галузин, Колесников, Левин, Лютовский, Мусатов, Никитин, Орловский, Пригоровский, Ходоровский, Степухович, Янковский, Япольский. Секретари: Зубкова, Гальперин, Сухоплюев.

Со стороны японской делегации: председатель г. Окумура; советники гг. Каваками, Тазака, Сато, Икеда; эксперты гг. Като, Исихара; секретарь-переводчик г. Яmanoути, клерк г. Перминов.

Председательствовал г. Иоффе.

Иоффе: Разрешите объявить заседание открытым. Согласно решению прошлого нашего заседания, мы составили в окончательной редакции формулировки будущего концессионного договора и имели честь переслать японской делегации 9 первых пунктов этого договора. Хотя и не на очень хорошем английском языке, но все же на английском языке мы представили также и перевод этих 9-ти пунктов. Сегодня нам надлежит обсудить эти окончательные редакции и принять их или отклонить.

Окумура: Мы только что получили пункты Вашего концессионного договора, и я не мог успеть познакомиться с ними. Поэтому, если Вы желаете обсуждать сегодня эти пункты, то я прошу Вас иметь это в виду.

Иоффе: Эти статьи были готовы, если я не ошибаюсь, еще в пятницу и тогда же были переданы г-ну Яманоути. Г-н Яманоути не хотел взять их тогда до получения английского перевода, а английский перевод, как мы заранее условились, будет всегда несколько задерживаться. Мы не можем сразу формулировать пункты по-русски и одновременно давать их английский перевод. Естественно, что происходит некоторая задержка. Поэтому английский перевод мог быть вручен только сегодня. Русский перевод был вручен еще в пятницу.

Яманоути: В пятницу все еще не было готово. Только сегодня после обеда мне передали.

Иоффе: Наш секретариат мне сообщает, что в пятницу Вам передавали. Во всяком случае эти пункты были готовы еще в пятницу, но говорят, что так как г-н Яманоути не был в субботу в городе, то поэтому ему не могли передать. Одним словом, из всего этого возникает следующий вопрос: угодно сегодня обсуждать эти пункты или угодно отложить их обсуждение?

Окумура: Мы предлагаем зачесть английский перевод представленных Вами пунктов договора с тем, чтобы получить от Вас некоторые объяснения.

Иоффе: Должен сказать, что все эти пункты уже обсуждены, так что сейчас – вопрос конкретных формулировок, которые, как у нас решено, должны быть на русском языке. Английский перевод хотя мы и даем, но он не будет аутентичным, и действительным будет считаться только русский текст. Следовательно, английский текст нужен только для того, чтобы г. японский представитель мог понять содержание пункта. Сейчас мы будем обсуждать не только содержание формулировок, но и самый текст их. Текст формулировок, конечно, будет переводиться и на японский язык. Хотя нами представлен Вам их английский перевод, подписываться все же будет лишь русский текст.

Окумура: Я прошу Вас дать нам время для обсуждения этих пунктов. Но если это наше предложение Вы примете, то сегодня нам не о чем будет говорить. Поэтому я очень прошу Вас дать сейчас некоторые объяснения по этим пунктам.

Иоффе: Пожалуйста. Я указываю лишь на то, что содержание этих пунктов нами уже обсуждено и принято. Сейчас вопрос только о формулировках пунктов. Если есть что-нибудь неясное в этих пунктах, то я с удовольствием дам разъяснения по ним. Как будет угодно: читать по порядку эти пункты, или у Вас уже есть отдельные пункты, относительно которых Вы желали бы получить разъяснения?

Окумура: Да, пожалуйста, по пунктам. Я думаю, что эти пункты – еще не содержание договора, а только общий вид закона, и поэтому я хочу получить от Вас некоторые объяснения по пунктам.

Иоффе: Это есть именно содержание договора. Это первые 9 параграфов будущего концессионного договора. Пока мы представили только 9 параграфов, потому что мы не успели сформулировать больше, так как мы спешили, чтобы Вам в пятницу их представить. К будущему заседанию мы Вам представим еще несколько пунктов, и там мы предполагали, что будем обсуждать по пунктам весь договор, пока не дойдем до последнего пункта.

Окумура: Значит, я Вас иначе понял. Если так, то объясните, пожалуйста, основания каждого пункта.

Иоффе: Концессионный договор по нашим законам является специальным законом, ибо он делается в изъятие из общего нашего законодательства. Каждый концессионный договор должен подписываться тем народным комиссаром или кем-либо из членов коллегии того Народного комиссариата, в ведении которого данная концессия находится. Если эта концессия главная, то она находится в ведении Высшего Совета Народного Хозяйства. Лицо, которое имеет право подписывать концессионный договор, должно утверждаться Советом Народных Комиссаров. Скреплять договор должен народный комиссар иностранных дел или член коллегии Комиссариата иностранных дел опять-таки по утверждению Совета Народных Комиссаров. Те пропуски, которые имеются в этом вступлении, именно имеют в виду, что после того, как договор здесь будет выработан и подписан, с одной стороны, Главным концессионным комитетом – его председателем или заместителем председателя – и уполномоченным с Вашей стороны, – после этого он должен быть утвержден Советом Народных Комиссаров, и тогда он становится особым законом. Только тогда во вступительной части вставляется, кто именно уполномочен подписать в окончательном виде этот договор с нашей и с Вашей стороны. В первом пункте говорится: “город Москва, 1925 год, такого-то числа, месяца и т.д.”. Это здесь будет вставлено. “Правительство Союза Советских Социалистических Республик (сокращенно это – СССР) в лице Высшего Совета Народного Хозяйства (ВСНХ), представляемого ...”. Здесь будет сказано: “Председателем Высшего Совета Народного Хозяйства Дзержинским” или будет указано какое-нибудь другое лицо из Высшего Совета Народного Хозяйства, “действующим на основании постановления Совета Народных Комиссаров Союза Советских Социалистических Республик за таким-то номером, от

такого-то числа” Здесь будет вставлено, когда он получил полномочия на подписание договора. Дальше говорится: «именуемое в дальнейшем “Правительство”». Это говорится потому, что в дальнейшем для краткости мы не говорим: “С одной стороны, Высший Совет Народного Хозяйства по уполномочию Совета Народных Комиссаров”, а говорим везде для краткости: “Правительство”. Дальше идет слово “Общество”. Здесь будет вставлено название того Общества, с которым заключается концессионный договор. В данном случае по углю, вероятно, это будут три Общества, так что и договора будет три.

“В лице” здесь будет указано, кто именно от данного Общества уполномочен подписать договор. Здесь будет его имя и фамилия, или, если это будет несколько лиц, то здесь будут написаны их фамилии и имена. Далее: “действующих на основании доверенности”. Это значит, что лицо, подписывающее договор, должно быть на это кем-то уполномочено. Наш подписывающий будет уполномочен декретом Совета Народных Комиссаров. Ваш же представитель должен быть уполномочен на основании особой доверенности, выданной (здесь будет указано кем) и явленной у нотариуса... Если это в Токио, то будет сказано: у нотариуса такого-то в Токио. Дальше говорится: «именуемое в дальнейшем “Концессионер”». Это делается для того, чтобы в дальнейших пунктах договора каждый раз имя и фамилию этого лица и название Общества не повторять, а для краткости писать всюду “Концессионер”. В дальнейших пунктах говорится об условиях договора, и эти условия перечисляются в отдельных параграфах.

У Вас ведь по японским законам доверенности также скрепляются нотариусом.

Окумура: Как Вам известно, я – представитель фирмы, рекомендованной японским правительством. На всякий случай я имею доверенность от фирмы, но я думаю, что эта формальность, которая нужна при подписании договора, может быть выполнена таким образом, что японский посол в Москве удостоверит, что такие-то лица действительно имеют право подписать с Вами договор.

Иоффе: Конечно, заявление посла не менее действительно, чем заверение нотариуса. Если нет доверенности нотариуса, то для нашего правительства будет совершенно достаточно заверения японского посла.

Тогда во вступительной части будет соответствующе изменено и будет сказано: “на основании заявления японского посла”. Но это удостоверение г. Танаки должно быть приложено. Угодно ли

Вам внести такую поправку, что будет представлено только заявление г-на посла о том, что г-н Окумура представляет данную фирму и будет доверенность, которая не будет заверена нотариусом, а только местным посольством?

Окумура: Собственно говоря, я имею доверенность от фирмы, написанную по-японски, и думал, что достаточно, если будет сделан перевод на русский язык, заверенный в посольстве. Может быть, мы этим и ограничимся?

Иоффе: Значит, здесь мы можем внести поправки. С нашей стороны мы поправок внести не можем, не можем ничего вставить, кроме пунктира, потому что предварительно договор будет подписан членом Главконцесскома, а для окончательного договора нужно постановление Совета Народных Комиссаров. Тогда мы будем знать, кто будет уполномочен. Также мы не можем указать, от какого числа, так как не знаем, когда будет постановление Совета Народных Комиссаров. Дальше, мы можем вставить название Вашего Общества. Может быть, Вы скажете, какое название Общества здесь нужно вставить.

Окумура: Я все понял, что Вы объяснили, но боюсь сейчас указать, что именно здесь вставить. Очень неудобно будет, если потом будут изменения. Разрешите пока только познакомиться с проектом договора, то есть с Вашими объяснениями.

Иоффе: Я не знаю, чего тут опасаться, мы ничего не подписываем, и все можно переменить. Мы Вас ловить не будем. Но ведь мы еще не знаем, как называется Ваше Общество. Мы указали, что с нашей стороны будет ВСНХ, вероятно, председатель Высшего Совета Народного Хозяйства г-н Дзержинский, а если не он, то г-н Квириг¹ или г-н Пятаков. Но мы не знаем названия Общества, которое выступает с Вашей стороны.

Окумура: Наше О[бщест]во называется “Кита Сагалиен Секитан Китио Кумияй”.

Иоффе: Вы считаете, что О[бщест]во и на русской территории сохранит свое японское название? Я подчеркиваю, что нам это безразлично.

Окумура: Мы хотели бы оставить японское название.

Конрад: В переводе это значит Северный Сахалинский горнозаводский синдикат.

Иоффе: Ведь Вам придется иметь дело с разными органами в СССР, для телеграфа, например, это будет трудный адрес, и его будут путать.

Окумура: Название так и останется, но можно дать русское объяснение, поместить в скобках русский перевод.

Иоффе: Это одно только О[бщест]во?

Окумура: Да.

Иоффе: И г-н Окумура будет представлять одно О[бщест]во?

Яmanoути: Три О[бщест]ва.

Иоффе: Какие же другие О[бщест]ва? Мы читаем, что будет три договора, но как называются эти О[бщест]ва.

Окумура: Два другие О[бщест]ва называются: “Сапо Кумиай” и “Сапо Сакай Кумиай”

Иоффе: А кто будет представителем от этих О[бщест]в?

Окумура: Я имею доверенности от них.

Иоффе: Почему мы тогда подписываем три договора, а не один, если г-н Окумура подпишет все?

Окумура: Доверенности выданы отдельные, и поэтому должно быть три договора.

Иоффе: Таким образом, все три договора подпишет г-н Окумура. Мы не возражаем.

Окумура: Я прошу Вас иметь в виду, что имеется еще представитель О[бщест]ва “Цукахара Кумиай” Вести переговоры с Вами буду я, но принципиальные вопросы он сам будет выяснять с Вами.

Иоффе: Значит, Вы предполагаете, что будет четвертый договор с О[бществ]ом “Цукахара Кумиай”?

Яmanoути: Да.

Иоффе: Дальше в тексте будет сказано по отношению к трем Обществам: “... в лице г-на Окумура, являющегося на основании удостоверения японского посольства в Москве представителем вышеназванных Обществ”

Яmanoути: (Читает вступительную часть договора). Здесь сказано: “посольство или посла”. Как должно быть?

Иоффе: Можно “посла”. Это еще лучше.

Дальше идет так: “... на основании удостоверения, что он является доверенным данного Общества”

“... в лице г-на Окумура, действующего на основании удостоверения японского императорского посла в Москве, в том, что он является доверенным данного Общества и уполномочен подписать настоящий договор”

Яmanoути: Разрешите еще раз прочесть все вступление (читает).

Иоффе: Дальнейшие пункты, вероятно, ясны?

Окумура: Я не могу сейчас что-нибудь сказать, потому что я с ними еще не ознакомился.

Иоффе: Так читать не имеет смысла, если г-н Окумура не успел ознакомиться и не может принимать эти пункты. Повторяю, что самое содержание было уже обсуждено и сейчас вопрос толь-

ко в формулировках. Если мы не можем принять сейчас формулировки, то вряд ли есть смысл читать их. Поэтому лучше закончим сегодняшнее заседание на этом, с тем чтобы на следующем заседании принимать уже эти пункты.

Окумура: Тогда разрешите познакомиться с этими пунктами договора, и, если что-нибудь будет непонятно, тогда я на следующем заседании попрошу у Вас объяснений.

Иоффе: Я не возражаю. Мы же пока будем составлять формулировки дальнейших параграфов, и, по мере того как они будут готовы, мы будем их Вам посылать, чтобы не было задержек.

Окумура: Как только дальнейшие формулировки Вы успеете составить, прошу Вас послать их нам с тем, чтобы мы могли изучить их.

Иоффе: Только я предупреждаю, что английский перевод всегда будет запаздывать, потому что с русского текста нам нужно будет сделать еще английский перевод.

Окумура: Я получил записку, где имеется несколько вопросов, о которых говорилось на первом заседании. Мне здесь кое-что непонятно, поэтому я хотел бы получить от Вас объяснения.

Иоффе: Пожалуйста, какие именно вопросы являются непонятными?

Окумура: 4-й пункт.

Мусатов: А что именно в этом пункте непонятно?

Окумура: Вообще этот пункт непонятен.

Волкович: В пункте 4-м мы интересовались вопросами, будут ли отдельные группы предприятий объединены в хозяйственно-техническом отношении? Будут ли для этих предприятий созданы какие-нибудь общие сооружения? Как, например, будет ли для них создана общая центральная электрическая станция, общие пристани, будут ли проведены какие-нибудь пути сообщения, предназначенные для обслуживания не одного предприятия, а целой группы предприятий. И, наконец, будут ли существовать такие постройки, которые будут обслуживать группу предприятий?

Иоффе: Есть еще какие-нибудь вопросы?

Окумура: Больше нет.

Иоффе: Тогда разрешите считать, что сегодня мы свою работу закончили.

Следующее заседание у нас может быть в среду, потому что во вторник у нас заседание с комиссией по нефти. Но так как в среду я имею в 6 часов еще одно заседание, то я просил бы заседание Комиссии назначить не в 7 часов, а в 8.

Окумура: Пожалуйста, мы согласны.

Иоффе: Тогда разрешите сегодняшнее заседание объявить закрытым.

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1005. Л. 86–90об. Копия.

¹ Квиринг Эммануил Ионович (1888–1937) – в 1925–1927 гг. заместитель председателя ВСНХ СССР.

№ 219

*Стенограмма заседания комиссии Главконцесскома СССР
и представителей японских нефтяных компаний
по вопросам налогообложения, вырубki леса
и транспортировки нефти*

1 сентября 1925 г.

Присутствовали:

Со стороны комиссии ГКК: председатель комиссии г. Иоффе, члены комиссии гг. Гуревич, Шлейфер; экспертиза: гг. Бекман, Бонч-Осмоловский, Галузин, Колесников, Левин, Лютовский, Мусатов, Никитин, Орловский, Полевой, Степухович, Ходоровский, Янковский, Япольский; эксперт-переводчик г. Конрад; секретари гг. Зубкова, Гальперин, Сухоплюев.

Со стороны японской делегации: председатель г. Накасато, юрисконсульт г. Ватанабэ, технический эксперт г. Ямада, врач г. Кумакава, секретари гг. Инаиси, Сайто, переводчики гг. Конисси, Арай, клерк г. Нака.

Председательствовал г. Иоффе.

Иоффе: Очень прошу извинить нас, что мы несколько запоздали, но это произошло потому, что, как и раньше, мы предупреждали: мы были очень заняты и поэтому не могли открыть вовремя заседание.

Объявляю заседание открытым.

В порядке обсуждения стоит п. 14, но, может быть, мы прежде, чем перейдем к обсуждению пожеланий по пунктам, разрешим тот вопрос, который был передан на рассмотрение комиссии инженеров, – вопрос о том, что называть фонтанирующими скважинами.

Накасато: Как Вам угодно. Можно было бы сейчас идти дальше, а потом вернуться к этому вопросу.

Иоффе: Вам желательно продолжать обсуждение дальнейших пунктов, а затем вернуться к этому вопросу?

Накасато: На предыдущем заседании мы говорили о доле отчисления. Мы обещали, по возможности, на следующем заседании высказать наше мнение по этому вопросу, но, чтобы

определить норму долевого отчисления, нужно рассмотреть дальнейшие пункты. Поэтому, может быть, удобнее рассмотреть все следующие пункты, а затем вернуться к этому вопросу. В наших предложениях имеется несколько таблиц, которые могут измениться после того, как будет установлено доленое отчисление.

Иоффе: Если Вам угодно, мы можем продолжать обсуждение дальнейших пунктов Ваших пожеланий, а затем вернуться к вопросам о доленом отчислении и фонтанировании.

Накасато: Покорнейше прошу.

Иоффе: П. А § 4 Ваших пожеланий о пошлинах и налогах гласит (читает).

С нашей стороны мы готовы предоставить Обществу самую большую льготу, которая для нас возможна, то есть мы готовы предоставить все те льготы в отношении налогов и сборов, которые правительство предоставляет государственным трестам нефтяной промышленности.

Накасато: Нам вообще не было известно, какое обложение существует у Вас для нефтяных предприятий. И поэтому мы ничего не могли сказать Вам на этот счет. Нельзя ли, сложив все обложения вместе, определить особую норму процентного отчисления вместо разных обложений и Вам это представить?

Протокол Б определяет довольно высокое доленое отчисление, и поэтому мы, так же как и японское правительство, думали, что от всех обложений мы освобождаемся. Но, принимая во внимание, что это невозможно, мы желали бы, чтобы был установлен определенный процент отчислений вместо всех обложений, налогов, разных пожертвований, сборов и т.д. Нам желательно знать, приемлема ли для Вас такая система? Относительно доленого отчисления можно сказать, что в отношении нас доленое отчисление определено гораздо выше, чем Вы установили О[бщест]ву Синклера.

Мы желаем знать, приемлема для Вас такая форма или нет? Если это неприемлемо, то желательно было бы, чтобы Вы нам указали, какие именно налоги, сборы или пожертвования налагаются на нефтяные предприятия.

Что касается указанных здесь цифр, то можно сказать, что в связи с изменением цифры доленого отчисления должны быть изменены и эти цифры.

Иоффе: Что касается пожертвований, то это не есть обложение. Пожертвование всегда есть добровольное и не входит ни в какие налоги. Так что о пожертвованиях вообще не может быть речи. Само слово “пожертвование” говорит о том, что это есть

нечто добровольное, и кто хочет, тот жертвует, кто не хочет, тот не жертвует.

В отношении налогов, то есть какие именно налоги налагаются на эти предприятия, то, насколько я осведомлен, на одном из предыдущих заседаний, когда я был болен, Вам в письменном виде это было передано.

Гуревич: (обращаясь к г. Иоффе). Нет, это еще не передано.

Иоффе: Извините, я ошибся, это было сделано в отношении делегации по угольной концессии. Там был передан список всех налогов, которые действуют у нас в законодательном порядке. Если угодно, то мы такой же список представим и Вам.

Г-н Шлейфер может Вам сейчас вкратце сообщить, какое у нас существует налоговое обложение для государственных нефтяных предприятий.

Накасато: Мы будем очень рады услышать от Вас сообщение о том, какое налоговое обложение установлено для нефтяных предприятий.

Шлейфер: У нас налоги делятся на два вида: налоги государственные и налоги местные. Основное – это государственные налоги. Местные налоги являются или надбавкой к гос[ударственным] налогам для местных нужд, или они являются самостоятельными мелкими сборами.

Наши основные государственные налоги суть следующие: 1) Патентный – всякое предприятие выбирает патент, регистрирует свою работу. Для такого предприятия, как нефтяное дело на Сахалине, предполагающее иметь около 300–500 рабочих, патент уплачивается в сумме 405 рублей. Кроме того, на местные нужды прибавляется столько же, то есть 100%.

Вторая группа налогов – это налоги, которые взимаются с оборота, называемые уравнительным сбором. По отношению к обороту уравнительный сбор для государственных органов значительно меньше, чем для частных предприятий. Если исходить из положения, которое было выдвинуто г-ном председателем г-ном Иоффе, а именно, что можно приравнять японские предприятия к государственным, тогда процент обложения к обороту составляет всего для нефти 0,50%. Такая же надбавка делается по местному налогу, и вместе, таким образом, получается 1% с оборота.

Следующий основной вид налогов – это подоходный налог. Подоходный налог у нас очень низкий. Он составляет, независимо от размера прибыли, всего лишь 8% от прибыли. Таким образом, это фактически самый низкий процент подоходного налога, какой знает налоговая практика других стран. Но у нас в отноше-

нии нашей государственной промышленности такой низкий процент подоходного налога установлен потому, что продажные цены наших гос[ударственных] органов регулируются, их прибыль, таким образом, ограничивается. Раз прибыль их ограничена, то при этих условиях брать налог можно в очень малом размере. Концессионер будет поставлен в очень благоприятные условия, поскольку цены в той части, которая реализуется на внешнем рынке, нами регулироваться не будут.

В отношении подоходного налога местная надбавка составляет всего 2%.

Из других местных налогов надо указать на налог со строений в размере $\frac{1}{4}\%$ их стоимости в течение года. Кроме того, с грузов, которые перевозятся по железнодорожным и водным путям, взимается по тарифной ставке за 1 километр пробега груза очень незначительный процент. По продовольственным грузам эта ставка несколько выше. Она взимается в 3 раза выше против ставки, существующей в отношении грузов массового употребления.

Кроме того, со всяких сделок, которые регистрируются на бирже или у нотариусов, взимается $\frac{1}{10}\%$ стоимости. Гербовый сбор взимается в зависимости от рода сделки, для приобретения имущества – всего $\frac{1}{2}\%$ с общей суммы стоимости этой сделки. Сделки по продаже своей продукции или перепродаже ее облагаются в $\frac{1}{10}\%$ их стоимости, если они совершаются на бирже, а если совершаются вне биржи, то тогда 0,2%.

Вот то обложение чисто налогового характера, которое существует у нас. Все остальные мелкие налоги не играют большой роли, и мы могли бы оговорить, что концессионер в пределах этих основных налогов может быть приравнен к нашей государственной промышленности, то есть поставлен в положение наибольшего благоприятствования в отношении налогов.

Конисси: Это на основной капитал?

Шлейфер: Нет, с общей суммы оборота.

Конисси: С приходом и расходом вместе?

Шлейфер: Да.

Конрад: А со сделок – это с купли-продажи?

Шлейфер: Да.

Ватанабэ: Мы слышали сейчас от Вас, что все налоговое обложение устанавливается по известным нормам.

Прежде всего Вы указали на патентный сбор, во-вторых, на уравнительный сбор, в-третьих, на подоходный налог. Относительно подоходного налога на прибыль это значит: учитывается валовой доход. С него надо заплатить налог, а остальное считает-

ся чистой прибылью. Если это так, то таким образом мы будем отчислять на амортизацию имущества. Это первый наш вопрос.

Потом вы изволили указать на сбор со строений. Как Вам известно, строения из года в год стареют, и потому как определить стоимость строений и процент, который взимается? Желательно услышать, как это можно определить?

Затем Вы сказали еще о налоге на грузы, которые определяются в $\frac{1}{10}\%$. Согласно Пекинскому протоколу, от таможенных пошлин мы освобождаемся. Видимо, налог на грузы – это совсем иное обложение. Какое же именно это будет обложение – на провоз или на товар?

Что касается сбора на продовольствие, то это продовольствие, как Вам известно, самое необходимое, без которого ни один рабочий не может жить, и поэтому к этому обыкновенно снисходительно относятся. Какое здесь именно обложение?

Потом у Вас есть еще обложение со сделок. Наше дело имеет такой характер, что мелкие частные сделки могут быть на самом Сахалине, но большей частью сделки будут заключаться в Японии? Облагаются ли Вами эти сделки в Японии или нет?

Иоффе: Японские сделки облагаются в Японии.

Конисси: Но на Сахалине тоже придется платить? На это желательно получить ответ.

Ватанабэ: Вы изволили сказать: сбор на строения. Но там будут иметь место подъездные дороги, нефтепроводные трубы, устройство причалов и проч. На такие предметы есть ли какое-нибудь обложение или сбор? Если есть, то, пожалуйста, укажите. Затем Вы сказали: на пробег грузов. Как это будет: на предметы, необходимые для предприятия, как машины и прочие принадлежности? Будет ли на это тоже специальное обложение или сбор?

Вы указали еще на продовольствие и на сделки. Я это понимаю, но такие предметы, как, например, продукция наших предприятий, нефтепродукты и т.п., на такие предметы тоже есть обложения или нет?

Затем Вы сказали относительно местного управления. В пользу этого управления необходимы ли также взносы? Затем, когда мы представляем какое-нибудь заявление или прошение, то есть ли на это какое-нибудь обложение или сбор? Если есть, то по какой норме это делается?

Вообще какие-нибудь обложения или сборы могут ли быть по специальному приказу какого-нибудь ведомства или учреждения или это делается только по общему закону? Просим это также указать.

Шлейфер: Для концерна существуют и патентный сбор, и уравнительный, но я должен указать, что патентный сбор в конце года, когда взимается уравнительный сбор, зачисляется в сумму уравнительного сбора, так что фактически это есть один сбор.

По вопросу о подоходном налоге Вы спрашиваете, как исчисляется подоходный налог – с валовой прибыли или с чистой прибыли, то есть налог взимается с прибыли, за исключением амортизации. Я уже говорил, что подоходный налог у нас составляет 8% в государственный бюджет и 2% в местный бюджет, а всего 10% от прибыли. Я указывал, что этот налог у нас мал по сравнению с практикой Англии и других стран, поскольку мы регулируем цены в сторону их снижения, прибыль у нас ограничена. В этом отношении концерны будут поставлены в лучшие условия, чем наши государственные предприятия, так как цены на вывозимые товары концерна не будут ограничены.

Следующий налог, интересующий Вас, – это сбор со строений. Вы спрашиваете, каким образом налог взимается каждый год, остается ли он одним и тем же, если строение обесценивается? Дело в том, что в определенные сроки происходит переоценка имущества и оценочный сбор берется уже с новой оценки для имущества. Обычно эта оценка делалась один раз в год или один раз в два–три года в зависимости от того, как быстро изнашивается имущество.

Следующий вопрос, будут ли считаться имуществом заводы, которые будут строиться, нефтепроводы и вообще всякого рода приспособления к предприятиям?

Понятно, что они также считаются имуществом и с них также взимается определенный сбор.

На вопрос, почему взимается сбор с грузов продовольственного характера, которые нужны для рабочих, я должен ответить следующее. Наши налоги не являются налогами чисто фискального свойства, например, сбор с продовольственных грузов. Мы считаем нужным оплачивать санитарную инспекцию, которая заботится о доброкачественности продуктов. Расходы, которые несем мы по этой линии, заботясь о том, чтобы привозимые продукты были доброкачественны и не вредны для здоровья граждан страны, расходы по содержанию санитарного надзора падают за счет местных средств, и естественно, что с продовольственных грузов попутный сбор немного выше.

Такого рода налоги по существу обеспечивают общественно полезную работу местных органов. Кроме того, сбор с грузов вообще имеет целью улучшить дорожное хозяйство. Несомненно, что улучшение дорог внутри на острове, так же как и во всей

стране, нужно будет сделать. Концессионер заинтересован не только в самом районе концессии, ибо он будет связан делом с другими населенными пунктами. Поэтому он заинтересован в хорошем их состоянии. Это также влечет за собою расходы.

На вопрос относительно того, какие сделки облагаются гербовым сбором, г-н Иоффе ответил уже, что сделки, совершаемые вне территории СССР, не будут нами облагаться. облагаются только те сделки, которые совершаются на нашей территории и регистрируются в наших учреждениях.

Гербовый сбор взимается в зависимости от суммы, на которую заключается сделка. Когда приобретается имущество, гербовый сбор составляет $1/2\%$. Когда же речь идет о продаже продукции, то сумма сбора составляет $0,1\%$, если продукция продается на бирже, и $0,2\%$, если сделка состоялась вне биржи. Следовательно, оборот облагается сравнительно слабо, так как здесь речь идет о реализации собственной продукции. Если у представителей концерна вызывает сомнение то, что облагается собственная добыча, то мы говорим, что эти сделки облагаются в $0,1\%$, а более крупные сделки на приобретение имущества облагаются несколько выше.

Ватанабэ: Будет ли браться сбор с нефтепроводов, подъездных путей, причалов?

Шлейфер: Так же, как со строений.

Ватанабэ: Могут ли сборы устанавливаться не по общему закону, а по приказу различных учреждений?

Шлейфер: У нас имеются твердо установленные законы, которые регулируют взимание налогов и сборов.

Ватанабэ: Оплачиваются ли заявления и прошения, которые подаются в учреждения?

Шлейфер: С каждого отдельного документа взимается гербовый сбор в размере 1 руб. Кроме того, если нужен ответ, то 1 руб. идет на ответ. Гербовый сбор взимается с каждого заявления, но не с каждого листа.

Накасато: Я все еще плохо понимаю все эти обложения и сборы и поэтому покорнейше прошу дать нам подробное описание этих налогов и сборов, дабы не было здесь ошибочного понимания.

Иоффе: Я не возражаю, мы дадим Вам наши узаконения по всем налогам и сборам. Кроме того, заготовим Вам справку, чтобы Вы легче могли ориентироваться в этих законах.

Накасато: Покорнейше прошу.

Иоффе: Мы просим еще принять во внимание, что те налоги, которые будут касаться Вас по отношению к этому сборнику

законов, это будут только те, которые касаются гос[ударственных] предприятий. Это есть та наша уступка, которую мы Вам сейчас делаем.

Накасато: Среди нашей делегации умеющих читать по-русски очень мало. Покорнейше прошу написать эту справку так, чтобы было понятно. Кроме того, наш эксперт г. Ватанабэ хочет получить еще некоторые разъяснения.

Шлейфер: Я хотел бы обратить Ваше внимание на то, что г. Иоффе заявил, что концерны приравниваются к государственным учреждениям в отношении налогов, и это очень большая привилегия. Я должен указать, что по уравнительному сбору в то время, как государственные нефтяные предприятия уплачивают $1/2\%$ государственных сборов и $1/2\%$ местных, всего один процент от оборота, частные предприятия уплачивают в два раза больше. Кроме того, нужно указать, что также по отношению к другим некоторым сборам и налогам разница между обложением частных и государственных предприятий весьма значительна.

Накасато: У Вас очень много разных обложений и сборов. Мы предлагаем установить отчисление в 1%, чтобы не было сложности вычисления, а было бы однопроцентное отчисление, и на этом все закончить. Это было бы удобно для нас и, может быть, очень удобно для Вас. Считаете ли Вы, что такой способ мог бы быть приемлем для Вас или это невозможно?

Иоффе: Принципиально, вместо того чтобы исчислять на основании законов все сборы и налоги, я считаю допустимым принять определенную паушальную* сумму ввиду того, что концессия является специальным законом и в нее могут быть вносимы поправки к закону. Но, чтобы ограничиться, как здесь было указано, только уплатой 1%, такое предложение мне кажется совершенно недискутабельным. Я хочу указать, что принцип паушализации приемлем, но нельзя исходить из того предложения, которое здесь делается об 1%.

Накасато: Мы сказали, что один процент должен быть, но он может изменяться в соответствии с изменением самого долевого отчисления. Мы сейчас это выдвигаем только как принцип.

Иоффе: Предпосылка всяких торговых или экономических взаимоотношений между государствами является в том, что каждый иностранный гражданин на территории того государства, где он развивает свою хозяйственную деятельность, подчиняется всем законам данного государства. Если у нас есть особое законодательство о налогах, то всякий концессионер, попадающий на нашу

* Общая сумма.

территорию, обязан этому налоговому законодательству подчиняться. Но ввиду того, что концессия по нашим законам утверждается Совнаркомом и является сама по себе специальным законом, в нее могут быть внесены такие поправки, чтобы, вместо того, чтобы [взимать] эти налоги, которые должен уплачивать концессионер, как и всякий гражданин, оперирующий на территории нашего государства, мы даем тут льготу и говорим: “как соответственные госпредприятия, оставаясь теми же самыми, исчислялись не обычным сложным путем, а просто паушализовались бы”

Накасато: Этот вопрос мы обдумаем.

Иоффе: Следующий п. 4 ц гласит следующее (читает).

Тут, согласно несколько раз выраженному нами пожеланию, максимально пойти навстречу концернам, мы тоже готовы приравнять Общество в обязательствах его по взносу социального страхования за рабочих и служащих к нашим государственным предприятиям нефтяной промышленности.

Накасато: Эти сборы для служащих ложатся не на нас, а на самих служащих?

Иоффе: Какие именно сборы Вы имеете в виду?

Гуревич: Имеете ли Вы в виду те взносы, которые должны делать сами служащие, или взносы налогового характера, которые должны делать промышленники за служащих, или же здесь идет речь о социальном страховании?

Накасато: Снабжение служащих одеждой облагается ли налогом?

Гуревич: У нас вообще личные потребности рабочих не облагаются. Что касается взимания подоходного налога, то таковой уплачивается только рабочими и служащими, зарабатывающими 75 рублей и больше. Те, которые зарабатывают до 75 рублей, налога не платят.

Что касается отчислений в профессиональный союз, то так как членство у нас добровольное, то и отчисления платятся только в том случае, если рабочий хочет быть членом профессионального союза. Если он не хочет, то никаких отчислений он не платит.

Накасато: Сейчас мы не говорим о Кодексе законов о труде, а только о налогах. Можно ли Вас просить, чтобы в ту справку о налогах, которую Вы нам обещали дать, были бы включены сведения о том, сколько должны платить служащие и рабочие? Можно ли узнать, каковы размеры социального страхования?

Гуревич: Что касается социального страхования, то у нас оно осуществляется по закону о социальном страховании, который предусматривает следующие виды страхования.

Первое – при временной утрате трудоспособности. Страховая касса уплачивает заработок рабочему за время болезни. Затем – страхование на случай полной утраты трудоспособности, когда рабочий становится инвалидом. Затем – страхование на случай безработицы, когда страховая премия выдается рабочему, если он теряет работу.

Кроме того, существует страхование на случай смерти, когда выдается на погребение, страхование при родах в виде натурального или денежного пособия и выдачи пособия на кормление ребенка. У нас рабочие из своего заработка ничего не платят в страховую кассу в отличие от других государств, где страховые взносы составляются из взносов рабочих и предпринимателей. Вся страховая премия вносится в страховую кассу предприятием, причем у нас для частных лиц установлен 21% с суммы выплачиваемой заработной платы, а для государственных предприятий различный процент в зависимости от вредности работ. В частности, для нефтяной промышленности установлено 16% с суммы заработной платы. При этом предприятие ничего более рабочим не платит во всех тех случаях, которые я перечислил, и выплата производится страховой кассой.

Накасато: Мы поняли.

Иоффе: Разрешите перейти к следующему пункту. Он гласит: “Общество желает, чтобы пользование землей и водой...” (читает пункт 5а “дезидерата”).

Тут мы также идем навстречу этому желанию и в общем и целом его удовлетворяем. Наша формулировка гласит следующее: “Обществу предоставляется право использовать воду и водную энергию рек и источников на территории участка, отведенного концессионеру безвозмездно, для чего Общество вправе сооружать различные устройства по соглашению с местной властью. Следовательно, за пользование водой и водной энергией внутри территории концессии никакой платы не полагается, только предусматриваются следующие, по нашему мнению, само собой разумеющиеся правила. Не должны нарушаться интересы смежных участков в отношении пользования водой и водной энергией. Должно допускать проведение через свой участок водоотливных штолен и других устройств для спуска и проведения воды со смежных участков, остающихся в распоряжении правительства и других горнопромышленников, а также не препятствовать проведению дорог и транспортных сооружений с соседних участков на территории концессии, не загрязнять водотёков общего пользования. И, наконец, пользование водой и водной энергией не должно нарушать интересов

местного населения как в отношении рыболовства, так и в отношении сообщения”.

Таким образом, из этой первой части ясно, что по отношению пользования или права пользования водой и водной энергией на территории концессионного предприятия ставятся только те ограничения, которые само собой разумеются и вытекают из того, что нужно считаться также и с интересами соседних участков, которые не войдут в данное концессионное предприятие. Никаких планов, никаких поборов здесь нами не предусматривается.

Что же касается пользования водой вне территории концессионных участков, то оно допускается по особому соглашению с местной властью.

Относительно пользования почвой и песками точно так же мы делаем разделение. На территории своих участков Общество имеет право безвозмездно добывать для постройки и сооружения общераспространенные ископаемые – глину, песок, камень, огнеупорный материал, известь, поскольку эти ископаемые необходимы ему для нужд предприятия. Пользование же этими общераспространенными ископаемыми вне пределов концессионного участка разрешается на общих основаниях горного законодательства, а это законодательство таково, что нужно получить разрешительное свидетельство на сезонную добычу или получить отвод на длительную разработку через начальника Сахалинского горного округа.

Накасато: У нас в этом пункте сказано: пользование водной поверхностью. Мы понимали под этим устройство причалов, право пользоваться лодками или другими средствами для передвижения по реке или по морю, а также проводку нефтепроводов. Так мы понимали эти слова, но не пользование водой, чтобы ее пить и т.п.

Иоффе: Но об этом также нужно говорить, ибо воду пить ведь будут.

Кроме того, мы разрешаем Вам больше, то есть разрешаем пользоваться и водной энергией.

(Накасато утвердительно кивает головой).

Иоффе: То есть по нашему предложению получается, что мы разрешаем не только пользование водой, но и водной энергией на территории концессионного участка с соблюдением лишь тех правил, которые не должны препятствовать интересам смежных участков.

Накасато: Мы поняли.

Иоффе: Следующий пункт 5б. Он гласит (читает “дезидерата”).

Мы идем навстречу и в этом пожелании Общества и предлагаем следующее: “Общество имеет право пользоваться произрастающим на территории отведенного ему участка лесом, поскольку это необходимо для нужд предприятия, но не для продажи.

Вне территории своих участков О[бщест]во может, по соглашению с местными органами Наркомзема, для нужд своего предприятия и для необходимых сооружений получать для рубки леса лесосеки на общем основании.

Вырубка леса вне территории концессии в противопожарных целях разрешается местными органами Наркомзема по удостоверению горного надзора.

Вырубка леса вне территории концессии для проведения дорог к концессионным участкам разрешается по согласованию с местными органами Наркомзема.

Вырубка леса как на территории концессии, так и вне ее оплачивается О[бщест]вом по действующим таксам при обязательном получении лесорубочных билетов.

О[бщест]во может приступить к рубке леса лишь по получении означенных лесорубочных билетов.

Условия продажи леса, отпускаемого концессионеру, могут быть пересматриваемы пр[авительст]вом через каждые 5 лет действия концессионного договора”

Я хотел бы обратить Ваше внимание на то, что в том принципе, что вырубка леса на территории концессионного предприятия японского концерна будет производиться по таксе, имеется с нашей стороны чрезвычайно большая уступка, ибо по нашему Лесному кодексу отпуск леса даже и нашим гос[ударственным] предприятием производится только с торгов, но не по таксе. Отпуск леса по таксе производится в виде особого исключения только трудовому населению, то есть здесь мы делаем еще большую уступку, чем те, которые мы делали до сих пор. Мы даем здесь такую льготу, которую не даем даже своим собственным государственным предприятиям, считаясь именно с важностью этого вопроса для японских предприятий на Сахалине и с нашей благожелательной линией в отношении этих концернов.

Накасато: Ответ был довольно сложный, нам трудно ориентироваться и разрешите еще предложить вопрос. За рубку леса, находящегося в пределах концессии, ничего не взимается, а вне концессии, если дело касается пожарной зоны или лес является препятствием для работ, то Вы будто бы изволили сказать, что с Вашей стороны нет препятствий к рубке леса, но мы как будто слышали, что на все это нужно разрешение от горного надзора.

Так ли это нужно понимать? Мы вообще желали бы устроить пожарную зону, а затем нам необходима рубка леса, находящегося в концессии, и при надобности рубка леса вне концессии. Мы это здесь изложили, но Ваш ответ очень сложный, и мы не совсем хорошо поняли.

Иоффе: Тут некоторая неясность. Прежде всего относительно рубки леса для противопожарных целей и для проведения дорог: в обоих случаях мы считаем возможным разрешить это безвозмездно с тем, чтобы в случае необходимости рубки леса в интересах противопожарных согласовать это с горным надзором, а во втором случае – с местными органами Народного комиссариата земледелия.

Что касается другого условия, то уплата по таксам предполагается и на территории концессии, и вне территории концессии. Разница здесь только в том, что на территории концессии концессионер вырубает по своему усмотрению, а вне территории концессии он может вырубать, считаясь с нашими правилами лесоустройства.

Я указывал, что эти льготы относительно оплаты леса по таксам, а не получение леса с торгов есть уже по отношению к Вашему О[бщест]ву очень большая уступка, большая, чем то, что мы предоставляем своим государственным предприятиям.

Накасато: Сейчас мы слышали Ваши объяснения, но желательно услышать следующее. Пункт 5е говорит, что для нашего предприятия могут устраиваться дороги, телефонные, телеграфные линии, нефтепроводы, водопроводы, паропроводы, резервуары для нефти, конторы, казармы и проч. Для этих надобностей концессионер должен безвозмездно пользоваться землей.

Гуревич: Землей или лесом?

Накасато: Пока землей, а дальше будет о лесе.

Дальше сказано в п. б, что нужно устроить лесную зону, потому что для концессии требуется много леса. Привозить лес почти невозможно; это будет дорого стоить, и, следовательно, тамошний лес надо было бы разрешить рубить за пониженную плату. Об этом мы просили.

Потом мы просили также установить пожарную зону, или если [лес] помешает нашим работам, то разрешить производить рубку его безвозмездно.

Мы как будто слышали, что рубка леса возможна, но нужно платить за этот лес, и у нас здесь есть некоторое смущение и непонимание, и нам желательно было бы яснее это объяснить.

Иоффе: Мне думается, что те уступки, которые я здесь огласил, целиком удовлетворяют Ваше желание. Я уже указы-

вал, что пользование земель, песком, глиной, известью и т.д. на территории концессионного участка допускается бесплатно. Второе Ваше желание было, чтобы лес отпускался по пониженной цене. Когда я указываю, что лес будет отпускаться по таксе, то это уже есть максимально пониженная цена, потому что на Сахалине такса действует еще 1913 года, то есть по отношению к нынешним условиям это есть самые низкие таксы, которые, как мы выяснили, равняются приблизительно тому, что брало японское командование во время оккупации за наш лес. Наконец, Ваше третье пожелание, чтобы рубка леса для противопожарных целей была бесплатна, также нами удовлетворяется. Мы говорим, что для противопожарных целей это производится бесплатно, причем это только должно быть согласовано с горным надзором на Сахалине, то есть должно быть согласовано, насколько требование действительно соответствует противопожарным целям. Наконец, вырубка леса вне территории концессии для проведения дорог также разрешается Вам, согласно Вашему желанию, бесплатно, и только опять-таки ставится условие, что это должно быть согласовано с местными органами Наркомзема.

Таким образом, мне думается, что целиком удовлетворяются все Ваши пожелания.

Накасато: А внутри концессионного предприятия как отпускается лес?

Иоффе: Там тоже по таксам, за исключением вырубок на противопожарные цели и для постройки дорог, что дается бесплатно.

Накасато: Это только внутри концессионного участка?

Иоффе: И внутри, и вне концессионного участка для этих мероприятий лес дается бесплатно.

Накасато: Когда приходится строить дороги и тому подобное вне концессии, устраивать резервуары, вспомогательные постройки, нефтепроводы, водопроводы и т.д., в этих случаях разрешается ли вырубать мешающий лес бесплатно?

Иоффе: Да, это также разрешается бесплатно. Конечно, по согласию с горным надзором.

Накасато: Теперь мы это поняли.

Иоффе: Далее Общество желает, чтобы ему было предоставлено преимущество по постройке гаваней на восточном берегу Северного Сахалина, если в этом окажется надобность, а также по проведению землечерпательных работ в реках и озерах и в других водных путях для очистки путей сообщения, необходимых для работ предприятия.

Здесь наши условия таковы: если Обществу окажется необходимым устройство тех или других портовых сооружений, то само месторасположение портов, план, условия его постройки должны быть предварительно согласованы с Народным комиссариатом путей сообщения, в ведение которого и поступают выстроенные Обществом порты. При этом Обществу отводятся в его хозяйственное распоряжение определенные участки порта на условиях по соглашению с Народным комиссариатом путей сообщения.

То есть на первое предложение о том, чтобы разрешалась постройка гаваней, мы отвечаем утвердительно. Мы разрешаем постройку гаваней, но указываем, что и месторасположение этого порта, и план, и условия его постройки должны быть предварительно согласованы с Народным комиссариатом путей сообщения и должны поступить в ведение этого Народного комиссариата, что само собой разумеется, ибо всякие порты на территории СССР должны быть в государственном административном управлении. Обществу же будут предоставлены по соглашению с Народным комиссариатом путей сообщения в его хозяйственное распоряжение определенные участки этого порта. Что касается землечерпательных работ, то это также разрешается после согласования с дальневосточными органами Народного комиссариата путей сообщения и под их надзором. Далее, все водные пути, в которых будут произведены работы концессионером, должны находиться в распоряжении Народного комиссариата путей сообщения с правом пользования этими путями для всех граждан и учреждений Союза Советских Социалистических Республик. Указанные работы Общества не должны нарушать интересов общественного пользования местного населения и не должны мешать производству работ на соседних смежных участках правительства или других горнопромышленников.

Накасато: Мы это поняли.

Иоффе: Переходим к следующему пункту. “Общество желает, чтобы суда Общества имели доступ...” (читает “дезидерата”).

Наше мнение по этому поводу сводится к следующему.

Право доступа судов Общества в порты общего пользования предоставляется в пределах действующих в СССР общих узаконений. Что касается захода этих судов в остальные пункты побережья Северного Сахалина, то право это может быть предоставлено только относительно пунктов, согласованных с Народным комиссариатом путей сообщения, при этом суда Общества могут быть использованы только для перевозки продукции концессионного предприятия или предметов оборудования и снабжения его.

Накасато: Как Вам известно, на восточном побережье Северного Сахалина не имеется ни одного порта. Здесь все мелкие места и песчаный берег. Если погода хорошая, то это очень удобно, а если погода скверная, то нет мест, где скрыться судам. Поэтому необходимо ловить хороший момент, чтобы заниматься разгрузкой. Каждый раз получать разрешение нет возможности. Заранее можно было бы установить, что для судов Общества разрешается заниматься разгрузкой разного продовольствия и предметов первой необходимости в определенных пунктах. Получать каждый раз разрешение на это не позволит время, время пройдет, погода сделается плохой, и, таким образом, будут неудобства. Наши пожелания, чтобы мы раз навсегда получили бы разрешение.

Иоффе: Мы так и предполагаем, что будет установлено, в какие именно места можно будет заходить.

Накасато: Хорошо.

Иоффе: Сейчас 11 часов, мы работаем 3 часа, и по регламенту надлежит закончить.

Накасато: Мы против ничего не имеем. Но должно сказать еще одно. Сейчас сказали относительно права устроить порт, если понадобится. Против этого Вы ничего не имеете, а кроме того, желательно было бы получить право устроить нефтепровод, который в скором времени будет нужен.

Иоффе: Нужно только указать, куда Вы намерены его проводить.

Накасато: Когда надо будет проводить, то мы сделаем заявление и попросим разрешения, указав, откуда, куда и где будет проходить нефтепровод.

Иоффе: Принципиальных возражений, конечно, быть не может. Понятно, что нефть на С[еверном] Сахалине удобнее всего доставлять через нефтепровод, но все зависит от плана и направления этого нефтепровода.

Накасато: Бухта при Охе очень мелкая, и когда пароход придет за продуктами, то должен стоять за 3–4 версты от моря. Приходится перевозить на маленьких лодках или баржах: это долгая история, весьма тяжелая и безрезультатная. Нам поэтому необходимо провести нефтепровод по морю на 3–4 версты. Точно сейчас сказать мы не можем. Нужно будет по дну проводить нефтепровод. Разрешите ли Вы нам это?

Иоффе: Против этого возражений не будет.

Прежде чем закрыть заседание, позвольте коснуться одного вопроса. Мы на первом пленарном заседании говорили о сообщении в прессу. В последнее время ко мне очень часто обращаются журналисты, в частности и японские, которые недовольны, что

переговоры так долго ведутся и мы до сих пор ничего не дали в прессу. Не сочли ли бы Вы возможным, чтобы мы составили общее коммюнике для сообщения в печать?

Накасато: Мы ничего против этого не имеем, и это зависит от Вашего желания.

Иоффе: Я бы хотел все-таки, чтобы сообщение было согласовано. Очень интересуются, кто ведет с японской стороны переговоры, какие фирмы, кто представители и т.д. Нам желательно было бы дать в прессу сообщение не только от нас, но и от Вас, и если г. адмирал не будет возражать, то мы составили бы такое коммюнике и представили бы на Ваше усмотрение.

Накасато: Я согласен вполне.

Иоффе: Разрешите закрыть заседание. Следующее заседание мы намечаем в пятницу, так как завтра день угольной концессии. Ввиду того что делегация по каменному углю просила заседание отложить, может быть, Вы уступите пятницу для угольной концессии, и тогда заседание по нефти можно было бы устроить в понедельник.

Накасато: Пятница – день “Мицубиси”, поэтому мы хотели бы наше заседание устроить завтра.

Иоффе: Если угодно, можно завтра, но только не раньше 8 часов, так как в 6 часов у меня есть еще одно заседание.

Накасато: Ничего не имею против.

Иоффе: Значит, завтра в 8 часов.

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1005. Л. 91–101 об. Копия.

№ 220

*Стенограмма заседания комиссии Главконцесскома СССР
и представителей японских нефтяных компаний
по проекту соглашения о концессии на Северном Сахалине*

2 сентября 1925 г.

Присутствовали:

Со стороны комиссии ГKK: председатель комиссии г. Иоффе, член комиссии г. Гуревич; экспертиза: гг. Бекман, Бонч-Осмоловский, Галузин, Колесников, Лашкевич, Левин, Лютовский, Мусатов, Никитин, Полевой, Ходоровский, Янковский, Япольский; эксперт-переводчик г. Конрад, секретари гг. Зубкова, Гальперин, Сухоплюев.

Со стороны японской делегации: председатель г. Накасато, советник г. Каваками, техническ[ий] эксперт г. Ямада, секретари гг. Инаиси, Сайто, переводчики гг. Конисси, Араи, врач г. Кумакава, клерк г. Нака.

Председательствовал г. Иоффе.

Иоффе: Объявляю заседание открытым.

В порядке обсуждения у нас п. 5е. Пожелание японской делегации гласит (читает п. 5е “дезидерата”).

Мы считаем, что на территории своих участков, а также и на участках, получаемых для этой цели на особых условиях вне территории концессии (если они специально будут получены для этой цели), Общество имеет право устраивать всякие подсобные сооружения, как-то: подъездные пути, ремонтные мастерские, кузницы, склады и т.д., необходимые для непосредственного обслуживания нужд предприятия, а также сооружать различные мастерские для выработки предметов снабжения и необходимого обихода служащих и рабочих предприятия Общества и склады продовольствия. Снабжение рабочих и служащих должно производиться по ценам, утвержденным начальником горного округа Северного Сахалина. Всякое предприятие для переработки добытой нефти или для производства новых продуктов должно быть предметом особой концессии. К этому у нас имеется следующее примечание: что примыкание подъездных путей Общества к правительственным железнодорожным линиям разрешается на основании специального соглашения с Народным комиссариатом путей сообщения.

Накасато: Прежде чем ответить Вам, разрешите сказать нам несколько слов. На вчерашнем заседании мы говорили о пунктах 5б, 5ц, 5д и т.д. Это относительно леса и проч. Одно предполагается без вознаграждения, другое за вознаграждение и т.д. Здесь для нас не все ясно. Мы просмотрели нашу вчерашнюю запись, и там некоторые места для нас неясны. Поэтому покорнейше прошу Вас еще раз повторить это в конце настоящего заседания.

Иоффе: Пожалуйста, я не возражаю.

Накасато: Сейчас мы слышали Ваше предложение по нашему пункту 5е. Подсобные предприятия – это те, которые имеют тесную связь с самим предприятием. Сейчас Вы изволили заметить, что на рафинирование нефти непременно нужен особый договор. Добыча из газа бензина, однако, должна находиться в связи с нашим делом. Кроме того, мы там будем иметь суда, будем иметь электрическую станцию и т.п. Если, например, придет наш пароход и будут свободные места, то мы сможем разрешить ехать тому, кто желает, или если окажется излишек электричества, то можно давать его потребителю.

Далее, мы желали бы снабжать рабочих и служащих предметами первой необходимости, а также иметь для них увеселительные места для полезного и разумного времяпровождения, как,

например, устраивать кино, или бильярды, или какие-нибудь игры. Еще нам желательно иметь небольшой огород, чтобы выращивать там овощи. Так как там вообще земледелия нет еще, то нам хотелось бы им заняться. Затем на предприятии можно ловить рыбу, чтобы рабочие могли ею пользоваться. Имея все вышесказанное в виду, мы сказали, что нам желательно, чтобы подсобные предприятия нам были разрешены.

Иоффе: Против этого у нас нет возражений. Мы это также себе представляем.

Накасато: Разрешите добавить. Нам не совсем понятно: рафинирование нефти и перевозка ее должны ли быть предметом особого соглашения?

Иоффе: Г-н Гуревич хочет задать вопрос.

Гуревич: Я хотел спросить, предполагаете ли Вы обработку нефти производить на Сахалине или транспортировать сырую нефть в Японию и там ее перерабатывать?

Накасато: В принципе мы думаем перевозить в Японию сырую нефть и там ее продать. Это зависит от характера нефти. Если характер нефти потребует ее рафинирования и обработки, то об этом нам придется подумать и соответственно поступать.

Гуревич: Что Вы понимаете под характером нефти?

Ямада: Когда нефть тяжелая, тогда ее можно перевозить. Но когда она легкая и имеет много летучих веществ, то нужно на месте с ней что-нибудь сделать. Придется по крайней мере получать на месте бензин, а потом его уже перевозить. Это не только для нас полезно, но и для Вас представляет определенный интерес.

Иоффе: Здесь говорится о подсобных сооружениях. Поскольку имеются в виду подсобные сооружения, мы считаем, что наша формулировка вполне удовлетворяет Вас, так как мы разрешаем устройство подсобных сооружений.

Обработка нефти не является подсобным сооружением, а есть специальное предприятие, поэтому можно было бы только прибавить то, что Вы желаете. В таком случае, оставив наше замечание – “все предприятия для переработки добытой нефти или производства новых продуктов должны быть предметом особой концессии”, – можно добавить, что в случае, когда добытая нефть содержит летучие вещества в таком большом количестве, что перевозка затрудняется, разрешается переработка на бензин.

Ямада: В настоящее время в Охе имеется фабрика для добывания бензина и керосина. Там нефть перерабатывается в бензин, идущий для двигателей, и в керосин, употребляющийся для освещения. Как быть с такими сооружениями?

Иоффе: Поскольку все это идет на нужды самого предприятия, а не для продажи, не на вывоз, то все это подходит под понятие подсобного предприятия и разрешается.

Накасато: Из газа можно добывать бензин. Это такое же подсобное предприятие, как Вы сейчас изволили сказать. Можно ли добывание из газа бензина понимать как подсобное предприятие?

Иоффе: Поскольку здесь понимаются особые приспособления, чтобы при добыче нефти одновременно добывать из газа бензин, это уже в данную концессию не входит. Но если это имеет место в тех случаях, как мы раньше говорили, а именно когда нефть слишком легкая и это нужно сделать, ибо иначе невыгодно перевозить, то разрешение будет дано. Но не подсобное предприятие, поскольку этот бензин не добывается для нужд самого предприятия. Подсобными мы называем только те, которые существуют для нужд самого предприятия, дековильки*, железные дороги и проч., а также бензин и керосин для нужд предприятия. Это разрешается. Но если будет применение технических методов, приспособлений (есть такой французский патент, по которому одновременно с добычей нефти может происходить переработка ее на бензин), то это уже есть новое предприятие и оно в данные концессионные условия, конечно, не входит.

Накасато: Если подобные предприятия невозможно организовать на основе настоящего договора и для этого нужен особый договор, то желательно было бы этот особый договор заключить вместе с основным договором.

Иоффе: Мы не возражаем.

Следующий пункт японских пожеланий гласит: “помимо того Общество...” (читает п. 5ф “дезидерата”).

Мы полагаем, что Обществу предоставляется право пользоваться и распоряжаться по своему усмотрению существующими на участках Общества телефонными линиями, обеспечивающими внутреннюю связь отдельных частей предприятия Общества. В случае же, если Общество желает соединить телефонной сетью свои предприятия с гор. Александровском или же различные участки концессионных территорий, то такое право также будет предоставлено Обществу при условии, однако, что постройка и эксплуатация таких линий будет производиться О[бщест]вом во всем согласно правилам и нормам Народного комиссариата почт и телеграфа и под контролем местных его органов. О[бщест]во обязуется построенные телефонные сооружения предоставлять в

* Вагонетки переносной железной дороги на лесных промыслах, в горном деле и др. Названы по имени изобретателя французского инженера Дековилья.

пользование органам почтово-телеграфного ведомства и административным органам на о. Сахалине. Порядок такого пользования устанавливается по соглашению О[бщест]ва с местными органами правительства.

Затем по окончании срока концессии эти телефонные сооружения, наравне со всем имуществом концессионного предприятия переходят безвозмездно в собственность правительства.

Накасато: Сейчас Вы изволили заметить относительно телефонной линии между Александровском и Охой. У нас нет сейчас намерения устроить такую линию, но мы высказываем пожелание о соединении других разведочных пунктов с Охой. Затем нам необходимо соединение внутри участков или между своими участками, а также с пристанями, конторами и тому подобное.

Телефонное сообщение на восточном берегу, где населения совсем нет, где все находится в диком состоянии, будет только для нас, там некому, кроме нас, пользоваться телефоном, и для всеобщего употребления едва ли он понадобится.

Иоффе: Тут, очевидно, не совсем ясно понята наша мысль. Мы не возражаем против полного права О[бщест]ва пользоваться и распоряжаться по своему усмотрению теми телефонными линиями, которые будут внутри концессионного участка, но если они будут переходить через правительственную территорию на ту государственную территорию, на которой нет концессионных участков, то мы также не возражаем против постройки этих линий, но только указываем на то, что постройка и эксплуатация этих линий должна быть согласована с нашим Комиссариатом почт и телеграфа и производиться под его контролем. Мне думается, что это само собой разумеется. Нигде в мире нет такого права, чтобы частный гражданин или частное предприятие могло бы не у себя, не на арендуемой им территории, а на чужой территории иметь бесконтрольный провод. Провод должен быть под контролем. Что касается права пользования, то так как там населения нет, то имеются в виду административные органы, наш горный надзор, например, который будет сноситься через эти участки с территории, не входящей в концессионные предприятия. Поэтому должно быть разрешено пользоваться телефоном нашим административным органам.

(Накасато утвердительно кивает головой).

Иоффе: Следующий пункт (ц) Ваших пожеланий гласит (читает п. ц “дезидерата”). Мы по этому пункту предлагаем следующее:

– О[бщест]во получает право беспошлинного ввоза на концессии на С[еверном] Сахалине предметов, материалов или про-

дуктов, необходимых для работ предприятий и продовольствия рабочих и служащих; равным образом О[бщест]во будет иметь право беспошлинного вывоза продукции концессионных предприятий.

– О[бщест]во ежегодно представляет торгпреду СССР в Японии на утверждение список с указанием количества оборудования, материалов и товаров, которые предположены О[бщест]вом к ввозу или вывозу. Товары, упомянутые в утвержденном торгпредом СССР в Японии списке и в разрешенном количестве, пропускаются таможенными органами без истребования отдельных лицензий.

– Ввозимые товары предназначаются исключительно для нужд производства и продовольствия рабочих и служащих и не могут служить предметом продажи лицам, не состоящим на службе в концессионных предприятиях.

Накасато: Мы не совсем ясно понимаем, что Вами сейчас сказано. В случае, если Вашего торгового представителя в Токио нет, то тогда каким властям мы должны представить этот список предметов? Затем, когда этот список предметов будет дан Вашими властями, то будет ли сейчас же разрешен вывоз и ввоз на Сахалин?

Иоффе: Я думаю, что в этом случае у нас, конечно, будут затруднения, потому что по нашим законам выдавать лицензии (а это есть также лицензия, потому что выдается разрешение на весь список) – это есть право, которым пользуется только торговое представительство. Так что в этом случае, если бы в Японии не было торгового представителя, то пришлось бы этот список согласовывать в Хабаровске с местными властями.

Конрад: Г-н Накасато задал еще один вопрос. Достаточно ли простого представления заявления для того, чтобы получить разрешение?

Иоффе: Торговый представитель должен рассмотреть этот список и утвердить его, поскольку там будут указаны предметы и материалы, необходимые для работы предприятия или для снабжения рабочих и служащих предприятия. Но если там будут предметы, которые предназначены не для этих целей, то, конечно, торгпред такие предметы вычеркнет.

Накасато: Мы раньше подавали заявления в посольство или в консульство в Хакодате. Пока еще в Японии не существует торгового представительства. Мы слышали, что поговаривают о торговом представительстве в Японии, но до организации его нельзя ли сделать так, как это было раньше, чтобы подобные вопросы разрешались в Токио и в Хакодате?

Иоффе: До сих пор мы именно шли Вам навстречу. В изъятие из постановления Протокола Б, где сказано, что до заключения концессионного договора нельзя вывозить продукцию, мы разрешили Вам вывезти и уголь, и нефть. Но, как мне думается, это экстренные мероприятия, пока нет нормальных урегулированных взаимоотношений. В концессионном договоре должно быть все-таки указано – торговый представитель в предвидении того, что такой торговый представитель должен быть, так же как он имеется во всех странах, с которыми мы состоим в договорных сношениях. Если торговый представитель в Японии не будет, то я думаю, что консул вряд ли на это может быть уполномочен. Поскольку тут наши интересы и интересы г-на адмирала как будущего директора О[бщест]ва совпадают, он, может быть, нажмет на японское правительство, чтобы вопрос о торг[овом] предст[авителе] скорее разрешился.

Накасато: Когда мы будем в Токио, мы постараемся в этом отношении сделать, сколько будет возможно. Но как временная мера нам было бы желательно, чтобы было предоставлено право утверждения списков в Токио или Хакодате.

Иоффе: Ведь мы обсуждаем это сейчас как статью договора. В договоре будет сказано, как мы предлагаем, что именно торг[овый] предст[авитель], а пока мы были очень уступчивы, может быть, и дальше мы будем также уступчивы в отдельных случаях.

(Накасато утвердительно кивает головой).

Иоффе: Разрешите перейти к следующему пункту (читает п. ц 2 “дезидерата”).

Здесь мы целиком удовлетворяем ходатайство японской делегации и предлагаем, что “при въезде рабочих и служащих концессионного предприятия на С[еверный] Сахалин и при выезде их обратно в Японию будут установлены разумные облегчения паспортных формальностей, для чего правительство СССР даст своим консульствам в Токио и Хакодате соответствующие инструкции”

Накасато: Разрешите сказать, что мы очень благодарны за любезность с Вашей стороны. Разрешите только спросить Вас, как Вы представляете себе паспортные формальности при перевозке рабочих на Сахалин и с Сахалина? Если дело будет так, что каждый человек должен исполнять паспортные формальности, хотя бы и облегченные, и так как таких людей множество, то это будет очень трудно. Нам желательно было бы сделать так, чтобы мы предоставляли Вам список едущих туда или обратно и чтобы с Вашей стороны сразу для всех вместе последовало разрешение, а не отдельно для каждого человека.

Иоффе: Я думаю, что тут должны быть некоторые градации. В отношении судовых команд и тех рабочих, которые прикреплены к судну, там, конечно, может быть выдана коллективная виза, потому что они вместе с данным судном прибудут и вместе с ним назад уедут. Но по отношению к рабочим, которые прибудут на предприятие по коллективной визе, а затем будут жить на Сахалине отдельно, один в одном участке, другой в другом, коллективная виза будет неудобна. Можно было бы сделать коллективную визу в ограниченных размерах в отношении тех групп рабочих, которые вместе прибудут на определенный участок и вместе же с ним уедут. Но вообще, мне думается, что для самих рабочих и служащих это будет неудобно. Передвигаясь потом по Сахалину, а может быть, и с Сахалина на материк по служебным обязанностям, они каждый в отдельности не будут иметь визы и, несомненно, встретят затруднения. Можно сказать, что как принцип коллективная виза в отношении тех групп, которые при въезде на Сахалин, пребывании там и выезде оттуда остаются определенными группами, может быть установлена.

Накасато: Мы отправляем целую партию, которая состоит из 300–400 человек, и всю партию сразу в Охе высаживаем. Рабочие такой партии вместе работают и вместе возвращаются. Для таких партий желательна коллективная виза. Но может быть такой случай, что будет дана коллективная виза партии в 300–400 рабочих, а потом рабочие такой партии будут распределяться по разведкам, по окончании работы они снова будут сходить вместе и вместе целой группой поедут. Таким образом, въезд и выезд будет целой группой, и только во время работы они будут работать в разных местах. В таких случаях также желательна коллективная виза.

Иоффе: Значит, работать они будут в различных местах?

Конисси: Да.

Иоффе: Если прибывшая группа работает в пределах определенного административного района, где один и тот же административный орган, в этом случае может быть дана коллективная виза. Но если из 300 человек 100 человек, например, будет переброшено в район, где другое административное управление, другая милиция и т.д., то, поскольку они визы иметь не будут, для них самих создадутся затруднения. Какому именно количеству может быть выдана одна коллективная виза, трудно сказать, может быть, 300–400 чел., но во всяком случае коллективная виза может быть выдана только при условии, что вся группа будет работать в пределах одного и того же района административного управления.

Накасато: Я понял.

Иоффе: Следующий пункт – ц 3/а гласит, что О[бщест]во желает, чтобы техническая сторона бурения была предоставлена усмотрению О[бщест]ва.

Тут мы, к сожалению, с этим пожеланием согласиться не можем, потому что мы считаем, что техника бурения, как и способы его должны регулироваться нашими общими правилами по охране недр и поэтому должны быть согласованы с Дальневосточным горным управлением.

Накасато: Ваше несогласие с этим пунктом ставит О[бщест]во в очень стесненное положение. Мы желали бы, чтобы в этом отношении нам была предоставлена свобода. Наши соображения мы поручаем высказать нашему инженеру г. Ямада.

Ямада: Желательно, чтобы эта техническая сторона наших работ была предоставлена на наше усмотрение. Предположим, что мы собирается в нынешнем году бурить 10 скважин. Мы проведем подготовительные работы; для этого дела нужно заказать трубы, готовить паровые машины и т.д. После этого на совещании с горным надзором он может нам указать, что 10 скважин мало, нужно прибавить еще одну, или что 10 много и нужно на одну убавить. Тогда все наши хлопоты пропадут. Как Вам известно, у нас еще пока трубы не изготавливаются, и большие обсадные трубы приходится заказывать в Америке, и заказ мы получаем только через 6 месяцев. Если будет такой случай, что нужно будет прибавить еще одну скважину, то придется давать дополнительный заказ, он будет выполнен через полгода, и тогда ничего не выйдет, и наша работа будет тормозиться. Поэтому нам было бы очень и очень желательно, чтобы этот вопрос был разрешен в том смысле, как мы предложили.

Иоффе: Я плохо разбираюсь в этих технических вопросах и попрошу ответить г-на Мусатова.

Мусатов: То, что мы сейчас предложили, не представляет ничего нового в отношении любого месторождения, будь оно на территории СССР или на территории любого другого государства. По существу охрана недр является одним из основных условий, при которых эксплуатация нефтяных месторождений вообще допускается. И вот с этой точки зрения здесь и поставлено условие, что способы бурения, то есть техника бурения, должны быть согласованы с горным надзором. В данном случае Вы, может быть, недостаточно хорошо нас поняли. Здесь речь идет не о количестве скважин – 6 или 10 скважин, а речь идет о том, как Вы будете бурить. Ведь по существу в нефтяных месторождениях одним из основных условий правильной

постановки работы является борьба с обводнением, борьба с водой. Такого рода болезни от неудачного бурения имеются повсюду. В свое время и на русских промыслах этот вопрос стоял очень остро. В настоящее время он у нас изживается, но нельзя еще сказать, чтобы все было вполне благополучно. Это же явление было и на Охе, где работали японцы. Кебл* № 1, 2 и 4 дали воду, и только сейчас они цементируются. Следовательно, ясно, что способ бурения в этих скважинах был неудачный. И вот с подобного рода явлениями мы и считаем необходимым бороться путем надзора, путем согласованных действий между концессионером и горным надзором по вопросу о технике бурения. Об этом сейчас идет речь.

Ямада: Разрешите задать два вопроса. Из объяснения г. Мусатова выходит, что Ваше предложение не относится к программе работ и что Вы имеете в виду только технику работ. (Г-н Мусатов: Да, да). Но относительно техники не нужно ежегодно собираться и совещаться?

Иоффе: У нас и не сказано ежегодно.

Конрад: Г-н Ямада спрашивает, достаточно ли собраться один раз?

Мусатов: Одного раза, конечно, недостаточно, потому что техника нефтяного дела прогрессирует и за 40 лет изменения в этой технике, конечно, будут. Можно не говорить ежегодно, но нужно сказать, что в сроки, устанавливаемые Дальневосточным горным управлением, такого рода собрания должны устраиваться и решения, на них принятые, действуют на известный период.

Иоффе: Следующий п. ц 3/б (читает п. ц 3/б “дезидерата”). Мы в общем и целом соглашаемся с этим пожеланием. Наше предложение гласит так:

О[бщест]ву предоставляется право геологических изысканий и исследований на нефть и ее спутников и всех связанных с этим работ и построек на отведенных в момент заключения концессионного договора нефтяных эксплуатационных участках с согласованием плана этих работ с местными органами горного надзора и с обязательством представления правительству всех данных означенных изысканий и исследований.

Всякие изыскания и разведки как геологического, так и промышленного характера вне пределов концессионной территории могут быть допущены лишь на основании особого соглашения в порядке действующих горных законов, ст. 3-я “Положения о недрах”

* Буровая скважина.

Накасато: После геологических исследований у нас тут поставлены топографические съемки, то есть когда местность не разведана, то ставится инструмент и производится съемка.

Иоффе: Это сюда подпадает. Мы отвечаем на Ваш текст предложения так, что разрешаются геологические изыскания и всякие исследования на нефть и ее спутников и все связанные с этим работы, постройки и т.п.

Накасато: Когда мы делаем исследование и топографическую съемку, то непременно нужно подыматься на высокое место и оттуда смотреть. Иногда приходится выходить за пределы концессии, и поэтому на такие исследования и прочие связанные с ними работы мы, конечно, сделаем соответствующее заявление местной власти, и мы хотим, чтобы местная власть это нам разрешила.

Иоффе: Разница между Вашим и нашим предложением в том, что Вы просите, чтобы подобное разрешение давалось по заявлению местным властям, а мы говорим, что это будет даваться местным органам горного надзора, но только в том случае, если Вы представите план этих работ.

Накасато: Я согласен.

Наши пожелания рассмотрены от начала до конца, поэтому желательно возвратиться к сказанному в начале настоящего заседания – о неясностях в том, что вчера говорилось.

Иоффе: Пожалуйста.

Накасато: Во вчерашнем заседании в п. 5м, где говорится о дополнительных правах, в некоторых местах произошло, кажется, смешение понятий. Мы после вчерашнего заседания прочитали нашу запись заседания, и у нас получилось впечатление, что как будто мы Вас не совсем поняли, а местами, может быть, Вы нас поняли не так, как мы хотели сказать. Так, например, первый Ваш перевод нашего пожелания. Там сказано: п. е – “в пределах концессии”, но это мы исправили так, что “внутри или вне концессии”. Затем у Вас написано только: “вода”. Здесь должно быть сказано: “водное пространство”. В пункте би тут сказано, что мы просим, чтобы для будущих работ Общества была отведена специальная лесная площадь. Во втором пункте говорится, что внутри концессии лес должен быть [вырублен]* безвозмездно. Но тут написано не так. Вот такое маленькое смешение понятий и ошибки существуют, и желательно было бы это еще выяснить.

Теперь относительно концессионных пределов и водного пространства. Во-первых, внутри и вне концессии для того, что-

* Слово вставлено по смыслу.

бы построить строения или что-нибудь в таком роде, должно быть Вами дано известное пространство.

Во-вторых, вне концессии или внутри нам необходимы для работ песок и глина. Это также должно быть безвозмездно. Об этом вчера как будто подтверждение было, но так как у нас неясно, то мы просим еще раз подтвердить.

Иоффе: По пункту а мы внесли исправление в Ваши пожелания (“внутри и вне пределов”), и наш ответ гласил, что мы делаем разницу между тем, что происходит внутри, и тем, что вне. По отношению к тому, что внутри концессии мы в отношении воды прибавили и водную энергию. Вы безвозмездно имеете право использовать воду и ее энергию для сооружения различных устройств по соглашению с местными властями. Это внутри концессии.

Мне думается, что наше предложение было согласовано, мы указали определенно, что по отношению к водной поверхности мы добавляем и водную энергию, которую Вы можете использовать. Это безвозмездно и внутри, и вне концессионного участка по согласованию с местными властями.

По отношению к добыче глины, песка, камня, огнеупорных материалов и вообще так называемых общепользованных ископаемых делается некоторая разница. Внутри участка Вы имеете право безвозмездно пользоваться этими общераспространенными ископаемыми. Пользование же ими вне пределов участков разрешается по нашей формулировке на общих основаниях нашего горного законодательства. Эти общие основания сводятся к тому, что нужно получить разрешительное свидетельство на сезонную добычу, на каждый сезон или получить отвод на длительную разработку через начальника Сахалинского горного округа. Разница в том, что внутри участка Вы пользуетесь общераспространенными ископаемыми как Вам угодно и бесплатно. Во втором случае Вы должны получить отвод на общих основаниях через начальника Сахалинского горного округа. Тут полагается небольшая плата.

Накасато: Вчера мы слышали, что если глина и песок находятся не в пределах концессии, то ими как будто разрешается пользоваться бесплатно?

Иоффе: Я вчера говорил то же самое: на общих основаниях Горного надзора СССР, а это значит – получить разрешительное свидетельство на сезонную добычу или получить отвод на длительную разработку через начальника горного округа, причем некоторая чрезвычайно незначительная плата полагается. Плата полагается в 1% с добычи песка или глины, а самый песок или

глина – очень дешевые ископаемые, так что плата чрезвычайно незначительна.

В сущности говоря, это такая маленькая сумма, что и говорить не стоило бы. Мы очень легко отказались бы от нее, но здесь это устанавливается для сохранения того общего принципа, что японское О[бщест]во работает наравне с нашими государственными предприятиями, а они именно так и платят, получая от горного надзора отводы или разрешения на сезонную добычу.

Накасато: Вчера мы слышали о водном пространстве внутри концессии, но внутри концессии его не имеется. Вчера мы слышали, что вне концессии это должно быть предоставлено безвозмездно, значит, сегодня Вы вносите поправку?

Иоффе: Вы не поняли. Относительно воды я с самого начала сказал, что это и внутри, и вне концессии совершенно бесплатно.

Конисси: Я ошибся, я сказал “водное пространство”, вместо того чтобы сказать “глина и песок вне концессии”.

Иоффе: Я имею вчерашнюю стенограмму, где прямо говорится, что я огласил тот же пункт, который оглашал сегодня относительно воды, песка и глины. Там сказано:

Относительно пользования почвой и песками точно так же мы делаем разделение. На территории своих участков Общество имеет право безвозмездно добывать для постройки и сооружения общераспространенные ископаемые – глину, песок, камень, огнеупорный материал, известь, поскольку эти ископаемые необходимы ему для нужд предприятия. Пользование же этими общераспространенными ископаемыми вне пределов концессионного участка разрешается на общих основаниях горного законодательства, а это законодательство таково, что нужно получить разрешительное свидетельство на сезонную добычу или получить отвод на длительную разработку через начальника Сахалинского горного округа. Я читаю по стенограмме дословно то, что я вчера говорил. Однако, если это Вас смущает, то так как это сводится просто к нескольким рублям, то я согласен на новую уступку, готов внести исправления во вчерашнюю стенограмму и сказать, что это предоставляется Вам безвозмездно. Но вчера я говорил то же, что сегодня, то есть что это за плату.

Накасато: Вчера Вы изволили заметить, что внутри концессии для наших надобностей можно срубить лес безвозмездно. Так мы Вас поняли?

Иоффе: Мы вчера все время говорили о том, что лес на территории концессии срубается по таксе, а не безвозмездно. Уступка, о которой мы вчера говорили, заключается в том, что даже наши государственные предприятия получают право на рубку

леса лишь с торгов, а мы Вам даем такую льготу, которая по нашему законодательству нашим госпредприятиям не дается, а дается лишь трудовому населению, а именно, что лес дается Вам по таксам. Мы указывали, что эти таксы для Сахалина установлены еще в 1913 г. и что фактически эти таксы не превышают того, что во время оккупации платили общества на Сахалине японскому командованию не за японский, а за русский лес. Для проведения дорог и противопожарных мероприятий мы говорили, что лес отпускается бесплатно.

Накасато: Разрешите один вопрос. Вы сказали, что для противопожарных мероприятий и для дорог лес срубается безвозмездно. Если мы построим какое-нибудь сооружение, строение, дом или что-нибудь в этом роде и для этого придется срубить лес, то это тоже безвозмездно?

Иоффе: Если это есть мешающий Вам лес, то он срубается также бесплатно, но должно быть согласовано с горным надзором, что его действительно нужно вырубить.

Накасато: Когда мы строим дома, казармы и проч., а также когда нам нужно топливо, тогда для наших сооружений непременно нужен лес как материал. Если в этих случаях мы будем срубать лес, то будет ли это безвозмездно?

Иоффе: Мы вчера говорили о том, что в этих случаях приходится платить по таксе, будь это вне или внутри концессии.

Накасато: В данном случае мы просим определить возможно низкую плату.

Иоффе: Ниже того, что мы предлагаем, быть не может, так как это таксы 1913 г.

Накасато: Можно ли понять Вас так, что для противопожарных мероприятий и для проведения дорог нам разрешается срубать лес безвозмездно?

Иоффе: Да. Все, что мешает Вашей работе, все это разрешается вырубать бесплатно как внутри, так и вне концессии по соглашению с горным надзором в том случае, когда последний признает, что это действительно мешает Вашей работе.

Накасато: Мы понимаем, что для нашей будущей работы должна быть оставлена лесная площадь.

Иоффе: Вы хотите, если я правильно понимаю Вас, чтобы на этих 8 участках на весь срок концессии Вам была отведена одна лесная площадь в размере 55 000 десятин. Мы отвечаем, что это невозможно, а что возможно отводить лесосеки по соглашению с местными органами Народного комиссариата земледелия либо ежегодно, либо по соглашению на определенное количество лет. Причем нашим лесным законодательством предусматривается,

что все условия уплаты и т.д. пересматриваются каждые 5 лет. На это мы указали Вам с самого начала.

Накасато: Относительно этого нужно Вам сказать, что для работы нашего предприятия необходимо громадное количество леса ежегодно. Поэтому если этот лес будет отводиться тому или другому, третьему лицу и там будет производиться рубка леса, то в будущем мы будем страдать от лесного голода. Мы просим сохранить эту местность для нас и не продавать оттуда лес, ибо если леса не будет, то нам будет весьма трудно вести там дело.

Иоффе: Вы просите, чтобы этот лес был сохранен для Общества с тем, чтобы никому другому отводы там не делались, или чтобы эти леса передать Обществу на весь срок концессии?

Накасато: Общество желает, чтобы этот лес был сохранен и не продавался. Это для нас важно.

Иоффе: Это мы можем принять. Мы не можем только принять, что мы Вам передаем этот лес на весь срок концессии, ибо пользование лесом, согласно нашему закону, осуществляется путем отвода лесосек.

Накасато: Мы представляем себе так: за нами оставляется этот лес, и, когда нам нужно, мы подаем прошение особо, каждый раз, и лес нам отводится.

Иоффе: Против этого возражений нет.

Накасато: Вы только что сказали, что в тех случаях, когда нам нужно, мы получим разрешение на вырубку. Но если мы найдем нефть и нужно будет сейчас же построить сооружение, а для этого предварительно вырубить лес или если мы ведем разведывательные работы и нужно вырубить лес для проведения дороги, то, если каждый раз придется обращаться за разрешением к далеко находящимся властям, это будет весьма трудно, а в некоторых случаях совсем невозможно. Как здесь быть?

Иоффе: Мы предполагаем, что на территории Вашей концессии, если Вам нужно, Вы произведете вырубку леса в вышеуказанных случаях без соглашения с горным округом. Но вне концессии это соглашение необходимо. Причем я не думаю, чтобы здесь встретились большие затруднения, ибо разведки в данном случае Вы будете производить по плану и, следовательно, по плану же, который Вы будете представлять, можно будет предвидеть, какие дороги надо проводить, где нужно построить сооружение и т.д.

Накасато: На деле может случиться, что, например, по ходу работ вдруг понадобится устроить дорогу или вырубить лес. Если чиновников, которые могли бы этот вопрос разрешить, вблизи не будет, то у нас будут большие затруднения. Желательно,

чтобы чиновники, которые будут разрешать подобные вопросы, жили бы не очень далеко от места наших работ.

Иоффе: Имеется в виду, что эти вопросы разрешаться будут местными сахалинскими органами, так что далеко ездить не придется. Если будет слишком много “чиновников” на концессии, то Вы сами запросите, чтобы их было поменьше (смех).

Накасато: По этому вопросу есть ряд правил, и было бы желательно, чтобы в п.п. договора было ясно отмечено все, что Вы нам сейчас разъяснили.

Иоффе: Мы сейчас не даем формулировок статей договора, а только отвечаем на Ваши пожелания. Сейчас важно только, чтобы был ясен смысл нашего ответа, а когда мы будем формулировать договор, то будут отдельные параграфы, где должно быть особенно ясно сказано все – и Ваши обязанности, и Ваши права.

Накасато: Благодарю за разъяснения.

Недавно Вы прислали нам Кодекс законов о труде, мы его сейчас читаем, и у нас есть некоторые вопросы относительно этого предмета.

Когда мы будем работать, у нас будет много служащих и рабочих, появятся больные, могут быть случаи смерти. Понадобится кладбище и крематорий. Если так, то нам нужно будет основать русскую церковь и наш храм и держать служителей культа. Будет ли это нам разрешено?

Иоффе: У нас религия считается совершенно свободной, и все, что Вы сочтете нужным для Ваших религиозных исповеданий, все, конечно, разрешается. Если есть достаточное число верующих, то они имеют право иметь церковь. По нашим законам вопрос о сооружении церкви в интересах отправления религиозных обрядов разрешается волей самих верующих. Если рабочие пожелают, то это, конечно, может быть сооружено, но обязательства для Вас в этом случае нет. Они сами могут строить, но Вы строить не обязаны, а только в случае Вашего желания имеете право на это.

Конрад: Г-н Накасато спрашивает: кладбища сооружают тоже сами верующие?

Иоффе: Сооружение кладбищ есть обязанность местных административных органов, но не концессионера.

Накасато: Благодарю за разъяснение.

Иоффе: У нас остался еще вопрос о комиссии гг. инженеров по вопросу о том, что называется фонтанирующей скважиной.

Накасато: Остался еще вопрос о 1000 кв. верст разведочной площади и вопрос об отводе участков в шахматном порядке.

Иоффе: Эти вопросы остаются открытыми до конца, потому что сейчас мы их еще не можем вырешить. Думаю, что дальней-

ший план нашей работы таков, что мы теперь подготовим конкретные формулировки пунктов договора и будем их обсуждать и принимать, а эти два неразрешенные вопроса останутся до конца, когда мы в состоянии будем их разрешить.

Накасато: Сейчас пройдены почти все вопросы. Вам угодно обсуждать проект договора пункт за пунктом?

Иоффе: Да. Мы сейчас обсудили Ваши пожелания, но концессионный договор – у нас особый закон и имеет структуру формально обязательную. Поэтому нужно все эти согласованные пункты определенным образом сформулировать и определенным образом составить. Кроме того, имеются чисто вступительные параграфы, которые мы здесь не обсуждали, потому что это не Ваши пожелания (носят чисто формальный характер), но в договор эти параграфы должны быть внесены. Я полагаю, что мы попросим Вас пропустить заседание в понедельник, чтобы мы могли составить* возможно большее количество окончательных формулировок в параграфы договора, послать их Вам для ознакомления и тогда через одно заседание приступить к обсуждению договора по параграфам.

Накасато: Я согласен с Вами. При ознакомлении с п.п. договора нам желательно получить от Вас сразу весь проект договора от начала до конца. Имея только одну часть договора, трудно будет дать по ней наши соображения. Поэтому желательно, чтобы нам бы передали весь проект договора целиком, чтобы мы могли его обдумать. Наше второе пожелание – это, как мы раньше Вас уже просили, чтобы непременно был дан перевод договора на английский язык.

Иоффе: Я лично не думаю, чтобы понимание договора было так сложно ввиду того, что все принципиально важные вопросы уже обсуждены. Сейчас ведь только вопрос именно формулировок. Содержание всего договора Вы уже знаете, за исключением вопроса о разведывательной площади и отводах концессий, который мы еще не обсуждали. По всем остальным вопросам соглашение имеется, и содержание пунктов Вам известно. Так что можно было бы обсуждать пункты, не имея даже всего проекта под руками. Но если Вам угодно, то мы можем составить здесь проект и представить его Вам. Это, конечно, потребует несколько больше времени, тогда я не могу указать заранее, когда мы будем готовы. Так, я рассчитывал, что в понедельник заседание мы пропустим, а во вторник Вы имели бы целый ряд пунктов, которые можно было бы обсуждать. Если же Вам угодно иметь весь

* Так в тексте. Очевидно, должно быть “вставить”.

проект договора, то нам придется сделать перерыв на 2–3 дня, в течение которых мы смогли бы приготовить его. Что касается английского перевода, то он у нас запаздывает, ибо раньше надо формулировать по-русски, а затем уже делается английский перевод. В этом тоже некоторая задержка. Если Вы настаиваете на том, чтобы не начинать обсуждение пунктов до ознакомления с английским переводом, то я и против этого не возражаю, но указываю, что это также вызовет задержку на 1–2 дня. Между тем я хочу еще раз напомнить Вам, что аутентичным текстом будет один только русский текст, а перевод хотя и будет Вам дан, но неформальный, неофициальный перевод, ибо мы не можем взять на себя обязательство дать Вам перевод, который будет аутентичным с русским текстом и будет законным. Совет Народных Комиссаров будет утверждать только русский текст договора.

Накасато: Относительно английского перевода я должен просить, чтобы английский перевод имел бы все-таки авторитетное значение.

Иоффе: Тогда Вы меня неправильно поняли. Я все время говорил, что аутентичным текстом будет считаться только русский текст, а перевод мы сделаем неофициальный. Мы его сделаем только ввиду Вашей просьбы. Я уже указывал, что по нашим законам Главный концессионный комитет не имеет права заключать договора на каком [-либо] другом языке, кроме русского.

Накасато: Нам желательно получить от Вас договор весь целиком, потому что первые главы имеют некоторую связь с последними, и если все это будет полностью, то будет более понятно. Поэтому прошу, чтобы нам дали весь договор. Конечно, мы признаем, что договор на русском языке будет настоящим, но нам все-таки придется переводить это с русского на японский язык, и на то тоже достаточно уйдет времени.

Иоффе: Я против этого несколько не возражаю, только я не совсем понял Вас. Вы желаете начать обсуждение по пунктам тогда, когда Вы получите русский текст или когда Вы получите и английский перевод?

Накасато: А трудно будет дать одновременно и русский, и английский текст?

Иоффе: Английский перевод всегда несколько задерживается, потому что сперва мы должны сформулировать по-русски, а потом уже перевести на английский язык.

Накасато: Можно начать, получивши от Вас только русский текст. Конечно, сразу мы не можем приступить к обсуждению и просим дать нам время для перевода. Затем можно дать нам английский перевод с маленьким запозданием.

Иоффе: Когда мы кончим формулировать последние статьи, то первые уже будут переведены на английский язык, так что первые статьи Вы будете иметь и на русском, и на английском языках.

(Накасато утвердительно кивает головой).

Иоффе: Только ввиду Вашего желания получить весь проект полностью я не могу сейчас назначить дня будущего заседания, потому что я наперед не могу сказать, когда мы закончим весь проект. Мы пошлем Вам пункты договора, и, когда Вы закончите их обсуждение, Вы нам об этом сообщите и тогда мы сможем начать обсуждение их совместно.

Накасато: В этом мы с Вами согласны.

Иоффе: Вопрос о понятии “фонтан” угодно ли Вам сейчас разрешить, или тоже отложить?

Накасато: А как Ваше желание? Угодно будет сейчас или в другой раз?

Иоффе: Насколько я понял, гг. инженеры по вопросу об определении понятия “фонтан” пришли к соглашению, так что, быть может, это отнимет всего одну–две минуты времени.

Накасато: Мы согласны.

Иоффе: Я понял так, что гг. инженеры обеих сторон согласились на то, что фонтаном должна называться такая скважина, из которой нефть может получаться без применения механической силы, с тем, однако, что начальным количеством свободного потока нефти будет считаться 50 тонн в сутки.

Накасато: Когда обсуждался вопрос о “гаша” между нашими и Вашими инженерами, то, насколько мне известно, они не пришли к единогласному решению. Ваши инженеры сказали, что нужно это понимать так, как Вы изволили сейчас сказать, что свыше 50 тонн это уже “гаша”, а наши инженеры сказали, что этого мало и что нужно непременно считать со 100 тонн. Тут разница довольно значительная. Как-нибудь нужно приблизить взаимные мнения сторон. Как я раньше отмечал, “гаша” должна быть скважина, дающая нефть под большим давлением. В науке нет такого определения, но, как мы знаем, приблизительно 700–800 тонн может считаться настоящим “гаша” Поэтому мы думаем, что “гаша” должна считаться свыше 100 тонн.

Иоффе: Здесь несколько неправильно формулирована наша точка зрения. Мы не согласны признавать фонтаном скважину, из которой добывается свыше 50 тонн в день. Мы считаем, что фонтаном является скважина, из которой нефть может получаться без применения механической энергии, но так как Вы правильно указываете, что бывают такие скважины, по отношению

к которым не нужно для добычи нефти применять механическую силу, но они дают очень незначительное количество добычи в сутки, то мы согласились на эту поправку, чтобы установить все-таки некоторую цифру суточной добычи, которая должна явиться коррективом к этому основному понятию фонтана. Мы вообще принципиально стоим на той точке зрения, что нельзя определять “фонтан” только из одного факта суточной добычи из скважины.

Накасато: Понятие “гаша” можно определить известным количеством нефти. Тогда будет совершенно ясно, и мы против этого ничего не имеем. Ваше мнение – 50 тонн, а мы определяем в 100 тонн. Нам очень трудно принять такую норму, как Вы сейчас выставляете, и нельзя ли здесь принять некоторую цифру, которая примирила бы обе стороны?

Иоффе: Мы не говорим только об одной норме добычи в день. Основным первым признаком является то, что нефть может быть добыта без применения механической силы, без всяких затрат.

Накасато: Вы требуете, чтобы мы согласились с данным Вами понятием о фонтане?

Иоффе: Мы уже сделали уступку и добавили о 50 тоннах в день. По нашему мнению, единственно справедливое определение фонтана – это то, что есть скважины, из которых можно добывать нефть без применения механической энергии, и количество суточной добычи здесь не играет никакой роли. Но так как на то, чтобы заложить скважину, были кое-какие затраты и такая скважина при очень малом притоке может быть невыгодна, то мы согласились в качестве последней нашей уступки принять еще добавление к нашему принципиальному пониманию фонтана о том, что должна быть суточная добыча в 50 тонн. Это наша последняя уступка.

Накасато: Во всяком случае мы не можем принять такое мнение, что “гаша” – фонтан, дающий 2–3 тонны в день. Нужно определить, с какого количества тонн можно назвать фонтаном. Мы согласны принять такую формулировку.

Иоффе: Мы не согласны определить только по количеству. Если принять даже 50 тонн, то мы также не согласны. Основной момент, что фонтан – это скважина, дающая нефть без применения механической энергии. Если даже взять 50 тонн, а не 100, то и это нас не удовлетворит. А 40 тонн фонтан или нет? С нашей точки зрения, так вопрос никогда не может быть поставлен.

Накасато: Мы не настаиваем на том, что именно с этого количества считать за “гаша”. Но только мы желаем установить, с

какого именно количества начать считать в деловом отношении на практике, а не в теории?

Иоффе: На практике также должны быть два признака: Во-первых, нефть получается без применения механической энергии, а во-вторых (и здесь наша уступка), скважина дает не менее 50 тонн в сутки.

Накасато: Как же считать на практике, с какого количества будет исчисляться долевое отчисление как с фонтана?

Иоффе: Мы сейчас о долевом отчислении не говорим. Этот вопрос не был на обсуждении в комиссии инженеров. Вопрос о долевом отчислении при фонтанировании отложен так же, как о долевом отчислении вообще. Сейчас вопрос стоит так, что мы создали комиссию, чтобы она договорилась и чтобы в результате мы этот вопрос выяснили. Комиссии было поручено установить, что такое фонтан (по Вашему, “гаша”). Мы считаем, что фонтаном является скважина, из которой может добываться нефть без применения механической силы, но, кроме того, ввиду большой уступки мы согласились считать, что начальное свободное количество притока будет 50 тонн. На дальнейшие уступки мы идти не можем. Если Вы не согласны, то придется считать, что этот вопрос не согласован.

Накасато: Мы только желаем определить, от какого количества считать на практике “гаша”, и об этом мы говорим. Что касается понятия “гаша”, то это мы не считаем обязательным, а хотим только выяснить, с какой цифры это принимать.

Иоффе: Это есть определенное понятие фонтана. Мы об этом сейчас говорим и устанавливаем два признака: возможность добычи без применения механической силы и количество притока 50 тонн в сутки.

Накасато: Если так, то при этом определении нет надобности устанавливать предел, если Вы устанавливаете принцип без применения механической силы.

Иоффе: Если Вы желаете принять просто, что фонтаном называется всякая скважина, которая должна без применения механической силы давать нефть, то мы против этого не спорим.

Накасато: С понятием “гаша” непременно сопровождается понятие о большой силе, о высоком давлении. Поэтому должно быть большое извержение.

Иоффе: Это и заключается в том, что не надо применять механическую энергию, не нужны насосы и нефть сама выливается.

Накасато: Мы согласны, что “гаша” дает извержения без механической помощи, но вместе с тем это сопровождается понятием о большом давлении, и нефть должна бить с большой силой.

Переливание от 1 до 2 тонн мы не можем считать за фонтан или “гаша”

Иоффе: Мы не согласны. В качестве окончательной уступки мы пошли навстречу и сказали, что готовы признать при условии отсутствия применения механической силы свободный приток в сутки 50 тонн.

Накасато: Если так говорить, то не будет конца. Ваши инженеры сказали, что это непременно должно быть 50 тонн, а наши говорят 100 тонн. Я предложил бы Вам взять среднее, то есть 75 тонн. Это я хочу Вам предложить.

Иоффе: Я думаю, что это неприемлемо. Вы совершенно произвольно начали со 100 тонн. Мы также произвольно сказали 50 тонн. Теперь Вы говорите 75 тонн. С таким же успехом Вы могли начать с 200 тонн, мы тогда тоже сказали бы 50 тонн. Вы предложили бы сейчас 150 тонн как нечто среднее. Это неправильный модус. Если исходить из чего-нибудь, то нужно исходить из следующего: нефть из этих скважин Вы получаете бесплатно. Вы заявляете, что заложение скважины стоило денег и если будет недостаточная добыча в сутки, то не окупится то, что затратили на закладку скважин. Мы говорим, что если будет 50 тонн, то Вы тогда 10 раз окупите то, что стоила закладка скважины. Уступка эта с нашей стороны громадная. Расходы по скважине окупаются при суточной добыче 300 пудов, то есть при 5 тоннах добычи, как говорят наши специалисты. Правильный подход был бы именно такой. Вы получаете совершенно бесплатно нефть, так сказать, от Бога, без всякого применения какой-нибудь силы. Естественно, что здесь нельзя же не соглашаться. Вы говорите, что скважина стоила денег и если она будет давать 10–20 тонн, то это невыгодно. А вот инженеры наши говорят, что при 5 тоннах уже выгодно. Мы же пошли очень далеко Вам навстречу и сказали 50 тонн. Так что Вам не следовало бы спорить по этому вопросу.

Накасато: По Вашему взгляду, не имеет основания одинаково ни цифра в 100 тонн, ни в 50 тонн, ясно, что такая фонтанирующая скважина дает нефть как бы в виде подарков. Мы от этого получаем достаточную прибыль, но все-таки мы так думаем, что норма 50 тонн слишком низкая. Если Вам неприемлемы 100 тонн, о которых я говорил, то можно взять нормы в 75 тонн.

Гуревич: Вопрос ставится таким образом, что недостаточно выгодной считать скважину, дающую 50 тонн фонтанирующей нефти, тогда давайте сделаем так. Передайте нам все фонтанирующие скважины, а мы Вам будем давать 45% долевого отчисления.

Накасато: Я не утверждал никогда, что 50 тонн это невыгодно.

Гуревич: А раз это выгодно, а это очень выгодно, так как мы считаем, что это дает во много раз больше, чем затрачено, то о чем же здесь тогда спорить?

Накасато: Конечно, и 30 тонн тоже прибыльно, 50 тонн еще больше прибыльно, а 100 тонн еще больше того прибыльно.

Гуревич: Та уступка, которая сейчас делается, она очень выгодна. Когда Ваши инженеры заявляли, что фонтаном считается скважина, которая дает 100 тонн, и что об этом указано в мировой литературе, то мы попросили указать нам этот источник в мировой литературе, но его нам не могли назвать, ибо ни в одной книжке, ни в одном источнике нигде не указано, что фонтаном называется скважина, дающая 100 тонн. Фонтан это есть такая скважина, которая дает нефть без применения механической энергии. Естественно было бы, чтобы мы сказали, что если нефть дается без механической силы, то мы будем определять так, что если получается 2 тонны, то мы берем не 45% долевого отчисления, а меньше, а если 20 тонн, то мы берем все 45%. Мы же пошли в данном случае еще дальше и сказали – 50 тонн. Так что это требование не должно подлежать никакому сомнению. Если говорить о прибыльности, то я удивляюсь, почему в таком случае Вы сказали 100 тонн? Ведь 1000 тонн было бы гораздо более прибыльно. Я удивляюсь, почему Вы не сказали – 1000 тонн.

Накасато: Добыча 20 тонн, или 100 тонн, или 1000 тонн – все это прибыльно, но здесь вопрос только о размерах прибыли. Наш представитель сказал, что приток в 700 или 800 баррелей принимается уже на практике за “гаша”. Тут, конечно, нам не приходится сказать о самом меньшем количестве – минимуме и самом большом количестве – максимуме, а нужно лишь сказать о таком количестве, которое является средним. Поэтому мы предложили Вам 100 тонн.

Иоффе: Тогда будем считать, что по этому вопросу мы согласиться не можем.

Ямада: Если ниже 50 тонн добычи, то есть 49 тонн, то как это? Считается ли обыкновенной добычей, и на это налагается обыкновенная “рояльти” (долевое отчисление).

Иоффе: Это есть тот же самый вопрос, который мы Вам задавали, когда Вы говорили: 100 тонн. Мы берем поэтому два условия. Если из скважины нефть вытекает без применения механической энергии и при этом получается суточный дебет не менее 50 тонн, то так как с чего-нибудь начать надо, то если добыто будет 49 тонн, то это, конечно, не будет фонтан и отчисления с этой скважины будет простое. Хотя это может быть нечто произвольное, и даже это нелогично, ибо мы вообще

считаем, что, хотя даже и полведра давала бы скважина без применения механической энергии, она все же считается фонтаном. Но, делая в данном случае уступку, мы начинаем считать скважину фонтаном при условии, если в сутки без применения механической энергии получается 50 тонн, и так как при добыче 49,99 тонн это уже не есть фонтан, то мы эту несуразность, конечно, принимаем.

Накасато: Относительно того вопроса, что “гаша” это есть скважина, откуда добывается нефть без применения механической энергии, то это ясно, что так должно быть. Но в смысле слова “гаша” всегда есть еще то понятие, что добывается нефть с большой силой, с большим давлением, поэтому здесь должна быть сделана оговорка, что “гаша” это есть именно нефть, добываемая без механической энергии, но вместе с тем получающаяся при большом давлении.

Иоффе: Так как уже 12 часов, а мы по регламенту должны закрывать заседание в 11, то разрешите считать, что мы по этому вопросу не договорились, и заседание наше закрыть.

Накасато: Мы согласны.

Иоффе: Но если мы по одному из важнейших вопросов не договорились, то, может быть, не стоит продолжать дальнейшие переговоры?

Накасато: Вообще переговоры?

Иоффе: Да, вообще переговоры.

Накасато: Все переговоры в целом?

Иоффе: Да, если мы в этом вопросе не договорились.

Накасато: Об этом вопросе нам нужно еще подумать. Разрешите нам подумать.

Иоффе: Пожалуйста. Тогда, значит, мы пошлем Вам дальнейшие формулировки, и Вы нам сообщите, когда Вы сможете продолжать дальнейшие заседания и вместе с тем дадите ответ по этому вопросу о фонтанах.

Накасато: Приблизительно когда мы можем получить от Вас формулировки?

Иоффе: Постараемся в следующую среду.

Накасато: Мы согласны

Иоффе: Разрешите объявить заседание закрытым.

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1005. Л. 102–116 об. Копия.

*Письмо А.А. Иоффе Г.В. Чичерину
по вопросу сдачи в концессию японцам
нефтяных и угольных промыслов Стахеева
на Северном Сахалине*

№ 318

9 сентября 1925 г.
Сов. секретно

Наркому иностранных дел тов. Г.В. Чичерину
Копия: Политбюро ЦК РКП(б)

Уважаемый Георгий Васильевич!

В связи с пересланной мне шифровкой тов. Коппа по вопросу о стахеевских нефтяных и угольных отводах сообщаю Вам нижеследующее:

В соответствии с пожеланиями НКВД у нас – в комиссии ГKK по переговорам с японскими концессионерами было решено вопрос о нефтяных и угольных отводах обсуждением отложить именно в целях предварительного выяснения стахеевского вопроса. Это решение проводится в жизнь, и до сих пор мы на переговорах с японцами к обсуждению вопроса об отводах ни с углепромышленниками, ни с нефтепромышленниками не приступали.

Однако на одном из первых заседаний, когда я был болен, на неоднократные категорические запросы японских представителей нефтепромышленного концерна тов. Гуревич им ответил, что никаких договорных отношений с фирмой “Иван Стахеев и К^о” у нас не существует. Причем на столь же категорические запросы тов. Гуревича адмирал Накасато точно так же ответил, что и у них никаких договорных отношений с этой фирмой не существует.

О том, что такое заявление было уже сделано японцам, я и сообщил тов. Коппу, вовсе не заявляя, что вопрос уже решен.

В этой же шифровке я добавлял в качестве своего личного мнения, что по отношению нефтяной концессии вряд ли удастся так или иначе оперировать правами Стахеева, ибо в Пекинской конвенции более или менее точно predeterminedены границы нефтяной концессионной территории. Вместе с тем я указывал, опять-таки в виде своего личного мнения, что признание прав Стахеева принципиально недопустимо, так как его имущество национализировано и он никаких наших законов и правил в смысле заявки своих прав не соблюд.

В этой шифровке я добавлял, что по отношению к угольной концессии дело обстоит иначе и что тут независимо от прав Стахеева мы можем попытаться не сдавать японцам концессии на стахеевские отводы, так как в Пекинской конвенции определен только округ Дуэ, но не определяются другие территории концессии.

Мы в комиссии решили попытаться не сдавать японцам угольной концессии на те участки, на которые имеются законные права советских граждан или других иностранцев, а также на те, судьба которых по точному смыслу Пекинской конвенции не предопределена.

По существу же копповской шифровки я думаю следующее:

1. Что его мысль, изложенная в п. 1, неправильна. Нас вовсе не касается, базируется ли договор Стахеева с японцами на праве его собственности или нет, и дело вовсе не в том, уничтожает ли национализация сама по себе договор Стахеева с японцами, а дело в том, что для того, чтобы заявить претензию на эти участки, мы должны признать права Стахеева, то есть фактически создать прецедент денационализации.

2. Возможно, конечно, что японцы без нашей формальной санкции юридически не могут уничтожить договор с Стахеевым (хотя у нас есть сообщение, что они просто от него откупаются), но в чем может заключаться наш отказ от формальной санкции? По-моему, ни в чем ином, как только в признании прав Стахеева, а это именно, как указано выше, я лично считаю принципиально недопустимым.

3. Юридическая возможность формального выступления наших госорганов в качестве право наследников Стахеева, конечно, не исключена, но, как я указывал выше, этому противоречат постановления Пекинской конвенции, так как там прямо оговаривается территория концессии, которая включает и стахеевские отводы.

4. Я не понимаю, что именно предлагает тов. Копп, когда говорит, что нужно заявить японцам, что их заявление об отсутствии договорных отношений не подтверждается имеющимися у нас документальными данными по этому вопросу, и это нуждается в особом рассмотрении, и что до этого полного урегулирования вопрос о сдаче в концессию стахеевских отводов не может быть окончательно разрешен. Конечно, можно и даже хорошо при случае заявить японцам, что, по нашим сведениям, они все же имеют договорные отношения со Стахеевым (хотя, по нашим сведениям, и здесь довольно ловкая хитрость со стороны японцев: договор со Стахеевым имела фирма “Мицубиси”, а концес-

сионный договор с нами заключает другая, в которую хотя “Мицубиси” и входит, но юридическое лицо все же иное), но мне не ясно, хочет ли Копп отложить вопрос о сдаче в концессию стахеевских отводов до конца нынешних переговоров с японцами или же считает, что можно заключить концессионный договор, не касаясь этого вопроса. Последнее явно невозможно, а первое, как указано выше нами, уже сделано, и вопрос об отводах вообще поставлен в последнюю очередь.

С коммунистическим приветом

А. Иоффе

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1001. Л. 71–73. Подлинник.

№ 222

*Стенограмма заседания комиссии Главконцесскома СССР
и представителей японских нефтяных компаний
по вопросу имущества нефтяной концессии на Северном Сахалине*

11 сентября 1925 г.

Присутствовали: Со стороны комиссии Главного концессионного комитета: председатель комиссии г. Иоффе, член комиссии г. Гуревич.

Экспертиза: гг. Бекман, Бонч-Осмоловский, Галузин, Колесников, Лашкевич, Левин, Лютовский, Мусатов, Никитин, Полевой, Степухович, Ходоровский, Янковский, Япольский. Эксперт-переводчик г. Конрад. Секретари: гг. Зубкова, Гальперин, Сухоплюев.

Со стороны японской делегации: председатель г. Накасато, советник г. Каваками, юрисконсульт г. Ватанабэ, технический эксперт г. Ямада, врач г. Кумакава, секретари гг. Инаиси, Сайто, переводчики гг. Конисси, Араи, клерк г. Нака.

Гуревич: Г-н Иоффе просит извинить его за то, что он вследствие болезни не может сегодня присутствовать на заседании. Разрешите открыть заседание.

Накасато: Пожалуйста. Разрешите сказать несколько слов.

Гуревич: Пожалуйста.

Накасато: Несколько дней тому назад нам дали проект договора с 1 до 14 пункта. Мы эти пункты с большим старанием рассмотрели. Третьего дня вечером Вы нам прислали весь проект до последнего параграфа. Эти параграфы мы только еле-еле успели перевести. Поэтому параграфы после 14-го у нас не совсем хорошо рассмотрены, но, тем не менее, поскольку срок, в Пекинском

договоре указанный, уже приближается, мы желаем, чтобы сегодня мы занялись обсуждением проекта договора. Мы Вас просили по тем пунктам, которые нам кажутся неясными, дать сегодня Ваши разъяснения или объяснения. Просим сейчас на это разрешения.

Гуревич: Мы сами чрезвычайно озабочены тем, чтобы возможно скорее вести переговоры, но я думаю, что г. адмирал поймет, что было просто физически невозможно составить два крупных, больших договора в более короткий срок. Я думаю, что в отношении быстроты составления этих договоров мы сделали все, что было возможно. Так что само собой разумеется, мы, как и до сих пор, так и в дальнейшем будем стремиться, чтобы возможно скорее закончить переговоры. Я считаю, что первые 14 пунктов, поскольку, как Вы нам сообщили, они Вами достаточно изучены, являются достаточным материалом для сегодняшнего вечера. Если я Вас правильно понял, Вы предлагаете сегодня начать работу с чтения договора пункт за пунктом.

Мое предложение, дабы действительно быстро работать, — принять такой порядок, чтобы те пункты, где возражений не будет, фиксировать сегодня окончательно. Потому что если мы сегодня опять будем рассматривать отдельные пункты, будем запрашивать по отдельным пунктам объяснений и потом опять возвращаться к ним, то мы тогда никогда не кончим. Я предлагаю считать те пункты, по которым не будет разногласий, окончательными, а те, где будут разногласия, мы будем обсуждать.

Накасато: Вы не так поняли то, что я сказал. Только третьего дня мы получили от Вас последние пункты. Первые 14 параграфов мы изучили, нельзя сказать достаточно, но более или менее достаточно, но остальные только успели пробежать, только что кончили их прочитывать, а английский перевод их сейчас лишь был нами получен, и мы его прочли, и некоторые пункты по этому переводу нам стали только сейчас ясны. Но сейчас нам желательно выяснить то, что неясно, потому что первая же неясность для нас может повлиять на дальнейшее. Поэтому, для того чтобы проект договора целиком был нам известен, мы хотели бы сегодня посвятить получению от Вас объяснения, а после этого, когда мы поймем, тогда уже дальше продолжать работу.

Гуревич: Я, конечно, готов дать всякие объяснения, которые понадобятся, но я хотел предупредить: постольку, поскольку г. адмирал говорил сейчас о том, что срок, предусмотренный Пекинским договором, приближается, что осталось всего немногим больше месяца, постольку я считаю, что для того, чтобы действительно интенсивнее работать, нам нужно уже теперь

принимать окончательные формулировки, ибо общие вопросы договора мы уже обсуждали, причем обсуждали довольно длительно. Если речь идет о каких-нибудь редакционных изменениях, то их можно будет внести в процессе обсуждения договора, но если начать сейчас разъяснять весь договор, то я боюсь, что мы все время, которое у нас осталось, потратим на разъяснения, а для окончательной формулировки пунктов договора у нас времени не хватит.

Я считаю, что после почти месячного обсуждения всех вопросов пора уже перейти к выработке конкретных формулировок.

Накасато: Разрешите нам задать Вам вопросы там, где нам неясно, а потом перейти к чтению по пунктам.

Гуревич: Пожалуйста.

Накасато: На первой странице написано: “Японское Общество” Как я уже докладывал, Общество еще формально не состоялось, а здесь написано на англ[ийском] языке “Society” Мы хотели бы именоваться “Корпорация японских нефтяных предпринимателей”

Конрад: Они говорят “Ассоциация японских нефтяных предпринимателей”

Конисси: Это по-английски: “Асосиейшен”.

Гуревич: Я понимаю это, но ассоциация японских нефтепромышленников – это юридическое лицо или нет?

Накасато: Она еще не зарегистрирована, и поэтому нельзя считать ее юридическим лицом.

Гуревич: Согласно Пекинскому договору мы обязаны заключить договор с фирмой, которая будет рекомендована японским правительством. Мы не можем заключить договор с незарегистрированной в Японии организацией, с несуществующей фирмой. Я готов заменить слово “Общество” словом “Ассоциация”, но в том случае, если эта ассоциация зарегистрирована по японским законам и является юридическим лицом. Дело не в названии. Если Ваша ассоциация не есть юридическое лицо, тогда пусть японский посол укажет, от имени какого юридического лица будет заключен договор?

Накасато: Здесь написано, что посол засвидетельствует.

Гуревич: Да, но пусть он засвидетельствует то, что это есть именно то юридическое лицо, которое предусмотрено Пекинским договором и с которым мы должны подписать договор.

Ватанабэ: В данный момент наша корпорация – это своего рода как бы сказать несформировавшееся Общество. Когда мы заключим здесь концессионный договор, то мы вернемся домой, там сейчас же регистрируемся и тогда мы будем представлять

собой юридическое лицо. Но нужно заметить, что главное – это то, что мы сейчас еще не имеем юридического лица, но занимаемся этим делом. Поэтому эту корпорацию наше правительство признало имеющим такие качества, что она может быть Вам предложена как специальная ассоциация, и поэтому оно рекомендовало нас Вам. Поэтому эта корпорация может заключать договор и может еще делать разные дела по своей специальности. В Пекинском договоре так и написано: “что специально занимающиеся этим делом”

Гуревич: В Пекинском договоре сказано следующее: “Правительство СССР соглашается предоставить японскому концерну, рекомендованному правительством Японии, концессию на эксплуатацию 50% площади...” и т.д.

Концерн по закону всех стран есть юридическое лицо. Вы говорите, что, когда Вы вернетесь в Японию, Вы образуете Общество, но с кем мы будем подписывать договор? По юридическим нормам всех стран договор подписывает правомочный субъект. Нельзя же подписывать договор с несуществующим юридическим лицом, которое только впоследствии будет оформлено.

Ватанабэ: Сейчас мы выслушали Ваши объяснения и не можем с ними согласиться. Вы сказали, что упоминаемый в Пекинском договоре концерн или по-английски Consert должен быть непременно юридическим лицом. По-нашему, слово “концерн” не означает обязательно юридическое лицо, а это может быть ассоциация, которая имеет права, имеет обязательства, активность, это такая корпорация, которая может быть субъектом. Поэтому не обязательно, чтоб было Общество такое, которое зарегистрировано, но такое, которое может исполнять то, что вправе. Это может быть ассоциация. Люди, составляющие эту корпорацию, имеют права и обязательства и могут быть известными субъектами, поэтому они в состоянии подписать концессионный договор.

Накасато: Я должен еще к этому прибавить, что я имею свидетельство от премьер-министра в том, что я здесь представляю известную корпорацию, имеющую силу и право заключить с Вами концессионный договор. Если Вам угодно, это свидетельство может быть Вам передано.

Гуревич: Я ни в малейшей мере не сомневаюсь в полномочиях г-на адмирала Накасато. Мне прекрасно известно, что адмирал Накасато и эта ассоциация рекомендованы японским правительством. Рекомендация японского правительства есть совершенно достаточная гарантия. Мы здесь не обсуждаем вопрос о том, насколько достаточны гарантии японского правительства.

Речь идет о чисто формальной стороне, которая заключается в том, что договор должен быть подписан по доверенности юридического лица. Если нет подписи юридического лица, то тогда договор как таковой юридически не имеет законной силы. Согласно гражданскому праву, как нашему, так и других стран, такой договор не будет иметь никакой силы. Вопрос не в том, что мы хоть одну минуту сомневаемся в том, что японское правительство рекомендует данных представителей. Имя адмирала Накасато достаточная гарантия для нас, но я говорю о чисто юридических формальностях.

Я хотел бы привести пример. Мы знаем ассоциацию, которая нам рекомендована. Г-н адмирал говорит, что после заключения концессии будет организовано новое Общество. Предположим, что новое Общество не примет всех тех обязательств, которые есть в договоре. Как же тогда?

Ватанабэ: Сейчас наше Общество еще не стало юридическим лицом, но будущие акционеры собрались и устроили корпорацию, и каждый член этой корпорации принимает на себя обязательства. Тех опасений, которые Вы сейчас высказали, быть не может.

Я должен Вам сообщить, каким именно порядком составляется у нас акционерное общество. У нас, чтобы составить акционерное общество, прежде всего нужно утвердить устав о[бществ]ва. Во-вторых, нужно сделать известные взносы, затем устроить общее собрание, и только тогда о[бществ]во становится юридическим лицом. Но до этого момента многие лица составляют общество, и каждое из этих лиц имеет известные обязательства и вместе с тем права. Такова наша корпорация, и каждое лицо, в эту корпорацию входящее, принимает на себя вместе с правами и обязательства.

Гуревич: Имеется ли устав у Вашей корпорации?

Ватанабэ: У нас устав имеется, но только он не зарегистрирован.

Гуревич: Здесь совершенно неожиданное юридическое затруднение, затруднение не по сути, а именно по форме. По сути для нас гарантия японского правительства ценнее, чем любая регистрация, но по форме мы сталкиваемся со следующим юридическим казусом: подписать договор может только субъект, обладающий правоспособностью и дееспособностью. Этим признакам удовлетворяют и физические лица, и юридические лица. Согласно Пекинскому договору физические лица исключаются, а юридического лица, оказывается, не существует. Без этого юридического лица трудно найти формулу для подписания договора.

Этот вопрос является серьезным. Разрешите его сегодня с обсуждения снять с тем, чтобы вернуться к нему на одном из следующих заседаний.

Конисси: О[бщест]во по-английски нам хотелось бы перевести “Concept”

Гуревич: Разрешите, таким образом, этот вопрос сейчас снять и вернуться к нему потом ввиду того, что этот вопрос требует специального юридического рассмотрения, так как у нас в нашей практике до сих пор таких случаев еще не было.

Накасато: В § 1 на строке 8 и 9 написано: “на срок и на условиях настоящего договора принадлежащие СССР имущества, указанные в настоящем договоре...” Тут написано “имущества”, какие именно эти имущества?

Гуревич: Здесь написано, что передаются принадлежащие правительству СССР постройки, оборудование и прочее имущество, которое сейчас на территории концессии имеется. Основным же имуществом являются самые недра. Что касается оборудования, то, например, когда предприятие инж[енера] Клейе¹ было ликвидировано, то осталось разное оборудование, трубы, котлы и прочее. Поскольку это имущество находится на территории концессии, оно передается.

Накасато: Значит, это то имущество, которое осталось от прежних Ваших арендаторов или предпринимателей, которых мы там нашли до нашего настоящего дела.

Гуревич: [Под] этим понимается все то, что на территории концессии имеется сейчас в наличии. У нас дальше в договоре предусматривается, что этому имуществу составляется специальная опись и что оно по акту передается концессионеру.

Накасато: Это все то имущество, что сейчас имеется? Или то, что осталось от последних арендаторов?

Гуревич: Это все то, что имеется сейчас на территории концессии.

Накасато: Скажите, пожалуйста, как Вы понимаете: все то, что до нас имелось или что сейчас мы на свои средства приобрели и туда перевезли. Это тоже считается Вашим, или только что имелось раньше?

Гуревич: Согласно Пекинской конвенции правительство СССР обязалось предоставить в эксплуатационную комиссию определенный участок нефтеносных земель и 1000-верстную площадь под разведку на нефть. Заключая сейчас договор, мы исходим из того, что то, что сейчас имеется на территории концессии, мы передаем. Вы говорите, что Вы завезли туда имущество, но только что мы говорили с Вами о том, что Вы даже

неоформленное юридическое лицо. Как же можно говорить о том, что Вы завезли какое-то имущество, когда Вы еще несуществующее общество, то есть общество, только подлежащее организации?

Ватанабэ: Сейчас Вы сказали, что принадлежит сов[етскому] прав[ительству]: те машины, которые оставил инж[енер] Клейе, и потом собственно земля. Но то, что мы перевезли туда, построили там строения, вышки и проч. и проч., и то, что потом мы имеем дальше на будущее время строить там, перевозить туда разные машины, строить строения, – это все, Вы сказали, есть тоже собственность сов[етского] правительства?

Гуревич: Разрешите разделить этот вопрос и отдельно ответить: то есть то, что сейчас имеется, и то, что там будет потом. Сейчас будем говорить о том, что там есть в данное время. Вы говорите: “то, что мы завезли”. Я спрашиваю, кто это мы? Кому это сейчас принадлежит? Может быть, Вы будете столь добры это указать.

Накасато: Во время японской оккупации там работало акц[ионерное] общ[ество] “Хокусинкай”, которое туда перевезло разные машины и построило все это.

Гуревич: Мы сейчас ведем переговоры с общ[еством] “Хокусинкай” или нет?

Ватанабэ: Мы так думаем, что то, что в данный момент находится на С[еверном] Сахалине, это есть собственность общества “Хокусинкай” и наше будущее общество или корпорация это приобретает и будет пользоваться в дальнейшем. То есть сейчас там имеются принадлежащие акц[ионерному] общ[еству] “Хокусинкай” разные машины и строения, которые эта новая корпорация покупает и будет потом работать.

Гуревич: Но с таким же успехом можно было сказать, что та нефть, которая сейчас имеется и которая была добыта общ[еством] “Хокусинкай”, что эту нефть покупает будущее Общество и что она является также собственностью этого нового Общества. Ведь вопрос относительно собственности имущества, которое там остается, он подпадает под вопрос о взаимных претензиях, который урегулирован Пекинским договором. Ведь если предъявлять сов[етскому] правит[ельству] требования, что оборудование, которое имеется на Сахалине, принадлежит о[бщест]ву “Хокусинкай”, то с неменьшим правом сов[етское] правительство могло бы предъявить требование относительно того леса, того имущества, той нефти, которые вывозились с Сахалина во время оккупации. Ведь если говорить сейчас о претензиях, то надо говорить и о контрпретензиях, которые имеются. Мы ведем

переговоры не с обществом “Хокусинкай”, а с ассоциацией, которая даже не является юридическим лицом, поэтому мне непонятна забота этого вновь долженствующего быть организованным Общества о том имуществе, которое принадлежит какому-то третьему лицу.

Или, может быть, Вы предусматриваете, что это будущее О[бщест]во уже сейчас является наследником того, кто был на Сахалине во время оккупации? Но если так, то Вы берете на себя и претензии, которые могут быть предъявлены к этому О[бщест]ву?

Ватанабэ: У нас в Японии, чтобы зарегистрировать известное Общество, то есть сделать его юридическим лицом, нужен сложный порядок, поэтому еще у нас это не исполнено, но то, что мы сказали сейчас об имуществе, которое находится на Сахалине, мы так условились, что это нами будет принято, и у нас даже определена известная цена. Это, как бы сказать, концерн Японии, составляющий известную корпорацию людей. Прошу иметь это в виду. С другой стороны, мы имеем Вам предложить еще вопрос. По-вашему выходит так, что то, что находится на Сахалине в данный момент, нам не принадлежит и все это принадлежит Вашему правительству.

Гуревич: Кому это – “нам”?

Насколько я понял г. Накасато, мы ведем переговоры не с японским правительством, а с японским концерном, рекомендованным правительством. Насколько мне известно, тот концерн, который здесь представлен, никакого имущества на Сахалине не имеет. О каком имуществе Вы говорите?

Ватанабэ: Это имущество принадлежит о[бщест]ву “Хокусинкай”

Гуревич: Но это Общество здесь не фигурирует, и я не вижу необходимости об этом говорить.

Ватанабэ: Мы так решили, чтобы то имущество, которое принадлежит “Хокусинкай”, будет передано, но если это нельзя, если это Ваше предприятие, то нам нельзя получить передачу.

Гуревич: От кого?

Ватанабэ: От “Хокусинкай”

Гуревич: У меня недоумение. Только что, когда мы обсуждали первый пункт, Вы говорили, что Вы не оформленное еще Общество. Как же могло неюридическое лицо получать или передавать, как могло совершать формально юридическую сделку? Я никак не могу принять Ваше заявление, что Вы с кем-то заключили какое-то условие. Советское правительство за это никакой ответственности не несет.

Конисси: Это мы только желаем получить, только условились.

Гуревич: Такие заявления согласно гражданскому праву может делать только полноправное юридическое лицо. Вы же только что объяснили, что концерн не является юридическим лицом. Во всяком случае, это дело нас не касается, и мы не намерены нести ответственность за те сделанные запродажи или продажи, которые совершились между еще несуществующим юридическим лицом и обществом “Хокусинкай”. Сегодня мы разговариваем с О[бщест]вом, рекомендованным японским правительством, которое никакого имущества на Сахалине не имеет.

Ватанабэ: Сейчас наша корпорация или концерн не имеет никакого имущества, это ясно. Но мы Вас спрашиваем, что то, что имеется там, что принадлежало японцам, что это собственность теперь советского правительства?

Гуревич: Вы указали, что являетесь фирмой, рекомендованной правительством Японии. С Вами ведет переговоры Главконцесском, орган правительства, и Вы не можете заподозрить, что мы будем передавать то, что нам не принадлежит.

Накасато: Сейчас мы предложили вопрос не о том, что Вы сейчас сказали, что мы сомневаемся в Вашем достоинстве и проч. Но мы просим сказать, правильно ли мы поняли, что Вы сейчас сказали, что Вы передаете устройства, имущество прежних японских промыслов, что Вы хотите передать все, что японцы сделали, устройства и машины.

Гуревич: Я хочу ответить на то, о чем Вы раньше спрашивали и на что я еще не дал ответа. Вопрос идет о том имуществе, которое Вы завезете. Наше концессионное право основывается не на праве владения, не на праве собственности, а только на праве пользования имуществом для извлечения прибыли. Это не только у нас, это предусматривается и обычным концессионным правом других стран, этим отличается концессия от права собственности. Если Вы имеете право владения и распоряжения имуществом, то по гражданскому праву всех стран Вы имеете дело с вечной собственностью, а раз это так, то имущество это может быть передано по наследству, может быть отчуждено, заложено и т.д. Когда речь идет о концессии, то концессионный пользователь не имеет права ни передачи по наследству, ни права продажи, ни права залога. Это юридическое построение покоится и на экономической базе. Если Вы возводите постройки, сооружения, бурите скважины, завозите машины, то в течение срока работы Вы все это амортизируете. Если исходить из срока данной концессии, то, конечно, весь затраченный капитал будет амортизо-

ван несколько раз. Следовательно, вопрос о собственности бес- предметен не только в отношении оборудования, которое имеет- ся на территории концессии, но и которое будет завезено в даль- нейшем. Собственностью Вашей является нефть, которую Вы добываете этим оборудованием.

Прибылью от операций Вы амортизируете весь тот основной капитал, который Вы вкладываете в данное предприятие. Поэто- му не только юридически, но и экономически будет неправиль- ным утверждение, что лишь недра являются собственностью со- ветского правительства. Собственностью советского правитель- ства является все концессионное предприятие, которое должно быть Вами к концу срока концессии передано чистым от задол- женности и в том виде, как это предусмотрено в данном догово- ре. Раз имущество должно быть полностью передано, то, само со- бой разумеется, что никакого права собственности в данном слу- чае нет, а есть право пользования. Еще раз повторяю, что собст- венностью является только нефть и этой нефтью Вы амортизируе- те основной капитал, который Вы в это дело вложите.

Ватанабэ: Из сказанного Вами сейчас ясно, что уже имею- щееся там имущество и долженствующее туда быть привезено будет не в собственности концессионера. Мы так понимаем Ваши слова. Но в § 40 в самом конце сказано: “В этих случаях концес- сионное предприятие переходит безвозмездно к правительству с соблюдением условий § 38 настоящего договора” Тут сказано “безвозмездно переходит в собственность пр[авительст]ва” Как это нужно понять? Выходит так, что до этого момента право соб- ственности на это имущество принадлежит к[онцессионе]ру.

Гуревич: Какое право собственности? Я Вас несколько не по- нял, может быть, Вы еще раз объясните?

Ватанабэ: Если читать это так, как написано, то до момента нарушения концессионером договора это имущество – собствен- ность концессионера и только в том случае, когда к[онцессионе]р нарушает договор, это имущество переходит к правительству.

Гуревич: Тут ни одного слова о собственности нет, а сказано, что если к[онцессионе]р нарушает такие-то и такие-то условия настоящего договора, то имущество переходит к пр[авительст]ву безвозмездно, то есть то право пользования, которое к[онцессио- не]р имел, в этом случае он теряет. Нигде в договоре нет указания на то, что к[онцессионе]р владеет концессионным предприятием на праве собственности. Наоборот, целый ряд параграфов указы- вает на то, что права собственности в данном случае к[онцессио- не]р не имеет. В § 4 говорится, что имущество не подлежит ни от- чуждению, ни залогу, а равно на него не могут быть обращены

взыскания кредиторов к[онцессионе]ра. Одно это ясно показывает, что речь идет не о собственности, а о праве пользования.

Ватанабэ: То, что Вы сейчас сказали, мы поняли. Но когда мы там начнем работать и начнем бурение, то мы туда привезем взятые напрокат бурильные машины. В этом случае, собственно говоря, мы берем машины только в пользование. Таким образом, мы туда завозим арендованные машины, которые нам не принадлежат. В таком случае кому эти машины будут принадлежать?

Гуревич: Если Вы ставите вопрос, что все оборудование – все машины Вы будете только брать напрокат, то я должен сказать, [что] концессия вообще вряд ли будет Вам предоставлена, потому что, естественно, если мы сдаем концессию, то мы хотим, чтобы там были оборудованы предприятия, которые потом перейдут нам. Существо всякой концессии именно в том и заключается, что когда концессионер проработает известное количество лет, которое предусмотрено договором, то все оборудование переходит к тому, кто концессию предоставил. Если концессионер будет пользоваться взятым напрокат оборудованием, то по окончании концессии что он нам передаст? Голое место. Но ведь тогда, может быть, логично было бы продолжить Вашу мысль и сказать, что концессионер имеет право к концу срока концессии затребовать все скважины?

Ватанабэ: Мы не говорим, что мы целиком будем работать с арендованным оборудованием, но известная часть оборудования, какая-нибудь машина будет нами взята в пользование на 3 года, и эту машину мы туда завезем. В этом случае кому будет принадлежать право собственности на эту машину?

Гуревич: Вы задаете мне казуистический вопрос. Я Вам говорил о том имуществе, которое, как правило, будет приобретено к[онцессионе]ром и использовано в концессионном предприятии, и утверждал, что это имущество является собственностью правительства, Вы же говорите сейчас об имуществе, которое не будет ни Вашей, ни нашей собственностью, которое Вы у кого-то на срок арендовали и потом вывезете его обратно. В этом случае это оборудование не может быть собственностью пр[авительст]ва. Но я думаю, что такого рода случаи нужно рассматривать как исключение, а не как правило, ибо, как правило, мы предполагаем, что к[онцессионе]р работает купленным им оборудованием.

Ватанабэ: В § 11 сказано: “передаются в пользование к[онцессионе]ру” Далее в § 43 сказано: “к[онцессионе]р уплачивает пр[авительст]ву ежегодно арендную плату в размере 10% стоимости означенного имущества”. Это значит, что за имеющиеся

там оборудование и проч., а также и за все то, что туда нами может быть завезено, мы должны согласно § 43 платить Вам арендную плату.

Гуревич: За то имущество, которое Вы ввозите, Вы никакой арендной платы, конечно, не платите. В § 43, где говорится об арендной плате, идет речь только о том имуществе, которое будет передано Вам пр[авительст]вом, а не о том, которое будет Вами ввезено. За ввезенное Вами имущество Вы арендной платы не платите.

В § 11 речь идет о способах передачи Вам имущества, и там расшифровывается § 1. В § 1 говорится, что пр[авительст]во передает к[онцессионе]ру в пользование на срок и на условиях настоящего договора принадлежащие СССР имущества, указанные в настоящем договоре, а в § 11 говорится: “находящиеся в пределах, предоставляемых к[онцессионе]ру под промышленную разведку и эксплуатацию участков, постройки и инвентарь, непосредственно относящиеся к нефтяным предприятиям и принадлежащие пр[авительст]ву, передаются в пользование к[онцессионе]ру. Всему передаваемому имуществу составляется опись и оценка, и о передаче его составляется особый акт, подписываемый представителями сторон”. Следовательно, здесь вопрос, который Вы прежде выдвигали, а именно кому принадлежит то или иное имущество, этот вопрос не играет никакой роли. Вы имеете дело с пр[авительст]вом, и то имущество, которое будет Вам по описи передано, это будет имущество, которое принадлежит пр[авительст]ву. Я отклонил вопрос об обществе “Хокусинкай”, которое здесь за столом не представлено, ибо я Вас не рассматриваю поверенным о[бщест]ва “Хокусинкай”.

Ватанабэ: То, что Вы сказали о праве собственности, мы поняли. Раньше Вы сказали, что машины и все оборудование, строения и проч., когда кончится амортизация, то это именно делается собственностью сов[етского] пр[авительст]ва. Но когда еще эта амортизация не окончена, то так можно [понять]*, что это еще не есть чистая собственность пр[авительст]ва. Тогда как это понять? Если еще не окончена амортизация, значит, еще имеется право пользования?

Гуревич: Разрешите еще раз объяснить Вам. То имущество, которое Вы ввозите, является собственностью пр[авительст]ва. Поскольку Вы согласно настоящему договору обязуетесь по истечении срока концессии или же до этого срока, когда концессия прекращается по Вашей вине, передать правительству концесси-

* Слово вставлено по смыслу.

онное предприятие чистым от задолженности, постольку Вы не имеете права ни закладывать это имущество, ни продавать. Есть ограничения и для правительства: в договоре имеется пункт, в котором указано, что правительство гарантирует Вам, что это имущество не будет реквизировано, конфисковано, что оно не будет предметом взысканий, отчуждения, кроме как в точно указанных случаях, следовательно, есть ограничения и для правительства. Вопрос о собственности несколько более сложен. То имущество, которое Вы ввозите, является гарантией, что Вы передадите согласно договору концессию на ходу со всем оборудованием так, чтобы правительство, принимая концессию, могло бы продолжать работу. Поэтому, раз Вы должны передать концессию на ходу, Вы ограничены в праве продажи, залога, а третьи лица ограничены в праве обращать взыскания на это имущество. С другой стороны, чтобы Вы могли уверенно работать, знать, что в течение срока Вас не лишат концессионного предприятия, мы пишем в специальном пункте этого договора, в пункте 5-м, что то имущество, которое входит в состав концессионного предприятия, не может подвергаться реквизиции, конфискации и другим видам принудительного отчуждения. Вот как стоит вопрос о собственности.

Ватанабэ: Сейчас мы слышали от Вас, что на имущество, существующее сейчас на месте работ, и на то, которое будет привезено, право собственности имеется у правительства и мы только пользуемся этим имуществом, принадлежащим правительству, и будем платить за пользование. Это, может быть, правильно. В § 43 сказано, что мы должны заплатить за пользование машинами, станками и т.п. только за то, что сейчас имеется. Но за то, что мы перевезем туда вновь, то по § 11 не нужно платить. Здесь нам кажется, как будто бы одно другому противоречит.

Гуревич: Я понимаю Ваше возражение. Вы указываете на то, что мы сейчас устанавливаем две категории имущества: то, которое мы передаем, за которое требуем арендную плату, и то, которое Вы ввезете после заключения договора и за которое арендной платы не требуем. Вместе с тем, устанавливая это, мы утверждаем, что и то, и другое имущество является нашей собственностью. Тут противоречия нет. Имущество, которое Вы ввозите после заключения договора, является тем основным капиталом концессии, который вкладываете Вы. Этот основной капитал Вы амортизуете в процессе работ и его обязаны держать и передать нам свободным от обязательств и задолженности по окончании концессии. То же имущество, которое мы передаем Вам к началу концессии, подлежит оплате арендной платой, ибо

только этим путем мы сможем амортизировать это имущество. По сути говоря, это имущество является случайным. Если бы мы передавали концессию – просто кусок земли 1000 кв. верст, то там все эти вопросы отпали бы. Тут же есть некоторое привходящее обстоятельство, заключающееся в том, что к моменту передачи концессионных участков там имеется некоторое имущество, принадлежащее правительству. Поэтому правительство передает не только недра, которые являются главной частью данной концессии, но и некоторое имущество, оказавшееся там по тем или другим причинам и принадлежащее правительству. Кроме тех платежей, которые Вы вносите за недра, Вы должны уплатить за то имущество, которое в данный момент там оказалось.

Ватанабэ: Сейчас там имеется 5–6 скважин, которые дают нефть. Это чья собственность, собственность ли это советского правительства? Если это сдается в аренду, то какая арендная плата?

Гуревич: На этот вопрос отвечает Пекинский протокол, ибо там говорится, что советское правительство обязуется предоставить японским фирмам, рекомендованным японским правительством, определенную концессию, причем указано, что в территорию концессии входят те места, где сейчас работы производятся.

Если бы предполагалось, что имущество промыслов не является собственностью советского правительства, то зачем было бы оговаривать в Пекинском договоре передачу этого имущества? Раз Пекинским договором оговорено, что в числе сдаваемых участков должны быть участки, где сейчас имеются скважины, то тем самым Пекинский протокол признает, что собственником является советское правительство. Эти скважины по тому же Пекинскому протоколу мы обязаны сдать в концессию, таким образом, вопрос, кто является собственником этих скважин, прекрасно разрешен договором.

Вы спрашиваете о размерах арендной платы, но я полагаю правильным об этом говорить в соответствующем месте, так как вопрос о размере платы вряд ли связан с вопросом о принципе.

Ватанабэ: Этот вопрос имеет связь с долевым отчислением. Так как оценка имеет связь с долевым отчислением, то когда мы будем говорить о долевым отчислении, тогда будет речь об этом. Так изволили Вы сказать?

Гуревич: Мы в прениях несколько запутали этот вопрос. Он гораздо проще, в контексте параграфов 1, 11 и 43 мы имеем последовательное разъяснение всего того, что изложено в § 1. Я еще раз повторяю весь последовательный ход мысли договора. Во 2-м абзаце § 1 говорится: “С означенной целью пр[авительств]во

передает к[онцессионе]ру в пользование на срок и на условиях настоящего договора принадлежащие СССР имущества, указанные в настоящем договоре, а также предоставляет к[онцессионе]ру право возводить новые сооружения и таковыми пользоваться, соблюдая условия настоящего договора”. В § 4 настоящего договора говорится: “Имущество, входящее в состав концессионного предприятия, которое согласно настоящего договора по прекращении концессии должно быть передано пр[авительст]ву, не подлежит ни отчуждению, ни залогу, а равно на него не могут быть обращены взыскания кредиторов к[онцессионе]ра”.

Далее в § 5 говорится, что это имущество не может подвергаться реквизиции и конфискации или иным видам принудительного отчуждения.

В § 11 указывается, что то имущество, которое сегодня имеется на территории концессии (там перечисляется, о каком именно имуществе идет речь: постройки и инвентарь, непосредственно относящиеся к нефтяным предприятиям и принадлежащие пр[авительст]ву), передается в пользование к[онцессионе]ру.

И далее в § 43 говорится, что за то имущество, которое передано правительством к[онцессионе]ру, а не завезено к[онцессионе]ром, к[онцессионе]р уплачивает ежегодно 10% стоимости означенного имущества как арендную плату.

Таким образом, в параграфах 1, 4 и 5, 11 и 43 имеется одна логически проходящая через весь договор мысль, заключающаяся в том, что за имущество, которое сегодня имеется на предприятии, к[онцессионе]р уплачивает арендную плату в размере 10% стоимости имущества; за имущество, которое будет завезено после заключения договора, к[онцессионе]р никакой арендной платы не уплачивает. Имущество, которое сейчас имеется и которое будет завезено, является собственностью пр[авительст]ва с тем, однако, ограничением, что пр[авительст]во в течение срока концессии не пользуется этим имуществом и что пр[авительст]во гарантирует, что в течение действия концессии это имущество не подлежит ни реквизиции, ни конфискации. Это имущество находится в пользовании к[онцессионе]ра, его право на это имущество ограничивается только использованием, а не распоряжением. Он не имеет права распоряжаться этим имуществом, и в этом есть гарантии того, что п[ункт] договора, где говорится, что это имущество будет возвращено пр[авительст]ву, действительно будет выполнен. Путаница здесь, как мне кажется, произошла потому, что Вы взяли на себя несвойственную Вам функцию защиты о[бщест]ва “Хокусинкай” Если бы Вы сегодня на минуту забыли об о[бщест]ве “Хокусинкай”, то эти пункты не вызвали бы

никаких сомнений. Вы же возвращаетесь все время вокруг о[бщест]ва “Хокусинкай”, и поэтому все время получают противоречия. По вопросу об о[бщест]ве “Хокусинкай” я говорю: предоставьте этот вопрос решить пр[авительст]ву СССР. В данном же случае пр[авительст]во имеет дело не с о[бщест]вом “Хокусинкай”, а с О[бщест]вом, рекомендованным японским пр[авительст]вом, не владеющим ничем на территории С[еверного] Сахалина. Следовательно, то, что пр[авительст]во передаст Вам, – это есть имущество пр[авительст]ва к началу настоящего договора. Конечно, если бы оказалось, что у пр[авительст]ва в пределах территории концессии собственности нет, то пр[авительст]во Вам ничего и не передаст. Но я не могу рассматривать Вас как гражданских поверенных о[бщест]ва “Хокусинкай”, ибо Вы таковыми не являетесь. Если же Вы являетесь поверенными его* О[бщест]ва, то защищать интересы этого О[бщест]ва перед советским пр[авительст]вом надо в другом месте. К вопросу о предоставлении концессии Вам претензии “Хокусинкай” никакого отношения не имеют.

Ватанабэ: То, что Вы сейчас изволили сказать, мы поняли так, что этим Вашим заявлением исправлено то, что раньше было сказано. Вы сказали, что с вновь привезенного на С[еверный] Сахалин имущества не взимается арендная плата и мы этим имуществом пользуемся безвозмездно. Что касается будущих скважин, то, как это можно понять, тоже** как машины и проч., которые мы привезем?

Гуревич: Вы сейчас уже предвосхищаете остальные пункты договора. При такой дискуссии мы переберем сейчас все пункты договора и все же ни до чего не договоримся. Гораздо целесообразнее было бы, если мы шли параграф за параграфом и решали бы отдельные пункты договора. Мы затронули уже 6 параграфов договора, и сейчас Вы затрагиваете уже 7-й параграф. Если мы будем так идти дальше, то Вы затронете все 47 параграфов и мы так никогда не кончим. Я еще раз повторяю, что за вновь ввозимое имущество Вы никакой аренды не платите, а что касается остальных вопросов, то давайте будем обсуждать отдельные параграфы, ибо иначе мы рискуем, что у нас скоро все 47 параграфов будут в ходу (я сказал 7-й параграф, но это не по порядку, а по счету).

Накасато: Г-н Ватанабэ задавал эти вопросы, желая выяснить, верно ли он понимает вопрос о собственности. Поэтому он

* Так в тексте. Очевидно, должно быть “этого”

** Так в тексте. Очевидно, должно быть “так же”.

затрагивал многие параграфы. Но сейчас желательно от Вас услышать ответ, что сейчас имеем строения и разное оборудование – это, по Вашему, есть собственность сов[етского] пр[авительст]ва. Поэтому, когда этот концессионный договор будет ликвидирован, то вместе с тем ликвидируется это именно имущество. В таком случае, кому же это имущество сейчас принадлежит? Сов[етскому] пр[авительст]ву или кому?

Гуревич: Я не понял Вас.

Накасато: Повторяю: все, что там имеется сейчас, – собственность советского правительства, а в то время, когда мы этим пользуемся, то это как будто наше. Когда арендный договор уничтожен или наступил срок, то право собственности переходит к советскому правительству целиком. Это нам не ясно, и мы просим это объяснить.

Конрад: Японская делегация так поняла, что право собственности на все имущество, находящееся на концессии, принадлежит советскому правительству. Это они готовы принять, признать, что это верно по отношению к тому моменту, когда по окончании срока концессии это будет передано советскому правительству. Но они не уясняют, почему право собственности у советского правительства имеется и во время концессии?

Гуревич: Я хочу отметить, что этот вопрос относится не к § 1, а к § 4, так что, может быть, г-н адмирал отложит свой вопрос до обсуждения § 4.

Накасато: Желательно выяснить заранее, если этот вопрос неясен, то и остальные вопросы неясны. Хотелось бы заранее это выяснить.

Гуревич: Я полагаю, что мы не будем полностью рассматривать сейчас весь договор и вести обсуждение по всему договору. К 1-му параграфу вопрос, затронутый адмиралом Накасато, не относится, ибо в § 1 идет речь о том имуществе, которое имеется сегодня на концессии и которое передается концессионеру. Но если адмирал Накасато настаивает, то я готов дать объяснения на вопрос, который он задал.

Накасато: Было бы желательно этот вопрос объяснить сейчас.

Гуревич: Одним из основных признаков собственности является право распоряжения имуществом. Если Вы возьмете концессионные договора, не только наши, но и концессионные договора и других стран, то право распоряжения концессионным имуществом ни одно государство не предоставляет концессионеру. Во всяком договоре имеется пункт, согласно которому концессионер обязан по прекращении концессии передать концессию на ходу правительству. Если допустить на одну минуту, что Вы име-

ете право распоряжаться имуществом, имеете право закладывать, продавать, брать займы под обеспечение этого имущества, выдавать векселя под него, то тогда где же гарантия правительству, что к моменту, когда срок концессии истечет, правительству будет передана концессия в том виде, как это предусматривается договором? Концессия представляется на 40 лет, ни меня, ни Вас уже не будет к моменту, когда будет разрешаться вопрос о передаче имущества по окончании концессии. Я желаю Вам всяческого долголетия, но 40 лет – это такой срок, в течение которого нельзя предусмотреть, что может случиться. Через 40 лет решающим будет письменный текст договора, и в этом договоре будет сказано, что Вы обязаны передать концессию чистой от задолженности, на ходу, чтобы можно было продолжать начатое Вами дело без перебоев. Если мы не впишем, что Вы не имеете права закладывать, продавать это имущество, то может получиться, что, когда концессия будет передана нам, она окажется в руках третьих лиц. Машины окажутся принадлежащими той компании, которая будет поставлять машины на концессию и с которой мы не связаны никаким договором. Из этого проистекает, что право пользования имуществом мы концессионеру предоставляем, но оговариваем целым рядом пунктов, что право распоряжения концессионеру не предоставляется. Это не есть специфичность советского концессионного права, так же этот вопрос решается и в остальном мире. Концессионеры, с которыми мы уже заключили договоры, не поднимали этого вопроса. В этом смысле средактирована концессия Гарримана² и концессия “Лена Гольдфильдс”^{*}, а также решительно все договоры, которые мы до сих пор заключили. Этот пункт имеется в договоре с г-ном Танака, который подписал концессию на Лидинский рудник.

Должен добавить, что, поскольку мы не предоставляем права распоряжения имуществом, постольку нет и права собственности, ибо собственность предполагает и пользование, и распоряжение. Раз распоряжение имуществом не дается, то, следовательно, нет права собственности.

Накасато: Сейчас мы слышали подробное объяснение, но, к великому сожалению, мы не можем с Вами согласиться. Вы сказали так, что когда Вы от нас получите концессионное предприятие после того, как кончится срок концессии или по какому-либо поводу раньше этого срока, то мы должны передать Вам предприятие, должны передать предприятие не только по названию, но на самом деле предприятие, которое может продолжать работу.

* См. док. № 141, прим. 3.

Если есть у Вас такое опасение, что этого не будет, то можно было бы в этом параграфе указать, что такой случай исключается, что предприятие целиком со всем устройством должно перейти в Ваше заведование.

Но такое мнение, как Вы сейчас высказали, нам неприемлемо, непонятно. Вы указали, например, Гарримана и другие концессии. У Вас, извольте видеть, много таких примеров, но здесь есть большая разница. Предмет нашей концессии совсем иной. Во время пребывания нашей армии на Сахалине мы устроили то, что нужно, мы на свои средства все это устроили, устроили это концессионное предприятие. Теперь это переходит в Вашу собственность, и нам это совсем непонятно, и с этой мыслью мы не можем согласиться.

Гуревич: Что касается того, что Вы устроили там во время оккупации, то согласитесь, что сделать нас виновными и ответственными за это никоим образом нельзя. Мы не можем отвечать за то, что Вы там устроили во время оккупации. Если бы Вы спросили нас и мы согласились бы, то мы приняли бы всю ответственность. Насколько мне известно, Вы у нас согласия на оккупацию не спрашивали, и мы ответа не давали.

Теперь относительно того, что Вы вложили туда деньги. Смею Вас уверить, что те деньги, которые “Лена Гольдфильдс” вложила в дореволюционное время в свои бывшие предприятия, во много раз больше того, что Вы вложили. Однако, несмотря на то что “Лена Гольдфильдс” в дореволюционное время вложила большие капиталы в то предприятие, которое она теперь получила в концессию, она приняла тот пункт, который я Вам предлагаю.

Вы полагаете достаточным гарантировать нас тем, что мы включим пункт, по которому Вы обязаны передать нам предприятие на ходу. Мы этот пункт включили, но ведь центр тяжести не в этом. Центр тяжести в том, чтобы мы гарантировали себе, что эта передача действительно будет иметь место. А это можно гарантировать только тем, что мы лишаем Вас права распоряжаться этим имуществом, то есть лишаем Вас права отчуждать это имущество, закладывать его и чтобы на него обращались взыскания кредиторов. Этот пункт есть гарантия того, что это имущество будет действительно нам возвращено. Без этой гарантии не может быть никакой действительной силы за тем пунктом, который трактует о передаче концессионного имущества после окончания концессии.

Стесняет ли это в какой-нибудь степени Вас? Мы считаем, что это Вас ни в какой мере не стесняет. Разве Вам нужно психо-

логическое чувство собственности? Я считаю, что мы с Вами достаточно реальные люди для того, чтобы не придавать значения этому психологическому моменту. Существо дела для концессионера состоит в том, чтобы он мог извлекать прибыль из концессионного предприятия. И Вы, конечно, сможете извлекать прибыль, ибо прибыль получается не оттого, что Вы являетесь собственником, а прибыль получается оттого, что Вы пускаете предприятие в ход, что Вы вкладываете туда капитал и пользуетесь трудом рабочих, который дает прибыль, нужную к[онцессионе]ру. Если бы мы ограничивали возможность работы для к[онцессионе]ра, то Вы были бы правы, но мы этого ни в малейшей степени не затрагиваем. Следовательно, вопрос о собственности является в данном случае чисто метафизическим вопросом. Между тем в данном случае важна не метафизика, а важно, ограничиваем ли мы Вас в возможности работать или нет. Мы утверждаем, что мы Вас не ограничиваем ни в какой мере в возможности работать и вместе с тем полностью гарантируем себя в вопросе о передаче нам имущества после окончания концессии. Я уже объяснил, что концессия отличается от собственности тем, что приобретенное в собственность Вы не обязаны возвратить, а полученное в концессию Вы возвратить обязаны. Вещью, проданной Вам, Вы можете распоряжаться как угодно, а вещь, взятой в концессию, Вы можете распоряжаться лишь постольку, поскольку Вы не затрагиваете прав того собственника, которому данное концессионное предприятие принадлежит.

Конрад: Он говорил о примере с Гарриманом, а не о примере “Лена Гольдфильдс”

Гуревич: Гарриман не имел раньше собственности в России, а “Лена Гольдфильдс” имела ее. Так что пример Гарримана не аналогичен.

Накасато: Я не могу с Вами согласиться. Этот вопрос принципиальный, и поэтому нам трудно с Вами сойтись. Может быть, мы пока его оставим и перейдем дальше.

Гуревич: Я не уясняю себе наш порядок работы. Мы сегодня сидим уже три часа, но за эти три часа мы ни одного пункта не разобрали. Между тем нам нужно обсудить и утвердить 47 параграфов. Если мы каждый день будем не подписывать ни одного параграфа, то мы никогда не кончим. Ведь Вы совершенно справедливо указывали на то, что в Пекинском договоре указан срок – 15 октября, к которому стороны должны подписать договор. Но при этом темпе мы не только не подпишем договора к 15 октября, но даже к 15 октября 1926 года мы договора не заключим. Я просил бы принять метод, который приблизил бы нас к

окончанию переговоров. Сегодня мы не двинулись вперед ни на одну йоту.

Накасато: Вопрос, разбиравшийся сегодня, вопрос принципиальный и поэтому трудно разрешим. Но сейчас, когда мы имеем английский перевод договора, то мы его исследуем и потом напишем свой взгляд на этот Ваш проект и потом пойдем дальше. Если такие трудные вопросы мы пройдем, то остальное легко можно будет пройти.

Гуревич: Это еще не очень трудный вопрос. Мы считаем этот вопрос одним из легких. Трудные вопросы впереди, и если мы на этом трудном в кавычках вопросе сидели сегодня целый вечер, то что будет, когда мы подойдем к действительно трудным вопросам?

Я должен указать, что как раз этот вопрос, который мы сейчас затрагиваем, является для нас глубоко принципиальным вопросом, от которого мы никак не можем отступить, ибо этот вопрос затрагивает всю сущность нашего законодательства. С другой стороны, этот же вопрос для к[онцессионе]ра имеет чисто декларативное значение, чисто формальный интерес, ибо для к[онцессионе]ра, как я уже объяснял, основным является вопрос о возможности эксплуатации, о беспрепятственной эксплуатации и о получении прибыли.

Должен еще раз повторить свою мысль, что вопрос о собственности в данном случае является чисто метафизическим вопросом, потому что по средневековым понятиям мы все являемся арендаторами у Господа Бога. Тут можно было указать, что если применить средневековое понятие о собственности, то тогда вообще не должно было бы быть этого спора, ибо все мы являемся арендаторами имущества у Господа Бога, и Вы были бы нашими субарендаторами. Но мы тогда и сейчас с этим примирились и считали, что имущество может принадлежать Господу Богу, но пользу и удовольствие от этого имущества получим мы, тем более, что мы даже не платим Господу Богу долевого отчисления (смех).

Накасато: Каким образом мы будем вести обсуждение вопросов?

Гуревич: Самое правильное было бы, если бы мы приступили к обсуждению договора пункт за пунктом. Те пункты, которые не вызывают разногласий, мы будем сразу принимать, а где с Вашей стороны есть возражения, то нужно, чтобы эти Ваши возражения были точно фиксированы с тем, что в случае, если Ваша точка зрения будет принята, то ее можно было бы сразу же включить в договор.

У нас остался всего месяц. Если отсчитать четверги и субботы, когда мы заседаем, то у нас остается вместо 30 дней только 18 дней. Разделите это пополам, потому что мы имеем переговоры и по угольной концессии, то мы получим 9 заседаний. За это время нужно подписать договор. Я полагаю, что в дальнейшем нам нужно держаться такого порядка, чтобы Ваши возражения были бы уже формулированы в виде Ваших контрпредложений, чтобы мы могли их обсуждать и принимать их или отклонять.

Накасато: Я вполне с Вами согласен. Необходимость разрешить все вопросы до 15 октября мы глубоко чувствуем. Мы только третьего дня получили остальной текст, и пока еще перевод его не закончен, но, несмотря на это, с нашей стороны было сделано предложение, чтобы мы сегодня начали обсуждать договор, чтобы скорее закончить. Мы вчера считали, что у нас остается 10 заседаний. Поэтому очень желательно сделать так, как Вы изволили сказать, что мы напишем свои возражения на каждый параграф и это Вам дадим для обсуждения. Тогда будет скорее.

Гуревич: Хорошо, я не возражаю.

Накасато: А как § 10?

Гуревич: Пунктир § 10 мы заполним. Перед тем как мы будем его обсуждать, мы, конечно, пришлем его Вам. Не знаю, будем ли мы обсуждать этот параграф в том порядке, как он стоит в договоре, но во всяком случае перед обсуждением мы Вам дадим точное конкретное изложение этого вопроса.

Ватанабэ: Разрешите коснуться § 1.

Гуревич: Пожалуйста.

Ватанабэ: Здесь сказано, что правительство СССР предоставляет концессионеру в изъятие из общих законов и в пределах настоящего договора... и т.д. Изъятие это значит не в пример?

Гуревич: Согласно нашим законам недра являются собственностью Союза. Следовательно, по нашим законам частный предприниматель не мог бы явиться претендентом на разработку этих недр. Мы же в изъятие из общих законов о недрах в пределах настоящего договора предоставляем концессионеру право осуществлять горнопромышленную деятельность и извлекать из нее прибыль.

Ватанабэ: Мы так поняли смысл этой главы, что это не в пример.

Гуревич: Да, не в пример прочим.

Ватанабэ: Это по законам имеющимся, а может быть, возможно и на будущее время?

Конрад: Г-н Ватанабэ хочет знать, значит ли это – в изъятие из действующих законов или же в изъятие из всех будущих законов.

Гуревич: Об этом есть специальный параграф, который говорит, что Вы подчиняетесь всем законам, как ныне действующим, так и могущим быть изданным, поскольку здесь не оговорены Ваши специальные права. Мы рассматриваем каждый концессионный договор как “*lex specialis*”^{*}. Это значит, что Вы подчиняетесь всем законам, поскольку в договоре не оговариваются Ваши специальные права. Дальше в § 6 мы устанавливаем, что правительство возмещает все убытки в том случае, если будет издан какой-нибудь декрет, который в той или иной мере ограничит права концессионера. Убытки, проистекающие из такого декрета, мы возмещаем. Следовательно, тем самым специальные права, особо оговоренные в концессионном договоре, действуют не только в отношении ныне существующих законов, но и в отношении могущих быть изданными.

Ватанабэ: § 6 мы приняли так, что здесь написано о других распоряжениях правительства, а не о законах.

Гуревич: Вас, вероятно, ввело в смущение, что в § 6-м сказано “декреты”, а здесь “законы”. Это одно и то же. Для того чтобы было ясно, можно в § 6 слово “декрет” заменить словом “закон”.

Если я правильно Вас понял, то Вы против параграфов 2, 3, 5 и 6 не возражаете. Может быть, тогда мы в сегодняшний протокол вписали бы, что несколько параграфов приняли. Может быть, те параграфы, которые говорят Вам только приятное, мы примем?

Накасато: Относительно содержания этих параграфов у нас есть свое мнение, так что эти параграфы принятыми мы считать не можем.

Гуревич: Если эти параграфы с таким трудом принимаются, то как же будет проходить обсуждение остальных параграфов?

Следующее заседание мы предполагаем назначить во вторник в 7 час. вечера, если нет возражений со стороны адмирала Накасато.

Накасато: Я согласен.

Гуревич: Разрешите заседание закрыть.

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1005. Л. 118–132об. Копия.

¹ Клейе Фридрих (Федор Федорович) (?–1914) – немецкий горный инженер, исследователь нефтяных месторождений Сахалина. В 1892 г. в качестве представителя английской компании “Ройял датч петролеум” отправился на остров и, приняв русское подданство, в 1898 г. получил разрешение открыть здесь три нефтяных промысла. Ввиду отказа компании финанси-

* Специальный закон (*лат.*).

ровать проект образовал в 1902 г. в Лондоне “Сахалинский и Амурский нефтяной горнопромышленный синдикат” с капиталом в 100 тыс. фунтов стерлингов, который промышленной нефти так и не добыл и через несколько лет прекратил дальнейшие работы. После этого в 1908 г. Клейе создал новый источник финансирования – “Немецко-китайскую компанию” в г. Тяньцзине и, получив право на разработку 18 северосахалинских нефтяных месторождений, приступил к их бурению. Однако и это предприятие просуществовало недолго, так как вскоре компания отказалась от него по причине чрезмерной дороговизны. Последнюю попытку по освоению нефти Сахалина Клейе предпринял в 1910 г., заключив договор с фирмой “Чайна ойл и К^о” Она также оказалась неудачной. Спустя несколько лет финансирование почти прекратилось и нефтеразработки велись крайне вяло. С началом в 1914 г. Первой мировой войны Клейе как бывшего немецкого подданного выслали из России, а все его имущество перешло в казну.

² Гарриман Уильям Аверелл (1891–1986) – американский политический и государственный деятель, совладелец ряда компаний и финансовых корпораций. В июне 1925 г. с его компанией был заключен концессионный договор сроком на 20 лет на добычу марганцевой руды в Чиатурах (Грузия) и ее вывоз через порт Потти. В 1928 г. договор был расторгнут (см.: Советско-американские отношения. Годы непризнания. 1918–1926; Советско-американские отношения. Годы непризнания. 1927–1933. М., 2002).

№ 223

*Записка полпреда СССР в Японии В.Л.Копна И.В.Сталину о целесообразности финансовой поддержки С. Гото на выборах в парламент Японии**

№ 302/с

15 сентября 1925 г.

Токио

Сов. секретно

Секретарю ЦК РКП тов. Сталину

Копия: замнаркоминдел т. Литвинову

В связи с приближающимся моментом выборов на основании демократического избирательного закона полпредству был сделан со стороны личного секретаря виконта Гото гр-на Мори ряд довольно определенных намеков на желательность оказания с нашей стороны виконту Гото и его политическим сторонникам денежной поддержки в предстоящей избирательной борьбе.

Своеобразная структура японских политических партий, не располагающих прочной организацией и устойчивыми источниками доходов, возлагает на их лидеров необходимость покрывать важнейшие партийные расходы, в частности расходы

* Штамп: “Прот[окол] ПБ № 84, п. 1-б”.

по организации избирательной кампании, либо из собственного кармана, либо из средств какой-либо промышленной или финансовой фирмы, связанной персонально с данным лидером. Ввиду резкой депрессии в данный момент второй источник чрезвычайно оскудел, и партийным лидерам все более и более приходится черпать средства на партийные расходы из собственного кармана. Характерным примером такого положения вещей является смена лидера партии Сейюкай¹, объясняемая в значительной степени тем обстоятельством, что старый лидер Такахаси² оказался более не в состоянии финансировать свою партию.

При оценке реальности сделанного нам виконтом Гото предложения нужно считаться с тем обстоятельством, что избирательная борьба в Японии, поскольку она до сих пор велась на основе цензового избирательного закона, была в значительной мере основана на подкупе влиятельных избирателей (крупных общественных деятелей, глав кланов, представителей определенных корпораций и т.д.). Суммы, которые уплачивались таким отдельным влиятельным лицам, доходили до 20 тыс. иен. Нужно думать, что расширение базы избирателей в эти приемы существенного изменения не внесет. При сильном влиянии кланового и корпоративного начала система избирательного подкупа будет являться одним из важнейших орудий партийной борьбы и на предстоящих выборах.

Учесть точно возможные результаты нашего финансового вмешательства в предстоящую избирательную кампанию в данный момент, разумеется, весьма трудно. Сам виконт Гото не является лидером определенной политической группировки и в последнее время кооперировал то с Сейюкай, то с Сейюхонто³. Во всяком случае на выборах он будет выступать как представитель оппозиции к теперешнему кабинету.

Рассматривая наиболее интересующую нас часть программ борющихся партий, а именно их внешнеполитическую ориентацию, можно констатировать у кенсейкайцев определенный англофильский уклон, в то время как Сейюкай и Сейюхонто после ликвидации своей интервенционистской авантюры резко изменили курс и стремятся воскресить русофильские тенденции принца Ито⁴. Линия внешней политики виконта Гото Вам хорошо известна. Таким образом, если бы мы оказали поддержку Гото, а через него дружественным нам элементам Сейюхонто и Сейюкай, мы могли бы существенно повлиять на ориентацию будущего японского правительства в смысле сближения с нами и отхода от англофильской линии.

Само собой разумеется, соображения эти носят пока лишь предварительный, ориентировочный характер, и в том случае, если бы мы решили оказать просимую поддержку, политические условия, на которых она могла бы быть оказана, должны были быть уточнены путем доверительных переговоров с соответствующими лицами. В частности, я считаю не исключенной возможность возложения на поддерживаемые нами политические группировки некоторых обязательств в смысле отказа от наиболее одиозных форм борьбы с рабочим движением.

Что касается возможного размера нашей поддержки, то в качестве предельной суммы, которая, по словам Мори, гарантировала бы виконту Гото серьезную победу на предстоящих выборах и место в новом кабинете, была названа сумма в 2 миллиона иен (то есть примерно 1 600 000 руб.). Разумеется, эта сумма названа с большим запросом, и от нас ожидается лишь ее частичное, примерно половинное покрытие.

Если бы Вы отнеслись положительно к самой идее подобной поддержки (со своей стороны я полагаю, что эту поддержку оказать следует, ибо при чрезвычайной неустойчивости политических группировок современной Японии серьезная финансовая помощь с нашей стороны сможет действительно сыграть крупную роль и продвинуть к власти наиболее расположенные к нам круги японской буржуазии), то я сделал бы следующее предложение относительно источников, из которых можно было бы взять нужные суммы.

Мы собираемся сейчас вести в судебном порядке борьбу за передачу нам находящихся в Японии так наз[ываемых] подтягинских и миллеровских сумм, увезенных в свое время в Японию атаманом Семеновым⁵. Дело идет в общей сложности о суммах примерно в 3 млн руб. (из этих сумм реально существующими, однако, следует признать не более 1 млн, ибо остальные состоят из вкладов в Русско-Азиатский банк и, вероятно, давно уже переведены из Японии, так что даже в случае присуждения нам будет весьма затруднительно их фактически получить). У нас есть, на мой взгляд, много шансов выиграть эти процессы, хотя, вероятно, только после долгой волокиты и предварительной затраты довольно крупных сумм на адвокатов. Если бы мы сделали группе Гото предложение взять в свои руки судебную борьбу за эти деньги с условием, что в случае выигрыша процесса ей будет предоставлено в качестве вознаграждения примерно до 50% от суммы иска, то мы при наличии связей этой группы с соответствующими судебными и иными учреждениями, от которых зависит исход процессов, были бы, во-первых, гарантированы в скором их выигрыше. С другой стороны,

мы могли бы таким образом с соблюдением нужных аппаратов* оказать просимую финансовую помощь, не прибегая к непосредственной ассигновке из государственных средств. Само собой разумеется, что в этом случае группа Гото должна была бы взять на себя и предварительное финансирование процессов, то есть предварительную оплату адвокатов.

Я прошу Вас о скорейшем рассмотрении этого предложения и о сообщении мне по телеграфу Вашего решения. По получении его я смогу поставить переговоры на более точную базу и разработать детально те политические условия, на которых следовало бы настаивать при оказании нами финансовой помощи группе Гото.

Полпред СССР в Японии В.Копп

Ввиду чрезвычайной секретности вопроса копии никому не посылаются.

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1043. Л. 9–12. Подлинник.

¹ В 1925 г. вместо К. Такахаси новым президентом партии Сейюкай стал генерал и будущий премьер-министр Г. Танака.

² Такахаси Корекиё (1854–1936) – в 1921–1922 гг. премьер-министр Японии, в 1921–1925 гг. президент партии Сейюкай, в 1924–1925 гг. министр сельского и лесного хозяйства и министр торговли и промышленности, в 1918–1922, 1927, 1931–1936 гг. министр финансов.

³ Сейюхонто – политическая партия Японии, образовавшаяся в 1924 г. в результате раскола Сейюкай. В 1927 г. объединилась с Кенсейкай с целью создания новой партии – Минсейто.

⁴ Ито Хиробуми (1841–1909) – основатель партии Сейюкай (1900), первый премьер-министр Японии (с 1885 г.), четырежды занимавший этот пост.

⁵ Речь идет о части золотого запаса царской России, отобранной атаманом Семеновым у колчаковцев в начале 1920 г. и частично реализованной в том же году в Японии за валюту для своих военных нужд. Вырученные от продажи ценностей деньги передавались в качестве российского казенного имущества военному атташе царской России в Токио генерал-майору М.П. Подтягину и финансовому агенту Колчака в Токио К.К. Миллеру, которым поручалось произвести в Японии военные закупки для Семенова. Однако поручения не были выполнены, вследствие чего в 1920-е годы последний долго и настойчиво пытался добиться возврата себе этих денег в японских судах, но потерпел фиаско (подробнее об этом см. в публикациях В.Н. Сироткина, И.А. Латышева, О.В. Будницкого).

* Внешние приличия (*фр.*).

*Стенограмма заседания комиссии Главконцесскома СССР
и представителей японских угольных компаний
о сроках предоставления концессий и долевых отчислениях*

16 сентября 1925 г.

Присутствовали:

Со стороны комиссии Главного конц[ессионного] комитета: председатель комиссии г. Иоффе, член комиссии г. Гуревич. Экспертиза: г.г. Бекман, Бонч-Осмоловский, Галузин, Левин, Лютовский, Мусатов, Никитин, Степухович, Полевой, Ходоровский, Худяков, Янковский, Япольский, Колесников. Эксперт-переводчик г. Конрад. Секретари: г.г. Зубкова, Гальперин, Сухоплюев.

Со стороны японской делегации: председатель г. Окумура, советники г.г. Каваками, Тазака, Сато, Икеда. Эксперты: г.г. Като, Исихара. Секретарь и переводчик г. Яманоути, клерк г. Перминов.

Председательствовал г. Иоффе.

Иоффе: Объявляю заседание открытым.

У нас еще осталась окончательная формулировка § 4. Позвольте вернуться к § 4 и в связи с ним к § 1, или же Вам угодно будет продолжать обсуждение дальнейших параграфов?

Окумура: Я получил Вашу редакцию § 4 только сегодня к 4-м часам, ее мы перевели, и я ее прочитал. Но эта Ваша редакция оказалась совершенно новой и отстоит далеко от наших желаний, которые мы высказали на предыдущем заседании. По этому поводу должен сказать, что нам еще раз нужно ознакомиться с этой редакцией, и думаю, что лучше оставить ту нашу редакцию, о которой мы говорили на предыдущем заседании и по поводу которой имели Ваши объяснения. Поэтому разрешите представить эту нашу редакцию на следующем заседании.

Иоффе: Думаю, что тут был плохой перевод. Я решительным образом протестую против утверждения, что мы представили новую редакцию, ибо ни одного слова против того, что было принято на прошлом заседании, нами добавлено не было. Все, что было принято на прошлом заседании, было просто переписано на машинке и было изложено более правильным русским языком. Ни одного слова не было прибавлено, ни одного слова не было убавлено, ничего не было изменено.

Окумура: Мы не успели познакомиться с Вашей редакцией, поэтому разрешите отложить этот параграф до следующего заседания.

Иоффе: Это не наша редакция, а Ваша. Наша была совсем другая, мы Вам уступили и приняли Вашу редакцию, взяв на себя только ее окончательную стилизацию, что и сделали.

Окумура: Так как я сам не понимаю по-русски, то мне делают перевод, и только к 7 часам я этот перевод имел, таким образом, я не мог еще с этим ознакомиться и поэтому прошу отложить этот параграф до следующего заседания.

Иоффе: Что отложить до следующего заседания?

Окумура: Отложить обсуждение этого вопроса.

Иоффе: Против этого я не возражаю, я возражаю только против Вашего заявления, что здесь будто бы новая редакция. Мы две недели мудрили над § 4 и, по-моему, довольно.

Разрешите перейти к следующему § 11. § 10 мы отложили, потому что имеющийся там пунктир мы еще не заполнили.

Окумура: Мы на карте уже нанесли желательные нам участки, и полагаю, что Вам это известно.

Иоффе: Нам известно то, что Вы желаете, но не обязательно мы это должны принять. Мы предлагаем такой способ: так как на совещании г.г. инженеров был представлен Ваш проект, то на такое же совещание г.г. инженеров мы представили свой контр-проект, и, быть может, г.г. инженеры сойдутся, а потом уже мы будем это обсуждать здесь. Не стоит этот технический проект обсуждать нам всем здесь в комиссии.

Окумура: Я согласен.

Иоффе: Разрешите перейти к § 11. Имеются ли с Вашей стороны замечания?

Окумура: Я хочу спросить следующее. Вначале говорится: “Находящиеся в пределах предоставленных концессионеру под разведку и эксплуатацию площадей постройки и инвентарь, принадлежащие правительству...”. Что фактически находится там, где мы можем получить от Вас площади?

Иоффе: Там, где Вы желаете, находится очень много. Но речь не идет о том, где Вы желаете, а о тех площадях, которые Вы получите. Здесь общая формулировка. Поскольку там окажутся постройки и инвентарь, которые принадлежат правительству, постольку они передаются в пользование концессионеру. На это составляется акт и оценка. Если там ничего не окажется, то никакого акта, никакой оценки, конечно, не будет.

Окумура: Нет ли у вас фактических данных, что именно там находится из Вам принадлежащего?

Иоффе: Когда мы укажем участки, то также укажем, какой там инвентарь. Мы еще не определили в § 10, какие именно пло-

щади Вы получите, и поэтому не можем сейчас сказать, какое там будет имущество.

Окумура: Разрешите просить Вас указать, какое имущество находится на площадях, которые мы желаем получить от Вас?

Иоффе: На тех, которые Вы желаете, Вам это лучше известно, чем нам. В частности, Вы знаете, что на всех рудниках находятся бывшие тюремные здания, казармы. Далее, например, г-н Цукахара желает получить рудник “Половинка”, там находится подвесная железная дорога.

Окумура: Тогда разрешите следующий вопрос. При передаче концессионеру имущества – сооружений и построек чем будут руководствоваться при оценке имущества?

Иоффе: Я думаю, тем, чем всегда, – ценою, существующей на это имущество.

Окумура: Еще мы хотим спросить, когда и где будет составлен акт о передаче имущества и чем будут руководствоваться при оценке имущества?

Иоффе: Я думаю, что при всякой оценке принимается во внимание общезначимая цена определенного продукта. Оценка продукта определяется на основании той цены, которая на данный продукт существует. Ваши представители там будут, и они будут следить за правильной оценкой.

Окумура: Если Вы говорите, что оценка будет производиться на месте, то каким образом можно говорить теперь, что этот акт прилагается к настоящему договору.

Иоффе: Мы не говорим – теперь. Этот акт будет заключен после подписания договора и будет тогда составлять его часть.

Окумура: Здесь написано: “О передаче его составляется особый акт, подписываемый представителями договаривающихся сторон”. Здесь разумеются те представители, которые сейчас назначены?

Иоффе: Почему же представителями к[онцессионе]ра, с одной стороны, и пр[авительств]а, с другой стороны, могут быть только г. Окумура и я, почему же не могут быть другие лица? Лица, которые будут уполномочены подписать акт со стороны нашей и которые будут уполномочены со стороны к[онцессионе]ра, – они будут представителями сторон.

Наконец, если Вам это так не нравится, то все эти формальности смогут быть упрощены, если мы передадим Вам те участки, на которых нет рудников.

Окумура: Теперь относительно составления окончательной карты. Нанесение на карту отграниченных в натуре площадей при участии представителей сторон будет происходить на месте?

Иоффе: Именно так.

Окумура: Весь смысл настоящего параграфа нам ясен, я хотел бы только спросить одно: на площадях, которые нам выделяют, где в настоящее время производится работа, как нам известно, находятся наши собственные постройки и другие. Я думаю, что эти постройки, Вы, конечно, признаете как нашу собственность.

Иоффе: Поскольку я знаю, ни одно из всех 4-х Обществ, с которыми мы сейчас ведем переговоры, не имеет там никакого имущества.

Окумура: В данное время там производится работа.

Иоффе: Я готов признать тот факт, что там производится работа, но там нет собственности этих Обществ.

Нам названы были 4 фирмы, с которыми мы заключаем концессионный договор. Я точно не помню их названий, так как это очень трудные названия. Можете ли Вы указать, какая из этих фирм имеет на Сахалине какое-нибудь имущество? Например, г. Цукахара, какое он имеет имущество на Сахалине?

Окумура: Относительно имущества Цухакары – это нас не касается, я не могу Вам точно сказать. Но наша компания, которую я представляю, имеет название “Кита Сагальен Секитан Кигио Кумиай”. Это просто другое название.

Иоффе: Эти три Общества – “Кита Сагальен Секитан Кигио Кумиай”, “Сано Кумиай” и “Сано Сакай Кумиай” – разве они работают там сейчас?

Окумура: “Кита Сагальен Секитан Кигио Кумиай” сейчас работает.

Иоффе: Насколько нам известно, там работает “Мицубиси”.

Окумура: Название “Мицубиси” – это бывшее название, поскольку, как известно, они работали в банке. Но после этого они организовали компанию с другими лицами под названием “Кита Сагальен Секитан Кигио Кумиай”. Там работает не только “Мицубиси”.

Иоффе: Тут важно не кто входит, а важно, какое юридическое лицо. Если это то самое юридическое лицо, которое во время оккупации работало на Сахалине, тогда оно должно принять все обязательства, а обязательства очень большие. Во время оккупации фирма “Мицубиси” работала, не выполняя никаких правил, мы не получали ни долевых отчислений, ни попенной платы. Имущество вывозилось, расхищалось, и у нас есть определенные претензии. Мы считаем это претензиями к японскому пр[авительств]у в порядке предъявления взаимных претензий, предусмотренных Пекинским договором. Если Вы стоите на той точке зрения, что Вы – та же самая фирма, которая работала на С[евер-

ном] Сахалине во время японской оккупации, то Вы должны принять ответственность за все ее действия в этот период, и в этом случае мы имеем право предъявить к Вам те претензии, которые намерены были предъявить к японскому правительству, так как считали, что Вам неизвестно, кто и в каком юридическом лице работал на С[еверном] Сахалине во время японской оккупации, и поэтому за все происшедшее там в это время несет ответственность само японское правительство.

Окумура: К § 12 мы больше ничего не имеем сказать. Я хочу спросить Вас об абзаце 2-м § 11. Здесь написано: “Отграничение в натуре передаваемых концессионеру площадей и застолбление их производятся правительством” и т.д. Здесь мы хотим добавить: “при участии концессионера”.

Иоффе: Если Вам угодно, я согласен добавить: “при участии представителей концессионера”.

Окумура: В конце абзаца 2-го написано: “Все расходы, связанные с передачей имущества и отводными действиями, оплачиваются концессионером”. Какие расходы Вы имеете в виду? Может быть, это расходы на отвод участков?

Иоффе: Главным образом, расходы при отводе. Но и при составлении акта и оценки хотя бы один человек будет работать, и ему надо за работу заплатить.

Окумура: Я боюсь, что это будет большой расход, и компания его не выдержит (смех).

К § 11 у нас возражений больше нет.

Иоффе: Можно считать § 11 принятым?

Окумура: Да.

Иоффе: Переходим к § 12. Какие у Вас имеются замечания?

Окумура: Разрешите спросить объяснения некоторых слов. В абзаце 2-м написано: “Концессионер обязуется в годичный со дня вступления сего договора в силу срок представить Дальневосточному горному управлению общий план разработки концессионных площадей с указанием постепенной выемки пластов”. Нам это неясно. Что это технически значит?

Иоффе: Полагаю, что всякий предприниматель работает по известному плану, особенно горный предприниматель без плана не работает. Этот план должен быть разработан в годичный срок. Года достаточно для этого, и по истечении года план этот должен быть представлен в Дальневосточное управление. В плане должно быть указано, как предполагается разрабатывать площади, как постепенно вынимать пласты.

Окумура: Какой же смысл этого, можете ли Вы нам объяснить?

Иоффе: Это объяснение к тому, какой может быть план. План должен быть таков, чтобы был выработан весь промышленный уголь, чтобы не было того, что весь верхний уголь будет взят, а затем шахта будет брошена. Мы заинтересованы, чтобы разработка шла правильно не только верхних, но и нижних пластов.

Окумура: § 33 говорит относительно уничтожения прав концессионера при нарушении этого параграфа. У нас есть возражения против § 33. Я хочу спросить, какие пункты Вами считаются самыми главными, могущими быть причиной расторжения договора?

Иоффе: Весь смысл § 12 сводится кратко к тому, что добыча угля должна производиться по определенному плану с тем, чтобы выработывался весь уголь, чтобы не было хищнической добычи. В этом его смысл. Нарушение этого постановления, которое предусматривает невозможность хищнической эксплуатации, и есть причина для расторжения договора, то есть если концессионер будет хищнически эксплуатировать предоставленные ему концессией недра, несмотря на все условия, которые не дают ему этой возможности, то мы считаем, что это настолько серьезная причина, что договор может быть расторгнут. Естественно и понятно, что мы как собственники этих недр желаем, чтобы они разрабатывались способом правильным, а не хищническим.

Окумура: Смысл этого параграфа нам понятен. Конечно, сов[етское] правительство нуждается в соблюдении его. Но в § 33 имеются причины прекращения договора. У нас есть против этого возражения. Мы считаем, что § 12 неприемлем для нас исключительно из-за прекращения договора.

Иоффе: § 12 ничего не говорит о прекращении. Но § 12 надо исполнять. Если Вы будете исполнять условия договора, то он не будет расторгнут.

Окумура: Не касаясь § 33, что может быть причиной прекращения?

Конрад: Они понимают так, что несоблюдение § 12 может быть причиной расторжения договора. § 12 очень важен, против него они ничего не возражают и хотят принять, оставляя за собой право говорить о 12-м параграфе, когда будет речь о § 33, где указываются причины расторжения.

Иоффе: Если угодно будет не нарушать § 12, не будет прекращения. Если технические условия приемлемы, то Вы не будете их нарушать, тогда ссылки на § 12 в § 33 Вам нечего опасаться.

Окумура: Здесь написано: “Концессионер обязан представлять пр[авительст]ву в сроки по распоряжению* с органами гор-

* Так в тексте. Очевидно, должно быть “по соглашению”.

ного надзора...”. Может быть, если мы опоздаем на один день, то из-за этого сразу можно будет прекратить концессию? Или дальше здесь сказано: “Концессионер обязуется при производстве проверки оказывать им полное содействие...”. В какой степени можно оказывать содействие? Мы его окажем, но это может показаться недостаточным, тогда Вы сразу можете прекратить концессию. Это совершенно неприемлемо, невозможно.

Иоффе: Во-первых, здесь говорится, что срок устанавливается по соглашению с органами горного надзора. Значит, к[онцессионе]р на эти сроки предварительно согласится. Если он соглашается представлять в определенные сроки, то зачем же опаздывать? Всякое соглашение надо соблюдать. А во-вторых, здесь не имеется в виду, что, если Вы опоздаете на один день, тогда договор будет расторгнут. Если вы будете хищнически эксплуатировать недра, тогда договор будет расторгнут.

Окумура: А относительно того, что при проверке надо оказывать полное содействие?

Иоффе: Конечно, надо оказывать содействие.

Окумура: Но до какой степени – нам неизвестно.

Иоффе: “Предъявлять по их требованию шурфовочные журналы, планы и прочие технические отчетные данные”. Если к[онцессионе]р не хочет предъявлять отчетные планы и данные, это еще не причина к расторжению договора. Если Ваш служащий плохо принял нашего представителя и не показал ему журнала, это не относится к существенным причинам. Существенная причина – это хищническая эксплуатация рудников, и из-за этого договор может быть расторгнут.

Окумура: В связи с этим параграфом нужно обсудить § 33. Смысл этого параграфа совершенно приемлем, но надо, чтобы нарушение его не было причиной к прекращению концессии.

Иоффе: Нельзя сразу обсуждать два параграфа.

Окумура: Мы готовы § 12 полностью принять, только оставить за собой право, когда мы будем обсуждать § 33, говорить о том, что этот параграф не должен быть причиной к прекращению концессии.

Иоффе: Вы можете говорить об этом, когда мы подойдем к § 33. Там, может быть, Вы пожелаете сказать, что причиной расторжения договора не может являться то, что шурфовочные журналы не показали. Я повторяю, что ссылка на § 12 в § 33 имеет в виду, что причиной расторжения может быть невыполнение тех условий, которые ограждают от хищнической эксплуатации. Когда мы перейдем к § 33, это можно будет сказать более ясно. А эти условия можно принять.

Я не думал, что этот параграф может вызвать такие сомнения, что причиной расторжения может быть то, что Вы составили планы и подали их на один день позже. Если предполагалась ссылка на § 12, то только на его сущность.

Окумура: Когда мы подойдем к § 33, мы будем об этом говорить.

Иоффе: Разрешите перейти к § 13.

Окумура: Мы не будем иметь против смысла § 13 никаких возражений, если Вы перемените одно слово, одну цифру – 4 на 5, чтобы срок концессии был не 40, а 50 лет.

Иоффе: Я предлагаю, наоборот, 4 переменить на 3. На что Вам так долго? Вы все время доказываете, что это такая невыгодная концессия.

Окумура: На первом заседании первое наше предложение говорит о нашем желании иметь концессию на 50 лет. Но когда г-н Гуревич с нами подробно об этом говорил, то он нам сказал, что 40 лет вполне достаточно. Думаю что, во-первых, само предприятие трудное в зависимости от месторождений. Вы говорите, что если данное предприятие невыгодно, то скорее нужно на короткий срок. Но это не так. Предприятие каменноугольной промышленности, если поставить работу как следует, конечно, требует многих лет. Возьмите, например, дело разработки шахт, где требуется большая предварительная работа, чтобы затем постепенно это развертывать, и здесь нужно иметь много времени. Заложить шахты – это, конечно, не так просто, я думаю, что на это потребуется 10 лет. В начале переговоров г-н Гуревич нам сказал, что если в течение 10 лет сделать шахты и поставить целиком оборудование, то потом в 30 лет можно сполна амортизировать, поэтому считал, что достаточно и 40 лет, но думаю, что как раз наоборот. Если нужно опустить шахту на 500 фут., то нельзя это сделать как колодезь, от начала до дна одинакового размера. У дна она расширяется. Поэтому, думаю, что в течение нескольких лет можно только начать работать, и только когда начнется работа на шахтах, только тогда мы можем думать об амортизации машин, оборудования и т.д. Таким образом, добыча угля увеличивается постепенно, и поэтому мы нуждаемся в более длительном сроке. Нельзя сказать, что 40 лет достаточный срок. Только после 50 лет мы предполагаем иметь прибыль. Если Вы думаете о 30–40 годах, то мы должны работать тогда в маленьком масштабе. Если будет короткий срок концессии, то невозможно выработать план, и мы должны сказать: чем длительнее будет срок, тем для нас выгоднее. Мы допускаем, что в течение 30 лет мы не будем иметь прибыли, и только после 40 лет мы

предполагаем начать получать маленькую прибыль. По окончании срока нашего концессионного договора, может быть, советское правительство его продолжит, или же мы концессию продолжим, но во всяком случае, если план разработан на долгое время, то для предприятия это выгоднее. Думаю, что и для Вас, для советского правительства 40 или 50 лет – это все равно не важно и не имеет значения, и поэтому прошу Вас исполнить наше желание.

Иоффе: Предположение о том, что советскому правительству безразлично – 40 или 50 лет, неправильно. Эта концессия целиком выгодна японским обществам и целиком невыгодна нам. Поэтому чем меньше мы будем терпеть невыгоду, тем лучше для нас.

Окумура: Я думаю, что Вам не будет невыгодно, потому что мы будем уплачивать доленое отчисление. Мы вложим большой капитал, будем работать и ежегодно давать Вам доленое отчисление. Поэтому здесь не будет ничего невыгодного для Вас.

Иоффе: В отличие от других концессий здесь не будет вложено большого капитала. Что касается доленого отчисления, то совершенно понятно, что если бы мы работали сами, то получили бы не только доленое отчисление, а всю прибыль.

Окумура: Я думаю, что Вам не получить прибыли больше, чем доленое отчисление, если Вы сами будете там работать. Это совсем невозможно. Мы работаем с долгим опытом и имеем рынок в Японии. Мы советуем Вам там не работать (смех).

Иоффе: Я согласен буду установить срок в 45 лет, если Вы примете доленое отчисление, которое будет равно нашей возможной прибыли.

Окумура: Если Вы думаете о Вашей прибыли, то думаю, что она была бы меньше, чем 5% валовой добычи.

Иоффе: А я думаю, что тогда ни один арендатор не брал бы там аренды, если бы не рассчитывал на прибыль меньше 5%. До войны банк давал больше 5%, закладные давали 8%. Какой же чудак стал бы вкладывать капитал в угольное предприятие, если бы он получал меньше 8%, которые мог получить по закладной. Там многие просили отводы. Там сейчас работают на всех тех отводах, которые были даны еще в царское время, и теперь у нас просят концессии там. Очевидно, угольные концессии дают хорошую прибыль. Надо сказать, что сейчас процент на капитал еще больше, чем раньше. 8% было до войны, а теперь еще больше. Тем не менее все просят концессии. Очевидно, это прибыльно.

Окумура: Те, которые думают там так работать, только мечтают, это одна фантазия. На самом деле только тогда можно бу-

дет выгодно работать с углем, если на рынке по каким-нибудь причинам будет большая нужда в угле. Тем, которые мечтают выгодно работать с углем в настоящее время, придется подождать до того времени, когда угольное предприятие будет выгодно. Я не думаю, что такие дела так просты, я думаю, что это несерьезно.

Иоффе: Разве Стахеев несерьезно работает?

Окумура: Стахеев работал на Сахалине до тех пор, пока угольная цена была высока. Если угольная цена была невысока, он совсем не работал. Поэтому, конечно, можно работать в маленьком масштабе, но в большом масштабе – совсем невыгодно.

Иоффе: У нас на Сахалине кроме японских концессионеров сейчас есть и другие, например Бриннер¹, “Кунст и Альберс”². Если им невыгодно, зачем они взяли там концессию? Японский гражданин Танака взял концессию на Приамурском побережье. У нас имеются концессии: “Тетюхе”³, “Аянская корпорация”⁴, “Приамурский синдикат”. Им для их предприятий нужен будет сахалинский уголь. Это уже достаточное место сбыта, так что все очень гонятся за угольной концессией на Сахалине.

Окумура: Я говорю, что, конечно, в маленьком масштабе там мыслимо работать, например, при добыче в год 10 тыс. тонн или 15 тыс. тонн. Если же добывать уголь в большем количестве, то я думаю, что “Тетюхе” или “Приамурский синдикат” не возьмут всего.

Гуревич: “Приамурский синдикат” потребует 20 млн пудов – 350 тыс. тонн угля.

Окумура: Бриннер, может быть, работает в маленьком масштабе. Но, если кто действительно знает местоположение, тот сразу поймет, что нельзя постичь всю работу сразу. Если работать 300 тыс. или 200 тыс. тонн в год, тогда можно, но, если работать в большем масштабе, тогда совершенно невозможно.

Если работать в маленьком масштабе – добывать в год 10 тыс. тонн или 20 тыс. тонн угля, то, может быть, будет выгодно работать, тогда будем работать, а если невыгодно, тогда надо прекратить.

Пока можно будет работать, но я думаю, что только через 20 лет будет достигнуто предполагаемое количество, так как это достигается только постепенно. Последние 5 лет или 3 года имеют большое значение для нашего предприятия, я думаю, что только после 40 лет мы будем иметь прибыль.

Иоффе: Если Вы утверждаете, что на маленькую концессию выгоден небольшой срок, то я напому Вам, что должны быть 4 концессии, 4 концессионных договора. Тогда каждая концессия может быть на небольшой срок.

Окумура: Мы думаем, что сейчас Вы это говорите несерьезно, в шутку.

Иоффе: Совершенно серьезно. Я думаю, что Вы забыли о Вашем заявлении, что здесь не одна концессия, а 4. 4 концессионных договора, 4 концессионных предприятия, 4 концессионера и 4 концессии. Здесь получилась своеобразная абберрация. Мы разговаривали с г-ном Окумурой и забываем, что речь идет не об одной концессии, а о 4-х, и он только говорит от имени всех. Если будет 4 концессии, то может быть 4 небольших предприятия с небольшим сроком.

(При переводе японск[ие] представ[ители] не понимают).

Конрад: Разрешите Вам сказать, как я понял Вас и как я передал Ваши слова. Я сказал, что Вы ссылаетесь на слова г-на Окумуры, что в случае малого масштаба работ достаточен небольшой срок. Вы говорите, что, в сущности говоря, речь идет не об одной большой концессии, а о 4-х небольших концессиях, и получается, что каждый отдельный концессионный договор, каждое предприятие оказывается небольшим и как таковое не нуждается в большом сроке.

Иоффе: Совершенно верно.

Окумура: Может быть, будет добыча угля 5000 тонн год. Хотя концерн небольшой, но он имеет соответствующее оборудование и капитал и предполагает работать в соответствующем масштабе. Поэтому мы думаем, что Ваши объяснения – это только шутка. Думаю, что об этом теперь мы можем говорить без конца и лучше пока вопрос оставить открытым.

Иоффе: Напомню еще раз, не об одном концерне идет речь, а о 4-х. Мы все время имеем в виду, что это типовой договор, который будет для всех 4-х концернов. У Вас 4 концерна, а не один.

Окумура: Как Вам известно – 4 корпорации. Я – представитель 3-х, а четвертая стоит отдельно, от ее имени переговоры будет непосредственно вести Цукахара. Я – представитель только 3-х компаний.

Иоффе: Разрешите указать, что здесь все-таки разные условия для разных концессионеров. На той карте, которую Вы нам дали, там, например, одно предприятие “Сано Кумиай” само указало, что рассчитывает свою программу в 30 000 тонн в год. Большого оно и не хочет. Цукахара хочет только один рудник – “Половинку”

Окумура: Я говорил, что добыча угля 4–5 тыс. тонн в год возможна без оборудования, без сооружений и т.д. Такую добычу всегда можно прекратить, когда положение рынка будет невыгодно, но наш концерн, хотя маленький, но имеет соответствующую

щий капитал, имеет сооружения, оборудование и должен затратить соответствующую сумму капитала. Конечно, если мы начнем работать с оборудованием, то потребуется соответствующий срок, в течение которого можно будет амортизировать.

Иоффе: Тем не менее, если принять точку зрения г-на Окумуры, что чем больше предприятие, тем должен быть больше срок концессии, то здесь как раз наступает момент, когда в отношении разных концессий, 4-х концессий, должны быть разные условия. Следовательно, как раз здесь мы имеем такой случай, когда не может быть одних и тех же условий для всех 4-х японских концернов.

Если принять точку зрения г-на Окумуры, то тогда г. Окумура не может настаивать, чтобы все 4 договора были одинаковы в этом пункте.

Окумура: Я раньше уже говорил, что договоры должны отдельно подписываться. Поэтому если по этим предприятиям можно различно определить сроки, то для больших концернов можно просить 50, 70, 100 лет, а для маленьких концернов, которые работают с меньшим оборудованием и капиталом, нужно 45–50 лет.

Иоффе: Вы думаете, что для всех 4-х концернов должны быть одинаковые условия, большой или маленький концерн – все равно одинаковые условия?

Окумура: По особенному вопросу нужны отдельные переговоры с Вами. Я заявляю, что желаю концессию на 50 лет.

Иоффе: Справедливо ли желать, чтобы были одинаковые условия для всех концернов?

Окумура: Я думаю, что это требование справедливо.

Иоффе: Я готов большим и богатым концернам, относительно которых нет сомнений, что они могут вложить и большие капиталы, и лучшее оборудование, предоставить больший срок, но Вы стоите на той точке зрения, что нужно для всех одинаково. Если это так, то я стою на том, чтобы для всех дать срок 40 лет.

Окумура: Вы говорите, что если большой концерн с большим капиталом нуждается в долгом сроке, то маленькому концерну, который имеет маленький оборот, маленький капитал, нужно дать сравнительно меньший срок.

В этом, конечно, мы с Вами совершенно согласны. Но нужно иметь в виду, что 50 лет для большого концерна недостаточно. На первом заседании я просил 70 лет и еще больше, иначе нам невыгодно и совершенно нельзя думать о прибыли в предприятии. Поэтому я думаю, что маленьким концернам, которые имеют маленькое оборудование, как раз подходит срок в 50 лет. Для большого концерна 50 лет, само собой разумеется, недостаточно.

Но теперь я не могу настаивать на своем мнении, хотя большие концерны будут требовать больше 50 тыс., так как это несогласно с Пекинским протоколом.

Иоффе: В Пекинском протоколе сказано: от 40 до 50 лет. Японское правительство, которое учитывало интересы своих Обществ, согласилось на срок от 40 до 50 лет.

Окумура: Если бы можно было те концерны, которые имеют большие капиталы, и те, которые имеют маленькие капиталы, разделить, я думаю, конечно, мы согласились бы на это. Но один из наших представителей, г-н Цукахара, действует самостоятельно, поэтому я думаю с ним поговорить об этом и тогда Вам сказать об этом определенно и окончательно. Поэтому я бы просил оставить этот вопрос открытым и пойти дальше.

Иоффе: По § 14 имеются ли какие-нибудь замечания?

Окумура: По § 14 пока еще не выяснены размеры долевых отчислений, не определена сумма. Я просил бы установить долевое отчисление в размере 5% с валовой добычи.

Иоффе: У Вас очень выгодная позиция: по отношению к Пекинскому протоколу срок концессии берется максимальный, а долевое отчисление берется минимальное. Предлагаем обратное: там, где срок концессии, сказать минимально 40 тыс., а где долевые отчисления, сказать максимально – 8%.

Окумура: Если мы будем иметь чистую прибыль, тогда можно заплатить Вам высокое долевое отчисление. Здесь говорится 5% именно с валовой добычи. Если говорится 5% с чистой прибыли, то это, конечно, другое дело – остается прибыль для компании. Но здесь говорится – 5% с валовой добычи, тут вначале мы должны покрыть наши убытки, и, может быть, придется потерять капитал.

Еще раз повторяю; если будет прибыль, то я могу заплатить больше 8%, но в настоящее время и при 5% не вижу прибыли. Я очень боюсь уплаты разных налогов и сборов с этого предприятия. Вы уверены, что мы будем иметь прибыль, но ничего подобного нет, и, наоборот, для нас очень плохое положение.

Иоффе: В Протоколе Б говорится – от 5% до 8%. Очевидно, японское правительство рассчитывало, что и при этом условии будет выгодно. Что налоги и сборы надо платить – это само собой разумеется. В каждом государстве налоги платятся. В Пекинском протоколе сказано: “с соблюдением всех законов”, а в законодательство каждого государства входит обязательство платить налоги. Кроме того, я все-таки не понимаю такого положения, что если Вы все время говорите, что концессия невыгодна, то кто заставляет Вас ее брать? Мы ведь не настаиваем.

Окумура: Если бы был продолжен срок, тогда будет прибыль и я могу заплатить минимальные цены, минимальный процент. В то время мы будем иметь маленькую прибыль. Поэтому, если Вы не освободите нас от налогов и сборов, то, терпя убытки, мы еле-еле через 15–16 лет начнем получать маленькую прибыль.

Иоффе: Я считаю, что здесь нужно сделать разницу между различными обществами и в качестве очень большой уступки я готов самому большому обществу “Кита Сагальен Секитан Кигио Кумиай” предоставить такие условия концессии – 45 лет, а долевое отчисление в первые 5 лет – 5%, с 6-го по 10-й год – 6%, с 10-го по 15-й год – 7%, с 16-го по 20-й – 8% и далее до конца срока концессии – 8%. Тогда у Вас, как Вы сами говорите, будет большой доход.

Окумура: Мы не можем считать Ваше предложение уступкой. С 6-го года Вы прибавляете 1%, с 10-го года уже на 2% больше, с 15-го года на 3% больше. Хотя в Пекинском договоре говорится о 5%, но, может быть, Вы уступите меньше 5%. Я считаю, что это еще хуже.

Иоффе: Тогда пусть будет 40 лет концессии и на все 40 лет – 8%, если мое предложение – ухудшение. Я, предложив 45 лет и только после 15-го года – 8%, сделал огромную уступку. Если Вы не считаете этого уступкой, то я отказываюсь от нее и предлагаю 8% на все 40 лет и только 40-летний срок концессии.

Окумура: Я думаю, что это небольшая уступка. Если таким образом считать долевое отчисление, то наша прибыль ограничивается. Если Вы освободите нас от всех налогов и сборов, тогда мы об этом можем подумать.

Иоффе: Думать не приходится, потому что Пекинский протокол нам предоставляет право дать концессию на 40 лет и иметь 8% с тем, что все законные сборы и налоги уплачиваются. Это наше право на основании Пекинского протокола, подписанного представителями правительств обеих стран. Все, что мы против этого правила делаем в пользу концессионера, – это наша уступка, и это надо понять.

Окумура: Мне несколько непонятно то, что Вы только что сказали. Согласно Пекинскому договору срок концессии определен от 40 до 50 лет. По обоюдному соглашению его можно определить. Относительно долевого отчисления там говорится – от 5% до 8%. Нужно согласовать – 5% или 8%. Если мы платим долевое отчисление и не будем иметь никакой прибыли, то данное предприятие не будет рентабельно.

Иоффе: По Пекинскому протоколу не указано, сдавать предприятие рентабельным. Мы обязались дать срок от 40 до 50 лет.

Значит, мы правы, если не даем больше 40 лет, этим мы исполняем Пекинский протокол. Если к[онцессионе]р не согласен с этим, то с нашей стороны протокол исполнен, если мы ни одного года больше 40 лет не прибавили и если в долевом отчислении от 8% ни одного процента не убавили. Если предполагается соглашение, то оно предполагается с обеих сторон. Если бы я предложил Вам платить 8% с первого года концессии, то это было бы тоже на основании Пекинского протокола. Мы можем это требовать, а согласились бы Вы или нет – это другое дело. Но протокол будет исполнен и в том случае, если мы потребуем уплаты долевого отчисления в размере 8% с первого года концессии. Мы Вам предлагаем платить 8% с 15-го года, когда Вы обязательно по Вашим собственным расчетам будете иметь прибыль. Это и есть попытка соглашения. Вы этого не хотите, тогда мы можем остаться при первоначальной точке зрения – 40 лет и 8% все 40 лет. То, что мы предлагаем, – это уступка. Если Вы не хотите соглашаться, мы можем остаться на старой точке зрения, исполняя Пекинский протокол.

Окумура: Мы должны подумать об этом. Этим временем Вы также подумаете об этом, чтобы концессия все же состоялась. Мы, с нашей стороны, постараемся пойти Вам навстречу.

Должен сказать, что уже больше 10 часов.

Иоффе: Я не возражаю против того, чтобы этот вопрос пока отложить, но заявляю, что это с нашей стороны крайняя уступка и только для О[бщест]ва “Секитан Кигио Кумиай”

Следующее заседание разрешите назначить в понедельник в 7 час. вечера.

Объявляю заседание закрытым.

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1005. Л. 134–143об. Копия.

¹ Бриннер Борис Юльевич (1889–1949) – владивостокский предприниматель, владелец свинцово-цинковых концессий в Тетюхе (Дальнегорск) в Приморье и угольной концессии на Северном Сахалине в 1920-е годы.

² Торговая фирма “Кунст и Альберс” была основана в 1864 г. во Владивостоке немецкими предпринимателями Г. Кунстом (1836–1905) и Г. Альберсом (1838–1911). В 1923 г. ей были переданы права на угольные рудники на Северном Сахалине ее главным совладельцем А. Даттаном, который приобрел их еще в 1911 г. и подтвердил 10 лет спустя, в период существования ДВР. В 1927 г. советское государство признало нецелесообразным наличие данной концессии фирмы “Кунст и Альберс” ввиду опасения колонизации японцами Северного Сахалина. В 1930 г. вся деятельность компании на территории Дальнего Востока была прекращена.

³ Свинцово-цинковая концессия “Тетюхе” Б.Ю. Бриннера была образована 25 июля 1924 г. Договор о концессии был подписан сроком на 36 лет с правом выкупа ее советским государством через 25 лет. В октябре 1925 г. Брин-

нер передал свои права и обязательства английской горнопромышленной корпорации (акционерное общество "Тетюхе майнинг корпорейшн"), сохраняя при этом собственное руководство. В октябре 1931 г. советское правительство досрочно прекратило действие договора и выкупило предприятие.

⁴ Англо-американская компания, получившая в 1924 г. концессию на разведку и добычу золота в обширном регионе вдоль побережья Охотского моря.

№ 225

Стенограмма заседания комиссии Главконцесскома СССР и представителей японских угольных компаний об условиях концессионного договора относительно размеров долевых отчислений с добычи угля на Северном Сахалине

21 сентября 1925 г.

Присутствовали:

Со стороны комиссии ГКК: член комиссии г. Гуревич. Экспертиза: г.г. Антонов, Бекман, Бонч-Осмоловский, Волкович, Галузин, Колесников, Левин, Маркович, Мусатов, Никитин, Орловский, Степухович, Ходоровский, Худяков, Янковский. Эксперт-переводчик г. Конрад. Секретари: г.г. Зубкова, Гальперин, Сухоплюев.

Со стороны японской делегации: председатель г. Окумура, советники г.г. Каваками, Тазака, Сато, Икеда. Эксперты: г.г. Като, Исихара. Секретарь и переводчик г. Яmanoути, клерк г. Перминов.

Председательствовал г. Гуревич.

Гуревич: Г-н Иоффе чувствует себя плохо и просит извинить его. Я буду вместо него вести сегодня заседание.

Разрешите открыть заседание. В прошлый раз мы Вам обещали передать Положение о землях, отчуждаемых под транспортные сооружения (передает Положение).

У нас остались неразрешенными параграфы 4, 13 и 14. Вы просили в прошлый раз дать Вам время подумать. Может быть, сегодня мы начнем с § 4 в той его редакции, которую мы Вам передали?

Окумура: В прошлый раз мы начали и не кончили § 13.

Гуревич: Я бы хотел раньше говорить о § 4, который остался незаконченным.

Окумура: § 4 в Вашей редакции мы уже изучили, но мы здесь сделали небольшие поправки. Думаю, что они, безусловно, приемлемы для Вас, но, если будут возражения, тогда это опять задержится, и поэтому я прошу сейчас приступить к § 13.

Гуревич: Если мы так будем оставлять параграфы неразрешенными, то получится так, что нам все время придется возвращаться назад. Если разговоры должны быть по этому параграфу, то они все равно неизбежны.

Я, впрочем, не предвижу больших разговоров. Ведь § 4 мы приняли в Вашей редакции, так что споры будут не против нашей редакции, а против Вашей собственной редакции.

Окумура: Я предлагаю Вам эту выработанную нами редакцию (передает). Прошу в этой редакции исправить: здесь написано – § 31, что надо зачеркнуть и поставить пунктир.

Гуревич: В той редакции, которую Вы сейчас нам передали, кроме того, что там русский язык еще хуже, чем в проредактированной нами части, имеется одно только принципиальное разногласие. 4-й абзац нашей редакции гласит: “В случае прекращения концессии в силу § 31 настоящего договора все вышеуказанное имущество переходит к правительству безвозмездно, без оплаты той части имущества, которая к этому моменту окажется неамортизированной” Здесь вкралась опечатка, и взамен § 31 надо вставить § 33. Этим, вероятно, объясняется Ваше предложение.

Окумура: Здесь недоразумение.

Гуревич: Между предложенной Вами сейчас редакцией и нашей редакцией я не вижу никакой разницы. Я не придаю большего значения стилистике, но договор должен быть хоть на одном языке написан так, чтобы его можно было понять, иначе через 40 лет его совершенно никто не поймет. Поэтому я предлагаю принять нашу редакцию, так как она написана по-русски более ясно.

Окумура: 4-й абзац этого параграфа, я думаю, можно ввести в тот дополнительный параграф, где будет сказано об амортизации.

Гуревич: Если я Вас правильно понял, то Вы предлагаете 4-й абзац перенести в тот пункт, где будет говориться об амортизации?

Окумура: Да.

Гуревич: Я считаю, что это будет неудобно и вот почему. Этот абзац, 4-й, логически вытекает из первых 3-х абзацев, и поэтому место ему именно здесь. Первый абзац § 4-го говорит о том, что концессионер не имеет права залога, отчуждения и проч. Во 2-м абзаце говорится, что по истечении срока концессии концессионное предприятие в составе таком-то и таком-то переходит безвозмездно правительству, причем там указывается: имущество, сполна амортизированное. В 3-м абзаце говорится, что если часть имущества не будет сполна амортизирована и если

правительство захочет оставить это имущество за собой, то оно возмещает концессионеру неамортизованную часть его. И далее в абзаце 4-м говорится, что если концессия будет прекращена по вине концессионера, то правительство неамортизованную часть концессионеру не возмещает. Значит, здесь, таким образом, получается как бы логическая цепь. Если вставить этот абзац в другом параграфе, то мы не сможем уже сказать тогда: “вышеуказанное имущество”, а это нужно будет заменить целым предложением, в котором указать, о каком имуществе будет идти речь. Поэтому с точки зрения стилистической и логической связи я предлагаю этот 4-й абзац оставить именно здесь, ибо он действительно вытекает из первых 3-х абзацев.

Окумура: Здесь написано “безвозмездно”, и поэтому у нас есть возражения (смех).

Гуревич: Значит, речь вовсе не о месте этого абзаца, а о возражениях по существу?

Окумура: Поэтому, когда выяснится сама сущность этого, то это можно будет оставить или изменить.

Гуревич: Вопрос ясен. В § 33 говорится о прекращении концессии по вине концессионера. Там устанавливается, что правительство имеет право прекратить концессию, если концессионер объявляется несостоятельным должником по определению советского или иностранного суда; вследствие нарушения концессионером правил по охране недр; вследствие невзноса долевого отчисления или же вследствие продажи завезенного имущества на сторону. Таким образом, в 4-х случаях оговорено право правительства односторонним актом расторгнуть концессию. В этом случае, конечно, поскольку концессионер идет на незаконные поступки, нарушающие условия договора, то он, конечно, должен нести все вытекающие отсюда последствия. Чего вы боитесь? Ведь если договор будет Вами подписан, то Вы будете знать, что этого делать нельзя, и тогда этот 4-й абзац никогда не будет применяться, ибо я не допускаю мысли, чтобы Вы не выполняли договора. А если Вы хотите выбросить слово “безвозмездно”, то невольно является подозрение, что Вы имеете намерение не выполнять договора, это же совершенно недопустимо. Поэтому я думаю, что Ваши возражения вообще не должны были бы иметь места.

Окумура: Вот видите, мы хотим обсудить, как распоряжаться этим имуществом в случае прекращения концессии. По этому поводу при обсуждении § 33, где об этом говорится, или же дополнительного параграфа об амортизации мы разберемся, куда внести этот абзац, и, может быть, можно будет оставить его и в этом параграфе. Поэтому я прошу пока оставить этот параграф так.

Гуревич: Тогда разрешите, может быть, так зафиксировать, что абзацы 1-й, 2, 3, 5, 6 и 7 этого параграфа принимаются, а абзац 4-й откладывается до обсуждения параграфов 31 и 33.

Кроме этого абзаца, в таком виде, как Вы сегодня его формулируете, я не вижу разницы между Вашей и нашей редакциями, за исключением того, что Ваш текст по-русски так написан, что если его принять, то нужно было бы редактировать его снова.

У Вас, например, во 2-м абзаце нет сказуемого. Это, конечно, вполне понятно, ибо если бы Вы редактировали по-японски, то было бы, конечно, иначе, а если бы я попробовал написать договор по-японски, то, вероятно, конечно, получилось бы еще хуже.

Должен еще раз повторить, что в нашем и Вашем тексте сказано абсолютно то же самое. Разница только в том, что Ваш текст написан так, что только тот, кто знает договор, может догадаться, о чем тут хотели сказать. И если бы мы приняли Ваш текст, то нужно бы, повторяю, создать редакционную комиссию, которая снова будет сидеть и редактировать, но опять-таки придет к тому же самому. Разрешите мне остановиться на каждом абзаце отдельно.

Абзац 1-й у нас совершенно аутентичный, как говорится, слово в слово. В абзаце 2-м Вы вставляете следующие слова. 1-я строчка у нас одинакова, Вы вставляете только слова “вышеуказанная концессия”. У нас сказано “концессионное предприятие”, и это выражение совершенно ясно, а если сказать по-Вашему “вышеуказанная концессия”, то будет неясно, о чем идет речь, ибо выше говорится о концессионном предприятии, а не о концессии. Дальше Вы включаете слова...

Конрад: Разрешите, я просто прочту перевод этого на японский язык.

Гуревич: Пожалуйста.

(Конрад читает перевод).

Гуревич: Этот параграф грозит превратиться в хроническую болезнь наших переговоров. Раньше мы спорили, но хотя было известно о чем, но сейчас абсолютно неизвестно, о чем мы спорим. Если бы была малейшая разница, то я бы сказал, в чем эта разница, и думаю, г-н Каваками, хорошо зная русский язык, сможет удостовериться, что никакой разницы здесь нет. В одном случае не особенно хорошо сказано по-русски, потому что мы вынуждены были брать Ваши формулировки, а в другом случае совершенно непонятно.

Окумура: Если это совершенно одинаково, то разрешите нам еще раз изучить этот параграф. Я не понимаю по-русски, и мне надо ознакомиться.

Гуревич: Я, конечно, не могу г-на Окумуру заставить принять этот параграф, когда он недостаточно изучил его, но я еще раз констатирую, что то, что Вы нам передали, от того, что мы написали, отличается только тем, что в одном случае понятно, а в другом непонятно, но смысл один и тот же.

Окумура: По-японски наша редакция лучше, чем Ваша (смех).

Гуревич: Возможно, я об этом судить не могу (смех).

Разрешите считать, что § 4 мы откладываем.

Теперь мы вернемся к параграфам 13 и 14. По § 13 относительно срока концессии Вы обещали дать ответ.

Окумура: Мы рассмотрели Ваше предложение, в котором Вы удлинили срок концессии, но установили долевого отчисления от 5% до 8%.

Гуревич: Это только для самого большого О[бщест]ва “Кита Сагальен Секитан Кигио Кумиай”

Окумура: Мы считаем это крайне трудным. Если бы мы были освобождены от всех налогов, тогда я мог бы согласиться с Вами. Я всячески стараюсь пойти навстречу Вам и думаю, что нельзя настаивать, чтобы мы все время платили 5%, и поэтому я здесь с нашей стороны иду на то, чтобы при условии срока в 50 лет установить скалу долевого отчисления от 5–8%. Я прошу рассмотреть наше предложение (передает новую сумму долевого отчисления).

Гуревич: Здесь показано с годовой добычи? Как это – суммарно все предприятия или каждое в отдельности?

Окумура: Только “Кита Сагальен Секитан Кигио Кумиай”.

Гуревич: Это совершенно несерьезно. В Вашем меморандуме указано, что вся добыча предполагается 1 300 000 в год для всех О[бщес]тв. О[бщест]во же “Секитан Кигио Кумиай” имеет предельную цифру добычи в 1 000 000 тонн. Между тем 8% Вы считаете только тогда, если будет годовая добыча 1 600 000 тонн, то есть фактически никогда. Поэтому на Ваше предложение я никоим образом не могу согласиться. Вы делаете вид, как будто идете на уступку, и говорите, что только в случае, если срок концессии будет 50 лет, Вы согласны пойти на эту уступку. Но здесь Вы требуете две уступки. С одной стороны, чтобы мы установили срок концессии 50 лет, а с другой стороны, что 7% и 8% долевого отчисления Вы никогда не будете платить, ибо в Вашей производственной программе, которую Вы передали нам, указывается, что максимальная добыча для О[бщест]ва “Кита Сагальен Секитан Кигио Кумиай” предполагается всего в 1 000 000 тонн и, кроме капитала, который Вами указан, Вы не предполагаете ни-

чего больше вложить. Другие Общества, следовательно, не будут платить больше 5%, так как их программа меньше 500 000 тонн. Это противоречит тому, что Вы сами говорили на прошлом заседании, а именно: чем больше вложен капитал, тем дольше должен быть срок концессии и тем льготнее должны быть условия. А сейчас Вы выдвигаете обратный принцип: чем больше капитал, тем хуже для него условия. Это противоречит Вашей собственной точке зрения, высказанной на прошлом заседании.

Окумура: Вы думаете, что наше предложение, которое мы Вам только что представили, несерьезно. Я думаю, что это не так. В нашем плане, который Вам представлен, дано объяснение цифры 1 млн 50 тыс. тонн. Вы считаете, что эта цифра максимальная, но это не так. По нашим расчетам только первые 20 лет можно будет добывать 1 млн 50 тыс. тонн. Если же к этому времени угольный рынок разовьется, то тогда сразу можно будет сколько угодно добыть угля. Угольное предприятие с добычей меньше 1 млн тонн совсем невыгодно. Поэтому мы, конечно, постараемся как можно больше добыть угля – 1 или 2 млн тонн. Но опять-таки это зависит от рынка. Например, сооружать шахты можно только для добычи в 100 000 тонн, но, если угольный рынок сразу делается выгодным, тогда сразу же можно на 20–30% получить больше при том же оборудовании шахт. Это все, значит, зависит от условий рынка. Поэтому на шахтах можно работать, если мы добываем 1 млн 50 тыс. тонн угля, но если положение рынка выгодно, то на тех же шахтах можно увеличить добычу. Таким образом, 1 млн тонн – это не максимальная цифра, до которой мы предполагаем довести добычу.

Если Вы спрашиваете, сколько в настоящее время мы можем добывать в Дуйском и Рогатинском рудниках угля, то я могу Вам ответить: 30 или 50 тыс. тонн. Но если угольный рынок делается выгодным, то сразу же можно работать в больших размерах на том же самом месте при том же самом оборудовании. Поэтому мы просим Вас отнестись к нашему предложению серьезно и указанные нами цифры добычи не считать максимальными.

Гуревич: К сожалению, я не могу принять Вашего предложения. Обычно мы в концессионных договорах указываем обязательство концессионера выполнять ту или иную производственную программу. В Ваших “дезидерата” Вы просили нас, чтобы мы Вас не стесняли производственной программой, указывая на то, что угольный рынок еще недостаточно выявлен, и поэтому если бы мы Вас обязали производственной программой, то Вы могли бы оказаться без рынков сбыта. Другое дело, если бы мы написали в договоре, что Вы обязуетесь, начиная с 3-го года концессии,

добывать больше 1 млн тонн, тогда можно было бы пойти на Вашу скалу. Но у Вас этой производственной программы нет, Вы можете добывать сколько угодно угля. То есть сегодня можете добыть 1 млн пуд., завтра можете добыть 5000 пуд. Поэтому плата долевого отчисления по скале добычи угля, при отсутствии всякой обязательной производственной программы, – совершенно нереальное для нас обеспечение. Кроме того, я не могу согласиться с Вами, что то предложение, которое Вы нам дали, не есть максимальное. Конечно, я согласен с тем, что если завтра в Шанхае уголь будет стоить не столько, сколько он стоит сегодня, то есть если бы он стоил не 12–13 иен тонна, а 35 иен тонна, то тогда Вы стали бы не только на Сахалине добывать усиленно уголь, но всюду, где только было бы возможно. Но тогда цифра в 8% отчисления была бы смешным долевым отчислением, ибо тогда нужно было бы брать не 8%, а 48%. Это в том случае, если бы рынок сбыта и цены резко увеличились. Вы же говорите, что если будут хорошие условия продажи и хорошие условия рынка, то Вы согласны прибавлять по 1/4%, между тем как выгода Ваша будет увеличиваться гораздо сильнее. Я рассматриваю ту Вашу программу не как минимальную, а как реальную программу, ибо Вы там указываете не только добычу по рудникам, но даже указываете сроки, когда Вы достигнете такой добычи. Так, в одном руднике Вы указываете 5 лет, в другом 8, в третьем 11, а в одном даже говорите, что Вы этого достигнете через 19 лет.

Кроме того, на последней странице Вы указываете ясно, какие капиталы Вы вкладываете в это дело. Мы же настолько грамотны, что можем сами подсчитать, сколько можно добывать на том или другом руднике, если будет вложена такая-то сумма денег. Мы сами можем подсчитать, что если вкладываемый капитал в данный рудник составляет 3 1/2 млн иен, то добыча там может достигать 360 000 тонн угля. Поэтому мы считаем ту программу, какую Вы нам передали, программой реальной, и, поскольку это так, постольку тот принцип долевого отчисления, какой Вы нам предлагаете, является нереальным. Разница между Вашим и нашим предложением в этом случае настолько велика, что у нас сейчас нет никакой возможности идти на сближение. Должен еще сказать, что наши специалисты указывают, что Ваша программа не только реальна, но она даже несколько преувеличена, потому что, если принять добычу центрального рудника в 350 000 тонн добычи и Дуйский рудник в 420 000 тонн, то Вам придется строить гавань, потому что при тех ничтожных пристанях, которые там сегодня имеются, Вы это количество угля не погрузите и не вывезете с острова. Между тем в расходах, кото-

рые Вы указываете, расход на сооружение гавани не предусмотрен, а предусмотрены лишь расходы на добычу угля. Поэтому я считаю, что то предложение, которое Вы нам делаете сейчас, нереально и не может служить базой для разговора. Поэтому я должен вернуться к предложению, которое мы Вам сделали, то есть что через 5 лет прибавляется 1%, и начиная с 16-го года концессии устанавливается 8%. Если, как Вы говорите, в дальнейшем легче будет находить рынок сбыта, то наш принцип уплаты 8% долевого отчисления через 16 лет становится совершенно правильным и с Вашей точки зрения.

Окумура: Разрешите еще раз повторить. Вы думаете, что наш капитал очень мал, но в начале работ предприятий не требуется большого капитала. В Японии, если Вы вначале указываете большой капитал, то, как юридическое лицо, чем больше капитал Вы указываете, тем больше Вы должны действительно вложить, так как надо вложить $\frac{1}{4}$ объявленного капитала сразу, хотя бы само предприятие этого не требовало. Поэтому здесь выходит – просто затрачивать напрасно капитал. Вы думаете, что наш капитал достаточен только для добычи 2–3 млн тонн угля, но Вы не забудьте, что всегда можно прибавить капитал. Вы думаете, что нужно построить порт, иначе свыше 1 000 000 тонн нельзя вывозить, но по нашему опыту это возможно. Но если добыча будет свыше 2 млн тонн, то тогда, конечно, потребуется постройка порта. Но это может быть через 20 лет. Может быть, наши наследники постараются построить порт.

Вы указываете доленое отчисление по годам. Для этого совершенно нет оснований, потому что я уже несколько раз объяснял, что каменноугольные предприятия всегда требуют большого срока, чтобы совершенствовать оборудование и т.д. 500 или 1000 фут-шахта потребует постройки подъемника и прочих приспособлений, чтобы добывать уголь и работать на шахте. Эти сооружения всегда требуют затраты 7-ми лет и даже, можно сказать, 10 лет только на одно оборудование. По Вашему же предложению через 5 лет прибавляется доленое отчисление. Допустим, что оборудование на шахте не готово, ничего нет, а доленое отчисление прибавляется. Это совершенно невозможно. Думаю, что для этого нет оснований. Мы можем принять только тот принцип, что чем больше добываем угля, тем больше платим доленого отчисления. В этом отношении наше предложение справедливо и имеет основания.

По Вашему предложению после 20 лет мы должны заплатить 8%, по нашему предложению тоже лет через 20 мы дойдем до той добычи, когда должны будем платить 8%. Результат тот же.

Гуревич: Я уже указал, что на долевое отчисление в зависимости от добычи можно было бы пойти, если бы была производственная программа.

Вы говорите, что можно прибавлять капитал и тогда увеличивать добычу и строить порт. Но если Вы будете увеличивать капитал не сейчас, а через 20 лет, то мы Вам дадим через 20 лет другую концессию. Зачем же Вы будете 20 лет держать громадные площади угольных полей неразработанными, будете держать уголь в земле, не будете его разрабатывать? Каждое государство заинтересовано в том, чтобы недра, принадлежащие ему, разрабатывались, а держать недра без разработки мы тоже не можем. Это может всякий. Если мы сдаем их в концессию, то желаем, чтобы недра разрабатывались, а Вы говорите, что через 20 лет Вы только думаете увеличить капитал и достигнуть 1 млн пудов. Через 20 лет не мы, а наши наследники будут решать вопрос о новой концессии.

Я считаю, что так нельзя ставить вопрос, как Вы, ибо это значит взять в концессию громадную угольную территорию без фактической возможности немедленно приступить к работам.

В Японии есть закон, согласно которому если Вы учреждаете О[бщест]во, то должны заплатить $\frac{1}{4}$ объявленного капитала, и Вы считаете, что вначале $\frac{1}{4}$ капитала будет достаточно и Вам невыгодно вкладывать больше. Вы свою выгоду понимаете. Но почему Вы заставляете нас вложить громадный капитал, который только через 20 лет будет разрабатываться? Ведь уголь – тот же капитал. Это для нас неприемлемая вещь. В нашем способе исчисления долевого отчисления мы побуждаем Вас к более интенсивной разработке, мы поднимаем процент независимо от того, устроены ли Ваши машины или нет. Это есть маленький стимул, чтобы скорее разворачивать работу. Прошло 5 лет – платите несколько больше, а для этого разворачивайте скорее предприятие. Прошло еще 5 лет – платите еще больше, а за это время Вы могли дальше развить предприятие. А если Вы не работали, то вина Ваша, а не наша. Вы говорите относительно рынка. Рынки сами собой не открываются. Их открывают, когда нуждаются в местах сбыта продукции.

А когда Вы предлагаете Вашу скалу отчисления, то у Вас не будет стимула к увеличению добычи и, следовательно, к отысканию новых рынков.

Во всех наших концессионных договорах мы обязываем концессионера после 2-го года концессии развить такую-то добычу, причем если он ее не развивает, то долевое отчисление он все равно платит с производственного минимума. Возьмите концес-

сию Гарримана. Там он обязуется давать 500 тыс. тонн марганца. Если он не довел до этого свою производительность, то мы берем все равно с 500 000 тонн, хотя он, может, ни одной тонны не добыл. Возьмите “Лена Гольдфильдс”. Здесь то же самое. Она обязана дать столько-то сот пудов золота в год. Если они добывают меньше, то все равно должны платить с этой программы. Мы Вам производственную программу в договор не вписываем, но разрешите нам гарантировать себя долевым отчислением. Я считаю, что Ваше предложение абсолютно для нас неприемлемо. Вы будете платить по 5% до 500 000 тонн, а фактически Вы по Вашей программе 500 000 тонн добудете только на 10-м году, то есть через 11 лет, а 10 лет Вы хотите платить только 5%.

Если сравнить это с нефтяной концессией, то надо сказать, что там условия работы гораздо труднее. На восточном берегу работать гораздо более тяжело, чем на зап[адном] берегу. Нефтяное предприятие требует громадных сумм для поисков и разведок, а там на 500 000 тоннах кончается скала. Это по мнению г-на адмирала Накасато. Мы с этим не соглашаемся, и, по-нашему, она оканчивается в 430 000 тонн. Тут же, где уголь обеспечен, где добыча его не так трудна, Вы хотите до 500 000 тонн платить только 5%.

Я предлагаю вернуться к тому предложению, которое мы сделали.

Окумура: Я думаю, что Вы немножко иначе поняли то, что мы объяснили, и поэтому я еще раз вкратце объясню. Относительно капитала: Вы думаете, что можно вложить большие капиталы, чтобы скорей добывать, но в начале предприятия капитал, естественно, должен быть ограничен, и сразу вложить большие суммы нет смысла. Поэтому Вы, пожалуйста, в этом не ошибайтесь. Дальше, относительно долевого отчисления по срокам. Вы настаиваете все время на этом, но Вы посмотрите, пожалуйста, Пекинский договор, Протокол Б, 5-й абзац. Там ясно написано, что это исчисляется по скале от ежегодной добычи угля.

Теперь еще о нефтяном вопросе. В нефтяном деле цифра в 500 000 тонн – это максимальная. Но уголь совершенно нельзя сравнивать с нефтью, так же, как нельзя сравнивать бриллиант с углем, по качеству они совершенно различны.

Гуревич: Но доленое отчисление ведь тоже отличается по качеству; ведь 5% нефти стоит больше, чем 5% угля.

В Пекинском протоколе действительно сказано так, как Вы правильно указываете, в 5-м пункте последн[ем] абзаце, что доленое отчисление взимается в зависимости от добычи. Но тогда Вы нас обязываете вписать Вам в договор производственную

программу. Тогда надо построить договор так, что в конце такого-то года Вы обязуетесь добывать столько-то, к концу такого-то года обязуетесь добывать столько-то и так далее, при производственной программе можно будет установить скалу долевого отчисления в зависимости от добычи. Но мы хотели избежать программы, ибо Вы сами просили нас об этом. Если же не устанавливать производственную программу, то очень трудно установить эту скалу. Во всяком случае я констатирую, что, как бы ни подходить к вопросу, так ли, как это делаем мы, устанавливая ее в зависимости от числа лет работы, или как это делаете Вы, устанавливая ее в зависимости от добычи, вопрос не в этом. Мы можем нашу скалу перестроить также в зависимости от добычи, но мы сейчас спорим ведь не из-за принципа, а из-за денег. Спорим из-за того, что разница между нашим и Вашим предложением колоссальная. Я прошу Вас еще раз обдумать этот вопрос, а сегодня пойти дальше, ибо я должен еще раз повторить, что сегодня я никак не могу принять это Ваше предложение, ибо считаю, что это предложение абсолютно для нас неприемлемо. Имеет смысл спорить тогда, когда существует такое положение, как, например, у нас получилось с нефтяным обществом. Разница между ними и нами в вопросе о долевом отчислении такая, что там у нас небольшие расхождения, там мы можем спорить. Но с Вами у нас сейчас такое большое разногласие, что если Вы не сделаете по крайней мере 100 шагов нам навстречу, то нам не о чем будет спорить.

Окумура: Я принимаю Ваше предложение, но хочу Вам сказать еще только одно слово. Нельзя совершенно сравнивать нефть с углем. Например, в Японии потребность в нефти в целом меньше 1 млн тонн, но если мы возьмем уголь, то эта потребность теперь там 40 млн тонн. Таким образом, количественно нельзя сравнивать уголь с нефтью. Вы, пожалуйста, имейте в виду и не сравнивайте это.

Гуревич: Я и не сравниваю нефть с углем. Разницу между нефтью и углем, хотя я и не специалист, я все-таки знаю, но я указываю не на абсолютные цифры и сравнивал не абсолютные цифры, а лишь те тенденции к соглашению, которые имеются у группы нефтяных и угольных предпринимателей. И я констатирую, что у нефтяной группы тенденций к соглашению гораздо больше, чем у угольной группы. Только в этом смысле я и сравнивал нефть с углем. Я попрошу Вас еще раз обдумать Ваше предложение, ибо, повторяю, оно для нас совершенно неприемлемо. Точно так же хочу отметить, что срок, который Вы предлагаете, а именно 50 лет, он тоже является для нас неприемлемым.

Поэтому разрешите перейти к следующему параграфу с тем, чтобы на следующем заседании мы вернулись к этому пункту, когда Вы сделаете Ваше новое предложение.

Переходим к § 15.

Окумура: Относительно долевого отчисления мы отложим весь параграф или, может быть, мы перейдем к следующему абзацу этого параграфа?

Гуревич: Если хотите обсуждать следующие абзацы, то я готов. Какие у Вас есть предложения?

Окумура: У нас есть предложение по второму абзацу. Долевое отчисление мы хотим платить натурой, только натурой, а не деньгами.

Платить долевого отчисления натурой, а не наличными деньгами мы хотим потому, что оценку угля сделать очень трудно. Может быть, это Вам покажется неудобным, но для нас это удобнее.

Затем есть еще другой вопрос относительно места сдачи угля. Мы желаем, чтобы сдача происходила на руднике, потому что доставлять уголь в указанное Вами место очень трудно и здесь могут быть недоразумения. Я думаю, будет лучше, что сдача угля происходит на руднике.

Гуревич: Это для нас совершенно неприемлемо. Для того чтобы нам получить примерно до 80 000 тонн угля в год, нам придется создавать специальный аппарат, приемочный, погрузочный, перевозочный, и этот аппарат съест все долевого отчисления. В конечном итоге получится, что мы никакого долевого отчисления получать не будем, потому что стоимость нашего аппарата будет равна стоимости долевого отчисления. Поэтому мы предложили, что в зависимости от желания правительства к[онцессионе]р платит долевого отчисления или натурой, или в денежном эквиваленте.

Мы имеем в виду, что, может быть, часть угля можно будет употребить на самом Сахалине, и тогда мы согласимся взять эту часть в натуре. Если понадобится уголь для наших предприятий на Дальнем Востоке, тогда тоже мы можем взять натурой. Но мы не можем обязываться, что будем брать только в натуре, потому что это потребовало бы создания специального аппарата, создания аппарата для доставки 80 тыс. тонн. Ни одно хозяйственное учреждение на это не пойдет.

Далее Вы предлагаете, чтобы не Вы сдавали уголь по нашему указанию в одном из портов Дальнего Востока, а чтобы мы принимали уголь на руднике. Это для нас совершенно неприемлемо, ибо нам придется тогда создавать еще более сложный аппарат. Кроме того, Вы сами указываете, что период навигации на

С[еверном] Сахалине чрезвычайно короткий и погрузочные приспособления очень примитивны, и, таким образом, получится, что на маленьких пристанях нам придется толкаться вместе с Вами. Мы будем только мешать Вам работать, тогда как для Вас, нагружая все время пароход за пароходом, нетрудно будет доставить уголь в определенный порт по указанию правительства, тем более, что правительство принимает на себя всю стоимость погрузки и доставки. Нам же пришлось бы на каждом руднике создавать аппарат, хорошо если для 80 000 тонн, а если для 1–1½ тыс. тонн?

Мало того, Вы желаете платить долевое отчисление только в размере 5 %. Таким образом, Вы хотите поставить нас в такие условия, чтобы мы оставляли уголь на руднике, так как нам невыгодно будет его брать. С этой точки зрения я считаю, что Ваше предложение нас не устраивает, и настаиваю на нашем предложении.

Что касается Ваших указаний, что трудно определить цену, то мы взяли шанхайскую цену. Мы предлагаем взять шанхайские цены, скинуть стоимость перевозки от Сахалина до Шанхая и это считать ценой угля. Я считаю, что определить цены таким образом – вещь нетрудная. Могу сказать, что мы уже так работаем там, куда экспортируем уголь. Возьмите наши экспортные операции в Италию. Мы сдаем уголь не по твердым ценам, а по ценам мирового рынка. Мы взяли за основу кардифский уголь. Там вопрос еще сложнее, потому что мы ввели поправку на качество угля. Из-за того, что расчет сложный, не значит, что нельзя установить цену: то предложение, которое Вы делаете, ставит нас в полную невозможность получить долевое отчисление.

Окумура: Вы говорите, что если концессионер будет передавать долевое отчисление только натурой, то Вам придется организовать большой аппарат и потребуется много чиновников. Во-вторых, чтобы Вам отгрузить Ваш уголь на пароходы, Вам нужно будет пользоваться пристанями к[онцессионе]ра. В-третьих, Вы утверждаете, что цены можно установить по шанхайской рыночной цене.

Я думаю, что когда Вы получите долевое отчисление натурой, то, имея в Китае и в Японии Вашего торгового представителя (торгпреда), Вы сможете заключить договор в Японии или в Китае.

Гуревич: О чем договор?

Окумура: О продаже угля, который Вы получите как долевое отчисление. Я говорю, что у Вас в Китае и в Японии есть торгпред и он может заключить договор о продаже угля, получен-

ного натурой. Торгпред может всегда найти покупателя в Японии или в Китае. Этот покупатель отправит пароход на Сахалин, погрузит уголь и привезет в Японию или Китай, и сможет получить определенную сумму за этот уголь. Поэтому я думаю, что Вам не потребуется много чиновников или большой аппарат.

Погрузка на пароходы на западном берегу Северного Сахалина возможна только в очень короткий срок. Это продолжается в течение года не больше 100 дней и, может быть, даже меньше. В течение этого срока мы должны производить перевозные операции по возможности скорей, и мы думаем, что если у Вас всегда имеются пароходы, которые плавают на Востоке, то вы можете отправить пароход за углем на Сахалин, и это для Вас не так уже трудно. Еще я приведу такой пример. У нас, например, имеется пароход 5000 тонн, а Вы просите отправить во Владивосток 4000 тонн угля. Тогда значит...* Нет, я как раз наоборот хотел сказать, то есть если Вы требуете отправить 5000 тонн угля, а у нас в то время имеется пароход 4000 (*Гуревич*: Это можно договориться), в таком случае, имея пароход на 4000 тонн, мы должны, кроме того, зафрахтовать для Вас еще пароход на 1000 тонн, причем этот пароход обратно вернется пустым, что является очень невыгодным (*Гуревич*: В таком случае платите деньгами). Поэтому, если есть место на пароходе, тогда это можно погрузить и для Вас. А в другом случае это для нас невыгодно.

Далее стандартные цены шанхайского рынка. Здесь у Вас написано по Вашей редакции “цена соответствующего по качеству угля”. Как можно найти уголь соответствующего качества? Я думаю, что там, в Шанхае, не найдется угля соответствующего качества (*Гуревич*: То есть не найдется угля такого хорошего качества?). Там цена разная на разный уголь. На уголь крупный, мелкий устанавливается различная цена. Поэтому я думаю, что очень трудно найти среднюю рыночную цену. Если хлопок и шелк имеют среднюю цену, причем эти цены каждый день публикуются, то в отношении угля этого нет, и на уголь всегда заключается договор на один – два года, и поэтому цена устанавливается на уголь всего 1–2 раза в год. Это, конечно, нельзя сравнивать с домашним углем, который требуется для кухни, для печек и т.п.

Еще хочу сказать относительно фрахта между Шанхаем и Сахалином. Не думайте, что между этими местами ходит много пароходов. Совсем нет. Вообще на Востоке только тогда, когда развит экспорт и транспорт, то тогда имеются твердые фрахты.

* Так в тексте.

Таким образом, между Сахалином и Шанхаем нельзя иметь определенных фрахтовых норм. Так что я считаю, что, во-первых, относительно качества угля, во-вторых, относительно шанхайской рыночной цены и, в-третьих, относительно фрахта – это совершенно неопределенные положения, и их нельзя никак определить. По вышеуказанным причинам я думаю, что это Ваше предложение совершенно для нас неприемлемо, невозможно. И поэтому считаю, что нужно установить отчисления натурой, чтобы концессионер спокойно мог передать без споров это долевое отчисление.

Гуревич: Я думаю, что действительно вопрос о поставке натурой вызовет большие затруднения. Давайте установим долевое отчисление только в денежной форме, чтобы не спорить, не возиться с вопросом о перевозке, продаже, доставке, с вопросом о том, откуда брать уголь – с рудников или в другом месте. Чтобы не спорить по всем этим вопросам, я согласен пойти навстречу Вам и, вместо того чтобы было указано, что долевое отчисление взимается или натурой, или деньгами, указать, что оно производится в денежной форме. Против денежной формы отчисления Вы возражаете только тем, что трудно установить цены. Я считаю, что это неправильно. Вы говорите, что есть разные сорта углей. На это я должен Вам сказать, что мы имеем дело с углем не первый год. У нас в Союзе уголь добывается в громадном количестве, и мы знаем, что такое уголь. И, конечно, когда мы говорим о качестве угля, мы хорошо понимаем, что это значит. Тем более, что мы будем знать, на каких рудниках Вы работаете, и будем знать, какое качество того или другого угля. Вопрос о фракте, на который Вы указывали, также стоит не так остро. Конечно, эта стоимость фрахта не столь определена, как стоимость фрахта от Ливерпуля до Нью-Йорка. Конечно, стоимость фрахта между Шанхаем и Сахалином – это есть менее известная вещь. Но ведь и Вы в Шанхае будете продавать уголь, и по стоимости доставки для Вас мы и будем устанавливать фракт. Если Вы нам покажете очень высокий фракт, то мы Вам предоставим по более дешевым ценам пароходы, так что я считаю, что эти затруднения чрезвычайно легко устранимы. Но с натуральными отчислениями тут, действительно, имеются затруднения. Поэтому мы согласны пойти навстречу и отказаться совершенно от натуральной поставки долевого отчисления, а принять лишь денежную форму уплаты. Мы взяли Шанхай как наибольший угольный порт, как наиболее крупный угольный рынок. Мы хотели взять в данном случае тот рынок, где не будет ни нашего, ни Вашего влияния. Можно было бы, конечно, взять другой рынок, например,

Владивосток. Но он в данном случае является более пристрастным, чем шанхайский. И поэтому мы остановились на шанхайском рынке. Но должен Вас предупредить, что Ваши предложения о том, чтобы мы брали уголь натурой на рудниках, Вам следует еще обдумать, ибо это значит не что иное, как чтобы мы совсем не брали долевого отчисления. Так что на это мы никак не можем пойти, и спорить об этом совершенно излишне. Я категорически заявляю, что мы на это не пойдем.

Окумура: Я думаю, что Вы можете распоряжаться углем по своему усмотрению, и это не так сложно. Но я полагаю, что перевозка угля на указанное Вами место для нас невозможна, и поэтому мы просим Вас принять то, что мы предлагаем.

Относительно цены угля думаю, что Вы совершенно не имеете до сих пор опыта в продаже угля. Продажа угля не так проста, это очень сложный вопрос. Нужно еще сказать, что не может быть одинакового соответствующего качества угля, всегда есть большая разница в сортах. Должен еще сказать, что кто привык топить углем, тот оценивает уголь по высокой цене, а кто не привык – то по низкой цене. Во всяком случае нельзя установить определенные стандартные цены, и в Шанхае нет рыночной цены. Вы думаете, что теперь в Шанхае стоит рыночная цена 20 – 30 иен, но надо сказать, что в Токио тот же уголь для домашнего употребления стоит 26 – 27 иен. Поэтому нельзя исходить из рыночной цены.

Рогатинский уголь сиф* Иокогама стоит 10 иен. Этот же уголь для домашнего употребления стоит 25 иен, потому что много расходов по доставке. Поэтому когда Вы говорите о рыночной цене, то это неопределенная цифра. В начале заседания Вы спрашивали о цене угля. Я ответил: 12–13 иен. Тогда Вы говорили – 20 иен, и получилось разногласие.

Я не хочу порождать постоянные споры каждый год и поэтому хочу установить уплату долевого отчисления натурой, при этом я могу оказать возможное содействие в погрузке на пароход или, если Вы пожелаете, в продаже Вашего угля.

Таким образом, я полагаю, что не потребуются никакого аппарата, никаких чиновников. Я не хочу оставлять постоянные споры на срок концессионного предприятия, и гораздо лучше будет передавать Вам долевого отчисления в натуре.

Гуревич: Мы с этим не согласны.

Вы говорите, что у нас нет опыта по продаже угля. Это не-

* Условие продажи товара, согласно которому в его цену включаются его стоимость и расходы по страховке и транспортировке товара до места назначения.

верно. Мы продаем уголь и уделяем этому достаточно времени каждый день. Только сегодня у нас было большое заседание по вопросу о ценах и сортах угля. Этот вопрос в достаточной степени нам известен. Вы хотите доказать, что продажная цена угля не поддается никакому учету. По-вашему выходит, что нет цены на уголь, что каждый платит, сколько хочет. Вы исходите из цены, которую платит кухарка на базаре в Токио или Шанхае, чтобы растопить плиту. Мы говорим о крупных партиях сиф Шанхай, а вовсе не о том, сколько платят на базаре. Установить цену на уголь можно, и вряд ли это должно вызывать какие-либо споры.

Мы не можем согласиться с тем, чтобы принимать долевое отчисление на руднике. Вы предлагаете, чтобы мы в случае необходимости наш уголь продавали через Вас, но это будет несколько вынужденная продажа, и мы будем в таком положении, что у нас не будет другого выхода, потому что мы должны будем передавать Вам уголь для продажи. Конечно, мы не можем себя ставить в такие условия.

В конце концов о чем идет речь? Отчисление от 5 до 8 % – это совершенный пустяк. Мы сегодня около 2-х часов говорим об этом, а речь идет о сравнительно небольшой сумме. Что представляет, скажем, даже 8%? Если Вы возьмете 1 млн тонн, то это будет 80 тыс. тонн, и по Вашей цене 10 и даже 12 иен это будет меньше 1 млн иен, если Вы возьмете в денежном выражении. И если мы согласимся взять долевое отчисление в натуре и попросим Вас это перевезти, то перевезти 80 тыс. тонн пустяк, тогда когда Вы будете перевозить 1 млн тонн. Ведь при этом мы уплачиваем за фрахт и не просим делать это бесплатно. Я считаю, что этот спор ведется вокруг чрезвычайно небольших вопросов.

Должен указать, что Ваше предложение о том, чтобы уголь сдавался на руднике, нами принято не будет. Мы желаем получать долевое отчисление по нашему выбору или натурой со сдачей по нашему указанию, или же деньгами. Мы также согласны получать только деньгами, но Ваше предложение только натурой и только на руднике неприемлемо, и здесь соглашения не будет. Прошу это иметь в виду.

Окумура: А как Вы думаете о том, что концессионер возьмет на себя продажу Вашего угля, который Вы получите, как долевое отчисление в натуре? Я думаю, что это будет очень просто и не оставит места для споров ежегодно. В Японии Ваш представитель – консул или торгпред – всегда находятся, и с ними можно вести переговоры относительно продажи угля. Тогда сразу Вы сможете получить наличные деньги. Так я хотел бы, чтобы не оставлять места для ежегодных споров. Я думаю, что в этом

отношении советское правительство не будет иметь возражений. Я прошу Вас об этом подумать, чтобы Вы пошли навстречу нашему предложению.

Гуревич: Мы так же, как и Вы, не хотим, чтобы были споры, и в этом мы вовсе не заинтересованы. Мне только что как раз передали котировку шанхайского рынка. Каждый день в шанхайских газетах имеется котировка угля японского, кайпингского, фушуньского, затем фушуньского антрацита. Указаны разные сорта и цены этих углей. Раз это публикуется в газете, то вопрос здесь может идти лишь о том, к какому углю приравнять сахалинский уголь. Мы бы условились, что сахалинский уголь приравнивается к такому-то углю, такого-то качества, и вопрос был бы решен. Так что я думаю, что этот вопрос не должен вызывать особых возражений. Что касается Вашего предложения о том, чтобы мы Вам передавали бы на комиссию продажу угля, то согласитесь с тем, что это предложение нас не особенно устраивает, ибо для нас здесь важен срок продажи – получение денег вовремя. Во-вторых, мы здесь действуем с чем-то неизвестным, с целым рядом неизвестных, а ведь не нужно забывать, что мы являемся государством, которое доленое отчисление включает в свой бюджет. Вы, конечно, знаете, что государственные доходы складываются из налогов, сборов, долевого отчисления и т.п., так что и эти отчисления мы каждый год должны включать в свой бюджет. Так что предлагаемый Вами порядок представляет для нас большое неудобство. Я предлагаю Вам учесть все эти трудности, которые я указал, и считаю, что нам нужно найти какой-нибудь выход из этого положения, потому что Ваши предложения, чтобы мы брали уголь на рудниках, сами грузили его, собирали его со всех рудников, которые Вы будете там иметь (а Вы, все общества, вместе взятые, можете со временем иметь там 15 рудников), – это для нас, конечно, совершенно нереальное предложение. Поэтому прошу Вас продумать еще раз этот вопрос, чтобы потом вернуться к нему с более реальным предложением.

Окумура: Вы говорите о рыночной цене в газете. Этому нельзя поверить, потому что это только примерная цена. Все зависит от количества; в зависимости от этого определяются окончательные цены. Поэтому нельзя основываться на ценах, которые имеются в газетах. Еще относительно того, что нельзя продавать уголь на комиссию, ибо Вы говорите, что нельзя его заранее включить в смету. Я думаю, что наше предприятие к началу операционного года предварительно установит, какое количество будет добываться в будущем году. Если Вы потеряете в этом

году, то я могу Вам передать столько-то процентов долевого отчисления как аванс вперед. Я думаю, что здесь всегда будут устанавливаться определенные цифры к концу операционного года, так что затруднений здесь не будет в отношении сметы будущего года. Учтя все это, я тоже прошу Вас подумать еще и пойти навстречу нашему предложению.

Гуревич: А скажите, вообще говоря, по-вашему, уголь имеет цену? Я из сегодняшней дискуссии вынес впечатление, что, по-вашему, уголь вообще не имеет цены, что продажа угля совершается по совершенно произвольным ценам. Между тем мы знаем, что кардифский уголь имеет прекрасно установленную цену, и в зависимости от этого расценивается и донецкий уголь, и верхнесилезский, и рурский, и другие угли. Кардифский уголь имеет определенную калорийность, и в зависимости от этого устанавливается затем определенная скидка для других углей, и в зависимости от их свойств устанавливается и для них определенная цена. По-вашему же получается, что на уголь нет твердой цены. Мы Вам не предлагаем в данном случае принять цену на уголь, которая существует в какой-нибудь определенный день. Мы предлагаем определить среднюю цену за три месяца, ибо мы совершенно с Вами согласны, что если принять цену, существующую в какой-нибудь один день, то это может быть случайная цена.

Я не возражаю против того, чтобы этот вопрос отложить, ибо его еще нужно обдумать, чтобы прийти к какому-нибудь приемлемому предложению, тем более, что сейчас уже полчаса одиннадцатого, но вообще я должен констатировать, что у нас по всему § 14 сегодня сплошное разногласие.

Конрад: Г-н Окумура говорит, что вопрос о долевым отчислении и вопрос о сроке концессии являются самыми трудными вопросами всего концессионного договора.

Гуревич: По вопросу о сроке концессии я считаю, что мы уже наметили путь к разрешению этого вопроса, то есть чтобы установить срок в 45 лет, если Вы примете наш проект долевого отчисления. В Пекинском договоре сказано: от 40–50 лет. Конечно, ни ту, ни другую цифру принять нельзя, а необходимо установить среднюю – 45 лет. Конечно, если настаивать на 40 или 50-ти годах, то можно из этого сделать пункт срыва переговоров, но мы уже пошли здесь навстречу Вам.

В отношении же долевого отчисления я думаю, что г-н Окумура пересмотрит свое сегодняшнее предложение, мы тоже проверим еще раз наши сегодняшние расчеты, и я надеюсь, что этот вопрос будет тоже разрешен.

Окумура: Вопрос о долевом отчислении мы оставим до следующего заседания, и я думаю, что Вы хорошо поняли то, что мы объяснили, и подумайте еще об этом.

Гуревич: Я-то хорошо понял и думаю, что и Вы не менее хорошо поняли те возражения, которые я сделал по этому вопросу. Нужно постараться прийти к соглашению.

Угодно ли продолжать заседание или его сейчас закончить?

Конрад: Г-н Окумура говорит, что можно и дальше пойти, но так как уже поздно, то лучше не начинать новую статью.

Гуревич: Время приближается к 15 октября, и я готов сидеть до одного–двух часов, лишь бы двинуться дальше.

Окумура: Я думаю, что Вы устали.

Гуревич: Я могу продолжать работать.

Поскольку возражений нет, переходим к § 15. Есть замечания по этому параграфу?

Окумура: В начале 1-го абзаца написано, что концессионер имеет право беспрепятственного и беспошлинного вывоза добываемого им угля за границу. Мы понимаем, что это значит – без разрешения правительства и без всяких формальностей. Как нужно понимать это слово “беспрепятственный”?

Гуревич: Беспрепятственный – значит без всяких формальностей, поскольку таковые не указаны в настоящем договоре. Те формальности, которым Вы обязаны подчиняться, указаны в настоящем договоре. Поскольку других ограничений нет, постольку значит – без всяких ограничений.

Окумура: Тогда нельзя ли вставить подходящее соответствующее слово, которое было бы более определено и ясно?

Гуревич: По-русски слово “беспрепятственно” – это самая большая льгота, которую можно дать. Казалось бы, что никаких возражений быть не должно. Какое слово хотели бы Вы поставить? По-моему, здесь лучше всего сказать – беспрепятственно.

Окумура: Я согласен.

Во 2-м абзаце написано о продаже угля на внутреннем рынке СССР. О каждой ли отдельной продаже идет здесь речь и каждый ли раз нужно обращаться в соответствующие органы правительства или же можно иметь разрешение на общую сумму на целый год?

Гуревич: Мы вставили этот параграф вот почему. Мы разрабатываем сучанский уголь. В отличие от других стран мы ведем плановое хозяйство и точно рассчитываем, что нужно добыть столько и столько-то угля. Мы можем решить покрыть внутреннюю потребность в угле сучанским углем. Если бросить на рынок сахалинский уголь, то на рынке будет лишний уголь. Исходя

из этих соображений, мы вставили этот абзац. Я не возражаю против того, чтобы ежегодно устанавливать контингент продажи, в пределах которого Об[щест]во в течение года может вести продажу. Я полагаю, что после слов “должны быть” можно вставить “на каждый операционный год”.

Окумура: Может быть, “в начале каждого операционного года”?

Гуревич: Тут и сказано “предварительно”, что значит “вначале”

Окумура: Где эти “соответствующие органы правительства”?

Гуревич: Можно написать: “с соответствующими д[альне]восточными органами правительства”. Это будет в Хабаровске.

Окумура: А в Александровске?

Гуревич: Александровск этого не знает. Он этого дать не может.

Окумура: В виде примечания ко второму абзацу мы хотим сказать о продаже угля пароходами для себя. За последнее время в практике случалось так, что Ваши пароходы Добровольного флота приходили и оказывалось, что у них недостаточно угля. Нам тогда приходилось снабжать их углем. Может случиться, что придет пароход, который не имеет для себя угля и попросит продать ему уголь. В таком случае мы не можем иметь предварительного разрешения соответствующих органов правительства. Хотя эти продажи и будут совершаться на территории СССР, но все-таки в таких случаях надо разрешить такую продажу без формальностей.

Гуревич: О снабжении каких пароходов Вы говорите?

Окумура: На побережье Сахалина.

Гуревич: Там Вы, конечно, можете продавать. Я против этого не возражаю, но тогда здесь можно написать, что разрешение на снабжение пароходов на Сахалине Вы будете получать в Александровске от местных властей.

Окумура: Может ли иметь место это разрешение по отношению к общей сумме?

Гуревич: Я Вас несколько не понял.

Окумура: В области всей суммы нельзя ли иметь разрешение?

Гуревич: На год?

Окумура: Да.

Гуревич: Это будет трудно, ибо, вероятно, Александровский исполком сам захочет продавать уголь, который он добудет. Так что если речь идет о снабжении Ваших пароходов, которые идут

за Вашим углем, то такое разрешение может быть дано, но если речь идет не о Ваших пароходах, а о других пароходах, заходящих на Сев[ерный] Сахалин, то тогда нужно будет каждый раз получать разрешение. Такое разрешение Вы сможете каждый раз получить в Александровске по телефону, ибо это ведь не так далеко, это не Хабаровск. На год же установить – это очень трудно.

Окумура: Как Вы думаете, если поставить это в виде примечания?

Гуревич: У Вас есть своя редакция?

Окумура: Да.

Гуревич: Пожалуйста, огласите ее.

Окумура: “Этот параграф не распространяется на продажу угля или снабжение углем пароходов, которые имеют связь с концессионными предприятиями”.

Гуревич: Вместо слов “которые имеют связь” нужно сказать: “которые обслуживают концессионные предприятия”. Так это нужно понять?

Окумура: Да.

Гуревич: Тогда это нужно сформулировать так: “Означенное ограничение не распространяется на случаи снабжения бункерным углем пароходов, обслуживающих концессионные предприятия”.

Окумура: Я согласен.

3-й абзац для нас невыгоден, и у нас есть другое мнение. Поэтому я думаю, что лучше пока оставить это открытым и перейти к следующему абзацу.

Гуревич: Разрешите задать только один вопрос. Против чего Вы возражаете? Против преимущественного права покупки или против методов установления цены?

Окумура: Я хочу узнать, в каком случае Вы пользуетесь этим преимущественным правом?

Гуревич: Это преимущественное право означает, что на той базе, которая здесь указана, если мы Вам заявляем за 6 месяцев, что мы хотим у Вас купить 30% Вашей программы, то Вы обязаны нам это продать, повторяю, по той цене, которая здесь указана.

Окумура: Я хочу спросить, на каком основании Вы оставляете это право за собой? Зачем это Вам?

Гуревич: Могу объяснить. Договор заключается на 40 лет, и мы не можем знать сейчас, не можем предсказать, что через 15 лет у нас не будет нужды в угле. Может быть, у нас нужда в угле будет настолько велика, что мы вынуждены будем покупать у концессионера уголь. Поэтому мы хотим иметь в данном случае

преимущественное право покупки перед другими покупателями. Простое приличие требует предоставления нам этого права, ибо, поскольку Вы берете концессию на нашей территории, мы считаем, что нам должно быть предоставлено преимущественное право покупки угля. Мы, конечно, не говорим, что Вы должны продать нам этот уголь по себестоимости. Мы пишем – по шанхайской цене, эта цена включает в себя определенную предпринимательскую прибыль. Если бы Вы спорили против установления расчета по шанхайской цене, то об этом можно было бы говорить, но право преимущественной покупки должно быть предоставлено правительству, тем более, что мы этим Вашим торговым операциям не повредим, ибо мы говорим здесь, что должны предупредить Вас об этом за 6 месяцев. Если мы этого не сделаем, то мы лишаемся этого права.

Окумура: Я совершенно понимаю то, что Вы установили преимущество покупки для советского правительства. Но может быть такой случай, что если добыча угля будет 1 млн тонн и за 6 месяцев Вы нас предупредите, что 50% мы должны Вам продать, то есть мы эти 50% потеряем, потеряем 500 000 тонн, и как раз это количество потеряет наш постоянный покупатель. Это, конечно, очень для нас тяжело, но этот пункт для Вас необходим, и я думаю, что должен с Вами здесь согласиться. Поэтому я хочу только предложить написать: “на территории для нужд СССР”, тогда я могу это принять.

Гуревич: Я согласен. Я вполне понимаю это возражение г-на Окумура, потому что он не хочет, чтобы мы его же углем конкурировали с ним в Японии.

Мы, конечно, предлагаем купленный таким образом у Вас уголь использовать для собственных нужд и не думаем конкурировать с Вашим углем.

Я предлагаю вставить после слов “необходимого” (в конце абзаца 3-го) слова “для внутреннего употребления” 4-й абзац является продолжением, и здесь можно сделать один абзац.

Окумура: Вы говорите, по ценам шанхайского рынка. Но Вам это ведь невыгодно.

Гуревич: А по каким ценам?

Окумура: Если Вы будете покупать у нас по ценам шанхайского рынка, то мы будем просить Вас покупать у нас все.

Гуревич: По каким же ценам предлагаете Вы?

Окумура: Думаю, что такой случай чрезвычайно редко будет иметь место, и поэтому здесь нужно сказать: по рыночным ценам, принимая их во внимание, по обоюдному соглашению – в Токио.

Гуревич: Значит, не шанхайский рынок, а токийский или иокогамский? Значит, по ценам иокогамского рынка?

Окумура: Надо сказать, что по обоюдному соглашению – Токио, но будут приниматься во внимание иокогамские рыночные цены.

Гуревич: Давайте прямо напишем: “по ценам иокогамского рынка”. Ведь мы не диктуем цены на иокогамском рынке и ставим себя в одинаковые условия с Вами, мы Вас не затрагиваем. Зачем же в Токио? Может быть, мы в Александровске сделаем эту сделку.

Окумура: Обыкновенно рыночные цены всегда высокие.

Гуревич: Предполагаются не рыночные цены, а оптовая продажа сиф Йокогама. Мы имеем в виду не тот рынок, о котором говорит г-н Окумура, где кухарка покупает 2 пуда угля, а мы имеем в виду порт. Г-н Окумура думает, что мы себя обидим.

Окумура: Хотя сказано сиф Йокогама, но это еще не цена.

Гуревич: Что же Вы предлагаете? По обоюдному соглашению? Я не возражаю.

Разрешите формулировать следующим образом:

“Правительство имеет преимущественное право покупки у к[онцессионе]ра по ценам, устанавливаемым по обоюдному соглашению, однако не выше средних оптовых цен сиф Йокогама за последний месяц, предшествующий покупке, за вычетом нормальных расходов по фрахту Сахалин – порт Йокогама необходимого для внутреннего употребления количества угля”

Окумура: Разговаривать по этому вопросу не стоит, и мы согласны.

Гуревич: Мы полностью сохраним все Ваши поправки, но отредактируем с точки зрения стиля.

Таким образом, §15 с поправками принимается?

Окумура: У нас больше возражений к §15 нет.

Гуревич: Разрешите на этом закончить. Следующее заседание будет в среду в 7 ч. веч.

Завтра в 4 ч. дня в Геологическом комитете заседание комиссии господ инженеров.

Окумура: Может быть, в пятницу?

Волкович: Разрешите тогда в четверг. В четверг у нас нет заседания.

Окумура: Не возражаю.

Гуревич: Тогда в четверг в 4 часа дня.

Объявляю заседание закрытым.

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1005. Л. 145–160об. Копия.

*Стенограмма заседания комиссии Главконцесскома СССР
и представителей японских нефтяных компаний
с обсуждением статей концессионного договора
о размерах нефтяных участков и ценах на нефть*

22 сентября 1925 г.

Присутствовали:

Со стороны комиссии ГKK: член комиссии г. Гуревич. Экспертиза: г.г. Бекман, Бонч-Осмоловский, Колесников, Левин, Абазов, Галузин, Мусатов, Пригоровский, Ходоровский, Худяков, Антонов. Эксперт-переводчик г. Конрад. Секретари: г.г. Зубкова, Гальперин, Сухоплюев.

Со стороны японской делегации: председатель г. Накасато, советник г. Каваками, юрисконсульт г. Ватанабэ, техн[ический] эксперт г. Ямада. Секретари: г. Инаиси, г. Сайто. Переводчики: г. Конисси, г. Араи. Врач г. Кумакава. Клерк г. Нака.

Председательствовал г. Гуревич.

Гуревич: Разрешите открыть сегодняшнее заседание. С прошлого заседания у нас остались незаконченными параграфы 12, 13, 14, последний абзац § 16 и § 18. Я прошу разрешения сегодня § 12 не рассматривать ввиду того, что я не успел еще выслушать мнения наших инженеров по поводу Вашей поправки к § 12, и поэтому предлагаю начать сегодня с параграфов 13 и 14. Возражений нет?

Накасато: Пожалуйста.

Гуревич: Тогда разрешите начать с § 13.

В § 13 в той редакции, которую Вы нам передали, по сравнению с нашей редакцией имеются следующие изменения. Вы предлагаете в абзаце 1-м после слов “по своему усмотрению” написать: “согласно результатам геологического исследования, определенные отдельные площади” Это есть первая Ваша поправка. Против этой поправки я не возражаю.

Накасато: А Вы против того ничего не имеете, чтобы мы выбирали там площади для разведки?

Гуревич: Я сейчас прочел по Вашему тексту, который гласит следующее: “В пределах площади, упомянутой в предыдущем параграфе, концессионер ежегодно имеет право избирать в количестве и местах по своему усмотрению согласно результатам геологического исследования определенные отдельные площади”. Это есть перевод с Вашего английского текста, и сделанную Вами здесь поправку я принимаю.

Конисси: Здесь в Вашем русском тексте поставлено многоточие.

Гуревич: Я об этом пока не говорю. Я говорил о том, что написано до этого многоточия. Об этом же мы будем говорить дальше. Дальше сказано: “размером в 80 десятин каждая для постановки на них промышленной разведки”. Ваша поправка заключается в том, чтобы эти слова – “размером в 80 десятин каждая” – вычеркнуть. Мы считаем это неправильным, ибо мы идем на то, чтобы для разведочных площадей, для тысячеверстной полосы последующие эксплуатационные площади были бы, как указано в Протоколе Б, максимальными, то есть равными 40 десятинам. Тем более, что и Вы в Ваших “дезидерата” просили установить эти эксплуатационные площади размером в 40 десятин. Мы сейчас не предпрещаем вопроса о размерах площади 8-ми месторождений, но по отношению к 1000-верстной полосе мы принимаем Ваше предложение и устанавливаем 40 десятин. Но так как Вы должны получить по договору 50%, то, естественно, что вся площадь должна быть 80 десятин. Поэтому мы и установили размеры этих площадей в 80 дес., чтобы Вы, отдавая нам 50%, получили бы, как Вы того желаете, площадь в 40 дес.

Накасато: Разрешите нам высказать свое мнение по поводу 80 десятин.

Гуревич: Пожалуйста.

Накасато: На месторождениях нефти должно быть сначала сделано геологическое исследование, а потом уже разведка. Только тогда, когда разведка оканчивается, тогда именно определяется качество самого месторождения нефти. Поэтому непременно нужно производить то и другое исследование, то есть исследование геологическое и разведку, то есть бурение. Но если, как Вы изволили сейчас заметить, разделить эти участки по 80 дес. и на каждом участке пробурить по одной скважине, то тогда нам придется пробурить приблизительно 1300 скважин. Но такое громадное количество скважин мы не в состоянии пробурить с точки зрения экономики и других сторон. В этом случае не хватило бы времени, чтобы производить такие опыты, как мы сейчас изложили. Поэтому мы желаем, чтобы этот участок был 400 или 800 дес., и тогда мы могли бы производить там бурение нескольких скважин и производить геологическое исследование, а потом, когда ценность этого данного месторождения нефти определится, тогда именно нужно опять произвести по общепринятому способу разделение на участки в шахматном порядке по 40 десятин. Тогда, может быть, это правильнее будет, но об этом нужно посоветоваться Вашим инженерам с нашими инженерами.

Если же разделить сразу на участки по 80 дес., тогда нам будет чрезвычайно трудно, ибо может оказаться, что в каком-нибудь месте пространство будет равное, равноценное, а по качеству совсем различное. Если взять широкий район, как, напр[имер], в 800 дес., тогда можно разделить по равноценности на участки по 40 дес. В том и другом отношении такой большой район взять за один участок правильнее, чем разделить на мелкие участки. Вот наши замечания.

Гуревич: Я выяснил этот сложный технический вопрос, и оказывается, что у нас тут больших разногласий нет. Когда мы говорим об участке в 80 дес., мы говорим, что Вы можете набрать сразу не один участок, а Вы можете взять 10 участков по 80 дес. и тогда получите участок в 800 дес. Нам важен принцип, что тот большой участок, который мы выделяем, мы делим сразу на участки в 80 дес. Это мы делаем потому, что нам нужно будет потом, когда разведка будет закончена, получить участки по 40 дес.

Что касается 1000 буровых скважин, то ведь мы вовсе не требуем, чтобы на каждом участке в 80 дес. Вы поставили бы скважину. Когда Вы берете один большой участок, разделенный на участки по 80 дес., содержащий 10 участков, Вы можете поставить на нем 5 скважин, на всем этом прямоугольнике, который Вы наберете. Вы должны участок, который мы Вам выделяем, разделить на участки по 80 дес., но Вы можете взять 10 участков подряд.

Накасато: Ваш проект, и в особенности перевод, мы поняли так, что на каждом участке в 80 дес. мы должны иметь одну скважину.

Гуревич: Конечно, нет. Я сразу понял, что здесь недоразумение. Вы поняли так, что на каждом участке в 80 дес. Вы должны поставить буровую скважину. На самом деле мы выделяем Вам участки по 80 дес. каждый в таком количестве, сколько Вы пожелаете. Вы можете заявить – 10, 15, 20. Если взять 1000-верстную полосу, Вы можете взять здесь подряд хотя бы 4 участка по меридиану и параллели. Участки по 80 дес. Вы берете, сколько пожелаете, поскольку Вы хотите вести разведку. План разведки Вы нам показываете, мы уславливаемся, и Вы ведете разведку. Вы можете поставить скважин, сколько понадобится, хотя бы одну скважину на 5 или 10 участках или в одном участке 4 скважины. Тут я не вижу разногласия. Мы только настаиваем на делении на 80 дес., чтобы после мы могли делить участки по 40 дес.

Я обращаю Ваше внимание, что здесь сказано: “Концессионер ежегодно имеет право избирать в количестве и местах по своему усмотрению”, то есть концессионер может набрать столько участков и в таких местах, как ему угодно.

Накасато: Теперь мы поняли, что Ваша формулировка не значит, что на каждом участке в 80 дес. должна быть непременно одна скважина.

Гуревич: Вопрос о шахматном порядке мы будем обсуждать в § 14, это сюда не относится.

Сейчас я хотел указать на то, что мы не обязываем Вас в каждом участке ставить по одной скважине.

Накасато: Если так, то мы против § 13 ничего не имеем.

Гуревич: В абзаце 2-м говорится: “Площадь должна иметь форму прямоугольника, при соотношении сторон 1:2”.

Накасато: Против этого мы ничего не имеем.

Гуревич: В Вашей формулировке сказано: “площадь, указанная в предыдущем абзаце”. После слова “площадь” вставлены слова: “указанная в предыдущем абзаце”. Мы против этой поправки не возражаем. Разрешите § 13 считать принятым.

Накасато: Мы согласны.

Гуревич: Перейдем к § 14.

Накасато: Разрешите высказаться по этому параграфу. 1-й абзац § 14 мы принимаем в Вашей редакции. Что же касается 2-го и 3-го абзаца, то поправку к ним мы построили на основании того, как мы понимали § 13, и поэтому мы просим, чтобы нам было дано время еще раз подвергнуть эти поправки рассмотрению и к следующему заседанию дать Вам ответ. Мы тогда, наверное, с Вами сойдемся.

Гуревич: Согласен. Разрешите зафиксировать, что 1-й абзац § 14 принимается, а 2-й и 3-й абзац откладываются обсуждением до следующего заседания.

Накасато: Не возражаю.

Гуревич: Дальше у нас остался неразрешенный последний абзац – абзац 6-й § 16.

Накасато: Нами еще оставлен неразрешенным 1-й абзац § 15. Недавно Вы нам изволили передать инструкцию о Бакинском нефтяном районе. Ознакомившись с этой инструкцией, мы узнали, что там для охраны недр устраивается смешанная комиссия из представителей власти и предпринимателя, которая там обсуждает меры по охране недр. Относительно Сахалина это, может быть, так нельзя сделать, потому что в Баку и Грозном много предпринимателей, и поэтому там такая комиссия нужна, а на Сахалине только мы и Вы, там комиссия должна быть составлена из представителей от Вас и нас, то есть члены этой комиссии должны быть от правительства и от концессионера. Так что придется применительно к Сахалину составить особую инструкцию или правила.

Гуревич: Я в этом вопросе мало разбираюсь, ибо это есть чисто технический вопрос, поэтому я предоставляю слово инж[енеру] Абазову.

Абазов: Весь смысл этой геолого-технической комиссии по охране недр заключается главным образом в том, что та работа, которая ведется на промыслах, не должна вестись единственным инженером, а под наблюдением геологов и всех других инженеров, работающих в этом районе. Это объясняется тем, что каждому свойственно ошибаться, у каждого имеются свои индивидуальные взгляды на вещи, и вот на этой комиссии лежит обязанность корректировать недочеты, которые могут быть в работе у того или другого инженера. Вы говорили только что, что в Бакинском районе работает несколько фирм, сейчас этого нет, там работает одна фирма – правительство. Так что там даже нет 2-х сторон, как это будет на Сахалине, где будет правительство и концессионер. Но и на Сахалине этот вопрос легко может быть урегулирован. В эту комиссию входит представитель горного надзора, представитель Союза горнорабочих, затем представитель от Геологического комитета и представитель тех промыслов, в районе которых разрешается этот вопрос. У Вас будет директор, точно так же как у Вас будут инженеры, которые будут работать там на промыслах. Так вот если одному из Ваших инженеров нужно будет разрешить вопрос, касающийся охраны недр, то этот вопрос будет разрешаться комиссией в том составе, как я только что указал.

Гуревич: Разрешите теперь мне сказать по этому вопросу. Эти правила, о которых говорил г-н адмирал, составляются у нас не комиссией, а составляются ВСНХ, то есть Высшим Советом Народного Хозяйства. Комиссии же эти создаются для того, чтобы потом на месте на основании этих правил практически решать вопрос, как охранять данные недра. Так что и для Сахалина эти правила будут изданы Дальневосточным горным округом, а на самом Сахалине для применения этих правил, то есть чтобы решить, как их применить в жизни, будет создана такая же комиссия, как в Баку, то есть там будут предст[авители] горного надзора и представители Ваших инженеров на промыслах. При чем мы будем приглашать также Ваших инженеров с соседних промыслов, ибо в охране недр мы заинтересованы в такой же мере, как и Вы, точно так же, как мы не хотим обводнения, я думаю, и Вы не хотите этого, потому что это для Вас грозит громадными убытками. Таким образом, мы в этом вопросе выступаем не как борющиеся стороны, а преследуем здесь одну и ту же цель, то есть интересы Ваших и наших техников здесь совершен-

но сходятся. Именно в этих интересах они и будут решать вопрос о том, как лучше охранить недра от обводнения и т.п. вопросы.

Что касается того, что Вы говорили о том, что в Баку много промышленников, то, наверное, Вы помните это по старому времени. Сейчас там только один трест, который называется “Азнефть”.

Накасато: Разрешите сказать несколько слов относительно этой комиссии. Имеет ли эта комиссия право создать постановление или не имеет? Просим это объяснить.

Гуревич: Эта комиссия составляется для того, чтобы решить, как данные правила, которые уже изданы, как их применять в данном месте. Вполне понятно, почему это делается так. Ведь в правилах предусмотреть всего нельзя, ибо они пишутся не для каждой скважины, а пишутся вообще, исходя, скажем, из характера сахалинских месторождений. На месте же потом можно столкнуться с теми или иными условиями на той или другой скважине, и нужно решить вопрос, как данную скважину сохранить от обводнения на основании тех правил, которые изданы.

Накасато: Раньше г. Иоффе изволил сказать, что в абзаце 1-м § 15 можно вычеркнуть слова “каждые три года”. Здесь нам хотелось бы прибавить “издаваемых постановлений по соглашению Д[альне]в[осточного] горного управления с концессионером”. Чтобы концессионер мог участвовать в этом.

Гуревич: Эту поправку нельзя принять. Тогда получилось бы, что правило издается концессионером совместно с горным управлением. Так нельзя написать. Тогда, казалось бы, можно было бы и правила санитарного надзора, правила медицинской охраны издавать совместно с концессионером.

Я предлагаю принять такую редакцию: “издаваемых Дальневосточным горным управлением применительно к таковым правилам, действующим для Бакинского и Грозненского нефтяных районов”

Если это неприемлемо, разрешите предложить еще одну редакцию. Может быть, мы скажем таким образом: “издаваемых Дальневосточным горным управлением и осуществляемых на концессионном предприятии смешанной комиссией из представителей горного надзора и концессионера”.

Конрад: Дело в том, что то, что Вы сказали, совершенно совпадает с их редакцией, где указано, что правила по применению устанавливаются по соглашению.

Гуревич: Разрешите принять нашу редакцию, так как она по существу не отличается от Вашей.

Накасато: Против этого мы ничего не имеем.

Гуревич: Тогда разрешите зафиксировать: в конце 1-го абзаца слова “каждые 3 года” вычеркнуть. Вместо них написать: “и осуществляемых на концессионном предприятии смешанной комиссией из представителей горного надзора и концессионера”.

Накасато: Мы согласны.

Гуревич: Разрешите, таким образом, § 15 считать принятым.

Накасато: Против этого мы ничего не имеем.

Гуревич: Переходим к § 16. В этом параграфе у нас остался неразрешенным абзац 6-й.

Накасато: Разрешите сказать несколько слов.

Гуревич: Пожалуйста.

Накасато: Этот абзац имеет связь с § 12, ибо здесь речь идет о 80 дес. размерах участка. Нам желательно сказать: “так соединенные и состоящие из участков по 80 десятин”.

Гуревич: Я предлагаю: ввиду того что у нас § 14 остался незаконченным, этот абзац § 16 и § 14 предложить комиссии господ инженеров окончательно средактировать и придти сюда с согласованным предложением. Иначе мы сейчас будем только даром тратить время.

Накасато: Мы согласны.

Гуревич: Тогда разрешите зафиксировать, что § 14 и 6-й абзац § 16 поручается рассмотреть комиссии инженеров с тем, чтобы она окончательно выработала редакцию и представила ее к одному из следующих заседаний.

Накасато: Мы согласны.

Гуревич: Следующий параграф, который остался у нас неразрешенным, – это § 18, о долевом отчислении.

Я разрешаю себе напомнить Вам, на чем мы остановились в прошлый раз. Г-н Иоффе констатировал тогда, что Ваше последнее предложение отличается от нашего предложения только тем, что Вы начинаете платить 5% со 100 тыс. тонн, а мы предлагаем 5% с 30 тыс. тонн. Причем мы указывали, что мы исходили из этой цифры в 30 000 тонн как из реальной цифры добычи этого года. Г-н Иоффе указал тогда, что если Вы примете этот наш модус исчисления долевого отчисления, то мы, со своей стороны, примем Ваше предложение в отношении фонтанной нефти с той только поправкой, что при фонтанной нефти при добыче до 50 тонн в сутки Вы уплачиваете максимальное долевое отчисление, то есть 15%.

Накасато: Вы сейчас думаете решить этот вопрос?

Гуревич: Да, я, конечно, думаю разрешить сейчас этот вопрос (передает г-ну Накасато скалу долевого отчисления).

Накасато: Относительно долевого отчисления мы Вам высказали самое последнее наше мнение. И точно также высказали последнее наше мнение относительно фонтанной нефти. Вы изволили сказать, что если мы уступим по долевному отчислению в пользу Вашего предложения, то Вы сделаете некоторую уступку относительно фонтанной нефти. Мы думали, но хорошего ничего не придумали (смех). Но все-таки на это Ваше предложение молчанием отвечать нельзя, и поэтому мы предлагаем так: что Ваше предложение относительно фонтанной нефти мы примем, но зато просим принять наше предложение по долевному отчислению (смех).

Гуревич: Я констатирую, что мы сейчас еще более приблизились друг к другу. Но я объясню, почему мы настаиваем на 30 000 тонн. Материальная разница, то есть если переложить это на деньги, здесь очень незначительная. И для Вас, и для нас эта разница будет чрезвычайно незначительна, но мы не можем пойти на 100 000 тонн, не можем начать исчисление долевого отчисления с добычи 100 000 тонн, потому что Вы фактически сейчас 100 000 тонн не добываете, а будете добывать эти 100 000, как говорил сам адмирал, примерно через 4–5 лет. Выходит так, что эти годы, пока Вы будете разворачивать дело и будете все больше добывать, мы должны сидеть и смотреть на это и ничего от Вас не получать. Поэтому мы считаем, что такое незначительно повышение до добычи в 100 000 тонн нужно принять. Это есть вопрос больше принципиальной разницы, чем денежной. Я прошу г-на адмирала это сейчас принять.

Накасато: Для нас это чрезвычайно тяжело. Относительно этого вопроса мы желаем еще подумать. Нам придется еще обсуждать вопрос относительно налогов, сборов, социального страхования и проч., таких вопросов будет много. В связи со всеми этими вопросами мы желаем обсуждать также и этот вопрос о долевым отчислении и поэтому просим сегодня этот вопрос отложить. Но повторяю, что мы ничего не можем здесь сделать, а если Вы уступите в этом вопросе о долевым отчислении, то мы согласны уступить в вопросе относительно фонтанной нефти и на этом закончить.

Гуревич: Я не возражаю против того, чтобы сегодня не окончательно решать этот вопрос, и предлагаю сейчас перейти к остальным абзацам § 18, а потом на одном из следующих заседаний вернуться к вопросу о долевым отчислении.

Накасато: Мы ничего не имеем против того, чтобы перейти к следующему абзацу.

Гуревич: Во 2-м абзаце будет вместо слов “45%” указана скала. Я предлагаю таким образом: “В случае получения фонтанной

нефти доленое отчисление с таковой устанавливается в размере...” и поставить многоточие. Вместо этого многоточия мы потом поставим скалу.

Накасато: Мы согласны.

Гуревич: Окончательная редакция будет следующая: “В случае получения фонтанной нефти доленое отчисление с таковой устанавливается в следующих размерах...”

3-й абзац у Вас иначе сформулирован, чем у нас.

Мы говорим: “Фонтанной нефтью считается нефть, которая может быть получена самотеком без применения механической силы”, а Вы говорите: “без применения регулирования” Это не характерно для фонтанной нефти. Поэтому мы просим абзац 3-й принять в нашей редакции, тем более, что мы уступили в вопросе о том, что до 50% Вы платите самое высшее, но нормальное доленое отчисление.

4-й абзац я вычеркиваю.

Накасато: Раньше, когда мы здесь говорили о фонтанной нефти, то относительно Вашей редакции мы заметили, что “без применения механической силы” сказать недостаточно. Поэтому мы предложили, чтобы было указано, как с ней обращаться. Желательно определить понятие о фонтанной нефти. Мы предложили указать, как обращаться с нею, каким образом нужно с ней поступать. Поэтому мы предложили: “без применения регулирования”

Гуревич: Вы имеете в виду: как раз без применения механической силы. Что значит регулирование? У Вас сказано: “без регулирующих сил” По-русски надо сказать: “без применения механических сил” Вы взяли из нашего английского перевода то же самое слово, но когда наши переводили Вашу поправку с английского языка на русский, то написали “без регулирования”, а надо было написать: “без применения механических сил”. Я предлагаю восстановить первоначальный текст.

Накасато: В абзаце 4-м сказано: “Однако указанное выше повышенное доленое отчисление взимается с фонтанной нефти в том случае, если первоначальный дебет такой скважины без применения регулирования будет и т.д.”.

Гуревич: Я предлагаю абзац 4-й исключить.

Накасато: Сущность абзаца 3-го нам понятна. Мы это продумаем и надлежащую редакцию после этого представим.

Гуревич: Я хотел бы дать Вам нашу окончательную редакцию абзаца 3-го: “Упомянутая в абзаце 2-м настоящего параграфа фонтанная добыча имеет в виду ту, которая получается самотеком от одной скважины, без применения механической силы”.

Накасато: Смысл нам понятен, но мы все-таки это просим отложить.

Гуревич: Таким образом, абзац 3-й откладывается; абзац 4-й в нашей редакции исключается. Возражений нет?

Накасато: Против этого возражений нет.

Гуревич: Переходим к 5-му абзацу.

Здесь разница у нас та, что в Вашей редакции выпал весь вопрос о способах расплаты по долевному отчислению: производится ли она натурой или в денежной форме. Вы этот вопрос у себя совершенно обошли, и мы не могли этого никак понять. У Вас сказано: “Долевое отчисление уплачивается на месте производства работ концессионером не позднее 3-х месяцев со дня окончания каждого операционного года”. Но как уплачивается – натурой или деньгами – об этом у Вас ничего не сказано.

Накасато: Это мы, должно быть, виноваты, что пропустили это, но об этом у нас указано. У нас указано: “Долевое отчисление уплачивается натурой на месте добычи нефти не позже 3-х месяцев со дня окончания каждого операционного года”.

Гуревич: Я, откровенно говоря, этим несколько удивлен. Вчера этот же спор у нас был с угольной компанией. Но там это еще можно понять, потому что Япония имеет уголь и не так нуждается в угле. Но если Вы хотите платить натурой долевого отчисления в данном случае, то это для нас совершенно непонятно. Вы ведь берете концессию эту у нас потому, что Япония нуждается в нефти, и поэтому для Вас гораздо выгоднее уплачивать это отчисление деньгами. Для нас же уплата долевого отчисления натурой и притом так, как Вы предлагаете, неприемлема и вот по каким соображениям. Сколько всего Вы можете добыть там нефти? Допустим, один миллион тонн. В таком случае Вы уплачиваете нам, при 15% отчислении, 150 000 тонн. Это значит, что мы должны обзавестись на Сахалине своим нефтеналивным флотом. Придется получать у Вас эту нефть на каждом месте добычи, а у Вас таких мест может быть 20–30, ибо сейчас у Вас имеется 8 месторождений, а после разведки, то есть после того, как Вы получите 50%, у Вас, может быть, будет 15–20 месторождений. И вот Вы нам предлагаете ездить по всем этим местам и собирать это долевого отчисление. Это для нас абсолютно неприемлемая вещь, потому что мы в этом случае должны будем расходовать на эти сборы больше, чем будет стоить все это долевого отчисление. Поэтому мы просим Вас установить расплату с нами по долевному отчислению в денежной форме. Базу для этого мы указали, а именно по ценам нефти в Иокогаме минус фрахт. Я думаю, что и для Вас это чрезвычайно выгодно, ибо Вы сохраняете для себя нефть, в которой Вы нуждаетесь.

Накасато: Как Вы сейчас заметили (это нам нужно было бы сказать), что у нас каменного угля нельзя сказать, чтобы было очень много, но нельзя сказать, что мы чувствуем такой острый недостаток в нем, как мы это чувствуем в отношении нефти. Нам, конечно, желательно было бы получить эту нефть, но мы от этого должны отказаться в данном случае. Это кажется Вам странным, но причиной этого является Пекинский договор. Там сказано, что долевое отчисление в размере от 5% до 15% должно быть Вам предоставлено, но там не сказано, что это должно быть предоставлено Вам деньгами. Поэтому, согласно постановлениям Пекинского договора, мы и предлагаем Вам уплату долевого отчисления натурой. Вы говорите, что у Вас на востоке не имеется наливных пароходов. У нас тоже их мало. Кроме того, что есть у правительства, у нас имеется только 3–4 наливных парохода, и нам доставлять эту нефть будет очень трудно. Поэтому нам желательно было бы, чтобы передача нефти производилась на месте, а потом можно вести переговоры, как получить за эту нефть деньги. Но здесь еще трудность в определении цены нефти. Если сделать так, как Вы проектируете, то здесь может получиться много споров. Поэтому мы предлагаем передавать Вам нефть на месте в натуре, а потом можно вести переговоры, по какой цене Вы это можете нам продать. Если Вы не захотите в какой-нибудь определенный период продать эту нефть по тогда существующей цене, то Вы сможете держать ее там и продать потом, когда цена будет для Вас выгодной. Так что мы предлагаем согласно договору передавать долевое отчисление натурой, а потом сделать так, как мы Вам сейчас доложили. Так было бы для Вас удобно, и нам тоже было бы хорошо.

Наше мнение, конечно, основывается на Пекинском договоре, но наше предложение имеет следующее основание. Вы говорите о ценах, но там цен нет. Каждое нефтяное общество (американский стандарт) вывозит нефть из Америки, делает запасы в резервуарах и потом, смотря, какое настроение, эту нефть продает. Поэтому там определенной цены нет, определяют так, как хочется. Кроме того, и качество нефти нельзя определить. Качество может быть очень ценное – парафин, легкие масла, но качество нефти может быть определено только после перегонки ее, после того, как узнается результат. Кроме того, в цену нефти различной статьей входит морской фрахт. Недавно был такой случай. На Камчатку посылали 1000 тонн масла. Пароходство взяло за перевозку 26 иен с тонны. Такой фрахт был. Надо иметь в виду, что на Сев[ерном] Сахалине на восточном побережье портов никаких нет, а там бывают страшно бурные дни, и в это время па-

роходам некуда деваться. Кроме того, надо иметь в виду, что доступ туда имеется 3–4 месяца в год. В это время мы должны послать пароходы и принять нефть. Это весьма тяжело. Кроме того, морские страховые общества неохотно принимают страховку при таких условиях, и поэтому нормы страхования бывают весьма высоки. Кроме того, такие бури продолжаются иногда несколько дней, пароходам приходится стоять, и за это надо платить. Поэтому определить фрахт также весьма затруднительно. Тут нужно принять такие меры: например, выяснить за целый минувший год, сколько стоил нам фрахт, какая была цена перевозки и, получивши среднее число, уже отчислять. Надо подумать, чтобы это было правильно и для Вас, и для нас. Поэтому нам желательно передавать Вам нефть натурой и хранить там. Такой способ отчисления был бы и для Вас, и для нас хорош, а, кроме того, относительно фрахта никаких недоразумений между нами и Вами не было бы. Вот это и есть главнейшая причина, которая заставляет нас делать Вам такое предложение.

Гуревич: Прежде всего, я должен указать, что в Пекинском договоре этот вопрос обойден. В качестве платы взимается от 5 до 8% валовой добычи по углю, а по нефтяным месторождениям – до 15% валовой добычи. Там нигде не сказано, что должно быть отчисление натурой. Пекинский договор в этом отношении оставляет возможность толкования. Я понимаю те затруднения, на которые указывает г-н адмирал, что Иокогама не является мировым рынком нефти и там трудно установить мировую цену нефти. Мы предложили бы взять как базис рейтеровские цены¹. Взять средние цены Рейтера за три месяца и на этом базисе установить расчет. Ваше предложение о том, чтобы Вы нашу нефть продавали, чтобы Вы выступали комиссионером по отношению к нам, я считаю неприемлемым. Во-первых, в этом случае мы должны строить инсталляции* или же мы должны будем пользоваться Вашими инсталляциями, то есть хранить нефть у Вас. Вы не захотите держать нашу нефть бесплатно. Кроме того, если бы мы даже Вам за это платили, то и это Вам было бы все равно невыгодно, п[отому] ч[то] Вам нужны самим инсталляции. Затем еще большое неудобство – сбор долевого отчисления с разных месторождений. Разные месторождения дают разные сорта нефти. В одном сорте 30% содержания бензина, в другом 6%. Для того чтобы мы могли вычислить стоимость по каждому отдельному предприятию, мы взяли бы за основу рейтеровскую цену, которая публикуется во всем мире. Вы будете делать анализ нефти, и мы будем, таким образом,

* Хранилища.

знать, о какой нефти идет речь и на базе рейтеровских цен устанавливать долевое отчисление. Единственное затруднение с фрахтом. Мы можем написать: рейтеровские цены – гольф Мексиканский залив и по ним определять стоимость нефти.

Накасато: Здесь можно взять рейтеровские цены в продолжение 3-х месяцев, и затем определить цену.

Гуревич: Рейтер публикует цены ежедневно. Мы так продаем бакинскую нефть. Так мы продавали французскому правительству мазут, или фирме Дейер в Германии, или фирме Сном в Италии. Мы продавали нефть на базе рейтеровских цен. Мы берем средние цены за определенный срок, за три месяца, например, и таким образом устанавливаем среднюю цену.

Накасато: Сейчас вы указали, что по рейтеровским ценам Вы продавали нефть или мазут во Францию. Но в Средиземном и Черном море, надо сказать, морской путь давно определен, и все мореплаватели хорошо знают, как нужно идти. Точно так же это известно в Иокогаме и Кантоне, между Иокогамой и Шанхаем, и Владивостоком. Здесь пароходы постоянно ходят, и здесь все это известно. Но что касается Сахалина или Камчатки, куда редко ездят, то, как сейчас мы имели случай говорить, за перевозки тысячи тонн там платят по 25 иен с тонны, потому что там определенного морского пути нет, и поэтому никакой нормы для фрахта нет, и там платят, как придется. Поэтому действительная стоимость фрахта это есть, если считать так, как Вы говорите, чрезвычайно дорогая вещь. Конечно, мы знаем, что если заставим Вас принимать долевое отчисление натурой, то действительно от этого Вы пострадаете и можете получить большой убыток. Это мы знаем и, чтобы устранить это, мы предлагаем Вам, чтобы Вы приняли долевое отчисление натурой, а потом по Вашему желанию, уславливаясь с Вами каждый раз, мы определим цены на эту нефть и сможем предоставить Вам деньги. Хотя нам придется в этом случае каждый раз уславливаться с Вами, но я думаю, что мы всякие недоразумения сможем устранить, и думаю, что это для Вас самый удобный выход.

Гуревич: Но, видите ли, здесь прежде всего встает вопрос о цене. Ведь тем, что Вы говорите, что мы Вам поручаем продать эту нефть, этим ведь опять-таки сохраняется одно неизвестное, а именно – по какой цене продать. То есть, другими словами, мы должны вести с Вами там большие коммерческие расчеты, иметь большой коммерческий аппарат по продаже этой нефти. Я предложил рейтеровские цены – гольф Мексиканский залив. Это значит, что вопрос о фрахте тогда отпадает. Конечно, цена будет устанавливаться в зависимости от сортов нефти. Поэтому я предлагаю оставить во-

прос о фрахте и брать цену гольф Мексиканский залив. Ваше же предложение таково, что мы все время будем находиться в зависимом положении, ибо нам надо будет передать Вам нефть для продажи, нужно будет установить, по какой цене она должна быть продана, то есть опять-таки нам нужно будет установить, что Вы должны ее продать по цене не ниже рейтеровских цен. То есть нужно будет поступить с Вами так, как если бы мы продавали нефть кому-нибудь государству или вообще третьему лицу. Поэтому я предлагаю сразу, что мы Вам продаем сегодня нефть на все 45 лет вперед, вместо того, чтобы говорить об этом каждый год. Если встает вопрос, по каким ценам мы продаем, то на это нужно сказать, что так как мы не можем сегодня предвидеть, каковы будут цены через 45 лет, то я и предлагаю принять рейтеровские цены. Эти цены устанавливаются, как Вы это хорошо знаете, не для нас и не для Вас, потому что и мы, и Вы занимаем пока в ценах на нефть очень маленькое место. Я не сомневаюсь, конечно, как это говорят американские геологи сейчас, что наш Союз имеет 80% мировых запасов нефти, что мы, владея такими запасами нефти, в свое время будем диктовать цены на нефть. Но сегодня рейтеровская цена – это есть мировая цена, и так как я беру цены гольф Мексиканский залив, то вопрос о фрахте отпадает.

Накасато: Относительно рейтеровских цен на нефть гольф Мексиканский залив, как это устанавливается, мы до сих пор не знали. Вы, может быть, дадите возможность это исследовать, и тогда мы Вам сможем ответить. Поэтому прошу Вас этот вопрос сейчас отложить. Еще один вопрос: значит, это тогда будет определено без фрахта?

Гуревич: Да, без фрахта, ибо там цена публикуется без фрахта.

Накасато: Мы не знаем, как это продают нефть по рейтеровской цене, как Вы сейчас указали. Принимают ли во внимание какие-нибудь анализы? Наверное, это все делается. Но мы об этом ничего не слышали до сих пор, и поэтому мы сможем обсуждать это только после надлежащего ознакомления с этим. Имеются ли у Вас эти цены?

Гуревич: Да, мы их Вам дадим. Мы Вам представим рейтеровские бюллетени. Здесь будет лишь следующее затруднение. Я Вам сейчас это откровенно скажу. Дело в том, что мексиканская нефть известна всему миру. Точно так же всему миру известно, что такое бакинская или грозненская нефть, но что такое сахалинская нефть – никто не знает. Никто не знает ее анализа, и поэтому пройдет 3–5 лет, пока определится, что такое сахалинская нефть. В течение этого времени придется брать анализы со всех мест добычи и приспособить эти анализы к одному из стандар-

тов, который имеется у Рейтера. То есть придется из химических анализов сахалинской нефти выбрать потом один из стандартов рейтеровских цен.

Разрешите, значит, сделать так. Я завтра попрошу послать Вам 10–15 рейтеровских бюллетеней, и на следующем заседании, если Вы согласитесь с этим, мы сформулируем весь этот абзац.

Гуревич: Угодно продолжать заседание или прекратить?

Накасато: Можно прекратить.

Гуревич: У нас теперь возникает вопрос о следующем заседании. Я бы очень хотел скорей кончить. У нас на этой неделе как раз не будет заседания Главконцесскома, поэтому я предлагаю устроить с Вами следующее заседание в четверг, а потом в пятницу.

Накасато: Мы хотели бы, чтобы сегодня было назначено только ближайшее заседание на четверг, и в четверг мы решим вопрос о следующем заседании.

Гуревич: Следующее заседание назначается на четверг 24 сентября в 7 часов вечера.

Позвольте закрыть заседание.

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1005. Л. 161–170. Копия.

¹ Имеются в виду цены, периодически сообщаемые британским информационным агентством Рейтер в соответствии со статистическими данными различных стран. Осуществляется на протяжении всей полуторавековой истории агентства.

№ 227

Стенограмма заседания комиссии Главконцесскома СССР и представителей японских угольных компаний по вопросам продажи и перевозки сахалинского угля

23 сентября 1925 г.

Присутствовали:

Со стороны комиссии Главного концессионного комитета: члены комиссии: г.г. Гуревич, Шлейфер. Экспертиза: г.г. Бекман, Бонч-Осмоловский, Волкович, Галузин, Колесников, Левин, Маркович, Мусатов, Ляндау¹, Никитин, Орловский, Ходоровский, Янковский, Полевой. Эксперт-переводчик г. Конрад. Секретари: г.г. Зубкова, Гуревич, Сухоплюев.

Со стороны японской делегации: председатель – г. Окумура, советники: г.г. Каваками, Тазака, Сато, Икеда. Эксперты: г.г. Като, Исихара. Секретарь и переводчик г. Яmanoути, клерк г. Перминов.

Председательствовал г. Гуревич.

Гуревич: Позвольте открыть заседание.

У нас остался непринятым 4-й абзац § 4. Остальные абзацы были приняты в прошлый раз.

Окумура: § 4 нам нужно еще обдумать, так как он до сих пор для нас не выяснен, разрешите сегодня его не рассматривать.

Гуревич: Тогда разрешите перейти к двум параграфам, которые мы не закончили, – к параграфам 13 и 14. Так как в 13-м параграфе мы срок концессии поставили в зависимость от долевого отчисления, то поэтому разрешите начать с § 14. Мы еще раз подробно рассмотрели то предложение, которое было сделано г-ном Окумурой на предыдущем заседании, и признали, что то доленое отчисление, которое им было намечено, нами принято быть не может, ибо это означало бы, что мы в течение первых лет, не одного года, а в течение десятилетия, будем получать минимальное отчисление. Поэтому я еще раз предлагаю тот модус, который был нами предложен на прошлом заседании: с 1-го до 5-го года – 5%, с 6-го года до 10-го – 6%, от 10-го до 15-го – 7%, от 15-го и до конца – 8%. Правда, это формально расходится с Пекинским договором, но доленое отчисление и по нашему проекту находится в зависимости от добычи, ибо ясно, что через 5 лет Вы будете добывать больше, чем вначале. В этой скале фактически имеется тот принцип, который был заложен в Пекинском договоре, то есть уплата доленого отчисления ставится в зависимость от добычи. Вместе с тем мы считали эту скалу более справедливой, исходя из постепенности развертывания производства. Чем больше Вы будете развертывать производственную программу, чем больше будете добывать угля, тем дешевле будет уголь, тем меньше будет стоить тонна угля. Такая скала была бы справедлива.

Окумура: Относительно доленого отчисления я несколько более подробно объясню. Ваша редакция для нас неприемлема. Мы думали, что наше предложение, сделанное нами на прошлом заседании, Вы приняли в том смысле, что доленое отчисление определяется в зависимости от валовой добычи. Как Вам известно, для каменноугольного предприятия требуется подготовка полного оборудования даже тогда, когда не предполагается большой продукции. Поэтому я думаю, что мы сможем заплатить Вам доленое отчисление только тогда, когда уголь будет добываться в большом количестве. Ваше предложение я считаю несправедливым, и я думаю, что в течение первых 10 лет, которые потребуются для оборудования, когда уголь будет добываться в небольших количествах, Вы могли бы совершенно освободить нас от доленого отчисления. Наше предприятие может быть рентабельно только после усовершенствования оборудования, и только тогда Вы можете

требовать от нас долевого отчисления. Согласно Пекинскому договору доленое отчисление может быть установлено от 5 до 8%. Поэтому мы предлагаем платить доленое отчисление...*

Гуревич: Я думаю, что г-н Окумура сказал в шутку, что мы можем на 10 лет освободить Вас от уплаты долевого отчисления, ибо в Пекинском договоре никак не предусмотрено, чтобы первые 10 лет не платить долевого отчисления. Кроме того, я хочу сказать, что мы считаем максимальный срок полного оборудования шахт 5 лет. Это я говорю не только теоретически. У нас не одна сотня шахт оборудована в течение 4–5 лет от начала до конца проходки. Кроме того, я думаю, что г-н Окумура знает, что он берет уголь не на нетронутном месте, а берет с имеющихся рудников. На этих рудниках уголь добывали до войны, во время оккупации, и добывается сейчас. Мы считаем, что Вы около 200 000 тонн можете свободно добывать при том оборудовании, которое имеется. Я не могу принять такой постановки вопроса. Вы говорите, что нужно на 10 лет освободить Вас от уплаты долевого отчисления. Почему не на 25 лет? Можно сказать, что на оборудование шахт требуется 25 лет и что только через 25 лет Вы начнете платить доленое отчисление. В этой плоскости я не вижу возможности прийти к соглашению.

Что касается того, что я говорил относительно принципа взимания долевого отчисления, то я не отрицаю, что наш порядок формально не совпадает с текстом Пекинского договора, но по существу нарастание через каждые 5 лет находится в зависимости от добычи. Если Вы хотите формально держаться Пекинского договора, то я предлагаю такую скалу долевого отчисления, которая составлена исходя из добычи и которую мы считаем единственно приемлемой (передает скалу долевого отчисления).

Окумура: Это предполагается только с одной шахты?

Гуревич: Это предполагается с каждого Общества. В каждом договоре будет эта скала долевого отчисления.

Окумура: Значит, не для каждого рудника, а для каждого предприятия?

Гуревич: Мы заключаем отдельные договоры с четырьмя Обществами, и предполагается, что каждое Общество платит со всего своего концессионного предприятия это доленое отчисление.

Окумура: Тогда я думаю, что “Секитан Кигио Кумиай” с самого начала должно заплатить 8%.

Гуревич: Вы же говорите, что только через 10 лет оборудуете шахты.

* Пропуск в тексте.

Окумура: Это, вероятно, недоразумение. Вы просто нас не поняли. Через 10 лет мы предполагаем вполне усовершенствовать оборудование шахт.

Гуревич: А “Секитан Кигио Кумиай” предполагает добывать с первого года 325 000 тонн?

Окумура: Приблизительно предполагается эта цифра.

Гуревич: 300 000 тонн в год?

Окумура: С того момента, когда наше оборудование усовершенствуется, мы должны заплатить 8%. По принятому нами проекту мы предполагаем так.

Гуревич: Я предоставлю слово инженеру Волковичу, который приведет Вам наши расчеты.

Волкович: Наш расчет сводился к следующему. При установлении долевого отчисления мы исходили из того, что мы сдаем концессии 4-м Обществам, причем годовая добыча по этим Обществам будет колебаться в следующих пределах.

Производственный план Общества “Сано Кумиай”, наименьшего из всех, годовую добычу предполагает не свыше 30 000 тонн. Таким образом, мы должны были исходить в определении скалы долевого отчисления из программы этого Общества, взять это как наш основной опорный пункт и принять начальную добычу в 25 000. Мы считали, что при этой начальной добыче мы устанавливаем самое минимальное доленое отчисление, обусловленное Пекинским соглашением, а именно – 5%. Дальше мы считаем, что с течением времени в связи с увеличением производства себестоимость удешевляется, и мы в течение последующего времени должны были бы этот процент увеличить. Таким образом, для первого Общества у нас выясняется, что процент долевого отчисления будет, как предельный для него, не выше 5¼%.

Дальше, для наиболее крупного О[бществ]а – “Кита Сагальен Секитан Кигио Кумиай”, из производственной программы которого следует, что там наряду с крупными предприятиями есть ряд мелких предприятий, которые достигнут полной нагрузки при добыче не свыше 60–75 тыс. тонн, то здесь мы считали, что при исчислении нашего долевого отчисления мы должны принимать во внимание, что в первые годы, когда предприятие работает с неполной нагрузкой, то мы устанавливаем минимальный процент с тем, что, когда предприятие будет нагружено полностью, доленое отчисление достигнет предела.

Таким образом, при подсчете процентов, имея в виду Пекинское соглашение, установили для О[бществ]а с минимальной добычей, то есть для “Сано Кумиай”, 5% с соответствующим повышением для других Обществ. Причем при этом мы все-таки для

трех Обществ не достигаем предельного процента, а именно: “Сано Кумиай” платит не более 5¹/₄%, [для] О[бщест]ва “Сакай Кумиай”, сумма добычи которого всего 130 000 тонн, процент этот будет всего 6% и для О[бщест]ва “Цукахара”, добыча которого 100 000 тонн, – всего 5³/₄%. Наша скала по отношению к этим Обществам не достигает того предела, который устанавливается Пекинским соглашением.

Окумура: Ваш проект не говорит о каждом предприятии в отдельности. Я думаю, что лучше говорить о каждом предприятии отдельно. Если, допустим, Вы будете считать доленое отчисление с валовой добычи, то тогда концерн должен иметь свое основание для исчисления со своей валовой добычи. В Пекинском договоре говорится: от 5 до 8%, и поэтому думаю, что концерны должны платить от 5 до 8% доленого отчисления. Думаю, что каждый концерн должен иметь свою отдельную скалу. Если Вы в Вашем проекте подсчитываете от валовой добычи всех Обществ, то нам нечего об этом говорить. Для нас Ваш проект абсолютно неприемлем.

Гуревич: Я не знаю, почему г-н Окумура считает возможным считать с каждого О[бщест]ва отдельно. Очевидно, Вы не считаетесь с тем производственным планом, который Вы передали нам. Там определенно говорится, что есть О[бщест]во, которое будет иметь годовую добычу в 30 000 тонн, другие в 50, 100, 130 тыс. тонн, и мы же должны составить такую скалу, которая охватила бы все Общества, а не только одно. Если бы мы вели переговоры с одним Обществом, тогда скала была бы только применительно к этому Обществу, поскольку же мы имеем дело с 4-мя Обществами, нужно установить такую скалу, которая охватила бы все 4 Общества.

Почему Вы считаете, что О[бщест]во “Секитан Кигио Кумиай” должно сразу платить 8%? Этого не видно из нашего проекта. В Вашей производственной программе Вы достигаете добычи в 325 000 только через ряд лет, а не сразу начнете с этой цифры добычи.

Вы считаете наше предложение совершенно неприемлемым, и я с такой же категоричностью заявляю, что считаю Ваше предложение абсолютно для нас неприемлемым. На этой базе мы не сможем прийти к соглашению.

Окумура: Мы иначе не можем понять. Мы говорим об одном предприятии, например “Сано Кумиай” Оно считается самым наибольшим предприятием. Поэтому я думаю, что, если все О[бщест]ва будут зависеть в уплате доленого отчисления от добычи “Сано Кумиай”, это будет совершенно несправедливо. Пекинский договор говорит, что максимальное отчисление 8%, а минимальное 5%. Значит, от 5–8. Это мы должны иметь в каждой скале.

Поэтому, по-моему, каждый концерт должен иметь отдельную скалу. Если бы допустить, что есть только одно “Сано Кумиай”, тогда Ваше предложение было бы совершенно приемлемо. Но это приемлемо для небольшого предприятия, а для других неприемлемо, потому что в течение срока концессии мы все время по этой скале должны будем платить 8%. Я думаю, что по этому поводу с Вашей стороны будет какая-нибудь поправка, и я прошу Вас еще раз об этом подумать и иначе выработать размер долевого отчисления.

Гуревич: Если я правильно понял г-на Окумуру, он толкует договор таким образом, что каждое Общество должно иметь всю скалу от 5 до 8%. Тогда я просил бы передать Вашу скалу для каждого Общества, потому что Вы составили скалу из расчета на самое большое О[бщест]во. Принцип единой скалы для всех Обществ, который так удивил г-на Окумуру, имеется и у Вас с той разницей, что если у нас скала рассчитана на самое меньшее, то у Вас скала рассчитана на самое большое О[бщест]во. Я прошу передать отдельные скалы на каждое О[бщест]во.

Окумура: Наши данные соответствуют добыче наибольшего предприятия “Сагальен Секитан Кумиай”.

Гуревич: Нам приходится заключать договор не с одним только “Сагальен Секитан Кумиай”.

Окумура: Я должен был разрешить от имени 2-х остальных Обществ только вопросы относительно площади и разные специальные вопросы. Сейчас мы ведем переговоры от “Сагальен Секитан Кумиай”, и только после этого остальные О[бщест]ва будут непосредственно вести с Вами переговоры.

Гуревич: Я констатирую, что сначала г-н Окумура заявлял, что он представляет три Общества.

Окумура: Я представляю три Общества в отношении вопроса о площади и по специальным вопросам.

Гуревич: Я думал, что г-н Окумура представляет три Общества целиком. Я знаю, что г-н Цукахара будет вести с нами переговоры отдельно. Если г-н Окумура представляет только одно О[бщест]во “Сагальен Секитан Кумиай”, то это для нас новость.

Окумура: Я просил бы считать меня как представителя трех концернов по вопросу о площади и по специальным вопросам, но сейчас вначале я говорю как представитель “Сагальен Секитан Кумиай”. После этого остальные концерны будут вести с Вами переговоры.

Гуревич: Я просил бы указать, что в таком случае определенного Пекинским договором для переговоров срока не хватит. Если мы примем такой модус, что будем говорить сначала с представителем “Секитан Кигио Кумиай”, затем с представителем

“Сано Кумиай” и с представителем “Сакай Кумиай”, то мы кончим не к 15 октября, а к 15 мая. Я понимал, что мы говорим с г-ном Окумурой сейчас о всех трех Обществах и договоримся об этих трех Обществах. После подписывать мы будем отдельные договора. Сейчас же делить переговоры невозможно. Я просил бы, чтобы г-н Окумура вел переговоры от имени трех Обществ. Я знаю, что с г-ном Цукахарой мы будем говорить отдельно. Я просил бы передать нам скалы долевых отчислений для каждого из трех обществ, какие они хотят. То же я прошу передать г-ну Цукахаре, чтобы он также сообщил нам таблицу долевых отчислений, им предполагаемую.

Окумура: Как только выяснится наше мнение относительно долевых отчислений по Обществу “Кита Сагальен Секитан Кигио Кумиай”, мы этот проект остальных Обществ представим Вам. У меня уже есть проект по Обществам “Сакай Кумиай” и “Сано Кумиай”, но на сегодняшнем заседании могут выясниться разные другие вопросы, и тогда мы, может быть, представим Вам измененные проекты. Проект г-на Цукахары не разработан, он будет самостоятельно говорить с Вами.

Гуревич: Я просил бы заметить, что у нас правительство одно, а у Вас четыре Общества. Я просил бы, чтобы нам были переданы долевые отчисления для каждого из четырех Обществ.

Окумура: Мы передадим Цукахаре, чтобы он представил свой проект завтра или послезавтра. Проект “Сано Кумиай” и “Сакай Кумиай” я могу представить.

Гуревич: Это для одного концессионера или для всех?

Окумура: Это для “Сано Кумиай”.

Конрад: Я прочту эту скалу:

До	15 000	тонн	5%
”	17 500	”	5 ¹ / ₄ %
	20 000		5 ¹ / ₂ %
	22 500		5 ³ / ₄ %
	25 000		6%
	27 500		6 ¹ / ₄ %
	30 000		6 ¹ / ₂ %
	32 500		6 ³ / ₄ %
	35 000		7%
	37 500		7 ¹ / ₄ %
	40 000		7 ¹ / ₂ %
	42 500		7 ³ / ₄ %
”	45 000		8%

Для Общества “Сакай Кумиай” следующая скала:

До	100	тысяч тонн	5%	
”	105	”	”	5 ¹ / ₄ %
	110			5 ¹ / ₂ %
	115			5 ³ / ₄ %
	120			6%
	125			6 ¹ / ₄ %
	130			6 ¹ / ₂ %
	135			6 ³ / ₄ %
	140			7%
	145			7 ¹ / ₄ %
	150			7 ¹ / ₂ %
	155			7 ³ / ₄ %
	160			8%

Гуревич: Так как это совершенно новое обстоятельство, то, очевидно, нам придется вторично разобрать это дело.

Но я хотел бы сейчас указать на одну, с нашей точки зрения, полную несправедливость. Обычно мы считаем, что чем больше предприятие, чем больше оно добывает угля, тем дешевле каждая тонна угля. Раз дешевле уголь, а продажная цена одна и та же для большого и маленького предприятий, то большее предприятие имеет больше прибыли и больше должно платить отчислений. В Вашей скале такая картина, что “Сано Кумиай” с 45 000 тонн будет платить 8%, также и “Сакай Кумиай” Самое же крупное – “Секитан Кигио Кумиай” будет платить только по 5%. Кто побогаче, тот больше будет зарабатывать, а кто победнее, тот будет больше платить отчислений.

Окумура: Я прошу разобрать представленные нами скалы для “Сано Кумиай” и “Сакай Кумиай”, но хочу еще объяснить относительно того, что Вы сейчас говорите. Тогда, думаю, Вам сразу будет ясно. Возьмем одного продавца-купца, который имеет маленький капитал, а другой имеет большой капитал. Конечно, большое предприятие потребует больших затрат и больших прибылей. Маленькое же предприятие, хотя и получит маленькую прибыль, но может амортизовать свое незначительное оборудование. Поэтому если “Секитан Кигио Кумиай” намеревается создать оборудование на добычу в 1 млн тонн, то это нельзя сравнивать с “Сакай Кумиай” Я думаю, что если Вы подумаете над нашими объяснениями, то Вы это поймете.

Гуревич: Я не особенный специалист в области нефти и угля, но в политической экономии чувствую себя достаточно сильным. То, что Вы сейчас говорите, относится к политической экономии. Тут и в Японии, и в СССР, в Англии, и во Франции одни и те же законы, которые говорят о том, что если мы имеем большее, лучше механизированное предприятие, то себестоимость у него меньше, чем если Вы имеете мелкое предприятие. Раз себестоимость дешевле, то разница между себестоимостью и продажной ценой (а последняя одинакова и для большого, и для маленького предприятия) будет в пользу большого предприятия. Справедливо было бы с того, кто больше зарабатывает, больше брать, а по-вашему получается наоборот: чем больше зарабатывает, тем меньше берется с него, а чем меньше зарабатывает, тем больше платит. Обществу, которое будет добывать 45 000 тонн, уголь будет обходиться дороже, чем Обществу, которое будет добывать 1 млн тонн. Это уже по одному тому, что в большом предприятии Вы имеете громадную экономию на организационных и прочих расходах и Вы имеете возможность в большом деле лучше механизировать предприятие, что тоже удешевит себестоимость добычи.

Мало того, Вы хотите иметь по Вашей скале громадное преимущество в долевом отчислении: там, где одно предприятие платит 8%, другое, большее, – 5%. Я не считаю себя обязанным защищать интересы отдельных Обществ, и поэтому раз г-н Окумура предлагает это отчисление, то я не буду спорить против этого. Я просил бы дать нам возможность, ввиду того что Ваша скала только сейчас передана, еще раз просмотреть ее и на следующем заседании вернуться к вопросу о долевом отчислении.

Что же касается Вашего принципа определения долевого отчисления, то если бы мы не были на официальном заседании и не должны были бы заниматься деловой работой, то я мог бы поручить инженерам произвести подсчеты и доказать Вам, что неправильно, что маленькое Общество должно платить больше, чем крупное. Пуд угля у “Секитан Кигио Кумиай” будет дешевле на несколько процентов, порядочно дешевле, чем у “Сано Кумиай”, и как будет “Сано Кумиай” сбывать свой дорогой уголь, я не знаю. Но это не мое дело.

На всякий случай я обязуюсь к следующему заседанию передать расчет на основании производственного плана стоимости тонны угля для Общества “Кита Сагалъен Секитан Кигио Кумиай” и “Сано Кумиай”, и Вы увидите разницу.

Разрешите перейти к следующему вопросу в связи с долевым отчислением относительно того, в каком виде доленое отчисле-

ние будет уплачиваться. Вы хотите, чтобы в виде уплаты долевого отчисления мы брали уголь с каждого рудника. Я предлагаю платить долевое отчисление деньгами. Вы указываете затруднение в том, что нет стандартной цены на уголь. Я выяснил этот вопрос в своем аппарате. Если Вы возьмете американские газеты, то там ежедневно публикуются стандартные цены на уголь. Калорийность сахалинских рудников известна, так же как калорийность угля кардифского, угля на острове Киу-Сиу и др. Таким образом, вопрос о цене не может служить препятствием. Если Вам неприемлем шанхайский рынок, назовите, какой другой рынок Вы хотите принять? Мы, со своей стороны, считаем необходимым перевести долевое отчисление на денежное выражение.

Окумура: Может быть, имеются рыночные цены на известный товар, но на уголь определенной рыночной цены не имеется. Например, в прошлом году в Южной Америке, в Перу, уголь стоил 80 иен за тонну, а в Японии продажная цена угля была 8 и 9 иен за тонну.

Гуревич: Перу не мировой рынок.

Окумура: Если отправлять уголь в Перу из Японии, то доставка требует больших расходов.

Гуревич: Если уголь стоит 80 иен, то можно отправить уголь не только в Перу, но и на Северный полюс.

Окумура: Цена угля всегда зависит от местонахождения его, например, если в одном государстве развивается промышленность, то находящийся там уголь имеет высокую цену. Но в другой стране, где уголь не требуется, цена его будет дешевая. Если в Европе цена угля может поддерживаться на одном устойчивом уровне, так как там близкие расстояния и всегда можно бросить уголь с одного рынка на другой, то Япония и Америка слишком далеко друг от друга. В Северной Америке угольные цены нельзя сравнивать с ценами в Японии. Если в Америке потребуется большое количество угля, тогда цены его будут высоки. Цена угля всегда имеет большие колебания, и ее нельзя сравнивать с другими товарами. Если остров Сахалин отстоит от Японии не несколько сот миль, то я думаю, что уголь там совсем не имеет ценности. Если на Сахалине разовьется промышленность, тогда, может быть, это создаст высокие цены, но в настоящее время нельзя предвидеть такого развития промышленности. Я думаю, что пока также не стоит вывозить уголь по Сибирской железной дороге, потому что там много дров.

Гуревич: Дайте Ваше предложение.

Окумура: При установлении цен будут постоянные споры. Поэтому я предлагаю передавать Вам уголь натурой, чтобы не

было постоянных споров. У нас есть органы, которые занимаются продажей угля, они могут найти Вам покупателей, которые поведут переговоры с полпредом СССР в Токио. Когда определится количество угля, которое каждый концерн Вам должен передать как долевое отчисление, то мы найдем Вам покупателя, и тогда сразу выяснится, сколько Вы получите.

Шлейфер: Мне кажется, что не надо заниматься дачей уроков по политической экономии при каждой сделке, которую заключают. Но все-таки общие коммерческие соображения по вопросу, поскольку речь идет о сделке на 40 лет вперед, могут быть обоснованы опытом торговой практики. Первый вопрос: стоит ли уголь что-нибудь на Сахалине, если на Сахалине нет потребителя? Конечно, он ничего не стоил бы, если бы Вы оставляли его на Сахалине. Но концерн добывает уголь не для того, чтобы оставлять его на Сахалине, а для того, чтобы продавать. Рынком сбыта явится главным образом Китай, Япония, острова Тихого океана и наш Дальний Восток. Поэтому мы можем установить, что цена на сахалинский уголь будет средней ценой, существующей на Дальнем Востоке. И естественно, что долевое отчисление придется перевести в деньги, причем необходимо исходить из средней цены на уголь для каждого данного периода на дальневосточном угольном рынке. Чтобы тут не было ошибки, можно вместо того, чтобы рассчитывать раз в течение года, рассчитывать раз в три месяца. Тогда возможность резкого колебания цены не будет угрожать убытками ни концессионеру, ни правительству. Мы гарантируем правильность расчета и выгодность сделки для той и другой стороны.

В-третьих, сахалинские сорта угля достаточно известны и могут быть приравнены к тем сортам углей, которые котируются на мировых рынках. И, следовательно, денежное выражение этих отчислений будет совершенно ясно определяться и Вами, и нами, и никаких споров здесь быть не может.

Можно ли выдержать такое долевое отчисление? Если эксплуатационные расходы на тонну угля составят 4 руб. 25 коп., долевое отчисление 75 коп., амортизация 60 коп. и общие расходы 30 коп., то тонна франко-пристань будет стоить около 6 руб. Если взять самую высокую стоимость погрузки на пароход в 1 руб. 50 коп. и определить шанхайскую цену фрахт до Шанхая в 3 руб., то цена на уголь сиф Шанхай будет несколько выше 10 руб. Между тем средняя цена, которая существовала на японский фушуньский уголь, равнялась примерно 13–14 руб. за тонну. Получается достаточно большая прибыль, если даже долевое отчисление будет уплачено деньгами. При большом обороте Ваши организационные расходы

по сбыту угля не лягут большим бременем на долевое отчисление. Если же нам придется иметь аппарат для погрузки, перевозки и продажи, содержать коммерческую агентуру, это съест наше долевое отчисление, окажется нам невыгодным.

Мы в одинаковой мере заинтересованы, чтобы Вы больше зарабатывали на концессии. Мы будем рады, если Ваши прибыли будут больше, но концерн должен стремиться к тому, чтобы получение долевого отчисления, нам причитающегося, не было нам невыгодно. И без того мы идем на большие потери. Я подсчитал доходы, которые мы получили в довоенное время. Тогда нам платили за тонну угля пол-иены. Это было среднее отчисление. Некоторые платили нам больше пол-иены за тонну. По довоенным ценам это составляет около 9%, а мы идем на значительно более низкий процент. Если взять от 5% и 8% в среднем, это составит 7%. Тем самым мы идем на значительные льготы для концессионера. Если мы примем Ваши предложения, половина долевого отчисления уйдет на содержание аппарата. Поэтому мне кажется, что мы могли бы принять следующее положение:

Цена устанавливается в зависимости от средних цен, существующих на шанхайском рынке, определяющем дальневосточный угольный рынок на каждые 3 месяца.

Вы платите долевое отчисление в зависимости от цены, по которой продаете уголь в Шанхае. Ассортимент устанавливается по среднему продажному ассортименту углей сахалинского происхождения. Это дает достаточную гарантию для обеспечения взаимных интересов и концессионера, и правительства.

Окумура: В прошлом заседании я дал подробные объяснения по данному вопросу. Очень трудно определить цены. Я не думаю повторять мои объяснения, но должен сказать одно слово как ответ г-ну Шлейферу, который не был на прошлом заседании.

Вы говорите, что концерн должен передавать отчисление в зависимости от качества угля каждого рудника. Это очень трудно. Как можно найти соответствующее качество угля? Уголь каждого рудника имеет другую цену. Поэтому я думаю, что определить цены невозможно. Если Вы возьмете в натуре уголь, тогда можно взять уголь с каждого рудника определенного качества.

Еще одно слово. Если Вы хотите продать небольшое количество, то можно вывозить с Сахалина вместе с нашим углем на наших пароходах. Я думаю, что в таком случае для Вас не потребуются никакого аппарата. Поэтому мое предложение самое справедливое, и оно не создаст постоянных споров. Я делаю это пред-

ложение потому, что это выгодно не только для нас, но и для советского правительства. Ваше предложение как будто нарочно создает почву для постоянных споров. Этого я понять не могу.

Гуревич: Я должен сказать, что и тут я вижу тупик. Я исчерпал все доводы, которые у меня были. Сейчас г-н Шлейфер подтвердил все мои соображения. Он в этих вопросах является сведущим лицом и если говорит, что это должно будет стоить громадные деньги, то, очевидно, это так.

Ваше предложение, что Вы выступите комиссионером по продаже нашего угля, опять выдвигает вопрос о фрахте. Почему мы знаем, сколько Вы будете считать фрахта. Может быть, получится так, что, вместо того чтобы мы получили от Вас, мы должны будем еще Вам платить. Вчера г-н адмирал Накасато указал на один случай, когда за перевозку масла из Иокогамы на Камчатку взяли по 26 иен с тонны.

При таком фрахте нам, конечно, придется приплачивать Вам вместо того, чтобы получать от Вас долевое отчисление. Может быть, Вы согласились бы платить $1/2$ американского цента с пуда добычи?

Окумура: Я думаю, что это Ваше возражение совсем не нужно обсуждать. Я думаю, что Вы не поняли того, что я объяснял. Во-первых, насчет фрахта совершенно не будет никаких недоразумений. Я говорю, что могу найти покупателя Вашего угля в Японии или где-нибудь еще и представить его Вашему торгпреду в Японии. Покупатель сам будет вести переговоры с торгпредом. Тогда можно будет установить цену франко-пристань на Сахалине. Покупатель отправит туда свои пароходы, и у Вас будут расходы только по погрузке на пароходы.

Гуревич: Вы сейчас выворачиваете все взаимоотношения государства и частного лица наоборот. До сих пор было так: если частное лицо обязано платить государству, то оно обязано внести деньги в тот банк, в который государство укажет, а Вы говорите, что государство обязано пойти к Вам и брать там, где Вы укажете. Такое положение совершенно нетерпимо. Кроме того, речь оказывается, по-вашему, идет не о комиссионной продаже, а о том, что Вы даете нам покупателя. В таком случае я предлагаю фирме “Мицубиси” купить у нас уголь на 40 лет вперед. Фирма “Мицубиси” достаточно серьезный покупатель.

Окумура: Если бы Вы поняли наше предложение, Вы с ним согласились бы. Что касается фирмы “Мицубиси”, то она имеет связь с нашим концерном, и поэтому я думаю, что будет справедливо, если я предложу Вам, что третье лицо будет покупать Ваш уголь и будет вести переговоры с Вашим торгпредом.

Нужно еще иметь в виду, что согласно Пекинскому договору долевые отчисления должны быть переданы Вам в натуре на рудниках. Если платить деньгами, то у нас будет спор относительно стандартной цены. Таким образом, я думаю, что не нужно спорить об оценке угля и долевые отчисления можно передать натурой. Тогда советскому правительству будет очень выгодно, и не встретится никаких недоразумений. Об этом я прошу подумать и согласиться с нашим предложением.

Гуревич: Вы совершенно неправильно толкуете Пекинский договор. Там указано: валовая добыча. Относительно передачи в натуре – это Ваше толкование. Валовая добыча определяет, с чего брать, но как брать – натурой или деньгами в Пекинском договоре ничего не сказано. Я возражаю против этой попытки истолковать Пекинский договор. Вы являетесь не единственным концессионером. У нас имеется большое количество концессионеров. Если каждый концессионер заставит нас брать отчисления натурой, что тогда будет? Мы должны будем брать карандаши, медь, известь и т.п. Это означало бы, что мы должны организовать специальное предприятие по продаже долевых отчислений всех концессионеров. А если к тому же Вы еще будете посылать нам покупателей, нам придется открыть целое министерство, которое будет разговаривать с покупателями, рекомендованными концессионерами. Это совершенно неприемлемо. В этом вопросе и в вопросе о долевых отчислениях мы уперлись в тупик. Вы повторяете все одно и то же и с места не двигаетесь. Я предлагаю сегодня прервать на этом и перейти к другим пунктам. Я не вижу никакой возможности прийти сегодня к соглашению по этому пункту. Я прошу Вас еще раз подумать о том предложении, которое мы сделали. Я повторяю, что с тем предложением, которое мы сейчас выставляем, я не вижу точек соприкосновения.

Окумура: Я не возражаю. Я хотел сказать Вам только одно слово. Советское правительство имеет государственный торговый аппарат, и оно само может распределять те товары, которые к нему поступают. Поэтому думаю, что для приемки угля не потребуется создавать особенного аппарата. Если Вы настаиваете на Вашем предложении, то мы не можем идти вперед. Я прошу подумать о нашем предложении.

Гуревич: Мы все время идем Вам навстречу. В этом пункте Вы являетесь той стороной, которая навстречу не идет. Думать мы не отказываемся никогда. Но я отказываюсь думать о таких проблемах, которые для нас неразрешимы. Это неразрешимая проблема, чтобы мы ездили вдоль берега Сахалина и собирали

бы уголь с каждого рудника или же ждали бы, пока Вы пошлете к нам покупателя, а уголь лежал бы в Александровске. Там навигация, как Вы сами говорите, только 3 месяца, и если мы не придем с покупателями к соглашению, то уголь будет лежать до следующей навигации.

Вы говорите, что советское правительство занимается продажей. Вы ошибаетесь. Сов[етское] правительство выделило специальные тресты для этого, а с Вами заключает договор не угольный трест. Если бы договор заключал с Вами Донуголь, то, может, для него это было бы приемлемо, он имеет аппарат для продажи угля. Но ведь договор с Вами заключает не трест, а правительство. Это Ваше указание совершенно неправильно, и я не вижу способа согласовать эти предложения. Я бы просил подумать над моим последним предложением, которое я сделал, чтобы избежать всяких цен. Я сделал радикальное предложение – копейка с пуда. 100 000 пудов – 100 000 коп., 200 000 пудов – 200 000 коп. Тут уже не будет никаких споров.

Будем считать этот вопрос открытым.

Разрешите тогда перейти к § 16.

Окумура: По § 15, может быть, Вы составите редакцию с теми поправками, которые были сделаны.

Гуревич: Окончательную редакцию мы составим, но это не спешно, поскольку мы приняли параграф.

Что Вы можете возразить против § 16?

Окумура: Относительно § 16 у нас есть принципиальные пожелания. Разрешите, я составлю мое предложение и на следующем заседании Вам передам. Наше предложение касается “единого налога”.

Гуревич: Вы хотите паушальный налог?

Окумура: Да.

Гуревич: Какой именно процент?

Окумура: Я на следующем заседании Вам предложу.

Гуревич: Переходим к § 17. Какие возражения Вы имеете против § 17?

Окумура: Здесь в абзаце 1-м указано относительно предметов, запрещенных к ввозу. Какие это предметы?

Гуревич: Водка, опиум.

Окумура: А если в качестве лекарства?

Гуревич: Это мы Вам будем поставлять.

Медицинская помощь оказывается нами, Вы только платите социальное страхование.

Окумура: Я полагаю, что здесь можно было бы вместо этих слов поставить: “с разрешения советского правительства”.

Гуревич: Значит, вместо слова “не запрещенные” поставить “разрешенные торгпредством”? Я согласен вычеркнуть в 1-м абзаце слова “не запрещенных к ввозу на Северный Сахалин”, но зато во 2-м абзаце в 3-й строке вместо слов “на утверждение” написать слова “на разрешение”.

Окумура: Если бы Вы могли нам указать, какие именно товары запрещены к ввозу, то мы согласились бы оставить прежнюю редакцию.

Гуревич: Мы через несколько дней передадим Вам список товаров, которые запрещены к ввозу. Я должен предупредить, что тот список, который мы передадим, время от времени пересматривается и изменяется.

Окумура: Я думаю, что 1-й и 2-й абзацы, пока не известен список запрещенных товаров, [нужно] оставить так, и когда выяснится, что именно запрещено к ввозу, тогда можно будет обсудить. Здесь написано: “торговому представителю СССР” Разрешите прибавить сюда: “или консулу”.

Гуревич: Это никак нельзя, потому что по нашим законам консул не имеет права этого делать.

Если не будет торгового представителя в Токио, то за разрешением придется ездить в Хабаровск или Москву.

Окумура: К кому там нужно обращаться?

Гуревич: К уполномоченному Народного комиссариата внешней торговли. Я Вам сочувствую в этом, но ведь Вы хотите, чтобы мы ездили за долевым отчислением (смех). Мы сейчас ведем переговоры с японским правительством и надеемся, что торговый представитель СССР будет в Японии. Если его не будет, то специального закона для этой концессии мы не можем издавать. Тогда за разрешением Вам нужно будет ездить в Хабаровск. Когда Вы приедете в Японию, объясните, что выгоднее, чтобы был торговый представитель в Токио.

Когда в Токио будет торговый представитель СССР, то тогда Вы сможете обращаться и в Хакодате к агентству торгпреда. В настоящее же время в Хакодате имеется представитель Дальневосточного госторга, но он не имеет права давать или не давать разрешения.

Окумура: Если Вы нам уступите в долевым отчислении, то мы обратимся к японскому правительству, чтобы оно сейчас разрешило вопрос о торговом представителе (смех).

Гуревич: Это для нас слишком дорогая цена.

Есть ли еще замечания?

Окумура: Нельзя ли в 3-ем абзаце сказать, что предметы и материалы не будут обложены никакими пошлинами?

Гуревич: Это все сказано в 1-м абзаце. Там сказано: беспошлинно и без оплаты лицензионным сбором. Зачем писать второй раз?

Окумура: А вот бандероли. Я думаю, что в 1-м абзаце это не учтено.

Шлейфер: Вы говорите о подакцизных предметах. Если Вы ввозите спички или соль, на что установлен акциз, то и Вы его платить должны. Это относится не к § 17, а к § 16. Там мы будем говорить об этом.

Гуревич: Акциз – это не пошлина, и речь об этом идет в § 16.

Окумура: Я Вас понял.

Гуревич: Значит, по абзацам 2, 3, 4 никаких возражений нет, а по 1-му абзацу мы Вам представим список предметов, запрещенных к ввозу.

Окумура: Мы хотим ознакомиться с Вашим списком, а потом уже будем принимать этот параграф.

Гуревич: Значит, и § 17 мы не приняли?

Окумура: Абзацы 3 и 4 нами принимаются.

Гуревич: Тогда абзацы 1 и 2 отложим до представления нами списка предметов, запрещенных к ввозу на Северный Сахалин. Переходим к § 18.

Окумура: Вы как будто смотрите на этот параграф как на важный, потому что Вы говорите, что при нарушении его может быть разорван договор.

Гуревич: Мы разрешаем свободный ввоз для снабжения рабочих, занятых на Вашем предприятии. Но если Ваши служащие с Ваших складов будут продавать на сторону, то это будет контрабанда. Это относится к Вашим служащим. Я понимаю, что Ваше Общество такими делами заниматься не будет. Я прекрасно понимаю, что имею дело с серьезной фирмой, рекомендованной правительством. С такими фирмами не часто приходится иметь дело. Здесь речь идет о следующем: Вы должны принять меры к тому, чтобы Ваши служащие с Ваших складов не продавали на сторону, ибо продажа на сторону есть повод к разрыву концессии.

Окумура: У нас нет возражений против § 18, но я боюсь, что может быть такой случай, что рабочий получит товары, скроет товары и будет их продавать. Но, конечно, в этом случае для устранения этого у Вас есть другие соответствующие учреждения.

Гуревич: Тут ведь ясно сказано, что не о том идет речь, если рабочий будет продавать на сторону. Речь идет о том, если из Вашей лавки будет продаваться на сторону. Если рабочий будет продавать, то мы будем взыскивать с этого рабочего, но если приказчик Вашей лавки – то тогда с концессионера.

Окумура: По этому параграфу больше возражений нет.

Гуревич: Переходим к § 19.

Окумура: В 1-м абзаце вначале говорится: “поскольку это необходимо для производимых им работ по разведке и добыче угля” Если можно, то лучше сказать: “поскольку это необходимо для предприятия”.

Гуревич: Это будет очень широко. Дальше это объясняется. Здесь сказано: “С этой целью концессионер может на указанной территории возводить жилые и нежилые постройки, всякого рода технические сооружения и проч.”

Окумура: Но здесь написано, что только для работ по разведке и добыче угля.

Гуревич: А что же Вы еще думаете делать?

Окумура: Подсобные предприятия.

Гуревич: Это сказано в § 20.

Окумура: Здесь сказано: как будто только подсобные предприятия.

Гуревич: Концессия дается на разведку и добычу угля. Мы это и пишем. Вы боитесь, чтобы не было споров, а если здесь написать: для нужд предприятия, то Вы скажете, например, что нужно построить завод для получения жидкого топлива из угля. Это ведь тоже для нужд предприятия. Против этого мы будем спорить. Вашу поправку можно широко толковать.

Окумура: Мы поняли, что Вы объяснили. Но в 1-м параграфе сказано иначе.

Гуревич: Я не возражаю, чтобы поставить здесь, как в 1-м параграфе: “поскольку это необходимо для производимых им горнопромышленных и горноразведывательных работ по углю”

Окумура: Далее здесь говорится: “Использование с[ельско]х[озяйственных] участков происходит на общем основании законов”. Есть ли какие-нибудь постановления или правила по сельскому хозяйству?

Гуревич: У нас есть Земельный кодекс. Там оговорены большие льготы для тех сельскохозяйственных участков, которые находятся в пользовании рабочих. В Земельном кодексе указывается, что для [участков], которые находятся в пользовании рабочих, предоставляются большие льготы по налогу и проч.

Окумура: У нас нет возражений против этого параграфа.

Гуревич: Разрешите перейти к § 20.

Окумура: В § 20 по-русски написано: “подъездные пути”, а в английском тексте написано: “временные железные дороги”

Гуревич: Правильно: “подъездные пути”. Здесь имеется в виду ветка, которую Вы проводите к пристани, или подвесная же-

лезная дорога. Если бы Вы, например, захотели провести железную дорогу с западного берега на восточный (мы такую концессию Вам охотно сдадим), то это было бы предметом особой концессии.

Окумура: В 20-м параграфе где-нибудь нужно вставить отдельным абзацем относительно кладбищ, крематория, школ, больниц и т.д.

Гуревич: Строить для рабочих школы, больницы, клубы, театры, кинематографы мы разрешим Вам с большим удовольствием. Что касается кладбища и крематория, это тоже можно строить. Но в договоре не нужно специально оговаривать крематории и кладбища. Это нельзя подвести под подсобное предприятие (смех). Поэтому я предлагаю вставить отдельным абзацем следующее: “По согласованию с местными властями и с Союзом горнорабочих концессионеру предоставляется право устраивать для рабочих и служащих концессионного предприятия всякого рода культурно-просветительные и медико-санитарные учреждения”.

Крематории и кладбища у нас считаются санитарными учреждениями. Культурно-просветительные учреждения следующие: школы, клубы для рабочих, кинематографы, читальни, ясли. Мы с большим удовольствием разрешим Вам это устраивать.

Я хочу обратить Ваше внимание на то, что преподавание у нас светское, у нас духовного преподавания не допускается. Мне кажется, что и в Японии также светское преподавание. Относительно церкви я уже раз говорил здесь, что у нас в Союзе государство к церкви не имеет никакого отношения. Что касается устройства церкви, то верующие подают заявление, что они хотят исполнять свой религиозный культ, и никто не имеет права мешать им исполнять их религиозный долг.

К последнему абзацу этого параграфа у нас есть одна поправка. Я сейчас обратил внимание, что при переписке произошла некоторая неточность. Что касается агентств в Москве, Хабаровске и Владивостоке, а также контор на С[еверном] Сахалине, я не возражаю, но относительно магазинов нужно сказать: “каждый раз с разрешения местных властей”. Слово “магазины” можно заменить словом “склады”.

Окумура: Возражений нет.

Значит, к этому параграфу будет вставлен новый абзац?

Гуревич: Да, это будет абзац 3-й.

Переходим к § 21.

Окумура: С нашей стороны возражений по этому параграфу нет.

Гуревич: Принимается. Дальше § 22.

Окумура: В § 22 говорится вначале о пользовании водой и водной энергией. Я хочу вставить слова “и водной поверхностью”

Гуревич: Зачем Вам нужна водная поверхность?

Окумура: Представьте, что придет пароход и остановится на том месте, где находятся рыбные участки.

Гуревич: Вопрос о рыбной ловле оговорен в пункте г этого параграфа. Если я правильно понял, то Вы хотите написать так, что если Вам будет предоставлена водная поверхность, то мы не можем там же сдавать рыбные участки?

Окумура: Мы хотим это вставить для того, чтобы Вы не сдавали там рыбные участки. Для хода парохода мешает, если там будут рыбные участки.

Гуревич: Но ведь рыба не на поверхности, а в глубине.

Окумура: Но там ставят сети.

Волкович: В этом районе нет рыбных участков.

Окумура: Может быть, и нет, но надо это отметить в договоре.

Волкович: Это можно было бы вставить.

Гуревич: Я не возражаю против того, чтобы это вставить. Какие еще есть замечания?

Конрад: Они просят вставить относительно морской поверхности.

Гуревич: Разве море тоже есть на территории Вашей концессии?

Окумура: Но нужно для пароходов. Вы сдаете рыбные участки, а это неудобно для пароходов.

Гуревич: Мы не заинтересованы в том, чтобы мешать Вам работать, но я не могу писать относительно морской поверхности. Мы сказали: “на территории концессии концессионер имеет право использовать водную поверхность”. Но если мы скажем: и “морскую поверхность”, то это будет не концессионный договор, а политический договор.

Окумура: В последнем абзаце надо указать, что там, где будут стоять пароходы, не должны сдаваться рыболовные участки.

Гуревич: Здесь указано: “Пользование водой вне территории концессии допускается безвозмездно по особому соглашению с местными властями”. Относительно стоянок пароходов будет особый пункт 29. § 29 (зачитывает). Там нужно указать, что в местах, где концессионеру будет разрешено устраивать пристани, не будут сдаваться рыболовные участки.

§ 22 принимается.

Следующее заседание разрешите назначить на понедельник 28 сентября в 7 час. вечера.

Разрешите закрыть заседание.

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1005. Л. 172–183 об. Копия.

¹ Ляндау Л.Г. – консультант Главконцесскома СССР.

№ 228

*Запись беседы Г.В. Чичерина с Т. Танакой
о продлении сроков концессионных переговоров,
предложении Японии заключить рыболовную конвенцию
и прекращении охраны японского посла в Москве*

23 сентября 1925 г.

Танака приходил по трем вопросам.

1. Ввиду сложности переговоров о сахалинских концессиях можно ожидать, что они не кончатся к 15 октября. Следует поэтому заключить соглашение о продлении срока как для заключения концессионных контрактов, так и для временного модуса производства работ. Это продление срока может быть произведено в форме обмена нот.

(Я ответил, что этот вопрос необходимо решить и что после его обсуждения дальнейшие переговоры об этом будет вести г. Карахан).

2. Японское правительство считает желательным заключить новую рыболовную конвенцию как можно скорее, чтобы создать в этой области окончательное прочное положение. Переговоры предлагается вести в Москве. Танака просит известить его за 6 недель о начатии переговоров, чтобы вызвать из Японии экспертов.

(Я ответил приблизительно так же, как по первому пункту).

3. Танака спросил меня, как обстоит дело с китайскими заговорщиками*. Я сказал, что следствие несколько затянулось ввиду необходимости получения дополнительных сведений, но что теперь в ближайшем будущем заговорщики, согласно желаниям китайского и японского правительств, будут высланы в Китай. В связи с выступлениями китайской печати, о которых заговорил Танака, я дал несколько конкретных объяснений относительно личности заговорщиков. Танака тогда сказал мне, что если этот вопрос является уже ликвидированным, то он просил бы прекратить установленную секретную его охрану, которая вызывает

* См. док. № 205.

всеобщее внимание. Когда он куда-нибудь едет, секретные агенты садятся вместе с ним в автомобиль и вообще не отступают от него ни на шаг. При этом Танака многозначительно засмеялся, давая понять, что это имеет особый смысл. Я ответил, что положение, конечно, ненормальное и что тов. Карахан еще переговорит об этом.

Чичерин

АПРФ. Ф.3. Оп. 66. Д. 1001. Л. 74. Копия.

№ 229

*Стенограмма заседания комиссии Главконцесскома СССР
и представителей японских нефтяных компаний
об уточнении условий договора относительно прав
и имущества концессионеров*

24 сентября 1925 г.

Присутствовали:

Со стороны комиссии ГKK: член комиссии г. Гуревич. Экспертиза: г.г. Бекман, Галузин, Левин, Мусатов, Мащанский, Лян-дау, Полевой, Абазов, Худяков, Япольский, Ходоровский, Янковский. Эксперт-переводчик г. Конрад. Секретари: г.г. Зубкова, Гальперин, Сухоплюев.

Со стороны японской делегации: председатель г. Накасато, советник г. Каваками, юрисконсульт г. Ватанабэ. Технич[еский] эксперт г. Ямада. Секретари: г.г. Инаиси, Сайто. Врач г. Кумакава. Переводчики: г.г. Конисси, Араи, клерк г. Нака.

Председательствовал г. Гуревич.

Гуревич: В прошлый раз мы остановились на методе исчисления долевого отчисления. Мы Вам послали рейтеровский бюллетень и американские журналы.

Накасато: Мы это получили и сейчас пересматриваем. Там нет сведений о ценах “Гольфа”.

Гуревич: Рейтер дает и цены “гольфа”, а американский журнал указывает стоимость нефти во всех месторождениях.

Накасато: У Рейтера сообщаются разные цены, но нет точного разделения по сортам нефти и месторождениям.

Гуревич: Если говорить об отдельных месторождениях, то надо взять котировки американской биржи, например Нью-Орлеанской биржи.

Накасато: Мы тоже пересматривали это, но там написано о калифорнийской нефти и о другой американской нефти, а мы сейчас думаем, что наша сахалинская нефть не может быть

сравнима с тихоокеанской нефтью и трудно правильно установить стандарт сахалинской нефти. Мы сейчас не придумаем, в какой форме это сделать. Если мы продолжим исследование и придем к выводу, тогда мы будем иметь честь Вам доложить.

Гуревич: У нас этот вопрос тоже изучается, и я просил бы г-на адмирала приготовить к одному из следующих заседаний формулу, которую мы тогда и обсудим.

Накасато: Относительно способа определения цен мы думали, как это сделать. В американском журнале указываются градусы по Бомэ¹, и мы тоже думаем, что другого способа нет.

Гуревич: Я тоже думаю, что придется остановиться на Бомэ, но принять во внимание содержание газов, чтобы отличить нефть с большим содержанием бензина от малобензинистой.

Думаю, что г-н адмирал это обдумает, я, со своей стороны, посоветуюсь со специалистами, и мы вернемся к этому вопросу. Я здесь не вижу поводов к разногласию. Речь идет о том, чтобы найти формулу, которая была бы приемлема и для нас, и для Вас. Особенно спешить не приходится. В одном из следующих заседаний мы этот вопрос решим.

Накасато: Нам трудно будет определить сейчас самую цену: нам кажется, что сейчас легче будет определить, каким способом мы будем исчислять эту цену.

Гуревич: Я также думаю, что нужно определить не самую стоимость, а тот базис, который мы возьмем для определения цен.

Накасато: Совершенно правильно.

Когда предполагается заседание инженеров?

Гуревич: Мы в конце заседания сговоримся, когда назначить заседание инженеров по поводу параграфов 14 и 16.

Накасато: Намерены ли Вы нам дать какой-нибудь проект абзаца относительно фонтана как примечания ко второму пункту?

Гуревич: Мы предполагаем так: “упомянутая в абзаце 2-м настоящего параграфа фонтанная нефть имеет в виду ту, которая получается самотеком в количестве выше 5 тонн от одной скважины без применения механической силы”.

Накасато: А относительно того, что до 50 тонн 15%?

Гуревич: Мы уже решили, что мы обсудим вопрос о долевом отчислении, когда будем рассматривать вопрос о налогах. Тогда мы вернемся к долевному отчислению вообще и к долевному отчислению с фонтанной нефти. Если Вы примете нашу формулу долевого отчисления, то мы примем Вашу формулу фонтанной нефти с добавлением, что до 50 тонн отчисление будет в 15%, на что Вы уже согласились.

Накасато: Мы желали бы услышать, как будет в тех случаях, когда, как в Охе, нефть имеет свойство очень малого самотека. Мы хотим знать Ваше мнение о тех скважинах, которые дают 2–3 тонны без применения механической энергии. Считаете ли Вы их тоже фонтаном, и определяется ли для них долевое отчисление тоже в 15%?

Гуревич: В том определении, которое мы сделали, мы исходили из того, что фонтанной нефтью считаем всякую нефть, которая идет самотеком, где концессионер не должен применять механической силы, чтобы ее добывать, где он не имеет затрат для ее добычи. Но мы согласились сделать уступку в том смысле, что долевое отчисление будем считать в порядке Пекинского Протокола Б, то есть в 45% только для тех фонтанов, которые дают дебет минимум 50 тонн в сутки. Но это не значит, что вообще фонтан, который дает меньше 50 тонн, не является фонтаном. Мы говорим, что мы там не будем брать специального долевого отчисления и возьмем максимум обычного отчисления, то есть 15%. С этой стороны вопрос о том, сколько в сутки дает тот или другой фонтан – 3 тонны или 28 тонн, разбираться не будет, и мы будем считать, что со всякого фонтана, который дает до 50 тонн, будет браться 15%. Раз нефть идет самотеком, то концессионер получает ее с меньшей затратой капитала, нежели тогда, если бы ему пришлось ставить такие приспособления, какие нужно было бы поставить, если эта нефть не шла самотеком и ее пришлось бы добывать насосами. Но, повторяю, к этому вопросу лучше вернуться тогда, когда мы будем говорить о долевым отчислении, потому что эти вопросы связаны между собой. Или, может быть, Вы хотите сейчас поговорить о долевым отчислении?

(Накасато показывает чертеж на листе бумаги и поясняет его. Слова г. Накасато не переводятся).

Гуревич: Я понял, что объяснял г. Накасато. В одном месте он показывает, когда нефть идет фонтаном, а в другом месте, если нет фонтана, то после бурения нефть из скважины идет самотеком. Так ли я понял?

Конисси: Да, так.

Гуревич: Адмирал Накасато говорит, что могут быть большие фонтаны, которые дают 100 тонн в сутки, могут быть фонтаны, дающие 70 тонн, и могут быть фонтаны, дающие только 5 тонн в сутки. Но свойство сахалинской нефти, говорит он, заключается в том, что если пробурили скважину, то потом нефть идет из этой скважины самотеком, хотя и не бьет фонтаном.

Конисси: И еще г. Накасато сказал, что, когда в такую скважину ставят насос, тогда добыча поднимается.

Гуревич: Я сейчас советовался с нашими специалистами, и надо Вам сказать, что теоретически это, конечно, есть то же самое, что и фонтан, ибо что по существу означает фонтан? Фонтан означает, что в данном месте не надо применять механическую силу, то есть не надо расходовать средств для получения нефти. А там, где нефть получается Вами бесплатно, там и мы хотим получить более значительную часть этой нефти. Но здесь есть другое затруднение, а именно, что если вынуть насос, например, для починки, то в тот период, когда насоса нет, там получается переливание нефти из скважины. Это явление очень трудно проследить, ибо если бы мы задались такой целью, то нам нужно было бы сообщать каждый раз, что насос вынимается, и наш горный надзор должен был бы ехать на место добычи, чтобы следить за этим. Таким образом, это технически трудно осуществить. Но центр тяжести этого вопроса ведь не в той софистике, когда нефть становится фонтанной, а в доле отчисления. Когда мы договоримся по вопросу о доле отчисления, тогда мы эту маленькую трудность сумеем, конечно, преодолеть.

Накасато: Это довольно трудный вопрос. Когда там производится бурение скважины, то непременно эта скважина в первое время дает маленький самотек, и в дальнейшем также некоторые скважины дают нефть самотеком. А в этом случае, по-вашему, доле отчисления определяется в размере 15%. Это будет страшно большая сумма, и нам, должно быть, трудно будет это перенести. Поэтому тут нам желательно слышать Ваше мнение по этому вопросу, и тогда на основе этого мы снова этот вопрос обдумаем.

Гуревич: Я думаю, что тут все же дело обстоит проще. Ведь если, например, Вы пробурили скважину и скважина дает какую-нибудь одну или две тонны в день путем переливания, то Вы ведь тогда поставите, конечно, насос, потому что с насосом она даст 50–60 тонн в сутки. А в этом случае мы уже не будем брать с этой скважины как с фонтана, ибо там будет применяться механическая сила – насос. Если же скважина сейчас же после бурения будет давать 50 тонн, то Вы насос туда не поставите, ибо для Вас будет гораздо выгоднее получать нефть из этой скважины без насоса, но тогда мы с Вас будем брать с этой скважины доле отчисление, как с фонтанной нефти.

Накасато: Нам желательно все же сейчас получить от Вас разъяснение по этому поводу.

Гуревич: Я могу предложить Вам сейчас такую поправку, которая, наверное, разрешит этот вопрос. Вы нашу формулировку имеете. Она гласит следующее: “Упомянутая в абзаце 2-м настоя-

щего параграфа фонтанная нефть имеет в виду ту, которая получается самотеком”. После слов “самотеком” я предлагаю вставить: “количеством больше 5 тонн”, и дальше пойдем, как у нас написано: “от одной скважины без применения механической силы” Это будет означать, что все то, что будет ниже 5 тонн, то есть то переливание, о котором Вы говорили, сюда подпадать не будет.

Накасато: Все же этот вопрос нам нужно еще обдумать. Недавно Вы предложили, что абзац 4-й можно исключить. С этим мы тогда согласились, но, тем не менее, поскольку этот вопрос очень важный, нам придется теперь все вместе это обдумать.

Гуревич: Я не возражаю. Г-н адмирал, может быть, даст свою формулу?

Накасато: Да.

Гуревич: Переходим к § 19. Имеются ли возражения?

Накасато: Здесь в 1-м абзаце после слова “нефти” во второй строке надо вставить “асфальт” и потом еще другие продукты.

Гуревич: Какие же продукты?

Накасато: Газолин и легкие масла.

Гуревич: Вы говорите о продуктах, которые получаются без перегонки нефти?

Накасато: Полуфабрикаты. Г-н Иоффе согласился с тем, что когда мы получим в Охе легкую нефть, которую трудно будет перевозить в Японию, потому что летучие вещества в это время выдыхаются, то нам будет разрешено перерабатывать ее на месте.

Абазов: Как Вы получите газолин? Его можно получить двумя способами: или компримировать*, или же путем абсорбции** Но для этого нужны новые установки.

Накасато: Если Вам угодно просмотреть протокол, то Вам будет ясно. Там было сказано.

Гуревич: Мы тут вставим так, как было условлено в § 10. Там было сказано относительно нефти и кира.

Накасато: А полуфабрикаты?

Гуревич: Это могут быть и неочищенные масла?

Абазов: Там можно только получить газолин, если компримировать газы.

Гуревич: Я Вас понял. Речь идет о тех газах, которые Вы получите из нефти, богатой содержанием газ ов . Против этого г-н Иоффе не возражал, не возражаю и я. Это можно вставить.

* Подвергать газ сжатию компрессором для его сжижения с целью получить содержащиеся в нем вещества.

** То есть поглощением вещества из раствора твердым телом или жидкостью.

Значит, здесь в абзаце 1-м § 19 мы добавим относительно кира. Газолин здесь не прибавляется. Но с кира также надо платить долевое отчисление, ведь он что-нибудь стоит.

Накасато: На кир нет долевого отчисления, это наполовину или даже больше половины просто земля.

Гуревич: Я все-таки знаю, что мы за асфальт платим деньги, мы асфальтом покрываем улицы, и, по-видимому, он имеет какую-то стоимость. Но это не такой важный пункт, и я думаю, что мы здесь договоримся.

Накасато: Какую вещь Вы считаете киром?

Гуревич: Застывшие озера нефти. Это везде так считается. Об этом не стоит сейчас разговаривать. В конце концов, когда мы договоримся обо всем, то договоримся и о кире.

Накасато: Здесь у Вас написано, что ежегодно торговый представитель Японии... и т.д. Но так как такового нет, то я прошу в скобках прибавить, что пока еще нет торгового представительства, то разрешение может давать консульство.

Гуревич: Это очень трудный вопрос. Мы вчера об этом говорили с г-ном Окумурой. Я сказал, что он должен постараться, чтобы скорее был торговый представитель, и тем более это относится к нефтяным компаниям. Г-н Окумура обещал, что он приложит к этому все старания. Я буду очень рад, если это дело скоро разрешится. Если не будет торгового представителя, то по нашему законодательству консул этими делами не занимается, консул выдает визы, но разрешения на лицензии он не имеет права давать. Он подчинен Наркоминделу, а не Комиссариату внешней торговли. Комиссариат иностранных дел ни нефтью, ни асфальтом не занимается. Здесь будут значительные затруднения. Вам придется обращаться тогда в Хабаровск, как это было предложено и угольной делегации. Писать здесь ничего не стоит, но если торгового представителя не будет, то тогда, очевидно, Вам придется получать разрешения в Хабаровске или, может быть, телеграфно снести с Москвой, что Вы хотите вывезти такое-то количество нефти, и разрешение будет дано из Москвы. Думаю, что Вы будете иметь своего представителя в Москве. Когда разовьется у Вас дело, то Вам придется иметь представителя в Москве, который будет держать связь с хозяйственными органами Союза.

Накасато: Какое учреждение в Хабаровске дает разрешение на вывоз?

Гуревич: Там есть уполномоченный Народного комиссариата внешней торговли.

Накасато: А консул не может?

Гуревич: Нет. Консул не может этим заниматься, и поэтому я не могу здесь написать: консул. Г-н Каваками знает, что консулы у нас по крайней мере, не занимаются торговыми делами. Во всяком случае я думаю, что здесь больших неудобств для Вас не будет.

Я, во-первых, убежден, что в Японии будет торговый представитель. В этом я не сомневаюсь ни одну минуту. Я считаю, что, может быть, на переговоры пройдет* один—два месяца, но все же в Японии будет торговый представитель, поскольку он у нас есть во всем почти мире – Франции, Англии, Германии, Швеции, Норвегии и других странах. Но так как этот вопрос зависит не от меня и не от Вас, а от нашего и Вашего правительств, то не нам здесь за столом его решать (Накасато кивает головой).

Но, пока нет торгового представителя, Вам тоже будет не очень трудно получать разрешение. Вероятно, одного представителя в Москве Вы будете иметь, и тогда это будет для Вас очень просто. Вы тогда напишете ему, протелеграфируете ему, чтобы он получил разрешение в Народном комиссариате внешней торговли на вывоз 500 000 тонн нефти. Он получит в Народном комиссариате внешней торговли разрешение и по телеграфу Вам это передаст. Или аналогичное может сделать Ваш представитель в Хабаровске.

Накасато: Это еще вопрос, будет ли в Москве основано наше агентство или нет.

Гуревич: Насколько я знаю, все крупные концессии по крайней мере одного агента здесь имеют, если не целое агентство. Этот вопрос, конечно, всецело зависит от Вас. Мы не навязываем Вам этого, но мне кажется, что Вы без агента не обойдетесь. Практика работы показывает, что одного агента Вам придется в Москве иметь.

Мы написали здесь в § 19 “торговому представителю”, потому что торговый представитель у нас имеет право это делать. Если его не будет в Японии, то придется это делать в Хабаровске или в Москве. Это лишний раз послужит причиной для того, чтобы Вы по приезде в Японию сказали еще раз, что надо иметь торгового представителя, ибо иначе нельзя будет работать.

Накасато: Если мы так напишем здесь сейчас, а тем временем торговое представительство будет в Японии создано, то, слава Богу, а если нет, то, имея здесь эти слова, на деле мы ни от кого не сможем получить разрешения. Так что, может быть, здесь в скобках написать: “или надлежащим властям”

* Так в тексте. Очевидно, следует читать “уйдет”.

Гуревич: Можно написать так: “торговому представителю СССР в Японии или соответствующему органу Народного комиссариата внешней торговли в СССР”

(Конрад переводит).

Гуревич: Значит, 1-й абзац принимается.

Накасато: Да.

Гуревич: Переходим ко 2-му абзацу.

Накасато: Абзацы 2-й и 3-й заключают в себе очень важный для нас вопрос. В основном Пекинском договоре в п. 6 сказано, что концессии на Сахалине будут предоставлены японским Обществам ввиду того, что Япония имеет небольшие ресурсы ископаемых. Из этого уже видно, как это для нас важно. Прошлый раз Вы, г-н Гуревич, изволили заметить, что для Японии очень важно, чтобы правительство брало доленое отчисление не натурой. Мы хотели, конечно, Вам сказать, что будем платить деньгами, но не могли этого, потому что в договоре Пекинском сказано “output”*, что почти означает “натура”. Поэтому мы и предложили Вам так платить деньгами. Однако надо сказать, что в действительности в Японии сильно чувствуется недостаток нефти. Я еще в июне месяце, то есть за две недели или за 15 дней до отъезда из Японии, служил еще во флоте. Поэтому особенно хорошо осведомлен с этой стороны. И действительно, как для внутренней потребности, так и для нашего военного дела, то есть обороны, нефть является самым важным продуктом, а между тем, как Вам известно, в Японии нефти не особенно много. В этом отношении Япония очень бедна. Поэтому она ежегодно привозит очень много нефти, и мы ищем всегда откуда-нибудь добыть эту нефть. Между тем тут у Вас указано, что 50% нефти, добываемой нами, Вы когда угодно можете у нас купить. Здесь это так сказано, что нет никакой возможности для нас этой нефти не дать. И если такой договор мы здесь заключим, то правительство и народ японский, наверное, будут очень недовольны. В первый раз, когда мы с Вами заседали здесь, мы высказали пожелание, чтобы этого в договоре не было, то есть чтобы этой добытой нефтью нам разрешили пользоваться. Тут же мы видим в этом проекте договора, что половина добытой нефти должна быть когда угодно Вам предоставлена. Поэтому мы и раньше, и сейчас смеем Вам предложить, что если Вам угодно оттуда иметь нефть, то дайте нам на разработку половину участков, которые будут в Вашем пользовании. Мы взяли бы подряд на эту разработку и предоставили бы Вам нужное количество нефти. Мы же

* Продукция (англ.).

желаем, чтобы Вы наше концессионное предприятие от этого освободили. Этот вопрос очень важен для нас, в особенности эту острую нужду чувствует наше правительство, и председатель г-н Гуревич это хорошо знает. Весь наш народ на это смотрит очень серьезно, и поэтому нам очень желательно, чтобы Вы для нас это устранили.

Гуревич: Мы совершенно искренне хотим помочь и японскому народу, и японскому правительству в деле снабжения нефтью. Когда мы писали этот параграф, то не имели в виду ничего другого, кроме того, чтобы лишь обеспечить за собой это право на всякий случай. Г-н адмирал повторил, что Япония нуждается в нефти, потому что у себя ее не имеет, и поэтому я предложил доленое отчисление перевести на деньги. Тут не имеется в виду, что мы всегда будем покупать половину нефти. Речь идет об исключительных случаях.

Если Вас смущает цифра 50%, то это можно уменьшить, но у нас должно быть право купить нефть. То, что Вы говорите о флоте, для меня совершенно понятно. Для Японии вопрос о сахалинской нефти – это вопрос об обороне. Тем более осторожно мы к этому вопросу подходим.

Накасато: Это для нас и для Вас очень важный вопрос, и над этим надо будет еще очень много подумать. Поэтому мы просим Вас отложить это на одно из последующих заседаний, а сейчас перейти к следующему пункту.

Гуревич: Я не возражаю. В стенограмме мы, значит, зафиксируем так, что 2-й и 3-й абзацы будут подвергнуты дополнительному обсуждению.

Накасато: Мы согласны.

Гуревич: Переходим к § 20. Какие у Вас замечания по этому параграфу?

Накасато: Относительно всех этих налогов, сборов, всякого рода обложений и социального страхования и пр., что усматривается здесь в § 20, раньше, когда изволил председательствовать г-н Иоффе, то мы предложили, что нельзя ли так устроить, чтобы сбор, налог был единый. Нам тогда ответили, что это возможно, но что процент, предложенный нами, слишком низкий и что такой процент неприемлем. От г-на Иоффе мы услышали такое заявление, и тогда мы попросили отложить обсуждение этого вопроса на другой раз. Тогда наша точка отправления была – добыча в 500 000 тонн, и мы наметили единый налог в размере 1% с этого количества. Когда это будет 1 млн тонн, мы считали, что этот размер будет 2%. Теперь мы такое мнение уже отбросили. Сейчас мы хотим уплачивать один определенный процент с на-

стоящей действительной добычи с тем, чтобы, установив этот процент, мы были освобождены от всех налогов и сборов и социального страхования и проч. Мы думаем предложить Вам с действительной добычи 3%. Если мы сравним это наше предложение с нашими японскими подобного рода предприятиями, с тем, во что это там обходится, то в Японии промысловый налог только 1%. А что касается другого налога, то он составляет от чистой прибыли 5%. А если нет прибыли, то тогда ничего не платится. У нас с нефтяного участка берут с 10 000 кен*. Это приблизительно будет довольно большое количество, по-русски – около 3 десятин. Берут только 7 иен, что по теперешнему курсу составляет 6 руб. В этом отношении в Японии этот налог гораздо ниже, чем у Вас. Если мы предлагаем Вам 3%, то в Японии скажут, что при таких больших налогах, сборах и всякого рода обложениях наши акционеры будут очень недовольны, и мы этим их охоту совсем убьем. Поэтому нам хотелось бы ограничиться даже 2%. Но, имея в виду, что для Вас такая цифра не годится, мы Вам предлагаем 3%, но зато чтобы мы были освобождены от всех обложений, в том числе и от социального страхования.

Гуревич: Я хочу в этом вопросе пойти Вам навстречу. Но прежде всего я должен разграничить налоги от социального страхования. Социальное страхование никакого отношения к налогам не имеет. Налоги взимаются Народным комиссариатом финансов, социальное страхование это есть дело Комиссариата труда. Это дело страховой кассы, и тут заинтересованы профессиональные союзы. § 20 говорит о налогах и не касается социального страхования. О социальном страховании говорится в § 30. Нельзя сравнивать налоги с социальным страхованием. Социальное страхование, если бы Вы не платили его в страховые кассы, то все равно должны были заплатить рабочему, если он заболел и не выйдет на работу, если у него кто-нибудь умрет. Социальное страхование взимается не в пользу государства, государство не получает из этих сумм ни одной копейки. Все это целиком идет рабочему. Это страхование от инвалидности, от несчастных случаев, страхование по болезни от временной или постоянной утраты трудоспособности, на время родов, на случай смерти, от безработицы и т.д. Это не есть государственный доход, а наоборот, если хотите, здесь государство имеет некоторые расходы по содержанию аппарата.

С этой стороны Вы должны вопрос о социальном страховании совершенно оставить в стороне. Что касается вопроса о на-

* Японская единица длины, равная 1,818 м.

логах и сборах, то я готов здесь пойти навстречу в том смысле, что мы установим единый налог. Но это можно сделать, кроме одного налога, или, вернее, сбора, который нельзя сюда включить. Это – гербовый сбор с тех бумаг и заявлений, которые Вы пишете, и договоров, которые Вы заключаете. Сбор очень небольшой, словом, в год это будет несколько сот рублей. Это мелочь, о которой не стоит разговаривать. Все основные налоги мы включим в один паушальный налог. У меня есть расчет, сколько платят наши государственные предприятия:

1. Промысловый налог с надбавкой в местные средства	1,17%
2. Подоходный налог с надбавкой в местные средства	0,83%
3. Местный налог со строений	0,02%
4. Местный налог с древесины	0,2%
5. Местный налог с грузов	1,6%
6. С транспортных средств	0,02%
<hr/>	
Все обложение в процентах к обороту	3,84%

Итого получается всего обложения 3,84%. Если будет на Сахалине организован наш государственный трест, то он будет платить 3,84%. Я готов и Вам предложить те же условия: установить вместо всех этих налогов один налог – 3,84%, но, повторяю, это не касается соц[иального] страхования, ибо это не имеет сюда никакого отношения. Если бы Вы не платили социального страхования, то все равно при невыходе рабочего по болезни на работу ему нужно платить. Если рабочему оторвет руку, то Вы должны ему также платить. У нас Вы этого платить не будете, это будут платить страх[овые] кассы, а Вы будете делать туда страховые взносы. Я поэтому предлагаю вести переговоры в такой плоскости, что мы установим паушальный налог, причем в основу положим те расчеты, по которым платят наши государственные предприятия. Вопрос соц[иального] страхования стоит отдельно, и тут мы никаких изменений сделать не можем. Здесь вопрос касается законов, охраняющих рабочего, и, повторяю, государство не имеет здесь ни одной копейки.

Накасато: Сейчас мы слышали от Вас объяснения, из которых нам стало ясно, какие это налоги. По-вашему выходит, что социальное страхование – это совсем другая вещь и гербовый сбор тоже отдельно уплачивается. Но мы раньше думали, что пока мы не имеем чистой прибыли, то ничего не должны платить, но потом ре-

шили, что нельзя же все-таки не платить Вам ничего. Имея это в виду, мы предложили 3%. Но если бы мы знали о соц[иальном] страховании и гербовом сборе, то мы предложили бы другое, потому что это не входило в наш расчет. Нам нужно еще подумать, потому что сейчас только Вы нам выяснили, что действительная сумма всех государственных налогов, сборов и проч. 3,84%. Мы только первый раз это услышали. До сего времени мы получили от Вас книгу, но ориентироваться точно не смогли. Поэтому мы просим Вас дать нам еще подумать. Сейчас мы не можем Вам ответить, сколько мы предполагаем платить, и просим оставить до другого раза, когда мы будем обсуждать вопрос о долевом отчислении.

Гуревич: Я предложил бы этот параграф не откладывать, потому что получается, что наиболее серьезные параграфы будут откладываться. У нас остался невыясненным вопрос о долевом отчислении, теперь останется невыясненным вопрос о налогах, и это, конечно, очень затруднит дальнейшую работу. Я хочу указать только на то, что г-н адмирал не сказал полностью относительно японских налогов. Он указал, что там взимается промышленный налог, но в Японии ведь существуют и другие налоги, как-то: местный налог, налог с грузов и т.д. Затем я не знаю, имеется ли в Японии социальное страхование или нет, но в прошлый раз г-н адмирал сказал, что то, что нужно платить по социальному страхованию, то у Вас в Японии также платится. Ведь если рабочий не выходит на работу, Вы ведь ему платите?

Я хочу еще раз сейчас подчеркнуть, что вопрос о социальном страховании никоим образом нельзя рассматривать вместе с вопросом о налогах. Поэтому я предлагаю вести обсуждение раздельно, то есть отдельно по вопросу о налогах и отдельно по вопросу о социальном страховании.

Что касается гербового сбора, то я должен сказать, что он представляет собой сущие пустяки. У нас выходит, по расчетам Народного комиссариата финансов, от 300 до 600 руб. при оптовой продаже с одного миллиона пудов. Причем гербовый сбор платится только тогда, когда договор заключается на территории Союза. Если же Вы вывозите нефть к себе, то никакого гербового сбора Вы по договору, заключенному в Японии, по закону не платите. Поэтому я не могу включить гербовый сбор в общую паушальную сумму, потому что это не есть какой-нибудь налог или сбор, который обязательно подлежит взиманию при всех обстоятельствах, а это есть сбор случайный, который может быть неодинаковым каждый год. Так что, г-н адмирал, вопрос о гербовом сборе пусть Вас ни в какой мере не волнует, ибо только при заключении договора продажи у нас, на территории Союза,

Вы будете его платить. К тому же должен сказать, что этот гербовый сбор составляет всего $\frac{1}{10}\%$ с торговой биржевой сделки и $\frac{2}{10}\%$ с торговой внебиржевой сделки. То есть он составляет очень и очень небольшую сумму. Поскольку Вы у нас на территории не думаете продавать нефть и не будете заключать такие договора, постольку Вам и не придется платить этот гербовый сбор. Тот паушальный сбор, который я Вам дал, он покрывает все налоги и сборы, за исключением гербового.

Я Вам в самом начале уже сказал, что мы не можем дать Вам больше льгот, чем нашим государственным предприятиям. Между тем по долевному отчислению уже мы даем Вам такую льготу, ибо наши государственные нефтяные предприятия по долевному отчислению в этом году будут платить около 18%, тогда как с Вас мы максимум берем 15%. Налоги наши государственные тресты будут платить 3,84%, и не можем же мы Вам здесь тоже предоставить льготы.

Хотя наши тресты платят больше, чем требуем с Вас, но Вы все-таки знаете, что они продают нефть за границу и продают ее с прибылью для себя. Мы в этом году экспортировали за границу 84 000 000 пудов нефти и очень хорошо на них заработали. Значит, получается, что можно платить и долевого отчисления, и налоги и при этом хорошо зарабатывать. Предположим, что условия на Сахалине несколько худшие, чем в Баку, и предположим, что там будет несколько труднее работать, так что прибыль там будет несколько меньшая. Но и тогда я должен сказать, что она будет все же достаточно хорошая, ибо нефть вообще дает очень большую прибыль. Тем более, что у Вас в данном случае есть преимущество перед нашими государственными предприятиями, ибо Вы будете платить меньше долевого отчисления. Мы Вам даем этим, повторяю, большую льготу, и нельзя требовать от нас, чтобы мы Вам дали еще больше льгот.

Накасато: Разрешите сделать маленькую поправку к тому, что было сказано. Мы сказали, что 7 иен платим правительству за 3 десятины. Но по отношению к такому предприятию, которое будет на Сахалине, это составляло бы в Японии всего 5 иен.

Относительно налогов и сборов мы услышали сейчас Ваше объяснение, но я в этом деле совсем не специалист. Поэтому нужно устроить совещание у нас по этому вопросу. Только после этого совещания мы сможем Вам ответить на этот вопрос. Мы, конечно, очень сожалеем, что такой важный вопрос откладывается, но мы Вас убедительно просим и это отложить на другой раз.

Гуревич: Я не смею, конечно, настаивать. Если для Вас вопрос еще неясен, то, конечно, придется его отложить. Я хочу об-

ратить лишь Ваше внимание на то, что Вы здесь говорили, что в Японии доленое отчисление очень маленькое. Там это вполне понятно, потому что в Японии нет нефти и японское правительство крайне заинтересовано в том, чтобы эту нефть искали. Поэтому японское правительство и предоставляет в этом вопросе всяческие льготы. Но возьмите Вы страны, которые имеют большие нефтяные источники, как Америку или наш Союз Советских Республик. Там Вы этих льгот не имеете. В Америке тресты платят значительно выше и доленое отчисление, и налоги. Наши тресты платят значительно выше, чем Вы говорите. Если бы Вы стали искать у нас нефть там, где ее нет, то есть если бы Вы просили у нас концессию, например, в Курской губернии, где, мы знаем, никакой нефти нет, тогда мы также, конечно, освободили бы Вас от всех этих налогов и отчислений. Но когда Вы просите концессию на Сахалине, где, как Вам и нам достаточно известно, нефть имеется, то сравнивать это с политикой японского правительства никак нельзя. Японское правительство в данном вопросе ведет вполне правильную политику, и мы, будучи в таком положении, вели бы, конечно, такую же политику. Но поскольку вопрос идет о нефтеносных недрах, то нельзя ставить вопрос о том, чтобы мы не брали такое доленое отчисление. Я должен Вам сказать, что доленое отчисление, например, в Мексике в 2—2½ раза больше, чем у нас, а между тем Вы знаете, что Мексика нефть вывозит и выгодно вывозит, хотя там высокое доленое отчисление, налоги, и хотя там также существует социальное страхование. Мы считаем, что даже после уплаты нам налогов, доленого отчисления и социального страхования та нефть, которую Вы будете вывозить из Сахалина, будет значительно дешевле той, которую Вы покупаете в Америке.

Я не возражаю против того, чтобы этот вопрос сейчас отложить, но прошу обсуждать отдельно вопрос о социальном страховании и о налогах. Вместе эти два вопроса мы никак обсуждать не можем, и поэтому я еще раз прошу в следующий раз, чтобы мы обсуждали эти вопросы раздельно, то есть отдельно по налогам и отдельно по социальному страхованию.

Разрешите перейти к § 21.

Ватанабэ: Разрешите еще задать Вам несколько вопросов по 20-му пункту.

Гуревич: Пожалуйста.

Ватанабэ: Нам неясно, из какого основания Вы исчисляете налоги в ведомости налогов, которую Вы нам передали. Если это возможно, то разъясните.

Гуревич: Это считается с оборота.

Ватанабэ: Мы желали бы здесь слышать объяснения по всем пунктам.

Гуревич: Во всех пунктах уплата исчисляется с оборота предприятия. Вернее так, что в действительности не уплачивается с оборота, но мы, для того чтобы Вам было ясно, сделали перерасчет и перевели все это на базис оборота.

Ватанабэ: Когда Вы составляли эту таблицу то, должно быть, имели в виду, какие именно суммы на постройку и на другие расходы будут нами израсходованы. Если Вы все это там имели в виду, то из какой цифры Вы там исходили?

Гуревич: На основании тех законов о налогах, которые были Вам переданы, расчет был сделан на добычу в 1 млн пудов, и было установлено процентное отношение к добыче в миллион пудов.

Ватанабэ: Нельзя ли сделать так. Если мы будем сейчас обсуждать эти цифры, то мы напрасно будем дольше сидеть. Нам, может быть, прислали бы кого-нибудь, чтобы он нас с этими расчетами ознакомил.

Гуревич: Я попрошу Народный комиссариат финансов, и он командировывает к Вам сотрудника, который вместе с Вами разберет это дело.

Накасато: Чем скорее, тем лучше.

Гуревич: Сотрудник завтра к Вам явится. Относительно часа Вам позвонят из Наркомфина.

Таким образом, § 20 откладывается. Разрешите перейти к § 21. Какие есть возражения против § 21?

Накасато: В 1-м абзаце в 6-й строчке мы желали бы исключить слова: “не запрещенные к ввозу”. Вот здесь наши пожелания и поправки к параграфам 21 по 25 (передает).

Дальше после слова “продовольствие” надо было бы сказать, что к[онцессионе]ру предоставляется право разрешить рабочим и служащим брать с собой те предметы, которые они имеют, то есть багаж для ежедневного употребления, совершенно свободно. Дальше во 2-м абзаце и в 3-м сказано относительно торгового представителя, и здесь нужно прибавить то, о чем мы говорили раньше. Относительно абзаца 4-го наша просьба – его исключить и перенести в следующий параграф, а на место его поставить наше предложение. Тут много пунктов, и сейчас мы их перечислим.

Гуревич: Разрешите идти по абзацам. В 1-м абзаце Вы просите вычеркнуть слова “не запрещенные к ввозу на Сев[ерный] Сахалин”

Накасато: Да.

Гуревич: Мы на это не можем согласиться, потому что, как я вчера уже объяснял, тут имеются в виду такие предметы, кото-

рые мы вообще не разрешаем ввозить, как, например, водка, ликеры, коньяк, огнестрельные припасы, опиум. Это те предметы, которые мы запрещаем ввозить. Список этих предметов очень ограничен, мы можем Вам его передать, но я хочу Вас предупредить, что этот список меняется. Правительство может в любой момент издать закон о запрещении ввоза и др[угих] предметов. Поэтому этот список не может считаться частью договора. Мы не можем также согласиться, чтобы Вы ввозили такие предметы, которые не являются предметами потребления, продовольствием и которые запрещены к ввозу.

Накасато: Недавно мы Вам передали на рассмотрение предметы, которые мы собираемся ввозить на Сахалин. Если есть ограничения для багажа рабочих и служащих, то желательно, чтобы это не распространялось на багаж служащих и рабочих, работающих на С[еверном] Сахалине. Область восточного побережья севера Сахалина – такая область, где условия жизни очень трудные. Вы не можете себе представить, каковы там условия. Мы не особенно знакомы, поверхностно знаем, но все же видим, что очень много предметов, запрещенных к ввозу. Если принять это, тогда нечего будет ввозить и наши рабочие и служащие будут страдать от недостатков. Мы вообще не говорим о таких вещах, как алкоголь или опиум, из нашего списка Вы можете увидеть, что наше Общество туда собирается ввозить.

Гуревич: Что касается личного имущества рабочих и служащих, то тут мы предлагаем такую редакцию: “Личное имущество рабочих и служащих допускается к беспрепятственному и беспошлинному ввозу по списку, утвержденному торгпредом”

Накасато: Может быть, на нашей описи Вы отметите, что запрещено к ввозу, мы это посмотрим и попросим Вашего разрешения на ввоз.

Гуревич: Ту опись, которую Вы представите, мы рассмотрим, и после заключения договора мы дадим Вам разрешение. Но это не относится к тому, что я сейчас говорил. Я сейчас говорил по тому пункту, на который Вы указывали. Вы принимаете эту редакцию по отношению к рабочим и служащим, которую я сейчас огласил. Это есть то, что Вы только просили, то есть багаж рабочих и служащих.

Накасато: А если этого торгового представителя не будет, тогда как?

Гуревич: Мы не возражаем, чтобы вставить здесь, как и раньше сделали это: “или соответствующих органов Народного комиссариата внешней торговли”.

Накасато: Получится, значит, что если торгового представителя не будет, то придется получать разрешение по телеграфу в Москве? Так как предметов будет слишком много, то это будет нам весьма тяжело.

Гуревич: Это, конечно, будет тяжело. Но я не волен здесь что-нибудь сделать. Если бы Вы разрешили мне послать туда торгового представителя, то это было бы, конечно, просто и легко. А при существующем положении придется, наверное, выработать общий список того, что может быть туда ввезено.

Накасато: Эту опись, которая у Вас лежит, может быть, Вы рассмотрите и дадите разрешение.

Гуревич: Хорошо, этот список мы рассмотрим самым подробным образом и дадим Вам ответ. Я его сейчас слегка просмотрел, и мне кажется, что запрещенных предметов там как будто бы не видно.

Разрешите все же вернуться к данному параграфу. Я начну его читать сначала и буду останавливаться на тех поправках, которые внесены.

Первое Ваше предложение – это чтобы вставить слова “свободно и неограниченно”. Я полагаю, что Вас, очевидно, удовлетворяет, если мы поставим так: “Концессионер имеет право беспрепятственного, беспошлинного и без оплаты лицензионным сбором ввоза”, то есть предлагаю здесь вставить слово “беспрепятственного”.

Накасато: А “не запрещенные к ввозу” оставляются?

Гуревич: Я начал абзац сначала и взял Вашу поправку, которую Вы мне только что передали. К тому, что Вы говорите, мы еще подойдем. Сейчас я предлагаю вначале вставить слово “беспрепятственного”.

Накасато: Против этого ничего не имеем.

Гуревич: Следующая Ваша поправка была: вычеркнуть слова “не запрещенных к ввозу на Северный Сахалин”. Я согласен это вычеркнуть. Причем хочу Вас предупредить, что это отнюдь не означает, что мы будем пропускать туда запрещенные предметы, потому что во 2-м пункте сказано, что торгпред утверждает список, так что если будут такие предметы, как опиум, водка и т.п., то торгпред просто это вычеркнет. Об этом я хочу Вас предупредить.

Накасато: (кивает головой).

Гуревич: Значит, возражений нет?

Накасато: Ничего не имеем против.

Гуревич: Следующая Ваша поправка была относительно багажа рабочих и служащих. Я предлагаю по этому вопросу в

конец 2-го абзаца добавить: “личное имущество рабочих и служащих допускается к беспрепятственному и беспошлинному ввозу по списку, утвержденному торгпредом”.

Накасато: А к 1-му абзацу это нельзя прибавить?

Гуревич: Это логически больше подходит ко 2-му. Раз мы говорим о списке, утвержденном торгпредом, то поскольку об этом говорится во 2-м абзаце, а не в 1-м, то эту прибавку нужно отнести ко 2-му абзацу.

Накасато: Вы сказали сейчас относительно беспрепятственного и беспошлинного ввоза. А как относительно лицензий?

Гуревич: Я не возражаю против того, чтобы это здесь добавить. Дальше у Вас здесь имеется, что концессионер имеет право вывозить. Но ведь это право надо дать рабочим и служащим, но не концессионеру. Этот пункт предлагаю сформулировать так: “Личное имущество рабочих и служащих концессионного предприятия допускается к беспрепятственному, беспошлинному и без оплаты лицензионным сбором ввозу и вывозу по списку, утвержденному торговым представителем СССР в Японии или соответствующими органами НКВТ в СССР”. Я предлагаю это поставить уже не здесь, а поставить это отдельным абзацем дальше.

Конисси: Значит, это будет отдельный пункт?

Гуревич: Мы потом разметим, куда это поставить. Но пока принимаем в принципе. Значит, это тоже принято?

Накасато: Мы не возражаем.

Гуревич: Во 2-м абзаце Вы просите добавить то, что мы уже приняли. Везде будет вставлено добавление: “или соответствующего органа Народного комиссариата по внешней торговле в СССР”.

Дальше Вы просите вычеркнуть абзац 4-й.

Накасато: Этот пункт мы хотели бы перенести в другой параграф, но только с поправкой. Здесь мы не думаем, чтобы торговать этими предметами и иметь доход, а думаем давать этот товар рабочим и служащим по себестоимости, и мы ничего не будем иметь по этой части. Но тогда не нужно будет участие горного надзора при рассмотрении цен, раз мы будем продавать по себестоимости.

Гуревич: Я не возражаю, чтобы Вы передавали* эти предметы рабочим и служащим по себестоимости, но себестоимость будет проверяться начальником горного округа. Это не потому, что я не доверяю г-ну адмиралу или Обществу, которое он представляет, но дело в том, что если предметы будут доро-

* Так в тексте. По-видимому, правильно “продавали”.

ги, то рабочие и служащие обратятся к профессиональному союзу. Поэтому мы и говорим, что цены будут проверяться начальником горного округа, чтобы не было никаких недоразумений с рабочими. Это только выгодно для концессионера. Рабочие будут знать, что это действительно цены себестоимости. Здесь можно будет поставить вместо слов “по ценам” слова “по себестоимости, утвержденной начальником горного округа Сев[ерного] Сахалина”.

Накасато: Против этого у нас возражений нет.

Гуревич: Вы хотите этот абзац переставить в параграф 22?

Накасато: Нет, можно оставить и здесь.

Гуревич: Дальше Вы предлагаете указать, что концессионер имеет право экспортировать предметы, ввозимые для временного пользования на концессионных предприятиях, и возвращать обратно по миновании надобности машины, предметы и оборудование, ввезенное подрядчиком. Этот пункт возбуждает у меня некоторые сомнения. Вы помните тот пункт, который мы обсуждали и указывали, что концессионер не имеет права закладывать имущество концессионного предприятия и проч. Здесь создается обходное движение, по которому все оборудование может быть рассматриваемо как подрядное оборудование. Чем мы гарантированы, что Общество не сдаст японскому подрядчику одну буровую за другой? Подрядчик ввезет оборудование, а потом его будет вывозить. Когда концессионное предприятие должно будет перейти к нам, то мы останемся без оборудования. Этот параграф я должен категорически отклонить.

Ватанабэ: Может быть такой случай, что нам надо будет строить резервуар. Мы не специалисты по этой части, и нам придется пригласить Общество, ставящее механическое оборудование, чтобы оно спроектировало и построило это. Оно примет подряд и со своими материалами и с оборудованием будет строить. Может быть случай, когда нам нужно будет проводить дековильку. Нам пришлось бы хлопотать самим, приглашать специалистов, а нам проще сдать в подряд, платя с версты. Нам это гораздо удобнее. Но если подрядчик будет строить резервуар или дековильку, то он должен иметь право по окончании работы уехать вместе со своими инструментами и оборудованием. Если он не сможет вывозить материалы и имущество свое, а оно должно будет остаться у нас, то это будет большое неудобство. Ведь когда он уйдет, то останется целое сооружение. Нам пришлось бы ему сказать, что он не имеет права вывозить ни инструменты, ни остатки материалов. Это будет тогда дорого стоить, и никакой подрядчик, никакое механико-строительное общество не возь-

мет подряда. Тогда нам придется самим строить. Но наше дело – бурить и добывать нефть.

Гуревич: В договоре нельзя предвидеть все случаи жизни. Если начать писать договор, чтобы все предусмотреть, то нужно будет написать не 47 пунктов, а 2047. На то, что объяснил г-н адмирал, конечно, мы дадим разрешение. Если вы заключите подряд на сооружение бака, то мы дадим разрешение на ввоз и вывоз необходимого для него оборудования. Но если вписать так, как предлагаете Вы, то Вы сможете использовать это право не только для этого. Тогда можно так сделать, чтобы сдать в подряд оборудование всех скважин и потом все его вывезти. Так писать нельзя, потому что это допускает распространительное толкование. Но то, что Вы предлагаете, это мы разрешим, нет сомнений. Но не следует писать об этом в договоре.

Ватанабэ: Если Вы считаете, что наша поправка слишком обширна, то мы готовы ее исправить, но, тем не менее, нам желательно это оставить, потому что если это право не будет точно оговорено, то это будет для нас очень неудобно. Поэтому убедительно просим Вас во 2-м пункте сказать: “временно ввозимые вещи и предметы могут быть опять вторично вывозимы”. Если вещи нужны для временного употребления, то желательно, чтобы Вы нам разрешили их вторично вывозить. Например, когда топографические работы делаются, то непременно нужно приезжать с приборами, и когда возвращаются в Японию, то берут эти приборы с собою обратно. Об этом мы предлагаем сказать во 2-м пункте. Иначе нам будет очень трудно.

Гуревич: Я теперь понял Вашу мысль, г-н Ватанабэ, и я постараюсь теперь формулировать эту мысль так, чтобы удовлетворить Вас. Я раньше не понял Вас, потому что у Вас это было так широко формулировано, что можно было подвести под это что угодно. К следующему заседанию я постараюсь приготовить формулировку, которая удовлетворила бы и Вас, и нас.

Накасато: Согласен.

Гуревич: Сейчас уже поздно, но я хотел бы пройти те параграфы, которые Вы нам дали. Если Вы не возражаете, то мы продолжим наше заседание сегодня немного позже.

Накасато: Против этого ничего не имеем, но разрешите нам сказать несколько слов.

Гуревич: Пожалуйста.

Накасато: Вы сказали, что багаж наших рабочих и служащих можно будет взять по соответствующему разрешению властей. Желательно было бы нам, чтобы, когда оттуда рабочие и

служащие возвращаются, им опять не пришлось брать разрешение, ибо это было бы для нас очень неудобно.

Гуревич: Это, конечно, можно сделать. Когда рабочие приезжают, они берут разрешение на ввоз, а когда они уезжают, то на этих списках просто ставится штампель. Так что те предметы, которые рабочие ввезут, они смогут их таким же образом вывезти.

Разрешите, значит, считать § 21, за исключением этого нового пункта, который будет сформулирован, принятым.

Накасато: Относительно этого параграфа мы ничего не имеем, но так как редакция эта сделана второпях, то мы вернемся домой и там это еще раз пересмотрим. Если будут у нас еще какие-нибудь поправки, то мы это внесем. Но в общем мы ничего против этого параграфа не имеем.

Гуревич: Не возражаю. Переходим к § 22.

Накасато: Против § 22 мы также ничего не имеем, но только во 2-м абзаце сказано: “свободно и беспрепятственно”. Это значит в том смысле, что беспошлинно и без лицензий?

Гуревич: Можно даже, чтобы не было сомнений, написать так, как мы писали раньше: “беспрепятственно, беспошлинно и без оплаты лицензионного сбора”. То есть последний абзац будет читаться таким образом: после слов “предоставляется право” будет написано: “беспрепятственно, беспошлинно и без оплаты лицензионного сбора вывозить обратно за границу”.

(Накасато кивает головой).

Гуревич: Переходим к § 23.

Накасато: Здесь мы желаем после слов “как на разведочных площадях, так и эксплуатационных участках” добавить: “и нефтеочистительных сооружений и прочих подсобных предприятий”. Причем, так как это связано с § 24, может быть, обсудить это после § 24? Относительно рафинирования, поскольку это есть в следующем параграфе, мы согласны, чтобы отсюда это исключить, а здесь добавить только: “и подсобных”.

Гуревич: В § 24 сказано, что Вы имеете право устраивать подсобные предприятия. Там сказано: “Концессионер имеет право на срок, не превышающий срока концессии, устраивать на разведочных площадях и эксплуатационных участках, а также и на участках, получаемых для этой цели на особых условиях вне указанной территории, всякого рода подсобные сооружения” Так что здесь повторять этого не следует.

Накасато: В § 24 сказано: “сооружения”, а мы здесь хотим сказать – “подсобные дела”. В этом есть небольшая разница.

Гуревич: Я не возражаю против того, чтобы написать здесь “и для подсобных предприятий, указанных в § 24”.

Конрад: Они хотят здесь сказать так, что как на разведочных площадях, на эксплуатационных участках, так и на участках, занятых подсобными предприятиями, им предоставляется это право.

Гуревич: Тогда здесь надо сформулировать так: “как на разведочных площадях и на эксплуатационных участках, так и на участках, занятых подсобными предприятиями, указанными в § 24 настоящего договора”

Накасато: В § 24 сказано: сооружения, а здесь – предприятия.

Гуревич: Это то же самое.

Накасато: Здесь мы хотим сказать о том, чтобы нам было разрешено устраивать для рабочих и служащих концессионного предприятия школы, кинематографы, театры и т.д., а также электрическую станцию для освещения и т.п.

Гуревич: Вчера мы внесли добавление в этом смысле в угольный договор, и это же, конечно, можно внести и в этот договор, но в другом месте – в следующем § 24.

Накасато: Тогда от нашей поправки мы отказываемся.

Гуревич: Значит, поправки здесь мы вносить не будем.

Накасато: Далее мы считаем, что нужно добавить: “воды и земли”.

Гуревич: О воде будет в § 27, а здесь речь идет о земле.

Накасато: Здесь нам желательно также, чтобы было сказано, что нам разрешается также пользоваться водной поверхностью.

Гуревич: Как хотите, можно и здесь. Лучше это вставить в § 27, ведь здесь речь идет о земле.

Накасато: Если такая поправка будет внесена в § 27, то здесь мы ничего не имеем возразить.

Гуревич: Да, в § 27 мы такую поправку примем.

Накасато: Относительно пользования поверхностью мы понимаем, что это разрешается безвозмездно. Так это или нет?

Гуревич: Конечно, так и понимается. Вы хотите это оговорить?

Накасато: Да, просим это вставить.

Гуревич: Значит, в абзац 1-й мы после слов “предоставляется право” вставим “безвозмездно” Значит, 1-й абзац принимается?

Накасато: Да. Далее, во 2-м абзаце в 1-й строке сказано: “на поверхности указанной территории...”. А мы хотели бы после слова “территория” вставить “и в окрестностях района”.

Гуревич: Тут говорится о территории концессии. Раз будет идти речь о территории вне концессии, это понятно, но нельзя написать “окрестности” района, потому что неизвестно, каков радиус этих окрестностей.

Накасато: Мы это говорим в том смысле, что нам нужно будет иметь огороды, поля или что-нибудь другое. Это надо иметь для продовольствия, и нам хотелось бы, чтобы это было поблизости.

Гуревич: Тогда это можно сформулировать так: “на поверхности указанной территории, а также вне ее концессионеру по соглашению с местными органами НКЗ отводится...” и т.д.

Накасато: Мы согласны.

Гуревич: Значит, 2-й абзац также принимается.

Накасато: К 3-му абзацу у нас возражений нет.

Гуревич: Значит, весь параграф можно считать принятым.

Какие возражения есть у Вас по § 24?

Накасато: Здесь на 4-й строке сказано: “На особых условиях”. Какие это условия, мы не знаем. Мы хотели бы прямо поставить здесь, что безвозмездно.

Гуревич: Особые условия относятся к территории вне концессии.

Накасато: Какие это условия?

Гуревич: Небольшая плата, гроши.

Накасато: Разрешите сказать, что для предприятия необходимо строить дороги, дековильку или что-нибудь подобное. Может быть, нам предоставили бы это право безвозмездно?

Гуревич: Для нас центр тяжести не в этой оплате. Мы не разбогатеет от 25 руб., которые Вы уплатите. Но речь идет о другом. Там будут квадраты и Ваши, и наши. Нужно, чтобы было соглашение между нами, где и как строить. Поэтому здесь можно сказать: “а также на участках, получаемых для этой цели по соглашению с местными властями на Сахалине”

Накасато: А это бесплатно?

Гуревич: Это ведь никакой роли не играет для нас. Не стоит даже об этом говорить, по-моему, г-н адмирал.

Накасато: Там будут довольно большие пространства.

Гуревич: Мне говорят, что можно согласиться, чтобы было бесплатно (смех). Тогда мы скажем так: “получаемой для этой цели безвозмездно”

Накасато: Здесь в § 24 имеются слова “как-то”. Это в каком смысле употреблено? Значит ли это, что только нижеуказанные предметы разрешаются, или этим подразумевается еще что-нибудь другое?

Гуревич: Нет, только те, которые указаны здесь.

Накасато: В представленном Вам нашем проекте поправок указаны дополнения по этому абзацу.

Гуревич: Мы не можем принять просто так, как у Вас сказано: “и вспомогательные предприятия всякого рода” Перечислите

их. Если мы не все перечислили, то Вы скажите об этом, скажите, что еще нужно вставить.

Накасато: “И прочее” Вас не удовлетворяет?

Гуревич: Тут начинается уже неясность, а в договоре должна быть ясность. Я готов вставить сюда еще что-нибудь, если Вы найдете это необходимым, но это нужно перечислить. По-моему, мы здесь все охватили.

Накасато: Тогда лучше наш проект отложить, а завтра мы принесем это перечисление. Мы поняли слова “как-то” в смысле “примерно”.

Гуревич: Если бы это было “примерно”, тогда было бы сказано в конце “и прочее”. Мы просим Вас это перечислить точно. Если не будет точности здесь, то там можно будет построить и обсерваторию, а это, может быть, совершенно не нужно.

Накасато: Ваш смысл слов “как-то” в связи со следующим предложением имеет самый определенный смысл, а на других языках под этим словом понимается другое понятие. Поэтому мы так и поняли это. В следующий раз мы Вам это перечисление принесем.

Гуревич: Я не возражаю.

В общем, значит, § 24 принимается? Только г-н адмирал к следующему заседанию представит еще дополнительный список подлежащих включению сюда подсобных предприятий.

Накасато: Согласен.

Гуревич: А 2-й абзац принимается?

Накасато: Да.

Гуревич: Я оглашу теперь ту поправку, которую я обещал. Она гласит: “По соглашению с местными властями и профессиональным союзом горнорабочих концессионеру предоставляется право устраивать всякого рода культурно-просветительные и медико-санитарные учреждения для обслуживания рабочих и служащих концессионного предприятия”.

В культурно-просветительные учреждения входит школа, кинематограф, клуб, читальня и т.д.

Накасато: А бильярд?

Гуревич: Это тоже можно, но рулетку уже нельзя.

Накасато: А храмы-то тоже сюда входят?

Гуревич: Нет, храм – это не культурно-просветительное учреждение. По отношению к храмам у нас дело обстоит следующим образом: у нас религия отделена от государства, и поэтому мы ни в каких договорах и документах о религии ничего не пишем. Но по нашим законам каждая религиозная община, то есть

группа верующих, имеет право подать заявление о том, что она хочет устроить молитвенный дом, и тогда по закону это разрешается.

Накасато: Это значит, что верующие могут совершенно свободно строить храм, но должны получить разрешение?

Гуревич: Да. Это разрешение им дается беспрепятственно.

Накасато: Для наших рабочих, может быть, нужно концессионеру устроить храм.

Гуревич: Если рабочие захотят этого и Вы захотите, то, конечно, можете строить, но это есть внутреннее Ваше дело. В концессионном же договоре мы об этом писать не будем.

Накасато: Что касается редакции прибавки, которую здесь оглашали, то, когда мы получим ее на русском языке и переведем ее на японский язык, тогда мы будем по ней высказываться. До этого разрешите нам эту маленькую задержку.

Гуревич: Пожалуйста, мы не возражаем.

Прервем заседание или разберем еще § 25?

Накасато: Желательно сейчас кончить. Но еще в конце § 24 остался один пункт. Если Вы не возражаете, то мы завтра с этого последнего абзаца начнем.

Гуревич: Я не возражаю.

Так как завтра у нас в 9 час вечера еще одно заседание, то я попрошу Вас завтра начать заседание в 6 час. вечера.

Накасато: Пожалуйста, когда Вам угодно.

Гуревич: Объявляю заседание закрытым.

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1005. Л. 185–200. Копия.

¹ Бомэ Антуан (1728–1804) – французский химик, изобретатель ареометра – прибора для определения плотности (удельного веса) жидкостей и твердых тел.

№ 230

*Стенограмма заседания комиссии Главконцесскома СССР
и представителей японских нефтяных компаний
по уточнению формулировок концессионного договора*

25 сентября 1925 г.

Присутствовали:

Со стороны комиссии ГKK: член комиссии г. Гуревич. Экспертиза: г.г. Абазов, Бонч-Осмоловский, Галузин, Колесников, Левин, Маркович, Мусатов, Никитин, Орловский, Пригоровский, Степухович, Ходоровский, Худяков. Эксперт-переводчик г. Конрад. Секретари: г.г. Зубкова, Гальперин, Сухоплюев.

Со стороны японской делегации: председатель г. Накасато, советник г. Каваками, юрисконсульт г. Ватанабэ. Технический эксперт г. Ямада. Врач г. Кумакава. Секретари: г.г. Инаиси, Сайто. Переводчики: г.г. Конисси, Араи, клерк г. Нака.

Председательствовал г. Гуревич.

Гуревич: Разрешите открыть заседание.

Я предлагаю сначала пройти те пункты, которые нами рассматривались на предыдущем заседании и не были закончены. Мы просили Вас представить Вашу формулировку по § 19.

Накасато: Прежде чем приступить к обсуждению § 19, разрешите высказаться относительно Вашего проекта абзаца 3 § 21. В общем мы согласны, но часть его нам несколько не понятна.

Гуревич: Я имею в виду, что мы к § 21 подойдем постепенно и тогда рассмотрим.

Накасато: По § 19 мы еще не имеем своего проекта и просим обсуждение его отложить.

Гуревич: § 19 откладывается.

Перейдем к § 20.

Накасато: По этому параграфу мы ответить Вам еще не можем, потому что цифровой материал, переданный нам представителями Нар[одного] ком[иссариата] финансов, мы еще не успели рассмотреть. Поэтому мы просим обсуждение этого параграфа отложить.

Гуревич: § 20 откладывается.

Перейдем к § 21.

Накасато: Сегодня мы получили Ваш проект абзаца 3-го, где говорится, что список предметов для рабочих и служащих утверждается торговым представителем в Японии или соответствующими органами НКВТ в СССР. Получается, что рабочие и служащие концессионного предприятия могут ввезти свои личные вещи – разную мелочь – только с разрешения торгового представителя. Составлять список на всю эту мелочь и представлять его каждый раз на рассмотрение торгового представителя не имеет смысла. Мы хотели бы на некоторые предметы заранее составить список и по нему получить разрешение на ввоз.

По этому поводу мы хотели бы договориться.

Гуревич: У нас сейчас издан закон, который регламентирует для каждого гражданина ввоз и вывоз предметов личного потребления. Мы можем передать Вам этот закон, и Вы ознакомьтесь, какие предметы разрешаются к ввозу. Все личное имущество допускается к ввозу согласно действующему закону. Если этот список Вас не удовлетворит, то я просил бы, чтобы Вы указали, что именно Вы хотите прибавить к тому списку, который опу-

ликован в этом законе. Тогда мы могли бы конкретно разрешить этот вопрос.

Накасато: Здесь написано: “по утверждению торгового представителя”, но если существует закон, по которому путешественники могут ввести и вывезти известные предметы в определенном количестве, то это излишне.

Гуревич: Можно будет зафиксировать таким образом: “Личное имущество рабочих и служащих допускается к ввозу в СССР беспрепятственно согласно действующего на этот предмет законодательства”.

Позвольте абзац 3-й в такой редакции считать принятым.

Накасато: Мы согласны. Мы передали Вам на просмотр список предметов, которые мы желаем ввезти на Сахалин. Пересмотрен ли он или нет?

Гуревич: Нет, он еще не пересмотрен, но я уверен, что он не вызовет затруднений. Во всяком случае громадное большинство поименованных там предметов будет разрешено к ввозу.

Накасато: Мы хотели бы знать, какие предметы допускаются к ввозу беспрепятственно и какие вызывают возражения.

Гуревич: Это будет сделано и будет Вам передано.

Разрешите, таким образом, считать § 21 принятым.

Накасато: Согласен.

Гуревич: Следующий параграф, подлежащий сейчас обсуждению, – § 24, так как параграфы 22 и 23 у нас приняты.

Накасато: Разрешите сказать еще несколько слов по § 21*

Гуревич: Пожалуйста.

Накасато: По поводу последнего абзаца § 21 мы предлагаем вместо “производится к[онцессионе]ром” сказать: “концессионер имеет право производить”

Гуревич: Если здесь будет сказано: “концессионер имеет право производить”, то тогда это будет означать, что концессионер может не производить этого? Но Вы сами знаете, что условия восточного берега Северного Сахалина таковы, что если концессионер не будет производить снабжения рабочих, то там рабочие умрут с голода.

Накасато: Тогда мы согласны.

Гуревич: Значит, это принимается?

Накасато: Да.

Гуревич: Разрешите перейти к § 24, так как § 23 уже принят.

Накасато: Вчера у нас было предложение, чтобы переменить этот § 23.

* В тексте ошибочно указан § 24.

Гуревич: Как это переменить? Мы вчера уже внесли в него ведь некоторые поправки и приняли его.

Накасато: Против этого параграфа мы ничего не имеем, только после слов “сельское хозяйство” мы хотели бы еще сказать: “о пастбищах для скота”.

Гуревич: Тут сказано: “угодья”. Под угодьями на русском языке подразумеваются и пастбища.

Накасато: Значит, здесь заключается мысль о том, что нам разрешаются и пастбища?

Гуревич: Конечно.

Накасато: Тогда против ничего не имеем.

Гуревич: Переходим к § 24.

По первому абзацу этого параграфа Вы должны были указать, какие подсобные предприятия Вы хотите еще отметить здесь.

Конисси: Это следующее: клуб, дековильки, склады, жилые постройки, механические мастерские, столярная мастерская, лесопильня, электрическая станция, топтинг-плент*, маленькая судостроительная мастерская, конюшня, радиостанция, котлы для варки кира, газолейн-плент**, холодильня, общественный сад, пастбище, лебедка, сторожевая будка, место, где собираются рабочие, кухня, маленький маяк, резервуары, место для склада насосов, места для постройки телеграфа и телефона, плотины, подземные резервуары (земляные амбары), канализация, мосты, сарай для лодок вроде маленькой пристани, склады для материалов, пристани, причалы, бани, склады для труб, нефтепровод, водопровод, магазины, кладбища, крематорий, бойни, общественная уборная, телефонный автомат, котельные, кочегарки, печи для сжигания угля и т.д.

Сейчас мы считаем 55 подсобных предприятий, в дальнейшем мы имеем в виду расширить этот список и довести его до 100–200 названий. Может быть, этого всего не стоит писать?

Гуревич: Почти все, что Вы перечислили в Вашем списке, имеется в договоре. Клубы у нас подразумеваются в абзаце: “устраивать культурно-просветительные и медико-санитарные учреждения” Клубы считаются культурно-просветительными учреждениями, общественный сад – это тоже культурно-просветительное учреждение, место для собраний – тоже. Дальше у нас сказано: “устройство медико-санитарных учреждений”.

* Topping plant (англ.) – установка для отбора бензиновых и керосиновых фракций из нефти.

** Gasolene plant (англ.) – установка по производству бензина.

Под медико-санитарными учреждениями понимаются следующие: бани, водопровод, кладбища, крематорий, бойни, общественные уборные, больницы и т.д. Перечислять всего* это не стоит. Затем у Вас 3 или 4 раза повторяются склады: склады для угля, для помп и т.д. Можно сказать: всякие склады, которые Вам нужны. Затем механическая мастерская, столярная мастерская. В договоре указано: ремонтные мастерские. Под ними понимаются и механическая, и столярная мастерская. Рафинировочный завод – это также сказано. Электростанция – сказано. Вопрос о радиостанции выделен нами в специальный параграф. Холодильники являются санитарными учреждениями. О пастбище говорится в § 22. О телефонах и телеграфе есть отдельный параграф. О нефтепроводе также имеется отдельный параграф. Что касается дековильки, то под подъездными путями мы понимаем всякие дороги: гужевые, железные дороги, подвесные. Все это будут подъездные пути, также и дековилька будет подъездной путь. Я считаю, что в абзац 1-й нужно дополнительно включить баки, резервуары и земельные амбары, необходимые для хранения нефти. Что касается жилых и нежилых построек, то об этом имеется в § 23. Если мы пойдем по пути перечисления всех подсобных предприятий, то получим не 55, а гораздо больше. Мы, конечно, не подумаем запрещать Вам устраивать кухни, котельные или кочегарки. Все, что Вам, конечно, необходимо, будет разрешено. Вы говорите, например, о сторожевой будке. Неужели нужно иметь какое-то специальное разрешение для постройки ее? Если у Вас будут сторожа, Вы, конечно, постройте для них сторожевую будку на территории концессии.

Я думаю, г-н адмирал, что не стоит на этом вопросе больше останавливаться, и предлагаю принять так, как здесь сказано.

Накасато: Конечно, так много предметов перечислять нельзя. Может быть, здесь вместо перечисления разных подсобных предприятий сказать: “все подсобные сооружения”

Гуревич: Я предложил бы следующую формулировку: после слов “электростанции” написать: “и тому подобные сооружения, необходимые для непосредственного обслуживания нужд предприятия”.

Накасато: Значит, после слов “электрические станции” будет сказано: и т.п. сооружения?

Гуревич: Да, правильно.

Накасато: Тогда мы принимаем это.

* Так в тексте. Очевидно, следует читать “всё”.

Гуревич: Новый абзац относительно культурно-просветительных и медико-санитарных учреждений, редакцию которого мы Вам передали, Вы принимаете?

Накасато: Мы будем иметь маленький пароход или катер и другие средства передвижения; также будем иметь там свою электрическую станцию и не только будем освещать свои помещения, но сможем также давать электрическую энергию другим помещениям, которые там имеются, – квартирам Ваших и наших служащих. Затем, когда пароход везет куда-нибудь наших служащих, то и Ваши служащие могли бы на нем ехать. Так вот мы хотим, чтобы мы могли предоставлять все это в пользование.

После абзаца 3-го § 24 мы хотим добавить, что концессионер имеет право давать другим пользоваться электрическим освещением и прочими своими сооружениями по согласованию с местными властями.

Гуревич: Я думаю, что Ваше предложение можно принять, но в такой формулировке: “Правительство имеет право как для нужд своих учреждений и служащих на Северном Сахалине, так и для нужд местного населения на условиях по соглашению с концессионером пользоваться электрической энергией, транспортными средствами, жилыми домами и т.п. сооружениями концессионного предприятия”.

Конрад: Г-н адмирал спрашивает, не правильнее ли будет сказать, что правительство дает концессионеру право?

Гуревич: Этого нельзя так сказать, потому что договор заключается между правительством и концессионером, так что в данном случае может фигурировать либо концессионер, либо правительство. Это есть льгота не для концессионера, а для правительства. Мы, конечно, очень благодарны за эту льготу, но это нужно формулировать так, чтобы это действительно была льгота для правительства. Нельзя сказать, что концессионер имеет право оказать правительству льготу, а нужно сформулировать так, что правительство имеет право пользоваться такой-то и такой-то льготой.

Накасато: Здесь маленькое разногласие, вернее, разнопонимание. Мы думаем предоставить некоторые удобства для населения, дав ему возможность пользоваться теми сооружениями, которые у нас имеются. Мы не думаем предоставить это право правительству, а хотим предоставить такие удобства местному населению. По Вашей же формулировке выходит, что правительство имеет право этим пользоваться.

Гуревич: Тут сказано: “Правительство имеет право”. Мы можем вычеркнуть слово “учреждение”. Нельзя сказать: “концессионеру предоставляется право оказывать содействие местному на-

селению”. Это есть льгота к[онцессионе]ра по отношению к служащим правительства и местному населению. Местное население не заключает договора с к[онцессионе]ром, а договор заключает правительство. Можно принять ваше предложение только в том виде, как я предлагаю.

Накасато: Мы со своей стороны будем предоставлять местному населению право пользоваться электрическим освещением и перевозочными средствами по морю и по суше. Раньше, когда Вы говорили об устройстве культурно-просветительных и медико-санитарных учреждений, Вы говорили, что к[онцессионе]р имеет право устраивать их. В данном случае можно было бы сказать, что к[онцессионе]р имеет право предоставлять местному населению такие удобства. Мы хотим, чтобы было сказано, что мы имеем право предоставлять населению пользоваться этими удобствами. Конечно, если мы будем давать энергию на сторону, то наш расход увеличится, но мы будем брать за нее по действительной стоимости. Если мы будем по дековильке или на катере возить местное население, то это тоже будет расход для к[онцессионе]ра и этот расход должен быть возмещен. По нашему мнению, нужно редактировать так, что к[онцессионе]р имеет право.

Гуревич: Я уже сказал, что нельзя редактировать таким образом, что Вы имеете право оказывать льготы местному населению, ибо местное население не имеет к к[онцессионе]ру никакого отношения. Договор заключается между к[онцессионе]ром и правительством. После слов “правительство имеет право пользоваться” мы говорим: “на условиях по соглашению с к[онцессионер]ом”

Это значит, что будут выработаны условия, что к[онцессионе]р за киловатт-час берет столько-то, за провоз на катере столько-то и т.д. Если Вы не хотите принять эту формулировку, можно вообще в договоре об этом не говорить.

Накасато: Если в этом параграфе об этом не сказать, то мы сможем делать это или нет?

Гуревич: По соглашению с местными властями на Сахалине Вы, конечно, сможете это делать, но в договоре об этом писать не нужно.

Накасато: Вы говорите, что концессионный договор заключается правительством с к[онцессионе]ром и местного населения это совсем не касается.

Гуревич: Договор не касается вопроса о местном населении. Если будет нужно, то Сахалинский ревком придет к Вам и заключит с Вами специальное соглашение.

Накасато: Разрешите об этом подумать и на следующем заседании дать ответ.

Гуревич: Я не возражаю. Я считаю, что это можно будет поставить 4-м абзацем. Первый абзац принят.

Накасато: Здесь в конце абзаца написано: “по особому соглашению с правительством”. Что это значит?

Гуревич: Это значит, что нужно будет заключить особый договор.

Накасато: Относительно этого г. Иоффе раньше заметил, что если будет неудобно заключать отдельный договор, то можно будет включить в концессионный договор условие о побочных предприятиях.

Можно ли заключить контракт сразу по добыче нефти и по вспомогательным побочным предприятиям?

Гуревич: Г-н Иоффе говорил, что особое соглашение можно заключить одновременно, но не включать в этот договор. Это может быть приложением к этому договору, но там будут совершенно другие условия. Настоящий договор – это договор о добыче и разведке нефти, а тот договор будет о нефтеперегонных заводах. Там будут другие налоги и долевые отчисления. Поэтому, так как г-н адмирал как-то заметил, что они не собираются строить сейчас эти заводы, то лучше об этом сейчас не говорить. Когда Вам нужно будет строить нефтеперегонные заводы, тогда мы заключим договор об этом.

Накасато: Мы думаем, что если бы можно было вместе с этим договором заключить особый контракт о нефтеперегонных заводах, то это было бы очень удобно. Может быть, в скором времени мы начнем строить подобные предприятия. Можно было бы в этом абзаце прибавить, что с разрешения надлежащих властей мы могли бы строить нефтеперегонные заводы. Это было бы весьма удобно. Тогда мы прямо подали бы прошение и получили разрешение. Конечно, о долевом отчислении будет отдельный разговор.

Гуревич: Этого нельзя включить в виде абзаца, потому что тут должен быть отдельно оговорен вопрос о долевом отчислении, отдельно о налогах, отдельно о характере завода, отдельно о том, что план постройки завода должен быть согласован с правительством и пр. и пр. – целый ряд условий. Поэтому нельзя включить этого в данный договор. Г-н Иоффе сказал, что этот договор можно будет заключить одновременно с настоящим договором. Поэтому я предлагаю оставить абзац 2-й так, как здесь, то есть “по особому соглашению”, а потом мы будем говорить о том, когда это особое соглашение будет заключено, – сейчас, через год или через три года.

Накасато: Но если мы пожелаем, то это можно будет сделать?

Гуревич: Да.

Накасато: Раньше мы с Вами говорили о таком примечании, что концессионер имеет право устраивать топпинг-плент.

Гуревич: Я прошу этот вопрос сейчас снять, а на следующем заседании я дам Вам ответ.

Накасато: Пожалуйста.

Гуревич: Разрешите перейти к § 25.

Накасато: Разрешите, у нас есть еще один вопрос.

Гуревич: Пожалуйста.

Накасато: В прошлый раз, когда мы обсуждали § 19, тогда после слова “нефть” прибавлено было еще слово “кир”. Нам хотелось бы сказать: “нефть, кир, асфальт и полупродукция асфальта”.

Гуревич: То есть Вы хотите написать вместо слова “кир” слово “асфальт”, а слово “кир” вычеркнуть?

Накасато: Мы хотим сказать так: “нефть, кир и полупродукция того и другого”.

Гуревич: Это никоим образом нельзя, ибо полупродуктами из нефти могут быть бензин, масла и целый ряд других продуктов. Мы Вам уже несколько раз говорили, что этого нельзя; на это должен быть отдельный договор.

Накасато: Может быть, можно сказать: “полупродукция кира”?

Гуревич: Какие полупродукты кира? Асфальт?

Ямада: На Охе и в прочих местах имеется кир, который смешан с землей. После отделения земли получается не чистый асфальт, а полупродукт.

Гуревич: Если земля отделяется, то то, что остается, называется асфальт.

Ямада: Да, асфальт.

Гуревич: Я и предлагаю написать: “нефть и асфальт”. Во всяком случае, я не берусь спорить по этому вопросу. Я прошу Вас этот пункт сегодня оставить так, а поручить нашим инженерам, когда они соберутся, договориться о том, что такое кир и что такое асфальт.

Накасато: Мы согласны.

Гуревич: Значит, 2-й абзац § 24 принимается?

Накасато: Да.

Гуревич: Переходим к § 25.

Вы представили нам Вашу редакцию этого параграфа, которая отличается от нашей следующим: в 1-м абзаце Вы желаете после слова “нефтепроводов” поставить слова: “на суше и на море без всякого обложения”. Что касается “на море”, то об этом у

нас говорится в следующем абзаце, а именно что Вам разрешается вывести нефтепровод в территориальные воды Северного Сахалина. Что касается обложения, то тут вопрос обстоит таким образом, что если мы договоримся с Вами о паушальном налоге, то здесь никакого обложения не будет. Если же мы по вопросу о паушальном налоге не договоримся и Вы будете платить налоги наравне с прочими государственными предприятиями, то и с нефтепровода Вы должны будете платить налог.

Конисси: Здесь нужно сказать: не “на море”, а “в море”.

Гуревич: Об этом у нас и сказано дальше.

Накасато: Если это будет в 1-м абзаце, то, по нашему мнению, 2-го абзаца, может быть, и не надо. По нашему проекту нефтепровод будет проведен по морю протяжением на одну милю, и подходящие туда пароходы будут стоять на якорях и при помощи насоса будут накачивать нефть. Так что это место нельзя назвать открытым морем (может быть, здесь был неправильный перевод), это просто на берегу. Мы могли бы 2-й пункт упразднить, а в 1-м немного прибавить и этим ограничиться.

Гуревич: Тогда я предлагаю здесь остаться при нашей редакции, но слово “открытое” вычеркнуть.

Накасато: Может быть, Вы так думали, что мы там устроим подводную нефтяную трубу на 3 – 4 мили в море?

Мы уже чувствуем насущную необходимость проводить трубу по морю. Здесь, может быть, изменить немного редакцию и сказать так: “В случае необходимости концессионеру будет предоставлено право выводить нефтепровода в границах территориальных вод Северного Сахалина в море к месту нефтеналивных судов”.

Гуревич: Мы согласны слово “предоставлено” заменить словами “будет иметь право” или “концессионер имеет право”.

Накасато: Мы просим слова “в случае необходимости” исключить.

Гуревич: Я не возражаю, так что абзац будет читаться таким образом: “Договаривающиеся стороны заранее устанавливают, что к[онцессионе]р будет иметь право...”.

Накасато: В первом абзаце надо сказать, что нефтепровод будет на суше.

Гуревич: Это ясно, что на суше – для моря будет оговорено отдельно.

Накасато: Нельзя ли здесь вместо “правительством” поставить “местного горного надзора”?

Гуревич: Нет, нельзя. Не “местного горного надзора”, а только “правительства” Этот вопрос нужно согласовывать с правительством.

Накасато: А что касается нефтепровода между Охой и Чайво и другими месторождениями?

Гуревич: По нашим законам разрешение таких нефтепроводов принадлежит правительству. Я не вижу, чтобы от этого были какие-нибудь затруднения.

Накасато: Между скважинами и резервуарами будет целая система нефтепроводов. Постройка таких нефтепроводов тоже должна утверждаться правительством?

Гуревич: Внутренние нефтепроводы утверждаются по соглашению с местными властями.

Накасато: Участки будут распределены в шахматном порядке, и если нам придется через правительственную площадь провести нефтепровод или провести нефтепровод к центру, то нам также нужно будет за этим являться в Москву или же можно будет договориться об этом с местными властями?

*[Гуревич]**: В § 24 речь идет о нефтепроводе, который выводится в море. Это должно быть согласовано с правительством. Что же касается нефтепроводов внутренних, мы можем принять следующую редакцию:

“В случае желания к[онцессионе]ра соединить между собой нефтепроводом отдельные эксплуатационные участки на одном нефтяном месторождении таковое право будет предоставлено к[онцессионе]ру при условии предварительного согласования вопроса о направлении с местными органами горного надзора”.

*[Накасато]**: Мы понимаем 1-й абзац в том смысле, что здесь речь идет о большом нефтепроводе.

Гуревич: 2-й абзац говорит о том, что к[онцессионе]ру предоставляется право выводить нефтепровод в море, а 1-й абзац говорит, что направление всякого нефтепровода, выводится ли он в море или нет, должно быть согласовано с правительством.

Накасато: Придется Вас попросить, чтобы в 1-м абзаце сделать маленькую поправку, а именно: “концессионер имеет право сооружения нефтепроводов между месторождением нефти и берегом моря и между месторождениями, то есть между собой”

Гуревич: Я не возражаю. Тогда мы скажем так: редакция 1-го абзаца будет следующая:

“Концессионер имеет право сооружения нефтепроводов, соединяющих отдельные нефтяные месторождения между собой, а также отдельные нефтяные месторождения с берегом моря. Выбор направления таких нефтепроводов, а также планы и все тех-

* Фамилия выступающего не указана и вставлена по смыслу.

нические условия сооружения таких должны быть утверждены правительством СССР”.

Редакция 2-го абзаца будет следующая:

“Договаривающиеся стороны заранее устанавливают, что концессионер имеет право вывода нефтепровода в границах территориальных вод Северного Сахалина в море к месту подхода нефтеналивных судов. Выбор направления такого нефтепровода, а также план и все технические условия должны быть утверждены правительством СССР”

Редакция 3-го абзаца будет следующая:

“В случае желания к[онцессионе]ра соединить между собой нефтепроводом отдельные эксплуатационные участки на одном нефтяном месторождении такое право будет предоставлено к[онцессионе]ру при условии предварительного согласования вопроса о направлении с местными органами горного надзора”

А дальше абзацы 4-й и 5-й в первоначальной редакции.

Конрад: Г-н Накасато начало 2-го абзаца желает исключить.

Гуревич: Я не возражаю против того, чтобы начать 2-й абзац так: “Концессионер имеет право вывода нефтепровода...”

Накасато: Значит, только относительно направления нефтепровода нужно будет получить разрешение?

Гуревич: Относительно направления и технических условий сооружения. Вы нам представьте этот план, и мы его утвердим.

Накасато: Я понял.

В § 23, где говорится, что мы пользуемся землей, и в § 27, когда говорится, что мы пользуемся водным пространством, то там написано: “безвозмездно”. И в § 24 мы хотим, чтобы на этих же основаниях местом, где пройдет нефтепровод, мы также пользовались безвозмездно.

Гуревич: Местом, где пройдет нефтепровод, можно пользоваться безвозмездно, но за самый нефтепровод, если Вы не примете паушальное отчисление, Вы должны будете платить.

Накасато: Значит, когда мы проводим нефтепровод, то место, занимаемое нефтепроводом, мы получаем безвозмездно, а что касается действия нефтепровода, то это будет облагаться, если мы не примем паушального налога?

Гуревич: Да, правильно. А если Вы паушальный налог примете, то и от этого обложения Вы освобождаетесь.

Накасато: А какое это будет обложение, если мы не примем паушального налога?

Гуревич: 1/4% со стоимости нефтепровода.

Последние два абзаца § 25 можно считать принятыми. Первые три абзаца в принципе приняты, но мы представим Вам точную редакцию.

Гуревич: Переходим к § 26. Какие имеются возражения по этому параграфу?

Накасато: Мы ничего не имеем возразить.

Гуревич: Таким образом, § 26 принимается.

Какие возражения имеются по § 27?

Накасато: Здесь написано: “право использовать воду и водную энергию”, но здесь не сказано относительно водной поверхности. Если нам нужно будет строить пристань, можем ли мы иметь водное пространство?

Гуревич: Можно добавить об этом. Тогда будет так: “Концессионер имеет право использовать воду, водное пространство и водную энергию...”

Накасато: Когда Вы говорите о водном пространстве, подразумеваете ли Вы водную поверхность с дном таким образом, чтобы мы могли на этом водном пространстве что-либо сооружать, устраивать пристани, спускать якоря? В таком смысле Вы говорите “водное пространство” или в другом?

Гуревич: Да, в таком смысле.

Накасато: Таким образом, Вы добавляете “водное пространство” в пунктах а, г и в абзаце 1-м. Потом в самом последнем абзаце говорится о пользовании водой вне территории концессии, здесь также можно добавить.

Гуревич: Слово “водное пространство” мы добавляем в 1-м абзаце в пункте а и в пункте г. Что касается последнего абзаца, там имеется в виду пользование питьевой водой. Если к[онцессионе]р желает пользоваться водным пространством и водной энергией вне территории концессии, то за это он должен платить.

Накасато: Нам нужно будет устраивать пристани или причалы, поэтому здесь нужно было бы добавить: “воду и водное пространство”.

Гуревич: Я не возражаю. В последнем абзаце после слов “пользование водой” добавить слова “и водным пространством”

Накасато: С 27 параграфом мы согласны.

Гуревич: § 27 можно считать принятым. Дальше § 28.

Накасато: Где находятся дальневосточные органы Народного комиссариата путей сообщения?

Гуревич: В Хабаровске.

Накасато: Если нам потребуется произвести большие работы, мы согласны с тем, что должны туда обращаться, но кроме больших работ у нас будет много небольших землечерпательных

работ, и каждый раз ездить в Хабаровск за разрешением для нас будет слишком тяжело. Желательно было бы, чтобы маленькие работы нам разрешили производить сразу по согласованию с местными властями.

Гуревич: Вам не придется каждый раз ездить в Хабаровск за разрешением. Вы представите план землечерпательных работ и этот план представите в Хабаровск.

Вы укажете, что на такой-то реке нужно производить землечерпательные работы, так как там бывают заносы, и Вам дадут разрешение на производство этих работ.

Накасато: Больше мы не имеем никаких возражений.

Гуревич: § 28 принят.

Разрешите передать Вам окончательную редакцию § 25.

Следующее заседание будет во вторник, 29 сентября в 7 час. вечера. Я очень просил бы, так как во вторник, по-видимому, г-н Иоффе сумеет присутствовать на заседании, чтобы Вы приготовили Ваши предложения относительно долевого отчисления и относительно налогов.

Накасато: Мы постараемся.

Гуревич: Разрешите сегодняшнее заседание закрыть.

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1005. Л. 201–208 об. Копия.

№ 231

Стенограмма заседания комиссии Главконцесскома СССР и представителей японских угольных компаний об условиях концессионного договора по отводу лесосек и найму рабочих

28 сентября 1925 г.

Присутствовали:

Со стороны комиссии ГKK: член комиссии г. Гуревич. Экспертиза: г.г. Бекман, Бонч-Осмоловский, Волкович, Галузин, Колесников, Левин, Маркович, Мусатов, Никитин, Полевой, Степухович, Ходоровский, Худяков, Янковский, Япольский. Эксперт-переводчик г. Конрад. Секретари: г.г. Зубкова, Гальперин, Сухоплюев.

Со стороны японской делегации: председатель г. Окумура, советники: г.г. Каваками, Тазака, Сато, Икеда. Эксперты: г.г. Като, Исихара. Секретарь-переводчик г. Яmanoути, клерк г. Перминов.

Председательствовал г. Гуревич.

Гуревич: В прошлый раз мы остановились на § 23, но я хотел сейчас Вас спросить, предполагаете ли Вы пойти дальше или же

просмотреть сейчас все рассмотренные параграфы, начиная с первого, и точно определить, что принято окончательно и что мы отложили.

Окумура: Полагаю пойти дальше.

Гуревич: Переходим к § 23. Какие возражения Вы имеете к этому параграфу?

Окумура: В § 23 говорится относительно лесосек для предприятия. Вы говорили, что нужно вести переговоры с Дальневосточным земельным управлением по поводу отвода лесосек, но так как этот вопрос очень важен для угольного предприятия, то я хотел бы просить определить в договоре известную лесную площадь.

Во-вторых, дальше относительно платы за лес.

Гуревич: Что именно по вопросу о плате? Здесь сказано: по действующим таксам.

Окумура: Относительно платы здесь в договоре надо определенно написать, что лес всегда будут отпускать по определенной цене.

Гуревич: Вы хотите написать здесь самую таксу? Вы возражаете против последнего абзаца, где сказано, что таксы пересматриваются каждые 5 лет?

Окумура: Если определить цену сейчас, тогда последний абзац не нужен.

Гуревич: Если я Вас правильно понял, то Вы имеете два возражения. Во-первых, Вы хотите, чтобы лесная площадь была определена сейчас, чтобы одновременно с выделением угольной площади была бы определена и лесная площадь для концессионного предприятия. Во-вторых, Вы хотите, чтобы была установлена постоянная такса, действительная на все время концессии.

Окумура: Да. Я прошу указать определенный район, где имеется запас леса. Если Вы разрешите, то я хотел бы сделать вот эти вставки (передает).

Гуревич: Здесь во 2-м абзаце Вашего предложения говорится, что Вам необходима лесная площадь размером не менее 420 кв. верст с запасом леса в 230 млн куб. фут. в местах, выгодно расположенных для перевозки материалов на предприятие. Это предполагается для “Кита Сагальен Секитан Кигио Кумий”?

Окумура: Да, эти данные для этого Общества. У остальных обществ лес имеется в достаточном количестве на тех площадях, которые им выделяются как угольная концессия, или в окрестностях предприятия.

Гуревич: У нас вызывает большие сомнения то количество леса, которое Вы указываете. Это такая большая лесная пло-

щадь, что она могла бы служить предметом совершенно самостоятельной концессии. 230 млн куб. фут. – это громадное количество леса, такое количество леса, которое ни в какой мере не нужно для Вашего предприятия. Это первое.

Мы не возражаем против того, чтобы в договоре определить для Вас примерную, приблизительную лесную площадь, которая потом по соглашению с Дальневосточным управлением будет Вам отведена на определенный срок. Но я возражаю против тех цифр, которые Вы дали. Я не могу Вам сделать сейчас контрпредложение, потому что у меня нет соответствующего расчета. Разрешите к следующему заседанию приготовить наш контррасчет по этому вопросу. Но должен сразу указать, что Ваши цифры мы считаем во много раз преувеличенными.

Окумура: Разрешите еще раз объяснить относительно количества леса.

В нашем предложении указано 230 млн куб. фут., но пригодного леса отсюда можно получить только 60%. По нашим исследованиям, на Сахалине находится очень много разнообразных пород леса, из них крепежного леса только от 20 до 40%. Можно считать, что из указанного количества 230 млн куб. фут. только 60% пригодного леса, а отсюда только 30% леса годного для стоек. Таким образом, леса, пригодного для предприятия, получается только 50 млн куб. фут. На одну тонну угля требуется 2 куб. фут., то есть этого количества леса хватит всего на 25 млн тонн. Думаю, что 50 млн куб. фут. – это небольшое количество, и если эти лесосеки будут отведены для нужд предприятия, то каждый год будут вырубать только то, что необходимо для работ. Прошу Вас иметь в виду эти наши доводы. Мы просим, чтобы это количество было нам дано.

Гуревич: Вы исходите из совершенно неправильного представления, что мы обязаны дать Вам такое количество леса, которое Вас удовлетворило бы на все 40–45 лет концессии. Ни из Протокола Б Пекинского договора, ни из каких других документов я не вижу, чтобы такое обязательство на нас лежало. Мы можем дать Вам лес, чтобы Ваша работа шла успешно, но мы отнюдь не обязались дать Вам такую концессию, которая была бы обеспечена лесом полностью на 40–45 лет. Я считаю, что это требование совершенно не вытекает из Пекинского договора. Мы рассматриваем это Ваше предложение как вторую концессию, и для меня большой вопрос, какая концессия больше – та ли, которую требует “Секитан Кигио Кумиай” на добычу угля, или эта лесная концессия? Это громадная лесная концессия – 400 кв. верст. Это 40 000 дес. Даже по размерам нашей лесной площади

(а ведь у нас имеются громадные лесные площади, самые большие лесные площади в мире) – это громадная концессия. Я не возражаю против того, чтобы мы здесь в общих чертах определили лесосеки для передачи Вам. Об условиях передачи Вам придется говорить в дальнейшем с Д[альне]в[осточным] земельным управлением, но должен сказать, что то, что мы Вам предложим, будет во много раз меньше, чем Вы хотите. Мы произведем соответствующий подсчет и передадим его Вам. Этот вопрос я просил бы отложить до следующего заседания.

Окумура: Вопрос о лесной площади – это технический вопрос, поэтому по поводу него придется вести переговоры совместно с Вашими инженерами.

Гуревич: Я не возражаю против этого.

Теперь относительно 3-го абзаца Вашего предложения. Его принять мы никак не можем. Вы просите, чтобы мы установили таксу на 40 лет. Я думаю, что если бы мы предложили Вам заключить договор на 40 лет вперед на поставку угля при условии, что цена угля будет определена сейчас, то я думаю, что Вы от такого договора отказались бы. За 40 лет такса может много раз измениться. Мы не можем пойти на то, чтобы заранее определить цену, точно так же, как Вы отказались бы взять на 40 лет вперед подряд на поставку угля, исходя из сегодняшней цены.

Окумура: Относительно платы за лес Вы раньше нам сказали, что можно по таксе. Что касается таксы, то нам пришлось бы платить разные цены, смотря по породе леса. Очень трудно каждый раз разбирать по породе. Поэтому мы просим установить определенную цену сейчас.

Гуревич: Неужели Вы думаете, что можно установить таксу на 40 лет вперед?

Окумура: Мы прошлый раз поняли это так.

Гуревич: У нас было сказано, что эти таксы могут быть пересматриваемы каждые 5 лет. Это еще не значит, что они будут меняться через каждые 5 лет, но если на Сахалине разовьется промышленность, то эти таксы, безусловно, изменятся.

Окумура: Последний абзац относительно оплаты леса по таксе мы поняли, что таксы могут быть пересматриваемы.

Гуревич: Такое положение не новость. Неужели это только у нас? В каждом другом государстве правительства через определенные промежутки времени пересматривают таксы на лес. Таксы на лес это есть рента, которая зависит от мировых цен. Если сегодня стандарт стоит 12 ф. ст., то одна такса, если 8 ф. ст., то другая такса. Цены на лесную площадь устанавливаются в зависимости от мировых цен на лес. Мы не можем установить таксу

на 40 лет вперед. У нас сказано: “по действующим таксам”, например по таксам [19]12 г. Дальше надо написать, что через каждые 5 лет таксы пересматриваются.

Окумура: Разрешите обсудить этот вопрос потом.

Гуревич: § 23 откладывается. Переходим к § 24.

Окумура: Я хорошо понял, когда Вы прошлый раз объяснили относительно Кодекса законов о труде. Мы знаем, что выполнение Кодекса о труде для нас на Сахалине совершенно обязательно. Но если бы можно было сделать ко 2-му абзацу примечание, что Ваш кодекс касается только тех, кто имеет подданство СССР.

Гуревич: Вы хотите изменить 2-й абзац в том смысле, что наш Кодекс законов о труде распространяется только на рабочих и служащих – граждан СССР и не распространяется на рабочих и служащих – граждан другого государства.

Окумура: На Сахалине рабочие работают преимущественно летом, зимой их остается очень мало, только те, которые работают на шахтах. Обыкновенно на зиму они разъезжаются. Поэтому мы просим распространить Кодекс законов о труде только на граждан СССР.

Гуревич: А как же остальные? Каким же законом будут подчиняться остальные – неграждане СССР?

Окумура: Вы спрашиваете, каким законам будут подчиняться остальные рабочие? Наш порядок не изменит Вашего Кодекса законов о труде. Здесь нужно сказать относительно условий найма. Рабочие у нас главным образом китайцы и японцы, условия найма которых имеют свой установленный обычай. Я просил бы дать нам право нанимать по обычаю и Ваш Кодекс законов о труде распространить только на русских подданных.

Гуревич: Этот вопрос не подлежит дискуссии. Вы требуете от меня то, от чего сейчас Китай отказывается. Вы хотите ввести в СССР право капитуляции. Это совершенно невозможно. По нашим законам всякий рабочий и служащий, независимо от его гражданства, если он работает на территории Союза, полностью подчиняется, как и всякий предприниматель, всем нашим законам о труде. Это основной закон, и все попытки получить какое-нибудь изменение хотя бы одной запятой в этом законе, попытки совершенно безнадежные. Я просил бы этот вопрос не обсуждать.

Это один из тех вопросов, в которых мы ровно ничего не уступим ни при каких условиях. Это можно принять или не принять, но уступать мы здесь ничего не можем. Весь этот параграф не может быть предметом дискуссии.

Окумура: Мы не требуем изменения Кодекса законов о труде. Я дал подробные объяснения, что общее положение на Саха-

лине таково, что там недостаточно рабочих на месте и мы должны привозить рабочих из Китая или Японии. Если сейчас нельзя нанимать рабочих в Александровске, то я думаю, что и в будущем это может случиться и очень часто нам трудно будет вести из-за этого предприятие. Нельзя работать нам с одними русскими рабочими, в особенности при погрузке на пароходы, где требуются приспособленные к этой работе люди. Мы всегда приглашали рабочих из Киу-Сиу и Шаньдуна. Мы просим в вопросе о порядке найма рабочих сделать изъятие.

Гуревич: Изъятия я никакого принять не могу. Это совершенно безнадежно. Мы можем обсуждать это сегодня, обсуждать еще 3–4 ночи, и никакого изъятия я не сделаю. Я хотел объяснить г-ну Окумуре, как он будет производить наем рабочих. Он заключит договор с нашим Союзом горнорабочих и будет знать, на каких условиях он может приглашать рабочих. Он будет иметь договор и будет знать и в Японии, и в Китае, какие условия он может предложить рабочим, то есть те условия, которые будут указаны в коллективном договоре. Хуже условий предлагать нельзя, а если он предложит лучшие, то наш профессиональный союз не будет против этого возражать. Если Вы захотите заплатить в 2 или 3 раза больше, чем указано в коллективном договоре, то мы, конечно, против этого не будем возражать. Но хуже, чем в коллективном договоре, Вы ставить условия не можете.

Я бы просил понять, что это не мой каприз, то, что мы не можем обсуждать этого параграфа. Мы являемся рабочим государством в отличие от всех других государств. Если Вы просите уступки в этом вопросе, то мы говорим, что это тот вопрос, который является основой нашей Республики, и в этом вопросе мы никогда ничего не уступим. Мы сейчас ведем переговоры о золотой концессии за Полярным кругом в* Чукотском полуострове, там, где жителей гораздо меньше, чем на Сахалине, и там мы заставим выполнять закон нашего Союза в отношении рабочего законодательства. В этом отступления быть не может. Японец или китаец, белый или черный, если он работает на территории Союза, то пользуется всеми правами наших рабочих.

Я просил бы по этому поводу дискуссию прекратить, ибо не вижу никакой возможности сделать уступку. Там, где можно уступить, где можно поторговаться, как, например, в доле отчисления, где вопрос стоит так, что мы хотим побольше, а Вы хотите нам меньше дать, там можно говорить, спорить и прийти к соглашению. Этот же параграф – это основной закон нашей Республики.

* Так в тексте. Правильно “на”.

Окумура: Я понял, что Вы объяснили сейчас, но в случае найма рабочих нам неизвестно, как поступать. Поэтому я еще раз хотел бы получить от Вас объяснение. В настоящее время в отношении найма рабочих нам будет на Сахалине очень трудно. По этому поводу об этом разрешите подумать.

Последнее, относительно социального страхования. Я читал правила о соц[иальном] страховании. Там есть различные постановления. Но если, например, на месте предприятия нужен будет доктор или помещение для больных, то я хотел бы об этом спросить у Вас, кто это будет делать?

Гуревич: Что касается первого вопроса (о Кодексе труда), я не вижу смысла откладывать этот параграф. Откладывать можно такой параграф, который можно изменить, но откладывать то, чего нельзя изменить, не стоит. Я думаю, что г-н Окумура имел достаточно времени, чтобы ознакомиться с нашим Кодексом о труде. Я передал Вам этот кодекс еще в начале переговоров. Сейчас я не вижу необходимости это откладывать.

Что касается правил найма, то после заключения концессионного договора Вам нужно будет заключить коллективный договор с профсоюзом. Об этом договоре Вы будете иметь разговор с профсоюзом, а не с нами. Я не считаю целесообразным откладывать этот параграф. Я должен прямо сказать, что этот вопрос для нас настолько важный, что мы хотели даже начать переговоры с него.

Что касается вопроса о соц[иальном] страховании, то на вопрос г-на Окумуры, будем ли мы оказывать мед[ицинскую] помощь, я могу ответить: само собой разумеется, будем оказывать. На предприятие будут приглашены врачи, фельдшера, будут организованы аптеки. Относительно постройки больниц – это вопрос, который может создать некоторую трудность. Я думаю, что нужно иметь одну центральную больницу, потому что организовать больницы на каждом отдельном руднике – это будет бесполезно. Нам нужно организовать в Александровске большую больницу, а на предприятиях надо организовать амбулатории. Если рабочий заболит серьезно или произошел несчастный случай, нужно отвезти его в Александровск. Насколько я знаю, предприятие расположено недалеко от Александровска. Этот вопрос мы будем обсуждать потом на месте, как организовать мед[ицинскую] помощь. Обязательство оказывать мед[ицинскую] помощь лежит на нас, а не на Вас. Если мы берем соц[иальное] страхование, то этим мы принимаем на себя такое обязательство.

Окумура: Мы поняли Ваше принципиальное объяснение Код[екса] законов о труде. Мы не требуем его изменения. Мы хо-

тели бы знать только относительно врачей. Например, в районе, где существует наше предприятие, имеется лечебница. Пока советское правительство будет организовывать лечебную помощь, можно ли до того времени, пока она будет организована, лечить рабочих своими средствами и за это освободиться от соц[иального] страхования?

Гуревич: Не от всего, а только от части.

Окумура: На Сахалине японские и китайские рабочие работают на предприятии летом и по окончании работ возвращаются на родину. Поэтому, если рабочий умер или пропал без вести, а семья его находится в Японии или в Китае и сам он оттуда, то в таком случае его семье будет трудно получить от Вас пособие. Поэтому мы просим освободить нас от той части соц[иального] страхования, которая пойдет на пособие семье умершего.

Гуревич: Я должен ответить, что очень рад, что г-н Окумура согласен с нами в вопросе о Кодексе законов о труде. Что касается соц[иального] страхования, я должен сказать, что мы будем выплачивать семье рабочего, хотя бы она проживала в Японии. Для нас все равно, в каком месте проживает семья, если согласно нашему закону она должна получать пособие. В таком случае мы будем переводить деньги через консульство или торгпредство. Так что с этой стороны интересы рабочих будут ограждены в полной мере. Мы не собираемся зарабатывать на соц[иальном] страховании. Смею Вас уверить, что правительство к соц[иальному] страхованию еще прикладывает. Мы не можем лишить китайских или японских рабочих в какой бы то ни было мере тех прав, которые они имеют согласно Кодексу законов о труде. Если семья рабочего будет жить в Японии или Китае, то в случае его смерти мы переведем ему то, что полагается.

Относительно того переходного периода, о котором говорил г-н Окумура, то это продолжится один или два года, пока будет организовываться мед[ицинская] помощь. Здесь Вам придется войти в соглашение с Нар[одным] ком[иссариатом] здравоохранения. Вы вступите с ним в соглашение на один год и условитесь, что часть соц[иального] страхования с Вас не будут взимать, а Вы за это обязуетесь оказывать мед[ицинскую] помощь. Здесь речь может идти об одном или двух годах. Но в договоре ничего менять не надо. После того как договор будет заключен, Вам придется вести переговоры с Наркомздравом. Я бы просил целиком принять этот параграф. А затем, с одной стороны, после подписания концессионного договора Вы заключите договор с профсоюзом об общих условиях найма рабочих на Сахалине или подпишете коллективный договор, а в отношении оказания мед[ицин-

ской] помощи рабочим на один или два года заключите соглашение с Нар[одным] ком[иссариатом] здравоохранения.

Окумура: Нам непонятно относительно социального страхования, с кем мы должны вести переговоры, с Наркомздравом?

Гуревич: Нет, Вы меня не поняли. Социальное страхование Вы будете вносить в страхкассу на Сахалине, которая будет там организована.

Но Вы подняли другой вопрос: что вот, например, в районе Дуэ имеется больница и что, пока мы организуем там медицинскую помощь, Вы ее будете содержать, и чтобы за это время мы соответственно уменьшили социальное страхование. Раз речь идет о временном соглашении на один-два года, то после заключения договора я могу пригласить представителя Наркомздрава и Вы можете пойти с ним на такое соглашение, что в течение одного-двух лет Вы будете оказывать медицинскую помощь и с Вас не будут взимать ту часть социального страхования, которая падает на медицинскую помощь, примерно 3¹/₂%. Но вопрос о социальном страховании имеет отношение не к Наркомздраву, а к страхкассе.

Страховые взносы составляют 10% заработной платы для угольных предприятий. Из них 3¹/₂% от зарплаты падает на медицинскую помощь. И если бы Вы заключили с Наркомздравом на год соглашение, то он оставил бы эти 3¹/₂% Вам и Вы обязаны были бы за это оказывать медицинскую помощь рабочим. Но это не имеет отношения к договору. Если Вы не захотите, то Вы завтра можете перестать содержать эту больницу и она будет содержаться нами.

По сумме взносов на социальное страхование Вы находитесь в лучших условиях, чем все остальные. Самый низкий процент взносов на социальное страхование берется с угольных предприятий. Нефть платит 16%, а есть предприятия, которые платят 21%. Золотая промышленность, например, платит 21% страховых взносов от заработной платы. Угольщики платят 10%, и это самый низкий процент, который у нас имеется.

Разрешите считать § 24 принятым.

Окумура: Нам вполне понятны Ваши принципиальные основания, и нечего это обсуждать. У нас нет возражений против Ваших оснований, и мы знаем, что Вам трудно изменить этот параграф.

Гуревич: Нельзя, я не могу.

Окумура: Это для нас очень тяжелое бремя, нам будет очень тяжело, очень трудно работать. Мы просим этот параграф оставить открытым до следующего заседания, когда я дам окончательный ответ.

Гуревич: Еще раз повторяю, что я не вижу никакой надобности его откладывать.

Окумура: Нам совершенно ясно, и мы поняли, но...

Гуревич: Но за одну неделю Кодекс не изменится. Он существует у нас все время.

Я понимаю, г-н Окумура, когда мы откладывали какой-нибудь параграф, потому что в конце концов создается такое положение, что один параграф откладывается нами, другой Вами, и когда мы начнем составлять окончательный договор, то подойдем к тому, что во всех этих параграфах будем делать взаимные уступки. Но этот параграф нельзя откладывать. С чем же мы придем на следующее заседание? Я опять положу перед собой § 24 и ничего не буду говорить, потому что я не могу менять здесь ни одной буквы. Я не имею права менять такие вещи. Никто не может менять это, правительство не может. Правительство не может изменить здесь ничего, это может изменить только Съезд Советов, но я сильно сомневаюсь, найдется ли один человек, который поднял бы руку за то, чтобы изменить здесь хоть одно слово.

Работать в Советском Союзе – это прежде всего значит исполнять наши законы о труде. Когда Вы ехали сюда, Вы прекрасно знали, что о вопросах о труде у нас разговаривать нельзя.

Окумура: У нас нет сомнений в том, что Вы нам объяснили. От нас требуется только “да” или “нет”. Но, если я отвечу “нет”, тогда переговоры будут прерваны и не состоится следующее заседание. Поэтому мы откладываем до следующего заседания, и тогда я Вам скажу.

Гуревич: Я опять повторяю, что постановка вопроса о труде была известна Вам заранее, знал ее и г-н Иосидзава, когда подписывал договор, знал и г-н Окумура. К этому вопросу Вы были достаточно подготовлены. Если бы это было такое условие, которое срывает Вашу работу, но работают же у нас концессионные предприятия. Посмотрите, какой красивый коллективный договор заключил Гарриман. Условия работы по нашему кодексу вполне возможные, Вы на рабочих будете тратить меньше, чем в Сев[еро]-Американских Соед[иненных] Штатах.

Разрешите внести в протокол: 1-й и 2-й абзац § 24 принимаются, 3-й абзац откладывается до след[ующего] заседания.

Окумура: Я согласен.

Гуревич: Теперь § 25. Имеются ли у Вас какие-нибудь возражения?

Окумура: В § 25 говорится относительно процентной нормы рабочих. Мы просим теперь не ограничивать нас количеством рабочих, потому что здесь говорится о разнообразных работах. Каждая из них имеет ограничение, но я думаю, что в настоящее

время совершенно невозможно работать по этому постановлению. Например, рабочие друг друга не понимают, не знают японского языка. Тот, кто стоит во главе, постоянно затрудняется, так как рабочие не понимают друг друга. Выходит так, что все должны знать русский, китайский и японский языки. Поэтому на самом деле на предприятии будет чувствоваться затруднение. Поэтому я прошу не ограничивать нас совершенно процентной нормой, а просто написать, что к[онцессионе]р будет нанимать по возможности больше русских рабочих. Ведь в Кодексе законов о труде не написано того, что Вы здесь требуете. Поэтому я думаю, что Вы поймете нашу просьбу и согласитесь с нами.

Гуревич: Я хочу обратить внимание г-на Окумура, что этот параграф несколько не ограничивает прав к[онцессионе]ра. Тут сказано, что Вы имеете право приглашать высококвалифицированных рабочих неграждан СССР – 50%, неквалифицированных – 25%. Если бы Д[альне]в[осточный] отдел труда заявил Вам, что он не может дать такое-то количество рабочих, то Вы можете приглашать рабочих иностранцев через д[альне]в[осточную] биржу труда. Если бы и это не удалось, то тогда Вы имеете право приглашать рабочих откуда хотите. В конечном итоге Вам никакого ограничения не ставится. Здесь дается только определенный порядок. Сначала 50% и 25%, если не будет рабочих – граждан СССР, то Вы имеете право через д[альне]в[осточную] биржу труда приглашать рабочих японцев или китайцев. Если же и это не выйдет, то Вы можете нанимать рабочих откуда хотите.

Мы это оговариваем здесь, потому что мы заботимся о наших безработных. У нас имеется безработных довольно большое количество даже на Дальнем Востоке. Мы не можем сказать нашему рабочему, что на Сахалине работает предприятие, но тебе работы не дадут, а повезут китайцев. Этот параграф имеет единственной целью защиту интересов наших безработных. Вместе с тем он защищает интересы к[онцессионе]ра. Если бы оказалось, что безработных не будет, то в абз[аце] 5 в конце говорится: “При неудовлетворении последними вышеуказанного условия к[онцессионе]р вправе принимать иностранных рабочих и служащих по своему усмотрению”

Если бы мы приняли Вашу редакцию, что Вы будете принимать по возможности большинство русских рабочих и служащих, то мы юридически могли бы потребовать от Вас, чтобы Вы принимали не меньше 60% рабочих сов[етских] граждан. Мы это не хотим. Поэтому мы Вам устанавливаем в этом параграфе определенную градацию, порядок. Сначала мы говорим: в таком-то проценте, потом говорим: обратитесь туда-то и туда, а если не выйдет, то

принимай рабочих сколько хочешь. Так что в этом вопросе мы Вас ни в коей мере не ограничиваем. Правда, параграф вышел очень длинный и запутанный, но смысл его теперь, надеюсь, для Вас ясен.

Я должен указать, что, по нашим сведениям, мы недавно запрашивали д[альне]в[осточные] власти: на Дальнем Востоке имеется около 3000 безработных.

Окумура: Этот параграф Вы вставили для помощи безработным, но думаю, что надо обратиться и к предприятию, посмотреть относительно концессионного предприятия, может ли оно при этих условиях состояться или нет. Если само предприятие не состоится, то, следовательно, нельзя думать о безработице. Надо, во-первых, подумать относительно концессионного предприятия, а потом можно обдумать о безработных. Если говорить о рабочих или служащих – подданных СССР, то думаю, что везде надо будет иметь переводчиков, иначе русские ничего не поймут. Нельзя будет всегда требовать рабочих из-за границы, поэтому я говорю так, чтобы в будущее время нанимать возможно больше служащих и рабочих – подданных СССР. Само собой разумеется, что в будущем придется принимать только служащих и рабочих – подданных СССР, иначе предприятие не состоится.

Если Вы хотите оставить действовать это ограничение, то работать совершенно невозможно. Например, если нам нужен инженер или техник, то надо спросить Дальневосточный отдел труда. Может быть, дней через 10 или через 2 недели он отправит такового, но может быть случай, когда служащий или инженер будет негоден и опять нужно выбирать соответствующего инженера. Но, если таким образом производить прием служащих и рабочих, тогда предприятие совершенно не состоится и невозможно работать.

Здесь играет роль, во-первых, язык, а во-вторых, рабочие. Я думаю, что в начале работ, конечно, не может быть принято Ваше предложение, и поэтому я прошу ограничить или совершенно уничтожить этот параграф и просто указать, что концессионер будет принимать по возможности больше служащих и рабочих – подданных СССР.

Гуревич: Я понимаю, что Вы прежде всего заботитесь о предприятии, но мы должны позаботиться о безработных, так что так нельзя ставить вопрос. Вы себе представляете всех рабочих у нас несколько сложнее, чем он будет* на самом деле. Если Вам будут нужны рабочие, то Вам не нужно будет обращаться в дальневосточные отделы труда каждый раз за несколькими рабочими. Вы можете с ними условиться на целый год вперед. В течение года

* Так в тексте.

они Вам обязуются доставить такое-то количество рабочих, и они заявят, что это количество рабочих у них есть. Что касается вопроса о языке, то, конечно, это вызовет некоторые затруднения. Я думаю, что Ваши служащие в конце концов изучат русский язык. Нельзя же работать в СССР и не знать русского языка. Что делали раньше к[онцессионе]ры, которые работали, что делают теперь, что делаем мы, когда нам приходится работать в другой стране? Мы изучаем язык, который в данной стране имеется. Это, конечно, требует некоторого времени.

Отказаться от этого параграфа мы не можем, потому что Вы имеете дело не с частным лицом, а с правительством. Согласитесь, что если бы английское правительство заключило договор, в котором оно указало бы, что разрешает в Англии такому-то к[онцессионе]ру построить текстильную ф[абри]ку и при этом разрешит рабочих взять где угодно, то сколько бы времени просидело это правительство? Думаю, что 3—4 часа, а потом его бы свергли. Если бы положение было такое, что у нас на Дальнем Востоке совершенно не было бы безработицы, то мы могли бы принять Ваше предложение, так как не возить же нам рабочих из Москвы. Но если имеется безработица в Николаевске, Владивостоке, Хабаровске и ряде других городов Дальнего Востока, то, конечно, мы должны об этом позаботиться. Я считаю, что мы от этого отказаться не можем. Когда мы говорили относительно долевого отчисления, то Вы сами говорили, что Вы хотите составить договор так, чтобы не было никаких споров. А если мы примем Ваш пункт, то споры будут каждый час. Вы пишете, что обязуетесь принимать возможно большее число русских рабочих. Значит, александровские власти будут давать Вам рабочих и будут говорить: “Ты обязался и должен принимать”. Вам будут давать в середине года рабочих, будут присылать каждый день и будут говорить: “Принимай”. Наша формулировка Вас гарантирует. Можно было бы вставить, что Вы улавливаетесь на каждый год вперед и определяется количество нужных Вам рабочих. Дальневосточные отделы труда должны будут это знать за год вперед. Ваша формулировка не удовлетворяет ни Вас, ни нас. Если бы мы вписали Вашу формулировку, то Вы не смогли бы работать, потому что каждый день были бы споры и раздоры.

Окумура: Я думаю, что Вы меня не совсем поняли. В настоящее время, конечно, будет очень трудно работать, но я знаю, что на территории СССР мы должны вообще работать по Вашим законам. Например, на этом заседании нельзя научиться русскому языку, хотя здесь имеются образованные люди. Там, на работе мы постараемся научиться русскому языку, но изу-

чить японский язык будет для Вас очень трудно. Только один, двое будут говорить свободно, чтобы можно будет понять. Например, если на работе по привозке угля будут работать японские, китайские и русские рабочие, то как наладить работу, как будет идти работа в шахте заведующего-японца с рабочими-русскими? Поэтому, если Вы оставите в таком виде § 25, то мы никак не сможем работать. Во-первых, тут надо иметь студентов, которые изучили бы русский язык, или учеников, которые могут свободно говорить по-русски, для того, чтобы начать работу. Но это сейчас невозможно. Одним словом, Ваше ограничение, о котором говорится в § 25, ставит нас в затруднительное положение. Оно для нас невозможно и неприемлемо. Я думаю, что на работе не надо смешивать разные подданства. Именно на перевозке угля должны работать рабочие китайского подданства или японского, чтобы все они говорили одним языком. Иначе очень трудно будет вести предприятие. Например, если рабочие в шахтах, рудниках друг друга не понимают, то они начинают драться. Поэтому тот, кто заведует рудниками, всегда беспокоится, как производить работы предприятия, и всегда должен об этом заботиться. По этому поводу, пожалуйста, подумайте относительно процентной нормы и выбросите это условие. Я не говорю, что это надо сделать на весь срок концессии. Это нужно только пока на первое время.

Гуревич: Я понимаю возражения г-на Окумуры. Это серьезное возражение относительно языков. Это большая трудность, но, насколько мне известно, у нас в большинстве работают китайцы, а инженеры японцы. Вопрос о языке все равно стоит. Я сомневаюсь в том, чтобы все китайцы понимали японский язык. Нам передавали, что на Рогатинском руднике инженер русский, а рабочие китайцы, и между прочим работа идет. Конечно, я не отрицаю, что некоторые затруднения встретятся в работе. Я понимаю предложение г. Окумуры, что он хотел бы на первые один-два года концессии иметь в этом вопросе облегчение. Если речь идет о первом годе или 2-х годах, я постараюсь еще раз обдумать этот вопрос. Может быть, для первого или первых двух лет мы определим более льготные условия.

Окумура: Что касается китайских рабочих, которые работают на Сахалине, они приехали из Шаньдунской провинции, они говорят по-японски, а японские инженеры говорят по-китайски. В этом нечего сомневаться. Также на предприятии Бриннера рабочие понимают по-японски, а инженеры понимают по-китайски. Возьмем Рогатинский рудник. Там русский заведующий, а рабочие китайцы, но там есть переводчик, кото-

рый понимает по-русски. Поэтому, если Вы не можете это условие отбросить, то я просил бы дать ограничение этому условию в течение 10 лет. Один или два года принять невозможно. Может быть, туда поехали бы служащие, обучившиеся иностранным языкам.

Гуревич: На 10 нельзя пойти, через 10 лет как раз мы Вам сделаем большие уступки. Мы надеемся, что через 10 лет безработицы не будет, и мы не сможем Вам дать больше рабочих. Этот пункт тогда потеряет свое значение. Я понимаю те затруднения, о которых говорил г. Окумура. Я предлагаю еще раз вернуться к этому параграфу. Вы обдумаете его, и мы также обдумаем.

Окумура: Может быть, через несколько лет у Вас безработица будет продолжаться. Для нас принять один или два года невозможно.

Гуревич: Мы еще раз обдумаем этот вопрос и вернемся к нему. Теперь § 26. Есть ли какие-нибудь изменения?

Окумура: По § 26, имея в виду наш разговор, мы основательных возражений не имеем. Но мы бы просили Вас разрешить нам представить письменные дополнительные условия, а этот параграф пока оставить.

Гуревич: Разрешите сформулировать так: этот параграф мы принимаем, а Вы подадите в письменной форме Ваши пожелания на этот счет. Мы передадим их НКЖД и потом сообщим Вам ту директиву, которую НКЖД даст по этому поводу соответствующим консулам. Вы будете знать, о чем идет речь.

§ 26 принимается. Дальше § 27.

Окумура: Здесь мы возражений не имеем.

Гуревич: § 27 принимается. Следующий § 28.

Окумура: В § 28 говорится относительно портовых сборов и разных пошлин. Я в прошлый раз просил установить единый налог вместо всех сборов и налогов и потому прошу это сейчас оставить, чтобы потом обсудить одновременно с другими налогами.

Теперь относительно захода пароходов. В абзаце 2-м сказано, что только при условии предварительного согласования таких пунктов с Народным комиссариатом путей сообщения. Я просил бы принять по этому вопросу нашу формулировку:

“Суда, перевозимые* рабочих, служащих и всякие предметы и материалы предприятия (включая предметы широкого потребления и продовольствия для рабочих и служащих предприятия) и вывозившие добытый продукт концессионного предприятия, могут заходить прямо на побережье концессионных площадей без захода в общий открытый порт”.

* Так в тексте. Правильно “перевозившие”.

В последнем абзаце сказано относительно вспомогательных катеров в 40 сил, и мы здесь просим сказать вместо 40 сил – 60. Других возражений у нас нет.

Ходоровский: Не знаю, в чем тут стеснение. В абзаце 2-м мы говорим только о предварительном согласовании, но не о том, чтобы каждый раз согласовывать. Нам важно знать, какие места на С[еверном] Сахалине будут пунктами постоянного захода судов к[онцессионе]ра.

Последний же абзац предусматривает для мелких вспомогательных судов полную свободу захода.

Гуревич: Тут вместо 40 сил предлагается 60.

Ходоровский: Думаю, что это не встретит возражений.

Гуревич: Разрешите, г-н Окумура, начать с последнего абзаца, потому что тут мы сразу уступаем и не возражаем против того, чтобы вместо 40 сил поставить 60. 2-й абзац говорит о том, что Вы должны согласовать пункты захода с НКПС, но это Вас не стеснит. Речь не идет о том, чтобы это делать каждый раз. Вы согласуете раз навсегда и укажете, что Вам нужно заходить в такие-то места, и Вам сразу будет дано разрешение. Вам не придется каждый раз согласовывать это, и тут затруднения нет. Главное различие между Вашей и нашей формулировкой заключается в том, что мы требуем, что если Вы заходите в различные пункты, то предварительно суда должны быть досмотрены в таможенных пунктах, а у Вас этот вопрос совершенно отпал. Как же мы можем идти на то, что суда будут проходить без всякого осмотра таможни? Я не сомневаюсь, что О[бщест]во не будет заниматься контрабандой, но что матросы не будут привозить контрабанду, почему Вы это знаете? Правило во всех государствах таково, что раз приходит иностранное судно, то оно должно заходить в таможенный пункт. У Вас же это выпало. Это простое недоразумение.

Окумура: У нас не говорится – без осмотра, но если судам каждый раз заходить в таможенный пункт, то это будет очень неудобная вещь. Вы можете командировать чиновника из таможни на место выгрузки, на пароход.

Гуревич: Наши специалисты говорят, что здесь больших затруднений нет, и если Вам нельзя будет заходить в Александровск, то Вы можете послать катер за нашим таможенным чиновником, который приедет и осмотрит.

Яманоути: Но если море бурное, то катер нельзя послать.

Гуревич: Но тогда и выгружаться нельзя.

Этот вопрос больших возражений не вызовет, нужно будет его перередактировать и включить условие о посылке на места таможенных чиновников.

Гуревич: Я предлагаю вставить во 2-м абзаце (сейчас у меня нет готовой подходящей формулировки) формулу, согласно которой порядок досмотра судов будет происходить по соглашению с местными таможенными властями не только в Александровске, но и в местах погрузки и разгрузки, причем расходы по командированию чиновников в последнем случае относятся за счет к[онцессионе]ра.

Окумура: Относительно расходов в данном случае это само собой разумеется.

Гуревич: Значит, § 28 можно считать в общем принятым, за исключением вопроса об оплате портовых и иных сборов, вопрос о чем будет разрешен в связи с общим вопросом о налогах.

Я хотел только добавить, что плата за услуги не входит в портовые сборы и Вам, конечно, это придется платить.

Ходоровский: Под платами за услуги понимаются оплата лоцмана, право пользования причальными устройствами и т.д.

Гуревич: За эти услуги Вам придется платить, откладывается сейчас только вопрос о портовых сборах.

Редакцию § 28 считать принятой с тем добавлением, которое я сделал. Переходим к § 29.

Окумура: Мы просим в 1-м абзаце прибавить слово “молы”.

Гуревич: Я не возражаю. 1-й абзац будет читаться следующим образом: “Концессионеру предоставляется право устраивать молы, погрузочные пристани и причалы”.

Окумура: Что касается водной поверхности, у нас есть следующая редакция: “Концессионер имеет право беспрепятственно и свободно пользоваться морской поверхностью на время погрузок и выгрузок в районах вышеуказанных моллов, пристаней и причалов”.

Гуревич: Редакция концессионера принимается как 2-й абзац § 29.

§ 29 в целом принимается.

Следующее заседание назначить в среду 30 сентября в 7 час. вечера.

Объявляю заседание закрытым.

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1005. Л. 209–220. Копия.

*Стенограмма заседания комиссии Главконцесскома СССР
и представителей японских нефтяных компаний
об условиях отвода лесосек и найма рабочих*

29 сентября 1925 г.

Присутствовали:

Со стороны комиссии ГKK: член комиссии г. Гуревич. Экспертиза: г.г. Абазов, Бонч-Осмоловский, Галузин, Лашкевич, Левин, Ляндау, Мусатов, Никитин, Ходоровский, Худяков, Бекман. Эксперт-переводчик г. Конрад. Секретари: г.г. Зубкова, Гальперин, Курица.

Со стороны японской делегации: председатель г. Накасато, советник г. Каваками, юрисконсульт г. Ватанабэ. Технический эксперт г. Ямада. Врач г. Кумакава. Секретари – г.г. Инаиси, Сайто. Переводчики: г.г. Конисси, Араи, клерк г. Нака.

Председательствовал г. Гуревич.

Гуревич: Объявляю заседание открытым.

На прошлом заседании мы не закончили § 24 в части, касающейся права правительства пользоваться сооружениями концессионера для обслуживания местного населения. Мы Вам передали нашу редакцию по этому вопросу, и Вы обещали сегодня дать нам ответ.

Накасато: Этот абзац мы предлагаем в договор не включать.

Гуревич: Тогда, значит, § 24 будем считать принятым в редакции, принятой на предыдущем заседании.

Накасато: Я согласен.

Гуревич: Следующий параграф, который остался у нас частично не принятым, это § 25. По трем первым абзацам этого параграфа мы Вам также передали новую редакцию, и Вы обещали дать нам сегодня по ним ответ. В принципе эти абзацы были с Вами согласованы. Вы хотели только просмотреть их редакцию.

Накасато: Редакцию этих абзацев я еще не прочел, я ее еще не знаю, но, тем не менее, я с этими тремя абзацами вполне согласен. Прошу только прибавить здесь, как это было сделано везде, слово “безвозмездно”, то есть чтобы мы могли безвозмездно проводить нефтепроводную трубу.

Гуревич: Я в прошлый раз говорил уже, что если мы сойдемся на паушальном налоге, то никакой платы за пользование нефтепроводом не будет. А если не будет принят паушальный налог, а будет принят налог со строений, то тогда за это придется платить. На предыдущем заседании я говорил, что решение вопроса

о плате за это мы отложим до решения вопроса о паушальном налоге.

Накасато: Наше желание такое, чтобы как в параграфах 23, 24 и 27 сказано “безвозмездно”, чтобы это также было указано в 1-м и 2-м абзацах этого параграфа.

Гуревич: Я на прошлом заседании объяснял, что поскольку речь идет об участке для проведения нефтепровода, то Ваше предложение можно принять, а если речь идет о самом сооружении, то это зависит от того, будет ли принят паушальный налог или нет. Предлагаю поэтому сегодня зафиксировать, что § 25 принимается с тем, что вопрос о плате за нефтепровод будет разрешен в связи с решением вопроса о паушальном налоге.

Накасато: Относительно домов, строений сказано, что их можно строить безвозмездно, нам желательно сказать здесь то же самое.

Гуревич: Я не возражаю против того, чтобы вставить слово “безвозмездно” в 1-м и во 2-м абзацах. Редакция, таким образом, получится следующая: “Концессионер имеет право безвозмездного сооружения...”

Таким образом, § 25 будем считать принятым.

Накасато: Согласен.

Гуревич: Переходим к § 29.

Какие имеются пожелания по этому параграфу?

Я прошу разбирать этот параграф по абзацам, что значительно облегчит его обсуждение. Может быть, г-н адмирал не будет возражать против такого порядка обсуждения, то есть чтобы сперва обсудить 1-й абзац, затем 2-й и т.д.

Накасато: Против 1-го абзаца ничего не имеем.

Гуревич: Будем считать 1-й абзац принятым. Переходим ко 2-му абзацу.

Накасато: Во 2-м абзаце написано: “с Дальневосточным земельным управлением”. Где это находится?

Гуревич: В Хабаровске.

Накасато: Против 2-го абзаца также ничего не имеем.

Гуревич: Значит, 2-й абзац будем считать принятым. Переходим к абзацу 3-му.

Накасато: Абзац 3-й гласит: “Предоставляемый концессионеру как на разведочных площадях и эксплуатационных участках, так и вне их лес отпускается на условии оплаты по действующим таксам” Мы предлагаем этот абзац сформулировать следующим образом: “Предоставляемый концессионеру на вышеупомянутых лесосеках лес отпускается на условии оплаты по действующим таксам”.

Гуревич: Значит, Вы хотите, чтобы условия этого абзаца распространялись только на 2-й абзац?

Накасато: Да.

Гуревич: А как в отношении леса, который будет вырублен на площадях концессии?

Накасато: 1-й абзац говорит о лесе, находящемся на территории концессии. Это мы желаем получить бесплатно. Во 2-м абзаце говорится об отводе нам лесосек вне территории концессии. Мы предлагаем, чтобы лес с этих лесосек мы получали по действующим таксам.

Гуревич: Если бы речь шла только об эксплуатационных участках, то есть о 8-ми месторождениях, то там еще можно бы было говорить о бесплатном отпуске леса. Но мы обязаны Вам предоставить согласно Пекинскому договору полосу в 1000 кв. верст для разведок. А требовать от нас, чтобы мы Вам безвозмездно дали лес на площади в 1000 кв. верст, безусловно, нельзя, ибо эта площадь может быть самостоятельной большой лесной концессией. Поэтому против этой поправки я категорически возражаю. Можно говорить о том, чтобы не взимать с Вас платы с того леса, который находится на Ваших эксплуатационных 8-ми месторождениях. Общая площадь там 40 кв. верст, половина отходит к нам, а об остальных 20 кв. верстах, которые отходят к Вам, можно говорить, что лес, произрастающий на этой площади, отпускается Вам бесплатно. Что же касается разведочной площади в 1000 кв. верст, то я даже не понимаю, как г-н адмирал может ставить вопрос о том, чтобы отпуск этого леса был бесплатный. По исчислениям наших специалистов выходит, что эта площадь даст 50 000 000 куб. метров леса. То есть то, что Вы просите на 1000-верстной кв. полосе, составит примерно 7 500 000–8 000 000 руб. Так что эта маленькая поправка, которую Вы просите сделать, будет стоить нам ни много, ни мало около 8 млн руб.

Накасато: А как в отношении леса на территории 8-ми месторождений?

Гуревич: Наши специалисты указывают на то, что и этот лес – на площади 8-ми месторождений – составляет довольно большую ценность. Вся площадь 8-ми месторождений занимает около 40 кв. верст. По договору половина отходит к нам, на Вашу долю падет 20 кв. верст. Это составит 2000 дес. По нашему исчислению с каждой десятины около 50 куб. сажень выхода, так что всего леса с этой площади будет около 100 000 куб. сажень. Если считать лес только по цене дров, то это и то составит 150 000 руб. Но так как там не только дрова, но и строевой лес,

то это составит уже около 500 000 руб. По сути это очень большая уступка.

В 1-м параграфе у нас сказано, что этот лес разрешается вырубать, поскольку это необходимо для нужд предприятия, а не для продажи. Поскольку я сказал, что на эту уступку я пойду, мне отступить не хотелось бы. Но вместе с тем я желал бы извлечь из этой уступки и некоторую пользу для рабочих и поэтому ставлю вопрос в такую плоскость, что этот лес мы даем Вам бесплатно, но Вы обязуетесь употребить его для устройства жилищ, больниц, клубов и т.д.

Накасато: Разрешите задать один вопрос. Этот лес нужно будет употребить исключительно на постройки для рабочих или же, между прочим, из него нужно будет строить жилища для рабочих?

Гуревич: Мы хотим сказать, что бесплатно мы будем отпускать Вам лес на территории 8-ми месторождений для постройки жилищ рабочих и служащих, для постройки школ. Что же касается леса для нужд предприятия, то, поскольку в нефтяном предприятии нужда в лесе небольшая, думаю, что об этом мы спорить не будем. Можно считать, что как для нужд предприятия, так и для нужд постройки школ, больниц, клубов и жилищ для рабочих и служащих лес с территории 8-ми месторождений отпускается бесплатно.

Накасато: А как относительно топлива для рабочих и служащих?

Гуревич: Лес на топливо можно будет отпускать бесплатно.

Накасато: Значит, в 3-м абзаце будет маленькое изменение.

Гуревич: Абзац 3-й будет читаться таким образом:

“Предоставляемый концессионеру согласно абзацам 1-му и 2-му настоящего параграфа лес, за исключением леса, произрастающего на эксплуатационных участках 8-ми месторождений, указанных в § 10 настоящего договора, отпускается на условиях оплаты по действующим таксам.

Примечание: Лес, произрастающий на эксплуатационных участках 8-ми нефтяных месторождений, перечисленных в § 10, отпускается для нужд предприятия и на жилищное строительство, но не для продажи безвозмездно”

Потом мы дадим еще одно добавление.

Накасато: Нам желательно 3-й абзац оставить в таком виде, как он первоначально был формулирован, исключив лишь слова “эксплуатационных участках”, потому что по мере того как разведочные работы будут прогрессировать на площади в 1000 кв. верст, когда нам будут по этой площади сделаны отводы, то нам

было бы желательно пользоваться лесом и на этих отводах. Без этого мы обойтись не можем, и когда дела там разовьются, то нужен будет лес и на этих месторождениях. Кроме того, в примечании Вы указываете только два случая – для нужд жилищного строительства и для нужд предприятия. Здесь нужно было бы добавить: и для культурно-просветительного строительства, и для топлива.

Гуревич: Против последней поправки я не возражаю, то есть чтобы там, где у нас говорится “для нужд предприятия и жилищного строительства”, прибавить: “и для культурно-просветительного строительства, для санитарного строительства и для топлива”. Эту поправку можно принять. Что же касается Вашей второй поправки, то есть чтобы на участках, которые после разведки поступят в эксплуатацию, лес отпускался тоже бесплатно, то она для нас неприемлема. Г-н адмирал все время говорил о 8-ми месторождениях. Я указывал, что это есть большая уступка, если мы даем право пользоваться лесом бесплатно на площади этих 8-ми месторождений. Теперь же Вы говорите о тех участках, которые будут отведены Вам после разведок на площади в 1000 кв. верст. Сколько будет отведено участков, еще неизвестно. Может быть, будет отведено много тысяч десятин, и тогда опять встанет вопрос, что получается большая лесная площадь, которую нельзя будет предоставить Вам в пользование безвозмездно. Когда я писал эту редакцию, я это сознательно ввел, а не по ошибке. Я считал, что эта льгота дается лишь для 8-ми месторождений, а на остальных участках отпуск леса должен производиться за плату по установленным таксам. Почему на этих 8-ми месторождениях мы даем Вам это бесплатно? Потому что это есть та площадь, на которой Вы незамедлительно приступите к работе, и так как всякое дело вначале требует больших расходов по оборудованию и пр., то мы и пошли здесь Вам навстречу, сделав эту уступку. Но на остальных участках мы на эту уступку пойти не можем.

Накасато: Когда нам будут даны отводы из площади в 1000 кв. верст, то лес там тоже будет отпускаться бесплатно или нет?

Гуревич: Нет, там лес не будет бесплатно отпускаться, а будет отпускаться по действующим таксам.

Накасато: Но ведь там мы будем заниматься строительством такого рода, и там у нас будет та же надобность в лесе, что и на 8-ми участках, так что мы думаем, что в отношении этих участков вопрос о лесе должен быть решен так же, как и о 8-ми участках.

Гуревич: Верно, что надобность в лесе одна и та же, но я уже объяснял, что мы идем на эту уступку для 8-ми месторождений, ибо там придется начинать работать сейчас же, между тем как

тогда, когда Вы будете работать на остальных эксплуатационных участках, Вы уже будете Обществом с большой добычей нефти и сможете оплачивать необходимый для Вас лес. Поэтому мы считаем, что распространять эту льготу и на те участки, тем более, что мы не знаем, сколько там таких участков будет, было бы несправедливо.

Накасато: А какая там цена леса будет?

Гуревич: По установленным таксам. Сейчас действуют таксы 1912 года. Эти таксы были здесь уже оглашены. Они следующие: для дров – 1 руб. 50 коп. за куб. сажень. Для сосны, кедра и проч., то есть для высших сортов, – 2 1/2 коп. кубо-фут. Для ели и пихты, лиственницы – 2 коп.; это для самых крупных размеров, для более мелких размеров будет сделано соответствующее понижение.

Накасато: Разрешите вопрос о лесе на территории 1000 кв. верст разведочной площади отложить и нам еще над ним подумать.

Гуревич: Я не возражаю. Значит, абзац 3-й откладывается до следующего заседания. Дальше абзац 4-й.

Накасато: Здесь у нас возражений нет.

Гуревич: Значит, абзац 4-й принимается.

Накасато: По абзацу 5-му я хотел бы знать, где находятся местные органы горного надзора.

Гуревич: На Северном Сахалине.

Накасато: Против этого абзаца тоже возражений нет.

Гуревич: Значит, абзацы 1, 2, 4 и 5 принимаются, абзац 3-й откладывается.

Переходим к § 30. Какие у Вас здесь есть пожелания?

Накасато: Относительно абзацев 1-го и 2-го мы имеем Вам кое-что сказать.

Сейчас мы подошли к вопросам закона о труде. Относительно этого вопроса мы много думали и знаем, что основы Вашего государства и законодательства, государственного устройства создаются именно на основе этих законов о труде. Мы уважаем Ваше законодательство, но хотели бы, чтобы нам в этом деле было сделано все возможное с Вашей стороны. Мы должны просить Вас принять во внимание, как трудно нам создать как следует наше предприятие на Сахалине в этом захолустье. Когда мы первый раз заседали здесь под председательством г-на Гуревича, тогда нами было высказано мнение, что неквалифицированных мастеров и рабочих мы будем принимать по нашим обычаям и привычкам. Но, тем не менее, сейчас из уважения к Вашим законам мы от этой мысли отказались и думаем о том, чтобы возможно ближе подойти к Вам.

Однако если принять этот кодекс там, где преобладали бы в громадном числе Ваши советские рабочие, то это значило бы увеличить наши расходы до таких размеров, что мы не в состоянии будем это вынести.

Поэтому мы должны убедительно просить Вас, чтобы Вы приняли некоторые наши пожелания, которые мы сейчас Вам представим и относительно которых нам хотелось бы услышать Ваше уважаемое мнение.

Во-первых, нам желательно, чтобы прием рабочих производился нами самими. Нам желательно самим вести переговоры с властями и организациями труда и заключать с ними договоры.

Во-вторых, мы хотели бы, чтобы там был принят десятичасовой рабочий день.

В-третьих, чтобы за каждый час работы сверхположенной уплачивалась бы одна десятая часть дневной платы.

В-четвертых, мы хотели бы, чтобы другие запрещения или ограничения в этом деле не применялись бы.

В-пятых, по советским законам слишком много нерабочих, праздничных дней. Это, конечно, может быть только для советских рабочих, а для наших рабочих пусть будет по нашим обычаям и привычкам.

Вот эти 5 пунктов мы желали бы, чтобы Вы разрешили нам, и так как для Вас законы о труде чрезвычайно важны и чрезвычайно уважаемы Вами, то мы хотели бы услышать Ваше мнение по этим пунктам.

Гуревич: Я уже говорил г-ну адмиралу, когда мы обсуждали этот вопрос, что законы о труде мы менять не можем. Ни Главный концессионный комитет, ни само правительство СССР не вправе изменить даже одной запятой в этом кодексе. По нашим действующим законам такое изменение мог бы произвести только Съезд Советов, но я вообще себе не представляю, чтобы такой вопрос нами когда-либо мог бы быть поднят. Ваше требование является для нас абсолютно неприемлемым. Эти законы есть наша конституция, и от нее мы отступить никоим образом не можем.

Теперь по существу Ваших предложений. Мы рассматриваем наш Кодекс законов о труде как кодекс охраны труда рабочих в отличие от других государств, где законы о труде являются соглашением между предпринимателем и рабочим. Всякий закон о труде, который издается в капиталистических странах, является равнодействующей в борьбе между рабочими и предпринимателями. У нас, как я уже сказал, кодекс носит характер охраны труда рабочих. Поэтому, чем труднее условия работы, тем больше оснований для того, чтобы применять абсолютно весь кодекс.

Вы говорите о 10-часовом рабочем дне. Вы ссылались на тяжелые условия на Сахалине, на суровый климат и т.д. Отсюда следует, что рабочим на Сахалине будет трудно работать, придется работать в таких климатических условиях, в которых не приходится работать нашим бакинским или грозненским рабочим или рабочим на промыслах САСШ. Естественно, что при таких условиях не может идти речь о том, чтобы изменить условия труда в сторону ухудшения. Вы говорите относительно того, чтобы мы установили для Вашего предприятия на Сахалине другие праздничные дни, чем существуют в СССР. Согласитесь, что тогда получилось бы нечто похожее на сеттльменты в Китае, где для всего населения одни законы, а для концессионных территорий другие. Этого быть не может. Законы СССР все без исключения действуют на всей территории Союза. Мы не можем установить одни праздники в одной части СССР и другие праздники в другой части. Я, не вдаваясь в обсуждение отдельных представленных Вами пожеланий, должен указать, что для нас этот пункт является “*Conditio sine qua non*”*. Мы в этом пункте никаких уступок сделать не можем. Я уже указал на это, когда мы обсуждали Ваши пожелания, и повторяю это сейчас. Это совершенно несовместимо с природой нашей власти. До сих пор мы не сделали ни одной уступки в этой области ни в одной концессии. Обычно с концессионерами мы этот вопрос даже не обсуждали. Каждый концессионер, который приезжает к нам, знает, что есть один пункт договора, по которому никакого обсуждения не ведется. Этот пункт – законы о труде. Так что при всем моем желании пойти навстречу г-ну адмиралу, при всем моем стремлении довести наши переговоры до благополучного конца (а я глубоко убежден, что мы доведем их до благополучного конца) я должен сказать, что в этом вопросе я никаких уступок сделать не могу, ибо это требование не только юридически, но и по существу противоречит всей природе нашей власти.

Накасато: Мы поняли, в чем состоит Ваше мнение. Мы понимаем, что эти законы для Вас святы и должны быть свято соблюдаемы. Если там ни на йоту нельзя изменить, тогда это нам придется, конечно, принять целиком, но должен просить Вас принять во внимание, что на Северном Сахалине особые условия. Мы, читая о концессиях, сдаваемых Вами, между прочим прочли о концессии, которую Вы дали итальянцам, и где, кажется, разрешается жить по их обычаю и...**

* Непременное условие (*лат.*).

** Отточие текста.

Гуревич: Где это?

Накасато: Это, кажется, итальянская земледельческая концессия.

Гуревич: У нас нет ни одной итальянской земледельческой концессии и нет вообще ни одной концессии, где были бы внесены изменения в Кодекс законов о труде. Должен Вас заверить, г-н адмирал, что ни для кого никаких таких изменений в кодексе сделано не будет.

Накасато: Мы, конечно, на этот случай не опираемся, а только между прочим об этом сказали. Если Вы объясняете так, что ни на одну йоту в этом законе не может быть сделано изменения, то нам придется принять это целиком, но мы убедительно просим Вас иметь в виду, что мы имели иной взгляд на эти вещи и просим еще раз Вас принять это во внимание.

Гуревич: Я привык уважать всякое мнение и ни в коей мере не хочу сказать, что мы в какой-нибудь мере оспариваем мнение г-на адмирала по этому поводу, но на нашей территории мы должны исполнять законы СССР. Это есть наш основной закон. Я уже объяснял г-ну адмиралу, что я всячески готов пойти ему навстречу в целом ряде других пунктов и, как он, вероятно, уже успел убедиться за это время, что мы ведем переговоры, мы идем навстречу по всем другим пунктам, но в этом пункте у нас никакие изменения не возможны.

Я хотел еще добавить, что ссылка, сделанная г-ном адмиралом на итальянскую концессию, есть результат того, что г-н адмирал был введен в заблуждение каким-нибудь извещением. У нас существует пока вообще только одна итальянская концессия, а именно “Итало-Бельгийское Общество по разведке нефти в Ширакской степи в Грузии”. Это Общество приняло этот пункт в таком виде, как он написан здесь. Сейчас мы ведем переговоры с одной англо-американской компанией по вопросу о добыче золота на Чукотском полуострове, где, как Вам известно, условия еще гораздо хуже, чем на Сахалине, ибо это находится за Полярным кругом. Но для этой концессии Кодекс законов о труде обязателен в полном объеме. Я уверяю Вас, г-н адмирал, что если кто-нибудь возьмет у нас концессию на Северном полюсе, то все равно в договоре будет этот же самый параграф. Этот параграф совершенно одинаково повторяется во всех концессионных договорах. В этом отношении, г-н адмирал, Вы можете быть совершенно уверены, что ни одному концессионеру ни до, ни после Вас такой уступки сделано не было и не будет. Вам кажется, что этот кодекс трудно выполним, ибо Вы привыкли к другим обычаям и условиям, но пусть будет для Вас утешением то, что для всех кон-

цессионеров этот пункт был, есть и будет и, как мне здесь подсказывают, в том числе он будет и для угольных концессионеров.

Я хочу сейчас несколько развеять Ваши сомнения. Вам кажется, и действительно это может быть так в первый раз, когда знакомятся с кодексом, что кодекс этот настолько тяжел, что, выполняя его, Вы не сможете работать на Сахалине. Я должен Вам на это сказать, что наши государственные нефтяные тресты платят гораздо больше, нежели Вы, и долевого отчисления, и налогов и, несмотря на это, мы в этом году экспортировали 84 000 000 пудов нефти за границу. Я желаю Вашей концессии зарабатывать столько, сколько зарабатывает Нефтесиндикат¹, несмотря на то, что он платит и более высокое доленое отчисление, и налоги больше, нежели Вы, несмотря на то, что он строит жилища для рабочих, исполняет Кодекс законов о труде, платит социальное страхование. Вы можете указать, что условия работы в Баку и в Грозном иные, чем на Северном Сахалине, но на это я должен Вам сказать следующее. Мы сами предполагаем также вести работу на Северном Сахалине, и должен Вас уверить, что наше государственное предприятие, которое будет вести там работу рядом с Вами, будет иметь абсолютно те же обязательства, что и Вы, так что в этом отношении мы рассматриваем Вас как наше собственное государственное предприятие. У Вас на первый взгляд создалось впечатление, что если Вы будете применять наш Кодекс законов о труде, то Вам придется от этого терпеть убытки. Но я глубоко убежден, что, несмотря на то что Вы будете платить нам доленое отчисление, будете платить налоги, будете выполнять Кодекс законов о труде и платить социальное страхование, несмотря на все это, нефть сиф Июкогама Вам будет стоить все же гораздо дешевле, чем та, которую Вы привозите из Калифорнии. Я не сомневаюсь, что когда Вы проработаете один-два года и мы с Вами встретимся, то Вы, г-н адмирал, скажете мне, что Вам нефть обходится все же дешевле, чем теперь.

Накасато: Разрешите один вопрос. В § 30 3-й абзац касается социального страхования. Мы читали Вашу записку, и выходит так, что с нефтяного дела платится 16%. Правильно это или нет? Мы слышали от представителей по каменному углю, что для их предприятия социальное страхование определено в 10%. Отчего такая разница? Нам желательно было бы услышать от Вас объяснения по этому вопросу.

Если это зависит от степени опасности предприятия, то с этой точки зрения каменноугольные предприятия гораздо опаснее, чем нефтяные. Мы не имеем сейчас заграничных статистических данных, но что касается Японии, то мы часто слышим о взрывах

и других несчастиях в каменноугольных предприятиях. Это и правильно, потому что там работают в тесных местах, глубоких шахтах и штольнях, и поэтому там больше таких катастроф. Но нефтяное дело ведется на открытом воздухе, тут никаких опасностей нет, а кроме того, в гигиеническом отношении работать внутри штольни или в шахтах гораздо хуже, чем на открытом воздухе. Нам кажется неправильным, что для нефти установлено 16% социального страхования, а для каменного угля 10%. Может быть, мы это неправильно понимаем, и поэтому разрешите Вас просить дать нам объяснение.

Гуревич: Вы совершенно правильно поняли, что взносы на социальное страхование установлены для угля 10% с заработной платы, а для нефти 16%. Когда Вы говорите относительно того, что это несколько неправильно, поскольку опасность работы в каменноугольных предприятиях больше, чем в нефтяных предприятиях, то это верно. Я не думаю оспаривать то положение, что количество несчастных случаев в каменноугольных предприятиях больше, чем в нефтяных, но мы при установлении процента социального страхования исходим не только из степени опасности работы, но и из прибыльности предприятия. У нас не только для концессионеров, но и внутри СССР для государственных предприятий (а мы Вас приравниваем к государственным предприятиям) тресты угольные платят 10%, а тресты нефтяные 16%. Я могу указать, что табачные предприятия, где опасность еще меньше, платят 21%. Мы руководствуемся в данном случае прибыльностью предприятия, поскольку у нас фонд социального страхования не разделен по отдельным отраслям промышленности, а является единым республиканским фондом социального страхования. Для того чтобы можно было перестраховать рабочих, чтобы можно было выполнить для всех рабочих одинаково все льготы по социальному страхованию, приходится устанавливать для предприятий, более рентабельных, взносы на социальное страхование выше, чем для менее рентабельных. Иначе у нас получилось бы такое положение, что мы должны были бы для рабочих вредных предприятий, так как эти предприятия менее рентабельны, устанавливать меньше льгот, чем для рабочих менее опасных предприятий, но более рентабельных. Я хочу обратить Ваше внимание, что эти 16% исчисляются не с оборота, а с заработной платы. Я хотел бы еще добавить, что фактически дело обстоит таким образом, что заработная плата в угольных предприятиях составляет 45–50% всей стоимости добываемого продукта, а в нефтяных предприятиях только от 15% до 25–30%, причем 15% при фонтанной нефти и 30% при обычной добыче.

Так как социальное страхование берется не с оборота, а с заработной платы, то фактически каменноугольные предприятия, хотя будут платить 10%, будут платить столько же, а может быть, и больше, чем нефтяные предприятия.

Накасато: Ваше мнение мы выслушали, и мы не будем его оспаривать, но наше предприятие на Сахалине – это, собственно говоря, вообще начало дела там, на Сев[ерном] Сахалине. Это не такое дело, как у Вас в других местах. Тут мы только начинаем создавать что-то в том месте, где еще ничего нет. Поэтому в первые 2–3 года мы не будем иметь прибыли в полном смысле этого слова. А когда будем получать прибыль, то придется бросить ее всю на разведочные работы, и долгое время, таким образом, у нас почти ничего не останется от прибыли. Так что такая высокая норма, как 16%, должна быть Вами сколько-нибудь смягчена. Мы принимаем 1-й и 2-й абзацы без всяких поправок – в Вашей редакции, то есть принимаем так, как Вы нам это предложили. Но если мы это примем, то как бы то ни было, во всяком случае у нас, расходы увеличатся. Ввиду этого мы думаем, что наше положение на Сахалине будет весьма тяжелое. А если нам придется платить еще высокое социальное страхование, то это будет еще труднее. Возникает даже сомнение, возможно ли там предприятие при таких условиях? Поэтому относительно процента социального страхования мы просим Вас еще раз подумать, а сегодня просим отложить это на другое заседание.

Гуревич: Я не возражаю против того, чтобы отложить обсуждение 3-го абзаца на другое заседание. Но я Вам должен сказать, что мы в вопросе социального страхования не можем уступить. Я уже объяснял г-ну адмиралу, что социальное страхование не есть налог, что от социального страхования государство ни в коей мере ничего не зарабатывает, ибо все, что взимается на социальное страхование, возвращается в том или другом виде рабочим. Возвращается это или в виде медицинской помощи, или в виде пособия на временную утрату трудоспособности, или при инвалидности. Причем я хотел бы отметить здесь, что мы пособия будем выплачивать семьям служащих и рабочих независимо от того, будет ли семья рабочего жить в СССР, в Китае, в Японии или другом месте. Независимо от этого мы все равно причитающееся семьям пособие будем выплачивать. В данном случае, таким образом, г-н адмирал просит уступку не за счет правительства, а за счет рабочих, ибо, повторяю, правительство ничего от этого не имеет, потому что сумма социального страхования не включается нами в бюджет, не составляет параграфа бюджета, а поступает всецело в распоряжение страховых касс и расходуются

ими. Эти кассы выбираются самими рабочими, и правительство не имеет права распоряжаться суммами страховых касс.

Сейчас я не возражаю против того, чтобы этот абзац отложить обсуждением с тем, чтобы потом снова к нему вернуться.

Разрешите, таким образом, зафиксировать, что 1-й и 2-й абзацы приняты, а 3-й абзац откладывается.

Накасато: Против этого ничего не имеем.

Гуревич: Я хочу сказать еще несколько слов по этому параграфу. В связи с тем, что мы говорили в § 29 относительно жилищ, мы хотели бы вставить в § 30 следующее добавление: “Концессионер обязан бесплатно предоставить всем рабочим и служащим концессионного предприятия и проживающим с ними семьям жилища, отвечающие установленным в СССР санитарно-жилищным нормам” Есть ли у Вас возражения по этому предложению?

Накасато: Это Ваше требование мы считаем имеющим свое основание, но все-таки если для всех рабочих СССР с семьями предоставить жилища, то это дело есть само по себе большое предприятие. Конечно, хороший смысл этого Вашего предложения мы понимаем, но мы сейчас не можем Вам прямо дать согласие на это и поэтому просим дать нам возможность обдумать этот абзац.

Гуревич: Я хотел только отметить, что для нас непонятно, о чем Вы говорите, когда указываете “всех рабочих СССР” Это ведь касается только тех рабочих, которые будут работать у Вас на предприятиях. Скажите, как Вы вообще думаете иначе получить там рабочих? Ведь жилищ на Сахалине нет, так что для рабочих Вам все равно придется их строить.

Конисси: Это так и понималось. Я пропустил слова “работающих на предприятии”.

Гуревич: Когда я говорил, что лес будет отпущен бесплатно на эксплуатационных участках, то я имел в виду, что из этого леса будут строиться жилища для рабочих, и поэтому мы в данном случае до известной степени взяли расходы на себя. Мы отпускаем бесплатный лес для строительства жилищ рабочих и поэтому считаем, что, поскольку мы идем на бесплатный отпуск леса для Ваших рабочих, постольку Вы должны идти на создание там бесплатных квартир для них. Я думаю, что в этом случае мы с Вами сделаем лишь хорошее дело.

Накасато: Сейчас Вы изволили сказать, что нужно построить казармы для служащих и рабочих. Как Вам известно, там время для работы весьма короткое, и если туда послать плотников, штукатурщиков и прочих мастеров, то это потребует много

расходов, ибо придется им там работать очень усиленно, так как время работы очень короткое. Недавно мы говорили об отпуске электричества местному населению. Но относительно жилищного вопроса нам придется еще подумать. Кроме того, придется подумать о том, сколько квадратных саженей нужно этих жилищ, сколько этих домов нужно, сколько нужно предоставить комнат каждому рабочему; может быть, некоторым квалифицированным нужно будет предоставить 2–3 комнаты, а некоторым, может быть, больше или меньше. Обо всем этом нам придется серьезно подумать. Если бы Вы дали нам раньше такой проект, то мы смогли бы его обдумать, но так как мы сегодня только получили его от Вас, то сейчас предоставить Вам ответ на это весьма трудно. Нам придется еще усиленно над этим поработать.

Гуревич: Я не возражаю против того, чтобы абзац 4-й отложить до следующего заседания. Но я хочу указать, что фактически г-н адмирал знал, что придется строить жилища для рабочих, иначе ни один рабочий на Ваше предприятие не пошел бы. Нельзя приглашать рабочих, не имея жилищ для них. Поэтому я указываю, что по существу тут никакой уступки с Вашей стороны не требуется. Вы все равно должны были бы строить жилища. Мы уже сделали уступку, предоставив для этого дела лес бесплатно.

Накасато: Мы относимся к этому делу с большим сочувствием и подумаем о нем.

Гуревич: Переходим к § 31. Я хотел обратить Ваше внимание, что этот параграф построен несколько сложно, но я просил бы вдуматься в то, какие он предоставляет концессионеру льготы. Здесь указывается определенный процент иностранных рабочих, которых мы разрешаем приглашать концессионеру. Мы прекрасно знаем, что на Северном Сахалине, особенно на восточном берегу, достать рабочую силу очень трудно, и поэтому мы сразу же говорим, что если мы не сможем дать Вам эту рабочую силу, которой будет у Вас не хватать, через наши дальневосточные отделы труда, то Вы сможете приглашать рабочих по Вашему усмотрению.

Я обращаю Ваше внимание на последнюю фразу 5-го абзаца, где сказано: “При неудовлетворении последними (то есть дальневосточными отделами труда) вышеуказанного условия концессионер вправе принимать иностранных рабочих и служащих в количествах по своему усмотрению”. Этим мы хотим сказать, что мы отдаем себе отчет, что привлечение рабочих – советских граждан будет очень трудно на Сев[ерном] Сахалине, и мы разрешаем Вам в том случае, если не сможем сами поставить рабочих, набрать их там, где Вы найдете нужным. Для нас этот параграф

имеет смысл как параграф, направленный к борьбе с безработицей внутри СССР. По нашим данным, на Дальнем Востоке имеется 2–3 тыс. безработных, и в первую очередь мы должны огрaдить их интересы.

Накасато: Вы думаете посылать на наши предприятия безработных. Против этого мы ничего не имеем и вообще смысл 31-го параграфа мы поняли, но относительно этого параграфа тоже имеем некоторые предложения.

Прежде всего мы должны сказать о 1-м абзаце, где придется попросить вписать нашу поправку. Здесь написано: 50% по категории высококвалифицированных рабочих и служащих. Тут в примечании придется написать, что кроме директоров и управляющих промыслами разрешается без ограничения приглашать еще заведующих частями.

Гуревич: Какими частями?

Накасато: Промысла будут разделены на несколько частей: бурение, разведывательные работы и др.

Дальше здесь во 2-м абзаце Вы разрешаете нам привлекать 25% иностранцев-чернорабочих. Мы желаем, чтобы Вами была принята относительно 1-го и 2-го абзаца норма для всех иностранных рабочих в 50%. Другая поправка заключается в том, чтобы мы могли увеличивать число иностранных служащих по надобности до $\frac{2}{3}$ с тем, чтобы увеличение количества иностранных служащих компенсировалось соответственным уменьшением иностранных рабочих. Кроме того (Конисси передает проект японской делегации по этому пункту г-ну Гуревичу), здесь написано: “Дальневосточный отдел труда или Дальневосточная биржа труда”. Нам желательно было бы указать местные органы, то есть в первом случае слова “Дальневосточный отдел труда” заменить словами “Охинский отдел труда”, а слова “Дальневосточная биржа труда” заменить словами “Биржи труда СССР на восточном берегу Северного Сахалина”.

Кроме того, в последнем абзаце Вами написано: “Указанное в п. а и б процентное отношение иностранных рабочих и служащих должно постепенно уменьшаться и подлежит пересмотру через каждые 3 года”. Здесь вместо 3-х лет мы просим поставить 10 лет, на что имеются следующие причины. Мы будем работать на Вашей территории, то есть на территории чужой для нас страны, и было бы естественно пользоваться в данном случае услугами рабочих той страны, где происходит работа. В конце концов так, конечно, и будет это, но все-таки в первое время это будет трудно. Хотя у Вас безработных много, но через море вряд ли многие захотят поехать, и, должно быть, только постепенно

будет увеличиваться количество рабочих, приезжающих с материка, а между тем, как Вам известно, население там весьма редкое и недостаточное для снабжения предприятия рабочей силой. Поэтому мы должны попросить Вас, чтобы число иностранных рабочих было увеличено до 50%, а служащих и выше этой нормы — до $\frac{2}{3}$. Конечно, много японцев мы туда перевозить не думаем, ибо, во-первых, из Японии дальше перевозить, а во-вторых, это дорого стоит. А кроме того, охотников будет немного. Так что придется больше пользоваться китайцами и корейцами, услугами которых мы пользуемся и сейчас. Нам легче будет достать рабочую силу из китайцев и корейцев, чем из японцев, и, кроме того, нам это будет выгоднее. Поэтому мы будем меньше приглашать японцев. Правда, в первое время нам придется больше пользоваться японцами, но это долго не будет продолжаться, и в скором времени из японцев у нас останутся лишь высококвалифицированные служащие. Мы просим увеличить количество служащих до $\frac{2}{3}$, но зато количество рабочих мы уменьшим на столько же, и всегда у нас будет в среднем 50% иностранцев. Очень возможны такие случаи, что в некоторых месторождениях будет очень трудно пополам иметь советских и японских служащих. Иной раз это никак нельзя будет сделать. Так, например, в зимнее время нужно будет оставлять на некоторых промыслах только одного человека для охраны. Придется там оставить одного японца.

Если отдел труда или биржа труда будет находиться вне этой местности, тогда нам придется терпеть много неудобств, если нужно будет пополнить служащих на 2, 3, 4 человека. В этом случае придется нарочно туда ехать, что, как мы Вам сейчас объяснили, весьма трудно, а в некоторые периоды совершенно невозможно. Поэтому такие отделы должны быть непременно на самом месте производства.

Еще придется попросить у Вас ответ на 1–2 вопроса, а именно: какая норма минимальной оплаты в этих местах для рабочих и служащих? А потом, если привлекать рабочих с далеких мест, то нам придется платить много за переезд. А много предложить мы не можем. Поэтому издалека, как, например, с Кавказа или из Москвы, нам, наверное, не придется приглашать. Надо будет ограничиться близкими местами. Затем нам придется иметь хороших инженеров, сведущих в нефтяном деле. Хотя бы одного такого специалиста нам непременно нужно будет. Возможно ли будет сделать такое приглашение кому-нибудь из Ваших инженеров?

Гуревич: Я хорошо понимаю все те возражения, которые сделал г-н адмирал.

В общем и целом необходимо сейчас сказать, что нам придется к этому пункту еще раз вернуться, а сейчас я хочу лишь сделать несколько замечаний по поводу Ваших исправлений.

Вы просите в примечании здесь прибавить “и заведующих частями”. По-русски несколько непонятно, что это означает, но мы вообще не против того, чтобы расширить несколько примечание. Тут сказано: “директоров и управляющих”. Это, конечно, можно расширить, но я просил бы найти здесь более подходящее выражение. Наши специалисты говорят, что то, что Вы подразумеваете под словом “частями”, называется у нас “отделами”. Так что здесь можно сказать: “и заведующих отделами”. Если Вы это имели в виду, то я против этого не возражаю.

Накасато: Например, Оха имеет одного управляющего, и под его ведением находится несколько отделов. Это касается именно начальников этих отделов.

Гуревич: Мы так и написали: “заведующих отделами”

Накасато: Согласен.

Гуревич: Следующая Ваша поправка – приравнение количества иностранных неквалифицированных к квалифицированным рабочим. Это было бы, по нашему мнению, неправильно. Квалифицированных рабочих нам труднее Вам предоставить, и поэтому мы здесь даем Вам большой процент иностранцев. Неквалифицированных рабочих мы можем Вам дать больше из граждан СССР. Поскольку далее Вы имеете право, если Вам не будут даны эти рабочие, приглашать их по своему усмотрению, я просил бы оставить для неквалифицированных рабочих 25%, так как неквалифицированных рабочих у нас больше, чем квалифицированных.

Следующая поправка Ваша сводится к тому, чтобы мы Вам разрешили в случае надобности иметь большее количество иностранных служащих, в частности, довести их до $\frac{2}{3}$. Вы это объясняете таким образом, что в отдельных случаях Вам придется иметь на одном предприятии только 2–3 человек и поэтому Вы не сможете тогда на этом предприятии держать и граждан СССР, и японцев и не сможете соблюсти установленного процентного отношения. Я должен указать, что когда мы исчисляем проценты, то мы исходим не из отдельных месторождений и промыслов, а имеем в виду всю концессию в целом. Так что в этом отношении внутри самой концессии Вам предоставляется возможность распределять рабочих, как Вы пожелаете. На одном руднике Вы можете не иметь ни одного иностранца, а на другом можете иметь исключительно иностранцев. Наш процент устанавливается для всей концессии в целом. Так что затруднения, о которых Вы говорите, в данном случае отпадают.

В том случае, если мы Вам не сможем дать служащих и рабочих в том количестве, которое Вам нужно, Вы в порядке абзаца 5-го имеете право их приглашать где угодно. Так что здесь затруднений никаких не будет.

Дальше Вы просите, чтобы мы заменили слова “дальневосточные отделы труда” Охинским отделом труда. Это сведет на нет весь параграф. Речь идет о том, чтобы дать работу безработным. Г-н адмирал говорит о безработных из Москвы, Баку и т.д. Мы не имеем в виду, чтобы Вы брали рабочих в Москве, Ленинграде или Баку. Мы сами понимаем, что это был бы такой накладной расход на предприятие, который предприятие не выдержало бы. Мы говорим о безработных, которые находятся во Владивостоке, Николаевске или Хабаровске, примерно в этих местах. Перевозка их не будет стоить дороже, чем перевозка рабочих из Японии или Китая, откуда также Вам придется перебрасывать рабочих. С этой стороны больших накладных расходов не будет. Но мы не можем пойти на Охинский отдел труда, потому что там никакого отдела труда нет. Там по крайней мере в первые годы будет только очень небольшой советский аппарат, и мы не сможем держать там целый отдел труда. Да если бы и был там отдел труда, то он не сможет дать Вам рабочих, так как где же он возьмет на Охе рабочую силу?

Точно так же в следующем абзаце нельзя поставить предлагаемые Вами слова “восточные береговые С[еверного] Сахалина биржи труда”. В Нутове, Катангли, Чайво нет никаких жителей и, конечно, никаких отделов труда. Если Вы напишете: сахалинские береговые отделы труда, то Вы можете вообще ни к кому не обращаться. Смысл нашего предложения заключался в том, что Вы имеете право приглашать иностранцев в размере установленного процента. Дальше Вы должны требовать рабочую силу из числа граждан СССР. Вы обращаетесь в Хабаровск и говорите, что Вам всего нужно на предприятие 600 рабочих, из коих 300 человек Вы по договору имеете право пригласить из иностранцев, а 300 должен Вам предоставить отдел труда. На это Вам сообщают, можно это сделать или нет, и если Вам дадут только 50 рабочих, то остальных 250 Вы можете взять в Китае или Японии. Если Вам не дадут ни одного рабочего, тогда Вы нанимаете всех 300 где захотите. Так Вы будете договариваться на каждый год, и Вам не надо будет ездить из-за каждого рабочего в Японию. Дальше Вы хотите, чтобы установленные нами процентные отношения пересматривались каждые 10 лет. Это слишком большой срок, удобнее будет пересматривать каждые 3 года.

Накасато: Мы имеем в виду, что эта концессия будет продолжаться 40–50 лет. Мы знаем, что сейчас там население мало и поэтому не думаем, чтобы эти учреждения были там сейчас основаны. Но мы думаем о будущем, и если мы напишем “дальневосточные биржи труда” или что-нибудь в этом роде, то придется обращаться обязательно в Хабаровск или Владивосток даже тогда, когда уже на месте будет достаточно большое население и мы сможем уже на месте достать необходимое количество рабочих. По нашему мнению, это время недалеко будет. Сейчас мы начнем там усиленно работать, там будут концентрироваться рабочие, многие из которых там поселятся. Такая организация, как отдел труда, там тоже будет нужна. Также и в Александровском посту, когда разовьется каменноугольное дело, появятся такие организации, как биржи или отделы труда. И, несмотря на то что на месте будут такие учреждения, нам придется ездить в Хабаровск или Владивосток.

Гуревич: Я понял Вашу мысль, но я хочу указать, что под словом дальневосточные отделы понимается не только Хабаровск. Если бы было написано “Дальневосточный отдел”, то тогда понимался бы только Хабаровск, но там сказано “дальневосточные отделы”, следовательно, если таковые будут в Дуэ, или Чайво, или в Нутове, то Вы сможете обращаться и к ним и Вам не придется ездить в Хабаровск. Но так как пока отделов труда на Сахалине нет, то Вы должны будете сноситься с Владивостоком или с Хабаровском. Обращаться туда Вам придется только раз в год.

Накасато: Предположим, нам сейчас нужно 300 человек, а Хабаровский или Владивостокский отдел труда может дать только 50 человек, значит, остальных мы свободно можем нанимать. Затем, когда нужно будет привезти рабочих от Владивостока или от Хабаровска до Сахалина, то это придется делать за наш счет?

Гуревич: Я еще раз это объясню. Дело происходит так. Вы обращаетесь в Дальневосточный отдел труда, предположим, за год вперед и говорите, что Вам нужно 600 рабочих. Из них 300 Вы сами нанимаете, а 300 рабочих Вам должны предоставить. Вам, конечно, нужно будет в этом случае обратиться в отдел труда заблаговременно, то есть примерно за 2–3 месяца, чтобы он мог этих рабочих собрать. На Ваш запрос отдел труда Вам ответит, может ли он дать Вам этих рабочих или нет. Если он ответит, что он может дать рабочих, то Вы ведете с этими рабочими переговоры, а если скажет, что не может предоставить Вам рабочих, то Вы нанимаете их сами. Причем Вам придется оплатить переезд рабочих с того места, где Вы их берете. Но, повторяю, Вам придется брать рабочих в данном случае не из Москвы, а там

же, на Дальнем Востоке. Переезд же из Дальнего Востока на Сахалин будет, наверное, стоить столько же, сколько переезд на Сахалин из Японии, Пекина или другого места Китая.

Накасато: Если отдел труда даст нам 50 человек, но когда эти 50 человек приедут к нам, то среди них, может быть, окажутся неспособные к работам, от которых придется отказаться, или больные, которые не смогут работать. Как быть в этом случае, можно ли их отослать и как нанять рабочих вместо них?

Гуревич: Если Дальневосточный отдел труда даст Вам таких рабочих, которые, по Вашему мнению, не годятся, то есть Вы признаете, что эти рабочие не годятся, то есть Вы признаете, что эти рабочие не могут работать или по квалификации, или по состоянию здоровья, то тогда Вы вместе с Дальневосточным отделом труда устанавливаете, что этих рабочих Вы принять не можете. Во Владивостоке будет произведен медицинский осмотр (так же, как в отношении наших рабочих производится медицинский осмотр), и если врачи признают, что эти рабочие по состоянию здоровья не годятся, то Вы их, конечно, не примете. Точно так же, если рабочий не будет соответственной квалификации, то есть если Вам скажут, что это слесарь, а Вы, переговорив с ним, установите, что он никогда слесарем не был, то Вы его, конечно, не примете. Другое дело, если Вы примете вполне здорового рабочего, который поедет на Сев[ерный] Сахалин и там заболеет. Заболеть может, конечно, любой гражданин: и китаец, и японец и проч. В этом случае Вы на время болезни можете взять другого рабочего, но уволить того, который заболел, Вы не можете. К тому же в этом случае Вы ведь за время его болезни платить не будете, так как ему платить будет страховая касса.

Накасато: Вы сказали, что Вами принята поправка к примечанию к пункту а, где сделано добавление: “и заведующих отделами”.

Гуревич: Да, это принято, но в нашей редакции, потому что в Вашем пункте а соединены квалифицированные и неквалифицированные рабочие.

Накасато: Между нашим и Вашим предложением большое различие. У Вас в абзаце а 50%, в абзаце б 25%. Мы же хотим только одну цифру в 50% иностранных рабочих и служащих.

Мы приняли Ваше предложение относительно предыдущего параграфа, где говорится о законах труда. Мы не хотим нарушать Ваших законов о труде, но такие тяжелые условия, какие указаны в § 31, нам очень трудно принять, и мы просим, чтобы здесь наше мнение было Вами уважено. Поэтому мы хотим просить Вас подумать об этом.

Затем хотим еще Вас спросить следующее. Вы изволили сказать, что можно рабочих и служащих пригласить из Владивостока и Хабаровска. Как Вы думаете, сколько нужно им дать прогонных?

Гуревич: Что касается первого заявления г-на адмирала, то я еще раз повторяю, что я вполне сознаю всю серьезность возражений г-на адмирала и обещаю еще раз обдумать это предложение. Мы еще раз посоветуемся по этому вопросу и постараемся прийти здесь к какому-нибудь соглашению. Что же касается второго вопроса г-на адмирала, то я сейчас ответ дать не могу, потому что у меня под рукой нет соответствующей справки. Но я обещаю привести такую справку и дать ответ г-ну адмиралу следующий раз.

Накасато: Тогда этот параграф мы отложим на другой раз, а сейчас перейдем к следующему.

Гуревич: Я не возражаю. Разрешите перейти сейчас к следующему.

Накасато: Мы просили Вас еще дать нам ответ относительно минимума зарплаты.

Гуревич: Что касается вопроса о минимуме зарплаты, то я тоже не смогу дать сейчас эту справку. По этому вопросу Вы должны будете договориться с профессиональным союзом. Мы еще так недавно стали работать на Сахалине, что я Вам не смогу даже сказать, какая там существует зарплата. Так что по этому вопросу было бы хорошо, если бы Вы после окончания переговоров с Центральным Советом профессиональных союзов. Я думаю, что г-н Галузин, который сейчас здесь присутствует, после окончания переговоров даст Вам в Центральном Совете профсоюзов все необходимые справки.

Вы имели еще один вопрос относительно инженеров из СССР. Мы всячески пойдем Вам на помощь в этом вопросе и по возможности постараемся подыскать Вам хорошо подготовленных инженеров.

Переходим к § 32. Какие есть возражения?

Накасато: Мы возражений не имеем. Здесь написано относительно рабочих и служащих. Имеете ли Вы в виду только японских рабочих или можно понимать, что это для всех иностранцев?

Гуревич: Речь идет не только о японских рабочих, а вообще об иностранных рабочих. Г-н адмирал просил указать: в Токио и Хакодате, поэтому мы эти два пункта и указали. Если у Вас есть еще предложение, то пожалуйста.

Накасато: Мы сейчас только обратили внимание на то, что здесь говорится только о консульствах в Японии, а о других стра-

нах нет, а между тем у нас будут рабочие китайцы и корейцы. Я прошу до следующего раза оставить этот вопрос, чтобы указать, о каких консульствах здесь надо упомянуть.

Гуревич: Я думаю, что этот пункт можно принять, а если г-н адмирал представит еще одно-два места, где рабочие смогут получить разрешение на въезд, то мы это просто включим. Если нужно будет указать китайские центры Пекин или Шанхай, откуда Вы возьмете рабочих, то это мы укажем. Я предлагаю пункт принять, а к следующему заседанию г-н адмирал укажет нам еще два-три центра, которые мы включим сюда. Я хочу только обратить внимание, что речь идет не только о японских рабочих, но и о корейских, китайских.

Накасато: Против этого мы ничего не имеем. Прошу считать принятым.

Гуревич: § 32 принимается. Следующий § 33.

Накасато: Вообще против этого параграфа мы ничего не имеем, мы просим сделать одну прибавку: после слов “находящиеся на различных нефтяных месторождениях” добавить слова “и те места, где находятся различные сооружения концессионного предприятия”.

Гуревич: Я принимаю эту поправку, но сейчас мы затрудняемся, куда это вставить.

Накасато: Это можно потом.

Гуревич: В принципе поправка принимается, и мы средактируем этот пункт с Вашей поправкой. Поправка касается предоставления права соединения отдельных сооружений концессионного предприятия между собой. § 33 принимается.

Дальше идет § 34, редакцию которого мы Вам еще не передали. На следующем заседании мы Вам передадим его, он касается радиостанций.

Накасато: Разрешите сказать, что в переговорах с г-ном Караханом было сказано, что этот вопрос решается между правительствами.

Конрад: Г-н адмирал говорит, что принципиально этот вопрос подлежит соглашению между правительствами, а не частными лицами. Затем он указывает, что в Пекинском договоре ничего не сказано, что мы должны прийти к соглашению по этому вопросу.

Гуревич: Разрешите этот вопрос сегодня снять с обсуждения. Я выясню это в Народном комиссариате иностранных дел, и тогда к следующему заседанию мы будем его обсуждать.

Разрешите сегодня закончить на этом заседании.

Накасато: Хорошо. Когда следующее заседание?

Гуревич: В пятницу.

Накасато: Желательно было бы в пятницу до конца рассмотреть договор.

Гуревич: Г-н адмирал, это будет зависеть от Вас.

Объявляю заседание закрытым.

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1005. Л. 222–235. Копия.

¹ Нефтесиндикат – государственное монопольное объединение, созданное в 1922 г. для торговли нефтью на внутреннем и внешнем рынках.

№ 233

*Письмо генерального секретаря Профинтерна Л. Лозовского в Политбюро ЦК РКП(б) с предложением выразить протест против преследования японскими властями членов делегации ВЦСПС**

№ 39(70)

19 октября 1925 г.

В Политбюро ЦК РКП

Дорогие товарищи!

Меры, принятые японской полицией против делегации ВЦСПС¹, не встретили со стороны советского правительства достаточного отпора. Если советское правительство будет молчать в таких случаях, то издевательство над делегациями рабочих организаций СССР войдет в норму. Надо ответить японцам такой же монетой по отношению к делегациям их промышленных кругов. Лепсе² не только член президиума ВЦСПС, но и член ВЦИКа (то есть депутат), следовало бы устроить на сессии ВЦИКа некоторую дискуссию по поводу преследования делегации и принять официальное постановление протеста против этих преследований. В той же резолюции ВЦИК мог бы предложить правительству СССР поступать по отношению к японским гражданам, как японское правительство поступало по отношению к советским гражданам, то есть на началах полной взаимности. Такое выступление отучило бы не только японские власти, но и правительства других стран от издевательства над советскими гражданами.

С товарищеским приветом

Л. Лозовский³

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1043. Л. 13. Подлинник.

¹ Осенью 1925 г. делегация ВЦСПС посетила Японию по приглашению ее профсоюзов. Однако японская полиция организовала преследование советских делегатов, стала мешать ее встречам с японскими профсоюзными

* Штамп: “Прот[окол] ПБ № 84, п. 1-Б”.

деятелями. Более того, еще до приезда делегации она установила открытую слежку за советскими студентами-практикантами, сотрудниками полпредства, начала преследования граждан СССР.

² Лепсе Иван Иванович (1889–1929) – в 1921–1929 гг. председатель ЦК Союза металлистов, одновременно с 1924 г. член Президиума ВЦСПС и Исполбюро Профинтерна.

³ Лозовский (Дридзо) Соломон Абрамович (1878–1952) – в 1921–1937 гг. генеральный секретарь Профинтерна (Красного интернационала профсоюзов), с 1922 г. представитель Профинтерна в ИККИ, с 1926 г. член Президиума ИККИ, в 1928–1935 гг. член Политсекретариата ИККИ.

№ 234

Записка М.М. Литвинова И.В. Сталину в связи с отказом Японии предоставить торгпредству СССР в Токио право экстерриториальности и занятия коммерческой деятельностью

№ 0721

9 ноября 1925 г.
Секретно

Секретарю ЦК РКП(б) тов. Сталину

Копии: т.т. Красину и Стомонякову¹

Касательно торгпредства в Японии

1. Прошу поставить на утверждение Политбюро прилагаемое при сем постановление коллегии НКВД и НКВТ по вопросу об организации торгпредства в Японии*.

2. С первого же дня приезда в Токио тов. Коппа и в Москву японского посла нами велись переговоры с японским правительством об условиях существования в Токио торгпредства, причем мы настаивали, конечно, на экстерриториальности в тех пределах, в каких ею пользуются наши торгпредства в других странах. Японское пр[авительст]во, однако, проявляет огромное упорство, решительно отказывая в предоставлении торгпредству экстерриториальности. Мало того, оно стремится лишить нашего торгпреда, поскольку он лично будет экстерриториален, права заниматься коммерческой деятельностью, *оставив за ним лишь административно-регуляторские функции*. Оказывать давление на яп[онское] пра[вительство] можно было бы лишь полным прекращением торговых сделок, но это по соображениям экономическим и иным оказывается невозможным. Мы лишены поэтому возможности полностью настаивать на своих требованиях и вынуждены согласиться на открытие в Токио торгпредства, оста-

* См. док. № 235.

вляя решение вопроса о формальной^{1*} экстерриториальности и правах торгпредства до переговоров о торговом договоре.

3. Тов. Копп нами запрошен, и его заключение надеемся получить к четвергу^{2*}.

Литвинов^{3*}

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1019. Л. 33. Подлинник.

¹ Стомоняков Борис Спиридонович (1882–1941) – в 1921–1925 гг. советский торговый представитель в Германии, одновременно в 1924–1925 гг. заместитель наркома внешней торговли СССР. В 1923–1926 гг. член коллегии НКВТ СССР, в 1926–1934 гг. член коллегии НКИД СССР.

№ 235

*Постановление коллегии НКИД
и Наркомвнешторга СССР об открытии в Токио
временного торгпредства СССР и направлении туда
в качестве торгпреда коммерческого советника полпредства^{4*}*

Не позднее 9 ноября 1925 г.^{5*}
Сов. секретно

1. Ввиду отказа яп[онского] пра[вительства] впредь до заключения торгового договора допустить в Токио наше торгпредство с теми правами и функциями, которые предоставлены (определенные)^{6*} ему законодательством СССР, организовать временно торгпредство СССР в Японии без предварительного оформления его прав и послать торгпреда в Японию как коммерческого советника полпредства^{7*}.

2. Заявить японцам, что, продолжая настаивать в полной мере на наших прежних требованиях о правовом положении торгпредства, и в частности на его экстерриториальности, мы впредь до разрешения этого вопроса посылаем коммерческого советника. Одновременно сообщить яп[онскому] пра[вительству], что мы открываем торгпредство, которому будет подчинено производство всех торговых операций СССР с Японией и через которое будет проходить разрешение всех вопросов, касающихся экономической работы СССР с Японией.

^{1*} Слово “формальной” вписано М.М. Литвиновым вместо стоявшего ранее в тексте слова “форме”.

^{2*} См. док. № 239.

^{3*} См. док. № 238.

^{4*} Штамп: “Прот[окол] ПБ № 90, п.1-Г”. См. док. № 238.

^{5*} Датируется по док. № 234.

^{6*} Над словом “предоставлены” вписано от руки “определены”.

^{7*} Слово “полпредства” вписано от руки.

3. Открыть в Токио торгпредство с соответствующим штатом, сосредоточить в помещении торгпредства все операции и дела торгпредства (кроме секретных) и перенести туда служебное пребывание коммерческого советника – торгпреда.

После открытия торгпредства указать яп[онскому] пра[вительству], что мы рассчитываем на неприкосновенность помещения торгпредства и в случае нарушения этой неприкосновенности мы будем принуждены прекратить торговые операции с Японией.

4. В целях укрепления положения торгпредства и создания выгодного для нас статуса к моменту открытия переговоров о торговом договоре признать необходимым проводить все торговые операции наших органов с Японией через токийское торгпредство и направлять в торгпредство все японские предложения, касающиеся экономической работы Японии в СССР. В частности, организуемую Главконцесскомом токийскую концессионную комиссию создать при токийском торгпредстве и направлять в нее все концессионные предложения японцев. Дать твердую директиву об исполнении сего всем заинтересованным центральным и дальневосточным организациям.

АПРФ. Ф. 6. Оп. 66. Д. 1019. Л. 34. Заверенная копия.

№ 236

*Телеграмма В.Л. Копна М.М. Литвинову
о мерах по укреплению дружественных отношений СССР
с японскими деловыми и общественными кругами**

Спец. № 424

10 ноября 1925 г.

Токио

Сов. секретно

Москва, Литвинову

[На] Ваш спец[иальный] № 84. Ваше решение совпадает с предложением, сделанным мною в докладе № 35 от 16 сентября. Считаю его единственно возможным выходом из положения. Этот шаг укрепит позицию дружественно расположенных к нам кругов и возложит на японское правительство ответственность за эвентуальное ухудшение торговых отношений в случае нарушения прав торгпредством.

Копп

Резолюция: “Расшифровать немедленно”.

Пометы: “Получена 10.11. [19]25 г. 16 час. 30 мин.”;

“Расшифрована 10.11 18 час. 30 мин”. “Расшифровал Юруш”.

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1019. Л. 32. Дешифрант.

* Штамп: “Прот[окол] ПБ № 90, п.1-Г”. См. док. № 238.

*Записка члена коллегии
Наркомвнешторга СССР Я.Д. Янсона в ЦК РКП(б)
и Наркомвнешторг
о нецелесообразности направления его в Японию
в качестве коммерческого атташе*

№ 11379

11 ноября 1925 г.

ЦК РКП(б) – тов. Молотову, тов. Сталину
НКВТ – тов. Красину, тов. Стомонякову

Наркоминдел и Наркомвнешторг вносят на рассмотрение Политбюро новые предложения по вопросу о торгпредстве СССР в Японии.

Вполне соглашаясь с этими предложениями, считаю, что для их проведения следует послать в Японию не меня, а другое лицо. Я был назначен торгпредом еще весной, постановление СНК о назначении было опубликовано в “Известиях”; об этом писала японская пресса, и мы вели с яп[онским] пра[вительством] длительные переговоры о пропуске меня в Японию как торгпреда, отклоняя предложения яп[онского] пра[вительства] пустить меня как коммерческого атташе без права и функций торгпреда.

Если я сейчас поеду в Японию как коммерческий советник, этим будет особенно подчеркнута наша уступчивость. Наше заявление, что мы по-прежнему отстаиваем свои требования о правах торгпредства лишь временно и соглашаемся на назначение коммерческого атташе, будет сведено на нет этой нашей готовностью приспособиться к желаниям яп[онского] пра[вительства].

С другой стороны, закрепление прав торгпредства на деле может быть осуществлено, если оно будет преподнесено японцам в несколько завуалированном виде, что и намечено вносимыми предложениями. Если же это закрепление прав торгпредства проводит лицо, которое уже назначено торгпредом, то никакой завуалированности нет, а наоборот, имеется слишком неприкрытая попытка добиться де-факто того, в чем только что было отказано де-юре во время переговоров. Такая тактика может вызвать резкое сопротивление японцев и сорвать весь намеченный план.

Поэтому необходимо послать в Японию коммерческим советником вместо меня другое лицо*.

Член коллегии Наркомвнешторга

Я. Янсон

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1019. Л. 30–31. Подлинник.

* См. док. № 238.

Постановление Политбюро ЦК РКП(б)

*“О торгпредстве в Японии”**

П90/1-г/с

12 ноября 1925 г.

Строго секретно

а) Ввиду отказа японского правительства впредь до заключения торгового договора допустить в Токио наше торгпредство с правами и функциями, определенными законодательством СССР, организовать временно торгпредство СССР в Японии без предварительного оформления его прав и послать торгпреда в Японию как коммерческого советника полпредства, рассматривая это положение как временное впредь до переговоров о торговом договоре с Японией.

б) Обязать т. Янсона немедленно выехать в Токио в качестве коммерческого советника полпредства.

Секретарь ЦК

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1019. Л. 29. Копия.

*Телеграмма В.Л. Копна члену коллегии НКВД СССР С.И. Аралову
о японских предложениях относительно статуса
и функций торгпредства СССР в Японии*

20 ноября 1925 г.

Токио

Сов. секретно. Лит. “А”

Москва, НКВД – Аралову

Передаю текст контрпроекта Сидэхары:

1) Правительство СССР учреждает в Токио торгпредство со следующими функциями: а) содействие и облегчение торговых отношений между Японией и СССР, б) контроль над экспортом из СССР в Японию и импортом в СССР из Японии, в) ведение коммерческих операций от имени СССР.

2) Правительству СССР предоставляется право назначить главу торгпредства и его помощников в качестве коммерческого атташе и соответственно помощников коматташе при посольстве СССР в Японии, каковые в дополнительном звании будут до-

* Вопрос представлен М.М. Литвиновым и Л.Б. Красиным (см. док. № 234–237). Выписка из протокола № 90 заседания Политбюро ЦК РКП(б) от 12 ноября 1925 г., п. 1-Г. Направлена М.М. Литвинову, Л.Б. Красину (все) и Я.Д. Янсону (п. б).

пущены к осуществлению в Японии тех же официальных функций и будут пользоваться теми же дипломатическими правами и привилегиями, как аналогичные чины других иностранных посольств в Токио. При этом установлено, что коммерческий атташе будет один, а его помощников не более трех.

3) Глава торгпредства, признанный таким образом в качестве коматташе посольства СССР, будет вправе выдавать лицензии на экспорт из и на импорт в СССР, сосредоточивая таким образом в своих руках контроль над торговлей СССР в отношении Японии.

4) Если глава торгового представительства будет в дополнение к званию торгпреда назначен коммерческим атташе, то он перестанет осуществлять самолично ведение коммерческих операций от имени СССР и эти функции будут переданы в ведение другого члена торгпредства, который, не будучи причислен к посольству в качестве коматташе или его помощника, может быть специально на то уполномочен своим правительством.

5) В целях обеспечения развития торговли между обеими странами на здоровой и удовлетворительной основе яп[онское] пра[вительство] имеет право предписывать пути торговли, по которым торгпредству будет дозволено вести свои коммерческие операции.

6) Торгпредство, равно как его глава и члены, за исключением тех, которые будут признаны коматташе или его помощниками при посольстве СССР, будут подчинены в Японии законам и юрисдикции страны и во всяком случае должны будут ограничивать свою деятельность теми именно функциями, для которых торгпредство имеет быть учреждено.

7) Все коммерческие операции, которые будут совершаться торгпредством в Японии, точно так же как и все находящееся в Японии имущество СССР, поскольку оно связано с деловыми операциями торгпредства, будут подчинены законам и юрисдикции страны.

8) Торгпредство будет иметь свое помещение вне территории посольства СССР, однако главные члены торгпредства, признанные коматташе и его помощниками, могут осуществлять свои вышеуказанные официальные функции в канцелярии посольства.

Копп

Пометы: “Получена 20.11.[19]25. 23 час. 35 мин.”; “Расшифрована 21.11. [19]25. 14 час.”; “Расшифровали Соковиков, Шохин, Бродская”

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1019. Л. 46–47. Дешифрант. Заверенная копия.

Постановление Политбюро ЦК РКП(б)
 “Вопросы НКВД. Вопросы Киткомиссии”*

№ П93/1-а-с

3 декабря 1925 г.
 Строго секретно
 Особая папка

б) По вопросу о политическом и военном положении в Китае¹ принять следующую директиву, предложенную т. Сталиным:

1. Вести линию на то, чтобы вбить клин между Японией, с одной стороны, и Англо-Америкой, с другой, стараясь не портить отношений с Японией, и вести переговоры с Японией в том смысле, что ей выгодно примириться с тем, что есть в Китае. Эту политику ни в коем случае нельзя смешивать с политикой сфер влияния.

2. Тов. Карахану дать в печать информацию в том направлении, что Чжан Цзолинь падает, между прочим потому, что играл все время на обострении отношений между СССР и Японией, что в Маньчжурии может удержаться лишь такое командование, которое будет руководствоваться политикой сближения СССР и Японии.

3. Потребовать от тов. Карахана регулярной информации. Поручить тов. Бухарину² составить на основе принятых решений и обмена мнений в Политбюро директиву по вопросам китайской и японской политики для сообщения редакциям газет и ТАСС**.

Секретарь ЦК

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1043. Л. 14. Копия. Оpubл.: ВКП(б), Коминтерн и Китай. Т. 1. М., 1994. С. 665–666.

¹ В мае 1925 г. в Китае начались революционные события, направленные против господствующего положения на его территории иностранных капиталистических держав, прежде всего Великобритании и Японии. Это сопровождалось укреплением осенью того же года революционного го-миньдановского правительства на юге страны – в Кантоне (Гуанчжоу), в непосредственной близости от главного центра английского присутствия в Китае – Гонконга. Тогда же на востоке и северо-востоке страны возобновилась междоусобная вооруженная борьба за власть в Китае, шедшая там с 1920 г., различных милитаристских группировок, опиравшихся на соперничавшие между собой великие державы, с одной стороны – Великобританию и США, с другой – Японию. В ноябре 1925 г. группировка маньчжурского правителя Чжан Цзолиня, поддерживавшегося японцами,

* Вопрос представлен И.С. Уншлихтом, М.М. Литвиновым, Ф.Н. Петровым и С.И. Араловым. Выписка из протокола № 93 заседания Политбюро ЦК РКП(б) от 3 декабря 1925 г., п.1-А.

** См. док. № 241.

стала терпеть поражения как на востоке, так и на северо-востоке и была вытеснена из Шанхая, двух восточных провинций Китая и пограничных с Маньчжурией районов.

² Бухарин Николай Иванович (1888–1938) – в 1924–1929 гг. член Политбюро ЦК партии, в 1918–1929 гг. редактор “Правды”, в 1919–1929 гг. член Исполкома Коминтерна.

№ 241

*Проект постановления Политбюро ЦК РКП(б),
предложенный Н.И. Бухариным,
о характере освещения в прессе политики СССР в Китае
и советско-японских отношений**

3 декабря 1925 г.

Директива печати и ТАССу

Ввиду необходимости нейтрализовать японский империализм и нежелательности перенесения центра тяжести борьбы в Китае с Англии и Америки на Японию, а равно ввиду необходимости не давать лишних козырей в руки капиталистических держав излишними криками о Востоке и о нашей роли в Китае предлагается печати к руководству:

- 1) не заострять нападок на Японию;
- 2) указывать на выгодность для Японии мириться с новым положением в Китае и на возможность и необходимость сохранения добрососедских отношений между Японией, с одной стороны, Китаем и СССР, с другой;
- 3) не раздувать восточной опасности для западноевропейского и американского капитализма;
- 4) по возможности меньше писать об активной роли СССР в восточных событиях.

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1043. Л. 16. Заверенная копия.

* Принят опросом членов Политбюро ЦК РКП(б) 3 декабря 1925 г., протокол № 93, п. 29 от того же числа (см.: АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1043. Л. 15).

*Справка заместителя заведующего отделом
проведения договоров Главконцесскома СССР М. Япольского
об условиях концессионного договора с японским концерном
“Общество северосахалинских угольных предприятий”
 (“Кита Сагарен Секитан Кигио Кумиай”)*

Не позднее 7 декабря 1925 г.*

Вступление

В основу настоящего договора положены условия Протокола Б Пекинской конвенции. Важнейшими из условий, определенных Протоколом Б, являются:

1) срок концессии (от 40 до 50 лет); 2) объекты концессии (обязательство дать фирмам, рекомендованным японским правительством, концессию в округе Дуэ и еще одну концессию); 3) долевое отчисление (от 5% до 8%); 4) условия ввоза и вывоза (беспошлинный ввоз оборудования, материалов и прочего, необходимого для концессионного предприятия, беспошлинный вывоз продукции предприятия).

Содержание концессионного договора

1. Концессионеру предоставляется *сроком на 45 лет* исключительное право разведки и добычи каменного угля на следующих площадях западного побережья С[еверного] Сахалина: а) в округе Дуэ (18 кв. верст); б) в районе Владимирского рудника (14,5 кв. верст); в) в районе реки Мачи (24 кв. версты).

2. *Долевое отчисление* устанавливается в следующих размерах: 5% при валовой годовой добыче до 100 000 метрических тонн и далее с прибавлением по 0,25% на каждые 50 000 метрических тонн. Таким образом, максимум – 8% уплачивается при валовой годовой добыче свыше 650 000 метрических тонн. Долевое отчисление уплачивается исключительно натурой. Концессионер обязуется уголь, подлежащий к оплате в качестве долевого отчисления, доставить своими средствами и за свой счет к пристани и погрузить на пароход. Причем правительство возмещает концессионеру возведенные** им расходы по погрузке угля с пристани на пароход. Прием правительством долевого отчисления производится фоб-пароход*** по пароходным документам.

* Датируется по препроводительному письму Главконцесскома СССР в СНК СССР от 7 декабря 1925 г. (см.: АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1004. Л. 110).

** Так в тексте. Очевидно, должно быть “понесенные”.

*** То есть с учетом стоимости товара и расходов по его доставке и погрузке на борт корабля.

3. *Налоги.* Взамен всех государственных и местных налогов концессионер уплачивает 3,33% с продажных цен годовой валовой добычи угля фоб-Сахалин за вычетом из валовой добычи причитающегося правительству долевого отчисления.

4. *Арендная плата.* За полученное от правительства имущество концессионер ежегодно уплачивает правительству арендную плату в размере 4% стоимости этого имущества согласно оценке, производимой при передаче имущества концессионеру.

5. *Право пользования лесом.* Концессионеру предоставляется право пользоваться лесом, произрастающим на территории концессии, поскольку это необходимо для нужд концессионного предприятия.

Вне территории концессии концессионеру предоставляется возможность приобретать на С[еверном] Сахалине необходимую для нужд предприятия площадь лесосек для вырубki, причем эти лесосеки по возможности намечаются на 5 лет вперед. При отводе лесосек будет учтена потребность конц[ессионного] предприятия в крепежном лесе исходя из расчета 1,5 куб. фут. крепежного леса на одну тонну добываемого угля. Крепежный лес, предоставляемый концессионеру как на территории концессии, так и вне, отпускается по действующим таксам, утвержденным в 1912 году, причем это условие может быть пересматриваемо правительством каждые 5 лет действия концессионного договора.

Концессионеру предоставляется право вывоза *на общих основаниях* за границу лесных материалов, заготовленных концессионером на отведенных ему лесосеках.

6. *Право добычи общераспространенных ископаемых.* На территории концессии к[онцессионе]ру предоставляется право бесплатно добывать всякого рода общераспространенные ископаемые, как-то: глину, песок, камень, известь, поскольку это будет необходимо для нужд концессионного предприятия.

Вне территории концессии такое право может быть к[онцессионе]ру предоставлено на общих основаниях горного законодательства СССР.

7. *Право сооружения подсобных предприятий.* К[онцессионе]ру предоставляется право на территории концессии, а также на участках, получаемых для этой цели на особых условиях вне территории концессии, сооружать и эксплуатировать всякого рода подсобные сооружения, как-то: подъездные пути, ремонтные мастерские, кузницы и тому подобные сооружения, необходимые для непосредственного обслуживания нужд предприятия.

Концессионеру также предоставляется право содержать на С[еверном] Сахалине вне территории концессии конторы и скла-

ды (последние каждый раз с разрешения местных властей), а также иметь в Москве, Хабаровске, Владивостоке свои агентства (здесь права к[онцессионе]ра ограничены по сравнению с типовыми условиями концессий).

8. *Право пользования телефонной связью.* Концессионеру предоставляется право в пределах каждого отдельного концессионного участка проводить вновь и пользоваться уже существующими телефонными линиями по своему усмотрению. Концессионеру также будет предоставлено право провести телефонные линии между отдельными концессионными участками или между этими последними и г. Александровском при том условии, что постройка и эксплуатация таких линий будет к[онцессионер]ом произведена согласно правилам НКПиТ и под контролем его местных органов. Концессионер обязуется свои телефонные линии предоставлять в пользование правительственных органов С[еверного] Сахалина.

9. *Право устройства молов, погрузочных пристаней и причалов.* Концессионеру предоставляется право с предварительного согласования с органами местной власти устраивать молы, погрузочные пристани и причалы, а также устраивать краны и прочие нагрузочные и разгрузочные приспособления.

Если концессионер найдет нужным построить порт, то место расположения порта, план и условия его постройки должны быть предварительно согласованы с НКПС. Выстроенный к[онцессионе]ром порт поступает в распоряжение НКПС, причем вперед устанавливается, что к[онцессионе]ру будут отведены определенные участки порта на условиях по соглашению с НКПС.

10. *Условия ввоза и вывоза.* К[онцессионе]ру предоставляется право беспошлинного и без оплаты лицензионным сбором ввоза всякого рода машин, частей к ним и технических предметов и материалов для снабжения и оборудования конц[ессионного] предприятия, а также предметов широкого потребления и продовольствия для снабжения рабочих и служащих предприятия.

Концессионер обязуется снабжать рабочих и служащих концес[сионного] предприятия предметами широкого потребления и продовольствия по ценам, утверждаемым начальником горного округа С[еверного] Сахалина.

Ввезенные концессионером из-за границы предметы широкого потребления и продовольствия не могут быть к[онцессионе]ром проданы на внутреннем рынке иначе, как с разрешения местных правительственных органов, причем в случае отказа в выдаче такого разрешения к[онцессионе]ру предоставляется

право вывезти эти предметы беспошлинно и без оплаты лицензионным сбором обратно за границу.

11. *Условия вывоза за границу добытого угля.* К[онцессионеру] предоставляется право беспрепятственно и беспошлинно вывозить добытый им уголь за границу.

12. *Условия продажи добытого угля на внутреннем рынке СССР.* Продажа угля на внутреннем рынке СССР и размеры этой продажи должны быть на каждый операционный год предварительно согласованы с д[альне]восточными органами правительства (ограничение по сравнению с обычными условиями).

13. *Преимущественное право правительства покупки у концессионера.* Правительство имеет преимущественное право покупки у к[онцессионера] необходимого для внутреннего потребления угля в количестве не свыше 50% от добычи концессионного предприятия за предыдущий год. Цены на уголь определяются по соглашению сторон, однако эти цены не должны быть выше средних оптовых цен сиф Йокогама за месяц, предшествовавший дню заявки правительства, за вычетом нормальных расходов по фрахту Сахалин – порт Йокогама.

14. *Страхование имущества концессионного предприятия.* Концессионер обязуется страховать имущество концессионного предприятия в страховых учреждениях СССР за свой счет и на имя правительства. Страховые ставки для к[онцессионера] устанавливаются наравне с однородными государственными предприятиями.

15. *Условия труда на концессионном предприятии.* Условия труда на концессионном предприятии регулируются соответствующими законами СССР и коллективными договорами.

Концессионер уплачивает взносы по социальному страхованию рабочих и служащих наравне с однородными государственными предприятиями.

16. *Соотношение иностранных рабочих и служащих концессионного предприятия и рабочих и служащих – граждан СССР.* Концессионеру предоставляется право привлекать иностранный административно-технический персонал и высококвалифицированных рабочих в количестве до 50% и иностранных рабочих средней и низшей квалификации в количестве до 25%. Причем, если д[альне]восточные отделы труда не смогут удовлетворить заявок концессионера на рабочую силу из числа граждан СССР или иностранцев, проживающих на территории СССР, то концессионер вправе принимать рабочих и служащих в недостающих количествах по своему усмотрению. Указанное процентное отношение иностранных рабочих и

служащих должно будет постепенно уменьшаться и подлежит пересмотру каждые 3 года.

Условлено, что забойщики включаются в число высококвалифицированных рабочих и что в течение первых 5 лет действия договора все рабочие по погрузке угля в открытом море включаются в число 50%.

17. Право правительства прекратить концессию до срока. Правительство имеет право прекратить концессию до срока, если: 1) концессионер будет объявлен несостоятельным должником; 2) концессионер допустит хищническую эксплуатацию недр; 3) концессионер не уплатит долевого отчисления в течение года; 4) концессионер не уплатит налогов в течение года; 5) концессионер будет продавать предметы широкого потребления и продовольствия, ввезенные для нужд концессионного предприятия, на внутреннем рынке СССР без соответствующего разрешения.

В этих случаях концессионное предприятие переходит безвозмездно правительству.

Условия прекращения концессии в срок – обычные.

18. Передача концессионного предприятия правительству по окончании срока договора. По окончании срока концессии концессионное предприятие переходит безвозмездно правительству, причем правительство возмещает к[онцессионе]ру неамортизованную часть построек и улучшений, произведенных к[онцессионер]ом в течение последних 10 лет действия концессионного договора при условии производства этих затрат с согласия правительства и на основании следующего расчета амортизации: для каменных строений, железных резервуаров и труб – 3%, для машин и оборудования – 7%, для деревянных строений и барж – 5%.

19. Разрешение споров и разногласий между правительством и концессионером. Все споры и разногласия между правительством и концессионером относительно толкования и исполнением настоящего договора разрешаются Верховным судом СССР.

Таким образом, настоящий договор составлен по общему типу концессионных договоров. Единственным резким отступлением от обычного типа является отсутствие условий об обязательной минимальной производственной программе и об обязательных минимальных затратах на разведку и на оборудование предприятий.

М. Япольский

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1004. Л. 111–114. Копия.

Справка М. Япольского

об условиях концессионного договора с японским концерном
 “Ассоциация северосахалинских нефтяных предпринимателей”
 (“Кита Сагарен Секию Кигио Кумиай”)

Не позднее 7 декабря 1925 г.*

Вступление

В основу настоящего договора положены условия Протокола Б Пекинской конвенции. Важнейшими из условий, определенных Протоколом Б, являются:

1) количество нефтяных месторождений, подлежащих сдаче в концессию для эксплуатации, и размеры площади, передаваемой для разведки, размеры каждого из них, порядок деления их на участки между правительством и концессионером (шахматный порядок, причем все скважины, пробуренные японцами во время оккупации, должны быть в японских участках), размер участков (от 15 до 40 десятин каждый);

2) срок концессии (от 40 до 50 лет);

3) размеры разведочной территории (1000 кв. верст);

4) срок разведки (от 5 до 10 лет);

5) долевое отчисление (от 5% до 15% валовой добычи с повышением до 45% для фонтанирующей нефти);

6) условия ввоза и вывоза (беспшлинный ввоз оборудования, материалов и прочего, необходимого для концессионного предприятия, и беспшлинный вывоз продукции предприятия).

Содержание концессионного договора

1. Срок концессии – 45 лет.

2. К[онцессионе]ру предоставляется исключительное право разведки и добычи нефти, кира и горючих газов на площади 8 нефтяных месторождений: Оха, Нутово, Пильтун, Ехаби, Чайво, Ныйво, Уйглекуты и Катангли, расположенных на восточном побережье Северного Сахалина, причем каждая из упомянутых площадей делится на участки в шахматном порядке, и к[онцессион]ер получает 50% всех участков.

Оха: общая площадь 925 дес. делится на 30 участков, из них 20 участков по 35 дес. и 10 маломерных по 22,5 дес.

Ехаби: общая площадь 592 дес. делится на 16 участков по 37 дес. каждый.

* Датируется по препроводительному письму Главконцесскома СССР (см. прим. а к док. № 242).

Пильтун: общая площадь 444 дес. делится на 12 участков по 37 дес. каждый.

Нутово: общая площадь 925 дес. делится на 24 участка по 38,55 дес. каждый.

Чайво: общая площадь 444 дес. делится на 16 участков по 27,75 дес. каждый.

Ныйво: общая площадь 592 дес. делится на 16 участков по 37 дес. каждый.

Уйглекуты: общая площадь 295,92 дес. делится на 12 участков по 24,66 дес. каждый.

Катангли: общая площадь 592 дес. делится на 16 участков по 37 дес. каждый.

Стороны условливаются, что если при отграничении в натуре нанесенных на карту участков окажется, что японские скважины окажутся в участках правительства, то та часть участка, на которой находится японская скважина, будет вырезана из участка правительства и прирезана к соответствующему японскому участку, в компенсацию за что к одному из участков правительства будет прирезана соответствующая часть из японского участка.

Означенные площади являются весьма слабо разведанными, и судить об их ценности, и в особенности о ценности квадратов, переходящих к японцам, по сравнению с ценностью квадратов, остающихся у правительства, можно лишь гадательно.

3. К[онцессионе]ру предоставляется сроком на 11 лет исключительное право поисков и разведок на нефть, кир и горючие газы на территории размером в 1000 кв. верст.

Разведочная территория в 1000 кв. верст отводится правительством в течение одного года со дня вступления договора в силу. В пределах разведочной территории к[онцессионе]р имеет право ежегодно избирать разведочные площади размером в 960 дес. для постановки на них промышленной разведки. Избранные к[онцессионе]ром разведочные площади делятся горным надзором С[еверного] Сахалина на 12 разведочных участков по 80 дес. каждый.

Если разведывательные работы обнаружат промышленное значение разведочной площади, то каждый разведочный участок делится горным надзором С[еверного] Сахалина на два эксплуатационных участка по 40 дес. каждый. После деления разведочной площади на эксплуатационные участки правительство имеет право выбора в шахматном порядке 50% общего количества участков, независимо от того, попадают в эти участки скважины к[онцессионе]ра или нет. Остальные 50% участков передаются к[онцессионе]ру.

В течение первого года по получении каждого эксплуатационного участка к[онцессионе]р обязан изготовить и передать горному надзору С[еверного] Сахалина топографическую и геологическую карты данного эксплуатационного участка.

В течение 3-х лет со дня определения правительством разведочной территории к[онцессионе]р обязуется выполнить топографическую съемку всей разведочной территории и составить карту.

4. Долевое отчисление устанавливается в следующих размерах:

Для нефонтанирующей нефти – 5% при валовой годовой добыче до 30 000 метрических тонн и далее с прибавлением по 0,25% на каждые 10 000 метрических тонн. Таким образом, максимум – 15% уплачивается при валовой годовой добыче в 430 000 метрических тонн и выше.

Для фонтанирующей нефти – 15% при валовой суточной добыче от 10 до 50 метрических тонн и далее с прибавлением по 5% на каждые 10 метрических тонн. Таким образом, максимум – 45% уплачивается при валовой суточной добыче в 100 метрических тонн и выше.

Для газолитина долевое отчисление устанавливается в следующих размерах: 10% при содержании газолитина в 1000 куб. футов до 2 англ[ийских] галлонов и далее с прибавлением на 5% на каждый англ[ийский] галлон. Таким образом, максимум – 35% уплачивается при содержании газолитина в 1000 куб. футов до 6 англ[ийских] галлонов и выше.

Долевое отчисление уплачивается в денежном исчислении ежегодно не позднее 3-х месяцев со дня окончания каждого операционного года и вносится долларами САЩ по золотому паритету в отделение Государственного банка СССР во Владивостоке.

Для определения цены нефти и газолитина, подлежащих уплате в качестве долевого отчисления, берутся средние за последние 3 месяца до окончания операционного года цены: а) на сырую нефть соответствующего качества у скважин – для тяжелой нефти в Калифорнии, для легкой нефти – гольф (Мексиканский залив); б) на газолитин соответствующего качества – гольф. Те и другие цены берутся по сведениям, публикуемым в американском нефтяном журнале.

Стороны условились, что в том случае, если указанный журнал прекратится изданием, то по соглашению сторон может быть выбран другой журнал или, если сахалинская нефть будет котироваться на иокогамской бирже и будет установлена цена коммерческого фрахта от восточного побережья С[еверного]

Сахалина до порта Иокогама, то при соглашении на то сторон денежный эквивалент долевого отчисления может определяться по котировке иокогамской биржи. Причем в этом случае за основание должны быть взяты средние за последние 3 месяца до окончания операционного года котировки иокогамской биржи на сахалинскую нефть соответствующего качества сиф Иокогама за вычетом нормальных расходов по фрахту и страхованию.

5. *Налоги.* Взамен всех государственных и местных налогов к[онцессионе]р уплачивает 3,84% со стоимости годовой валовой добычи сырой нефти и газа за вычетом из валовой добычи причитающегося правительству долевого отчисления. Причем стоимость нефти и газа определяется по тому же принципу, что и при уплате долевого отчисления.

6. *Арендная плата.* За имущество, полученное к[онцессионе]ром от правительства, к[онцессионе]р ежегодно уплачивает правительству арендную плату в размере 4% стоимости этого имущества согласно оценке, производимой при передаче имущества к[онцессионе]ру (таким образом, имущество, завезенное японцами за время оккупации, признается национализированным).

7. *Право пользования радиостанциями.* До заключения соглашения между правительством СССР и японским правительством по вопросу о радиостанциях в Охе и Чайво к[онцессионе]ру предоставляется право пользоваться этими станциями с соблюдением существующих правил НКПочтель и под его контролем. Что касается права к[онцессионе]ра на сооружение новых радиостанций на С[еверном] Сахалине, то такое право ему может быть предоставлено на основе особого соглашения с НКПиТ.

8. *Право сооружения нефтепровода.* К[онцессионе]ру предоставляется право сооружения нефтепроводов, соединяющих отдельные нефтяные месторождения между собой и с берегом моря, а также право вывода нефтепровода в границах территориальных вод С[еверного] Сахалина в море к месту подхода нефтеналивных судов. Выбор направления нефтепроводов и все технические условия должны быть согласованы с правительством.

К[онцессионе]р обязуется принимать к перекачке по своим нефтепроводам нефть, принадлежащую правительству, причем плата за перекачку определяется себестоимостью перекачки нефти к[онцессионе]ра.

9. *Право пользования лесом.* К[онцессионе]ру предоставляется право пользоваться лесом, произрастающим на разведочных площадях и эксплуатационных участках, поскольку это необходимо для нужд концессионного предприятия.

Вне указанной выше территории к[онцессионе]р может приобретать для нужд предприятия необходимую площадь лесосек для вырубki. Предоставляемый таким образом к[онцессионе]ру лес, за исключением леса, произрастающего на эксплуатационных участках 8 нефтяных месторождений, отпускается на условиях оплаты по действующим таксам; последнее условие может быть пересматриваемо правительством каждые 5 лет. Лес, произрастающий на эксплуатационных участках 8 месторождений, для нужд предприятия, жилищного, культурно-просветительного и санитарного строительства концессионного предприятия отпускается бесплатно.

10. *Право добычи общераспространенных ископаемых.* К[онцессионе]ру предоставляется право для нужд концессионного предприятия безвозмездно добывать на территории концессии общераспространенные ископаемые: глину, камень, известь, песок. Вне территории концессии эти ископаемые к[онцессионе]р имеет право добывать также безвозмездно, но по разрешительным свидетельствам, выдаваемым н[ачальни]ком горного округа С[еверного] Сахалина.

11. *Право сооружения подсобных предприятий.* К[онцессионе]ру предоставляется право сооружать всякого рода подсобные предприятия, как-то: подъездные пути, ремонтные мастерские, лесопильни, лаборатории и т.п. сооружения, необходимые для непосредственного обслуживания нужд предприятия.

Сооружение нефтеперегонных и нефтеобрабатывающих заводов разрешается лишь по особому соглашению с правительством.

12. *Право пользования телефонной связью.* К[онцессионе]ру предоставляется право в пределах каждого отдельного концессионного участка безвозмездно проводить вновь и пользоваться существующими телефонными линиями по своему усмотрению. К[онцессионе]ру будет предоставлено право соединять телефонными линиями как отдельные нефтяные месторождения между собой, так и устанавливать телефонную связь между тысячеверстной разведочной территорией и эксплуатационными участками при том условии, что постройка и эксплуатация таких линий будет произведена согласно правилам НКПиТ и под контролем его местных органов.

К[онцессионе]р обязуется предоставлять в безвозмездное пользование правительственных органов на С[еверном] Сахалине свои телефонные сооружения.

13. *Условия труда на концессионном предприятии.* Условия труда на концессионном предприятии регулируются соответствующими законами СССР и коллективными договорами.

К[онцессионе]р уплачивает взносы по социальному страхованию рабочих и служащих наравне с однородными государственными предприятиями. К[онцессионе]р обязуется всем рабочим и служащим концессионного предприятия предоставлять жилища, отвечающие установленным в СССР санитарно-жилищным нормам.

14. *Соотношение иностранных рабочих и служащих на концессионном предприятии и рабочих и служащих – граждан СССР.* К[онцессионе]ру предоставляется право привлекать иностранный административно-технический персонал и высококвалифицированных рабочих в количестве до 50% и иностранных рабочих средней и низшей квалификации в количестве до 25%. Если отдел труда во Владивостоке не сможет удовлетворить полностью заявки к[онцессионе]ра на число граждан СССР или иностранцев, проживающих на территории СССР, то концессионер имеет право принимать рабочих и служащих в недостаточных количествах по своему усмотрению. Все расходы, связанные с доставкой рабочих и служащих из Владивостока до Сахалина, несет к[онцессионе]р. Указанное выше процентное отношение иностранных рабочих и служащих подлежит пересмотру каждые 3 года и должно постепенно уменьшаться.

Указанное процентное отношение должно быть к[онцессионе]ром выполнено к октябрю 1926 г.

15. *Условия ввоза и вывоза.* К[онцессионе]ру предоставляется право беспошлинного и без оплаты лицензионным сбором ввоза оборудования, машин, частей к ним, технических предметов и материалов, необходимых для снабжения и оборудования концессионного предприятия, а также предметов широкого потребления и продовольствия для снабжения рабочих и служащих предприятия. Концессионер обязуется снабжать рабочих и служащих предметами широкого потребления и продовольствия по себестоимости, причем цены должны утверждаться начальником горного округа С[еверного] Сахалина.

Предметы широкого потребления и продовольствия, ввезенные из-за границы, могут быть проданы к[онцессионе]ром на внутреннем рынке только с разрешения местных правительственных органов, причем в случае отказа в выдаче такого разрешения эти предметы к[онцессионе]ром могут быть беспрепятственно вывезены обратно за границу. К[онцессионе]ру разрешается беспошлинный и без оплаты лицензионным сбором вывоз нефти, кира и горючих газов за границу, для чего к[онцессионе]р получает от торгпреда в Японии или соответствующего органа НКВТ в СССР бесплатно лицензию на вывоз.

16. *Страхование имущества концессионного предприятия.* К[онцессионе]р обязан страховать имущество концессионного предприятия в страховых учреждениях СССР за свой счет и на имя правительства. Страховые ставки устанавливаются для к[онцессионе]ра наравне с однородными государственными предприятиями.

17. *Право правительства прекратить концессию до срока.* Правительство имеет право прекратить концессию до срока, если: 1) к[онцессионе]р будет объявлен несостоятельным должником; 2) к[онцессионе]р нарушит закон, допустит хищническую эксплуатацию недр; 3) к[онцессионе]р не уплатит долевого отчисления в течение года; 4) к[онцессионе]р не уплатит налогов в течение года; 5) к[онцессионе]р будет продавать предметы широкого потребления и продовольствия, ввезенные для нужд концессионного предприятия, на внутреннем рынке СССР без соответствующего разрешения.

В этих случаях концессионное предприятие переходит безвозмездно правительству.

18. *Передача концессионного предприятия правительству по окончании срока договора.* По окончании срока концессии концессионное предприятие переходит безвозмездно правительству, причем правительство возмещает к[онцессионе]ру неамортизованную часть построек и улучшений, произведенных к[онцессионер]ом в течение последних 10 лет действия концессионного договора при условии производства этих затрат с согласия правительства и на основании следующего расчета амортизации: для каменных строений, железных резервуаров и труб – 3%, для машин и оборудования – 7%, для деревянных строений и барж – 5%.

19. *Разрешение споров и разногласий между к[онцессионе]ром и правительством.* Все споры и разногласия между правительством и к[онцессионе]ром относительно толкования и исполнения настоящего договора разрешаются Верховным судом СССР.

Таким образом, договор в основном составлен по обычному типу. Существенным отступлением является отсутствие в договоре условий об обязательной минимальной производственной программе и об обязательных минимальных затратах на разведку и на оборудование предприятий.

Зам. зав. Отделом проведения договоров ГКК Япольский

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1004. Л. 116–120. Копия.

*Справка М. Япольского об условиях концессионного договора
с японским обществом “Сакай Кумиай”
на разведку и добычу каменного угля на Северном Сахалине*

Не позднее 7 декабря 1925 г.*

Пекинский договор с фирмой “Сакай Кумиай” во всем идентичен договору с фирмой “Кита Сагарен Секитан Кигио Кумиай”, за исключением параграфов 10 и 14 (объекты концессии и долевое отчисление).

Объекты концессии: фирме “Сакай Кумиай” предоставляется исключительное право разведки и добычи каменного угля на площади 1-го, 2-го, 3-го и 4-го Кузнецовских отводов согласно межевания 1917 года (район Агнево) – площадь 4 кв. версты.

Долевое отчисление устанавливается в следующих размерах: 5% при валовой годовой добыче до 50 000 метрических тонн и далее с прибавлением по 0,25% на каждые 10 000 метрических тонн. Таким образом, максимум – 8% уплачивается при валовой годовой добыче выше 160 000 метрических тонн.

Условия оплаты долевого отчисления аналогичны условиям концессионного договора с фирмой “Кита Сагарен Секитан Кигио Кумиай”.

Зам. зав. Отделом проведения договоров ГКК Япольский

По обеим угольным концессиям японцам передается 15% достоверных запасов угля на зап[адном] побережье Сев[ерного] Сахалина и 7% возможных запасов, которые исчисляются в 4 млрд пудов.

М. Я[польский].

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1004. Л. 115. Заверенная копия.

Датируется по препроводительному письму Главконцесскома СССР (см. прим. а к док. № 242).

Постановление СНК СССР

*о заключении концессионного договора с японским концерном
“Ассоциация северосахалинских нефтяных предпринимателей”
 (“Кита Сагарен Секию Кигио Кумиай”)
на добычу нефти на Северном Сахалине**

8 декабря 1925 г.

1. а) Представленный Главным концессионным комитетом при СНК СССР проект концессионного договора с концерном северосахалинских нефтяных предпринимателей “Кита Сагарен Секию Кигио Кумиай” о предоставлении означенному концерну концессии на добычу на восточном побережье Северного Сахалина на площади и на условиях, в концессионном договоре подробно указанных, нефти, кира и горючих газов – утвердить¹.

б) Подлинный договор поручить подписать председателю Высшего Совета Народного Хозяйства СССР т. Держинскому Ф.Э. и скрепить заместителю народного комиссара по иностранным делам тов. Литвинову М.М.

в) Поручить Высшему Совету Народного Хозяйства СССР войти в СНК СССР с предложением по вопросу о целесообразности посылки в 1926 г. комиссии для обследования Северного Сахалина и для определения обусловленной в договоре тысячеверстной полосы, а также об источниках покрытия расходов по этому обследованию.

Секретарь СНК СССР Л. Фотиева

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1004. Л. 109–109 об. Заверенная копия. Печать СНК СССР.

¹ О договоре см. док. № 243. Проект договора был одобрен Главконцесскомом СССР под председательством Л.Д. Троцкого 3 декабря 1925 г. (см.: АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1004. Л. 185–186) и не позднее 8 декабря вместе с проектом постановления СНК направлен также в ЦК РКП(б) (см.: Там же. Л. 122). В указанном постановлении ГКК от 3 декабря была в том числе зафиксирована просьба к Совнаркому “поручить ВСНХ организовать, по примеру прошлого года, комиссию для производства обследования и для определения 1000-верстной полосы”, упомянутой в договоре, под разведку нефти японскими концессионерами (Там же. Л. 186).

* Штамп: “Прот[окол] ПБ № 94, п. 20” (см. док. № 250). Выписка из протокола № 134 заседания СНК СССР от 8 декабря 1925 г., п. 1. Докладчик А.Е. Минкин.

Постановление СНК СССР

*о заключении концессионного договора с японским концерном
“Общество северосахалинских угольных предприятий”
 (“Кита Сагарен Секитан Кигио Кумиай”)
на добычу нефти на Северном Сахалине**

8 декабря 1925 г.

2. а) Представленный Главным концессионным комитетом при СНК СССР проект концессионного договора с Обществом северосахалинских угольных предприятий “Кита Сагарен Секитан Кигио Кумиай” о предоставлении означенному Обществу концессии на добычу каменного угля на Северном Сахалине на площади и на условиях, в концессионном договоре указанных, – утвердить¹.

б) Подлинный договор поручить подписать председателю Выс[шего] Совета Народн[ого] Хоз[яйства] СССР т. Дзержинскому Ф.Э. и скрепить замест[ителю] народн[ого] комиссара по иностр[анным] делам т. Литвинову М.М.

Секретарь СНК СССР Л. Фотиева

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1004. Л. 53. Заверенная копия. Печать СНК СССР.

¹ О договоре см. док. № 242. Проект договора был одобрен Главконцес-
скомом СССР под председательством Л.Д. Троцкого 3 декабря 1925 г. (см.:
АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1004. Л. 4–5) и не позднее 8 декабря вместе с проек-
том постановления СНК направлен также в ЦК РКП(б) (см.: Там же.
Л. 122).

Постановление СНК СССР

*о заключении концессионного договора
с японским обществом “Сакай Кумиай”
на добычу каменного угля на Северном Сахалине***

8 декабря 1925 г.

3. а) Представленный ГКК при СНК СССР проект концесси-
онного договора с Обществом “Сакай Кумиай” о предоставлении
означенному Обществу концессии на добычу каменного угля на
Северном Сахалине на площади и на условиях, в концессионном
договоре указанных, – утвердить¹.

* Штамп: “Прот[окол] ПБ № 94, п. 20” (см. док. № 250). Выписка из протокола
№ 134 заседания СНК СССР от 8 декабря 1925 г., п. 2. Докладчик А.Е. Минкин.

** Штамп: “Прот[окол] ПБ № 94, п. 20” (см. док. № 250). Выписка из протокола
№ 134 заседания СНК СССР от 8 декабря 1925 г., п. 3. Докладчик А.Е. Минкин.

б) Подлинный договор поручить подписать председателю ВСНХ СССР т. Дзержинскому Ф.Э. и скрепить Зам. НКВД т. Литвинову М.М.

Секретарь СНК Союза ССР Л. Фотиева

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1004. Л. 2. Заверенная копия. Печать СНК СССР.

¹ О договоре см. док. № 244. Проект договора был одобрен Главконцес-
ском СССР под председательством Л.Д. Троцкого 3 декабря 1925 г. (см.:
АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1004. Л. 4–5) и не позднее 8 декабря вместе с проек-
том постановления СНК направлен также в ЦК РКП(б) (см.: Там же.
Л. 122).

№ 248

*Записка председателя СНК СССР А.И. Рыкова
в Политбюро ЦК РКП(б) с просьбой утвердить
концессионные договоры с японскими компаниями
на добычу нефти и угля на Северном Сахалине^{1*}*

№ 203/с

9 декабря 1925 г.
Сов. секретно

Политбюро ЦК РКП(б)

Главным концессионным комитетом внесены на рассмотре-
ние Совета Народных Комиссаров Союза проекты трех догово-
ров между СССР и японскими фирмами на сдачу последним неф-
тяных и угольных концессий на Северном Сахалине.

Совет Народных Комиссаров Союза на заседании 8 декабря
эти три проекта рассмотрел и утвердил^{2*}.

Посылая подробную справку по этому вопросу, прошу поста-
вить его на рассмотрение и утверждение Политбюро в четверг
10 декабря с.г.^{3*}

А.И. Рыков

Приложение: 1) Справка на 3 листах^{4*}.

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1001. Л. 77. Подлинник

^{1*} Штамп: “Прот[окол] ПБ № 94, п. 20”. См. док. № 250.

^{2*} См. док. № 245–247.

^{3*} См. док. № 250.

^{4*} См. док. № 249. По поручению И.В. Сталина 9 декабря записка А.И. Рыкова
вместе со справкой и тремя вышеприводимыми постановлениями СНК от 8 декабря
1925 г. была разослана для ознакомления членам и кандидатам Политбюро ЦК и
членам Президиума ЦКК.

*Справка Главконцесскома СССР
об условиях заключения концессионных договоров
с японскими компаниями на добычу нефти и угля
на Северном Сахалине**

№ 46403/с

Не позднее 9 декабря 1925 г.**

Сов. секретно

Согласно Пекинскому договору между СССР и Японией, правительство СССР обязалось предоставить японским фирмам, рекомендованным японским правительством, нефтяную и угольные концессии на Северном Сахалине. Основные условия этой концессии были тогда же установлены. С прибывшими в Москву одновременно с японским посольством представителями рекомендованных японским правительством фирм велись переговоры, которые закончились согласованием трех проектов концессионного договора: 1-й о нефти и 2-х об угле.

Все три договора составлены по нашему типовому образцу и с юридической стороны почти не содержат отступлений от установившихся норм концессионной практики. Условие о порядке разрешения споров между правительством и концессионером содержит даже улучшение обычных норм, так как согласно договорам с японцами все споры между нами и концессионером разрешаются Верховным судом СССР.

Из отступлений от типового концессионного договора следует отметить следующее:

1. Не предусмотрена обязательная для концессионера минимальная производственная программа.

2. Предоставлено право концессионеру свободно и беспоплатно ввозить на предприятия из-за границы предметы потребления для рабочих и служащих.

3. Установлены лимитные налоги (концессионер платит паушальные налоги).

Сущность договоров заключается в следующем:

На 45 лет нами сдаются солидным японским фирмам, рекомендованным японским правительством, концессии на Северном Сахалине:

а) По нефти исключительное право разведки и добычи нефти, газов и кира на 8 месторождениях восточного берега Северного Сахалина. Общая площадь этих месторождений составляет

* Штамп: "Прот[окол] ПБ № 94, п. 20" См. док. № 250.

** Датируется по док. № 248.

всего 4900 десятин, которые разбиваются на квадраты, распределяемые в шахматном порядке между нами и концессионером. Концессионер, таким образом, получает всего 2450 десятин нефтеносных земель. В течение года мы должны дополнительно отвести концессионеру под разведку еще 1000 квадратных верст, которые также будут делиться между нами и концессионером (предусмотрено Пекинским договором).

б) По углю концессионерам передаются на западном берегу Сахалина угольные месторождения в трех районах, всего около 40 квадратных верст. Сдаваемый в концессию запас угля представляет около 15% всех достоверных запасов угля на западном берегу Сахалина.

Концессионер уплачивает правительству долевое отчисление в размере от 5 до 15% по нефти (для фонтанной нефти от 15 до 45%) и от 5 до 8% по углю. Помимо этого концессионер платит арендную плату за передаваемое ему имущество в размере 4% ежегодно. Налоги концессионер платит по углю в размере 3,33% с валовой выручки, а по нефти 3,84% с валовой добычи.

В рабочем вопросе, как и во всех других вопросах, специально не оговоренных в концессионном договоре, концессионер подчиняется всем нашим законам. 50% административно-технического персонала и высококвалифицированных рабочих должно быть из числа граждан СССР, а низшей квалификации и черно-рабочих – 75% граждан СССР. Это процентное отношение между иностранными и советскими рабочими подлежит пересмотру каждые три года и должно постепенно уменьшаться. Помимо того условия труда регулируются коллективным договором с профсоюзом.

Продукцию свою концессионер вывозит беспошлинно и без оплаты лицензионного сбора за границу. Такие же льготы он имеет по ввозу оборудования, машин, технических предметов и материалов, необходимых для сооружения и оборудования концессионного предприятия. Имущество концессионных предприятий концессионер обязан страховать в страховых учреждениях СССР за свой счет на имя правительства. За требуемый лес для нужд концессионного предприятия концессионер платит попенную плату. Концессионеру также предоставлено право вывоза леса за границу. По окончании сроков концессии концессионные предприятия, чистые от долгов, переходят безвозмездно правительству. Досрочное прекращение концессии возможно в случае нарушения концессионером одного из следующих условий: хищническая эксплуатация недр, невзнос долевых отчислений в течение года, невзнос налогов в течение года и продажа на внутрен-

них рынках предметов, ввезенных с целью снабжения концессионного предприятия, а также в случае объявления концессионера несостоятельным должником.

Минкин
Мирошников

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1001. Л. 78–80. Заверенная копия.

№ 250

*Постановление Политбюро ЦК РКП(б) “О концессиях на Северном Сахалине”**

№ П94/20-с

10 декабря 1925 г.
Строго секретно

20. Принять к сведению сообщение т. Рыкова об утверждении ГКК и СНК концессионного договора на сдачу японским фирмам нефтяных и угольных концессий на Северном Сахалине**.

Секретарь ЦК

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1001. Л. 75. Копия.

№ 251

*Письмо В.Л. Копна С.И. Аралову о позиции министра иностранных дел Японии К. Сидэхары относительно статуса и прав торгпредства СССР в Токио****

№ 426/с

10 декабря 1925 г.
Сов. секретно

Уважаемый Семен Иванович!

Вопрос о торгпредстве достаточно выяснен телеграфной перепиской, и я считаю достаточным переслать Вам только в качестве информационного материала текст предложения Сидэхары на английском и русском языках. Вручая мне свое предложение, Сидэхара несколько раз подчеркнул, что текст этот является пока только его личным предложением и что он не проведен ни через кабинет, ни через Тайный Совет. Последнее, вероятно, соот-

* Вопрос представлен А.И. Рыковым (см. док. № 248, 249). Выписка из протокола № 94 заседания Политбюро ЦК РКП(б) от 10 декабря 1925 г., п. 20. Направлена А.И. Рыкову, И.М. Мирошникову.

** См. док. № 245–247.

*** Копии письма направлены членам коллегии НКВД, Б.Н. Мельникову, Б.И. Канторовичу, Я.З. Сурицу, Н.Н. Крестинскому, Л.Н. Старку, Л.Б. Красину, Х.Г. Раковскому и К.К. Юреневу.

ветствует действительности, ибо Тайный Совет является своего рода проверочной инстанцией для иностранных договоров и соглашений, рассматривающий их уже постфактум. Что же касается кабинета, то в этом пункте Сидэхара, очевидно, в целях максимальной страховки несколько уклоняется от истины. Со времени вручения Сидэхаре нашего проекта до момента подачи им мне его контрпроекта прошло более месяца, и нет никакого сомнения, что в течение этого времени вопрос разрабатывался не только в Мининделе, но и согласовывался в кабинете.

С приходом т. Янсона¹ вопрос вступит, надеюсь, в окончательную фазу. Я думаю, что нам удастся в конечном итоге выторговать редакцию пункта 4 в духе тех сообщений, которые я сделал по телеграфу. Но я очень сомневаюсь, чтобы нам удалось заставить яп[онское] пра[вительство] отказаться от самого принципа отделения оперативных коммерческих функций от функций государственного регулирования.

Приложение: упомянутое*.

С комм[унистическим] приветом

Копп

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1019. Л. 35. Копия. Опул. (частично): ДВП СССР. Т. 8. С. 702.

¹ Я.Д. Янсон был назначен коммерческим атташе в Японии и 12 декабря 1925 г. выехал туда.

№ 252

*Проект устава торгпредства СССР в Токио,
предложенный Сидэхарой*

Не позднее 10 декабря 1925 г.**
Гаймусё***, Токио

1. Правительство СССР может утвердить в Токио торговое представительство, функции которого будут таковы:

а) Содействовать и облегчать коммерческие сношения между Японией и СССР.

б) Контролировать экспорт из СССР и импорт в СССР из Японии.

с) Вести коммерческие дела от имени СССР.

2. Правительство СССР может назначить главу торгового представительства и его помощников в качестве коммерческого

* См. док. № 252.

** Датируется по док. № 251.

*** Министерство иностранных дел Японии.

атташе и соответственно помощников коммерческого атташе посольства СССР, каковые в этом дополнительном звании будут допущены к осуществлению в Японии тех же официальных функций и к пользованию тем же дипломатическим иммунитетом, как и аналогичные чиновники иных иностранных посольств в Токио. Оговорено, что коммерческий атташе будет один, а помощников коммерческого атташе не более трех.

3. Глава торгового представительства, признанный этим путем коммерческим атташе посольства СССР, будет вправе выдавать лицензии на экспорт из и импорт в СССР, имея, таким образом, в своих руках контроль над торговлей СССР в отношении Японии.

4. При этом, разумеется, что, если он в дополнение к званию главы торгового представительства будет назначен коммерческим атташе, он перестанет осуществлять самолично ведение коммерческих операций от имени СССР, и эти функции будут переданы под руководство другого члена торгового представительства, который, не будучи причислен к посольству как коммерческий атташе, может быть специально на то уполномочен своим правительством.

5. Далее разумеется, что в целях обеспечения развития торговли между обеими странами на здоровой и удовлетворительной основе японское правительство может предписывать пути торговли, по которым торговому представительству будет дозволено вести свои коммерческие сделки.

6. Торговое представительство, равно как и его глава и члены, кроме тех, которые признаны коммерческим атташе или помощником коммерческого атташе посольства СССР, будут подчинены в Японии законам и юрисдикции страны и во всех случаях будут ограничивать свою деятельность теми именно функциями, ради которых представительство было учреждено.

7. Все коммерческие операции, которые будут вестись в Японии торговым представительством, равно как и все имущество СССР, находящееся в Японии и связанное с деятельностью торгового представительства, будут равным образом подчинены законам и юрисдикции страны.

8. Торговое представительство будет иметь свое пребывание вне помещения посольства СССР с тем, однако, что глава и члены представительства, признанные коммерческим атташе и помощниками коммерческого атташе, могут осуществлять свои официальные функции, как сказано выше, в канцелярии посольства.

Записка инспектора

*Отдела наблюдения Главконцесскома СССР Аскинази
о выделении японскому “Обществу северосахалинской нефти”
территории на Северном Сахалине
для разведки и добычи нефти*

Не ранее 14 декабря 1925 г.*

В силу § 12 концессионного договора с “Обществом северосахалинской нефти” (“Кита Карафутто Секию Кабусики Кайся”) (являющимся правопреемником Общества “Кита Сагарен Секию Кигио Кумиай”), утвержденного правительством 14 декабря 1925 г., названному Обществу должна была быть выделена на восточном побережье С[еверного] Сахалина для поисков и разведок территория в 1000 кв. верст.

Означенная территория определяется правительством по соглашению с концессионером в течение одного года со дня вступления договора в силу.

Для выполнения обязательства, обусловленного § 12 договора, с представителями концессионера велись переговоры, в результате которых пришли к соглашению, каковое как проект, при сем прилагаемый, и вносится на утверждение Совнаркома.

Дополнительное соглашение сводится к тому, что Обществу “Кита Карафутто Секию Кабусики Кайся” на предмет поисков и разведок на нефть, кир и горючие газы выделяется территория на восточном побережье С[еверного] Сахалина размером в 1000 кв. верст в 11 отдельных участках сроком на 11 лет со дня вступления договора в силу.

Точное месторасположение участков и размеры их подробно определены в прилагаемом проекте соглашения и нанесены на карту.

Инспектор Отдела наблюдения ГKK Аскинази

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1004. Л. 196. Копия.

* Датируется по содержанию документа.

Запись беседы С.И. Аралова с Т. Танакой
в связи с усилением японских войск в Маньчжурии*

№ 1880

15 декабря 1925 г.

Секретно

Во время железнодорожного банкета мне удалось поговорить с Танакой по вопросу об усилении войск в Маньчжурии. Я Танаке сказал, что мы получили сведения, что в районе КВЖД и вообще в Маньчжурии заметно усиление японских войск, что, конечно, нарушает Пекинский договор и осложняет положение. Мы, со своей стороны, ни на одного красноармейца не увеличили охрану КВЖД. Кроме того, я упомянул, что падение Чжан Цзолиня** отчасти вызвано, пожалуй, тем, что он лично противодействовал сближению между нами и Японией, что мы нисколько не хотим нарушать тех интересов, которые имеет Япония в Маньчжурии, что в этом отношении Японии беспокоиться абсолютно нечего. Танака в своем ответе сказал, что Япония ничем не помогает и не помогала Чжан Цзолиню, что она придерживается полного нейтралитета в китайских делах, что китайские дела Японии совершенно не касаются. Он не имеет сведений о том, чтобы вводились новые войска в Маньчжурию, наоборот, Япония имеет меньше войск, чем может иметь по Пекинскому договору, и если какие-либо имеются передвижения японских войск, то это передвижения тех войск, которые уже имеются в Маньчжурии, и начальник дивизии имеет право свои войска передвигать с одного места на другое, усиливать в одном месте или ослаблять в другом. По-видимому, эти передвижения и вызвали нашу подозрительность. Действительно, увеличение произошло *морских сил* в китайских водах. Они увеличили число миноносцев на случай каких-либо событий, которые защитили бы интересы частных лиц и концессий. Эти миноносцы в нужный момент могут высадить десант.

Далее он меня спросил, читали ли мы заявление японского военного министра, в котором он пишет, что Япония не вмешивается в гражданскую войну Китая и не посылает свои войска. Это заявление военного министра является первым заявлением, ибо раньше этого не делалось.

Со своей стороны, он слышал, что мы помогаем Фыну¹ снаряжением и обмундированием. Но он думает, что это относится к

Копии направлены членам коллегии НКВД СССР: Б.Н. Мельникову, И.В. Сталину, И.С. Уншлихту, Петрову, Л.М. Карахану, В.Л. Коппу.

** См. док. № 240, прим. 1.

областям слухов и не соответствует действительности, и он в этом духе информировал свое правительство. Далее Танака указал, что невмешательство во внутренние дела Китая будет возможно только в том случае, если другая, третья держава не вмешается в эти дела, в противном случае они вынуждены будут сделать то же самое.

Я ему сказал, что он прав в своем заключении, что мы ничем не помогаем Фыну, что это действительно так. Мы нейтральны по отношению к китайским делам, не вмешиваемся и никому не помогаем, и заинтересованы в сохранении дружественных отношений с японским народом, и придерживаемся той же точки зрения, что и Япония, в отношении китайских дел.

Забыл упомянуть, что Танака очень неодобрительно отзывался о Чжан Цзолине и указал, что Япония не может помогать Чжан Цзолиню, который себя скомпрометировал перед народными массами и помощь которому скомпрометировала бы японское правительство перед китайским народом.

Аралов

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1048. Л. 6–7. Подлинник.

¹ Фэн Юйсян (1882–1948) – в 1917–1926 гг. военный правитель китайской провинции Шэньси. В первой половине 1920-х годов входил в чжилийскую милитаристскую группировку, воевавшую против фэнтяньской клики Чжан Цзолиня, но проявлял большую самостоятельность и авантюризм как в военных, так и в политических делах. В 1925 г. заявлял о своей солидарности с революционным гомиьдановским правительством в Кантоне, переименовал свои войска в национальные армии, запрашивал военную и иную помощь у СССР. В ходе очередного этапа борьбы против Чжан Цзолиня в ноябре 1925 г. объявил ему войну, но спустя месяц, после неудач своего союзника генерала Го Сунлина, ушел в отставку со всех постов и отправился в Москву.

Список основных сокращений

- ВКЖД – см. КВЖД
ВКП(б) – Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
ВСНХ – Высший совет народного хозяйства
ВЦИК – Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет
ВЦСПС – Всесоюзный Центральный Совет Профессиональных Союзов
ВЧК – Всероссийская чрезвычайная комиссия
ГКК, Главконцеском – Главный концессионный комитет
Госбанк – Государственный банк СССР
Госторг – Государственная импортно-экспортная торговая контора
Дальбюро, ДБ – Дальневосточное бюро ЦК РКП(б)
Дальгосторг – Государственная торговая импортно-экспортная контора по торговле со странами Дальнего Востока
Далькрайисполком – Дальневосточный краевой исполнительный комитет
Далькрайком – Дальневосточный краевой комитет ВКП(б)
Дальревком – Дальневосточный революционный комитет
Дальта – Дальневосточное телеграфное агентство
Дальэкосо – Дальневосточное экономическое совещание
ДВР – Дальневосточная Республика
Донуголь – Донецкий государственный угольный трест
ИККИ – Исполнительный комитет Коммунистического Интернационала
КВЖД (ВКЖД) – Китайско-Восточная (Восточно-Китайская) железная дорога
Киткомиссия – Китайская комиссия Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б)
Коминтерн – Коммунистический Интернационал
МИД – Министерство иностранных дел
Мининдел – Министерство (министр) иностранных дел
МК – Московский комитет партии
Наркомвнешторг – Народный комиссариат (нарком) внешней торговли
Наркоминдел – Народный комиссариат (нарком) иностранных дел
Наркомфин – Народный комиссариат (нарком) финансов
НКВТ – Народный комиссариат внешней торговли
НКЗ, НКЗем – Народный комиссариат земледелия
НКИД – Народный комиссариат иностранных дел

НКПС – Народный комиссариат путей сообщения
НКФ – Народный комиссариат (нарком) финансов
ОГПУ – Объединенное государственное политическое управление
Оргбюро – Организационное бюро ЦК РКП(б)–ВКП(б)
ПБ, Политбюро – Политическое бюро ЦК РКП(б)–ВКП(б)
полпред – полномочный представитель
РВС, РВСР, Реввоенсовет – Революционный военный совет (Республики)
РКИ – Народный комиссариат рабоче-крестьянской инспекции
РККА – Рабоче-Крестьянская Красная Армия
РКП(б) – Российская коммунистическая партия (большевиков)
РСФСР – Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика
САСШ – Северные Американские Штаты, Северо-Американские Соединенные Штаты
СНК, Совнарком – Совет Народных Комиссаров
“Союзрыба” – Всесоюзное объединение рыбного хозяйства
ССР – Советская Социалистическая Республика
СССР – Союз Советских Социалистических Республик
СТО – Совет Труда и Обороны
ТАСС – Телеграфное агентство Советского Союза
торгпред – торговый представитель
Туркбюро – Туркестанское бюро ЦК РКП(б)
Центросоюз – Центральный союз потребительских обществ СССР
ЦИК – Центральный Исполнительный Комитет
ЦК – Центральный Комитет
ЦКК – Центральная контрольная комиссия
ЭПО – Экономическо-правовой отдел НКВД
ЮМЖД – Южно-Маньчжурская железная дорога

Summary

A volume of documents under the title “Moscow–Tokyo. Policy and Diplomacy of the Kremlin, 1921–1931” represents a collection of sources from the Archive of the President of the Russian Federation (APRF) about the history of the Soviet-Japanese relations during the period of the 1920s – the beginning of the 1930s, from the Civil War and the Japanese military intervention in the Russian Far East till the invasion of Japan’s troops in Manchuria in September of 1931. A base of the collection is the materials showing the activity of the highest Soviet leadership – Politburo of the Central Committee of the Bolshevik Party, and also of the People’s Commissariat of Foreign Affairs. The documents represent all main directions of the Kremlin’s policy towards Japan in the said period: the struggle for the stopping of Japan’s intervention in the Russian Far East and evacuation of the Japanese troops in the beginning of the 1920s; the negotiations about the evacuation of the Japan’s military forces from Northern Sahalin in 1923–1925; the establishment of the diplomatic relations between the two states in 1925; the conclusion of the concessive agreements with the Japanese coal and oil firms; the fishery questions. Among concrete questions there are subjects devoted to the Dairen Conference of 1921–1922, the Changchun Conference of 1922, the conclusion of the Soviet-Japanese Fishery Convention of 1928, the various aspects of politico-economic relations between Moscow and Tokyo, for example those connected with the catastrophic Tokyo’s earthquake in 1923 and the revolutionary events in China in the second half of the 1920s, the status and member composition of the Embassy and the Trade Delegation of the USSR, etc.

The novelty and originality of the work are in the consideration of the mentioned themes in the light of the policy of the highest Soviet party-state leadership and in the using of the main previously unpublished sources.

Указатель имен

- Абазов Н.С. 581, 585, 616, 620, 640, 670
Аболтин В.Я. 344, 345
Аванесов В.А. 262, 265, 285
Альберс Г. 551, 556
Альпов 308, 316
Андерсен Р. 267
Андрианов Ф.И. 172, 194, 407
Анерт Э.Э. 411
Антонов (эксперт-юриисконсулыт) 557, 581
Антонов В. 27, 28, 31–34, 36, 37, 44–47, 49, 51, 52, 84, 139, 147–149, 151, 183, 184, 229–231
Араи 408, 409, 415, 416, 449, 473, 489, 515, 581, 616, 641, 670
Аралов С.И. 697, 699, 719, 723, 724

Батис 224, 229–231
Бекман 466, 473, 489, 515, 542, 557, 581, 595, 616, 653, 670
Белл 43, 44
Бельский Л.Н. 169, 170
Богатин 426, 442
Богданов П.А. 251
Богородский 225
Бомэ А. 617, 640
Бонч-Осмоловский 426, 449, 466, 473, 489, 515, 542, 557, 581, 595, 640, 653, 670
Бриннер Б.Ю. 551, 556, 666
Бродская 698
Брюханов Н.П. 169, 170
Буйко А.М. 223, 225, 171, 172, 191
Бухарин Н.И. 699, 700
Быков 13
Быховский 281

Вандерлип В.Б. 16

Ван Чжэнтин 247
Ватанабэ 364, 367, 421, 449, 473, 476, 477, 479, 480, 515, 517–519, 521–528, 530, 536, 537, 581, 616, 629, 630, 634, 635, 641, 670
Виленский-Сибиряков В.Д. 29, 221, 222
Волкович 426, 466, 472, 557, 580, 595, 598, 614, 653

Галузин 426, 466, 449, 473, 489, 515, 542, 557, 581, 595, 616, 640, 653, 670, 690
Гальперин 426, 449, 466, 473, 489, 515, 542, 557, 581, 616, 640, 653, 670
Гамма 97
Ганецкий Я.С. 44
Гарриман А. 532–534, 566, 662
Горбунов Н.П. 162, 212, 350
Го Сунлин 724
Гото С. 5, 41, 42, 157, 167, 173, 185, 190, 196, 197, 227, 228, 234, 538–541
Грант 332
Губельман М.И. 13
Гуревич М.Г. 351–383, 385–391, 393–403, 408–410, 412–418, 420, 421, 423–426, 428, 432, 434, 440–445, 449, 462, 464, 473, 475, 481, 485, 489, 491, 510, 511, 513, 515–528, 530, 531, 533–537, 542, 549, 551, 557–561, 565–572, 574–590, 592–604, 607–614, 616–625, 627–664, 666–676, 678, 680–686, 688–692

Давтян Я.Х. 126
Даттан А. 556

- Дашкевич 194
 Дековиль 492
 Дзержинский Ф.Э. 266, 272, 303,
 468, 470, 714–716
 Догадов А.И. 350
 Долецкий Я.Г. 97
 Дудникова 308
 Духовской С.И. 23–27, 31–33, 36,
 38, 41, 44, 46, 47, 51, 126, 194
 Дэй М. 263, 264, 267

 Енукидзе А.С. 223, 336

 Зейбот А.Я. см. Грант
 Зиновьев Г.Е. 30, 54, 327, 333
 Зольф В. 66, 67, 69
 Зубкова В. 366, 386, 402, 425, 426,
 444, 449, 466, 473, 489, 515, 542,
 557, 581, 595, 616, 640, 653, 670

 Идзюин Х. 184, 187
 Икеда К. 426, 466, 542, 557, 595, 653
 Инаиси 449, 473, 489, 515, 581, 616,
 641, 670
 Иосидзава К. 232, 233, 241–245,
 248, 253, 268–271, 273–280, 284,
 298–300, 304–306, 309, 311,
 319–322, 329, 330, 340, 341, 345,
 347, 358, 360, 396, 447, 453, 454,
 662
 Иоффе А.А. 8, 39, 40, 42, 44, 45, 65,
 50, 51, 54, 55, 59, 66, 70–82,
 85–87, 90–92, 94, 96–124, 126,
 128, 131–135, 139–144, 146, 148,
 150, 152–159, 163, 165–168, 173,
 190, 194–198, 200, 211–213,
 215–218, 227, 228, 231, 234–237,
 239, 324, 332, 334–336, 342–344,
 351, 412, 425–432, 434–439,
 441–445, 448–457, 459–462,
 464–475, 477, 479–483, 485–513,
 515, 548, 542–547, 549–557, 586,
 587, 620, 624, 647, 653
 Исихара Я. 426, 466, 542, 557, 595,
 653
 Ито Х. 541

 Каваками Т. 157–159, 167, 234, 235,
 237, 342, 426, 449, 455, 466, 489,
 515, 542, 557, 560, 581, 595, 616,
 622, 641, 653, 670
 Каито 271
 Каменев Л.Б. 8, 54, 212, 221, 222,
 242, 448
 Канторович Б.И. 719
 Карахан Л.М. 8, 23, 25–27, 31–33,
 35, 36, 38, 42, 44, 46, 47, 50–52,
 54, 55, 59, 65, 66, 70, 71, 86, 91,
 97, 98, 100, 109, 110, 124–126,
 140–143, 145, 146, 152, 153, 156,
 158, 159, 163, 165–171, 191,
 193–197, 215, 217, 222, 227, 228,
 231–233, 237, 238, 241, 246–251,
 253, 258, 260, 261, 264, 266–268,
 272–275, 280, 282–288, 290–294,
 298–301, 304, 306–309, 311,
 312–314, 316, 318–322, 325,
 330–333, 337, 342, 343, 358, 360,
 396, 447, 453, 454, 615, 616, 699,
 723
 Касама 92, 100, 105, 110, 118, 128,
 134
 Като И. 426, 466, 542, 595, 653
 Като Томосабуро 40, 184, 345
 Кашин 447
 Квиринг Э.И. 470, 473
 Керзон Дж. 197
 Киселев Д.Д. 332
 Клейе Ф.Ф. 520, 521, 537, 538
 Кобозев П.А. 191
 Колесников А. 426, 444, 449, 466,
 473, 489, 515, 542, 557, 581, 595,
 640, 653
 Колко 25
 Колчак А.В. 15, 163, 541
 Конисси 352, 355–357, 360, 361, 363,
 366, 413–415, 421, 423, 424, 449,
 452, 466, 476, 477, 489, 496, 501,
 515, 517, 520, 523, 581, 582, 616,
 618, 633, 641, 643, 649, 670, 682,
 684
 Конрад 426, 427, 431, 432, 438,
 441–443, 449, 465, 470, 473, 476,
 489, 494, 498, 504, 515, 517, 531,
 534, 536, 542, 547, 552, 557, 560,
 575, 576, 581, 586, 595, 601, 614,
 616, 623, 637, 640, 645, 651, 653,
 670, 691

- Копп В.Л. 344, 346–350, 403–408, 448, 513–515, 538, 541, 693–695, 697, 698, 719, 720, 723
 Котлов 267, 520, 643
 Красин Л.Б. 218, 219, 248–252, 254, 289, 291, 293, 297, 298, 300, 301, 331, 343, 693, 696, 697, 719
 Крестинский Н.Н. 11, 719
 Кржижановский Г.М. 168, 198, 201, 210, 212
 Кубяк Н.А. 146, 194, 195, 219–221, 223, 225, 226, 298, 301, 303, 448
 Кузнецов Н.К. 81, 87, 328, 329
 Куйбышев В.В. 168
 Кумакава 449, 473, 515, 581, 641, 670
 Кунст Г.И. 551, 556
 Курасава 306
 Курица 670

 Лашкевич Г.Н. 489, 515, 670
 Лебедев (военный) 213, 214
 Лебедев (дипломат) 87, 92, 100, 105, 110, 118, 128, 134
 Левин 72, 76, 81, 87, 92, 100, 105, 110, 118, 128, 134, 170, 449, 466, 473, 489, 515, 542, 557, 581, 595, 616, 640, 653, 670
 Лежава А.М. 15–17, 248, 250, 252, 253, 313, 315, 318
 Ленин В.И. 14, 15, 30, 54, 148
 Лепешинская 289
 Лепсе И.И. 692, 693
 Литвинов М.М. 141, 154, 159, 160, 237–239, 292, 297, 303, 321, 332, 402, 447, 538, 693–695, 697, 699, 714–716
 Лобанов-Ростовский А.Б. 325
 Лозовский С.А. 692, 693, 750
 Ломов А. 284, 285
 Любимов Н.Н. 199–202, 204, 209–211
 Лютовский 426, 431, 449, 473, 489, 515
 Ляндау Л.Г. 615, 670

 Мальцан А. 66, 69
 Маркович 557, 595, 640, 653
 Мархлевский Ю.Ю. 8, 18, 19, 23, 25–27, 32, 34, 35, 40, 43, 44, 50, 51
 Мацокин 183, 184, 231
 Мацудайра Ц. 31–33, 44, 47, 48, 52, 72–82, 87, 90–92, 95, 96, 98–103, 105–111, 113–115, 117–124, 126–128, 130, 132–135, 138, 148–150, 156
 Мацуи 247
 Мацуката М. 67
 Мацусима Х. 23, 25, 72, 76, 79, 81, 87, 92, 100, 105, 108, 110, 118, 128, 134
 Мащанский 616
 Мельников Б.Н. 284, 302, 312, 347, 348, 719, 723
 Менжинский В.Р. 313, 316–318, 344
 Меркуловы Н.Д. и С.Д. 13, 49, 163
 Миллер К.К. 541
 Минкин А.Е. 262, 263, 264, 265, 266, 273–275, 283–285, 287–289, 291, 298, 301, 303, 304, 714, 715, 719
 Минодзума 247
 Мирошников И.М. 719
 Миякава Ф. 72, 81, 87, 92, 100, 105, 110, 118, 128, 134, 343
 Моисси А. 335, 336
 Молотов В.М. 13–17, 31, 54, 141, 221, 291, 300, 350, 448, 696
 Монви де 302
 Мори К. 174, 190, 538, 540
 Мори Т. 177, 183–190
 Муравьев М.Н. 324, 325
 Мусатов А.В. 363, 364, 367, 379, 422, 424, 426, 449, 466, 472, 473, 489, 497, 498, 515, 542, 557, 581, 595, 616, 640, 653, 670

 Назаретян А.М. 44, 70
 Нака 449, 473, 515, 581, 589, 616, 641, 670
 Накасато 351–364, 366, 408–425, 449–456, 458–462, 464–466, 473–475, 479–513, 515–523, 530–532, 534–537, 566, 581–584, 586–591, 593–595, 607, 616–624, 626, 628, 630–653, 670–675, 677–679, 681–684, 686, 688, 689–692

- Никитин 364, 367, 383, 426, 449,
 466, 473, 489, 515, 542, 557, 595,
 640, 653, 670
 Никифоров П.М. 11, 12
 Нордклиф 43, 44

 Озорнин Е.К. 51, 52, 54, 149
 Окума С. 67–69, 553, 603
 Окумура 367–383, 385–390, 392,
 394–402, 426–432, 434–444,
 466–472, 542–550, 552–562, 564,
 566–569, 572–580, 595–602, 604,
 607–614, 621, 653–669
 Ольшевский И.К. 362
 Орловский 426, 466, 473, 557, 595,
 640
 Оскольский М. 193, 301
 Отаки 278
 Охлопков 220, 740

 Пайкес А.К. 18, 29, 71
 Перминов С. 389, 390, 397, 400, 401,
 426, 466, 542, 595, 653
 Петров Ф.Н. 22–27, 142, 143, 699, 723
 Подтягин М.П. 541
 Поздеев В.П. 332
 Полевой П.И. 273, 339, 411, 473,
 489, 515, 542, 595, 616, 653
 Понсонби А. 317
 Потапов 163
 Преображенский Е.А. 11
 Пригоровский 449, 466, 581, 640
 Пятаков Г.Л. (Ю.Л.) 8, 168,
 191–193, 195, 196, 218, 248,
 250–252, 254, 288, 291, 293, 297,
 298, 300, 303, 306, 307, 313,
 318–320, 470

 Радек К.Б. 66, 140
 Раковский Х.Г. 302, 315, 331, 719
 Редников 72, 76, 81, 87, 100, 110,
 118, 128, 134
 Розен Р.Р. 324, 325
 Ронис 12, 13
 Рудзутак Я.Э. 219, 220
 Рыков А.И. 223, 251, 318, 320, 716,
 719

 Савада 306
 Сайондзи К. 67, 69

 Сайто 449, 489, 515, 581, 616, 670
 Сато Н. 345–348
 Сато Ю. 426, 466, 542, 557, 595, 653
 Сафаров Г.И. 26
 Семенов Г.М. 15, 17, 245, 541, 719
 Серышев 316
 Сидэхара К. 306, 404–406, 697, 719,
 720
 Симада С. 72, 76, 81, 87, 92, 118,
 128, 150
 Симада С. 278, 280
 Синклер Г.Ф. 143, 144, 164, 182,
 186, 190, 203, 205, 263, 264,
 267, 290, 361, 452, 454, 457, 458,
 474
 Скворцов 407
 Скланский Э.М. 163, 212
 Смидович П.Г. 228
 Смирнов 224
 Соковиков 698
 Сокольников Г.Я. 54, 168, 198, 210,
 212, 248, 250, 252, 293, 300, 312,
 313, 318
 Сталин И.В. 30, 31, 36, 39, 40, 44,
 46, 47, 50, 52, 54, 55, 65, 66, 70,
 86, 97, 98, 109, 124, 126, 142, 146,
 152, 153, 160, 163, 169, 171, 190,
 191, 193, 194, 196, 199, 200, 209,
 210, 215, 218, 223, 225, 229, 231,
 246, 251, 252, 262, 263, 265, 272,
 280, 306, 320, 331–333, 342, 344,
 538, 693, 696, 699, 716, 723
 Старк Л.Н. 719
 Стахеев И.Г. 361–366, 425, 447, 513,
 514, 551
 Степухович М. 426, 444, 449, 466,
 473, 515, 542, 557, 640
 Стомоняков Б.С. 693, 694, 696
 Суриц Я.З. 719
 Сухоплюев 426, 449, 466, 473,
 489, 542, 557, 581, 595, 616, 640,
 653

 Тазака И. 466, 542, 557, 595, 653
 Танака Г. 541
 Танака И. 551
 Танака Т. 345, 348, 349, 424, 469,
 615, 616, 723, 724
 Тарасов 308
 Тихонович Н.Н. 199, 411

Троцкий Л.Д. 8, 30, 31, 54, 65, 66,
159, 160, 163, 402, 714–716

Тряпицын Я.И. 35

Уншлихт И.С. 283, 284, 288, 293,
295, 297, 298, 699, 723

У Пэйфу 29

Уркарт Л. 248, 250

Утида Я. 41, 42, 132, 166, 184,
187–189, 345

Фотиева Л.А. 162, 212, 222, 714–
716

Фрумкин М.И. 313, 317, 318, 320,
403, 405, 445, 447, 448

Фрунзе М.В. 313, 316–320, 344

Фэн Юйсян 723, 724

Хавин 172, 191, 194, 224, 227,
284

Хлопьянкин М.И. 284, 288, 448

Ходоровский 426, 441, 442, 449,
489, 515, 542, 557, 581, 616, 640,
653, 668, 669, 670

Худяков 542, 557, 581, 616, 640, 653,
670

Цукахара 367, 471, 544, 545, 552,
554, 559–601

Цюрупа А.Д. 162

Чернобаев 426

Чжан Цзолинь 29, 302, 699, 723, 724

Чичерин Г.В. 8, 11–15, 17–22, 24,
31–33, 35, 44, 54, 66, 69, 141, 142,
148, 163, 165, 168, 198, 200,
209–212, 215–219, 221–226,
228–233, 236–238, 240, 241, 248,
250–252, 254, 258, 260, 262–266,
268, 272, 273, 275, 282–285,
287–289, 291–295, 297–304, 312,
313, 317–322, 325, 330–332, 336,
337, 343–345, 347–351, 402, 403,
408, 445, 447, 448, 513, 615,
616

Шеншев 32

Шишлянников Р.А. 337–340, 342

Шлейфер И.О. 209, 365, 367, 369,
372, 376, 378, 383, 387–389, 397,
398, 411, 413, 418, 425, 445, 449,
466, 473, 475, 476, 478–480, 595,
605–607, 611

Шохин 698

Штруббе 66

Эррио Э. 247

Юз Ч.Э. 128

Юренев К.К. 719

Юрин И.Л. 17

Юруш 695

Ягода Г.Г. 351

Языков А.А. 18, 19

Якубович 32

Ямагата А. 67, 69

Ямагути Т. 167

Ямада 421, 425, 449, 462, 464, 473,
489, 491, 497, 498, 511, 515, 581,
616, 641, 648, 670

Ямадзаки 72, 76, 81

Ямамото Г. 348

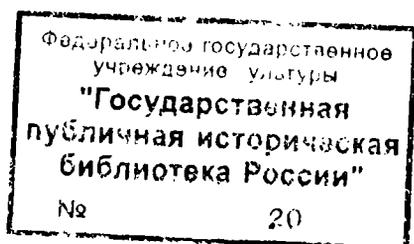
Яmanoути (консул) 45, 46, 51, 52, 54

Яmanoути (переводчик) 367–369,
377–380, 382, 385, 386, 388, 390,
394, 396, 398, 399, 401, 426–428,
434, 439, 441, 442, 444, 466, 467,
471, 542, 557, 595, 653, 668

Янковский 363, 367, 426, 449, 466,
473, 489, 515, 542, 557, 595, 616,
653

Янсон Я.Д. 22, 23, 25–27, 29, 31, 32,
34, 36, 38, 39, 44, 46, 47, 51, 52,
70, 72, 76, 80, 81, 86, 87, 92, 100,
105, 108–110, 114, 118, 128, 134,
146, 149, 215, 346, 347, 403, 405,
696, 697, 720

Япольский М. 444, 449, 466, 473,
515, 542, 616, 653, 701, 705, 712,
713

Содержание

Предисловие	5
-------------	---

Документы

1921 год

№ 1	
Постановление Пленума ЦК РКП(б) “О Дальневосточной республике”. 1 января 1921 г.	11
№ 2	
Постановление Дальбюро ЦК РКП(б) о необходимости переговоров с Японией относительно создания японских концессий в Дальневосточной республике. 10 июня 1921 г.	12
№ 3	
Записка народного комиссара иностранных дел РСФСР Г.В. Чичерина секретарю ЦК РКП(б) В.М. Молотову о нецелесообразности создания в ДВР японских концессий. 18 июня 1921 г.	13
№ 4	
Записка Г.В. Чичерина В.М. Молотову о возможных условиях предоставления Японии концессий в ДВР. 19 июня 1921 г.	14
№ 5	
Записка заместителя народного комиссара внешней торговли РСФСР А.М. Лежавы в Политбюро ЦК РКП(б) о политических и экономических требованиях к Японии как условия предоставления ей концессий. 20 июня 1921 г.	15
№ 6	
Постановление Политбюро ЦК РКП(б) “Утверждение проекта ДВР о концессиях с японцами”. 20 июня 1921 г.	17
№ 7	
Телеграмма Г.В. Чичерина министру иностранных дел ДВР И.Л. Юрину с изложением постановления Политбюро ЦК РКП(б) о японских концессиях в ДВР. 21 июня 1921 г.	17
№ 8	
Постановление Политбюро ЦК РКП(б) “О назначении представителей для переговоров с Китаем и Японией и на Вашингтонскую конференцию”. 11 октября 1921 г.	18

№ 9

Постановление Политбюро ЦК РКП(б) “О посылке представителя от ДВР на Вашингтонскую конференцию”. 13 октября 1921 г. 18

№ 10

Записка Г.В. Чичерина в Политбюро ЦК РКП(б) о требованиях Японии на переговорах в Дайрене и о позиции ДВР. 23 ноября 1921 г. 19

№ 11

Постановление Политбюро ЦК РКП(б) “Предложение т. Чичерина по вопросу о переговорах в Дайрене”. 24 ноября 1921 г. 21

1922 год

№ 12

Телеграмма министра иностранных дел ДВР Я.Д. Янсона Г.В. Чичерину о ходе переговоров в Дайрене. 14 апреля 1922 г. 22

№ 13

Телеграмма Я.Д. Янсона в НКВД РСФСР с сообщением из Дайрена об окончательных требованиях японской стороны. 17 апреля 1922 г. 23

№ 14

Телеграмма Дальневосточного телеграфного агентства в НКВД РСФСР о прекращении переговоров между ДВР и Японией в Дайрене. 18 апреля 1922 г. 24

№ 15

Телеграмма Я.Д. Янсона в НКВД РСФСР о прекращении переговоров в Дайрене. 19 апреля 1922 г. 25

№ 16

Телеграмма Я.Д. Янсона в НКВД РСФСР о причинах срыва переговоров в Дайрене и предложении поставить вопрос об эвакуации японских войск из ДВР на Генуэзской конференции. 19 апреля 1922 г. 26

№ 17

Письмо Я.Д. Янсона в НКВД РСФСР о реакции в Японии на срыв дайренских переговоров и предложении провести кампанию в прессе по этому поводу. 28 апреля 1922 г. 27

№ 18

Записка наркома по военным и морским делам и председателя Реввоенсовета республики Л.Д. Троцкого председателю Исполкома Коминтерна Г.Е. Зиновьеву о проведении революционной пропаганды среди японских солдат в ДВР. 20 мая 1922 г. 30

№ 19

Постановление Политбюро ЦК РКП(б) “О Дальнем Востоке”. 26 мая 1922 г. 31

№ 20

Выписка из протокола № 42 заседания Дальбюро ЦК РКП(б) о возобновлении переговоров с Японией. 30 мая 1922 г.

31

№ 21

Запись разговора по прямому проводу заместителя народного комиссара иностранных дел РСФСР Л.М. Карахана и Я.Д. Янсона о желании Японии возобновить переговоры с ДВР и вывести войска. 31 мая 1922 г.

32

№ 22

Записка представителя Дальневосточного телеграфного агентства В. Антонова в НКИД РСФСР о предложении МИД Японии возобновить переговоры с ДВР. 31 мая 1922 г.

32

№ 23

Записка членов делегации РСФСР и ДВР на переговорах с Японией в НКИД РСФСР об условиях их возобновления. 31 мая 1922 г.

33

№ 24

Записка представителя РСФСР на переговорах с Японией Ю.Ю. Мархлевского в НКИД РСФСР о целесообразности бойкота японских пароходов в портах Западной Европы и США. 31 мая 1922 г.

35

№ 25

Записка Я.Д. Янсона в НКИД РСФСР о намерении Японии вывести войска из ДВР и об участии РСФСР в переговорах. Не ранее 31 мая 1922 г.

36

№ 26

Записка Я.Д. Янсона в НКИД РСФСР с текстом меморандума ДВР к правительству Японии об условиях возобновления переговоров. 1 июня 1922 г.

38

№ 27

Телеграмма генерального секретаря ЦК РКП(б) И.В. Сталина в Дальбюро ЦК РКП(б) о целесообразности возобновления переговоров с Японией. 1 июня 1922 г.

39

№ 28

Записка уполномоченного РСФСР на переговорах с Японией А.А. Иоффе в НКИД РСФСР о японском предложении придать переговорам официальный характер. 9 июня 1922 г.

40

№ 29

Постановление Политбюро ЦК РКП(б) "О работе т. Иоффе" 22 июня 1922 г.

42

№ 30

Письмо Ю.Ю. Мархлевского в Политбюро ЦК РКП (б) о желательности организовать бойкот японских пароходов докерами Англии и США. 1 июля 1922 г.

43

№ 31

Записка Я.Д. Янсона в НКВД РСФСР по вопросам организации и места проведения переговоров между РСФСР, ДВР и Японией. 2 июля 1922 г. 44

№ 32

Записка В. Антонова и Я.Д. Янсона в НКВД РСФСР о выдвинутых японской стороной условиях возобновления переговоров. 6 июля 1922 г. 46

№ 33

Записка В. Антонова в НКВД РСФСР о согласии Японии подписать предложенную делегацией ДВР редакцию Дайренского соглашения. 6 июля 1922 г. 47

№ 34

Письмо Л.М. Карахана в Политбюро ЦК РКП(б) о желательности бойкота японских пароходов. 11 июля 1922 г. 50

№ 35

Письмо Л.М. Карахана И.В. Сталину о направлении полномочного представителя РСФСР в Китае А.А. Иоффе в Читу для проведения переговоров с Японией. 11 июля 1922 г. 50

№ 36

Постановление Политбюро ЦК РКП(б) "Предложение т. Мархлевского об Японии". 13 июля 1922 г. 51

№ 37

Телеграмма Я.Д. Янсона в НКВД РСФСР о принципиальном согласии Японии на переговоры. 17 июля 1922 г. 51

№ 38

Письмо Л.М. Карахана И.В. Сталину об участии РСФСР в конференции между Японией и ДВР и с предложениями о месте ее проведения. 21 июля 1922 г. 52

№ 39

Записка А.А. Иоффе "Основные директивы для переговоров с Японией". 22 июля 1922 г. 54

№ 40

Записка Л.М. Карахана И.В. Сталину "К переговорам с Японией". 26 июля 1922 г. 55

Приложение 1. Проект торгового и общего соглашения между ДВР и Японией. Не позднее 30 марта 1922 г. 60

Приложение 2. Проект ноты японского правительства правительству ДВР о готовности вывести войска с о. Сахалин и соблюдении территориальных прав ДВР. Не позднее 26 июля 1922 г. 64

Приложение 3. Проект ноты правительства ДВР правительству Японии с предложением не обсуждать на переговорах вопрос об Амуре и Сунгари. Не позднее 26 июля 1922 г. 64

Приложение 4. Проект ноты правительства ДВР правительству Японии о гарантии неприкосновенности собственности японских подданных на территории Дальневосточной Республики. Не позднее 26 июля 1922 г.	65
№ 41	
Постановление Политбюро ЦК РКП(б) “О директиве т. Иоффе”. 27 июля 1922 г.	65
№ 42	
Постановление Политбюро ЦК РКП(б) “О переговорах с Японией”. 27 июля 1922 г.	66
№ 43	
Письмо Г.В. Чичерина И.В. Сталину с изложением мнения германского посланника в Токио Зольфа о целях внешней политики Японии. 10 августа 1922 г.	66
№ 44	
Телеграмма Л.М. Карахана А.А. Иоффе с предписанием руководствоваться директивами НКВД РСФСР при проведении переговоров с Японией. 25 августа 1922 г.	70
№ 45	
Записка Л.М. Карахана И.В. Сталину с предложением возбудить на переговорах с Японией вопрос о признании РСФСР де-юре. 30 августа 1922 г.	70
№ 46	
Постановление Политбюро ЦК РКП(б) “Телеграмма т. Иоффе”. 31 августа 1922 г.	71
№ 47	
Протокол № 1 заседания Чанчуньской конференции. 4 сентября 1922 г.	72
№ 48	
Протокол № 2 заседания Чанчуньской конференции. 5 сентября 1922 г.	76
№ 49	
Протокол № 3 заседания Чанчуньской конференции. 6 сентября 1922 г.	81
№ 50	
Телеграмма А.А. Иоффе и Я.Д. Янсона Л.М. Карахану о неприемлемости требований японской делегации на переговорах в Чанчуне. 7 сентября 1922 г.	86
№ 51	
Постановление Политбюро ЦК РКП(б) “О переговорах с Японией”. 7 сентября 1922 г.	87

№ 52	
Протокол № 4 заседания Чанчуньской конференции. 10 сентября 1922 г.	87
№ 53	
Записка А.А. Иоффе Л.М. Карахану о ходе переговоров с Японией в Чанчуне. 12 сентября 1922 г.	91
№ 54	
Протокол № 5 заседания Чанчуньской конференции. 13 сентября 1922 г.	92
№ 55	
Телеграмма А.А. Иоффе в НКВД РСФСР о возобновлении заседаний Чанчуньской конференции и позиции Японии в вопросе об эвакуации войск из Северного Сахалина. 13 сентября 1922 г.	97
№ 56	
Телеграмма А.А. Иоффе Л.М. Карахану и И.В. Сталину о согласии Японии на проведение переговоров с РСФСР по заключению торгового договора. 13 сентября 1922 г.	98
№ 57	
Постановление Политбюро ЦК РКП (б) о выяснении готовности Японии провести переговоры с РСФСР по заключению торгового договора. 14 сентября 1922 г.	100
№ 58	
Протокол № 6 заседания Чанчуньской конференции. 14 сентября 1922 г.	100
№ 59	
Протокол № 7 заседания Чанчуньской конференции. 15 сентября 1922 г.	105
№ 60	
Докладная записка Л.М. Карахана И.В. Сталину о согласии Японии заключить договор с РСФСР и ДВР и о необходимости широкого освещения в прессе хода переговоров в Чанчуне. 18 сентября 1922 г.	109
№ 61	
Протокол № 8 заседания Чанчуньской конференции. 18 сентября 1922 г.	110
№ 62	
Протокол № 9 заседания Чанчуньской конференции. 19 сентября 1922 г.	118
№ 63	
Докладная записка Л.М. Карахана И.В. Сталину об условиях ведения дальнейших переговоров с Японией. 20 сентября 1922 г.	124
№ 64	
Постановление Политбюро ЦК РКП(б) "О Японии". 21 сентября 1922 г.	125

№ 65	Докладная записка А.А. Иоффе Л.М. Карахану и И.В. Сталину о ходе переговоров в Чанчуне и позиции японской делегации. 22 сентября 1922 г.	126
№ 66	Протокол № 10 заседания Чанчуньской конференции. 23 сентября 1922 г.	128
№ 67	Протокол № 11 заседания Чанчуньской конференции. 25 сентября 1922 г.	134
№ 68	Постановление Политбюро ЦК РКП(б) "О Японии". 28 сентября 1922 г.	140
№ 69	Постановление Политбюро ЦК РКП(б) "О концессиях Японии на Северном Сахалине". 28 сентября 1922 г.	141
№ 70	Постановление Политбюро ЦК РКП(б) "Вопросы НКВД". 19 октября 1922 г.	141
№ 71	Письмо И.В. Сталина Г.В. Чичерину в связи с необсуждением на Чанчуньской конференции вопроса о японских концессиях на Северном Сахалине. 25 октября 1922 г.	142
№ 72	Письмо Л.М. Карахана И.В. Сталину о причинах прекращения переговоров между ДВР и Японией в Дайрене и по вопросу о японских концессиях на Северном Сахалине. 8 ноября 1922 г.	142
№ 73	Постановление Политбюро ЦК РКП(б) "Вопросы НКВД. Сахалин". 9 ноября 1922 г.	144
№ 74	Письмо А.А. Иоффе в Политбюро ЦК РКП(б) с объяснением своей позиции относительно директивы ЦК РКП(б) о предоставлении японцам концессий на Сахалине. 11 ноября 1922 г.	144
№ 75	Телеграмма И.В. Сталина А.А. Иоффе о подчинении ему МИД ДВР и предстоящем воссоединении ДВР с РСФСР. 11 ноября 1922 г.	146
№ 76	Заявление В. Антонова в Политбюро ЦК РКП(б) о несостоятельности обвинений его в искажении характера политики Японии и в превышении своих полномочий. 18 ноября 1922 г.	147
№ 77	Телеграмма А.А. Иоффе Л.М. Карахану с просьбой о согласовании с ним политики НКВД РСФСР относительно Маньчжурии. 11 декабря 1922 г.	152

№ 78

Записка Л.М. Карахана И.В. Сталину с просьбой разъяснить А.А. Иоффе его полномочия в деле руководства внешней политикой РСФСР на Дальнем Востоке. 13 декабря 1922 г. 152

№ 79

Проект письма И.В. Сталина А.А. Иоффе об уточнении его полномочий, предложенный НКВД РСФСР. 13 декабря 1922 г. 153

№ 80

Постановление Политбюро ЦК РКП(б) "О тов. Иоффе". 14 декабря 1922 г. 154

1923 год

№ 81

Письмо А.А. Иоффе чрезвычайному посланнику Японии в Китае Т. Обате с протестом против потопления японскими пиратами двух российских судов и требованием возмещения убытков. 5 января 1923 г. 155

№ 82

Письмо Л.М. Карахана в Политбюро ЦК РКП(б) в связи с намерением японцев приобрести Северный Сахалин и о нецелесообразности поездки А.А. Иоффе в Японию. 17 января 1923 г. 156

№ 83

Постановление Политбюро ЦК РКП(б) "О поездке Иоффе в Японию". 18 января 1923 г. 159

№ 84

Проект письма Л.Д. Троцкого А.А. Иоффе о выяснении намерения Японии приобрести северную часть о. Сахалина. 2 февраля 1923 г. 159

№ 85

Декрет Совета Народных Комиссаров РСФСР о порядке эксплуатации рыбных и морских звериных промыслов на Дальнем Востоке. 2 марта 1923 г. 160

№ 86

Письмо Л.Д. Троцкого И.В. Сталину, Г.В. Чичерину и заместителю председателя Реввоенсовета Республики Э.М. Склянскому в связи со слухами о возможном установлении власти белых на Сахалине. 16 марта 1923 г. 163

№ 87

Письмо Л.М. Карахана в Политбюро ЦК РКП(б) о путях урегулирования спорных вопросов российско-японских отношений и возобновления переговоров с Японией. 28 марта 1923 г. 163

№ 88

Постановление Политбюро ЦК РКП(б) “О Японии”. 29 марта 1923 г. 165

№ 89

Записка Л.М. Карахана в Политбюро ЦК РКП(б) о нецелесообразности восстановления отношений с Японией де-факто. 2 мая 1923 г. 166

№ 90

Постановление Политбюро ЦК РКП(б) “О переговорах с Японией”. 3 мая 1923 г. 168

№ 91

Записка Л.М. Карахана И.В. Сталину о необходимости отмены решения Дальбюро ЦК РКП(б) по переносу переговоров с японскими рыбопромышленниками из Владивостока в Читу. 7 мая 1923 г. 169

№ 92

Справка НКВД РСФСР о результатах торгов рыболовецких участков во Владивостоке и условиях внесения арендной платы японскими рыбопромышленниками. Не позднее 7 мая 1923 г. 170

№ 93

Телеграмма заместителя секретаря Дальбюро ЦК РКП(б) А.М. Буйко И.В. Сталину о необходимости активизации переговоров с японскими рыбопромышленниками по оплате аренды рыбных промыслов. 7 мая 1923 г. 171

№ 94

Решение предварительного заседания Комиссии ЦК РКП(б) по определению экономической и стратегической ценности о. Сахалина и о переговорах с Японией в связи с возможной продажей ей острова. 10 мая 1923 г. 173

№ 95

Письмо А.А. Иоффе виконту С. Гото с изложением своей позиции по спорным вопросам российско-японских отношений и о возможном обсуждении их на совместной конференции. 10 мая 1923 г. 10 мая 1923 г. 173

№ 96

Письмо Л.М. Карахана И.В. Сталину с протестом против самостоятельных переговоров Дальбюро ЦК РКП(б) с японскими рыбопромышленниками. 11 мая 1923 г. 191

№ 97

Выписка из протокола № 22 заседания Главконцесскома при СНК РСФСР с проектом инструкции о руководстве эксплуатацией рыбных и морских звериных промыслов на Дальнем Востоке. 18 мая 1923 г. 192

№ 98

Записка председателя Главконцесскома при СНК РСФСР Г.Л. Пятакова И.В. Сталину с просьбой ограничить вмешательство Дальрев-

кома в переговоры с японскими рыбопромышленниками. 22 мая 1923 г.	193
№ 99	
Телеграмма уполномоченных НКВД и Наркомпрода РСФСР Хавина и Ф.И. Андрианова Л.М. Карахану о заключении арендного соглашения с японскими рыбопромышленниками и погашении ими задолженностей. 22 мая 1923 г.	194
№ 100	
Телеграмма секретаря Дальбюро ЦК РКП(б) Н.А. Кубяка И.В. Сталину и Л.М. Карахану о несогласованности действий советских представителей в Токио и Владивостоке на переговорах с японскими рыбопромышленниками. 29 мая 1923 г.	194
№ 101	
Постановление Политбюро ЦК РКП(б) “О рыбных делах с Японией”. 31 мая 1923 г.	195
№ 102	
Записка И.В. Сталина о внесении исправлений в текст постановления Политбюро ЦК РКП(б) от 31 мая 1923 года 1 июня 1923 г.	196
№ 103	
Проект телеграфной инструкции НКВД РСФСР А.А. Иоффе с указанием согласовывать с НКВД все действия по переговорам с японцами. 3 июня 1923 г.	196
№ 104	
Записка Г.В. Чичерина в Секретариат ЦК РКП(б) о стратегическом значении Северного Сахалина для Японии и определении его стоимости. 21 июня 1923 г.	198
№ 105	
Записка ученого специалиста Наркомфина РСФСР профессора Н. Любимова “О методе оценки промысловых богатств русского Сахалина”. 27 июня 1923 г.	200
№ 106	
Объяснительная записка Н. Любимова об оценке промысловых богатств Северного Сахалина. Не позднее 27 июня 1923 г.	202
№ 107	
Записка Наркомфина РСФСР “Оценка промысловых богатств русского Сахалина”. Не позднее 29 июня 1923 г.	204
№ 108	
Записка Наркомфина РСФСР “Оценка экономических богатств русского Сахалина”. Не позднее 29 июня 1923 г.	206
№ 109	
Записка Г.В. Чичерина И.В. Сталину с просьбой заслушать в Политбюро ЦК РКП(б) доклад Н. Любимова об оценке промысловых богатств Северного Сахалина. 29 июня 1923 г.	209

№ 110

Письмо Г.В. Чичерина И.В. Сталину с предложениями комиссии ЦК РКП(б) об условиях продажи Северного Сахалина Японии. 29 июня 1923 г. 210

№ 111

Постановление Совнаркома РСФСР о внесении изменений в декрет СНК от 2 марта 1923 г. "О порядке эксплуатации рыбных и морских звериных промыслов на Дальнем Востоке". 2 июля 1923 г. 212

№ 112

Постановление Политбюро ЦК РКП(б) "Доклад Комиссии ЦК по определению экономической и стратегической ценности о. Сахалина". 12 июля 1923 г. 212

№ 113

Записка заместителя председателя Реввоенсовета СССР, начальника Штаба РККА Лебедева о мерах по демилитаризации о. Сахалина. 16 июля 1923 г. 213

№ 114

Постановление Политбюро ЦК РКП(б) "О замене тов. Иоффе". 16 июля 1923 г. 215

№ 115

Письмо Г.В. Чичерина И.В. Сталину с предложением телеграфировать А.А. Иоффе в Токио о прекращении переговоров с японцами. 17 июля 1923 г. 215

№ 116

Постановление Политбюро ЦК РКП(б) "О письме т. Иоффе". 19 июля 1923 г. 217

№ 117

Постановление Политбюро ЦК РКП(б) "О тов. Иоффе". 27 июля 1923 г. 217

№ 118

Письмо Г.В. Чичерина И.В. Сталину с протестом против вмешательства Дальбюро ЦК РКП(б) в переговоры представителей НКВД и Наркомпрода с японскими рыбопромышленниками. 5 августа 1923 г. 218

№ 119

Постановление Политбюро ЦК РКП(б) "О японских рыбопромышленниках" 9 августа 1923 г. 219

№ 120

Телеграмма секретаря ЦК РКП(б) Я.Э. Рудзутака Н.А. Кубяку о нарушении директивы относительно невмешательства в переговоры с японскими рыбопромышленниками. 14 августа 1923 г. 220

№ 121

Постановление Оргбюро ЦК РКП(б) “Предложения по докладу ответственного инструктора ЦК т. Охлопкова об обследовании Дальневосточной парторганизации”. 31 августа 1923 г. 220

№ 122

Телеграмма Н.А. Кубяка В.М. Молотову о землетрясении в Японии и направлении туда пароходов с продовольственной помощью. 3 сентября 1923 г. 221

№ 123

Записка о поступлении в редакцию газеты “Известия” пожертвованных для японских рабочих. Не позднее 4 сентября 1923 г. 221

№ 124

Постановление Политбюро ЦК РКП(б) “О Японии”. 4 сентября 1923 г. 222

№ 125

Записка Г.В. Чичерина в Политбюро ЦК РКП(б) о помощи Японии стройматериалами в связи с землетрясением. 4 сентября 1923 г. 222

№ 126

Постановление Политбюро ЦК РКП(б) “О помощи Японии”. 13 сентября 1923 г. 223

№ 127

Телеграмма А.М. Буйко И.В. Сталину и Н.А. Кубяку об отказе японского правительства принять пароход “Ленин” с продовольственной помощью. 18 сентября 1923 г. 223

№ 128

Телеграмма Хавина Г.В. Чичерину о причинах отказа японских властей принять продовольственную помощь из СССР. 18 сентября 1923 г. 224

№ 129

Телеграмма А.М. Буйко И.В. Сталину и Н.А. Кубяку о готовности вторично направить в Японию пароход “Ленин” с грузом продовольствия. 19 сентября 1923 г. 225

№ 130

Постановление Политбюро ЦК РКП(б) “О Японии”. 20 сентября 1923 г. 225

№ 131

Записка Г.В. Чичерина в Секретариат ЦК РКП(б) о позиции японского правительства в связи с намерением СССР оказать помощь японским рабочим организациям. 1 октября 1923 г. 226

№ 132

Записка Г.В. Чичерина председателю Центральной комиссии помощи Японии при ЦИК СССР П.Г. Смидовичу о направлении помощи в адрес японского правительства. 8 октября 1923 г. 228

№ 133

Записка Г.В. Чичерина в Секретариат ЦК РКП(б) о причинах отказа японских властей принять пароход “Ленин” с продовольствием для японских рабочих. 15 октября 1923 г. 229

№ 134

Записка Г.В. Чичерина в Секретариат ЦК РКП(б) о провокационных действиях некоторых членов персонала парохода “Ленин”. 25 октября 1923 г. 230

№ 135

Письмо Г.В. Чичерина И.В. Сталину о целесообразности поставить вопрос относительно возобновления переговоров с Японией в прессе. 15 декабря 1923 г. 231

1924 год

№ 136

Записка Г.В. Чичерина в Политбюро ЦК РКП(б) в связи с новыми японскими предложениями об урегулировании взаимных претензий. 24 марта 1924 г. 233

№ 137

Записка заместителя наркома иностранных дел СССР М.М. Литвинова Г.В. Чичерину о порядке урегулирования взаимных претензий между СССР и Японией. 25 марта 1924 г. 237

№ 138

Записка Г.В. Чичерина в Политбюро ЦК РКП(б) о своей позиции по урегулированию взаимных советско-японских претензий. 25 марта 1924 г. 238

№ 139

Постановление Политбюро ЦК РКП(б) “Предложение Японии”. 27 марта 1924 г. 240

№ 140

Письмо Л.М. Карахана Г.В. Чичерину о переговорах с К. Иосидзавой относительно заключения советско-японского соглашения о выводе японских войск с территории СССР и взаимных компенсациях. 20 мая 1924 г. 241

№ 141

Записка Г.В. Чичерина в Политбюро ЦК РКП(б) о необходимости ускорения переговоров с Японией на основе реальных уступок. 9 июня 1924 г. 248

№ 142

Постановление Политбюро ЦК РКП(б) “О Японии”. 12 июня 1924 г. 250

№ 143

Постановление Политбюро ЦК РКП(б) “О Японии”. 19 июня 1924 г. 252

№ 144

Проект решения комиссии Л.Б. Красина, Г.Л. Пятакова и Г.В. Чичерина о соглашении с японцами. 21 июня 1924 г. 252

№ 145

Постановление Политбюро ЦК РКП(б) “О Японии”. 27 июня 1924 г. 254

№ 146

Японский проект “Конвенции, охватывающей основные правила отношений между Японией и СССР”, с примечаниями НКВД СССР. 4 августа 1924 г. 255

№ 147

Протокол А к проекту “Конвенции, охватывающей основные правила отношений между Японией и СССР”, по вопросам собственности и долгов сторон с примечаниями НКВД СССР. 4 августа 1924 г. 258

№ 148

Телеграмма Л.М. Карахана в НКВД СССР с японским вариантом Протокола Б о концессиях Японии на Северном Сахалине. 9 августа 1924 г. 260

№ 149

Записка Г.В. Чичерина И.В. Сталину о необходимости скорейшего рассмотрения японских предложений по концессиям на Сахалине. 9 августа 1924 г. 262

№ 150

Письмо члена Главконцесскома СССР А.Е. Минкина Г.В. Чичерину о переговорах с представителем американской компании Синклера в связи с ее намерением войти в соглашение с японцами. 9 августа 1924 г. 263

№ 151

Письмо Г.В. Чичерина в Политбюро ЦК РКП(б) о желательности контроля за переговорами японцев с компанией Синклера со стороны Л.М. Карахана. 11 августа 1924 г. 264

№ 152

Записка А.Е. Минкина Г.В. Чичерину о неприемлемости японских условий концессионирования Северного Сахалина. 12 августа 1924 г. 265

№ 153

Постановление Политбюро ЦК РКП(б) “О переговорах с Японией”. 14 августа 1924 г. 266

№ 154

Телеграмма Л.М. Карахана в НКВД СССР о нежелательности привлечения Синклера к переговорам с японцами о концессиях на Сахалине. 15 августа 1924 г. 267

№ 155

Письмо Л.М. Карахана Г.В. Чичерину о неприемлемости условий Протокола Б и о возможности разрешить японские работы на Северном Сахалине только в незначительном масштабе. 25 августа 1924 г. 268

№ 156

Письмо Главконцесскома СССР в Политбюро ЦК РКП(б) о возможных условиях получения Японией нефтяных и угольных концессий на Северном Сахалине. 3 сентября 1924 г. 272

№ 157

Записка Г.В. Чичерина в Политбюро ЦК РКП(б) о переговорах Л.М. Карахана и К. Иосидзавы относительно продолжения работ на японских сахалинских промыслах. 7 сентября 1924 г. 273

№ 158

Постановление Политбюро ЦК РКП(б) "О Японии". 11 сентября 1924 г. 275

№ 159

Письмо Л.М. Карахана Г.В. Чичерину о ходе переговоров с японцами по заключению концессионного контракта. 27 сентября 1924 г. 275

Приложение. Заявление К. Иосидзавы о возможном прекращении переговоров о концессиях в случае запрещения буровых работ по добыче угля и нефти до заключения договора. 16 сентября 1924 г. 280

№ 160

Японский проект статей "Конвенции, охватывающей основные правила отношений между Японией и СССР", о взаимных долгах и претензиях с примечанием НКВД СССР. 27 сентября 1924 г. 282

№ 161

Записка Г.В. Чичерина в Политбюро ЦК РКП(б) с оценкой новых японских предложений о сроках нефтяной концессии, площади нефтедобычи и отчислениях с прибыли. 28 сентября 1924 г. 283

Приложение. Телеграмма Л.М. Карахана Г.В. Чичерину с изложением принципов нового японского проекта концессионного договора. 28 сентября 1924 г. 284

№ 162

Записка Г.В. Чичерина в Политбюро ЦК РКП(б) о предоставлении японцам максимальных уступок по нефтяной концессии в связи с необходимостью скорейшего вывода японских войск с территории СССР. 29 сентября 1924 г. 285

№ 163

Записка А.Е. Минкина в Политбюро ЦК РКП(б) о нежелательности уступок японцам при предоставлении им нефтяной концессии. 30 сентября 1924 г. 288

№ 164

Записка Г.В. Чичерина с предложениями уступок японцам при предоставлении им нефтяной концессии. 1 октября 1924 г. 289

№ 165

Телеграмма Л.М. Карахана в НКВД СССР с запросом о размерах отчислений с добычи нефти на японских концессиях. 1 октября 1924 г. 290

№ 166

Постановление Политбюро ЦК РКП(б) "О Японии" 2 октября 1924 г. 291

№ 167

Письмо Г.В. Чичерина В.М. Молотову с просьбой уточнить срок действия японских концессий на добычу угля и нефти. 6 октября 1924 г. 291

№ 168

Постановление Политбюро ЦК РКП(б) "О Японии". 9 октября 1924 г. 292

№ 169

Постановление Политбюро ЦК РКП(б) "Об Англии". 11 октября 1924 г. 292

№ 170

Японский проект дополнительной ноты правительства СССР с извинениями за николаевский инцидент 1920 года и с примечанием НКВД СССР. Не позднее 13 октября 1924 г. 293

№ 171

Записка Г.В. Чичерина в Политбюро ЦК РКП(б) о рассылке нового японского проекта советско-японской конвенции. 13 октября 1924 г. 293

№ 172

Записка Г.В. Чичерина в Политбюро ЦК РКП(б) о возможном принятии новой японской редакции абзаца о наибольшем благоприятствовании в тексте советско-японской конвенции. 14 октября 1924 г. 294

№ 173

Отзыв врид. зампредреввоенсовета СССР И.С. Уншлихта на проект конвенции между СССР и Японией. 16 октября 1924 г. 295

№ 174

Постановление Политбюро ЦК РКП(б) "О конвенции с Японией". 16 октября 1924 г. 297

№ 175

Записка Г.В. Чичерина в Политбюро ЦК РКП(б) о реакции заинтересованных учреждений на предложение Японии о передаче ей в концессию 40% нефтеносных площадей. 21 октября 1924 г. 298

Приложение. Формула К. Иосидзавы о предоставлении Японии 40% нефтяных площадей Северного Сахалина в концессию и преимущественного права на разработку остальных сдаваемых иностранцам нефтеучастков. 17 октября 1924 г. 299

№ 176	Письмо Главконцесскома СССР Г.В. Чичерину о необходимости выяснения состояния нефтедобычи на Северном Сахалине. 21 октября 1924 г.	300
№ 177	Письмо Г.В. Чичерина Л.М. Карахану о позиции советских учреждений в связи с японской нефтедобычей на Северном Сахалине. 21 октября 1924 г.	301
№ 178	Постановление Политбюро ЦК РКП(б) “О Японии”. 23 октября 1924 г.	303
№ 179	Постановление Политбюро ЦК РКП(б) “О Японии”. 13 ноября 1924 г.	303
№ 180	Письмо Л.М. Карахана Г.В. Чичерину об осложнениях в ходе переговоров с Японией ввиду разногласий в японском правительстве. 28 ноября 1924 г.	304
№ 181	Записка Г.Л. Пятакова в Политбюро ЦК РКП(б) о распределении сдаваемых в концессию японцам нефтяных участков. 18 декабря 1924 г.	306
№ 182	Телеграмма Л.М. Карахана в НКВД СССР о достижении договоренностей с японцами по некоторым статьям концессионного соглашения и о затруднениях с эвакуацией японских войск из Северного Сахалина. 27 и 29 декабря 1924 г.	307
№ 183	Телеграмма Л.М. Карахана в НКВД СССР о японском варианте основ концессионного контракта и о готовности Токио эвакуировать свои войска весной 1925 года. 28 декабря 1924 г.	309
№ 184	Записка Г.В. Чичерина в Политбюро ЦК РКП(б) о согласии с условиями учреждения японских концессий на Северном Сахалине и о возражениях против новой японской редакции статьи об антиправительственной пропаганде. 31 декабря 1924 г.	313

1925 год

№ 185	Записка Г.В. Чичерина в Политбюро ЦК РКП(б) и коллегия НКВД СССР о работе японской радиостанции на Северном Сахалине и порядке эвакуации оттуда японских войск. 1 января 1925 г.	318
		749

№ 186	
Постановление Политбюро ЦК РКП(б) “О Японии”. 3 января 1925 г.	319
№ 187	
Письмо Г.В. Чичерина М.В. Фрунзе о сроках вывода японских войск с Северного Сахалина. 9 января 1925 г.	320
№ 188	
Постановление Политбюро ЦК РКП(б) “Об Японии”. 15 января 1925 г.	321
№ 189	
Письмо полпреда СССР в Китае Л.М. Карахана К. Иосидзаве с запросом о позиции Японии относительно ратификации Бессарабского протокола 1920 года. 20 января 1925 г.	321
№ 190	
Письмо К. Иосидзавы Л.М. Карахану о намерении Японии не ратифицировать Бессарабский протокол до его ратификации европейскими державами. 20 января 1925 г.	322
№ 191	
Проект интервью Г.В. Чичерина в связи с заключением Пекинской конвенции. 20 января 1925 г.	322
№ 192	
Письмо Л.М. Карахана Г.В. Чичерину о выработке окончательного текста советско-японской конвенции и мерах по ее реализации. 25 января 1925 г.	325
№ 193	
Записка Г.В. Чичерина в Политбюро ЦК РКП(б) об изменениях условий Пекинской конвенции в пользу СССР и необходимости ее скорейшей ратификации. 8 февраля 1925 г.	330
№ 194	
Письмо Г.В. Чичерина И.В. Сталину о сроке назначения полпреда СССР в Японии. 8 февраля 1925 г.	331
№ 195	
Письмо полпреда СССР в Австрии А.А. Иоффе И.В. Сталину о целесообразности своего назначения полпредом в Японию. 11 февраля 1925 г.	332
№ 196	
Постановление Политбюро ЦК РКП(б) “О Японии” 12 февраля 1925 г.	336
№ 197	
Письмо Л.М. Карахана Г.В. Чичерину о мерах по реализации Пекинской конвенции. 15 февраля 1925 г.	337

№ 198

Записка Г.В. Чичерина в Политбюро ЦК РКП(б) о неприемлемости кандидатуры А.А. Иоффе в качестве полпреда в Японии. 17 февраля 1925 г. 343

№ 199

Постановление Политбюро ЦК РКП(б) “О полпреде в Японии”. 25 февраля 1925 г. 344

№ 200

Письмо Г.В. Чичерина М.В. Фрунзе об отказе японцев разместить советскую Полномочную комиссию по принятию Северного Сахалина в Александровске. 2 апреля 1925 г. 344

№ 201

Запись беседы Г.В. Чичерина с поверенным в делах Японии в СССР Н. Сато в связи с назначением японского посла в СССР Т. Танаки и направлением в Токио советского торгпреда. 20 апреля 1925 г. 345

№ 202

Запись беседы Г.В. Чичерина с Т. Танакой о советско-японских отношениях. 14 июля 1925 г. 348

№ 203

Записка Г.В. Чичерина В.М. Молотову об оказании помощи Корею в связи с наводнением. 20 июля 1925 г. 350

№ 204

Постановление Политбюро ЦК РКП(б) “О Корею”. 22 июля 1925 г. 350

№ 205

Постановление Политбюро ЦК РКП(б) “О заговоре против японского посла в Москве”. 23 июля 1925 г. 351

№ 206

Стенограмма заседания комиссии Главконцесскома СССР и представителей японских нефтяных компаний об условиях получения ими нефтяных концессий на Северном Сахалине. 17 августа 1925 г. 351

№ 207

Стенограмма заседания комиссии Главконцесскома СССР и представителей японских угольных компаний об условиях получения ими концессий на Северном Сахалине. 18 августа 1925 г. 367

№ 208

Стенограмма заседания комиссии Главконцесскома СССР и представителей японских угольных компаний по вопросам налогообложения концессионеров и найма рабочей силы. 21 августа 1925 г. 386

№ 209

Постановление Политбюро ЦК РКП(б) “О невыполнении Дальревкомом решения ГКК о предоставлении японцам права вывоза угля и ввоза продовольствия на Северном Сахалине”. 22 августа 1925 г. 402

№ 210

Записка Г.В. Чичерина в Политбюро ЦК РКП(б) о переговорах с МИД Японии относительно экстерриториальности помещений торгпредства СССР в Токио. 22 августа 1925 г. 403

№ 211

Стенограмма заседания комиссии Главконцесскома СССР и представителей японских нефтяных компаний о разведке месторождений на Северном Сахалине. 24 августа 1925 г. 408

№ 212

Письмо заместителя председателя Главконцесскома СССР А.А. Иоффе в Политбюро ЦК РКП(б) о ходе переговоров с японскими концессионерами. 25 августа 1925 г. 425

№ 213

Стенограмма заседания комиссии Главконцесскома СССР и представителей японских угольных компаний об условиях выделения лесных участков и перевозки угля. 25 августа 1925 г. 426

№ 214

Записка Г.В. Чичерина в Политбюро ЦК РКП(б) с изложением позиции НКВД СССР о японских концессиях на Северном Сахалине. 26 августа 1925 г. 445

№ 215

Постановление Политбюро ЦК РКП(б) "О торгпредстве в Японии". 27 августа 1925 г. 447

№ 216

Записка Г.В. Чичерина членам Политбюро ЦК РКП(б), коллегии НКВД СССР и А.А. Иоффе об отмене запрета Дальревкома на вывоз японцами угля из Северного Сахалина. 27 августа 1925 г. 448

№ 217

Стенограмма заседания комиссии Главконцесскома СССР и представителей японских нефтяных компаний о разведке нефтяных участков и долевых отчислениях с добываемой нефти. 28 августа 1925 г. 449

№ 218

Стенограмма заседания комиссии Главконцесскома СССР и представителей японских угольных компаний с обсуждением формулировок проекта концессионного договора. 31 августа 1925 г. 466

№ 219

Стенограмма заседания комиссии Главконцесскома СССР и представителей японских нефтяных компаний по вопросам налогообложения, вырубке леса и транспортировки нефти. 1 сентября 1925 г. 473

№ 220

Стенограмма заседания комиссии Главконцесскома СССР и представителей японских нефтяных компаний по проекту соглашения о концессии на Северном Сахалине. 2 сентября 1925 г. 489

№ 221

Письмо А.А. Иоффе Г.В. Чичерину по вопросу сдачи в концессию японцам нефтяных и угольных промыслов Стахеева на Северном Сахалине. 9 сентября 1925 г.

513

№ 222

Стенограмма заседания комиссии Главконцесскома СССР и представителей японских нефтяных компаний по вопросу имущества нефтяной концессии на Северном Сахалине. 11 сентября 1925 г.

515

№ 223

Записка полпреда СССР в Японии В.Л. Коппа И.В. Сталину о целесообразности финансовой поддержки С.Гото на выборах в парламент Японии. 15 сентября 1925 г.

538

№ 224

Стенограмма заседания комиссии Главконцесскома СССР и представителей японских угольных компаний о сроках предоставления концессий и долевых отчислениях. 16 сентября 1925 г.

542

№ 225

Стенограмма заседания комиссии Главконцесскома СССР и представителей японских угольных компаний об условиях концессионного договора относительно размеров долевых отчислений с добычи угля на Северном Сахалине. 21 сентября 1925 г.

557

№ 226

Стенограмма заседания комиссии Главконцесскома СССР и представителей японских нефтяных компаний с обсуждением статей концессионного договора о размерах нефтяных участков и ценах на нефть. 22 сентября 1925 г.

581

№ 227

Стенограмма заседания комиссии Главконцесскома СССР и представителей японских угольных компаний по вопросам продажи и перевозки сахалинского угля. 23 сентября 1925 г.

595

№ 228

Запись беседы Г.В. Чичерина с Т. Танакой о продлении сроков концессионных переговоров, предложении Японии заключить рыболовную конвенцию и прекращении охраны японского посла в Москве. 23 сентября 1925 г.

615

№ 229

Стенограмма заседания комиссии Главконцесскома СССР и представителей японских нефтяных компаний об уточнении условий договора относительно прав и имущества концессионеров. 24 сентября 1925 г.

616

№ 230

Стенограмма заседания комиссии Главконцесскома СССР и представителей японских нефтяных компаний по уточнению формулировок концессионного договора. 25 сентября 1925 г.

640

753

№ 231

Стенограмма заседания комиссии Главконцесскома СССР и представителей японских угольных компаний об условиях концессионного договора по отводу лесосек и найму рабочих. 28 сентября 1925 г.

653

№ 232

Стенограмма заседания комиссии Главконцесскома СССР и представителей японских нефтяных компаний об условиях отвода лесосек и найма рабочих. 29 сентября 1925 г.

670

№ 233

Письмо генерального секретаря Профинтерна Л. Лозовского в Политбюро ЦК РКП(б) с предложением выразить протест против преследования японскими властями членов делегации ВЦСПС. 19 октября 1925 г.

692

№ 234

Записка М.М. Литвинова И.В. Сталину в связи с отказом Японии предоставить торгпредству СССР в Токио право экстерриториальности и занятия коммерческой деятельностью. 9 ноября 1925 г.

693

№ 235

Постановление коллегии НКВД и Наркомвнешторга СССР об открытии в Токио временного торгпредства СССР и направлении туда в качестве торгпреда коммерческого советника полпредства. Не позднее 9 ноября 1925 г.

694

№ 236

Телеграмма В.Л. Коппа М.М. Литвинову о мерах по укреплению дружественных отношений СССР с японскими деловыми и общественными кругами. 10 ноября 1925 г.

695

№ 237

Записка члена коллегии Наркомвнешторга СССР Я.Д. Янсона в ЦК РКП(б) и Наркомвнешторг о нецелесообразности направления его в Японию в качестве коммерческого атташе. 11 ноября 1925 г.

696

№ 238

Постановление Политбюро ЦК РКП(б) "О торгпредстве в Японии". 12 ноября 1925 г.

697

№ 239

Телеграмма В.Л. Коппа члену коллегии НКВД СССР С.И. Аралову о японских предложениях относительно статуса и функций торгпредства СССР в Японии. 20 ноября 1925 г.

697

№ 240

Постановление Политбюро ЦК РКП(б) "Вопросы НКВД. Вопросы Киткомиссии". 3 декабря 1925 г.

699

№ 241

Проект постановления Политбюро ЦК РКП(б), предложенный Н.И. Бухариным, о характере освещения в прессе политики СССР в Китае и советско-японских отношений. 3 декабря 1925 г.

700

№ 242

Справка заместителя заведующего отделом проведения договоров Главконцесскома СССР М. Япольского об условиях концессионного договора с японским концерном “Общество северосахалинских угольных предприятий” (“Кита Сагарен Секитан Кигио Кумиай”). Не позднее 7 декабря 1925 г.

701

№ 243

Справка М. Япольского об условиях концессионного договора с японским концерном “Ассоциация северосахалинских нефтяных предприятий” (“Кита Сагарен Секию Кигио Кумиай”). Не позднее 7 декабря 1925 г.

706

№ 244

Справка М. Япольского об условиях концессионного договора с японским обществом “Сакай Кумиай” на разведку и добычу каменного угля на Северном Сахалине. Не позднее 7 декабря 1925 г.

713

№ 245

Постановление СНК СССР о заключении концессионного договора с японским концерном “Ассоциация северосахалинских нефтяных предприятий” (“Кита Сагарен Секию Кигио Кумиай”) на добычу нефти на Северном Сахалине. 8 декабря 1925 г.

714

№ 246

Постановление СНК СССР о заключении концессионного договора с японским концерном “Общество северосахалинских угольных предприятий” (“Кита Сагарен Секитан Кигио Кумиай”) на добычу нефти на Северном Сахалине. 8 декабря 1925 г.

715

№ 247

Постановление СНК СССР о заключении концессионного договора с японским обществом “Сакай Кумиай” на добычу каменного угля на Северном Сахалине. 8 декабря 1925 г.

715

№ 248

Записка председателя СНК СССР А.И. Рыкова в Политбюро ЦК РКП(б) с просьбой утвердить концессионные договоры с японскими компаниями на добычу нефти и угля на Северном Сахалине. 9 декабря 1925 г.

716

№ 249

Справка Главконцесскома СССР об условиях заключения концессионных договоров с японскими компаниями на добычу нефти и угля на Северном Сахалине. Не позднее 9 декабря 1925 г.

717

№ 250

Постановление Политбюро ЦК РКП(б) “О концессиях на Северном Сахалине”. 10 декабря 1925 г.

719

755

№ 251	
Письмо В.Л. Коппа С.И. Аралову о позиции министра иностранных дел Японии К. Сидэхары относительно статуса и прав торгпредства СССР в Токио. 10 декабря 1925 г.	719
№ 252	
Проект устава торгпредства СССР в Токио, предложенный Сидэхарой. Не позднее 10 декабря 1925 г.	720
№ 253	
Записка инспектора Отдела наблюдения Главконцесскома СССР Аскинази о выделении японскому “Обществу северосахалинской нефти” территории на Северном Сахалине для разведки и добычи нефти. Не ранее 14 декабря 1925 г.	722
№ 254	
Запись беседы С.И. Аралова с Т. Танакой в связи с усилением японских войск в Маньчжурии. 15 декабря 1925 г.	723
Список основных сокращений	725
Summary	727
Указатель имен	728

Москва – Токио : политика и дипломатия Кремля. 1921–1931 годы : сборник документов в 2 кн. / отв. ред. Г.Н. Севостьянов : Ин-т всеобщ. истории РАН ; Ин-т рос. истории РАН. – М. Наука, 2007. – ISBN 978-5-02-035557-6.

Кн. 1 : 1921–1925. – 757 с. – ISBN 978-5-02-035558-3 (в пер.).

В сборнике представлены документы из Архива Президента Российской Федерации по истории советско-японских отношений в 1920-е годы – с завершающей стадии военной интервенции Японии на Дальнем Востоке до вторжения японских войск в Маньчжурию в сентябре 1931 г. Публикуемый материал раскрывает механизм выработки и принятия политических решений в отношении Японии высшими органами советской власти – прежде всего Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б), а также различными ведомствами – в основном Народным комиссариатом иностранных дел.

В первую книгу включены документы за 1921–1925 гг. В них речь идет о политике Кремля, направленной на прекращение японской военной интервенции в Приморье и Приамурье в 1921–1922 гг.; эвакуации японских войск с Северного Сахалина, завершившейся только в мае 1925 г.; установлении дипломатических отношений между Москвой и Токио в 1925 г.; предоставлении нефтяных и угольных концессий японцам на Северном Сахалине.

Для историков, политологов и широкого круга читателей.

Темплан 2007-II-362

Научное издание

Москва – Токио

**Политика
и дипломатия Кремля
1921–1931**

Сборник документов

В двух книгах

Книга 1

1921–1925

*Утверждено к печати
Ученым советом
Института всеобщей истории
Российской академии наук*

Зав. редакцией Н.Л. Петрова
Редактор В.М. Черемных
Художник В.Ю. Яковлев
Художественный редактор Т.В. Болотина
Технический редактор З.Б. Павлюк
Корректоры Р.В. Молоканова, Е.Л. Сысоева,
Т.И. Шеповалова

Подписано к печати 25.06.2007
Формат 60 × 90 1/16. Гарнитура Таймс
Печать офсетная
Усл.печ.л. 47,5. Усл.кр.-отт. 47,5. Уч.-изд.л. 43,4
Тираж 560 экз. (РГНФ – 300 экз.). Тип. зак. 4269

Издательство “Наука”
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90
E-mail: secret@naukaran.ru
www.naukaran.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГУП “Типография “Наука”
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

